
SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго, Могилевская, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 8-ая. — АВГУСТЪ, 1869.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиковъ на правила подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоумѣній и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА VI*).

ЗОЛОТО ВСЕМУ ПРИДАЕТЪ БЛЕСКЪ.

Является посѣтитель и осматриваетъ домъ, садъ, паркъ, оранжереи и конюшни. «Кому все это принадлежитъ?» въ изумленіи спрашиваетъ онъ, и получаетъ въ отвѣтъ: «Американцу загадочнаго происхожденія».

Проходя по своимъ владѣніямъ, Зонненкампъ на нихъ смотрѣлъ глазами посторонняго человѣка. Въ его мысляхъ настоящее отодвинулось назадъ, собственная личность какъ-то стушевалась и ему казалось, что человѣкъ, все это построившій, насадившій и взраcтившій, уже давно исчезъ съ лица земли.

Зонненкампъ провелъ рукой по лбу и сдѣлалъ усиліе, чтобъ выдти изъ этого страннаго и тяжелаго состоянія. Что̀ за сила его такимъ образомъ внезапно очаровала и какъ бы заставила сложить съ себя собственную личность? Неужели причину этого необычайнаго волненія слѣдовало искать исключительно въ благородной гордости, съ какой одинокая, почти нищая женщина отвергла его блестящее предложеніе?

— Но я еще существую! внезапно воскликнулъ онъ, точно пробуждаясь отъ сна. Я живу, и хочу жить, и всѣ они еще послужатъ мнѣ.

Онъ окинулъ взглядомъ деревья парка. Они стояли непо-

*) См. въ 1868 г: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225; апр. 812; май, 275; іюнь, 473; іюль, 5 стр. и слѣд.

движно, сіяя бѣлизной отъ покрывавшаго ихъ инея, и все вокругъ было такъ ясно и тихо, что Зонненкампъ невольно притаилъ дыханіе изъ опасенія нарушить этотъ дивный покой природы.

Онъ приказалъ привести къ себѣ двухъ ньюфаундленскихъ собакъ, которыя, во время пребыванія его на виллѣ, всегда неотлучно при немъ находились. Собаки съ радостнымъ лаемъ бросились къ своему хозяину, и начали къ нему ласкаться. Зонненкампъ улыбнулся. На свѣтѣ все-таки есть существа, которыя его любятъ и рады съ нимъ свидѣться. Собаки безспорно составляютъ лучшее твореніе Божіе. Зонненкампъ въ сопровожденіи ихъ обошелъ огородъ и фруктовый садъ. Здѣсь къ нему вернулось сознаніе его силы и онъ самодовольно смотрѣлъ на подстриженныя деревья, тщательно окутанныя отъ холода, какъ будто бы они были рѣдкія произведенія искусства. Съ какою гордостью перенесъ бы ихъ Зонненкампъ къ себѣ въ столицу и показалъ бы ихъ тамъ своимъ гостямъ.

Гостямъ! Но будутъ ли у него гости? Согласятся ли они къ нему пріѣхать и не обратится ли ему въ стыдъ праздникъ, который онъ такъ торжественно оповѣстилъ по всему городу? Вѣтви фруктовыхъ деревьевъ покорно повинуются его волѣ и принимаютъ именно то направленіе, какое онъ желаетъ имъ дать,— зачѣмъ это люди такъ упорны и не позволяютъ по произволу собой распоряжаться? Вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ умѣ Зонненкампа и вызвала на его лицо улыбку. Въ то время въ обществѣ много толковали объ одной пѣвицѣ, которая приводила въ восторгъ весь Парижъ. Зонненкампъ порѣшилъ, чего бы это ему ни стоило, выписать ее для своего вечера и заключить съ ней такого рода условіе, чтобъ она нигдѣ не могла пѣть, кромѣ его дома и развѣ только, въ крайнемъ случаѣ, при дворѣ. Онъ надѣялся привлечь къ себѣ столичное общество обѣщаніемъ такого развлеченія, какого оно не могло нигдѣ встрѣтить, кромѣ его салона.

Зонненкампъ приказалъ увести собакъ, которыя вслѣдствіе этого подняли страшный лай и визгъ. «Визжите сколько хотите, а васъ все-таки уведутъ, подумалъ онъ: хорошо бы постоянно имѣть около себя только такого рода тварей, которыхъ можно по произволу къ себѣ призывать, забавляться ими, а когда они надоѣдятъ, немедленно ихъ отъ себя прогонять».

Зонненкампъ поѣхалъ на телеграфную станцію и послалъ телеграмму къ своему парижскому повѣренному въ дѣлахъ. Отвѣтъ онъ велѣлъ адресовать къ себѣ въ столицу. Это его успокоило и возвратило ему обычное самообладаніе. Въ высшей степени довольный своей изобрѣтательностью, онъ покинулъ виллу

Эдемъ, гордый сознаніемъ собственнаго превосходства и исполненный презрѣнія ко всему міру.

Отвѣтъ пришелъ въ тотъ же вечеръ: пѣвица приняла приглашеніе,—согласилась на всѣ условія и собиралась въ столицу. Пранкенъ присутствовалъ при чтеніи этой телеграммы.

Зонненкампъ, желая, чтобъ извѣстіе о пріѣздѣ пѣвицы какъ можно скорѣе распространилось въ обществѣ, намѣревался объявить о немъ въ придворной газетѣ. Но Пранкенъ совѣтовалъ лучше частнымъ образомъ сообщить эту новость тѣмъ и другимъ изъ знакомыхъ, которые въ свою очередь не замедлятъ разгласить ее по всему городу. Онъ самъ взялся немедленно подѣлиться пріятнымъ и необычайнымъ извѣстіемъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по военному казино.

Пѣвица пріѣхала и оказалась гораздо болѣе дѣйствительной приманкой, нежели могла бы быть профессорша.

Наканунѣ праздника явилась Белла и съ жаромъ выразила свое желаніе, чтобъ все удалось, какъ нельзя лучше.

И дѣйствительно праздникъ вполнѣ удался. На немъ, кромѣ популярнаго принца съ супругой и американскаго генеральнаго консула съ женой и двумя дочерьми, присутствовало все высшее общество столицы. Приглашенные наперерывъ старались выразить свое удовольствіе и благодарность за всѣ чудеса, какія имъ привелось видѣть. Только Церера была не въ духѣ отъ того, что удивительное искусство пѣвицы затмило роскошь ея наряда. Гости толпой стояли вокругъ пѣвицы, съ которой принцъ Леонгардъ проговорилъ съ добрыхъ полчаса, тогда какъ ей, Церерѣ, всего сказалъ нѣсколько словъ.

Зонненкампъ торжествовалъ. Онъ скромно принималъ похвалы и благодарности, но въ душѣ съ презрѣніемъ думалъ:

— Горсть золота все можетъ сдѣлать. Золото доставляетъ почести и общественное положеніе: нѣтъ въ мірѣ вещи, которую нельзя бы было за него купить!

На слѣдующій день въ столицѣ было много толковъ о праздникѣ, подобнаго которому никто не помнилъ. Но съ другой стороны не менѣе говорили и о смерти молодого мужа фрейленъ фонъ-Эндлихъ. Извѣстіе объ этомъ печальномъ событіи пришло еще наканунѣ, но его нарочно задержали, чтобъ не лишить многочисленную родню гофмаршала удовольствія присутствовать на праздникѣ Зонненкампа.

Вечеромъ въ газетѣ, редакторомъ которой былъ профессоръ Крутіусъ, появилось описаніе этого праздника, ловко перемѣшанное съ извѣстіемъ о смерти сына гофмаршала. Часть блеска такимъ образомъ была отнята у Зонненкампа и онъ, въ

присутствіи Пранкена, выразилъ мысль, что не дурно было бы бросить горсть золота и этому бѣднягѣ редактору.

Пранкенъ возсталъ противъ этого, находя предосудительными всякія, даже самыя отдаленныя сношенія съ коммунистами, какъ онъ безразлично называлъ всѣхъ членовъ оппозиціонной партіи.

Зонненкампъ не возражалъ, но минуту спустя, обратясь къ Эриху, припомнилъ ему, какъ онъ уже однажды черезъ него посылалъ этому человѣку помощь. Если профессоръ Крутіусъ опять нуждается, онъ, Зонненкампъ, не прочь ему вторично ссудить болѣе или менѣе значительную сумму, лишь бы капитанъ Дорнэ снова взялся быть между ними посредникомъ.

Эрихъ отказался.

Пѣвицу не приглашали пѣть ко двору, найдя это не удобнымъ послѣ того, какъ она уже прежде показала образчикъ своего искусства въ частномъ домѣ. Она уѣхала и вскорѣ ея пѣніе и праздникъ, на которомъ она блистала, ровно изгладились изъ памяти столичнаго общества. Зонненкампу пришлось перенести большое горе: его обошли приглашеніемъ на придворный балъ. Тутъ онъ окончательно убѣдился, что герцогъ былъ къ нему очень дурно расположенъ, помня, какъ онъ, послѣ представленія французской пьесы, неловко затронулъ вопросъ, котораго слѣдовало касаться не иначе, какъ весьма осторожно. Пранкенъ съ злобной радостью довелъ это до свѣдѣнія Зонненкампа, надѣясь, что тотъ теперь не будетъ дѣлать ни шагу, предварительно не посовѣтовавшись съ нимъ.

Вечеръ, назначенный для бала при дворѣ, былъ однимъ изъ самыхъ тягостныхъ для Зонненкампа. Два аристократическія семейства, пріѣхавшія изъ своихъ помѣстьевъ для того, чтобъ присутствовать на этомъ празднествѣ, какъ нарочно остановились въ гостинницѣ «Викторіи». Зонненкампъ съ затаенной досадой смотрѣлъ на ихъ сборы и отъѣздъ ко двору. Ему стоило не мало труда угомонить Цереру, которая требовала немедленнаго возвращенія на виллу. Она согласилась ѣхать въ столицу и жить тамъ, потому только, что надѣялась быть приглашенной ко двору. Теперь же, когда ея надежды рушились, ей болѣе ничего не оставалось здѣсь дѣлать.

Въ этотъ вечеръ семейство Зонненкампа было лишено даже обычнаго общества совѣтницы, которая еще наканунѣ объявила, что къ сожалѣнію непремѣнно должна будетъ явиться ко двору. Самъ Зонненкампъ, Церера и Роландъ печально сидѣли въ обширныхъ залахъ гостинницы. Въ эти часы невольнаго уединенія Эриху снова удалось найти доступъ къ сердцу своего воспитан-

ника. Мальчикъ тоже сильно досадовалъ на нанесенное имъ всѣмъ оскорбленіе и молча слушалъ о чемъ говорили около него. Вдругъ глаза его широко раскрылись и онъ пристально устремилъ ихъ на Эриха, который старался внушить ему, что всѣ почести въ мірѣ не имѣютъ никакого значенія тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія собственнаго достоинства. Отсутствіе этого сознанія даетъ себя больно чувствовать въ минуты одиночества, а подобная зависимость отъ другихъ людей, болѣе нежели что-либо, дѣлаетъ изъ человѣка раба.

При словѣ «рабъ» Роландъ весь встрепенулся и напомнилъ Эриху обѣщаніе познакомить его съ состояніемъ рабства у различныхъ народовъ древняго и новаго міра. Эрихъ былъ не мало удивленъ тѣмъ, что мальчикъ, несмотря на всѣ развлеченія, посреди которыхъ жилъ послѣднее время, еще не забылъ думать о вопросахъ, занимавшихъ его во время пребыванія на виллѣ. Онъ обѣщался по возвращеніи на дачу дать ему всѣ объясненія, какія онъ пожелаетъ.

Зонненкампъ съ трудомъ скрывалъ свое недовольство, понимая, что еслибъ высказалъ его, то придалъ бы еще болѣе значенія оказанному ему пренебреженію. Онъ продолжалъ осыпать изъявленіями дружбы совѣтницу и ея семейство, все еще не теряя надежды что-нибудь извлечь изъ своихъ близкихъ отношеній съ ними. Не даромъ же онъ далъ имъ такую большую взятку и неужели онъ послѣ всего допуститъ себя еще остаться въ дуракахъ?

Молодого кадета Зонненкампъ сдѣлалъ шпіономъ своего сына, давалъ ему много золота съ тѣмъ, чтобы онъ завлекалъ Роланда въ общество игроковъ, а потомъ передавалъ ему, какъ мальчикъ себя тамъ ведетъ. Зонненкампъ былъ не мало удивленъ, узнавъ отъ кадета, что Роландъ постоянно и съ большимъ упорствомъ отказывался отъ игры, ссылаясь на обѣщаніе, которое далъ Эриху никогда не прикасаться къ картамъ.

Зонненкампъ готовъ былъ по этому поводу высказать Эриху всю свою благодарность, но потомъ счелъ за лучшее сдѣлать видъ, будто ничего не знаетъ. Когда Белла пришла за Эрихомъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ музей древностей, Зонненкампъ просилъ ее не упоминать при женѣ о придворномъ праздникѣ. Ему наконецъ удалось успокоить Цереру и теперь не слѣдовало ее болѣе волновать.

Эрихъ взялъ съ собою въ музей Роланда. Белла хорошо поняла, для чего онъ это сдѣлалъ, но не подала ни малѣйшаго повода думать, что общество мальчика было ей на этотъ разъ не вполнѣ пріятно.

На пути въ музей имъ попался на встрѣчу русскій князь. Белла приказала кучеру остановиться и пригласила молодого иностранца къ себѣ въ карету. Она надѣялась, что съ помощью его имъ удастся раздѣлиться на двѣ пары: князь будетъ ходить по заламъ музея съ Роландомъ, а она съ Эрихомъ. Но графиня жестоко ошиблась въ своемъ разсчетѣ: Эрихъ ни на шагъ не отпускалъ отъ себя Роланда.

Они съ особеннымъ вниманіемъ разсматривали группу Ніобеи. Белла въ шутку утверждала, что педагогъ, старающійся защитить мальчика отъ стрѣлы, имѣетъ русскій типъ. Напрасно доказывалъ Эрихъ, что этотъ педагогъ, въ сущности рабъ, скиѳскаго происхожденія, имѣлъ обязанностью не учить мальчика, а только провожать его въ школу и на гулянье. Графиня ничего не слушала и продолжала упорно стоять на своемъ. Далѣе Эрихъ обратилъ вниманіе своихъ спутниковъ на то, какъ занимающая середину группы дѣвочка прижимается къ матери и въ ея объятіяхъ ищетъ защиты отъ стрѣлъ, между тѣмъ какъ мальчикъ, простирая руки въ пустое пространство, старается самъ себя оградить отъ угрожающей опасности. Роландъ слушалъ молча съ лицомъ не менѣе блѣднымъ, чѣмъ мраморъ, на который онъ пристально смотрѣлъ. Въ глазахъ его былъ непривычный блескъ, а губы, начинавшія покрываться темнымъ пушкомъ, слегка дрожали.

На возвратномъ пути, онъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ, сказалъ, прижимаясь къ Эриху.

— Помнишь ли ты тотъ день, когда къ тебѣ въ университетскій городокъ пришло письмо съ большой казенной печатью?

— Помню.

— Тебѣ тогда предстояло сдѣлаться директоромъ этого самаго музея. Ну не странно ли, что всѣ эти фигуры стоятъ неподвижно день и ночь, лѣто и зиму,—стоятъ и смотрятъ на посѣтителей, тогда какъ тѣ постоянно мѣняются, приходятъ, уходятъ, танцуютъ, веселятся и умираютъ?

— Что̀ ты говоришь? спросилъ Эрихъ, испуганный словами мальчика и особенно тономъ, какимъ онъ ихъ произносилъ.

— Ахъ, ничего, ничего... Я самъ не знаю что̀ говорю. Я слышу слова, но не понимаю ихъ смысла. Со мной дѣлается что-то странное.

Эрихъ поспѣшилъ съ мальчикомъ домой.

ГЛАВА VII.

ПЕДАГОГЪ И ГРУППА НІОБЕИ.

Церера всякое утро, здороваясь съ сыномъ, говорила:

— Какъ ты блѣденъ, Роландъ!.. Неправда ли, капитанъ, онъ очень блѣденъ? неизмѣнно прибавляла она вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ Эриху и успокоивалась не прежде, какъ получивъ отрицательный отвѣтъ.

На этотъ разъ однако Эрихъ не могъ противорѣчить матери, когда она съ ужасомъ воскликнула:

— Чтò съ тобой Роландъ? На тебѣ лица нѣтъ!

Эрихъ увелъ мальчика въ его комнату.

— Я самъ не знаю, что со мной, говорилъ Роландъ. Вокругъ меня точно все вертится... Ай, ай, чтò это?..

И онъ, опустившись на стулъ, громко заплакалъ.

Эрихъ не зналъ, чтò дѣлать.

Съ мальчикомъ сдѣлалось дурно.

Черезъ минуту онъ открылъ глаза и дико озирался вокругъ, точно не узнавая окружавшихъ его предметовъ.

— Роландъ, что съ тобой? спросилъ Эрихъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ. Лобъ его былъ холоденъ, какъ ледъ.

Эрихъ сильно дернулъ за звонокъ и снова наклонился надъ Роландомъ.

Въ комнату вошелъ Зонненкампъ и спросилъ, почему они не идутъ обѣдать.

Эрихъ молча указалъ на Роланда.

Зонненкампъ съ воплемъ отчаянія бросился къ безчувственному мальчику.

Іозефъ былъ немедленно отправленъ за докторомъ, а Роланда начали съ помощью спирта и солей приводить въ чувство. Зонненкампъ и Эрихъ его раздѣли и уложили въ постель. Роланда трясла сильная лихорадка; зубы его стучали и онъ жалобно стоналъ.

Наконецъ явился докторъ. Когда онъ взглянулъ на больного, лицо его приняло серьезное выраженіе. Зонненкампъ испуганно смотрѣлъ ему въ глаза, точно опасаясь прочесть въ нихъ приговоръ.

— Съ мальчикомъ сильный припадокъ, за исходъ котораго я не могу поручиться, сказалъ докторъ. Какъ часто случалось это съ нимъ прежде?

— Съ нимъ никогда не бывало ничего подобнаго! воскликнулъ Зонненкампъ.

Мало-по-малу мальчика удалось разными домашними средствами привести въ чувство. Первыми его словами было:

— Благодарю тебя, Эрихъ.

Докторъ приказалъ оставить его въ покоѣ, въ надеждѣ, что онъ заснетъ, и самъ ушелъ. Прошелъ часъ, въ высшей степени тягостный для Зонненкампа и для Эриха, которые въ теченіи его едва-ли обмѣнялись парой словъ. Затѣмъ опять явился докторъ и осмотрѣвъ больного, замѣтилъ:

— Нервная система молодого человѣка сильно потрясена. Ему можетъ быть предстоитъ нервная горячка.

— Несчастіе никогда не приходитъ одно, — сказалъ Зонненкампъ, и это были единственныя слова, произнесенныя имъ въ теченіи ночи, которую онъ всю провелъ безъ сна, сидя на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ. По временамъ, не въ силахъ преодолѣть тревогу, онъ вставалъ, на цыпочкахъ подходилъ къ постели больного и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ его дыханію.

Церера удивлялась, что не видитъ никого изъ семьи и наконецъ послала спросить о причинѣ отсутствія мужа и сына. Ее успокоили болѣе или менѣе правдоподобными объясненіями. Ночью однако до нея дошелъ слухъ о болѣзни Роланда и она тихонько пробралась къ нему въ комнату. Но увидя его спокойно спящимъ, она рѣшилась вернуться къ себѣ и тоже не замедлила погрузиться въ сонъ.

— Несчастье никогда не приходитъ одно, — повторилъ Зонненкампъ, когда на слѣдующее утро докторъ объявилъ, что у Роланда открылась нервная горячка. Онъ совѣтовалъ взять въ домъ сестру милосердія, но Эрихъ замѣтилъ, что никто лучше его матери не съумѣетъ ухаживать за больнымъ мальчикомъ.

— Вы думаете, что она согласится пріѣхать?

— Непремѣнно.

Въ виноградный домикъ была немедленно отправлена телеграмма. Часъ спустя явился отвѣтъ: профессорша и тетушка Клавдія снаряжались въ путь.

Слухъ о болѣзни прекраснаго юноши быстро разнесся по городу. Мужчины и дамы высшаго круга то и дѣло сами являлись, или посылали своихъ слугъ освѣдомляться о состояніи больного.

Въ полдень, когда солдаты, возвращаясь съ парада, съ му-

зыкой проходили мимо отеля, Роландомъ овладѣло сильное безпокойство и онъ началъ кричать:

— Дикіе идутъ! Дикіе, краснокожіе!... Гайавата!... Духъ смѣха.... Деньги принадлежатъ дворнику.... онъ и не думалъ ихъ красть!.... Шляпу долой передъ барономъ, говорятъ тебѣ!.... Ахъ, черные, негры!.... Франклинъ, сюда!....

Эрихъ взялся исходатайствовать у командира полка позволеніе, чтобъ солдаты, возвращаясь съ парада, обходили гостинницу, или по крайней мѣрѣ, проходя мимо нея, переставали играть.

Вскорѣ весь снѣгъ стаялъ и мостовую передъ гостинницей «Викторіи» устлали соломой для того, чтобъ заглушать шумъ колесъ отъ проѣзжавшихъ мимо экипажей.

Профессорша не замедлила пріѣхать. Зонненкампъ встрѣтилъ ее изъявленіями радости и благодарности, а Церера жалобами на болѣзнь Роланда, которая будто бы усиливала и ея собственное нездоровье. Профессоршѣ не безъ труда удалось ее успокоить. Она между прочимъ посовѣтовала вызвать въ столицу доктора Рихардта, которому хорошо была извѣстна натура больного мальчика.

Зонненкампъ съ благодарностью ухватился за этотъ, по его мнѣнію, мудрый совѣтъ. Онъ радъ былъ призвать на помощь всякую новую силу, лишь бы не оставаться въ бездѣйствіи, которое усиливало его страхъ и тревогу. Доктору Рихардту была послана телеграмма и онъ въ тотъ же день явился поздно вечеромъ. Онъ нашелъ, что больного лечили какъ нельзя лучше и всѣ его совѣты преимущественно клонились къ тому, чтобъ убѣдить Эриха и его мать не оставаться постоянно въ комнатѣ Роланда. Тѣ, которые берутъ на себя обязанность ухаживать за больными, говорилъ онъ, непремѣнно должны доставлять себѣ какъ можно болѣе покоя и развлеченія. Имъ необходимы новыя впечатлѣнія для того, чтобъ поддерживать въ себѣ бодрость духа и тѣмъ самымъ благотворно дѣйствовать на больного. Докторъ не отсталъ отъ профессорши и ея сына, пока они ему не дали формальнаго обѣщанія строго слѣдовать его совѣту.

Послѣ консультаціи съ столичнымъ докторомъ, онъ снова уѣхалъ въ свой городокъ. Передъ отъѣздомъ однако онъ успѣлъ шепнуть Эриху и его матери:

— Берегитесь графини Вольфсгартенъ.

Эрихъ смутился, а профессорша потребовала объясненія этихъ словъ. Докторъ отвѣчалъ, что графиня имѣла обыкновеніе самымъ настойчивымъ образомъ навязывать больнымъ разныя лекарства. Онъ предостерегалъ, чтобы ихъ ни подъ какимъ видомъ не употребляли.

— Не правда ли, онъ не умретъ? спросилъ Зонненкампъ, провожая доктора на лѣстницу.

Докторъ отвѣчалъ, что въ подобныхъ случаяхъ всю надежду надо возлагать на природу и по возможности предоставлять ей самой дѣйствовать.

Зонненкампъ былъ золъ на всѣхъ и на все. Обладать такими несмѣтными богатствами, какъ онъ, и не имѣть возможности ничего сдѣлать для Роланда! Ему слѣдовало все предоставить природѣ, во всемъ положиться на постороннюю силу, надъ которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго контроля, какъ будто бы самъ онъ и его сынъ были послѣдними изъ нищихъ!

Церера не сходила съ дивáна въ большой комнатѣ съ балкономъ. Она лежала посреди птицъ и цвѣтовъ, устремивъ неподвижный взоръ куда-то въ далекое пространство. Отъ нея едва можно было добиться слова, она почти ничего не ѣла и не пила и, не смѣя сама идти къ Роланду, требовала, чтобъ ей ежечасно доносили о состояніи его здоровья.

Отсутствіе дружеской связи въ этомъ семействѣ теперь вполнѣ выступило наружу. Каждый членъ его заботился только о себѣ, полагая, что всѣ остальные существуютъ исключительно для его благосостоянія.

Во время обѣда произошло важное событіе: герцогиня прислала къ больному своего лейбъ-медика. Зонненкампъ разсыпался въ благодарностяхъ за такую честь, сожалѣя только, что она ему была оказана въ столь печальныхъ обстоятельствахъ.

Эрихъ, профессорша и тетушка Клавдія день и ночь неотлучно находились при больномъ, по очереди за нимъ ухаживая. Роландъ никого не узнавалъ. Онъ почти постоянно дремалъ, но по временамъ бредилъ и съ пылающими щеками и необыкновеннымъ блескомъ въ глазахъ, восклицалъ:

— Отецъ танцуетъ на черныхъ головахъ!... Дайте мнѣ сюда мой костюмъ пажа! Скорѣй, скорѣй!...

Затѣмъ онъ переходилъ въ болѣе мягкій тонъ и говорилъ:

— Ахъ, это нѣмецкій лѣсъ!... Смирно, Сатана, не смѣй лаять!... Вотъ, возьми ландышъ... Голубой бантъ... Дворникъ укралъ кольцо... Геній смѣха... Позаботьтесь о молодомъ баронѣ... Назадъ, Грейфъ!...

Мальчикъ успокоивался всякій разъ, когда Эрихъ касался рукой его лба. Однажды онъ, въ присутствіи отца, началъ пѣть негритянскую пѣснь, только очень невнятно произносилъ ея слова. Затѣмъ онъ снова началъ метаться по постелѣ и кричать:

— Возьмите прочь большія книги!... Дальше ихъ, дальше отсюда! Онѣ написаны кровью!

Зонненкампъ освѣдомился, пѣлъ ли когда-нибудь Роландъ эту пѣснь въ здоровомъ состояніи и отъ кого онъ могъ ей научиться. Эрихъ отвѣчалъ, что онъ прежде никогда ее не слыхалъ.

Зонненкампъ былъ до крайности вѣжливъ и предупредителенъ съ Эрихомъ и его матерью. Болѣзнь сына, говорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, послужила къ тому, чтобъ заставить его вѣрить въ доброту людей и въ способность ихъ къ самоотверженію. Онъ, по собственному выраженію, готовъ былъ встать передъ профессоршей на колѣни и молиться ей за то, что она, отказавшись участвовать въ празднествахъ, немедленно явилась, когда оказалась нужда въ ея помощи и услугахъ.

Профессорша поняла, что имѣла дѣло еще и съ другого рода больнымъ, кромѣ того, который въ бреду метался на постелѣ. Обращеніе ея съ Зонненкампомъ сдѣлалось очень мягко и ласково и онъ не переставалъ изливать передъ ней свое горе.

— Все, чего я домогаюсь, повторялъ онъ съ отчаяніемъ, все это для моего сына. Если онъ умретъ, я немедленно лишу себя жизни. Никто и не подозрѣваетъ, какъ многое уже во мнѣ умерло. Я человѣкъ безъ прошлаго—неужели мнѣ будетъ отказано также и въ будущемъ?

— Ужъ не потому ли судьба хочетъ отнять у меня дѣтей, что я самъ не былъ добрымъ сыномъ? какъ-то разъ, забывшись, проговорился Зонненкампъ. Но онъ быстро спохватился и обращаясь къ профессоршѣ, воскликнулъ:

— Не вѣрьте мнѣ, прошу васъ! Я самъ точно въ бреду, и не знаю, что̀ говорю.

Профессорша просила его успокоиться. Всякое волненіе въ людяхъ, близкихъ больному, утверждала она, непосредственно отзывается на немъ. Это странное, ничѣмъ необъяснимое явленіе, которое однако безпрестанно подтверждается опытомъ.

Сидя у постели мальчика, профессорша прислушивалась къ мѣрному бою часовъ, который въ извѣстные сроки раздавался съ городской башни. Въ ночномъ безмолвіи, посреди думъ о печальной участи богатаго юноши, время шло для нея медленно и тяжело ложилось на ея усталую душу.

Эрихъ жестоко упрекалъ себя за то, что предоставивъ Роланда собственному произволу, допустилъ его, до истощенія силъ, увлечься потокомъ свѣтскихъ удовольствій. Болѣзнь, угрожавшая жизни мальчика, по всему видно, готовилась давно и только окончательно разразилась въ холодной залѣ музея передъ группой Ніобеи. Профессоршѣ не малаго труда стоило успокоивать также и Эриха. Въ эти тяжелыя минуты она одна сохранила

присутствіе духа и къ ней, какъ къ неисчерпаемому источнику нравственной силы, всѣ обращались за помощью и утѣшеніемъ.

Она отдала Эриху письмо, полученное ею отъ профессора Эйнзиделя въ первый день новаго года и освѣдомилась объ ученомъ трудѣ, который ея сынъ, какъ она полагала, предпринялъ безъ ея вѣдома. Эрихъ откровенно разсказалъ ей все, какъ было. Профессорша убѣдилась, что ему ничего не извѣстно о прошлой жизни Зонненкампа и не сочла нужнымъ пока просвѣщать его на этотъ счетъ. Она разсудила, что теперь не слѣдовало обременять его душу новой тяжестью. Эриху и безъ того не легко было владѣть собой посреди опасеній за благополучный исходъ болѣзни Роланда, а впереди его ожидала, вслѣдствіе послѣднихъ событій, еще болѣе усложнившаяся задача воспитанія.

Повинуясь предписанію доктора Рихардта, профессорша ежедневно гуляла и посѣщала своихъ прежнихъ подругъ, въ числѣ которыхъ находилась между прочимъ и жена военнаго министра. Она не безъ облегченія и удовольствія услышала, что Эрихъ, съ поступленіемъ Роланда въ корпусъ, можетъ, если только захочетъ, получить тамъ одну изъ каѳедръ. Вообще эти прогулки и посѣщенія ее всегда ободряли и освѣжали.

Эрихъ со своей стороны, тоже, время отъ времени, навѣщалъ своихъ друзей и знакомыхъ, но чаще всего Клодвига. Белла въ этихъ случаяхъ обыкновенно только на минуту показывалась въ комнатѣ мужа и исчезала. Она теперь явно избѣгала оставаться съ Эрихомъ наединѣ.

Пранкенъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что профессоршу вызвали изъ ея уединенія, не испросивъ на то предварительно его разрѣшенія. Эти Дорнэ, говорилъ онъ, кончатъ тѣмъ, что совсѣмъ овладѣютъ семействомъ Зонненкампа. Онъ довольно часто приходилъ освѣдомляться о ходѣ болѣзни Роланда, но большую часть времени проводилъ въ домѣ барона фонъ-Эндлиха, въ обществѣ недавно вернувшейся съ Мадеры молодой вдовы.

Эриху, несмотря на все его желаніе, такъ и не удалось поближе сойтись съ Вейдеманомъ. Сначала ему въ этомъ препятствовалъ безконечный рядъ праздниковъ, которые онъ долженъ былъ посѣщать, а потомъ, когда захворалъ Роландъ и онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много свободнаго времени, засѣданія въ палатѣ депутатовъ прекратились и Вейдеманъ уѣхалъ изъ столицы.

Посреди тревогъ и волненій, въ постоянныхъ переходахъ отъ страха къ надеждамъ прошло нѣсколько недѣль. Бредъ больного принялъ другое направленіе. Онъ все разговаривалъ съ Манной, называлъ ее нѣжными именами, шутилъ съ ней и дразнилъ ее

св. Антоніемъ. До сихъ поръ отъ молодой дѣвушки скрывали болѣзнь брата, находя излишнимъ смущать ея покой.

Зонненкампъ болѣе всего страдалъ отъ бездѣйствія, на которое былъ обреченъ. Его выводила изъ себя невозможность что̀-либо сдѣлать для облегченія больного и онъ проклиналъ необходимость сидѣть сложа руки и все предоставить дѣйствію природныхъ силъ. Онъ то и дѣло жертвовалъ большія суммы денегъ на бѣдныхъ столицы и на всевозможныя благотворительныя учрежденія. Вспомнивъ разсказы Эриха о педагогическихъ съѣздахъ ученыхъ, онъ подарилъ ихъ обществу значительный капиталъ. Не зная куда дѣваться отъ снѣдавшей его тоски, онъ однажды обратился къ профессоршѣ съ вопросомъ, не думаетъ ли она, что искренняя молитва можетъ принести больному облегченіе.

Профессорша отвѣчала, что она не признаетъ за собой никакого авторитета въ дѣлахъ вѣры. Господину Зонненкампу всего лучше успокоиться и, не полагаясь на ея мнѣніе, слѣдовать внушенію собственнаго сердца. Лицо Зонненкампа послѣ этого приняло еще болѣе унылое выраженіе.

Слыша, какъ Роландъ въ бреду постоянно звалъ къ себѣ сестру, онъ спросилъ у доктора, не надо ли ее дѣйствительно къ нему призвать. Къ великому его облегченію докторъ на это согласился.

Несмотря на терзавшее его горе, Зонненкампу было пріятно думать, что наконецъ представился удобный случай вызвать Манну изъ монастыря. Онъ намѣревался никогда ее болѣе добровольно туда не отпускать и съ облегченнымъ сердцемъ надѣялся, что она и послѣ выздоровленія Роланда согласится остаться дома.

Онъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, размахивая руками и мысленно сжимая въ объятіяхъ своихъ обоихъ дѣтей.

Зонненкампъ написалъ письмо, въ которомъ говорилъ Маннѣ, что докторъ возлагаетъ большія надежды на ея пріѣздъ и съ своей стороны убѣдительно просилъ ее пріѣхать къ брату. Онъ выразилъ желаніе, чтобъ профессорша тоже написала ей нѣсколько словъ, но та отказалась, разъ навсегда принявъ твердую рѣшимость ни въ какомъ случаѣ, ни подъ какимъ предлогомъ не вмѣшиваться въ судьбу Манны. Письмо было вручено осторожному Лутцу, который немедленно отправился съ нимъ въ монастырь.

ГЛАВА VIII.

СЕСТРА ВНѢ СЕМЬИ.

Весь островъ, поля на немъ, дорога и деревья были покрыты снѣгомъ, но въ самомъ зданіи монастыря кипѣла, такъ сказать, двойная жизнь. Тамъ дѣти ежедневно представляли въ лицахъ какое-нибудь изъ событій, почти за двѣ тысячи лѣтъ совершившихся въ Ханаанѣ. Манна до такой степени увлеклась этими представленіями, что едва сознавала, гдѣ она находится. Ею овладѣло страстное желаніе побывать въ Іерусалимѣ, взглянуть на святую землю, приложиться ко гробу Господню и взявъ на себя грѣхи близкихъ себѣ, искупить ихъ постомъ и молитвой.

Маленькая дѣвочка, сверчокъ, лежала въ постелѣ больная. Манна, сидя у ея изголовья, съ жаромъ разсказывала ей событія изъ священной исторіи. Легкая улыбка скользнула у ней по лицу, когда, внимательно слушавшая ее, дѣвочка внезапно спросила:

— А въ Іерусалимѣ теперь тоже снѣгъ?

Манна, вполнѣ перенесшаяся въ эпоху, къ которой относился ея разсказъ, вовсе забыла, какое теперь было время года. Она, приподнявъ глаза, выглянула въ окно, но въ эту самую минуту въ комнату вошла монахиня изъ прислужницъ и вручила ей письмо.

— Гдѣ посланный? спросила молодая дѣвушка.

— Въ пріемной.

— Пусть онъ подождетъ отвѣтъ, сказала Манна и еще разъ прочла письмо.

Она въ волненіи начала ходить взадъ и впередъ по кельѣ. Ей, было, пришло на умъ пойти за совѣтомъ къ настоятельницѣ, но минуту спустя, она оттолкнула отъ себя эту мысль. Развѣ въ подобнаго рода вещахъ могутъ за насъ рѣшать другіе люди?

Манна закрыла рукой глаза и, когда отняла ее отъ лица, почувствовала на ней слѣды слезъ.—Ты забыла, что никогда и ни о чемъ не должна плакать, заговорилъ въ ней внутренній голосъ.

— Что съ тобой? спросила маленькая дѣвочка, пристально на нее смотря съ своей постельки. На кого ты сердишься?

— Я не сержусь... Развѣ я похожа на злую?

— Нѣтъ, теперь ты опять сдѣлалась доброй... Не уходи отъ

меня, Манна... останься со мной, пожалуйста останься... не оставляй меня. Я умру...

Манна наклонилась надъ ребенкомъ и старалась его успокоить.

«Для тебя настало тяжкое испытаніе, говорилъ ей между тѣмъ внутренній голосъ: пришла минута, въ которую ты должна доказать, что̀ въ тебѣ сильнѣе—любовь къ семьѣ, или любовь къ человѣчеству вообще и къ Богу. Да, да, ты должна...»

Она поручила маленькую дѣвочку монахинѣ, которая дожидалась отвѣта, а сама, обѣщавшись скоро вернуться, отправилась въ церковь. Взоръ ея случайно упалъ на ликъ св. Антонія. Она быстро опустила глаза, но мысль ея невольно остановилась на молодомъ человѣкѣ, который теперь ухаживалъ за больнымъ Роландомъ. Въ тоскѣ и недоумѣніи повергласъ она передъ образомъ Спасителя и начала горячо молиться. Долго лежала она на холодныхъ плитахъ церкви, закрывъ лицо руками, и когда поднялась, рѣшимость ея была принята.

— Я должна и могу! воскликнула она. Я вся принадлежу вѣчности и обязана посвятить себя служенію ей. За Роландомъ хорошій уходъ и къ тому же онъ никого не узнаётъ. Если я поѣду къ нему, онъ ничего отъ этого не выиграетъ, а только я сама буду спокойнѣе, избавивъ себя отъ мукъ неизвѣстности. Между тѣмъ какъ здѣсь больная дѣвочка нуждается въ моихъ попеченіяхъ. Могу ли я еще колебаться и быть въ нерѣшимости на счетъ того, что̀ мнѣ предстоитъ дѣлать? Я останусь здѣсь, на своемъ посту и исполню обязанность, которую на меня возлагаетъ Высшая Сила.

Манна вспомнила разсказъ настоятельницы о томъ, какъ у ней умирали отецъ и мать, а она не дерзнула нарушить свой обѣтъ и пойти проститься съ ними. Молодая дѣвушка хотѣла добровольно, не будучи еще связана никакимъ обѣтомъ, поступить точно такимъ же образомъ. Потомъ ей пришло на умъ, что для Роланда можетъ быть лучше умереть въ невѣдѣніи страшной тайны, испортившей ея собственную жизнь, и зла, которое царствуетъ въ мірѣ. Мысль эта, какъ острый ножъ, вонзилась ей въ сердце, но она тѣмъ не менѣе осталась при своей рѣшимости.

Манна вернулась въ келью съ намѣреніемъ высказать въ письмѣ къ родителямъ все, что̀ въ ней происходило. Но трудъ этотъ оказался свыше ея силъ. Она пошла въ пріемную и въ короткихъ словахъ объявила Лутцу, что не можетъ съ нимъ ѣхать.

Затѣмъ она долго стояла у окна своей кельи и пристально

смотрѣла на разстилавшійся передъ ней безжизненный ландшафтъ.

На дворѣ была оттепель и съ крыши монастыря быстро, одна за другой, падали капли растаявшаго снѣга. Точно также и изъ глазъ Манны, по лицу ея, струились крупныя слезы. Она не удерживала ихъ, но, позволяя имъ свободно течь, все-таки не измѣняла своего рѣшенія. Почти всю ночь провела она въ молитвѣ и только на слѣдующее утро разсказала настоятельницѣ о томъ, что̀ сдѣлала.

Настоятельница выслушала ее молча и въ отвѣтъ только одинъ разъ одобрительно кивнула ей головой.

Манна въ уединеніи своей кельи еще разъ прочла письмо отца и тутъ только замѣтила, что при Роландѣ находилась также и мать Эриха. Бумага задрожала въ ея рукахъ, при мысли о братѣ, который лежалъ въ бреду и звалъ ее къ себѣ. Но почему отецъ ничего не пишетъ о Пранкенѣ? Гдѣ онъ? задавала она себѣ вопросы. Потомъ, опомнясь, она упрекала себя за пристрастіе къ свѣту и его соблазнамъ и съ внезапной рѣшимостью бросила письмо въ каминъ. Пламя мгновенно охватило клочекъ бумаги. Манна пристально слѣдила за легкими струйками дыма, которыя, отъ него отдѣляясь, улетали въ трубу.

Такъ точно какъ съ этимъ письмомъ, думала она, и съ ней должно быть все кончено. Она не смѣетъ и не должна имѣть ничего общаго съ міромъ.

ГЛАВА IX.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

— Онъ спасенъ! сказалъ докторъ.

— Онъ спасенъ! переходило изъ устъ въ уста, изъ дома въ домъ и вся маленькая столица радовалась избавленію мальчика отъ опасности.

Докторъ однако еще предписывалъ большую осторожность и совѣтовалъ отдалять отъ мальчика все, что̀ могло его хоть сколько-нибудь волновать. Роландъ теперь часто жаловался на скуку и желалъ перемѣны. Докторъ и Эрихъ говорили ему, что онъ уже вкусилъ много удовольствій передъ болѣзнью и утѣшали его тѣмъ, что скука отъ бездѣйствія есть первый признакъ выздоровленія. Роланду приходилось также терпѣть голодъ, такъ какъ ему еще не позволяли вполнѣ удовлетворять свой возрождавшійся аппетитъ. Но онъ старался терпѣливо перено-

сить всѣ эти лишенія и однажды съ сіяющимъ лицомъ сказалъ:

— Гайавата добровольно подвергалъ себя голоду. Помнишь ли, Эрихъ, какъ я, когда мы съ тобой въ первый разъ читали эту поэму, замѣтилъ, что только человѣкъ способенъ такимъ образомъ сознательно лишать себя пищи. Теперь мнѣ приходится на дѣлѣ оправдывать мои тогдашнія слова.

Роландъ былъ особенно ласковъ и нѣженъ съ матерью Эриха. Въ бреду онъ ее одну узнавалъ и всегда съ ужасомъ вспоминалъ объ усиліяхъ, какія тогда дѣлалъ, чтобъ ей это сказать. Но у него постоянно срывались съ языка совершенно другія слова, да къ тому же и профессорша никогда долго съ нимъ не оставалась.

Роландъ очень обрадовался, въ первый разъ увидѣвъ ландыши и припомнилъ, что тоже о нихъ бредилъ.

— А Манны здѣсь не было? спрашивалъ онъ между прочимъ. Я постоянно видѣлъ передъ собой ея черные глаза.

Ему отвѣчали, что Манна не могла оставить монастыря по случаю опасной болѣзни маленькой дѣвочки, которую звали сверчкомъ.

Роландъ потребовалъ фотографическій портретъ, изображавшій его въ костюмѣ пажа, и сказалъ Эриху:

— Ты былъ правъ, когда говорилъ, что онъ въ будущемъ составитъ для меня пріятное воспоминаніе. Это будущее настало теперь, по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я съ тѣхъ поръ прожилъ цѣлый десятокъ лѣтъ. Дай мнѣ зеркало: я хочу посмотрѣть, насколько я измѣнился.

— Теперь нельзя, отвѣчалъ Эрихъ: но черезъ недѣлю я исполню твое желаніе.

Роландъ былъ послушенъ, какъ малое дитя, и благодаренъ за оказываемыя ему попеченія, какъ совершенно взрослый, сознательный человѣкъ. Въ первые же дни своего выздоровленія, онъ просилъ у Эриха позволенія высказать ему то, что тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ.

— Я согласенъ тебя выслушать, отвѣчалъ Эрихъ, если ты мнѣ обѣщаешься говорить спокойно.

— Хорошо, только напомни мнѣ, если я забудусь. Слушай же. Мнѣ казалось, что я плылъ по открытому морю. Вокругъ моего корабля рѣзвились дельфины, которые внезапно превратились въ негритянскія головы. Въ то же мгновеніе изъ глубины волнъ вынырнула высокая каѳедра, а на ней стоялъ Теодоръ Паркеръ. Онъ громкимъ, заглушавшимъ шумъ вѣтра го-

лосомъ читалъ проповѣдь.... Корабль плылъ все далѣе и далѣе, каѳедра, не отставая отъ него, тоже быстро неслась....

— Ты уже начинаешь волноваться, перебилъ его Эрихъ.

Роландъ, понизивъ голосъ, но отчетливо, съ особеннымъ удареніемъ произнося каждое слово, продолжалъ:

— Но самое удивительное еще впереди. Я кажется тебѣ уже разсказывалъ, что годъ тому назадъ, когда я убѣжалъ изъ дому, отыскивая тебя, мнѣ случилось заснуть въ лѣсу. Вдругъ я проснулся и увидѣлъ передъ собой дѣвочку съ длинными, бѣлокурыми локонами. «Это нѣмецкій лѣсъ», сказала она, а я подалъ ей цвѣтокъ ландыша. Затѣмъ она сѣла въ экипажъ и быстро скрылась изъ виду. Вѣдь ты помнишь все это, — не правда ли?... Но во снѣ мнѣ все это казалось еще прекраснѣе и еще удивительнѣе. «Это нѣмецкій лѣсъ!» раздавалось вокругъ меня на различные лады и ничто не можетъ сравниться съ дивной мелодіей, которая звучала въ этихъ словахъ. Мнѣ все казалось, что ихъ поютъ сотни голосовъ, слышанные нами на музыкальномъ праздникѣ. Ты себѣ не можешь представить, какъ это было хорошо!... ахъ, такъ хорошо....

— Довольно, снова перебилъ его Эрихъ. Ты слишкомъ много говорилъ и теперь я тебя оставлю одного.

Онъ пошелъ къ матери и передалъ ей разсказъ мальчика, который принималъ чисто за бредъ разстроеннаго воображенія. Ловчій ему уже давно жаловался, что мальчикомъ овладѣла какая-то странная фантазія, которая имѣла на него сильное вліяніе. Эрихъ находилъ весьма страннымъ, что Роландъ и теперь, даже послѣ болѣзни, все еще продолжалъ считать эту мечту, или сонъ за дѣйствительность.

Профессорша полагала, что во время путешествія мальчика съ нимъ вѣроятно случилось нѣчто подобное, но совѣтовала избѣгать съ нимъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, чтобъ не возбуждать его все еще не вполнѣ успокоившагося воображенія. Малѣйшее нервное раздраженіе, или волненіе, говорила она, можетъ имѣть дурныя послѣдствія и должно непремѣнно замедлить нравственное и физическое выздоровленіе больного.

Когда Роландъ въ первый разъ всталъ съ постели, всѣ были поражены тѣмъ, какъ онъ много выросъ. Его самого несказанно радовала густота чернаго пушка, который теперь въ изобиліи покрывалъ его верхнюю губу и подбородокъ.

Увидя разостланную передъ домомъ солому, онъ сказалъ:

— Весь городъ зналъ о моей болѣзни и сочувствовалъ мнѣ. Доброта, какую мнѣ со всѣхъ сторонъ оказываютъ, глубоко меня трогаетъ. Я чувствую безграничную благодарность къ лю-

дямъ и постараюсь, чтобъ въ теченіи моей жизни ни одинъ человѣкъ не обращался ко мнѣ даромъ за помощью, или услугой.

Эрихъ и его мать обмѣнялись удивленнымъ взглядомъ. Они были поражены и глубоко тронуты этой полнотой возвращенія къ жизни и пробужденіемъ въ душѣ юноши высокихъ нравственныхъ силъ, которыя болѣзнь, повидимому, въ немъ окончательно развила и укрѣпила.

— Вамъ говорилъ Эрихъ, что я въ бреду видѣлъ между прочимъ и Теодора Паркера? спросилъ Роландъ.

— Да. Но теперь ты долженъ отдохнуть.

— Нѣтъ, погодите, мнѣ надо вамъ еще что̀-то сказать.

Потребовавъ свою записную книжку, онъ сталъ искать въ ней имя дворника, котораго одно время подозрѣвалъ въ воровствѣ. Роландъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не позаботился его отыскать. Онъ зналъ только, что этотъ дворникъ поступилъ въ военную службу и въ настоящее время находился при своемъ полку.

Солдатъ, благодаря стараніямъ Эриха, былъ вскорѣ найденъ и приведенъ къ Роланду, который вручилъ ему сумму денегъ, равную той, какая находилась у него въ портъ-монне во время его ночного странствованія. Увѣщанія Эриха солдату, чтобъ онъ воздержался отъ слишкомъ шумныхъ изъявленій благодарности и вообще не давалъ воли своему языку, оказались совершенно излишними. Онъ и безъ того ни слова не могъ произнести отъ удивленія. Огромная гостинница, роскошная спальня, прекрасный юноша, предлагающій деньги, — все это казалось ему чудеснымъ сномъ, отъ котораго онъ боялся пробудиться.

Послѣ этого Роландъ, вполнѣ спокойный и счастливый, легъ отдохнуть на постель. Пришелъ Зонненкампъ и онъ сталъ просить у него позволенія раздать бѣднымъ всѣ свои платья, которыя носилъ до болѣзни.

— Хорошо, сказалъ отецъ, а ты самъ не хочешь-ли теперь же одѣться въ военный мундиръ?

— Нѣтъ еще пока. Я теперь хочу только одного, а именно, какъ можно скорѣй вернуться домой, на виллу. Ахъ, да, поѣдемте домой, домой!...

Зонненкампъ обѣщался исполнить его желаніе.

Профессорша не замедлила отыскать молодыхъ людей, которымъ платья Роланда пришлись какъ разъ въ пору. Узнавъ объ этомъ, онъ радостно воскликнулъ:

— Отлично! Теперь мои платья гуляютъ по городу въ ожиданіи, пока я самъ появлюсь на его улицахъ.

Слыша, какое участіе всѣ принимали въ его выздоровленіи,

онъ просилъ отца всѣмъ и каждому передать свою искреннюю благодарность.

Зонненкампъ и самъ былъ отъ этого не прочь. Ему такимъ образомъ представлялся отличный случай сблизиться съ мужчинами и дамами высшаго круга.

Въ каретѣ, запряженной парой превосходныхъ лошадей, отправился Зонненкампъ по городу съ визитами. Онъ желалъ, чтобъ его сопровождала Церера, но та отказалась съ обычнымъ своимъ упорствомъ. За то ему сопутствовала профессорша, которая однако сначала тоже не хотѣла съ нимъ ѣхать. Но Роландъ, съ своей стороны, сталъ убѣждать ее, говоря, что это первая просьба, съ какой онъ къ ней обращается послѣ своего возвращенія къ жизни. Ей ничего болѣе не оставалось, какъ согласиться.

Но если этой благородной женщинѣ тяжело было показываться въ люди въ обществѣ такого человѣка, какъ Зонненкампъ, за то онъ много выигралъ отъ ея присутствія. Передъ нимъ, какъ по волшебству, растворялись двери всѣхъ домовъ, гдѣ Лутцъ, отдавая его карточку, произносилъ также и ея имя.

Профессорша сама не понимала, какъ она могла согласиться на эту поѣздку съ Зонненкампомъ. Она такимъ образомъ еще болѣе скрѣпляла связь съ человѣкомъ, съ которымъ, напротивъ, всячески желала ее разорвать. А Зонненкампъ, какъ нарочно, безпрестанно обращался къ ней съ просьбой, не лишать Роланда ея материнскихъ заботъ.

На Зонненкампа вездѣ смотрѣли покровительственно, свысока и едва обращали на него вниманіе. Но онъ постоянно очень ловко втирался въ разговоръ, избирая темой его высокія качества профессорши. А въ заключеніе онъ всюду говорилъ, что вообще считаетъ за великое для себя счастіе свои дружескія отношенія съ семействомъ Дорнэ.

Но, несмотря ни на что̀, эти визиты все-таки доставили Зонненкампу много удовольствія. Его любимой забавой было льстить людямъ и затѣмъ наблюдать, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ его лесть. Такъ и теперь онъ пустилъ въ ходъ всю свою батарею высокопарныхъ рѣчей и внутренно наслаждался тѣмъ, что, дурача знать, мстилъ ей за ея высокомѣрное обращеніе съ нимъ. Тамъ, гдѣ сначала его едва слушали, допуская только къ самому ничтожному участію въ разговорѣ, онъ теперь значительно выдвинулся впередъ, благодаря ловкости, съ какой умѣлъ всѣхъ заинтересовать своей родительской любовью и оживленными разсказами о своей прошлой, богатой опытами жизни. Не мало также расположило къ нему всѣхъ

признаніе въ томъ, что онъ былъ гораздо худшаго мнѣнія о людяхъ, пока судьба не свела его съ семействомъ Дорнэ, которое научило его вѣрить во всѣ благородныя стремленія человѣческой души. Спускаясь внизъ по лѣстницамъ аристократическихъ домовъ, Зонненкампъ самодовольно улыбался. Онъ былъ увѣренъ, что немедленно по выходѣ его изъ гостинной, тамъ начинались толки о немъ. «Мы до сихъ поръ не знали этого человѣка, говорили всѣ: онъ очень уменъ и въ немъ много сердечной теплоты».

Зонненкампъ былъ особенно любезенъ съ членами орденской коммиссіи, расположеніе которыхъ ему Пранкенъ сильно совѣтовалъ пріобрѣсти. Болѣзнь Роланда такимъ образомъ дала новый толчекъ стремленію Зонненкампа выдти изъ своего настоящаго положенія и занять мѣсто въ кругу высшаго общества. Съ другой стороны, профессорша принуждена была противъ воли содѣйствовать осуществленію его плана.

Обращеніе Зонненкампа съ профессоршей отличалось особенной вѣжливостью, такъ какъ она болѣе прочихъ доставила ему торжества. Ея отказъ пріѣхать въ столицу въ началѣ сезона, съ тѣмъ чтобъ стать во главѣ его дома, оказался безполезнымъ: ему все-таки удалось обратить ее въ свое орудіе. Онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ презрѣнія къ людямъ, видя въ нихъ куколъ, которыми, съ извѣстной долей ловкости, легко можно было управлять. Однимъ золото служило приманкой, другимъ восторженныя похвалы ихъ сердцу и уму.

ГЛАВА X.

ОРДЕНЪ СЪ ТРЕМЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫМИ ЗНАКАМИ.

Дѣло дошло и до герцогини. У ней просили аудіенціи подъ предлогомъ принесенія ей благодарности.

Герцогиня отвѣчала, что очень рада будетъ видѣть профессоршу и тѣмъ самымъ отклонила отъ себя дальнѣйшія домогательства со стороны Зонненкампа.

Послѣдній однако еще настаивалъ на томъ, чтобъ Роландъ написалъ благодарственное письмо, которое профессорша должна была передать герцогинѣ. Мальчикъ сочинилъ два письма, но ни одно изъ нихъ не заслужило одобренія Зонненкампа. Онъ даже такъ неосторожно и грубо ихъ отвергнулъ, что привелъ Роланда въ лихорадочное состояніе, которое заставило опасаться возвращенія болѣзни.

Профессорша застала мальчика въ этомъ возбужденномъ состояніи и поспѣшила успокоить его обѣщаніемъ словесно передать герцогинѣ все то, чтò онъ хотѣлъ написать ей въ письмѣ. Роландъ дѣйствительно успокоился, но то кроткое, безмятежное настроеніе духа, въ которомъ онъ находился все это время, его внезапно покинуло и долго потомъ къ нему не возвращалось.

Профессорша отправилась во дворецъ, а Зонненкампъ въ близъ-лежащій паркъ, откуда могъ видѣть стоявшихъ у подъѣзда слугъ и карету. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе узнать, чтò о немъ будетъ говорено. А профессоршу между тѣмъ ожидало одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній, какимъ она доселѣ подвергалась. Ей пришлось выслушивать похвалы, которыя герцогиня расточала Зонненкампу за его мнимыя великодушія и благотворительность. Совѣтница, занимавшая во дворцѣ должность статсъ-дамы, постаралась внушить герцогинѣ это выгодное мнѣніе о богатомъ американцѣ и профессорша не смѣла ей противорѣчить.

Она сильнѣе нежели когда-либо чувствовала, въ какое фальшивое положеніе была поставлена. Ее теперь заставляли разыгрывать при дворѣ такую же двусмысленную роль, какъ не задолго передъ тѣмъ въ монастырѣ. За кого бы сочли ее самое, еслибъ она во всеуслышаніе объявила то, чтò знала о прошломъ человѣка, съ которымъ находилась въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ?

На возвратномъ пути въ гостинницу, она была испугана крикомъ, который внезапно раздался у самаго окна ея кареты.

— Стой! воскликнулъ чей-то голосъ и минуту спустя, Зонненкампъ сидѣлъ рядомъ съ ней въ экипажѣ.

Профессорша должна была немедленно передать ему все, чтò говорила герцогиня. Зонненкампъ остался очень доволенъ ея разсказомъ и даже до того забылся, что произнесъ въ слухъ:

— Болѣзнь Роланда всѣмъ намъ принесла счастье. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ поспѣшилъ прибавить, что счастье это заключалось въ дружбѣ, какую госпожа Дорнэ выказывала къ его семейству. Профессорша и это принуждена была выслушать молча, а сверхъ того еще разъ, въ присутствіи Пранкена, повторить слова герцогини.

Она чувствовала, что все болѣе и болѣе запутывается и съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда останется одна, чтобъ собраться съ мыслями и уяснить себѣ свое положеніе.

Вечеромъ пришелъ Клодвигъ и частнымъ образомъ увѣдомилъ Зонненкампа, что ему присужденъ орденъ.

Когда онъ ушелъ, Пранкенъ бросился на шею къ Зонненкампу и обнимая его воскликнулъ:

— Это первый шагъ, первая ступень къ дальнѣйшимъ почестямъ.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ и, попросивъ Пранкена обождать его въ залѣ, пошелъ къ Церерѣ, объявить ей о выпавшемъ на ихъ долю счастьѣ.

— Что̀ мнѣ въ этомъ? томно проговорила она! Это касается тебя одного.

Зонненкампъ выразилъ надежду, что теперь, по всѣмъ вѣроятностямъ, и дворянскій дипломъ не заставитъ себя долго ждать.

— Ахъ, у нихъ здѣсь все такъ медленно дѣлается! возразила Церера.

Зонненкампъ подтвердилъ ея мнѣніе на счетъ скучныхъ формальностей, которыхъ такъ строго придерживается Старый Свѣтъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ посовѣтовалъ женѣ вооружиться терпѣніемъ.

— А я все-таки рада, что ты получилъ орденъ, замѣтила Церера. Теперь по крайней мѣрѣ въ обществѣ всякій будетъ видѣть, что ты не лакей.

Зонненкампъ съ усмѣшкой покачалъ головой, но воздержался отъ дальнѣйшихъ объясненій съ женой.

Нѣсколько дней спустя передъ гостинницей «Викторіи» былъ большой съѣздъ экипажей. Чуть ли не весь городъ явился поздравить Зонненкампа съ орденомъ.

Онъ съ скромнымъ видомъ принималъ поздравленія, между тѣмъ, какъ Роландъ не помнилъ себя отъ радости. Мальчикъ гордился своимъ отцомъ и хотѣлъ, чтобъ тотъ постоянно носилъ въ петличкѣ орденскую ленту.

Но къ этой радости не замедлила примѣшаться капля горечи. Въ газетѣ профессора Крутіуса появилась замѣтка слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Зонненкампъ съ виллы Эдемъ, переселившійся къ намъ изъ Гаванны, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ «за заслуги». Мы слышали, будто онъ удостоился этой награды за успѣшное облагороживаніе различныхъ породъ фруктовыхъ деревьевъ, которое повидимому включаетъ и облагороживаніе самого ихъ владѣльца. Но между прекрасными растеніями, украшающими сады Эдема, къ сожалѣнію, недостаетъ столь уважаемаго въ нашемъ благословенномъ отечествѣ родословнаго дерева.»

Посѣтители Зонненкампа старались подмѣтить, какое впечатлѣніе производила на него эта колкая замѣтка. Онъ притво-

рялся равнодушнымъ, но мысленно далъ себѣ слово, съ помощью золота, привлечь на свою сторону еще и общественное мнѣніе, которое обыкновенно считается неподкупнымъ и славится независимостью своихъ сужденій и приговоровъ.

Онъ отправился въ редакцію. Тамъ его провели въ комнату профессора Крутіуса, который принялъ его въ высшей степени вѣжливо. Зонненкампъ прежде всего объявилъ, что онъ въ Америкѣ привыкъ къ гласности, а затѣмъ прибавилъ, что вообще любитъ и понимаетъ шутку. Крутіусъ не счелъ за нужное возражать.

Зонненкампъ выразилъ свое удовольствіе, что видитъ его въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, занимающемъ столь значительный постъ. Крутіусъ въ знакъ благодарности поклонился.

Въ комнатѣ горѣлъ газъ. Зонненкампъ попросилъ позволенія курить и предложилъ сигару профессору Крутіусу. Тотъ съ признательностью принялъ.

— Мнѣ хорошо памятно, началъ Зонненкампъ, одно ваше слово, которое вы произнесли у меня на виллѣ, когда я имѣлъ честь васъ тамъ принимать. У васъ достало мужества сказать, что Америка идетъ на встрѣчу монархіи.

— Ахъ, да, полушутливо, полу-серьезно отвѣчалъ Крутіусъ. Это въ то время составляло мой любимый предметъ разговора. Я видѣлъ предзнаменованіе монархіи въ томъ, что передовые люди Америки какъ будто начали удаляться отъ политики.

Крутіусъ остановился.

— А теперь ваше мнѣніе измѣнилось? спросилъ Зонненкампъ.

Онъ зналъ, что о немъ ходили слухи, будто его пребываніе въ Европѣ имѣло связь съ основаніемъ мексиканской имперіи, откуда монархическій образъ правленія долженъ былъ распространиться по всему Новому Свѣту. Ему было пріятно слыть за агента одного изъ южныхъ штатовъ, который слагался въ имперію, и онъ не опровергалъ этихъ слуховъ. Крутіусъ долго не отвѣчалъ, подозрительно и лукаво посматривая на своего гостя.

— Да, сказалъ онъ наконецъ: мое мнѣніе измѣнилось. Бездѣйствіе передовыхъ людей прекратилось: объ этомъ свидѣтельствуютъ газеты и митинги. Кромѣ того, господинъ Вейдеманъ показывалъ мнѣ письма своего племянника, доктора Фрица, изъ которыхъ ясно видно, что въ Америкѣ совершился поворотъ къ лучшему. Тамъ снова пробудились гражданскія доблести и закипѣла борьба партій.

— А, Вейдеманъ! повторилъ Зонненкампъ. Я слышалъ, онъ участвуетъ въ вашей газетѣ.

— Извините, для меня не существуетъ отдѣльный человѣкъ, я имѣю дѣло только съ партіями.

— Вотъ истинно по-американски! Отлично! воскликнулъ Зонненкампъ. За тѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что Германія въ дѣлѣ прессы такъ далеко отстала отъ другихъ народовъ. Продолжая въ томъ же тонѣ, онъ замѣтилъ, что былъ бы не прочь со своей стороны ссудить средствами, необходимыми для основанія новой газеты, человѣка, обладающаго способностями и опытностью профессора Крутіуса.

— Объ этомъ стоитъ подумать, сказалъ Крутіусъ, вставъ съ мѣста и подойдя къ кассѣ, открылъ ее. Онъ явно имѣлъ намѣреніе возвратить Зонненкампу деньги, которые тотъ ему уже однажды далъ. Но онъ вдругъ остановился и почти вслухъ произнесъ: «нѣтъ еще, не теперь, погоди, я съ тебя прежде публично стребую росписку.» И заперевъ кассу, онъ снова сѣлъ на стулъ, противъ Зонненкампа.

— Мнѣ еще слѣдуетъ передъ вами извиниться, неожиданно сказалъ онъ: когда я имѣлъ честь быть у васъ на виллѣ, я принялъ васъ за извѣстнаго Банфильда, пользующагося такой дурной славой въ Америкѣ.

И онъ пытливо смотрѣлъ на Зонненкампа, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ:

— Благодарю васъ за откровенность. Недоразумѣнія, какого бы они ни были рода, всегда слѣдуетъ разъяснять. Къ сожалѣнію, меня уже не разъ смѣшивали съ этимъ человѣкомъ. Я однажды нарочно ѣздилъ въ Виргинію для того, чтобъ взглянуть на моего двойника. Но мнѣ это не удалось: онъ незадолго передъ моимъ пріѣздомъ умеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Странно, что я до сихъ поръ не слышалъ о его смерти! Племянникъ господина Вейдемана, который велъ ожесточенную борьбу съ этимъ Банфильдомъ, не упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. Но вы себѣ не можете представить, до чего вы на него похожи! Когда я буду писать некрологъ Банфильда, я не забуду сказать нѣсколько словъ объ этомъ удивительномъ сходствѣ.

— Что до меня касается, съ улыбкой замѣтилъ Зонненкампъ, то я, лично, рѣшительно ничего противъ этого не имѣю. Но вамъ хорошо извѣстна щепетильность европейской аристократіи и я боюсь, чтобъ такого рода намекъ не былъ... въ высшей степени непріятенъ моей женѣ и дѣтямъ.

Крутіусъ еще разъ повторилъ, что отдѣльныя личности и ихъ чувствованія не имѣютъ для него никакого значенія. Онъ имѣетъ въ виду одни только принципы и за нихъ ратуетъ. Зон-

ненкампъ похвалилъ его за это и сказалъ, что въ такого рода воззрѣніяхъ и въ нихъ однихъ, видитъ задатки новыхъ успѣховъ европейскаго образованія.

Крутіусъ весьма вѣжливо проводилъ Зонненкампа внизъ по лѣстницѣ, къ самому выходу изъ редакціи. Но возвратясь назадъ въ свою комнату, онъ отворилъ окно: ему было душно и онъ хотѣлъ освѣжиться.

— Это онъ: въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, проговорилъ онъ вслухъ. Берегись, вновь пожалованный кавалеръ ордена «за заслуги»! Ты у меня въ рукахъ и я теперь скоро намѣренъ за тебя приняться!

Онъ отыскалъ нумеръ газеты съ замѣткой о пожалованіи Зонненкампа орденомъ и сдѣлавъ на ней краснымъ карандашемъ три крупныхъ восклицательныхъ знака, спряталъ ее въ особое отдѣленіе, съ надписью: «для употребленія въ будущемъ».

ГЛАВА XI.

ВСЕ ВНОВЬ ОЖИВАЕТЪ.

Принцъ Леонгардъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, забылъ, что намѣревался пригласить къ себѣ Зонненкампа. Послѣднему не удалось также и поблагодарить герцога за милостивое участіе къ Роланду во время его болѣзни. Часть двора, и въ томъ числѣ Пранкенъ, на неопредѣленное время отправились въ загородный дворецъ, гдѣ приготовлялась для герцога ранняя весенняя охота.

Пранкенъ уѣхалъ изъ столицы въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ былъ недоволенъ Зонненкампомъ за то, что тотъ, вопреки его совѣтамъ, вошелъ въ сношенія съ журналистомъ.

Въ гостинницѣ «Викторіи» все утихло. Профессорша и тетушка Клавдія вернулись въ виноградный домикъ, а Роландъ каждый день приставалъ къ отцу съ просьбой поскорѣй уѣхать изъ столицы. Наконецъ, желаніе его было исполнено и вилла Эдемъ, паркъ, оранжереи и слуги Зонненкампа узрѣли новую славу, сіявшую изъ петлички его фрака. Орденская ленточка служила постояннымъ воспоминаніемъ всѣхъ радостей и печалей, какія въ протекшую зиму выпали на долю всего семейства.

Роландъ былъ несказанно счастливъ тѣмъ, что снова очутился на виллѣ. Въ немъ повидимому теперь впервые пробудилось чувство, похожее на любовь къ родинѣ и къ осѣдлому образу жизни.

— Въ гостинницахъ, говорилъ онъ Эриху: гдѣ человѣкъ не

имѣетъ ничего своего, люди живутъ точно на чужбинѣ, или гдѣ-нибудь на желѣзной дорогѣ. Я во снѣ постоянно слышалъ шумъ вагоновъ и свистъ локомотива. Но теперь мы снова дома и я могу по прежнему навѣщать бабушку, тетушку, дядю-маіора и моего стараго друга ловчаго. А какъ собаки мнѣ обрадовались! Нора въ первую минуту меня не узнала, но потомъ чуть съ ума не сошла отъ радости. А видѣлъ ли ты щенковъ? Они чудо какъ хороши... Даю тебѣ обѣщаніе, Эрихъ, быть очень прилежнымъ... Я хочу въ память сегодняшняго дня посадить дерево: сдѣлай и ты тоже. Знаешь ли, мнѣ кажется, что я теперь только родился на свѣтъ, а все прошлое похоже на сонъ. Ахъ, какъ здѣсь хорошо! Рейнъ точно сдѣлался шире, а горы гораздо выше и живописнѣе. Они мнѣ вовсе не такими представлялись во время моей болѣзни.

Онъ шелъ съ Эрихомъ вдоль рѣки и вдругъ, остановившись, воскликнулъ:

— Слышишь, какъ волны плещутъ? Они во время моего отсутствія все точно также день и ночь ударяли о берегъ. Ты любишь ихъ плескъ, не правда ли? Ахъ, какъ будетъ весело, когда настанетъ время купаться! Мнѣ кажется, что прошелъ цѣлый вѣкъ съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь съ тобой въ послѣдній разъ плавали.

Мысли и чувствованія быстро смѣнялись одни другими въ душѣ юноши, пробужденнаго къ новой жизни. Ему пріятно было слышать, какъ всѣ говорили, что онъ выросъ и возмужалъ.

Эрихъ терпѣливо выслушалъ неумолкаемую болтовню своего воспитанника, который въ этомъ году особенно живо принималъ всѣ впечатлѣнія весны.

Услышавъ въ первый разъ кудахтанье курицы, онъ замѣтилъ:

— Эти звуки также пріятны пѣтуху, какъ намъ пѣніе соловья. Домашняя курица болѣе прочихъ птицъ, летающихъ на свободѣ, шумитъ и суетится, когда несетъ яйца. Между дикими породами птицъ ни одна самка не поетъ; эта способность принадлежитъ одной домашней курицѣ... Ахъ, Эрихъ, посмотри на зелень, какъ она свѣжа и нѣжна! А тамъ, на изгороди, каждый листокъ и почка привѣтливо на насъ смотрятъ и точно говорятъ: радуйтесь, мы тутъ!

И восторгамъ его не было конца.

За уроки они принимались понемногу, не разомъ, чтобъ не слишкомъ утомлять Роланда. Эрихъ вскорѣ замѣтилъ въ своей матери какое-то вовсе несвойственное ей унылое расположеніе духа. Онъ сначала объяснялъ себѣ это тревогой за Роланда, болѣзнь котораго ей совершенно естественно должна была напом-

нить смерть ея собственнаго сына. Потомъ приписывалъ отсутствіе въ ней веселости утомленію отъ хлопотъ, какіе ей доставляли бѣдные, которые, истощивъ припасы, данные имъ на зиму, теперь то и дѣло осаждали ее новыми просьбами и требованіями. Роландъ, желая облегчить профессоршѣ ея трудъ, не рѣдко предлагалъ ей свои услуги. Но она всякій разъ отказывалась, говоря, что онъ теперь всѣ свои помышленія долженъ устремить на то, чтобъ сдѣлаться честнымъ и хорошимъ человѣкомъ, который впослѣдствіи съ честью занялъ бы мѣсто, на какое его угодно будетъ поставить судьбѣ.

Роландъ опять долго не могъ примириться съ тѣмъ, что на землѣ столько бѣдныхъ и несчастныхъ. Хлѣбъ растетъ въ такомъ изобиліи: неужели его не могло хватить на всѣхъ?

Эрихъ и его мать усердно старались не допустить Роланда до того, чтобъ онъ сталъ смотрѣть на богатство, какъ на несправедливость, или на зло. Ихъ усилія, въ соединеніи съ молодостью, вскорѣ разсѣяли всѣ мрачныя думы мальчика и онъ на время пересталъ смотрѣть за черту того круга, гдѣ ему самому жилось такъ хорошо и привольно.

Зонненкампъ былъ очень доволенъ, узнавъ, что Эрихъ и Роландъ желаютъ учиться садоводству и съ радостью согласился быть ихъ учителемъ.

— Вы со временемъ, говорилъ онъ, сами на опытѣ убѣдитесь, что нѣтъ бо́льшаго счастія, какъ слѣдить за ростомъ вами самими посаженнаго дерева.

Въ саду, прозванномъ Ниццой, на цвѣтахъ и деревьяхъ быстро наливались почки и распространяли по всей окрестности потоки нѣжнаго, упоительнаго аромата. Въ домѣ всѣ были необыкновенно веселы. Даже Церера, и та не могла устоять противъ живительнаго вліянія молодой и свѣжей радости Роланда.

А онъ, между тѣмъ, хранилъ въ душѣ своей тайну, о которой, и то слегка, рѣшился намекнуть одной только профессоршѣ. Онъ ко дню своего рожденія, который былъ также днемъ вступленія къ нимъ въ домъ Эриха, готовилъ что-то такое, чѣмъ надѣялся всѣхъ пріятно удивить.

Въ саду все цвѣло и благоухало, птицы пѣли, по рѣкѣ взадъ и впередъ плавали суда. Наканунѣ дня своего рожденія Роландъ куда-то исчезъ. Въ его комнатѣ нашли письмо, въ которомъ онъ просилъ родителей о немъ не безпокоиться. Онъ вернется на слѣдующій день и привезетъ съ собой на виллу что-то очень хорошее.

Зонненкампъ собралъ свѣдѣнія и узналъ, что Роландъ, въ сопровожденіи Лутца, отправился въ монастырь.

ГЛАВА XII.

ОРЕСТЪ И ИФИГЕНІЯ.

Неподалеку отъ острова, посерединѣ рѣки, остановились два парохода. Одинъ плылъ по направленію къ горамъ, другой— къ долинѣ. На послѣднемъ находился Роландъ. Онъ спросилъ, почему они не причаливаютъ къ берегу. Капитанъ, молча, указалъ ему на островъ, гдѣ возвышался монастырь.

Тамъ группа молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ несла гробъ, а за ними тянулся длинный рядъ монахинь съ патеромъ во главѣ. Гробъ былъ весь закрытъ цвѣтами, а въ весеннемъ воздухѣ звучало пѣніе свѣжихъ дѣтскихъ голосовъ. Роландъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ: Что, если его сестра...

— Это ребенка хоронятъ, сказалъ стоявшій около него пожилой мужчина: гробъ очень малъ, да въ противномъ случаѣ, его и не могли бы нести молодыя дѣвушки.

Роландъ съ облегченнымъ сердцемъ вздохнулъ: его сестра должна быть въ числѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя несутъ гробикъ.

Пароходъ причалилъ къ берегу и Роландъ подошелъ къ лодочнику, который обыкновенно перевозилъ желающихъ на островъ.

Мальчикъ хотѣлъ сѣсть въ лодку, но лодочникъ его остановилъ.

— Погодите, сказалъ онъ, теперь нельзя! Или вы родственникъ дитяти?

— Какого дитяти?

— Тамъ, въ монастырѣ умерла дѣвочка, прелестный ребенокъ. Кто хоть однажды видѣлъ ее, тотъ конечно ее никогда не забудетъ. Господу Богу не будетъ стоить ни малѣйшаго труда сдѣлать изъ нея одного изъ своихъ ангельчиковъ.

— Сколько лѣтъ было этой дѣвочкѣ?

— Семь, много, много восемь. Тише, вонъ они идутъ.

Колокола гудѣли, въ воздухѣ носились легкія струйки дыма отъ ладона, курившагося въ кадилахъ, процессія медленно подвигалась вдоль берега.

Лодочникъ снялъ шапку и сложивъ руки, шепталъ молитву. Роландъ тоже стоялъ съ открытой головой и у него промелькнуло въ умѣ: «такъ точно и тебя бы понесли...»

Онъ вдругъ почувствовалъ такую слабость, что принужденъ

былъ сѣсть. Процессія между тѣмъ обогнула островъ и скрылась изъ виду.

Молодое тѣло было опущено въ землю. Птицы вокругъ пѣли, въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго движенія, мимо проплылъ пароходъ—все это походило на сонъ.

Процессія снова показалась изъ-за деревьевъ и съ пѣніемъ исчезла подъ мрачными сводами монастыря.

— Теперь поѣдемте, сказалъ лодочникъ, надѣвая шапку.

Но Роландъ предпочелъ еще немного обождать. Онъ хотѣлъ дать Маннѣ время успокоиться, и хорошо сдѣлалъ.

Никто во всемъ монастырѣ не скорбѣлъ такъ глубоко о смерти ребенка, какъ Манна. Маленькая дѣвочка въ теченіи года храбро боролась съ непривычнымъ для нея образомъ жизни. Она подъ конецъ даже повеселѣла, сдѣлала успѣхи въ наукахъ, но съ наступленіемъ весны стала чахнуть и увяла какъ цвѣтокъ, который слишкомъ рано вынесли изъ теплицы на холодный воздухъ.

Манна день и ночь ухаживала за ребенкомъ, который страстно къ ней привязался. На дѣвочку какъ бы снизошелъ даръ предвѣдѣнія и она часто произносила удивительныя рѣчи. Маннѣ она постоянно говорила, что когда улетитъ на небо, то разскажетъ тамъ о ней Богу и его ангеламъ.

— Мнѣ бы хотѣлось побольше узнать о Роландѣ, сказала она однажды Маннѣ: разскажи мнѣ о немъ что-нибудь. Я видѣла его бѣгущимъ съ лукомъ и стрѣлой: онъ былъ такъ хорошъ!

Манна охотно исполнила желаніе дѣвочки, которая даже разсмѣялась, когда она ей представила, какъ Роландъ играетъ съ собаками. Докторъ и сидѣлка, обладавшая довольно значительными познаніями въ медицинѣ, уговаривали Манну не слишкомъ утомляться. Но молодая дѣвушка была сильна и ни на минуту не отходила отъ больного ребенка, который и умеръ на ея рукахъ.

Послѣднія слова маленькой дѣвочки были:

— Добраго утра, Манна. Теперь больше никогда не будетъ ночи.

Многое пришлось испытать Маннѣ. Она присутствовала при постриженіи одной изъ монахинь и при поступленіи въ послушницы любимой изъ своихъ подругъ. Теперь ей еще привелось быть свидѣтельницей смерти ребенка, тихо сошедшаго въ могилу, какъ цвѣтъ, который падаетъ съ дерева.

Манна съ подругами несла гробъ дѣвочки, вмѣстѣ съ другими бросила на него горсть земли и во все время не проро-

нила ни слезинки. Только когда патеръ въ трогательныхъ словахъ описалъ, какъ Отецъ небесный призвалъ къ себѣ ребенка съ земли, на которой онъ томился, какъ въ заточеніи, потокъ горячихъ слезъ хлынулъ изъ ея глазъ и оросилъ ея блѣдныя щеки.

Возвратясь съ кладбища, Манна встала на колѣни передъ опустѣвшей постелькой умершей дѣвочки и долго и горячо молилась. Она просила Бога, чтобъ онъ взялъ ее къ себѣ такою же чистой и невинной, какъ ребенка. Мало-по-малу она успокоилась, утѣшая себя мыслью, что не далеко то время, когда она навѣки покинетъ грѣшный міръ и укроется подъ сѣнью священной обители. Ей казалось, что она слышитъ изъ этого міра чей-то голосъ, который зоветъ ее подвергнуться послѣднему испытанію. Она повинуется ему, но вслѣдъ затѣмъ опять, и уже навсегда вернется сюда.

Она вышла изъ кельи и отправилась бродить по острову. Шаги ея сами собой направились къ высокой ели, подъ тѣнью которой она такъ часто работала, между тѣмъ какъ маленькая дѣвочка сидѣла у ногъ ея на низенькой скамеечкѣ. Манна долго тутъ оставалась, стараясь угадать, какія превратности еще ожидаютъ ее въ теченіи этого года, который ей предстоитъ провести въ свѣтѣ. Но мысли ея, незамѣтно для нея самой, опять и опять обращались къ ребенку, который уже достигъ вѣрной пристани.

Вдругъ вблизи отъ нея раздался шумъ шаговъ. Манна быстро подняла голову и увидѣла прекраснаго юношу, похожаго на Роланда, но гораздо выше и мужественнѣе его. Она отъ изумленія не могла пошевелиться.

Мальчикъ между тѣмъ подошелъ ближе и закричалъ:

— Манна, Манна, иди ко мнѣ!

Она встала со скамьи и братъ и сестра съ громкимъ крикомъ бросились въ объятія одинъ другого.

— Сядемъ здѣсь, сказала Манна, и они помѣстились на скамьѣ подъ развѣсистой елью.

Она принялась разсказывать Роланду о маленькой дѣвочкѣ, умершей отъ тоски по родинѣ и упомянула о ея частыхъ разспросахъ о немъ.

— Ахъ, Роландъ! воскликнула Манна въ заключеніе. Вся наша жизнь есть нечто иное, какъ продолжительная тоска по небесномъ отечествѣ, и благо тому, кто отъ нея умираетъ!

Роландъ хорошо понималъ возбужденное состояніе, въ какомъ находилась Манна, и не противорѣчилъ ей. Немного спустя, онъ спокойнымъ, но рѣшительнымъ тономъ замѣтилъ, что

теперь настало ей время вернуться на свою земную родину, то есть въ родительскій домъ. Затѣмъ онъ, стараясь развлечь ее, разсказалъ ей, какъ онъ игралъ во французской пьесѣ роль пажа, въ костюмѣ котораго потомъ снялъ съ себя портретъ, и какъ отецъ его получилъ орденъ. Въ заключеніе онъ объявилъ, что отецъ довѣрилъ ему тайну, которую запретилъ кому бы то ни было открывать.

Послѣднія слова Роланда заставили Манну встрепенуться.

— Отецъ тебѣ довѣрилъ тайну? спросила она, устремивъ на него пытливый взглядъ.

— Да, и какую пріятную, завидную тайну! Узнавъ ее, ты тоже будешь радоваться.

Лицо Манны снова сдѣлалось равнодушно.

Роландъ разсказалъ ей еще, какъ онъ въ бреду постоянно звалъ ее къ себѣ, и спросилъ, рада ли она, что видитъ его въ живыхъ.

— Да, ты живъ, воскликнула она: и будешь еще долго жить! Все должно тебѣ принадлежать!

Роландъ напомнилъ ей, что завтра день его рожденія. Всѣ его желанія теперь клонились къ одному, а именно, вмѣстѣ съ ней вернуться въ родительскій домъ.

— Хорошо, я поѣду съ тобой, сказала Манна. И знаешь что́, лучше всего, отправимся немедленно въ путь.

Братъ и сестра рука объ руку вошли въ монастырь. Манна объявила настоятельницѣ, что хочетъ съ братомъ ѣхать домой. Та не противилась ея желанію и благословивъ на дорогу, отпустила ее. Манна съ лихорадочной поспѣшностью простилась съ подругами и монахинями, а потомъ ушла въ церковь, гдѣ долго молилась. Затѣмъ она, взявъ съ собой Роланда, отправилась на могилу маленькой дѣвочки.

Роландъ задумчиво смотрѣлъ на длинный рядъ однообразныхъ могилъ, которыя ни малѣйшимъ знакомъ не отличались одна отъ другой. Онъ спросилъ, чей прахъ въ нихъ покоится.

— Тутъ погребены монахини, отвѣчала Манна.

— Какъ грустно должно быть лежать въ могилѣ, на которой даже не обозначено твое имя! замѣтилъ Роландъ.

— Но какъ же бы могло быть иначе? возразила Манна. Монахиня, постригаясь, слагаетъ съ себя родительское имя и принимаетъ другое, которое носитъ до самой смерти, а потомъ оставляетъ его въ наслѣдство другимъ.

— Понимаю! сказалъ Роландъ: ни монашескому, ни настоящему имени нѣтъ мѣста на могилѣ. А вѣдь въ числѣ здѣсь

погребенныхъ вѣроятно есть много женщинъ благороднаго происхожденія.

— Почти всѣ.

— Что̀ бы ты сказала, Манна, еслибъ и мы тоже получили дворянское достоинство?

— Опомнись, Роландъ! воскликнула Манна, быстро схвативъ его за руку. Гдѣ ты произносишь такія рѣчи? Пойдемъ прочь, твои слова оскверняютъ эти священныя могилы!

Она вывела его съ кладбища, а сама еще разъ вернулась на могилу и преклонивъ на ней колѣни, горячо молилась.

Немного спустя, она съ братомъ стояла на берегу, гдѣ ихъ ожидалъ Лутцъ съ поклажей. Они сѣли въ лодку и перебравшись на пароходъ поплыли вверхъ по теченію рѣки. На палубѣ всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на прелестную пару молодыхъ людей, которые сидѣли рядомъ и молча смотрѣли вдаль.

— А теперь объясни мнѣ, вдругъ заговорилъ Роландъ: почему ты, уѣзжая въ монастырь, назвала себя Ифигеніей?

— Я не могу тебѣ этого сказать.

— Я самъ думаю, что не можешь. Мы съ Эрихомъ читали «Ифигенію» и Эврипида, и Гёте; ты ни на одну изъ нихъ не похожа.

— Я только хотѣла.... Ахъ, оставимъ это пожалуйста!

— А знаешь ли ты, продолжалъ Роландъ, что Ифигенія была впослѣдствіи женой героя Ахилла и вмѣстѣ съ нимъ наслаждалась безсмертіемъ.

Манна отвѣчала отрицательно и Роландъ описалъ ей снимокъ съ одного изъ Помпейскихъ фресковъ, который ему показывала профессорша. Жрецъ Калхасъ стоитъ вооруженный жертвеннымъ ножемъ; Діомедъ и Одиссей влекутъ къ нему Ифигенію; отецъ ея, Агамемнонъ, закрываетъ лицо руками, а Артемида посылаетъ съ одной изъ своихъ нимфъ лань, которая должна быть принесена въ жертву вмѣсто Ифигеніи.

— Ты кажется теперь все знаешь, съ улыбкой замѣтила Манна.

— И Эрихъ мнѣ сказалъ, продолжалъ Роландъ, что принесеніе въ жертву Ифигеніи и Исаака имѣютъ совершенно одинаковое значеніе.

Лицо Манны омрачилось: въ послѣднихъ словахъ Роланда она видѣла задатки будущаго еретическаго образа мыслей.

— Ахъ! внезапно воскликнулъ Роландъ: я нашелъ сходство! Оракулы, какъ видно, и въ наши дни еще не перевелись. Орестъ ѣздилъ за своей сестрой въ Тавриду и взялъ ее изъ храма, гдѣ она была жрицей.... Вотъ въ чемъ дѣло! И ты

это предвидѣла! Ахъ, какъ обрадуется Эрихъ!... Но знаешь ли: когда Ифигенія и Орестъ плыли на кораблѣ, онъ болталъ много вздору, а она смѣялась. Отчего же и ты не смѣешься? Ты прежде такъ хорошо смѣялась, точно горлицы воркуютъ въ лѣсу. Неужели ты потеряла эту способность? Ну, смѣйся же!

И самъ Роландъ залился серебристымъ хохотомъ. Но Манна оставалась серьезной и въ теченіи всей поѣздки болѣе ни разу не улыбнулась. Развѣ только, когда пароходъ внезапно остановился посреди рѣки, она сама спросила:

— Что это такое?

— Я тоже объ этомъ какъ-то разъ спрашивалъ у Эриха. Ахъ, онъ все знаетъ! Вотъ тамъ, видишь ли, идетъ тяжело нагруженное судно. Еслибъ пароходъ во время не остановился, онъ силой и быстротой своего хода увлекъ бы въ бездну это судно, которое непремѣнно опрокинулось бы и погибло. Эрихъ, объясняя мнѣ это, между прочимъ сказалъ: «Такъ точно и мы, Роландъ, должны дѣйствовать въ жизни. Сами легко и быстро плывя вдоль по житейской рѣкѣ, мы должны заботиться о томъ, чтобъ не опрокинуть вздымаемыми нами волнами тѣхъ, которые влекутъ за собой тяжелый грузъ.»

Манна слушала, широко раскрывъ глаза. Ей стало ясно, какъ много выигралъ Роландъ отъ общества человѣка, который умѣлъ всякое явленіе физическаго міра примѣнять къ нравственнымъ потребностямъ своего воспитанника и извлекать изъ нихъ полезные уроки. Ее внезапно охватило предчувствіе той силы, какая заключается въ таинственной связи между природой и человѣческой мыслью.

Она въ раздумьѣ покачала головой и раскрывъ молитвенникъ, принялась усердно въ немъ читать.

— Видишь ли ты стеклянный куполъ, на которомъ такъ ослѣпительно играютъ лучи заходящаго солнца? спросилъ Роландъ, когда время уже начало приближаться къ вечеру: это нашъ домъ. Они тамъ можетъ быть и не подозрѣваютъ, что ты ѣдешь со мной.

— Нашъ домъ, мой домъ! мысленно повторила Манна. Слова эти какъ-то чуждо и холодно звучали въ ея ушахъ.

Яркое сіяніе купола ослѣпляло ее и она поспѣшила закрыть глаза.

ГЛАВА XIII.

НИЧЕГО КРОМѢ ГЛАЗЪ.

У пристани стояли два экипажа. Зонненкампъ горячо обнялъ и поцѣловалъ дочь. Она не противилась его ласкѣ, но и не отдала ему ее. Манна почти съ ужасомъ смотрѣла вслѣдъ пароходу, который, высадивъ ее съ братомъ на берегъ, быстро продолжалъ путь.

— Твоя мать тоже здѣсь, въ каретѣ, сказалъ Зонненкампъ, беря Манну подъ руку. Она неохотно ему повиновалась и вскорѣ очутилась въ каретѣ, гдѣ ее ожидали фрейленъ Пэрини и Церера, которую она нѣжно поцаловала.

Отецъ съ сыномъ сѣли въ другой экипажъ. Зонненкампъ что-то сердито про себя ворчалъ: ему еще не удалось слышать голоса Манны.

— А гдѣ Эрихъ? спросилъ Роландъ.

— У своей матери, въ виноградномъ домикѣ. Онъ понялъ, что присутствіе чужихъ могло бы насъ стѣснить и поступилъ очень деликатно, уйдя къ своимъ.

Роландъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца: неужели Эрихъ и его семья были для нихъ чужіе.

Вскорѣ по пріѣздѣ на виллу, фрейленъ Пэрини тоже куда-то исчезла. Она отправилась къ патеру и изъ его дома послала слугу на телеграфную станцію.

Родители остались одни съ дѣтьми. Но въ комнатѣ точно вѣялъ какой-то враждебный духъ, который изгналъ изъ сердецъ собравшихся въ ней и довѣріе, и радость свиданія. Зонненкампъ и Роландъ отвели Манну въ ея комнату, гдѣ она была очень рада найдти все въ старомъ порядкѣ. Увидя каминъ, уставленный ея любимыми цвѣтами, она обратилась къ Зонненкампу и проговорила:

— Благодарю тебя, отецъ.

Теперь Манна сама, добровольно, взяла отца за руку и поцѣловала ее. Но коснувшись кольца на его большомъ пальцѣ, она не могла удержаться, чтобъ не вздрогнуть.

Зонненкампъ вскорѣ ушелъ, оставивъ брата и сестру вдвоемъ. Роландъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Манна сегодня же повидалась съ бабушкой и тетушкой. Молодая дѣвушка упрекнула его за то, что онъ называетъ этими именами людей совершенно постороннихъ.

— Ахъ, Манна, ты тоже непремѣнно должна ихъ полюбить!

— Должна? Развѣ можно любить по заказу? Позволь мнѣ, Роландъ, разъ навсегда тебѣ сказать... впрочемъ, нѣтъ, не надо.

Наконецъ она согласилась пойти съ Роландомъ въ виноградный домикъ и они направились вдоль берега, къ новой двери въ стѣнѣ парка.

— Вонъ идетъ Эрихъ, я его позову! сказалъ Роландъ и закричалъ: Эрихъ, Эрихъ!

Но молодой человѣкъ, не оборачиваясь, продолжалъ путь и вскорѣ скрылся за деревьями.

Роландъ и Манна застали профессоршу на лѣстницѣ винограднаго домика, куда она вышла ихъ встрѣтить.

— Онъ мнѣ не хотѣлъ дать ни минуты покою, заставляя немедленно идти къ вамъ, сказала Манна.

— Такъ онъ васъ тоже заставляетъ дѣлать все, что хочетъ? отвѣчала профессорша и погрозивъ пальцемъ Роланду, продолжала: Милое дитя мое, этотъ шалунъ вамъ, безъ сомнѣнія, будетъ много обо мнѣ говорить и станетъ заставлять васъ меня полюбить. Но навязчивость, какого бы она ни была рода, всегда бываетъ непріятна и только вредитъ дѣлу. Я бы очень желала имѣть васъ другомъ, но тѣмъ не менѣе заранѣе прошу васъ: не будемъ другъ друга стѣснять.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на профессоршу. А та разспрашивала ее о подробностяхъ монастырской жизни и совѣтовала ей теперь какъ можно чаще и больше оставаться одной. Быстрый переходъ отъ тишины и уединенія къ разсѣянному и веселому образу жизни, говорила она, можетъ повредить не только физическому, но и нравственному ея здоровью.

Спокойная рѣчь и ласковое обращеніе профессорши благотворно подѣйствовали на Манну. Но окинувъ взоромъ комнату, въ которой они находились, она снова почувствовала въ сердцѣ холодъ: на стѣнахъ не виднѣлось ни одной картины духовнаго содержанія. Увидавъ швейную машинку, Манна захотѣла немедленно выучиться, какъ съ ней обращаться.

Между тѣмъ пришла и тетушка Клавдія, пріятная и изящная наружность которой мгновенно привлекла къ себѣ Манну. Она понравилась ей гораздо больше профессорши.

— Ты и тетушка, сказалъ Роландъ, вы обладаете одинаковыми вкусами и талантами. Вы обѣ играете на арфѣ и обѣ любите звѣзды.

Тетушка, не заставляя себя долго просить, сѣла за арфу и съиграла нѣсколько пьесъ.

— Я вамъ буду очень благодарна, если вы согласитесь взять меня въ ученицы, сказала Манна, протягивая тетушкѣ руку. Прекрасная, тонкая рука фрейленъ Дорнэ пришлась ей гораздо болѣе по сердцу, нежели маленькая пухлая ручка профессорши.

Насталъ вечеръ и всѣ отправились на виллу. Манна шла съ тетушкой, а Роландъ съ профессоршей. Вдругъ имъ на встрѣчу попался Эрихъ.

— Наконецъ-то! воскликнулъ Роландъ. — Манна, вотъ онъ!

Манна и Эрихъ обмѣнялись учтивымъ поклономъ.

— Отчего же вы молчите? приставалъ Роландъ — или вы разучились говорить? Эрихъ, это Манна, моя сестра. Манна, это мой другъ, мой братъ, мой Эрихъ.

— Успокойся, Роландъ, сказалъ Эрихъ, звучный голосъ котораго заставилъ Манну поднять на него глаза.

— Второй разъ приходится мнѣ съ вами встрѣчаться, фрейленъ Зонненкампъ, продолжалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ ней: и оба раза я вижу васъ въ сумеркахъ....

Манна хотѣла отвѣтить, что она видѣла его еще на музыкальномъ торжествѣ, гдѣ онъ такъ прекрасно пѣлъ, но удержалась и только крѣпче сжала губы. Настало молчаніе.

— Пойдемте домой, говорилъ Роландъ, и тогда вы увидите другъ друга при свѣтѣ.... Знаете ли, годъ тому назадъ, я въ этотъ самый часъ убѣжалъ изъ дому. Неужели съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ? Ахъ, Манна, ты себѣ и представить не можешь, какъ многое я пережилъ за это время! Мнѣ кажется, что надо мной прошло уже много вѣковъ и что я также старъ, какъ геній смѣха, о которомъ мнѣ разсказывалъ извощикъ.

И онъ повторилъ Маннѣ разсказъ. Затѣмъ Эрихъ объявилъ, что онъ весь вечеръ проведетъ у своей матери, чтобъ не мѣшать Маннѣ и ея родителямъ. Въ первый день своего возвращенія домой, она безъ сомнѣнія не захочетъ видѣть никого изъ постороннихъ. Роландъ сильно противъ этого возсталъ, но глаза Манны широко раскрылись и какъ-то странно сверкнули въ полумракѣ весенней ночи.

Общество разсталось у калитки, близъ входа въ паркъ. Роландъ съ сестрой пошелъ на виллу, а Эрихъ съ матерью и теткой въ виноградный домикъ. Онъ вторично встрѣтился съ Манной и въ этотъ разъ, какъ и въ первый, ему казалось, что онъ изъ всей ея особы видѣлъ только одни глаза.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, молодая дѣвушка глубоко задумалась. Какъ странно, что этотъ человѣкъ похожъ на

св. Антонія! Она старалась себя увѣрить, что такого рода сходство невозможно и существуетъ только въ ея воображеніи. Роландъ однажды о немъ упомянулъ и слова его запали ей въ голову тѣмъ болѣе, что во взглядѣ учителя дѣйствительно былъ какъ будто отдаленный намекъ на глаза св. Антонія, какимъ онъ изображенъ у Мурильо. Манна тоже сохранила впечатлѣніе только о глазахъ и о высокомъ ростѣ Эриха.

Она долго молилась на колѣняхъ около своей постели, потомъ раздѣлась и обвязала вокругъ таліи тонкій снурокъ, который мгновенно впился ей въ тѣло. Она получила его отъ одной монахини и носила въ качествѣ веригъ.

ГЛАВА XIV.

ПОДАРОКЪ.

На слѣдующее утро, еще задолго до солнечнаго восхода, Роландъ разбудилъ Эриха и сказалъ ему:

— Пойдемъ сегодня.

Эрихъ сначала не могъ понять, чего хотѣлъ отъ него мальчикъ, но тотъ ему напомнилъ его собственный совѣтъ, непремѣнно, хоть разъ въ годъ, ходить въ горы любоваться солнечнымъ восходомъ. Они оба быстро одѣлись и отправились въ путь. Роландъ замѣтилъ, что онъ ровно годъ тому назадъ въ первый разъ видѣлъ восхожденіе солнца. Но тогда онъ былъ одинъ, а теперь находился въ обществѣ дорогого друга.

— Будемъ смотрѣть молча, сказалъ Эрихъ. И ставъ на окраину горы, они долго любовались восходящимъ свѣтиломъ. Въ Роландѣ внезапно пробудилось сознаніе, что вся роскошь, всѣ богатства въ мірѣ ничто въ сравненіи съ свѣтомъ, который всѣмъ одинаково принадлежитъ. Богачъ не можетъ украсить своего жилища ничѣмъ болѣе прекраснымъ, нежели солнечный свѣтъ, въ такомъ же изобиліи изливающій свои лучи на его пышные хоромы, какъ и на скромную хижину бѣдняка.

Когда мальчикъ, не въ силахъ долѣе скрывать свое волненіе, высказалъ эти мысли вслухъ, Эрихъ едва удержался, чтобъ не обнять его. Въ душѣ Роланда тоже взошло новое свѣтило, солнце мысли, для котораго не существуетъ заката. Оно можетъ подернуться туманомъ, на мгновеніе скрыться за тучи, но свѣтъ его никогда не померкнетъ вполнѣ.

Эрихъ и Роландъ сошли въ долину, къ рѣкѣ, и поплыли по направленію къ дому. На душѣ у обоихъ было такъ ясно

и мирно, какъ будто жизнь ихъ получила новое освященіе. Вдали ударилъ колоколъ, за нимъ другой и воздухъ огласился торжественнымъ гуломъ. Приближаясь къ виллѣ, молодые люди увидѣли Манну, идущую въ церковь.

Зонненкампъ въ этотъ день тоже рано всталъ и отправился къ профессоршѣ.

— Вы правы, сказалъ онъ ей: я послѣдую вашему совѣту и ничего сегодня не подарю Роланду. Мнѣ очень нравится придворный обычай, по которому герцогскіе дѣти въ день своего рожденія, или своихъ имянинъ, ничего не получаютъ, но сами даютъ. Я сдѣлалъ всѣ распоряженія на сегодняшній день согласно съ планомъ, который вы были такъ добры и мнѣ сообщили. Я вамъ вдвойнѣ благодаренъ за выраженное вами желаніе, чтобъ мысль устроиваемаго нами праздника была приписана исключительно мнѣ. Признаться, я не охотникъ до всего, что̀ хоть сколько-нибудь отзывается ложью, но ради моего сына на все готовъ!

Профессорша вмѣсто отвѣта крѣпко сжала губы. Какъ ловко этотъ человѣкъ, вся жизнь котораго есть не что иное, какъ одна громадная ложь, разыгрываетъ передъ ней героя правды и добродѣтели! Но она уже успѣла примириться съ мыслью, что не всякое доброе дѣло проистекаетъ изъ чистаго источника и что иногда лучше бываетъ до него вовсе не доискиваться.

Профессорша намѣревалась гораздо позже отправиться на виллу, но Зонненкампъ ее уговорилъ пойти съ нимъ.

Тамъ они увидали у подъѣзда карету, изъ которой выходилъ Пранкенъ. Онъ объявилъ, что пріѣхалъ поздравить Роланда съ днемъ его рожденія и повидимому очень обрадовался, узнавъ, что Манна вернулась домой. Ему не было надобности признаваться въ томъ, что фрейленъ Пэрини его уже объ этомъ увѣдомила телеграммой. Стоя на террасѣ, обращенной къ Рейну, Пранкенъ увидѣлъ Манну, какъ она съ книгой въ рукахъ ходила взадъ и впередъ по одной изъ аллеекъ сада.

Фрейленъ Пэрини долго о чёмъ-то шепталась съ Пранкеномъ. Она гордилась тѣмъ, что будто съумѣла проникнуть и разсѣять хитрыя козни профессорскаго семейства, которое такъ ловко, при каждомъ удобномъ случаѣ, накидывало на себя покровъ неподкупной добродѣтели. Эти Дорнэ явно подъучили Роланда съѣздить за Манной и привезти ее. Ихъ планъ еще вчера вышелъ наружу. Манну, тотчасъ послѣ ея пріѣзда, затащили въ виноградный домикъ и поспѣшили тамъ очаровать. Молодая дѣвушка была безъ ума особенно отъ тетушки Клавдіи.

Фрейленъ Пэрини съ лукавой улыбкой замѣтила Пранкену,

что тетушка была оставлена въ резервѣ, для покоренія Манны, но она надѣялась, что усилія врага разобьются въ прахъ, и побѣда останется за ними, то-есть за Пранкеномъ.

Наконецъ на террасу явилась Манна и снова подала Пранкену лѣвую руку. Она въ правой держала молитвенникъ.

Пранкенъ краснорѣчиво выразилъ свою радость по поводу того, что теперь на прекрасномъ деревѣ Зонненкамповой фамиліи, всѣ почки и цвѣты въ полномъ сборѣ. Манна дружески его поблагодарила.

Затѣмъ Пранкенъ началъ распрашивать ее о впечатлѣніи, какое на нее произвело возвращеніе въ родительскій домъ. Манна очень спокойно ему отвѣчала:

— Домъ—это временное жилище, палатка, которая разбивается на короткій срокъ, а затѣмъ опять складывается и убирается.

Пранкенъ не даромъ въ послѣднее время такъ часто бывалъ въ обществѣ духовенства. Въ бесѣдахъ съ нимъ онъ научился множеству благочестивыхъ изреченій и выраженій, которыя нерѣдко пускалъ входъ и почти всегда кстати. Такъ и теперь онъ, воспользовавшись намекомъ, заключавшемся въ словахъ Манны, поспѣшилъ дать разговору религіозный оборотъ. Вся наша жизнь, говорилъ онъ, есть не что иное какъ странствованіе по безплодной пустыни, которое имѣетъ цѣлью привести насъ въ небесную обитель. А вся задача земного существованія заключается въ томъ, чтобъ, умертвивъ въ себѣ плоть, сдѣлаться достойнымъ вступленія въ обѣтованную землю.

Легкій, разговорный тонъ, какимъ Пранкенъ все это говорилъ, сначала нѣсколько озадачилъ Манну, но потомъ она была очень рада найти въ немъ такого рода религіозное настроеніе духа. Этотъ изящный, любезный молодой человѣкъ казался ей гораздо ближе къ ней съ тѣхъ поръ, какъ она убѣдилась, что онъ, принадлежа къ одной церкви съ ней, въ то же время вполнѣ раздѣляетъ ея образъ мыслей. Манна невольно опустила глаза, когда Пранкенъ, вынувъ изъ кармана подаренныя ему ею сочиненія Θома Кемпійскаго, сказалъ, что этой книгѣ онъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть лучшаго.

— Прошу васъ, спрячьте поскорѣй книгу, сказала Манна, коснувшись ее рукой. Она услышала вдали голоса профессорши и маіора.

Пранкенъ исполнилъ, что́ было ему приказано, и долго неотнималъ руки отъ боковаго кармана на груди, гдѣ у него хранилась книжка. Онъ устремилъ на Манну восторженный взглядъ и былъ въ высшей степени доволенъ такъ быстро уста-

новившимися между ними дружескими отношеніями. Его особенно радовало то, что между нимъ и прелестной, благородной дѣвушкой существовала тайна.

Маіоръ обошелся съ Манной какъ съ рекрутомъ. Онъ заставилъ ее пройти нѣсколько шаговъ, повернуться и опять идти, съ тѣмъ чтобъ составить себѣ полное мнѣніе о ея наружности и походкѣ. Манна охотно и съ улыбкой исполняла всѣ его требованія.

— Такъ, такъ, проговорилъ онъ наконецъ, поднявъ въ воздухъ указательный палецъ лѣвой руки. Этотъ жестъ обозначалъ у него обыкновенно, что онъ собирается произнести нѣчто очень мудрое. — Такъ, такъ, повторилъ онъ: все хорошо, что̀ хорошо.... Господинъ Зонненкампъ очень счастливъ: сынъ у него будетъ военный, дочь побыла въ монастырѣ и вернулась.... хорошо, очень хорошо!

Всѣ въ отвѣтъ ласково кивнули маіору головой, а онъ былъ несказанно счастливъ. Ему казалось, что онъ съумѣлъ сказать кстати нѣсколько словъ и онъ теперь могъ быть спокоенъ на весь день. Затѣмъ онъ освѣдомился о Роландѣ и замѣтилъ, что стыдно ему, въ этотъ прекрасный весенній день, такъ до̀лго не выходить изъ своей комнаты. Погода была такъ хороша, какъ будто бы ее кто-нибудь нарочно заказалъ для настоящаго дня. Маіоръ собирался разсказать Маннѣ всѣ ужасы, претерпѣнные имъ ровно годъ тому назадъ, когда онъ мчался на экстренномъ поѣздѣ, но ему помѣшалъ приходъ Роланда и Эриха.

Манна нѣжно обняла брата, Роландъ подалъ руку Пранкену, который тоже его поцаловалъ. Но мальчикъ поспѣшилъ освободиться отъ его объятій и обращаясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Дай и ты руку Эриху, сегодня мы празднуемъ также годовщину его вступленія къ намъ въ домъ. Ровно годъ тому назадъ онъ сдѣлался моимъ, а я его. Не правда ли, Эрихъ? Дай же ему руку, сестра!

Молодая дѣвушка протянула руку и тутъ въ первый разъ Манна и Эрихъ взглянули другъ на друга при дневномъ свѣтѣ.

— Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали для моего брата, сказала она.

Эрихъ былъ пораженъ ея наружностью. Въ ней виднѣлось какое-то странное смѣшеніе покорной грусти, гордости и холоднаго ко всему равнодушія. Движенія ея были преисполнены трогательной граціи, а въ голосѣ звучала плѣнительная мягкость и въ тоже время сила, свѣжесть и какая-то печальная, точно надорванная нота.

Сама того не замѣчая, Манна сдѣлалась центромъ, на ко-

торый было устремлено всеобщее вниманіе, и на время даже затмила собой главнаго героя настоящаго дня, Роланда.

Вскорѣ всѣ отправились въ большую залу, гдѣ уже были собраны профессорша, тетушка Клавдія, фрейленъ Пэрини и Церера.

Окна залы были всѣ затворены: Церера боялась утренняго воздуха. Она имѣла по обыкновенію утомленный видъ и зѣвала, но когда пришелъ Роландъ, она приподнялась и поцаловала его.

Профессорша, обнимая мальчика и поздравляя его, сказала:

— Желаю тебѣ счастья, то-есть желаю тебѣ всегда понимать выпавшее тебѣ на долю счастье и умѣть вполнѣ его цѣнить.

Зонненкампъ, стоявшій рядомъ съ Пранкеномъ, шепнулъ ему, пожимая плечами:

— Эта женщина всегда придумаетъ что-нибудь особенное. Она даже добраго утра не пожелаетъ спроста!

— Мы должны ей быть благодарны ужъ и за то, замѣтилъ Пранкенъ, что она не прибавила еще: такъ думалъ и говорилъ мой покойный мужъ, блаженной памяти профессоръ Мумія.

У обоихъ, пока они обмѣнивались этими замѣчаніями, лица оставались неподвижны и никто ничего не замѣтилъ.

На большомъ столѣ лежало множество пакетовъ съ обозначенными на нихъ именами. Профессорша, съ помощью фрейленъ Милькъ, составила длинный списокъ молодыхъ людей, одинаковыхъ лѣтъ съ Роландомъ, которые должны были изъ его рукъ получить подарки. Все это были большею частью ремесленники, отправлявшіеся въ ученье, рыбаки и виноградари. Бѣдные обыватели сосѣднихъ деревень тоже не были забыты и каждому изъ нихъ надлежало получить то, въ чемъ онъ всего болѣе нуждался.

На срединѣ стола лежалъ большой письменный конвертъ. Зонненкампъ его украдкой туда положилъ при входѣ своемъ въ залу. На конвертѣ было написано: «Другу моему и учителю, капитану-доктору Эриху Дорнэ».

Окинувъ быстрымъ взглядомъ столъ, Роландъ увидѣлъ пакетъ и принесъ его Эриху, который, распечатавъ его, нашелъ въ немъ банковые билеты на весьма значительную сумму денегъ. Руки его задрожали, онъ съ минуту простоялъ въ недоумѣніи, потомъ снова вложилъ билеты въ конвертъ.

Зонненкампъ о чемъ-то тихо разговаривалъ съ Манной и Пранкеномъ. Эрихъ, подойдя къ нему, дрожащимъ отъ волненія голосомъ просилъ его взять пакетъ обратно.

Зонненкампъ, дѣлая видъ, будто не понимаетъ настоящаго

смысла словъ молодого человѣка, который отъ смущенія говорилъ нѣсколько безсвязно, любезно отвѣчалъ:

— Не вамъ меня, а мнѣ васъ слѣдуетъ благодарить.

Эрихъ потупилъ взоръ, потомъ сказалъ:

— Извините меня, но я не привыкъ получать подарки и желалъ бы...

— Свободный человѣкъ, подобный вамъ, вмѣшался Пранкенъ, не долженъ терять на это словъ. Возьмите билеты: они вамъ предлагаются отъ добраго сердца.

Онъ говорилъ какъ членъ семьи, почти такъ, какъ будто бы самъ, изъ своего кармана, давалъ эти деньги. Эрихъ былъ въ затрудненіи, не зная какъ ему отказаться отъ подарка, не выказавшись неблагодарнымъ и черезчуръ щепетильнымъ.

Онъ взглянулъ на Манну и сердце его болѣзненно сжалось. Ему было невыносимо тяжело, въ первый же день ея пріѣзда, явиться передъ ней въ качествѣ нуждающагося и облагодѣтельствованнаго. Онъ смотрѣлъ на нее съ умоляющимъ видомъ, но она молчала и Эриху ничего болѣе не оставалось, какъ сунуть пакетъ въ карманъ.

Онъ вскорѣ ушелъ въ паркъ и долго тамъ бродилъ, погруженный въ печальныя размышленія. На лавкѣ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ объяснялся съ Беллой, Эрихъ еще разъ вынулъ изъ кармана пакетъ и пересчиталъ банковые билеты. Они составляли такую значительную сумму, что могли навсегда обезпечить существованіе цѣлаго скромнаго семейства. Задумчиво перебирая ихъ пальцами, Эрихъ сидѣлъ на лавкѣ, а взоръ его безъ цѣли блуждалъ по окрестности. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что вовсе не слышалъ пѣнія птицъ, которыя весело порхали въ кустахъ и деревьяхъ.

Вдругъ чей-то голосъ произнесъ его имя.

Минуту спустя явился камердинеръ Іозефъ и вручилъ ему письмо отъ профессора Эйнзиделя. Добрый старикъ, поздравляя его съ настоящимъ днемъ, совѣтовалъ ему какъ можно скорѣе и болѣе накопить себѣ денегъ съ тѣмъ, чтобъ потомъ быть въ состояніи безпрепятственно посвятить себя наукѣ. Опять и опять выражалъ профессоръ Эйнзидель сожалѣніе, что въ мірѣ нѣтъ особаго рода ученыхъ монастырей, куда бы люди, посвятившіе жизнь свою наукѣ, могли удаляться на закатѣ дней своихъ.

Эрихъ, успокоенный и ободренный, вернулся къ обществу, которое едва замѣтило его отсутствіе.

— Таковы всѣ идеалисты и проповѣдники, стремящіеся пересоздать міръ и водворить въ немъ добродѣтель! сказалъ Пранкенъ Зонненкампу. Смотрите, какъ повеселѣлъ нашъ докторъ:

у него точно выросли крылья! Да, таковы всѣ они! Деньги презираются ими до тѣхъ поръ, пока не попадутъ къ нимъ въ руки.

Пранкенъ не ошибался. Эриху дѣйствительно казалось, что онъ внезапно пріобрѣлъ новую силу, новое орудіе. Въ головѣ у него вертѣлась мысль: «Наконецъ и ты богатъ и имѣешь о чемъ заботиться, кромѣ своей собственной личности!»

Немного спустя, онъ замѣтилъ, что держалъ руку у сердца на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ у него въ карманѣ лежали деньги. Какъ бы коснувшись раскаленнаго желѣза, онъ быстро отдернулъ ее прочь.

ГЛАВА XV.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБѢДЪ СЪ НЕОЖИДАННЫМИ БЛЮДАМИ.

Маіоръ и Роландъ провели время до обѣда самымъ пріятнымъ образомъ. Они перенесли всѣ пакеты съ подарками изъ залы въ телѣжку, запряженную маленькимъ пони и сами отправились развозить ихъ по селамъ и хижинамъ.

Семейство ловчаго они посѣтили послѣ всѣхъ.

Съ Клаусомъ въ теченіи этой зимы случилось что-то недоброе. Отпраздновавъ съ пріятелями свое оправданіе и освобожденіе изъ тюрьмы, онъ началъ все чаще и чаще обращаться за утѣшеніемъ къ вину, а за неимѣніемъ его и къ водкѣ, которыя доставляли ему полное забвеніе всѣхъ тревогъ и печалей. Жена и дѣти его были въ отчаяніи. Разъ какъ-то у нихъ даже дѣло дошло до крупныхъ словъ и рѣзкихъ объясненій. Бочаръ узналъ, что отецъ его, встрѣтясь въ горахъ съ однимъ путешественникомъ, просилъ у него милостыни, подъ предлогомъ, что былъ разоренъ своимъ сосѣдомъ, очень богатымъ человѣкомъ. Честный малый вышелъ изъ себя и осыпалъ отца упреками.

Бургомистръ и надзиратель надъ вѣсами и мѣрами нерѣдко зазывали Клауса къ себѣ и угощали виномъ, забавляясь его жалобами и грубыми выходками.

Когда маіоръ и Роландъ въ описываемое нами утро пришли къ ловчему, они застали его уже на веселѣ. Роландъ испугался, но маіоръ сказалъ ему:

— Не бойся, въ этомъ нѣтъ большой бѣды. Клаусъ, правда, пьетъ слишкомъ много вина, но оно вредитъ гораздо больше его желудку, нежели головѣ. Если человѣкъ можетъ быть счастливъ отъ лишняго стакана вина, то пусть онъ себѣ пьетъ!

Добродушная рѣчь маіора и собственное веселое настроеніе духа Роланда, помогли ему вскорѣ оправиться отъ этого непріятнаго впечатлѣнія. Отъ ловчаго они отправились къ Семиствольнику и застали тамъ всѣхъ бодрыми и веселыми.

Роландъ не разъ въ теченіи утра повторялъ, что никогда еще не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня. Маіоръ старался ему объяснить, что добро, которое люди дѣлаютъ ближнимъ, никогда не пропадаетъ даромъ, но всегда возвращается имъ сторицей въ видѣ благодарности и благословеній тѣхъ, кого они избавляютъ отъ нужды и печали.

— Фрейленъ Милькъ, сказалъ онъ въ заключеніе, часто повторяетъ фразу, которую слѣдовало бы золотыми буквами начертать на стѣнѣ какого-нибудь храма. Счастливѣйшій часъ въ жизни человѣка, говоритъ она, тотъ, который наступаетъ вслѣдъ за добрымъ дѣломъ. Помни это, молодой человѣкъ, и запиши эти слова у себя въ сердцѣ.

Собаки весело прыгали вокругъ телѣжки и Роландъ, обращаясь къ нимъ, воскликнулъ:

— Знаете ли вы, добрыя животныя, что сегодня счастливѣйшій день въ моей жизни? Къ сожалѣнію, я вамъ не могу дать ни денегъ, ни одежды, а только вдоволь пищи.

Посѣтивъ одну бѣдную хижину, Роландъ вышелъ изъ нея блѣдный, какъ смерть.

— Что съ тобой, спросилъ маіоръ.

— Ахъ, пойдемте отсюда прочь, скорѣй, скорѣй! говорилъ мальчикъ, робко озираясь вокругъ. Со мной случилось что-то такое, отъ чего я до сихъ поръ дрожу. Встрѣча съ разбойникомъ не могла бы меня сильнѣе испугать!

— Но что же случилось? Говори скорѣй!

— Старикъ, которому я принесъ деньги и одежду, хотѣлъ мнѣ поцѣловать руку..... подумайте только — старикъ! Я такъ испугался, что у меня ноги подкосились!... Какъ, а вы смѣетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, ты совершенно правъ.

Въ волненіи, овладѣвшемъ мальчикомъ, маіоръ видѣлъ еще слѣды нервной горячки.

Немного спустя, онъ сказалъ:

— Твой отецъ насадилъ много деревьевъ и тѣ изъ нихъ, которыя хорошо принялись, онъ называетъ благодарными. Знаешь ли ты, какое самое благодарное изъ деревъ? — Дерево науки и добрыхъ дѣлъ.

Между тѣмъ какъ сердце Роланда все болѣе и болѣе наполнялось счастьемъ, Эрихъ печально сидѣлъ въ виноградномъ

домикѣ. Онъ показалъ матери письмо профессора Эйзинделя и разсказалъ ей, какъ оно его на минуту утѣшило. Но потомъ, прибавилъ онъ, на него съ новой тяжестью легло сознаніе своей зависимости отъ Зонненкампа. Онъ до сихъ поръ считалъ себя въ отношеніи къ нему человѣкомъ вполнѣ свободнымъ, но теперь полученный имъ подарокъ какъ будто наложилъ на него цѣпи.

Профессорша терпѣливо слушала жалобы сына, потомъ спросила:

— Развѣ тебѣ отъ Зонненкампа труднѣе принять одолженіе, чѣмъ отъ кого-нибудь другого, — чѣмъ, напримѣръ, отъ Клодвига.

Она пытливо смотрѣла на Эриха. У ней мелькнула въ головѣ догадка, что ему тоже извѣстна прошлая жизнь Зонненкампа. Но она успокоилась, услышавъ его отвѣтъ:

— Услуга или одолженіе, оказываемыя другомъ, имѣютъ совершенно иное значеніе. Отъ друга, подобнаго Клодвигу, можно все принять.

Профессорша замѣтила, что этотъ подарокъ былъ ему сдѣланъ Роландомъ, который въ настоящій день вышелъ изъ дѣтства. Послѣднее обстоятельство тоже не мало печалило Эриха. Ему казалось, будто сдѣланный ему подарокъ уравнивалъ всѣ счеты между нимъ и его воспитанникомъ, и что ему самому, какъ будто учтивымъ образомъ, дана отставка. Никакіе подарки, говорила ему въ утѣшеніе мать, не могутъ достаточно вознаградить человѣка за всѣ труды мысли и сердца, съ какими неразрывно связано дѣло воспитанія. Наконецъ Эрихъ принужденъ былъ сознаться, что его особенно мучило то обстоятельство, что деньги были ему вручены въ присутствіи Пранкена и дочери Зонненкампа.

— Пранкенъ и Манна составляютъ одно, возразила профессорша: она его невѣста. Но успокойся: развѣ, бросивъ взглядъ назадъ на протекшій годъ, ты не вправѣ себѣ сказать, что труды твои увѣнчались успѣхомъ и что твой воспитанникъ пріобрѣлъ нѣчто такое, чего уже никогда болѣе не можетъ утратить.

Послѣдняя мысль наконецъ дѣйствительно возвратила Эриху самообладаніе, и онъ до того ободрился, что даже на возвратномъ пути на виллу, обращаясь къ рѣкѣ, воскликнулъ:

— Ну, батюшка Рейнъ, наконецъ ты видишь въ Эрихѣ человѣка съ независимымъ состояніемъ! Онъ можетъ до семидесяти семи лѣтъ жить припѣваючи, не зная ни нужды, ни печали.

Роландъ и маіоръ тоже не замедлили вернуться домой. Послѣдній отличался большой аккуратностью и чтобъ никогда никуда не опаздывать, всегда носилъ при себѣ двое часовъ, изъ которыхъ одни постоянно шли впередъ. Но бѣда въ томъ, что онъ никакъ не могъ запомнить, въ лѣвомъ или въ правомъ карманѣ жилета лежали у него эти послѣдніе. Тѣмъ не менѣе онъ съ Роландомъ во время поспѣлъ къ обѣду.

Роландъ, сидя за роскошно-убраннымъ столомъ, почти ничего не ѣлъ.

— Ахъ, я такъ сытъ счастьемъ! сказалъ онъ Эриху. Мнѣ удалось сегодня сдѣлать много добра. А ты счастливъ, или нѣтъ?

Эрихъ теперь могъ отвѣчать утвердительно.

Посреди обѣда зашелъ споръ о томъ, кому предложить тостъ за здоровье Роланда. Эрихъ ссылался на Пранкена, Пранкенъ на Эриха и наконецъ обоимъ удалось уговорить маіора взять на себя этотъ трудъ.

Маіоръ всталъ и началъ:

— Милостивые государи и государыни!

— Браво! закричалъ Пранкенъ.

— Благодарю васъ, сказалъ маіоръ: вы можете меня перебивать сколько вамъ угодно. Я не даромъ учился вольтижировать и съумѣю перескочить черезъ всякое препятствіе. Итакъ, милостивые государи и государыни! Родъ человѣческій дѣлится на два пола, на мужской и на женскій...

Всеобщій хохотъ.

Маіоръ, довольный эффектомъ, какой произвели его слова, продолжалъ:

— Здѣсь, въ садахъ Эдема, мы видимъ парочку...

— Не нужно ли вамъ этого для пополненія картины? снова перебилъ его Пранкенъ и подалъ ему яблоко.

Роландъ былъ очень сердитъ на Пранкена за то, что тотъ безпрестанно перебивалъ добраго маіора. Но послѣдній, наклонясь къ нему, шепнулъ тихонько:

— Оставь его: я привыкъ къ боевому огню.

Затѣмъ онъ громко продолжалъ:

— Итакъ, мы видимъ здѣсь двоихъ дѣтей, хозяйскихъ дочь и сына, а дѣти видятъ насъ. У нихъ есть родители, есть благопріобрѣтенныя бабушка и тетушка, есть дядя, — при чемъ онъ такъ сильно ударилъ себя въ грудь, что она дрогнула. Мы любимъ ихъ, какъ настоящихъ родныхъ и они насъ тоже — не правда-ли, дѣти?»

— Да! въ одинъ голосъ крикнули Роландъ и Манна.

Маіоръ продолжалъ:

— Еслибъ у меня былъ сынъ... нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать... Еслибъ у этого моего сына былъ учитель... нѣтъ и это не то... Вонъ видите, у нашего шалуна ужъ начинаетъ рости борода... Зиждитель вселенной да благословитъ его! Пусть изъ него выйдетъ честный, добрый человѣкъ, понимающій свое собственное счастіе и трудящійся надъ благосостояніемъ своихъ братьевъ всѣхъ породъ и вѣроисповѣданій!

У него чуть не вырвалось «аминь!» но онъ во̀ время удержался и вмѣсто того воскликнулъ:

— Ура, трижды ура!

Маіоръ сѣлъ и подъ салфеткой растегнулъ нѣсколько пуговицъ своего сюртука.

Затѣмъ Зонненкампъ провозгласилъ тостъ въ честь Эриха, его матери и тетки, и рѣчь его при этомъ случаѣ была ловко приправлена тонкой лестью.

— Теперь за вами очередь. Вы непремѣнно должны тоже что́-нибудь сказать, приставалъ маіоръ къ Эриху.

Молодой человѣкъ всталъ и началъ веселымъ тономъ:

— Старый Свѣтъ сообщилъ Новому двѣ вещи, за которыя тотъ долженъ быть ему особенно благодаренъ: лошадь и вино. Лошади до того не водились въ Америкѣ, а виноградъ тамъ не росъ. Нѣмцы первые привили его къ американской почвѣ. Два явленія природы, одно возвышающее человѣческую силу, другое веселящее его духъ, занесены нами въ Новый Свѣтъ. Я умалчиваю объ области мысли. Мои слова равняются слѣдующему: нашъ Роландъ — гражданинъ Новаго Свѣта и долженъ вывезенныя имъ оттуда свѣжія силы употребить въ дѣло для достиженія благородныхъ и высокихъ цѣлей.

Эрихъ поднялъ стаканъ съ пѣнящимся виномъ, въ которомъ заиграло и заискрилось солнце. Указывая на него, онъ продолжалъ:

— Сегодняшнее солнце привѣтствуетъ солнце прошлогоднее и влага, которую мы теперь пьемъ, есть произведеніе минувшихъ дней; но то, что мы принимаемъ въ душу, то ростетъ и зрѣетъ на солнцѣ вѣчности, которое не знаетъ заката. Каждый изъ насъ долженъ считать себя плодомъ и подобно ему крѣпнуть и зрѣть для вѣчной жизни подъ вѣчными лучами незаходящаго солнца, то есть, Бога, который въ свою очередь вѣчно пребываетъ и въ человѣкѣ, и въ небесномъ свѣтилѣ, и въ камнѣ, и въ деревѣ. Міръ чистъ и благоустроенъ, будемъ же и мы по возможности совершенны. Мы не себѣ принадлежимъ и то, что̀ мы имѣемъ, не наше: и мы сами, и наше имущество находятся

во власти Вѣчнаго Духа. Роландъ! нынѣшній ясный, солнечный, улыбающійся день, проникая въ землю, согрѣваетъ ее, оплодотворяетъ и сообщаетъ крѣпость вину, которое, будучи заключено въ сосуды, препровождается въ чужія страны, къ чужимъ людямъ, чтобъ вселять въ нихъ бодрость и веселье. Пусть точно также сегодняшнее солнце, проникая намъ въ душу, ее живитъ и радуетъ. Да возрастетъ въ тебѣ и созрѣетъ, мой Роландъ, все доброе и честное, все, что можетъ служить украшеніемъ твоей собственной жизни и существованія твоихъ ближнихъ!

Садясь на свое мѣсто, Эрихъ встрѣтилъ устремленный на него взглядъ Манны, которая теперь только въ первый разъ его вполнѣ разглядѣла. На его лицѣ было выраженіе высшей духовной жизни, на всей фигурѣ лежала печать мысли и рѣшимости, которая невольно всякому внушала мысль о томъ, какъ хорошо имѣть около себя этого человѣка въ минуту опасности. Но Манна ничего не боялась и не нуждалась ни въ чьей помощи.

Когда Эрихъ пересталъ говорить, Зонненкампъ и Пранкенъ пожали плечами и первый шепнулъ своему сосѣду:

— Можно подумать, будто онъ вѣритъ тому, что говоритъ!

И оба засмѣялись.

Между тѣмъ пріѣхали новые гости: докторъ и съ нимъ Лина, дочь мирового судьи, которая явилась поздравить свою подругу съ «возвращеніемъ ея къ жизни».

Всѣ встали изъ-за стола въ высшей степени довольные и веселые.

ГЛАВА XVI.

О ДРУГОМЪ И ДЛЯ ДРУГОГО.

Докторъ внимательно наблюдалъ за обѣими молодыми дѣвушками и даже старался подслушать ихъ разговоръ. Манна, поблагодаривъ подругу за ея посѣщеніе, заключилась въ свою обычную сдержанность. Лина не пріобрѣла въ монастырѣ ничего, кромѣ умѣнья легко изъясняться на двухъ, трехъ языкахъ. На Манну пребываніе ея въ монастырѣ наложило печать чего-то иного, болѣе серьезнаго, что вообще не легко было опредѣлить.

Уведя профессоршу въ садъ, докторъ завелъ съ ней дружескую бесѣду. Ему было очень любопытно знать, что въ концѣ концовъ одержитъ побѣду: свѣтская мудрость или церковная навязчивость. Онъ пожалѣлъ, что профессорша не католичка. По

его мнѣнію, ея задача была бы тогда несравненно легче. Профессорша отвѣчала, что она отказывается отъ всякаго вліянія на Манну. Ее къ тому побуждало чувство долга и справедливости, такъ какъ молодая дѣвушка была невѣста Пранкена.

— Кто знаетъ? возразилъ докторъ: кто знаетъ? Гугеноты, будучи сами изгоняемы, могли научиться какъ въ свою очередь изгонять другихъ. Часто вліяніе того и бываетъ сильнѣе, кто отъ него отказывается.

Зонненкампъ пригласилъ Лину погостить нѣсколько недѣль у своей подруги и Маннѣ ничего болѣе не оставалось, какъ подтвердить его приглашеніе.

Лина выразила свое полное согласіе, если только позволятъ ея родители. Она въ тотъ же вечеръ уѣхала съ докторомъ домой, съ тѣмъ чтобъ вернуться на слѣдующій день.

Пранкенъ остался на виллѣ. Онъ былъ очень доволенъ, когда Манна обратилась къ нему съ жалобой на то, что жизнь въ свѣтѣ заставляетъ по неволѣ лгать. Ей очень не хотѣлось, чтобъ Лина пріѣхала гостить, а между тѣмъ она должна была подтвердить приглашеніе отца. Нѣтъ возможности не грѣшить въ мірѣ, прибавила она, который особенно опасенъ тѣмъ, что онъ, такъ сказать, отвлекаетъ насъ отъ самихъ себя.

Пранкенъ надѣялся, что присутствіе Лины нѣсколько оживитъ и развеселитъ Манну, но онъ прежде всего хотѣлъ узнать, понравилась ли ей профессорша. Со своими собственными симпатіями онъ распорядился такъ, чтобъ хвалить всѣхъ, кого хвалила Манна, и порицать всѣхъ, кто производилъ на нее не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе.

У Манны кружилась голова отъ многолюдства и шума, какимъ былъ наполненъ домъ, и она сильно сожалѣла о тишинѣ и однообразіи монастырской жизни. Она едва не призналась въ этомъ Пранкену, но удержалась и только замѣтила, что все здѣсь казалось ей такимъ чуждымъ и страннымъ. Но когда Пранкенъ поблагодарилъ ее за довѣріе, она испугалась и поспѣшила прибавить, что свѣтъ имѣетъ способность дѣлать болтливыми даже тѣхъ, которые искренно желали бы быть молчаливыми и сдержанными.

— Я очень радъ, снова началъ Пранкенъ послѣ минутнаго молчанія, слышать отъ васъ тѣ же слова, которыя недавно въ моемъ присутствіи произносилъ епископъ. «Будьте сдержанны! говорилъ онъ: тотъ, кто много говоритъ, въ сущности не болѣе, какъ дилеттантъ».

Онъ этимъ намекалъ на Эриха, но Манна ничѣмъ не дала ему замѣтить, что поняла его намекъ.

— Не находите ли вы, продолжалъ онъ, что многорѣчивый капитанъ Эрихъ тоже въ сущности не болѣе, какъ поборникъ дилеттантизма?

— Онъ много говоритъ, но.... начала Манна и остановилась. Пранкенъ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ заключенія ея рѣчи.

— ..... но, продолжала она, онъ въ тоже время много думаетъ.

Пранкенъ рѣшился впередъ быть осторожнѣе и нападая на врага, прицѣливаться такъ, чтобъ никакимъ образомъ не попадать мимо цѣли.

Но въ человѣкѣ, такомъ многостороннемъ какъ Эрихъ, не трудно было найдти слабыя стороны.

Пранкенъ изобразилъ Эриха особаго рода Донъ-Кихотомъ, который постоянно гоняется за приключеніями въ области идей. Онъ это доказалъ между прочимъ и своимъ напыщеннымъ тостомъ. Вообще Пранкенъ старался выставить Эриха въ смѣшномъ видѣ, выбирая для этого очень мягкія, но въ сущности ядовитыя выраженія. Капитанъ Дорнэ невѣрующій, говорилъ онъ, но окружаетъ свое невѣріе мнимой святостью, которая въ первую минуту какъ будто дѣйствительно предписываетъ уваженіе и внушаетъ довѣріе. Онъ въ сущности не что иное, какъ фальшивый монетчикъ, который желалъ бы обмануть дѣтски-простодушную, невинную душу.

Пранкенъ пристально взглянулъ на Манну, но та молчала.

— Берегитесь его, прибавилъ онъ: этотъ человѣкъ всѣмъ и каждому навязывается съ своей добродѣтелью.

Онъ остановился, какъ бы любуясь собственными словами и затѣмъ продолжалъ:

— Эта навязчивость служитъ ему искусной уловкой, которую однако легко проникнуть насквозь. Вы себѣ не можете представить, сколько хлопотъ намъ уже надѣлалъ этотъ образецъ воспитателя, капитанъ Дорнэ. Каждое его слово проникнуто сознаніемъ, что самъ онъ есть живое собраніе примѣровъ всего добраго и хорошаго.

Манна не могла удержаться, чтобъ не улыбнуться. Пранкенъ продолжалъ съ новымъ воодушевленіемъ:

— Онъ сильно смахиваетъ на цирюльника, который, завивая волосы, или брѣя бороды, болтаетъ не меньше его. Вся разница въ томъ, что послѣдній не обладаетъ въ такой степени, какъ онъ, ученой и религіозной самоувѣренностью. Обратите вниманіе, какъ часто онъ произноситъ слово «человѣчество». Я разъ нарочно замѣчалъ и въ теченіи часа насчиталъ четырнадцать разъ. Онъ при-

кидывается скромнымъ, но на дѣлѣ его высокомѣрію нѣтъ ни мѣры, ни границъ.

Пранкенъ зналъ, что нѣтъ ничего легче, какъ осмѣять человѣка, который постоянно находится на виду и дѣйствуетъ у васъ передъ глазами. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что слова его произвели на Манну желаемое впечатлѣніе. Стоитъ только разъ представить человѣка въ смѣшномъ видѣ и послѣ этого уже ничто не можетъ его спасти. Пранкенъ это зналъ и на это разсчитывалъ.

— Нашъ Роландъ, сказалъ онъ въ заключеніе, уже кое-чему научился у этого добродѣтельнаго дилеттанта: теперь ему пора вступить въ болѣе высокія сферы нравственнаго и умственнаго развитія.

Манна слушала молча и черезъ нѣсколько времени пошла домой. Дорогой она все кивала головой, точно подтверждая только-что слышанныя ею рѣчи. Пранкенъ съ удивленіемъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ.

На лѣстницѣ Манна встрѣтилась съ Эрихомъ. И тотъ и другая остановились. Эрихъ, думая, что учтивость предписываетъ ему заговорить, сказалъ:

— Воображаю себѣ, какъ вамъ должно быть тяжело, съ перваго же дня вашего возвращенія домой, попасть на шумный праздникъ. Слѣдующій затѣмъ день по неволѣ покажется скучнымъ и пустымъ.

— Кто вамъ далъ право проникать въ мои мысли? сказала Манна и пошла далѣе.

Она была раздосадована тѣмъ, что этотъ человѣкъ, забывъ свое зависимое положеніе въ домѣ, вздумалъ вызывать ее на откровенность. Какая дерзость допытываться до того, о чемъ она сама умалчиваетъ! Она презрительно сжала губы, но когда достигла площадки на верху лѣстницы, ей стало досадно также и на самую себя. Но слова были сказаны и взять ихъ назадъ оказывалось невозможнымъ.

Манна въ этотъ день болѣе не выходила изъ своей комнаты. Поздно вечеромъ къ ней постучался Роландъ, и когда она наконецъ ему отворила, онъ помѣстился рядомъ съ ней на стулѣ.

— Ахъ, сестра, сказалъ онъ: все, что я сегодня пережилъ, навсегда останется у меня въ памяти. Люди, получившіе отъ меня подарки, всѣ обѣщались за меня молиться. Но развѣ можно молиться за другихъ и какая изъ этого польза? Что въ томъ, если кто-нибудь другой станетъ хвалить меня Богу, а я самъ ничего не буду дѣлать хорошаго? Нѣтъ, по моему, ни одинъ человѣкъ не можетъ молиться за другого.

— Роландъ, что ты говоришь? Откуда у тебя эти мысли? воскликнула Манна, сильно тряся его за плечи. Она вдругъ встала, удалилась въ сосѣднюю комнату и бросилась тамъ на колѣни.

Молодая дѣвушка уже успѣла замѣтить царствовавшій въ домѣ разладъ и теперь горячо молилась за Роланда, прося Бога просвѣтить его мысль и очистить его сердце. Она была сильно взволнована. Неужели это правда, думала она, что никто не можетъ ни молиться, ни приносить себя въ жертву за другого? Нѣтъ, нѣтъ, это быть не можетъ! восклицала она, въ отчаяніи ломая руки и снова спрашивала себя: Неужели же люди могутъ дѣлать другъ другу только вредъ и никакой пользы? Такъ ли это? Возможно ли это?..

Но мало-по-малу Манна успокоилась. Она видѣла, что ей предстоитъ тяжелая борьба и дала себѣ слово мужественно ее выдержать. Она чувствовала, что на ней лежитъ обязанность спасти отъ гибели душу брата и понимала, что можетъ достигнуть этого только съ помощью кротости и терпѣнія.

Она вернулась къ Роланду и подавая ему руку, сказала:

— Я вижу, ты уже сталъ совсѣмъ взрослымъ молодымъ человѣкомъ и намъ предстоитъ оказывать другъ другу взаимную помощь. Я многое могу тебѣ дать и въ свою очередь должна многое отъ тебя заимствовать. Будемъ надѣяться, что и то, и другое намъ одинаково удастся.

Она спокойно сѣла рядомъ съ нимъ, крѣпко сжимая его руку въ своей.

— Ахъ! воскликнулъ Роландъ: какъ тебѣ должно быть пріятно снова очутиться дома! Монастырь ни для кого не можетъ быть родиной.

— Онъ нѣчто лучшее, отвѣчала Манна. Онъ постоянно поддерживаетъ въ насъ ту мысль, что на землѣ мы не можемъ и не должны имѣть, ни дома, ни родины. Всѣ мы здѣсь только странники. Еслибъ на землѣ существовало отечество, и ты, и я, мы бы тоже его имѣли... Но къ чему ты меня заставляешь произносить такія рѣчи?

— Эрихъ правъ, возразилъ Роландъ: онъ говоритъ, что твое благочестіе искреннее. Что у милліоновъ людей только на языкѣ, то у тебя выходитъ прямо изъ сердца.

— Это сказалъ Эрихъ?

— Да, и еще многое другое.

— Но Роландъ, замѣтила Манна: никогда не слѣдуетъ повторять того, что о насъ говорятъ другіе?

— А если они говорятъ хорошее?

— И тогда не надо. Кто знаетъ, съ какою цѣлью... нѣтъ, сама себя перебила она,—нѣтъ, я не то говорю. Ты очень счастливъ, имѣя въ Эрихѣ такого вѣрнаго друга.

— Не правда ли? Но, скажи, развѣ онъ тебѣ самой не нравится больше Пранкена?

Манна хотѣла улыбнуться, но удержалась.

— Предоставляю твоему учителю, сказала она, доказать тебѣ, что сравненія рѣшительно ни къ чему не ведутъ. А теперь, милый братъ, прошу тебя не забывать, что я въ монастырѣ привыкла много бывать одна. Уйди же отъ меня: тебѣ тоже пора спать. Спокойной ночи.

Она поцѣловала брата.

— Не забудь и ты, сказалъ онъ ей на прощанье, когда пойдешь гулять, взять съ собой обѣихъ собакъ.

Но Маннѣ еще не суждено было остаться одной. Въ монастырѣ у нея не было отдѣльной прислуги, но теперь отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ въ ея личномъ распоряженіи находилась молодая горничная, которая и явилась къ ней немедленно послѣ ухода Роланда.

— Барышня, сказала горничная, расчесывая прекрасные, длинные волосы Манны: у васъ то, что въ нынѣшнее время составляетъ большую рѣдкость, а именно здоровый волосъ. Теперь этого почти ни у кого не найдешь.

И тѣмъ не менѣе, подумала Манна, волосы эти будутъ острижены.

Когда горничная, любуясь волосами, начала медленно пропускать сквозь пальцы ихъ тонкія, шелковистыя пряди, Манна невольно вздрогнула: ей показалось, будто она уже чувствовала прикосновеніе къ нимъ холодной стали.

Наконецъ она осталась одна, и послѣ продолжительной и усердной молитвы, принялась за письмо къ настоятельницѣ.

«Мы сегодня праздновали день рожденія моего брата и мое возвращеніе домой, писала она. Но я всѣми силами моей души стремлюсь ко дню моей смерти, который будетъ днемъ моего избавленія и возвращенія въ вѣчный домъ небеснаго Отца.»

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

ИГРУШКА ИСПОЛИНА.

Преданіе разсказываетъ объ одномъ исполинѣ, который въ дѣтствѣ, увидѣвъ крестьянина съ плугомъ и лошадью, принялъ ихъ за игрушку и унесъ въ своемъ передникѣ.

Манна отчасти походила на этого исполина.

Ея мысли носились такъ далеко за предѣлами видимаго міра, что все, что теперь происходило передъ ея глазами, казалось ей пустой дѣтской игрой. Къ чему все это? — Чтобъ наполнить время? Но развѣ эта цѣль можетъ быть такимъ образомъ достигнута? Дѣтямъ еще удается, разговаривая съ куклами, воображать себѣ, будто они дѣйствительно дѣлаютъ дѣло, но взрослыхъ куклы не могутъ удовлетворять. Вся жизнь есть не что иное, какъ пустая игра, — одна смерть серьезна.

Мысли эти пробѣгали въ умѣ Манны, когда она на слѣдующее утро, стоя у окна, смотрѣла вдаль. Міръ представлялся ей, какъ въ туманѣ и казался такимъ чуждымъ и далекимъ.

Въ монастырѣ ее обыкновенно пробуждалъ съ первыми лучами солнца церковный колоколъ и она такъ къ нему привыкла, что ей казалось, будто онъ и сегодня ее разбудилъ. Ей во снѣ слышались серебристые переливы и торжественный гулъ звона и она подъ впечатлѣніемъ его открыла глаза. Въ первую минуту она не могла понять, гдѣ она.

«Ты дома», наконецъ мелькнуло у ней въ умѣ. — Дома? Кто сложилъ эти камни вмѣстѣ, какая сила воздвигла это зданіе и откуда эта постель, на которой она теперь покоится?

На виллѣ всѣ еще спали. Одна Манна встала, да въ саду пѣли и летали птицы. Подобно тому какъ онѣ кружились въ воздухѣ и перекликались, такъ точно въ головѣ молодой дѣвушки толпились мысли, вызывая одна другую.

Она вышла въ садъ и долго стояла передъ вновь пробитой въ стѣнѣ дверью, которая вела въ виноградный домикъ. Внутренній голосъ шепталъ ей: «Тебѣ здѣсь придется многое испытать, со многимъ бороться, но и многое побѣдить».

Манна старалась себѣ уяснить послѣдующія событія своей жизни, но это ей также мало удалось, какъ Эриху, когда онъ, стоя на порогѣ монастыря, пытливо вглядывался въ будущность.

Еслибъ она знала, что Эриха тревожили и волновали такія же точно мысли и сомнѣнія, какъ ее!

Вдругъ Манна почувствовала на себѣ чей-то взоръ и обернувшись увидѣла Эриха, который тоже рано всталъ и теперь стоялъ у окна своей комнаты. Онъ тоже былъ взволнованъ, но мысли его на этотъ разъ ни чуть не походили на мысли Манны. Его и во снѣ не покидало сознаніе, что онъ вдругъ сдѣлался богатъ. Проснувшись съ солнечнымъ восходомъ, онъ еще разъ пересчиталъ подаренную ему Зонненкампомъ сумму денегъ и убѣдился, что отнынѣ существованіе его и профессорши вполнѣ обезпечено. Онъ такъ не привыкъ къ деньгамъ, что все забывалъ, какъ велика лежавшая у него въ карманѣ сумма, и наконецъ записалъ ее. Затѣмъ онъ съ улыбкой подумалъ: «я радъ новымъ обязанностямъ, которыя теперь передо мной возникли и докажу на дѣлѣ, что во всякомъ положеніи, въ бѣдности и въ богатствѣ, я одинаково готовъ исполнить высшее назначеніе человѣка».

Эрихъ открылъ окно и увидѣлъ Манну. Тихонько отойдя въ сторону, онъ мысленно старался проникнуть въ глубину ея души и угадать чувства, какія должны были волновать молодую дѣвушку, которая изъ монастырскаго уединенія внезапно очутилась посреди шумной и роскошной обстановки родительскаго дома.

Вдругъ изъ сосѣдней деревни раздался звукъ колокола, ему отвѣтилъ другой, третій и вся окрестность, внизъ и вверхъ по теченію рѣки, огласилась торжественнымъ гуломъ.

Манна поспѣшила въ свою комнату за молитвенникомъ и сойдя опять въ прихожую, застала тамъ ожидавшую ее фрейленъ Пэрини. Она слышала, какъ та приказывала слугамъ приготовить комнату для дочери мирового судьи, и была непріятно этимъ поражена. Манна чуть не высказала своей бывшей гувернанткѣ, какъ ее тяготила мысль о пріѣздѣ подруги, безпечная веселость которой вовсе не согласовалась съ ея собственнымъ серьезнымъ настроеніемъ духа. Но она удержалась и дала себѣ слово, не прибѣгая ни къ чьей помощи, сама справляться со всѣми трудностями, какія могутъ встрѣтиться на ея пути. Она рѣшилась просить Лину въ теченіе нѣкотораго времени ее болѣе не навѣщать. Ей необходимо сосредоточиться и потому она желаетъ, какъ можно больше оставаться одна.

Спускаясь съ лѣстницы въ сопровожденіи фрейленъ Пэрини, Манна встрѣтила слугу, который вручилъ ей письмо, принесен-

ное изъ дому мирового судьи. Лина писала своей подругѣ, что къ сожалѣнію обстоятельства не позволяютъ ей воспользоваться приглашеніемъ господина Зонненкампа и пріѣхать погостить на виллу. Въ заключеніе она просила Манну написать ей нѣсколько словъ, изъ которыхъ она могла бы убѣдиться, что та на нее за это не сердится. Манна рада была случаю, который избавлялъ ее отъ непріятнаго объясненія и написала Линѣ въ отвѣтъ, что вполнѣ оправдываетъ ея родителей, безъ сомнѣнія имѣвшихъ важныя причины удержать ее дома.

Вторично перечитывая письмо подруги, она замѣтила, что отказъ той пріѣхать на виллу не былъ въ немъ ничѣмъ объясненъ. Неужели сосѣди продолжаютъ все по прежнему держаться въ сторонѣ отъ дома ея родителей?

Пусть будетъ такъ! Развѣ у нея нѣтъ другого, вѣчнаго дома, который ей предлагаетъ небесный Отецъ?

Колокола продолжали гудѣть и Манна съ фрейленъ Пэрини поспѣшили въ церковь.

Послѣдняя была очень довольна ролью, какая выпала на ея долю. Всѣ другіе могли, сколько хотѣли, ухаживать за Манной, стараясь пріобрѣсти ея расположеніе, но бывшей гувернанткѣ одной принадлежало право сопровождать молодую дѣвушку въ церковь.

— Вы все еще попрежнему не любите говорить поутру, пока не побываете тамъ? скромно спросила фрейленъ Пэрини, указывая на церковь.

Манна молча кивнула головой. Во всю дорогу болѣе не было сказано ни слова.

Послѣ обѣдни фрейленъ Пэрини предложила Маннѣ представить ее патеру, который здѣсь поселился въ ея отсутствіе.

Манна сказала, что предпочитаетъ идти къ нему одна, и послѣ минутной остановки дѣйствительно направилась къ жилищу патера. Тамъ повидимому ее ожидали. Самъ патеръ вышелъ къ ней на встрѣчу и благословивъ ее, ввелъ въ комнату, гдѣ на столѣ, рядомъ съ остатками завтрака, виднѣлась раскрытая книга.

Завтракъ былъ унесенъ и Манну пригласили сѣсть на диванъ.

— Фрейленъ Пэрини, отецъ мой, начала она: хотѣла представить меня вамъ. Но я сочла это за лишнее, видя въ васъ не посторонняго человѣка, а служителя нашей святой церкви.

Патеръ, слегка прищуривъ глаза и сложивъ руки на груди, спокойно отвѣчалъ:

— Ты права, дитя мое, потому что стоишь на истинномъ

пути: старайся никогда съ него не сходить. Люди, живущіе въ мірѣ, являясь въ какое-нибудь новое мѣсто, чувствуютъ себя тамъ чужими, одинокими и боязливо озираются, не надѣясь встрѣтиться съ человѣкомъ одного съ ними образа мыслей. Да и гдѣ найти двухъ людей, для которыхъ одни и тѣ же слова имѣли бы одинаковый смыслъ? Въ мірѣ вообще нѣтъ единства и люди скитаются въ немъ каждый отдѣльно, какъ вонъ эти пылинки, что въ такомъ изобиліи вращаются на солнцѣ. Не такъ съ тобой. Ты являешься въ отдаленное селеніе и чувствуешь себя тамъ, какъ дома. Ты смѣло входишь въ жилище человѣка, въ которомъ знаешь, что найдешь или брата, или отца. Этотъ человѣкъ тебѣ не чужой, потому что находится здѣсь по волѣ Всевышняго, который тебя къ нему привелъ. Вдвойнѣ привѣтствую тебя, дитя мое, и радуюсь тому, что все это для тебя также ясно, какъ для меня самого. Ты не тщетно постучалась въ мою дверь: она съ этихъ поръ для тебя всегда открыта. Знай, что и сердце мое точно также готово во всякое время принять тебя. Вѣдь и домъ мой, и сердце мое не мнѣ принадлежатъ. Домъ этотъ есть собственность церкви, а сердце мое находится во власти того, кто, давъ мнѣ жизнь, поддерживаетъ ее во мнѣ.

Патеръ остановился и взглянулъ на Манну. Она сидѣла съ опущенными глазами, какъ бы избѣгая смотрѣть на солнце и въ лицо своему собесѣднику. Желая умѣрить волненіе молодой дѣвушки, онъ положилъ ей на голову руку и ласково сказалъ:

— Взгляни на меня. Повторяю тебѣ: ты пришла ко мнѣ одна, потому что знала, что̀ тебя здѣсь ожидаетъ. Мы съ тобой, чтобы понять другъ друга, не нуждаемся ни въ какихъ объясненіяхъ.

Патеръ засмѣялся и послѣ минутнаго молчанія продолжалъ:

— Объясненія! Они никогда не приведутъ къ соглашенію этихъ, какъ они сами себя называютъ, образованныхъ людей, но которые въ сущности гораздо болѣе заслуживаютъ названіе бѣдныхъ самоучекъ. Они воображаютъ, будто могутъ сами собой чего-нибудь достигнуть! Такого рода люди, конечно, нуждаются въ рекомендаціи, но для насъ съ тобой, она лишняя церемонія. Твоя рекомендація заключается въ томъ, что ты членъ нашей святой церкви. Помни же, дитя мое, что ты можешь со мной обо всемъ свободно говорить: о небесномъ, какъ о мірскомъ, о великомъ, какъ о маломъ. Ты у меня всегда найдешь пріютъ и утѣшеніе. Если тобой внезапно овладѣетъ усталость, или ты соскучишься по святой родинѣ — иди сюда: здѣсь ты ее обрящешь. Вонъ тамъ внизу твой отецъ устроилъ теплицы для ра-

стеній, которыя въ нашемъ климатѣ не могутъ рости на открытомъ воздухѣ. Пусть эта комната будетъ твоей теплицей, гдѣ станетъ рости и крѣпнуть дерево твоей вѣры, которому нѣтъ мѣста въ свѣтѣ и среди людей. Дитя мое, я ни въ кого не хочу бросать каменьевъ, но ты сама знаешь, что это дерево не отъ міра сего. Его родина — небо и здѣшній климатъ не по немъ.

Патеръ всталъ и подойдя къ окну, устремилъ взоръ въ разстилавшійся передъ нимъ ландшафтъ. Манна продолжала неподвижно сидѣть на диванѣ.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

Манна была до глубины души тронута готовностью патера помогать ей и поддерживать ее на трудномъ пути, по которому ей слѣдовало идти. Ея еще нетвердые шаги нашли себѣ вѣрную опору и она разомъ очутилась въ самомъ центрѣ всего чистаго и высокаго.

Она наконецъ рѣшилась робко спросить, какъ ей слѣдуетъ себя вести въ отношеніи друзей и знакомыхъ, которые посѣщаютъ домъ ея родителей и то и дѣло толкуютъ о своемъ образованіи.

— Ты прямо и рѣшительно ставишь вопросъ: это вѣрный признакъ зрѣлости, отвѣчалъ патеръ. Знай же, что тебѣ ничего болѣе не остается, какъ смѣяться надъ ихъ чванствомъ и самолюбіемъ. Они хотятъ быть великими, а на дѣлѣ такъ малы и ничтожны! Эти ученые воображаютъ себѣ, будто міръ только и держится ихъ мудростью и наукой. Они думаютъ измѣрить Божество съ помощью только собственнаго мозга. Безумцы!

Въ тонѣ патера звучало негодованіе, которое рѣзко противорѣчило съ мягкостью и сдержанностью его предыдущихъ рѣчей. На лицѣ Манны выразилось недоумѣніе, даже испугъ. Патеръ замѣтилъ это, спохватился и продолжалъ въ прежнемъ тонѣ:

— Ты видишь, дитя мое, какъ я самъ еще слабъ и какъ легко поддаюсь гнѣву. Я долженъ тебѣ сказать, что въ мірѣ царствуютъ двѣ силы, Богъ и дьяволъ, или по нашему два начала, изъ которыхъ одно называется благочестіемъ, другое легкомысліемъ. Благочестіе все облекаетъ святостью, легкомысліе ни въ чемъ ея не признаетъ. Благочестіе во всемъ руководствуется божественными законами, легкомысліе ихъ отвергаетъ и стремится только къ наслажденію. Но есть еще одно нравственное состояніе, которое занимаетъ средину между благочестіемъ и легкомысліемъ, и оно-то хуже всего. Люди легкомысленные не рѣдко возвращались на истинный путь: мы можемъ доказать это многими блестящими примѣрами. Но такъ-назы-

ваемые герои разума, или вѣрнѣе сказать герои безразсудства, никогда не отказываются отъ своихъ заблужденій. Они лишены того истиннаго мужества, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, превращается въ смиреніе.

Патеръ явно намекалъ на Эриха и на Пранкена и полагалъ, что Манна пойметъ его намекъ. Онъ на первый разъ не хотѣлъ ихъ точнѣе опредѣлять, боясь запугать молодую дѣвушку. Онъ снова обратился къ ней съ улыбкой и сказалъ:

— Но, дитя мое, пока оставимъ это. Теперь твоя очередь говорить.

Манна горько жаловалась на то, что должна еще цѣлый годъ прожить въ свѣтѣ, прежде чѣмъ ей дозволено будетъ окончательно отъ него отречься.

Патеръ старался ее успокоить.

— Ты все равно, что уже произнесла обѣтъ, говорилъ онъ ей: ничто земное не имѣетъ болѣе надъ тобою власти, хотя небесное еще и сокрыто отъ тебя завѣсой человѣческихъ заблужденій. Но завѣса эта окончательно падаетъ только послѣ смерти.

Далѣе патеръ совѣтовалъ ей не поддаваться юношескому пылу, который безъ сомнѣнія возбудитъ въ ней желаніе обращать на истинный путь другихъ. Она вовсе не призвана къ такого рода дѣлу и вся ея задача должна заключаться въ собственномъ усовершенствованіи.

Патеръ былъ осторожнѣе Пранкена и не хотѣлъ много говорить объ Эрихѣ изъ опасенія возбудить на счетъ его любопытство молодой дѣвушки. Онъ прежде всего даже похвалилъ его, но тѣмъ снисходительнымъ, почти сострадательнымъ тономъ, который всегда заставляетъ подозрѣвать скорѣе дурное, чѣмъ хорошее. Онъ старался внушить Маннѣ, что она сама не замедлитъ убѣдиться въ шаткости мнѣній такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Ихъ несостоятельность доказывается уже тѣмъ, что всѣ они расходятся въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ. У Роланда было много учителей и каждый изъ нихъ въ дѣлѣ воспитанія слѣдовалъ своей собственной методѣ, вовсе не схожей съ той, какой придерживался его предшественникъ.

Манна выразила удивленіе, почему патеръ не употребилъ своего вліянія на то, чтобъ не допустить Эриха вступить къ нимъ въ домъ. Патеръ нашелъ весьма похвальнымъ ея усердіе, но замѣтилъ, что многое въ мірѣ должно быть предоставлено самому себѣ, потому что не можетъ быть измѣнено. Зонненкампъ никого не допускалъ вмѣшиваться въ свои дѣла, а въ настоящемъ случаѣ и Роландъ такъ твердо заявилъ свою волю,

что противиться ей не было возможности. Къ тому же Эрихъ, хотя и отъявленный еретикъ, все-таки не былъ чуждъ нѣкотораго уваженія къ религіи.

Опасаясь, не слишкомъ ли уже много онъ сказалъ въ похвалу Эриху, патеръ поспѣшилъ прибавить, что эти, съ виду кроткіе и мечтательные идеалисты и есть самые опасные люди.

Онъ еще и еще совѣтовалъ Маннѣ, вообще, какъ можно болѣе искать уединенія и ни съ кѣмъ особенно не сближаться.

Разговоръ, по мнѣнію патера, принялъ опасное направленіе и онъ счелъ за лучшее прекратить его, сказавъ Маннѣ, что ей пора домой, гдѣ ее уже вѣроятно ждутъ. Пусть она ни отъ кого не скрываетъ, что была у него, а если впослѣдствіи ей придется рѣже его посѣщать, онъ заранѣе ей это прощаетъ, въ увѣренности, что она никогда не измѣнитъ своихъ убѣжденій.

— А теперь, иди съ миромъ, дитя мое, сказалъ онъ въ заключеніе, и знай, что я буду за тебя молиться.

Манна встала и съ недоумѣніемъ на него посмотрѣла. Изъ глубины души ея снова поднялся вопросъ: развѣ можно молиться за другихъ?

Загадка, которую представилъ ей на разрѣшеніе Роландъ, почти сдѣлалась для нея вопросомъ жизни или смерти. Она намѣревалась принести себя въ жертву, посвятить все свое существованіе молитвѣ за другого.

Возможно ли это?

Она хотѣла обратиться къ патеру за разрѣшеніемъ этой загадки и если мнѣніе Роланда окажется справедливымъ, спросить, почему же люди могутъ дѣлать другъ другу такъ много зла и такъ мало добра? Ей очень хотѣлось все это высказать, но патеръ еще разъ повторилъ: «иди съ миромъ, дитя мое!» И Манна, опустивъ глаза, въ которыхъ такъ трогательно выражалось мучившее ее недоумѣніе, медленно вышла изъ комнаты.

На возвратномъ пути, она, проходя мимо поля, остановилась взглянуть, какъ крестьянинъ пахалъ землю. И вдругъ ей все стало ясно. Да, думала она, приносить себя въ жертву и молиться за другихъ можно. Души всѣхъ людей развѣ не составляютъ одно нераздѣльное цѣлое? Всѣ онѣ есть не что иное, какъ одно дыханіе Божіе. Жизнь и движеніе сообщаются міру волей единаго Высшаго Существа.

Глаза Манны отуманились слезами. Она какъ сквозь сонъ видѣла и поле съ крестьяниномъ, медленно шедшимъ за плугомъ, и Рейнъ, съ сновавшими по немъ взадъ и впередъ паро-

ходами, и птицъ, съ веселымъ пѣніемъ летавшихъ въ воздухѣ. Да, звучало въ глубинѣ ея сердца, весь міръ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, все въ жизни мелко и ничтожно и по справедливости можетъ быть названо игрушкой исполина.

ГЛАВА II.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЪ СВѢТѢ.

Манна задумчиво продолжала путь. Но ее вскорѣ пробудилъ къ дѣйствительности громкій лай собакъ, Розы и Репейника, которыя, завидѣвъ издали свою госпожу, радостно бросились къ ней на встрѣчу.

— Наконецъ-то вернулась наша рѣзвушка! воскликнулъ чей-то голосъ и Манна увидѣла ловчаго Клауса, который продолжалъ: — Но какъ измѣнилась, какъ выросла! И отчего такая печальная? Э, барышня, перестаньте горевать! Посмотрите-ка, вашъ батюшка купилъ всю эту окрестность, вонъ вплоть до тѣхъ скалъ.

— Развѣ можно покупать землю? спросила Манна точно сквозь сонъ.

— Что̀ вы говорите? Я васъ не понимаю, сказалъ ловчій.

— Такъ, ничего, отвѣчала Манна.

Есть ли возможность покупать землю? Отъ кого? Кто далъ на это право? старалась разгадать Манна и устремивъ взоръ въ далекое пространство, едва слышала, какъ Клаусъ разсказывалъ ей о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ.

— Нечего сказать, барышня, прибавилъ онъ въ заключеніе: отличный я былъ дуракъ и теперь глубоко въ этомъ раскаяваюсь.

— Но что̀ же вы сдѣлали?

— Что̀ сдѣлалъ? Въ томъ-то я и раскаяваюсь, что ничего не сдѣлалъ. Я всю жизнь былъ глупымъ, честнымъ и вовсе недурнымъ малымъ. А теперь я вижу, что чѣмъ хуже человѣкъ, тѣмъ ему лучше живется на свѣтѣ. Что̀ мнѣ дала жизнь? Ровно ничего. Люди могутъ сдѣлать человѣка дурнымъ, но хорошимъ — никогда. Единственное утѣшеніе въ жизни доставляетъ вонъ то растеніе, что покрываетъ всѣ эти горы. Да и съ него-то я немного получаю: пью я не больше какъ какой-нибудь нищій. Желалъ бы я знать, дѣйствительно ли капитанъ Дорнэ хорошій человѣкъ. По моему мнѣнію, за исключеніемъ господина Вейде-

мана, нѣтъ хорошихъ людей. Вотъ вы теперь вернулись къ намъ изъ монастыря: правда-ли, что вы хотите быть монахиней?

Манна не успѣла отвѣчать, потому что ловчій продолжалъ со смѣхомъ:

— Мнѣ самому иногда приходитъ на мысль удалиться въ монастырь. На шестомъ десяткѣ всѣмъ бы слѣдовало это дѣлать, а въ монастырѣ людямъ надо только пить, пить, да пить, пока не постучится въ дверь кельи смерть. Но я еще и думать не хочу о смерти и повторяю, какъ Фохтъ изъ Маттенгейма: Господь, да будетъ твоя воля, но самъ я нисколько не спѣшу.

Ловчій уже съ утра былъ на̀-веселѣ, и его рѣзкій тонъ и размашистыя манеры нѣсколько испугали Манну. Она поспѣшила протянуть ему руку и взявъ съ собой собакъ, пошла далѣе.

— У меня есть до васъ просьба, сказалъ ей вслѣдъ Клаусъ.

Манна остановилась.

Ловчій подошелъ къ ней поближе и сказалъ, что надзиратель надъ мѣрами и вѣсами подарилъ ему лотерейный билетъ, который онъ вслѣдъ затѣмъ продалъ Семиствольнику. Но теперь его взяло раздумье: что̀, если этотъ билетъ выиграетъ? Тогда ему останется только разбить объ стѣну голову, такъ какъ ни жена, ни дѣти во всю жизнь ему этого не простятъ. Манна хорошо бы сдѣлала, подаривъ ему талеръ, за который онъ можетъ получить обратно свой билетъ.

Видя нерѣшимость молодой дѣвушки, которая не знала вѣрить ему, или нѣтъ, Клаусъ прибавилъ:

— Къ тому же это благочестивое дѣло, совсѣмъ въ вашемъ духѣ.

Манна все еще не понимала и ловчій объяснилъ ей, что лотерея эта устроивалась въ пользу построенія церкви. Она дала Клаусу талеръ и быстрыми шагами отъ него удалилась.

Молодая дѣвушка шла по берегу Рейна. Рыбы рѣзвились на солнцѣ, отчего на гладкой поверхности рѣки то и дѣло появлялись и исчезали круги. Въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, отражались травы и кустарники, которые слегка колыхались подъ дуновеніемъ утренняго вѣтерка.

Манна вошла въ паркъ. Въ воздухѣ носился упоительный запахъ цвѣтовъ, которые сіяли на куртинахъ свѣжестью и разнообразіемъ красокъ. Они были такъ искусно расположены, что еще болѣе выигрывали отъ сосѣдства одинъ другого. Бѣлый цвѣтокъ сіялъ рядомъ съ голубымъ, красный съ желтымъ и излишняя яркость тѣхъ и другихъ умѣрялась мягкой и пріятной для глазъ зеленью листьевъ.

Подобно тому, какъ цвѣты и деревья посылали Маннѣ на встрѣчу волны нѣжнаго аромата, такъ точно каждый изъ обитателей виллы Эдемъ разливалъ вокругъ нея болѣе или менѣе тонкое благоуханіе своихъ собственныхъ качествъ и страстей.

Деспотическій и ревнивый отецъ хотѣлъ лаской или силой подчинить дочь своему вліянію. Мать, замкнутая въ себѣ, стремилась только къ наружному блеску и желала высокаго положенія въ свѣтѣ.

Профессорша охотно сдѣлала бы все, что могла, для успокоенія Манны, объяснила бы ей многое и вообще помогла бы ей совладѣть съ собой. Но она знала, какъ безполезно предлагать услуги, пока ихъ еще не просятъ.

Тетушка Клавдія точно стояла на сторожѣ. Ея взглядъ и вся наружность какъ будто говорили: «Я все сдѣлаю, требуй отъ меня, чего хочешь». Она не имѣла никакого опредѣленнаго плана на счетъ Манны, но готова была ей всячески служить.

Эрихъ чуть ли не болѣе всѣхъ сочувствовалъ молодой дѣвушкѣ, которая только-что разсталась съ монастыремъ. Это дитя, думалъ онъ съ улыбкой, должно теперь ощущать тоже самое, что и я, когда, по выходѣ изъ полка, въ первый разъ снялъ мундиръ. Привыкшій къ дисциплинѣ, къ повиновенію чужой волѣ, я вдругъ очутился въ необходимости самъ собой управлять и долго еще продолжалъ все искать товарищей и ожидать приказаній...

Манна сѣла на стулъ, который снова былъ для нея поставленъ въ ея любимомъ уголку, подъ плакучей ивой. Ей пришли на память жестокія слова, сказанныя ею наканунѣ Эриху и она себя горько за нихъ упрекала.

Манна рѣшилась, при первой же встрѣчѣ съ Эрихомъ, сказать ему: «не думайте, чтобъ ваше зависимое положеніе было причиной моей рѣзкой выходки».

Въ это же самое время Эрихъ тоже бродилъ по парку и съ своей стороны намѣревался сказать при первой встрѣчѣ съ ней: «Я не желалъ бы, чтобъ наши сношенія начались недоразумѣніемъ».

Вдругъ Манна услышала чьи-то шаги и минуту спустя увидѣла Эриха. Она осталась спокойно сидѣть. Онъ подошелъ ближе, и поклонился, но ни тотъ, ни другая, не рѣшались высказать того, что было у нихъ въ мысляхъ.

Наконецъ Эрихъ началъ:

— Я желалъ бы вамъ доказать, какъ глубоко уважаю ваше стремленіе къ размышленію въ одиночествѣ и если я вчера осмѣ-

лился... мы всѣ были вчера въ возбужденномъ состояніи. Къ тому же мои обязанности воспитателя заставляютъ меня часто по неволѣ вдумываться въ чужія мысли и чувствованія. Это даже обратилось у меня въ привычку, вслѣдствіе которой я къ сожалѣнію иногда говорю вовсе не кстати.

Въ словахъ Эриха звучала грусть и Манна не нашлась, что ему отвѣчать. Оба молчали. Надъ ихъ головами раздавалось пѣніе птицъ. Наконецъ Манна проговорила:

— Разскажите мнѣ что-нибудь о Роландѣ. Какъ вы его находите?

— Мой покойный отецъ былъ того мнѣнія, что никто не можетъ похвастаться, будто онъ вполнѣ изучилъ и хорошо знаетъ человѣческую природу. Наблюденія надъ каждымъ новымъ человѣкомъ разбиваютъ всѣ предыдущіе опыты въ прахъ и вамъ всякій разъ приходится начинать свое изученіе съизнова.

— Вы уклоняетесь отъ прямого отвѣта.

— Нисколько. Я только хотѣлъ вамъ сказать, что сомнѣваюсь въ возможности безпристрастной и вполнѣ вѣрной оцѣнки человѣка. Хвалить Роланда мнѣ не приходится: это было бы все равно, какъ еслибъ я началъ хвалить часть самого себя. Порицать его я не смѣю, изъ опасенія,—опять-таки смотря на него, какъ на часть самого себя,—быть къ нему слишкомъ строгимъ. Одно только могу смѣло сказать: у Роланда есть прилежаніе, настойчивость и честность. Все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ хорошій нравственный фундаментъ, на которомъ есть надежда современемъ воздвигнуть прочное зданіе.

Манна невольно подняла къ верху руки и прикрылась молитвенникомъ, какъ щитомъ.

Эрихъ принялъ это движеніе за намекъ и прибавилъ:

— Я болѣе всего стараюсь развить въ Роландѣ самостоятельный взглядъ на вещи и довѣріе къ самому себѣ.

— Самостоятельный взглядъ на вещи? повторила Манна.

— Да, вы безъ сомнѣнія понимаете, что̀ я этимъ хочу сказать. А теперь, позвольте мнѣ попросить васъ кое о чемъ лично для себя.

— Для васъ?

— Да. Вѣрьте, что я глубоко уважаю вашъ взглядъ на жизнь и людей, потому что считаю его вполнѣ искреннимъ. Съ другой стороны, я желалъ бы, чтобъ вы тоже самое думали о мнѣ и моихъ взглядахъ и воззрѣніяхъ.

— Не знаю,... начала Манна и вся вспыхнувъ, остановилась.

Ее какъ будто что-то кольнуло въ сердце, и лицо ея выразило недовольство и борьбу. Она вспомнила слова Пранкена и

подумала, не это ли именно онъ въ обращеніи Эриха называлъ навязчивостью? Потомъ ей пришло на мысль, что Эрихъ можетъ быть зналъ объ этомъ мнѣніи о немъ Пранкена и нарочно завелъ рѣчь о самостоятельномъ взглядѣ, для того, чтобъ предостеречь ее и заставить быть справедливой къ нему. Она не могла докончить своей фразы, потому что къ нимъ прибѣжалъ Роландъ и воскликнулъ.

— Наконецъ-то вы познакомились!

Манна быстро встала и взявъ брата подъ руку, отправилась съ нимъ на виллу.

Пранкенъ и Зонненкампъ въ эту самую минуту вышли изъ дому и встрѣтились съ ними. Пранкенъ сказалъ Маннѣ, что тоже былъ въ церкви, но не подошелъ къ ней изъ боязни отвлечь ея вниманіе отъ молитвы.

Молодая дѣвушка поблагодарила его.

За завтракомъ Пранкенъ много разсказывалъ о своемъ пребываніи въ загородномъ дворцѣ и вообще о придворныхъ нравахъ и обычаяхъ. Кромѣ того онъ очень живо передавалъ избитые гарнизонные анекдоты, которые, не будучи знакомы его теперешнимъ слушателямъ, казались имъ очень забавными.

— Но дочь моя, перебилъ его внезапно Зонненкампъ: — ты еще не поздравила барона Пранкена: онъ сдѣланъ каммергеромъ.

Манна съ улыбкой выговорила свое поздравленіе, а Пранкенъ веселымъ тономъ замѣтилъ, какой странный контрастъ составляли его лѣтнія и зимнія занятія въ теченіи прошлаго года. Лѣтомъ онъ былъ простымъ земледѣльцемъ, а зимой каммергеромъ. Счастливѣйшимъ днемъ его жизни, прибавилъ онъ, былъ до сихъ поръ тотъ, когда онъ пахалъ землю на островѣ. Но и тогда онъ не могъ удержаться, чтобъ не позавидовать одной розѣ, привлекавшей на себя взоръ, который онъ такъ страстно желалъ бы обратить на себя.

Манна покраснѣла.

Пранкенъ сказалъ между прочимъ, что герцогъ собирается нынѣшнее лѣто на Карлсбадскія воды.

Зонненкампъ немедленно вслѣдъ затѣмъ объявилъ, что и его тоже докторъ Рихардтъ посылаетъ въ Карлсбадъ, воды котораго должны быть ему гораздо полезнѣе водъ Виши.

Оказалось, что и зять Пранкена, Клодвигъ, и графиня Белла также думали въ теченіи лѣта побывать въ Карлсбадѣ.

— Въ такомъ случаѣ и вы должны къ намъ присоединиться, сказалъ Зонненкампъ Пранкену.

Едва Манна успѣла вернуться въ родительскій домъ, какъ

ей уже предстояло ѣхать на воды и принять участіе въ шумной и разсѣянной жизни, какая обыкновенно тамъ ведется.

Зашла рѣчь о Линѣ и Пранкенъ очень ловко ввернулъ слово похвалы ея веселому, беззаботному нраву. Онъ хотѣлъ предупредить Манну на тотъ случай, еслибъ до ея свѣдѣнія дошли слухи о томъ, какъ онъ одно время ухаживалъ за ея подругой. Затѣмъ Пранкенъ объявилъ, что беретъ съ собой въ Вольфсгартенъ бѣлую, какъ снѣгъ, лошадку, которую намѣренъ тамъ окончательно выѣздить для Манны. Молодая дѣвушка замѣтила, что не находитъ больше удовольствія въ верховой ѣздѣ. Отецъ почти строго ее остановилъ и сказалъ, что докторъ еще вчера совѣтовалъ ей дѣлать какъ можно болѣе движенія на открытомъ воздухѣ.

Затѣмъ Пранкенъ сталъ просить Манну придумать для лошадки имя и хотѣлъ по этому случаю устроить праздникъ, но молодая дѣвушка сильно этому воспротивилась. Всѣ встали и она съ отцемъ и Пранкеномъ отправилась на конюшню, гдѣ дала бѣлой лошадкѣ три большихъ куска сахару.

— Ну, скорѣй же, скорѣй придумай для нея имя! говорилъ Зонненкампъ.

— Но мнѣ кажется, лошадкѣ уже дано названіе, съ улыбкой замѣтилъ Пранкекъ и фрейленъ Манна къ тому же дала его ей самымъ осязательнымъ образомъ. Отнынѣ имя лошадки: «Сахаръ».

Нѣчто похожее на улыбку мелькнуло на лицѣ Манны.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она, мы назовемъ ее: «Снѣжинка».

Вскорѣ Пранкенъ любезно раскланялся и быстрой рысью поѣхалъ вдоль улицы. Искры летѣли изъ-подъ копытъ его лошади, а сзади него конюхъ велъ на уздѣ Снѣжинку. Манна долго смотрѣла имъ вслѣдъ и рѣшилась больше ничему не противиться и дѣлать все, чего бы отъ нея ни потребовали. Ей казалось весьма знаменательнымъ то, что она еще разъ будетъ мчаться на конѣ прежде чѣмъ, отказавшись отъ міра и его суеты, окончательно посвятитъ себя вѣчности.

Манна съ отцомъ гуляла по саду, парку и оранжереямъ, и отъ души благодарила его за обѣщаніе послать въ монастырь такихъ растеній, которыя могли бы хорошо приняться на дворѣ этого зданія. Зонненкампъ едва удержался, чтобъ не сообщить дочери объ ожидавшемъ ихъ всѣхъ возвышеніи въ свѣтѣ, но потомъ раздумалъ и отложилъ это до болѣе удобнаго времени.

Онъ счелъ за лучшее дать ей сначала немного свыкнуться съ новой обстановкой, посреди которой она внезапно очутилась.

Зонненкампъ съ любовью осматривалъ растенія, которыя въ скоромъ времени должны были быть вынесены на открытый воздухъ. Сначала ихъ мало-по-малу пріучаютъ къ прохладѣ, раскрывая въ оранжереяхъ всѣ двери, а потомъ уже выносятъ подъ открытое небо и разставляютъ въ мѣстахъ, наиболѣе защищенныхъ отъ холоднаго вѣтра. Такъ точно хотѣлъ Зонненкампъ поступить и съ своей дочерью.

Манна сдѣлала строгое распредѣленіе своимъ днямъ и часамъ, назначивъ каждому свое особенное занятіе и затѣмъ ни на шагъ не отступала отъ однажды заведеннаго ею порядка. Съ матерью у нея была постоянная борьба. Церера сама въ теченіи дня нѣсколько разъ переодѣвалась и требовала того же отъ дочери. Манна, напротивъ, привыкла съ утра одѣваться на весь день и вдобавокъ очень неохотно принимала услуги приставленной къ ней горничной. Ей въ высшей степени нравился обычай, вслѣдствіе котораго монахини постоянно носили одну и туже одежду. Это, по ея мнѣнію, убивало всякое стремленіе къ заботливости о своей внѣшности.

Въ благотворительности профессорши Манна не принимала никакого участія. Она разъ навсегда объявила, что ей еще слишкомъ много дѣла съ своей собственной личностью и что она вообще считаетъ себя далеко не готовой для того, чтобы трудиться на пользу общую.

Кромѣ того она чувствовала непреодолимое отвращеніе къ главной помощницѣ профессорши, фрейленъ Милькъ.

Вся наружность Манны выражала это отвращеніе, о которомъ, впрочемъ, она никогда не говорила вслухъ. Она избѣгала подавать фрейленъ Милькъ руку и еще ни разу не обмѣнялась съ ней словомъ.

Это были слѣды наговоровъ фрейленъ Пэрини, которая, еще до вступленія Манны въ монастырь, удерживала ее отъ всякихъ сношеній съ фрейленъ Милькъ, какъ будто та была вѣдьмой и могла причинить молодой дѣвушкѣ много зла. Фрейленъ Пэрини постоянно твердила Маннѣ, что жизнь этой женщины была въ высшей степени неприлична.

Манна брала уроки на арфѣ у тетушки Клавдіи, которая повидимому одна пользовалась ея довѣріемъ. Она ей, между прочимъ, показывала также и свои монастырскія тетради, въ особенности тѣ, которыя относились къ астрономіи и гдѣ были нарисованы золотыя звѣзды на голубомъ полѣ.

Въ лунныя ночи она съ тетушкой Клавдіей проводила цѣлые часы на плоской кровлѣ виллы и оттуда сквозь телескопъ разсматривала небесныя свѣтила. Свѣдѣнія Манны повсѣмъ от-

раслямъ науки были довольно обширны. Школа при монастырѣ, гдѣ она воспитывалась, стремилась къ тому, чтобъ оставить далеко за собой всѣ свѣтскія учебныя заведенія. Тѣмъ не менѣе науки преподавались тамъ въ тѣхъ границахъ, не выходя изъ которыхъ они находятся въ согласіи съ религіозными вѣрованіями.

Въ обращеніи тетушки Клавдіи, несмотря на ея величавую наружность, было что-то въ высшей степени мягкое и привлекательное. Она какъ будто тоже отъ чего-то отреклась въ жизни, или понесла горькую утрату и потому самому скорѣе всѣхъ прочихъ нашла доступъ къ сердцу Манны.

Въ профессоршѣ, напротивъ, вопреки всей ея добротѣ и привѣтливости было что-то повелительное и не вполнѣ доступное. Она много давала, но сама ничего не принимала.

Съ другой стороны тетушка Клавдія, хотя и могла назваться женщиной уже въ лѣтахъ, была для Манны настоящей подругой. Бѣдная дѣвушка въ ея обществѣ нравственно отдыхала.

Мыслительныя способности Манны были въ высшей степени развиты и поражали въ ней своей силой и отчетливостью, чуть ли еще не болѣе ея научныхъ свѣдѣній. Ея внутренняя жизнь отличалась необыкновенной дѣятельностью и сознательностью, а твердыя религіозныя убѣжденія сообщали ея словамъ и поступкамъ особаго рода положительность, которая принималась иными за гордость. Манна чувствовала себя какъ бы вознесенной надъ всѣми тѣми, которые не раздѣляли ея вѣрованій. Но это въ сущности была не гордость, а твердое упованіе на непогрѣшимость той великой Силы, подъ непосредственнымъ руководствомъ которой жило и дѣйствовало столько святыхъ женъ и мужей.

Ничто не доставляло Маннѣ такого удовольствія, какъ уроки на арфѣ и она однажды замѣтила тетушкѣ Клавдіи, что теперь только впервые начинаетъ слышать свою собственную игру.

Тетушка объяснила ей, что человѣка вообще можно считать зрѣлымъ именно съ той минуты, когда онъ начинаетъ самъ себя слышать и видѣть.

Однажды Манна съ пылающими щеками спросила у тетушки, не тяжело ли ей было ея постоянное одиночество въ жизни.

— Подчасъ, и очень, дитя мое. Люди въ молодости обыкновенно не понимаютъ, чтò значитъ принимать рѣшимость на цѣлую жизнь.

Рука Манны судорожно сжала висѣвшій у нея на груди крестъ, а тетушка продолжала:

— Да, дитя мое, не мало мужества надо на то, чтобъ прожить свой вѣкъ въ старыхъ дѣвушкахъ. Въ минуту, когда при-

нимается подобнаго рода рѣшимость, мы обыкновенно не даемъ себѣ отчета въ послѣдующихъ трудностяхъ. Сама по себѣ я спокойна и въ одиночествѣ не терзаюсь никакими сожалѣніями, но въ обществѣ за то я всегда чувствую себя лишней и мнѣ постоянно кажется, что меня тамъ терпятъ только изъ состраданія. Вы не повѣрите, дитя мое, какъ трудно при такихъ обстоятельствахъ уберечься отъ сожалѣній и не впасть въ сантиментальность. А сожалѣнія, какъ извѣстно, легко возбуждаютъ въ душѣ горечь и зависть.

— Все это очень понятно, возразила Манна. Но вамъ никогда не приходило на мысль поступить въ монастырь?

— Дитя мое, я не желала бы, ни васъ смущать, ни скрывать отъ васъ истины.

— Не бойтесь: я все могу слышать.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ откровенно выскажу мою мысль. Въ мірѣ существуютъ странныя, болѣзненныя учрежденія, которыя, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, вполнѣ извращаютъ жизнь. Кромѣ того, дитя мое, я люблю музыку, искусство и не могла бы безъ нихъ существовать. Въ этомъ я вполнѣ сходилась съ моимъ покойнымъ братомъ.

Манна съ изумленіемъ смотрѣла на тетушку. Передъ ней раскрывался совершенно новый взглядъ на жизнь, въ высшей степени оригинальный, но въ тоже время вовсе не противорѣчившій ея собственному религіозному настроенію духа.

Къ матери Эриха Манна относилась всегда очень почтительно, но сдержанно, а къ самому учителю, какъ къ личности, вполнѣ принадлежащей къ дому, или вѣрнѣе, какъ къ собственности, къ предмету, къ которому обращаются только въ случаѣ нужды. Она иногда въ теченіи цѣлыхъ часовъ и дней оказывала ему не болѣе вниманія, какъ какой-нибудь вещи, стулу или столу. Если ей встрѣчалась нужда въ научныхъ объясненіяхъ, она обращалась къ нему смѣло, безъ всякой нерѣшительности, или застѣнчивости, а лишь только Эрихъ переходилъ за черту того, что она желала знать, она немедленно его останавливала, говоря:

— Объ этомъ я васъ не спрашивала, благодарю васъ за то, что вы мнѣ уже сказали.

Манна за каждое объясненіе всегда благодарила Эриха, какъ и всякаго другого слугу, который ей что-нибудь подавалъ, или исполнялъ ея порученіе.

Всѣ, окружавшіе молодую дѣвушку, чувствовали въ ней присутствіе силы, составлявшей средоточіе, къ которому стремились всѣ ея помыслы и изъ котораго исходили всѣ ея рѣчи и поступки.

Манна не навѣщала никого изъ сосѣдей, постоянно утверждая, что пріѣхала только къ родителямъ и брату.

Зонненкампъ со страхомъ видѣлъ всѣ особенности этого цѣльнаго, непреклоннаго характера.

ГЛАВА III.

ВСЕ, ЧТО ИМѢЕТЪ КРЫЛЬЯ, ЛЕТИТЪ.

Маннѣ очень хотѣлось знать, какимъ путемъ и къ какимъ цѣлямъ ведутъ ея брата. Она выразила желаніе присутствовать при его занятіяхъ съ Эрихомъ. Зонненкампъ попробовалъ обратиться къ тетушкѣ Клавдіи, въ надеждѣ, что она возьметъ на себя предложить это Эриху, но та отказалась. Манна принуждена была сама заявить свою просьбу.

Этотъ первый отказъ сильно раздосадовалъ Зонненкампа, но нисколько не смутилъ Манну. Она не позже какъ за обѣдомъ высказала свое желаніе, не объясняя его никакой причиной, потому что истинная, какъ она думала, могла показаться оскорбительной, а сослаться на вымышленную она не рѣшилась.

Послѣ обѣда Эрихъ вручилъ ей росписаніе часовъ и сказалъ, что готовъ исполнить ея желаніе, но вслѣдъ затѣмъ прибавилъ, что будетъ продолжать свои занятія съ Роландомъ нисколько не стараясь примѣняться къ ней.

Манна сѣла съ вязаньемъ къ окну, а Эрихъ съ Роландомъ расположились у стола. Дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Вскорѣ Манна отложила работу въ сторону и начала слушать съ полузакрытыми глазами.

На другой день, она пришла вовсе безъ работы и такимъ образомъ продолжала приходить ежедневно, слушая даже математику съ интересомъ. Пріятный голосъ Эриха, казалось, производилъ какое-то особенное впечатлѣніе на гордую и своевольную дѣвушку. Въ иныя минуты, она широко открывала глаза, какъ бы чувствуя потребность хорошенько всмотрѣться въ говорившаго.

Но вдругъ однажды она явилась только затѣмъ, чтобы объявить о своемъ намѣреніи больше не приходить.

— Я могла бы многому еще отъ васъ научиться, сказала она, но лучше ужъ останусь при своихъ слабыхъ свѣдѣніяхъ. Благодарю васъ, прибавила она минуту спустя и вдругъ, какъ бы спохватясь, что слишкомъ часто произноситъ это слово, продолжала, благодарю васъ, но иначе чѣмъ прежде. Я вамъ при-

нательна за деликатность, съ какой вы избавляете меня отъ атрудненія: я вижу, вамъ бы хотѣлось меня спросить, довольна ли я вашимъ преподаваніемъ, но вы удерживаетесь отъ этого вопроса.

— Вы очень хорошо читаете по лицу, отвѣчалъ Эрихъ. И такимъ образомъ они разстались.

Съ этого дня гордое, самоувѣренное обхожденіе Манны съ Эрихомъ исчезло. Въ ней стала проглядывать застѣнчивость, она почти совсѣмъ перестала съ нимъ говорить. Но въ молчаніи ея уже болѣе не чувствовалось пренебреженія, съ какимъ она до сихъ поръ къ нему относилась. Однако въ глазахъ ея по временамъ еще вспыхивалъ гнѣвъ, точно она хотѣла сказать: не понимаю, какое мнѣ до тебя дѣло?

Иногда Манна посѣщала зàмокъ. Она отправлялась туда одна съ своими двумя собаками. По просьбѣ ея архитекторъ объяснялъ ей характеръ и свойство производимыхъ имъ построекъ и описывалъ, какое значеніе онѣ имѣли въ древнія времена. Манна сильно интересовалась ходомъ работъ и даже обѣщалась отцу вмѣстѣ съ нимъ позаботиться объ украшеніи первой готовой залы, которая должна была носить названіе рыцарской.

Зонненкампу при этомъ было много хлопотъ. Онъ покупалъ старинное оружіе для стѣнъ и доспѣхи, которымъ предстояло красоваться на столбахъ. Онъ не могъ удержаться, чтобъ не сообщить Маннѣ о своемъ намѣреніи праздновать открытіе зàмка осенью, въ день ея рожденія. Но она сильно противъ этого возстала и особенно настаивала на томъ, чтобъ день ея рожденія прошелъ незамѣтно.

Со времени своего возвращенія домой, Манна ничему такъ не радовалась, какъ возможности постоянно имѣть при себѣ собакъ. Въ этомъ удовольствіи она не считала нужнымъ себѣ отказывать и однажды даже написала настоятельницѣ письмо, въ которомъ спрашивала, можетъ ли она взять съ собой въ монастырь одну изъ своихъ любимицъ. Но подумавъ немного, Манна сожгла это письмо, сознавая, какъ странно было бы видѣть монахиню, при которой неотлучно находилась бы собака. Что, еслибъ всѣ монахини вздумали ей подражать? Она невольно улыбнулась, а вслѣдъ затѣмъ подумала: но почему бы у насъ въ монастырѣ и не быть животнымъ.

Эрихъ засталъ ее сидящую на скамьѣ и разговаривающую съ собаками.

— Скажите, спросила она: вы тоже находите, что глаза у собакъ имѣютъ печальное выраженіе?

— Кто ищетъ его въ нихъ, тотъ пожалуй и найдетъ. Ми-

стики утверждаютъ, будто со времени грѣхопаденія всѣ животныя смотрятъ какъ то-грустно.

Манна поблагодарила, но на этотъ разъ безъ словъ, однимъ только взглядомъ. Удивительно, какъ этотъ человѣкъ все знаетъ и все умѣетъ объяснить! Жаль, право, что онъ еретикъ.

Вдали показался экипажъ, изъ котораго кто-то усердно махалъ платкомъ.

— Манна! послышался чей-то голосъ. Это была Лина. Эрихъ ушелъ, а Манна встала и отправилась на встрѣчу подругѣ. Лина выскочила изъ кареты и пославъ ее впередъ, сама пошла съ Манной.

— Вотъ какъ! сказала она, вы уже успѣли сойтись! Тебѣ нечего отъ меня скрываться!.. Ахъ, какъ это хорошо! Кстати и я хочу тебѣ разсказать о моей любви. Поцалуй меня.... ахъ, сейчасъ видно, что вы еще не цаловались: ты совсѣмъ не умѣешь цаловаться. Можешь себѣ представить, Манна, какъ я была глупа. Нѣсколько времени тому назадъ, я вообразила себѣ, будто баронъ фонъ-Пранкенъ въ меня влюбленъ.... то-есть нѣтъ, это я пожалуй и не вообразила себѣ, но мнѣ казалось, будто и я тоже въ него влюблена. Теперь это оказалось чистѣйшимъ вздоромъ. Знаешь ли почему? Я дѣйствительно полюбила и меня также любятъ.

— Всѣ мы любимъ Бога, а Онъ насъ!

— Конечно, Богъ.... но и Альбертъ тоже. Ты вѣдь знаешь Альберта? Онъ строитъ у васъ замокъ. Помнишь на музыкальномъ праздникѣ.... я тебя тогда сейчасъ узнала и дѣлала тебѣ знаки, но ты меня не видѣла.... ну вотъ тогда на праздникѣ, мы съ нимъ и объяснились. Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ я была счастлива! Я сначала все боялась пѣть, чтобъ не закричать слишкомъ громко, но потомъ это обошлось. Ахъ, какъ было хорошо! Мы точно плавали въ звукахъ. Онъ отлично поетъ, хотя и не такъ искусно, какъ капитанъ Дорнэ... Ну, теперь ты разскажи, Манна, что ты въ то время чувствовала, слушая его пѣніе? Узнала ли ты въ немъ того самаго человѣка, имя котораго ты съ крыльями за плечами у меня спрашивала въ монастырѣ?

И не дожидаясь отвѣта, она продолжала.

— Ты конечно потомъ видѣла меня на берегу, гдѣ я, въ первый разъ гуляя подъ руку съ Альбертомъ, встрѣтила тебя. Но я не хотѣла къ тебѣ подойти, потому что ты была окружена монахинями и воспитанницами. Вѣдь ты мнѣ простишь, что я сдѣлала видъ, будто тебя не видѣла?.... Ахъ, я, напротивъ, все такъ хорошо видѣла, какъ никогда! Въ этотъ день мнѣ все

алось особенно прекраснымъ. А какъ мнѣ было весело за домъ! Только разъ вдругъ Альбертъ у меня спросилъ, почему дѣлалась такой печальной. Я сказала ему, что вспомнила гебѣ.... Что вотъ ты теперь опять идешь въ монастырь, все такъ холодно и безмолвно, гдѣ самые корридоры какъ то заражены насморкомъ. Ахъ, отчего ты не такая веселая, ъ я? Пожалуйста развеселись!... Вонъ, смотри, летитъ ласка; это еще первая въ нынѣшнемъ году. Хотѣлось бы и мнѣ ѣть крылья. Я немедленно полетѣла бы въ замокъ пожелать ьберту добраго утра и то и дѣло порхала бы вокругъ него. Ахъ, нна, Манна!

Но той странно было слушать веселую, живую болтовню руги. Она молчала, впрочемъ Лина повидимому и не ждала неи отвѣта, потому что сама снова заговорила.

— Знаешь ли, мнѣ дорогой сюда пришло въ голову, что ь я на твоемъ мѣстѣ, я потребовала бы, чтобъ мнѣ въ теіи трехъ дней наловили здѣсь въ окрестности какъ можно ѣе птицъ. Я заплатила бы за это большія деньги, а потомъ ла бы, да и выпустила всѣхъ птицъ опять на волю. Неправли, вѣдь ты сама теперь чувствуешь себя, какъ птичка, вырѣвшая изъ клѣтки? И какъ ты умно сдѣлала, что вернулась ца именно весной. Зимой неудобно выходить изъ монастыря: иходится слишкомъ много танцовать. Знаешь ли, я въ перэ зиму танцовала на четырнадцати большихъ балахъ, а на лькихъ вечеринкахъ и сосчитать нельзя. Но, Манна, ничто можетъ сравниться со счастіемъ имѣть друга!... Впрочемъ, ѣ это можетъ быть уже извѣстно? Пожалуйста, не скрывай меня ничего! Я еще не обручена съ Альбертомъ, но этимъ дѣло не станетъ.... Не правда ли, ты уже теперь будешь монахиней? Вѣрь мнѣ, ты имъ вовсе не нужна, они утъ только твоихъ денегъ. А хотѣла бы ты быть знатной?— нисколько. Что за тоска слушать, какъ тебя ежеминутно, гати и некстати величаютъ баронессой, а за глаза всеи надъ тобой смѣются, какъ и надъ всякой другой. Сколько постей ни надѣлай знатная барыня, этому никто не удивятся, а вотъ напроказничай наша сестра, такъ весь городъ, страна о ней заговорятъ!... Но знаешь ли, по моему болье несчастіе быть и такой богатой дѣвушкой, какъ ты! Мужы ищутъ жениться на твоемъ состояніи, а монахини старася прибрать тебя вмѣстѣ съ деньгами къ рукамъ. Вѣрь мнѣ, еслибъ ты была одною изъ тѣхъ женщинъ, которыя вонъ гъ таскаютъ кули съ углемъ, монахини и знать бы тебя не хотѣли, будь ты во сто разъ милѣе, добрѣе и умнѣе теперепш-

няго. Да. безъ денегъ онѣ и не подумали бы тебя звать къ себѣ. А теперь онѣ надъ тобой умиляются, твердятъ тебѣ, что ты призвана быть святой, — не вѣрь имъ! Ахъ, монастырь!... Когда я слышу, какъ восхищаются его мѣстоположеніемъ на островѣ, посреди Рейна, я всегда думаю: да, все это очень хорошо для тѣхъ, которые, гуляя, проѣзжаютъ мимо, но быть тамъ монахиней — совсѣмъ другое дѣло. Ахъ, Манна, еслибъ я могла дать тебѣ хоть частицу моего счастія! Будь повеселѣе, прошу тебя! Ахъ, Господи, отчего это люди не могутъ дѣлиться ни своимъ счастьемъ, ни веселостью? У меня ихъ столько, что я охотно уступила бы тебѣ немного!... Но, что это, какъ мы съ тобой заболтались? Я побѣгу, лови меня. Помнишь нашу старую игру: все, что имѣетъ крылья, летитъ? Ну, скорѣй, лови. меня!

Лина пустилась бѣжать. Платье ея развѣвалось по вѣтру и мелькало сквозь зелень. Замѣтивъ, что Манна за ней не слѣдуетъ, она остановилась и подождала ее. Потомъ онѣ обѣ уже молча и медленно дошли до виллы.

ГЛАВА IV.

ЗА НОВОЙ ДВЕРЬЮ.

Лина жила въ одномъ домѣ съ Манной и послѣдняя не знала, какъ ей отдѣлаться отъ своей бывшей подруги. Та ни на минуту не оставляла ее и даже ходила съ ней въ церковь. А когда Манна однажды замѣтила, что неохотно разговариваетъ поутру, Лина ей отвѣтила, что съ ея стороны это вовсе и не нужно, пусть только она позволитъ ей говорить. И рѣзвая дѣвушка болтала безъ умолку о прошломъ, о будущемъ, обо всемъ, что ей приходило на умъ.

Едва проснувшись, она принималась пѣть и пѣсня ея звонко раздавалась по всему дому. Почти во всякую пору дня, когда не было гостей и она сама никуда не ѣхала, Лина отправлялась въ концертную залу, открывала фортепьяно и не останавливаясь пѣла безъ разбору все, что только попадалось ей подъ руку. Веселая и печальная, классическая и новѣйшая музыка, всякая для нея годилась. Ей нужны были звуки, а какіе— все равно. Она безъ малѣйшаго промежутка переходила отъ трогательной, полной слезъ аріи Перголезе къ какой-нибудь веселой, залихватской тирольской пѣснѣ.

Присутствіе Лины измѣнило и оживило весь домъ, а за обѣ-

домъ она то и дѣло подавала новый поводъ къ смѣху. Одновременно съ вишнями на открытомъ воздухѣ, въ оранжереяхъ виллы Эдемъ поспѣли раннія яблоки. Лина, любившая ѣсть ихъ съ кожей, храбро запускала въ нихъ зубы, радуясь, что, за отсутствіемъ матери, ее некому за это бранить, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на укоряющій взглядъ Зонненкампа. Она была своевольная дѣвушка, не любила стѣсненій, а на выговоры не обращала вниманія, потому что ужъ очень къ нимъ привыкла.

Аппетитъ у Лины былъ серьезный, какъ у здоровой дѣвушки, которая возвращается съ полевой работы. Манна, напротивъ, казалось всегда ѣла только по обязанности. Лина вообще любила покушать и могла, какъ она сама выражалась, во всякую пору дня въ себя что-нибудь влагать. Когда за обѣдомъ ей какое-нибудь кушанье приходилось особенно по вкусу, она обыкновенно говорила:

— Манна, ты, я думаю, очень рада была наконецъ покончить съ монастырскимъ кушаньемъ? Первый домашній обѣдъ показался мнѣ чѣмъ-то совершенно особеннымъ, а у васъ, я скажу, отличный столъ.

Она также очень охотно пила вино и ее по этому случаю часто дразнили. Разъ какъ-то она обратилась къ Эриху и спросила, не можетъ ли онъ ее защитить.

— Могу, отвѣчалъ онъ. Одно только предубѣжденіе, основанное на романтической мечтательности, заставляетъ насъ думать, будто молодая дѣвушка, которая ѣстъ и пьетъ съ удовольствіемъ, представляетъ неизящное зрѣлище. А вино вовсе не противно женской природѣ и пить его, по моему, гораздо изящнѣе, нежели ѣсть мясо, то-есть питаться животными.

Всѣ засмѣялись, а Манна опять съ изумленіемъ посмотрѣла на Эриха. Какъ этотъ человѣкъ всегда умѣетъ найтись! Какіе оригинальные обороты принимаетъ его мысль!

Присутствіе Лины было очень тягостно для Манны и буквально выгоняло ее изъ дому.

Только возлѣ профессорши, которая внушала Линѣ почтительный страхъ, еще удавалось ей найти отдыхъ и уединеніе. Манна вслѣдствіе этого часто убѣгала съ виллы и укрывалась отъ подруги въ виноградномъ домикѣ. Она такимъ образомъ почти невольно принуждена была сблизиться съ профессоршей. Спокойствіе духа этой женщины и ея готовность служить ближнимъ, были, наконецъ, оцѣнены Манной по достоинству. Она разъ почти испугалась прозорливости профессорши, когда та сказала ей:

— У васъ есть до меня просьба, дитя мое. Почему же вы ея не выскажете?

— У меня, просьба? Какая?

— Вы желали бы, чтобъ Лина переселилась ко мнѣ, но вамъ совѣстно и передъ ней, и передо мной въ этомъ сознаться. Скажите откровенно, что таково дѣйствительно ваше желаніе, и я постараюсь его исполнить.

Манна призналась, что у ней до сихъ поръ не хватало духу объ этомъ говорить.

Не далѣе, какъ на слѣдующій день Лина переселилась въ виноградный домикъ и мгновенно оживила его. Ей для этого не надо было дѣлать никакихъ усилій, а слѣдовало только появиться. Она всюду приносила съ собой потоки свѣта и веселости. Распѣвая, какъ птичка на зеленой вѣткѣ, она невольно наполняла радостью сердце всякаго, кто къ ней приближался. Тетушка Клавдія аккомпанировала ея пѣніе игрой на фортепіано. Звонкій, серебристый голосъ Лины болѣе, нежели когда-либо дышалъ силой, здоровьемъ и свѣтлой радостью. Звуки такъ легко, свободно выходили у нея изъ груди, а пробудившееся въ ея сердцѣ чувство придавало имъ трогательную задушевность.

Лина никогда особенно не вдумывалась въ свое положеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ влюбилась, безсознательно стала заботиться о своемъ нарядѣ и часто смотрѣлась въ зеркало. Но мучиться надъ повѣркою своей внутренней жизни ей и въ голову не приходило. «Чтò мнѣ до этого?» было ея любимой поговоркой. Она жила, потому что ей жилось, была католичка, потому что такою родилась и вообще находила излишнимъ и неудобнымъ что-нибудь мѣнять около себя или внутри себя. Она смѣялась, пѣла, танцовала, не думая о вчерашнемъ днѣ и не заботясь о завтрашнемъ. Посреди людей, изъ которыхъ у каждаго было на душѣ бремя, или случайно или по собственной волѣ на него возложенное, Лина одна оставалась беззаботной, спокойной и веселой. И не всѣ, подобно Маннѣ, смотрѣли на нее свысока, — нѣтъ, многіе искренно ей завидовали.

— Ахъ, еслибъ и я могъ, или могла, на нее походить! повторялось на разные лады.

Но мало-по-малу и Лина, подъ вліяніемъ профессорши, сдѣлалась сдержаннѣе и смирнѣе. Она радовалась, что многое понимала изъ того, чтò эта послѣдняя ей говорила, хотя, конечно, не все.

Но чтò за бѣда?

Нельзя же всего съ собой забирать, надо кое-что оставлять и другимъ.

Прелестное зрѣлище представляла Манна, проходя по парку въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ изъ легкой матеріи. Но являясь въ виноградный домикъ, она всегда приносила съ собой какъ-будто холодъ. Съ профессоршей она говорила не иначе, какъ по-французски и постоянно называла ее «madame». Сама она рѣдко начинала разговоръ, но на всѣ вопросы отвѣчала прямо и открыто.

— Были ли вы съ кѣмъ-нибудь особенно дружны въ монастырѣ? спросила у нея однажды профессорша.

— Нѣтъ, тамъ это не позволено. Обращать нашу любовь на какую-нибудь отдѣльную личность намъ запрещалось, а предписывалось любить всѣхъ одинаково.

— Если это васъ не утомляетъ, могу я вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ?

— О, я нисколько не устала и ни о чемъ не говорю такъ охотно, какъ о монастырѣ. Я постоянно о немъ думаю. Спрашивайте меня сколько хотите.

— Были ли вы вполнѣ откровенны съ которой-нибудь изъ вашихъ наставницъ?

Манна назвала настоятельницу и устремила на свою собесѣдницу изумленный взоръ, когда та начала хвалить святую жизнь этой женщины. — Что̀ можетъ быть отраднѣе, говорила она, какъ наставлять дѣтей въ истинѣ и добрѣ, и развивая въ нихъ силы, необходимыя для борьбы съ жизнью, вселять въ ихъ сердца миръ и спокойствіе. Какъ высока должна быть та жизнь, въ которой смерть безсильна что-нибудь измѣнить и которой чужды всѣ муки горя и разлуки.

Профессорша прибавила, что сочла бы преступленіемъ, хоть единымъ словомъ смутить душу, готовую обречь себя на подобнаго рода существованіе.

— Дитя мое, сказала она въ заключеніе, твой выборъ въ своемъ родѣ прекрасенъ.

Манна не замѣтила, что профессорша, обращаясь къ ней, употребила слово «ты». Но лицо ея мгновенно озарилось радостью, которая, впрочемъ, столь же быстро исчезла, уступивъ мѣсто новой тревогѣ. Въ глубинѣ души молодой дѣвушки возникло сомнѣніе: ужъ не искушеніе ли это? Не для того ли хвалитъ ее эта женщина, чтобъ, овладѣвъ ея довѣріемъ, быстрѣе совратить ее съ истиннаго пути? Глаза Манны гнѣвно сверкнули. Но тѣмъ не менѣе она послѣ этого разговора опять вернулась къ профессоршѣ, какъ-будто у нея одной могла укрыться отъ преслѣдовавшей ее погони.

Самообладаніе профессорши и полное отсутствіе въ ней эго-

изма магнетически притягивали къ ней Манну. Молодая дѣвушка, сама того не замѣчая, каждый день съ ней все болѣе и болѣе сближалась и наконецъ дошла до такихъ признаній, которыя ей еще очень недавно казались невозможными. Колебанія и борьба, терзавшія ея душу, прежде всего обнаружились передъ профессоршей. Однажды онѣ, отправивъ Лину, Роланда и Эриха кататься въ лодкѣ по Рейну, сидѣли вдвоемъ въ садикѣ, окружавшемъ виноградный домикъ.

Манна, робко озираясь вокругъ, спросила:

— Неужели это правда, что наслаждаться природой грѣшно? Радость, возбуждаемая ею, не есть ли тоже своего рода выраженіе благоговѣйной любви къ ея Творцу?

Профессорша молчала.

— Прошу васъ, отвѣтьте мнѣ, сказала Манна.

— Одинъ человѣкъ, отвѣчала профессорша, котораго, впрочемъ, вы не можете, подобно намъ, уважать, сказалъ слѣдующее: Богу гораздо пріятнѣе видъ ликующаго, нежели разбитаго сердца.

— Кто этотъ человѣкъ?

— Готтгольдъ Лессингъ.

Манна просила ей показать книгу, въ которой находилось это изреченіе. Профессорша исполнила ея желаніе и съ этой минуты между ними установился болѣе свободный обмѣнъ мыслей.

Впрочемъ, профессорша продолжала, по прежнему, говорить и дѣйствовать осторожно и не разъ повторяла, что сочла бы святотатствомъ всякую попытку отнять у вѣрующаго сердца его святыню.

На это Манна ей постоянно отвѣчала, что чувствуетъ себя достаточно вооруженной для того, чтобъ безопасно слушать рѣчи людей, не проникнутыхъ, подобно ей, свѣтомъ истины.

Тщетно профессорша предостерегала ее и совѣтовала быть осторожной. Манна утверждала, что она вернулась въ свѣтъ съ цѣлью все узнать и потомъ отъ всего добровольно отречься. Она объявила о своемъ твердомъ намѣреніи не быть женой Пранкена, да и вообще ничьей и едва не призналась профессоршѣ въ томъ, что обрекала себя на жертву для искупленія чужой вины. И этой жертвы никто отъ нея не требовалъ, она принимала ее на себя добровольно, чувствуя въ себѣ достаточно силъ для того, чтобъ вполнѣ отречься отъ міра и его суеты.

— Вамъ я бы все могла сказать, проговорила Манна, смотря на профессоршу глазами, полными слезъ.

Достаточно было бы одного слова, одного ободряющаго взгляда, чтобъ заставить Манну вполнѣ открыться профессоршѣ.

Но та, напротивъ, обратилась къ ней съ просьбой не повѣрять ей никакой тайны, не потому, чтобъ она не надѣялась ее сохранить, а потому, что боялась взять на себя лишнюю и безполезную тягость. Кромѣ того, она никогда не простила бы себѣ, еслибъ существо, стремящееся жить высшей духовной жизнью, по ея винѣ вдругъ сошло съ пути, по которому до сихъ поръ намѣревалось идти.

Профессорша говорила чрезвычайно осторожно, взвѣшивая каждое слово, такъ чтобъ не возбудить въ Маннѣ ни малѣйшаго подозрѣнія, въ томъ, что ей уже извѣстна ея тайна. Она только дала ясно понять молодой дѣвушкѣ, что вполнѣ одобряетъ ея намѣреніе поступить въ монастырь.

Что-то похожее на подозрительность, свойственную Зонненкампу, поднялось изъ глубины души Манны. Эта женщина, подумала она, соглашается съ ней только для того, чтобъ вѣрнѣе овладѣть ею. Но взглянувъ на ясное, спокойное лицо профессорши, Манна устыдилась самой себя и едва удержалась, чтобъ не броситься къ ней на шею и не признаться ей въ смутившемъ ее подозрѣніи. Профессорша замѣтила борьбу, происходившую въ сердцѣ молодой дѣвушки, но приписала ее совсѣмъ другой причинѣ. Ей и въ голову не приходило, чтобъ Манна могла усомниться въ честности ея намѣреній.

Возвращаясь на виллу по дорожкѣ, пролегавшей чрезъ поле, вдоль рѣки, Манна задумчиво остановилась у новой двери въ стѣнѣ парка. Она вспомнила, какъ въ первое утро своего пріѣзда домой, она стояла на этомъ самомъ мѣстѣ и ею внезапно овладѣло предчувствіе борьбы, которую ей предстояло вынести на пути между виллой и винограднымъ домикомъ. Предчувствіе это теперь сбывалось.

Но Манна все еще надѣялась преодолѣть всѣ препятствія и въ концѣ концовъ все-таки остаться побѣдительницей.

ГЛАВА V.

У ПАТЕРА.

Манна по прежнему каждое утро ходила въ церковь, молилась съ неизмѣннымъ усердіемъ, но непреодолимая робость удерживала ее отъ посѣщенія патера. Она постоянно повторяла себѣ, что патеръ обѣщался не принимать въ дурную сторону, если она не часто будетъ его навѣщать, и совѣтовалъ ей самой постараться справиться съ своей новой жизнью. Сколько разъ, по-

среди разговоровъ съ профессоршей, она вдругъ пугалась, видя до какой степени ей были пріятны эти бесѣды, и опять, и опять давала себѣ слово стать на ту точку зрѣнія, съ которой все земное кажется незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ Манна собралась съ духомъ и отправилась къ патеру. Она начала свою бесѣду съ нимъ извиненіями и старалась объяснить, почему такъ долго къ нему не заглядывала. Но патеръ остановилъ ее на первыхъ же словахъ. Ей не было надобности, говорилъ онъ, объяснять ему состояніе своей души. Онъ за это время много о ней думалъ и хорошо понимаетъ, какія мысли и чувствованія должны были ее до сихъ поръ занимать. Когда человѣкъ, удалившійся отъ свѣта, снова въ него возвращается, ему, привыкшему къ созерцанію вѣчныхъ истинъ, совершенно естественно должны казаться странными, мелкими и пошлыми всѣ обычаи, заботы и стремленія людей. Дни его тревожны, а ночи преисполнены тяжелыхъ сновидѣній: все это, безъ сомнѣнія, испытывала и Манна. Затѣмъ патеръ убѣждалъ молодую дѣвушку какъ можно снисходительнѣе смотрѣть на людей. Худшіе изъ нихъ, говорилъ онъ, тѣ, которые воображаютъ себѣ, будто знаютъ, что́ дѣлаютъ. Этихъ послѣднихъ всего труднѣе прощать, но религія, основываясь на высшихъ законахъ небеснаго милосердія, предписываетъ къ нимъ наиболѣе состраданія. Они, вопреки своимъ самонадѣяннымъ рѣчамъ, ничего не знаютъ и о нихъ всего чаще должны мы восклицать: «Господи, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что̀ творятъ». Намъ только и можно, что молиться о нихъ, въ надеждѣ на милосердіе Божіе.

Патеръ, никого не называя по имени, говорилъ о людяхъ, которые съ перваго взгляда, пожалуй, и кажутся благочестивыми и мудрыми, потому что занимаются, такъ-называемыми добрыми дѣлами и толкуютъ о высокихъ предметахъ, но въ сущности употребляютъ святыя слова для прикрытія своихъ вовсе не святыхъ мыслей. Патеръ явно намекалъ на профессоршу. Затѣмъ онъ изобразилъ человѣка, который, посвятивъ себя наукѣ, постоянно заблуждается на счетъ того, что составляетъ настоящій центръ всего живущаго и движущагося въ мірѣ. Самъ не имѣя твердой почвы подъ ногами, онъ однако считаетъ себя способнымъ руководить другихъ. Подъ этимъ человѣкомъ, конечно, подразумѣвался Эрихъ. Далѣе патеръ не забылъ и тѣхъ людей, которые, стремясь подчинить себѣ всѣ небесныя и земныя силы, преслѣдуютъ насмѣшками кротость и смиреніе. При этомъ онъ, не церемонясь, прямо указалъ на доктора Рихардта и на Вейдемана съ ихъ приверженцами и друзьями. Онъ между прочимъ намекалъ также и на Зонненкампа, но не осмѣливаясь назвать

его въ присутствіи дочери, предоставилъ ей самой объ этомъ догадаться.

Манна слушала патера съ большимъ вниманіемъ. Она выглянула въ окно и взоръ ея остановился на родительскомъ домѣ, на паркѣ, на садѣ и оранжереяхъ. Ей казалось, что земля должна непремѣнно разступиться и поглотить весь этотъ прахъ и суету, а волны Рейна, выступивъ изъ береговъ, залить всю окрестность, посреди которой, какъ Ноевъ ковчегъ, останется стоять одна эта комната.

Запинаясь, едва слышнымъ голосомъ, Манна жаловалась, или лучше сказать, спрашивала, зачѣмъ отъ нея требовали, чтобъ она снова вернулась въ свѣтъ. Патеръ кротко ее утѣшалъ. Подобно тому, говорилъ онъ, какъ изъ этого окна глазъ человѣческій съ высоты покоится на дальнемъ ландшафтѣ и заботливо наблюдаетъ, что происходитъ тамъ внизу,—такъ точно всевидящее око Вѣчнаго Духа неутомимо слѣдитъ за ней. Пусть же она спокойно, безъ страха отдается всѣмъ развлеченіямъ міра сего, и только внутри себя постоянно хранитъ мысль о бренности земныхъ благъ: въ этомъ и состоитъ наложенный на нее искусъ. Болѣе того, онъ совѣтовалъ молодой дѣвушкѣ пока даже мысленно не связывать себя никакимъ обѣтомъ и на время вовсе прекратить свои посѣщенія къ нему. Пусть она на свободѣ обо всемъ размыслитъ и предоставленная собственнымъ силамъ, сама преодолѣетъ всѣ препятствія и самостоятельно произнесетъ рѣшеніе надъ своей будущностью.

Манна робко спросила, почему патеръ не взялъ въ свои руки благотворительность, которою теперь управляла профессорша отъ имени ея отца.

— Почему? воскликнулъ патеръ и въ его обыкновенно спокойныхъ глазахъ сверкнула молнія гнѣва. Развѣ мы можемъ брать то, чего намъ не даютъ? Но знай, что добрыя дѣла, не освященныя церковью, все равно что ничего. Я и тебѣ положительно запрещаю въ нихъ принимать участіе. Они совершаются людьми, общество которыхъ для тебя не годится.

Манна сильно смутилась, когда патеръ вслѣдъ за тѣмъ выразилъ мнѣніе, что врядъ ли она создана для монастырской жизни и даже посовѣтовалъ ей лучше сдѣлаться женой Пранкена. Яркая краска разлилась у ней по лицу, она сдѣлала невольное движеніе руками, какъ бы что-то отъ себя отталкивая, раскрыла ротъ, точно собираясь говорить, но не могла произнести ни слова.

— Хорошо, хорошо, поспѣшилъ ее успокоить патеръ и положилъ ей на голову руку: если ты въ состояніи съ собой

совладѣть—тѣмъ лучше, но знай, что мы тебя не зовемъ и ни къ чему не склоняемъ: ты сама въ себѣ должна все порѣшить. Тебѣ будутъ говорить: попы,—такъ насъ называютъ наши враги, —всѣми средствами стараются завлечь тебя. Не вѣрь: я призываю солнце въ свидѣтели и еще разъ повторяю тебѣ, не отрекайся отъ міра. Мы примемъ тебя только въ такомъ случаѣ, если твое призваніе истинно и ты сама добровольно къ намъ придешь. Иначе, ни ты, ни твои богатства намъ не нужны.

Патеръ всталъ съ своего мѣста и быстрыми шагами началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Настало продолжительное молчаніе. Онъ остановился у окна и устремилъ взоръ вдаль. Манна, испуганная и дрожащая, продолжала неподвижно сидѣть на диванѣ.

— Изъ того, что мы тебя вполнѣ предоставляемъ твоимъ собственнымъ силамъ, ты поймешь, какъ искренно мы тебя уважаемъ и какъ сильно надѣемся на твердость твоей вѣры. А теперь оставимъ это и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Ужъ и ты не находишь ли этого капитана Дорнэ очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ? Выскажи мнѣ откровенно твое мнѣніе о немъ, такъ какъ будто бы ты говорила сама съ собой.

— Я право не знаю, что вамъ сказать. Но мнѣ кажется, что въ немъ есть благородные задатки, которые могли бы сдѣлать изъ него достойное орудіе вѣчнаго Духа.

— Ты такъ думаешь? Благодарю тебя за откровенность. Необыкновенное искусство соблазнителя въ томъ именно и заключается, что онъ умѣетъ принимать на себя личину добродѣтели и тѣмъ самымъ возбуждать въ истинной душѣ надежду на его полное обращеніе къ добру: она такимъ образомъ, сама того не замѣчая, дѣлается его жертвой. Соблазнитель теперь явился тебѣ и я совѣтую..... нѣтъ, приказываю тебѣ попытаться обратить этого фальшиваго монетчика на истинный путь. Да, попробуй, и если тебѣ это удастся, ты неимовѣрно выростешь въ моихъ глазахъ, если-жъ нѣтъ — ты навсегда исцѣлишься. Мудрое Провидѣніе не даромъ поставило этихъ людей на твоемъ пути и вложило тебѣ въ сердце желаніе ихъ обратить. Ты этимъ самымъ призвана излечить ихъ и самое себя. Повторяю: сдѣлай попытку къ ихъ обращенію. Смотри, теперь весна на дворѣ, все зеленѣетъ и цвѣтетъ. Но подуетъ вѣтеръ, вершины деревъ закачаются и обнажатся, а корни ихъ затрещатъ. Такъ точно будетъ и съ тобой. Успѣвшее вырости въ тебѣ добро должно подвергнуться бурѣ и искушенію, вынести тяжелую, отчаянную борьбу съ соблазнителемъ и только выдержавъ и одолѣвъ все это, ты дѣйствительно будешь сильна.

Патеръ снова быстро зашагалъ по комнатѣ. Манна молчала, ничего болѣе не находя сказать. Ей было страшно отсюда уйти и снова очутиться посреди людей, изъ которыхъ теперь каждый казался ей переодѣтымъ искусителемъ.

Немного спустя, патеръ опять къ ней обратился, но уже ласково проговорилъ:

— Теперь ступай домой, дитя мое, и да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе.

Онъ осѣнилъ ее знаменіемъ креста.

Манна вернулась въ родительскій домъ съ новымъ противорѣчіемъ въ сердцѣ, но вооруженная твердымъ намѣреніемъ смотрѣть на все въ жизни, какъ на пустую игру, какъ на искушеніе, которыхъ она ни подъ какимъ видомъ не должна была избѣгать. Но никто и не подозрѣвалъ настоящей причины веселости и сговорчивости, которыя съ этихъ поръ начали проявляться въ Маннѣ.

ГЛАВА VI.

О ПОСТРОЕНІИ ХРАМА.

Никто, кромѣ профессорши, не замѣчалъ, что въ Эрихѣ произошла какая-то перемѣна. Онъ сдѣлался сосредоточенъ, молчаливъ, почти робокъ. Его прежняя веселость и сообщительность уступили мѣсто вовсе непривычной ему сдержанности и осторожности, которыя особенно проявлялись въ присутствіи Манны, точно онъ боялся пробудить ее къ дѣйствительности, или чѣмъ-нибудь нечаянно возмутить ея покой.

Вскорѣ, впрочемъ, еще и другой подозрительный глазъ открылъ происшедшую въ Эрихѣ перемѣну. На виллу пріѣхала Белла. Она была особенно ласкова съ Манной и всячески старалась завлечь ее въ разговоръ. У графини была привычка обнимать за талію молодую дѣвушку, которой она желала выказать свое расположеніе, и такимъ образомъ прохаживаться съ ней. Но всякій разъ, что она прикасалась къ Маннѣ, та дѣлала рѣзкое движеніе, точно собираясь ее отъ себя оттолкнуть. Разъ даже она не вытерпѣла и объяснила Беллѣ, какъ это ей непріятно. Графинѣ постоянно приходилось въ этомъ домѣ и въ этомъ саду претерпѣвать неудачи. Однако она скрыла свою досаду и, обратясь къ Эриху, шутливо спросила, нельзя ли поздравить его теперь также и съ ученицей. Эрихъ въ томъ же тонѣ отвѣчалъ, что Манна болѣе не нуждается ни въ чьемъ руководствѣ. Белла одобрительно кивнула ему головой.

Графиня такимъ образомъ успѣла себя нѣсколько вознаградить за церемонное обращеніе Манны, которую вслѣдъ затѣмъ пригласила къ себѣ въ Вольфсгартенъ. Но молодая дѣвушка и на эту любезность отвѣчала отказомъ: она была намѣрена никуда не ѣздить и никому не отдавать визитовъ. Тогда Белла присоединилась къ профессоршѣ и къ тетушкѣ Клавдіи, съ которыми и провела остатокъ вечера.

По возвращеніи домой, она дала себѣ слово прекратить всѣ сношенія съ домомъ Зонненкампа. Если Отто хотѣлъ непремѣнно изъ него взять себѣ жену, это было его дѣло и вовсе ея не касалось. Впрочемъ она считала своей обязанностью открыть брату глаза на счетъ робости, проглядывавшей въ взаимныхъ сношеніяхъ Эриха и Манны и въ которой она сама видѣла зародышъ иного, болѣе глубокаго чувства. Пранкенъ на предостереженіе сестры не безъ тайной злобы отвѣчалъ, что для молодой дѣвушки съ серьезнымъ характеромъ и твердыми религіозными убѣжденіями Манны, домашній учитель далеко не былъ такъ опасенъ, какъ думала Белла.

Пранкенъ очень часто пріѣзжалъ на виллу, гдѣ присутствіе его всякій разъ приносило съ собой новое оживленіе и веселость. Но отъ зоркаго взгляда Манны не ускользнуло, что Пранкенъ гораздо болѣе походилъ на искуснаго фокусника, нежели на талантливаго художника. Онъ умѣлъ ловко подражать, но въ немъ самомъ не было производительной силы. Кромѣ того, во всѣхъ его словахъ и поступкахъ проглядывало что-то шаткое, не вполнѣ установившееся, что̀ особенно сильно поражало при сравненіи его съ Эрихомъ.

У Пранкена всегда было на готовѣ острое словцо, но за то онъ положительно не могъ долго поддерживать серьезнаго разговора. Всякій новый предметъ, новое явленіе его смущали и буквально ставили въ тупикъ, тогда какъ въ Эрихѣ повидимому, напротивъ, возбуждали его умственныя силы и вызывали цѣлый потокъ своеобразныхъ мыслей и сужденій.

Пранкенъ часто казался мелочнымъ и въ высшей степени несостоятельнымъ. Онъ самъ это чувствовалъ и сердился. Въ его обращеніи было что-то невольно возбуждавшее какой-то неопредѣленный страхъ и подъ самыми горячими его изъявленіями дружбы всегда скрывалось враждебное чувство. Ему казалось, будто онъ тоже подмѣтилъ что-то подозрительное между Манной и Эрихомъ.

Манна подобно Эриху, жила гораздо болѣе въ мірѣ чистыхъ идей, нежели въ дѣйствительности. Она почерпала свой взглядъ на жизнь и людей изъ религіи, онъ изъ науки и воззрѣнія обо-

ихъ отличались характеромъ не столько личнымъ, сколько общечеловѣческимъ. Сначала Манна была точно на сторожѣ и относилась къ Эриху съ пренебреженіемъ и досадой, какъ къ человѣку, въ которомъ видѣла своего противника. Но потомъ цѣльность и правдивость его характера мало-по-малу одержали побѣду надъ ея предубѣжденіемъ. Когда Пранкену случалось спорить, онъ всегда выражалъ свое мнѣніе такъ, какъ будто оно должно было быть всѣми принято за непреложную истину, Эрихъ напротивъ обыкновенно говорилъ:

— Я прежде всего желалъ бы, если мнѣ будетъ позволено, какъ можно точнѣе и опредѣленнѣе поставить вопросъ. Это лучшій способъ добраться до истины. Точно выражаться и умѣть обходиться безъ лишняго, прибавлялъ онъ съ улыбкой, еще философъ Эпиктетъ признавалъ за великую мудрость.

— Кто такой Эпиктетъ? спросила однажды Манна.

Эрихъ вкратцѣ разсказалъ ей жизнь этого стоика, который былъ невольникомъ въ Римѣ и философомъ, поучавшимъ юношество по способу Сократа. Затѣмъ онъ по обыкновенію присоединилъ къ своему объясненію собственный взглядъ на ученіе философа, о которомъ шла рѣчь, и Манна опять, почти съ ужасомъ замѣтила, какъ много общаго между Эрихомъ и ею. Они, правда, поклонялись различнымъ богамъ, но способъ ихъ поклоненія и набожность, съ какою каждый служилъ своей идеѣ— были у обоихъ одинаковы.

Пранкенъ сильно досадовалъ, видя вниманіе, съ какимъ Манна слушала Эриха, и онъ старался по возможности чаще вызывать его на замѣчанія, которыя противорѣчили бы ея строго-религіозному настроенію духа.

Между молодыми людьми часто происходили стычки, похожія на турниръ, а Манна имѣла видъ царицы, которая должна увѣнчивать побѣдителя. При такомъ натянутомъ положеніи вещей достаточно было самаго ничтожнаго случая, чтобы вражда между противниками разразилась въ ожесточенную войну. Такого рода случай не замедлилъ представиться.

Однажды Пранкенъ, явясь на виллу, разсказалъ, что на станціи желѣзной дороги толпилось безчисленное множество поселянъ. Это былъ день розыгрыша лоттереи въ пользу построенія церкви и весь бѣдный людъ, слуги, служанки, виноградари, каменьщики и шкипера съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія вечерняго поѣзда, который долженъ былъ привезти списокъ выигрышныхъ номеровъ. Каждый надѣялся быть счастливцемъ, на долю котораго выпадетъ первый выигрышъ. Манна хотѣла сказать, что съ своей стороны дала ловчему денегъ на выкупъ его

билета, но не успѣла, потому что Эрихъ въ негодованіи воскликнулъ:

— Эти лоттереи составляютъ стыдъ и позоръ нашего времени!

— Какъ? Что вы говорите?

— Ахъ, извините, я погорячился, попробовалъ-было Эрихъ отклонить отъ себя объясненіе вырвавшихся у него словъ. Но Манна положительно потребовала этого объясненія.

— Позвольте намъ узнать, сказала она, что вы находите предосудительнаго въ лоттереяхъ?

— Признаюсь, отвѣчалъ Эрихъ, я на этотъ разъ не чувствую большой охоты высказать свое мнѣніе.

Манна покраснѣла. Неужели этотъ человѣкъ также еретикъ и въ дѣлѣ общественныхъ приличій? Но она поспѣшила преодолѣть свою догадку и спокойно замѣтила:

— Но вы безъ сомнѣнія не желали бы дать повода упрекать васъ въ несправедливости.

— Неужели, капитанъ, вмѣшался Пранкенъ, вы намъ откажете въ удовольствіи выслушать ваше мнѣніе. Съ вашей стороны было бы очень любезно просвѣтить насъ на счетъ вашего отвращенія къ лоттереямъ.— Затѣмъ онъ, обратясь къ Маннѣ, тихонько прибавилъ: обратите вниманіе на ходъ его рѣчи. Сначала онъ какъ пѣвица, которую просятъ пѣть въ обществѣ, жеманится и извиняется въ странности своихъ взглядовъ вообще. Потомъ онъ, приспособляясь къ слабымъ понятіямъ своихъ слушателей, слегка касается сущности дѣла и приводитъ цитату изъ профессора Гамлета. Затѣмъ ораторомъ овладѣваетъ добродѣтельное негодованіе и онъ всякаго, думающаго иначе чѣмъ онъ, величаетъ кретиномъ, или подлецомъ, а въ заключеніе, когда вы полагаете, что уже насталъ конецъ, онъ еще выдѣлываетъ нѣсколько искусныхъ трелей и тогда только рѣшается умолкнуть.

Эрихъ видѣлъ, что Пранкенъ хотѣлъ его уколоть и, если можно, вывести его изъ себя. Но этого не будетъ, мысленно произнесъ онъ, а затѣмъ очень спокойно сказалъ вслухъ:

— Прежде всего прошу васъ помнить, что теперь вошло въ обыкновеніе прибѣгать къ этому ужасному способу для построенія какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ церквей.

— Но почему вы называете его ужаснымъ? спросила Манна.

— Да, да, почему? Дальше, дальше, торопилъ Пранкенъ, точно погоняя лошадь хлыстомъ.

— Прошу васъ, не торопите меня такъ, возразилъ Эрихъ: мнѣ приходится начать издалека.

— Но все-таки, впередъ, впередъ, къ дѣлу! продолжалъ подгонять Пранкенъ, пощипывая себя за бороду.

— Величайшіе храмы, началъ Эрихъ, еще недокончены. Въ землѣ покоятся тысячи рукъ, которыя нѣкогда, влекомые благочестіемъ, трудились надъ ихъ сооруженіемъ. Въ числѣ работниковъ, безъ сомнѣнія, были также и легкомысленные, но самое искреннее благочестіе несомнѣнно руководило тѣми людьми, которые, стоя во главѣ предпріятія, ссужали необходимыя для его осуществленія деньги и заправляли ходомъ работъ. Не то видимъ мы въ наше время. Теперь строители храмовъ, обращаясь къ слугамъ и ремесленникамъ, говорятъ имъ: идите сюда, вотъ вамъ лоттерейный билетъ. Онъ стòитъ всего одинъ талеръ, но вы можете выиграть на него цѣлыя сотни и тысячи. Возможна ли благоговѣйная молитва или проповѣдь въ стѣнахъ храма, такимъ образомъ воздвигнутаго на корыстолюбіи людей? Вы усмѣхаетесь? Вы думаете, что бѣда не велика, если слуга или ремесленникъ отдастъ свой талеръ даромъ. Но позвольте васъ спросить, здорово ли для души возлагать свои надежды на лоттерейный выигрышъ? Согласились ли бы вы начертать на краеугольномъ камнѣ новаго зданія планъ лоттереи, содѣйствовавшей его сооруженію? Чтó скажутъ о насъ будущія поколѣнія, съ трудомъ разбирая цифры, которыя объяснятъ имъ, что въ наше время храмы Божіи воздвигались не благочестіемъ, а корыстолюбіемъ людей. Разрѣшительныя грамоты и индульгенціи въ сущности заслуживаютъ гораздо меньше порицанія. Въ основаніи ихъ лежитъ, хотя и дурно понятое, но все же нравственное начало, въ силу котораго люди жертвовали деньги съ цѣлью искупать свои грѣхи.

— А я думалъ, вмѣшался Зонненкампъ, что вы, какъ поклонникъ изящнаго, непремѣнно должны смотрѣть на сооруженіе прекраснаго зданія, какъ на дѣло высокое и вполнѣ нравственное.

— Благодарю васъ за это замѣчаніе, сказалъ Эрихъ. Оно дастъ мнѣ возможность въ двухъ словахъ выразить мою мысль. Я нахожу безнравственнымъ употреблять дурныя средства для достиженія хорошихъ цѣлей. Несоразмѣрность, въ чемъ бы она ни была, всегда грѣшитъ противъ законовъ изящнаго.

Зонненкампъ нашелъ это объясненіе весьма интереснымъ, но Пранкенъ былъ сильно раздосадованъ. По задумчивому виду Манны, онъ догадывался, что слова Эриха произвели на нее впечатлѣніе. Но гнѣвъ его безъ сомнѣнія дошелъ бы до послѣдней крайности, еслибъ онъ могъ поглубже заглянуть въ душу молодой дѣвушки и прочесть въ ней ея мысли.

Этотъ еретикъ, капитанъ Дорнэ, въ сущности не поколебалъ въ ней ни одного изъ религіозныхъ началъ. Вся его философія была не въ силахъ сдвинуть съ мѣста такую твердую скалу, какъ ея вѣра. Но онъ успѣлъ пробудить въ ней сомнѣніе насчетъ справедливости мѣръ, къ какимъ нерѣдко прибѣгаютъ представители нравственнаго, духовнаго міра. «Деньги, деньги!» звучало у Манны въ ушахъ: неужели онѣ дѣйствительно такой соблазнъ, противъ котораго никто не можетъ устоять?

Вдругъ въ комнату вбѣжалъ Роландъ и въ волненіи воскликнулъ:

— Эрихъ, иди скорѣй, тебя Клаусъ спрашиваетъ! Онъ, точно помѣшанный, кричитъ и бранится. Ты одинъ можешь его успокоить.

— Что́ съ нимъ случилось?

— На долю Семиствольника выпалъ первый выигрышъ, а Клаусъ утверждаетъ, будто эти деньги должны принадлежать ему. Иди скорѣй! Повторяю тебѣ: онъ точно съ ума сошелъ.

Эрихъ вышелъ на дворъ. Ловчій сидѣлъ на одной изъ собачьихъ конуръ и имѣлъ въ высшей степени жалкій видъ. Онъ такъ сбивчиво и невнятно отвѣчалъ на распросы Эриха и Роланда, что тѣ рѣшительно ничего не могли понять. Ясно было только то, что Семиствольникъ выигралъ деньги, а Клаусъ утверждалъ, будто онѣ принадлежатъ ему.

Зонненкампъ, Манна и Пранкенъ тоже показались на лѣстницѣ. Ловчій, увидѣвъ Манну, закричалъ, что она можетъ засвидѣтельствовать справедливость его словъ. Онъ получилъ отъ нея деньги на билетъ, но забылъ только его выкупить.

Эрихъ успокоилъ ловчаго обѣщаніемъ вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Семиствольнику. Зонненкампъ согласился дать одинъ изъ своихъ экипажей. Роландъ упросилъ Эриха взять его съ собой, Клаусъ сѣлъ на козлы вмѣсто кучера и они поѣхали въ деревню, гдѣ жилъ Семиствольникъ.

У воротъ дома послѣдняго они застали бочара, который разсказалъ Эриху, какъ Семиствольникъ его только что отъ себя выгналъ. Бѣдный малый любилъ старшую дочь Семиствольника и родители обоихъ были до сихъ поръ вовсе не прочь породниться. Но теперь Семиствольникъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Дочь его, говорилъ онъ, можетъ найти себѣ жениха получше сына ловчаго, который еще вздумалъ оспаривать у него право на выигранныя деньги.

— Правда ли, батюшка, что выигрышный билетъ тебѣ принадлежалъ? спросилъ бочаръ у Клауса.

— Принадлежалъ и теперь еще принадлежитъ, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, теперь я все понимаю, сказалъ бочаръ и немедленно ушелъ.

Въ домѣ Семиствольника все было въ безпорядкѣ. Старшая дочь его плакала, а другіе дѣти безъ цѣли толкались изъ угла въ уголъ. Наконецъ Эриху и Роланду удалось кое-какъ усѣсться. Семиствольникъ немедленно объявилъ, что не намѣренъ болѣе оставаться виноградаремъ. Не дуракъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, онъ теперь въ теченіи цѣлаго года ровно ничѣмъ не будетъ заниматься, а потомъ уже подумаетъ, что ему всего лучше начать. Дѣти прыгали, кричали и вообще очень шумно выражали свою радость. Семиствольникъ приказалъ имъ пѣть, но они отказались, находя, что время повиноваться отцу прошло.

Эрихъ, которому удалось уговорить ловчаго не входить въ домъ, передалъ Семиствольнику претензію послѣдняго на его деньги. Но едва успѣлъ онъ выговорить нѣсколько словъ, какъ Семиствольникъ, въ бѣшенствѣ соскочивъ съ мѣста, сильнымъ ударомъ кулака выбилъ окно и грозно закричалъ своему бывшему пріятелю:

— Если ты сію же минуту отсюда не уйдешь и еще хоть разъ заикнешься мнѣ о деньгахъ, то я живого мѣста на тебѣ не оставлю. Слышишь? Убирайся прочь, да поскорѣй, а не то тебѣ не сдобровать!

Никакія убѣжденія не помогли и Семиствольникъ остался при томъ, что ни копѣйки не дастъ ловчему.

Эрихъ и Роландъ разстались съ нимъ глубоко опечаленные. Проѣзжая мимо дома Клауса, они увидали его спящаго на лавкѣ. Жена его разсказала, что онъ вернулся къ ней совсѣмъ пьяный и прибавила, что сынъ ея, бочаръ, также ходитъ какъ убитый.

Эрихъ и Роландъ и тутъ также ничѣмъ не могли помочь.

На возвратномъ пути, Роландъ внезапно воскликнулъ:

— Ахъ, деньги, деньги! Сколько онѣ надѣлали зла!

Эрихъ ничего не отвѣчалъ, а мальчикъ въ волненіи продолжалъ:

— Я въ Америкѣ никогда не слышалъ о лоттереяхъ. Видишь ли, Эрихъ, это учрежденіе существуетъ только у насъ.

Учитель и ученикъ вернулись на виллу разстроенные и смущенные. Ихъ въ теченіи всего вечера не покидало воспоминаніе о грозномъ геніи раздора, который внезапно поселился между двумя семействами, вслѣдствіе неожиданно появившагося богатства.

На слѣдующее утро первыми словами Роланда были:

— Какъ-то ловчій и Семиствольникъ провели эту ночь?

Въ деревню отправили посланнаго, узнать въ какомъ положеніи находятся дѣла враждующихъ семействъ. Онъ вернулся съ довольно успокоительными извѣстіями: между ними не произошло никакихъ новыхъ столкновеній, но старшая дочь Семиствольника ушла изъ родительскаго дома и поселилась у Клауса.

ГЛАВА VII.

ПЕРВАЯ ПОѢЗДКА.

Манна была со всѣми окружавшими ее въ высшей степени ласкова и кротка и никому въ голову не приходило подозрѣвать ее въ гордости, а между тѣмъ ея кротость и доброта были ей внушены сознаніемъ преимуществъ, которыми она пользовалась, а другіе нѣтъ. Всѣ люди казались ей такими бѣдными, ничтожными, заблудшими созданіями, между тѣмъ какъ она чувствовала себя такой богатой и сильной вслѣдствіе снисшедшей на нее небесной благодати. Обращенныя къ ней рѣчи она всегда слушала разсѣянно, думая про себя: да, это говоришь ты, дитя мірской суеты и тщеславія, но не такъ думаю я. Участвуя въ прогулкахъ и разнаго рода удовольствіяхъ она ни на минуту не забывалась. Ей постоянно точно кто-нибудь твердилъ: это не ты, по крайней мѣрѣ не вся ты, а только часть тебя здѣсь сидитъ, говоритъ и улыбается. Мысли твои далеко отсюда...

Но никто не зналъ о томъ, что происходило въ глубинѣ души молодой дѣвушки, а всѣ, руководствуясь только внѣшними признаками, были въ восторгѣ отъ ея милаго и граціознаго обращенія. Тѣмъ не менѣе никто болѣе не осмѣливался упоминать въ ея присутствіи о верховой ѣздѣ. Одинъ только докторъ Рихардтъ явился на помощь Пранкену и Зонненкампу и во всеуслышаніе объявилъ, что Маннѣ необходимо для здоровья ѣздить верхомъ.

На виллѣ все это время то и дѣло пѣли, танцовали, играли, гуляли. Манна ѣздила верхомъ въ сопровожденіи Пранкена, Эриха и Роланда. Иногда къ нимъ присоединялся и Зонненкампъ на своемъ ворономъ конѣ. Прогулки эти были очень пріятны, потому что всюду, куда бы ни являлась Манна съ своими спутниками, ихъ вездѣ принимали съ радостью и почетомъ. И не только бѣдняки, получавшіе помощь черезъ профессоршу, но и люди совершенно независимые оказывали имъ радушный пріемъ. Всѣ окрестные жители, повидимому, гордились тѣмъ, что между

ними находится человѣкъ, заслуживающій такого полнаго уваженія, какъ Зонненкампъ.

Въ одинъ прекрасный день Манна, Пранкенъ, Роландъ, Эрихъ и Зонненкампъ ѣхали вдоль тѣнистой аллеи, усаженной орѣшникомъ.

— Капитанъ Дорнэ правъ! внезапно воскликнула Манна, вмѣстѣ съ отцемъ и Пранкеномъ немного опередившая брата и его учителя.

Она припомнила замѣчаніе Эриха на счетъ красоты орѣшника и дурного нововведенія, вслѣдствіе котораго теперь дороги окаймляются липами и другими деревьями не плодовыхъ породъ. Орѣшникъ, говорилъ молодой человѣкъ, преимущественно принадлежитъ Рейну. Онъ красивъ, тѣнистъ, прибыленъ и осенью доставляетъ поживу маленькимъ шалунамъ.

Манна сорвала листъ орѣшника.

Голосъ ея съ нѣкоторыхъ поръ измѣнился, въ немъ болѣе не было слышно слезъ, онъ сталъ тверже и свѣжѣе.

— Ты могъ бы поддержать честь орѣшника въ странѣ, сказала она, обращаясь къ отцу. Устрой разсадникъ молодыхъ орѣховъ и давай общинамъ даромъ столько отростковъ, сколько они пожелаютъ.

Зонненкампъ обѣщался привести въ исполненіе этотъ планъ и кромѣ того объявилъ о своемъ намѣреніи положить основаніе нѣсколькимъ общеполезнымъ учрежденіямъ. Теперь у него стояла на очереди касса для вдовъ и сиротъ шкиперовъ.

Манна ласково потрепала по шеѣ свою бѣлую лошадку, которой дала названіе Снѣжинки.

Пранкенъ выразилъ свое удовольствіе по случаю того, что лошадка оказывается достойной своей госпожи. Манна протянула ему руку и поблагодарила его за заботливость о ней.

— Маршъ, впередъ, Снѣжинка! воскликнула она, щелкнула языкомъ и быстро помчалась, граціозно качаясь въ сѣдлѣ. Отецъ и Пранкенъ поспѣшили вслѣдъ за ней.

Вдругъ на поворотѣ дороги показалась процессія. Манна такъ круто остановила лошадь, что едва не упала съ нея. Къ счастью Зонненкампъ ее во-время удержалъ за платье.

Они всѣ спѣшились, не исключая Эриха и Роланда. Конюхи отвели лошадей въ сторону, а Манна присоединилась къ процессіи. Она несла на рукѣ длинный шлейфъ своей амазонки, шла, скромно опустивъ глаза въ землю, и громко пѣла. Пранкенъ тоже вмѣшался въ толпу богомольцевъ и, подобно Маннѣ, пѣлъ. Эрихъ остался на своемъ мѣстѣ. Проходя мимо одной часовни, стоявшей на окраинѣ дороги, Манна опустилась на ко-

лѣни. Пранкенъ сдѣлалъ тоже самое. Вдругъ точно очнувшись отъ сна, Манна съ удивленіемъ увидѣла себя одну съ Пранкеномъ. Отецъ, братъ ея и Эрихъ, вмѣстѣ съ конюхами и лошадьми, ожидали ее нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги. Процессія скрылась изъ виду и только издали еще по временамъ доносилось до нея пѣніе богомольцевъ.

Пранкенъ смотрѣлъ на Манну, сложивъ руки, какъ на молитву.

— Манна, началъ онъ, въ первый разъ называя ее просто по имени: Манна, такова должна быть наша жизнь. Богъ, снабдивъ насъ богатствомъ и знатнымъ именемъ, далъ намъ возможность свободно мыслить и дѣйствовать. Будемъ ему за это благодарны, но въ тоже время не станемъ гнушаться нашей меньшей братіи, а напротивъ, примкнувъ къ ней, пойдемъ по одному пути съ ней къ просвѣтлѣнію.

Онъ взялъ ее за руку, которую она ему на секунду оставила, а потомъ отняла.

— Я вамъ еще не говорилъ, что также боролся съ святымъ намѣреніемъ отречься отъ міра и посвятить себя исключительно служенію церкви. Вы съ вашей стороны твердо и благородно выдержали такую же точно борьбу и вернулись въ свѣтъ. Прошу васъ, не отталкивайте меня: я отдаю въ ваши руки мое сердце, мою душу, и возлагаю на васъ всѣ мои надежды. Войдемте вмѣстѣ въ часовню.

Онъ снова взялъ ее за руку, но въ это самое время послышался голосъ Эриха.

— Фрейленъ Манна! кричалъ онъ.

— Чтò случилось? Чтò вамъ надо? спросилъ Пранкенъ.

— Фрейленъ Манна, продолжалъ Эрихъ, вашъ батюшка просилъ меня вамъ передать, что здѣсь по близости находится межевой камень, съ котораго вамъ удобно будетъ сѣсть на лошадь.

— Я не хочу... я не поѣду болѣе верхомъ, но пойду домой пѣшкомъ, возразила Манна и обернувшись къ Эриху, пошла вмѣстѣ съ нимъ, не обращая вниманія на то, слѣдуетъ за ней Пранкенъ, или нѣтъ. Пройдя уже порядочное пространство, она обернулась и увидя Пранкена, неподвижно стоящаго на томъ же мѣстѣ, пригласила его идти вмѣстѣ съ ними.

Вопреки всѣмъ убѣжденіямъ, она болѣе не садилась на лошадь, но прошла весь далекій путь на виллу пѣшкомъ въ своемъ тяжеломъ одѣяніи.

Она во всю дорогу не проронила болѣе ни слова, а на лицѣ ея лежала мрачная тѣнь.

Придя на виллу, она заперлась въ свою комнату и долго въ ней молилась и плакала.

Борьба явилась скорѣе, нежели она думала, и застала ее, какъ ей казалось, безоружной. Пранкенъ имѣлъ полное право съ ней такимъ образомъ говорить. Да и не лучше ли ей въ самомъ дѣлѣ вернуться къ жизни? При этой мысли, она невольно обернулась, какъ бы отыскивая Эриха, съ цѣлью спросить у него, что онъ думаетъ о ея измѣнчивости. Ей казалось, что Эрихъ вмѣстѣ съ ней вошелъ въ ея комнату, но она была одна.

Она долго боролась, переходя отъ одного сомнѣнія къ другому, и наконецъ порѣшила не дозволять развлеченіямъ вполнѣ собой овладѣть.

Вечеромъ устроилась прогулка въ лодкѣ по Рейну; Манна, сначала согласившаяся ѣхать, теперь рѣшительно отказалась. Она стояла у окна своей комнаты, не открывая его и сожалѣя, что передъ нимъ не было желѣзной рѣшетки. Она увидѣла на рѣкѣ лодку, наполненную мужчинами и женщинами. Лина громко пѣла и ей вторилъ сильный и гибкій мужской голосъ.

Кому бы онъ принадлежалъ?

Не Пранкену, и не Роланду,—вѣроятно Эриху.

Немного спустя Лина потребовала отъ Эриха, чтобъ онъ спѣлъ Шубертову пѣснь арфиста. Эрихъ отказывался, находя ни съ чѣмъ несообразнымъ пѣть въ веселомъ обществѣ и во время прогулки по Рейну мелодію, которая, выражая безотрадную тоску, была умѣстна только ночью и въ полномъ уединеніи. Но Лина настаивала и Эрихъ запѣлъ:

Wer nie sein Brod mit Thränen ass.
(Кто не ѣдалъ свой хлѣбъ, омоченный слезами).

Весла неподвижно лежали въ лодкѣ, а голосъ Эриха, оглашая окрестность, съ неотразимой силой проникалъ въ сердца его слушателей. Онъ послѣ короткой паузы продолжалъ:

Ihr führt ins Leben uns hinein,
Ihr laszt den Armen schuldig werden,
Dann überläszt Ihr ihn der Pein:
Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.
(Вы насъ вводите въ жизнь, но въ жизни
Вы заставляете бѣднаго человѣка грѣшить,
А затѣмъ предаете его на жертву мученьямъ.
Потому что всякій грѣхъ отмщается здѣсь на землѣ).

Музыкальная фраза въ мелодіи Шуберта вполнѣ совпадаетъ съ размѣромъ стиха Гёте. Слова: «Потому что всякій грѣхъ от-

мщается здѣсь на землѣ», раздались въ ту самую минуту, какъ лодка скользила по гладкой поверхности рѣки у самаго подножія виллы Эдемъ. Манна на верху услышала ихъ и закрывъ лицо руками, упала на колѣни.

Прошло нѣсколько часовъ. Кто-то постучался въ дверь комнаты Манны. Она заснула посреди слезъ и теперь внезапно пробудилась. Было совершенно темно, Роландъ и Лина громко ее звали. Утомленная нравственно и физически, Манна не могла противиться сну и теперь сошла внизъ еще не вполнѣ отъ него пробудясь. Ей казалось, что было уже утро, между тѣмъ какъ едва насталъ вечеръ. Она чувствовала себя какъ въ плѣну посреди этихъ людей, которые всѣ были преисполнены къ ней любви.

Какъ бы желая преодолѣть себя, Манна предложила новую прогулку по Рейну при лунномъ свѣтѣ, и просила Лину пѣть.

Лина отговорилась тѣмъ, что не можетъ пѣть такъ хорошо, какъ Эрихъ.

— Прошу васъ, спойте что-нибудь, попросила Манна и его.

— Я теперь не могу, отвѣчалъ Эрихъ.

Онъ отказалъ ей въ первой просьбѣ, съ которой она къ нему обратилась. Сначала Маннѣ было досадно, но потомъ она даже какъ-будто обрадовалась нелюбезной выходкѣ Эриха. «Такъ лучше, подумала она: какое тебѣ дѣло до этого человѣка? Ты должна вернуться въ границы твоего прежняго, холоднаго съ нимъ обращенія». И чтобъ показать, что она нисколько не обижена, Манна сдѣлалась вдругъ такъ весела, какъ еще никогда не бывала.

Когда они возвращались съ прогулки, къ нимъ на встрѣчу вышелъ Зонненкампъ и объявилъ, что Семиствольникъ ему сообщилъ по секрету о намѣреніи шкиперовъ, въ пользу которыхъ онъ основалъ благотворительное заведеніе, принести ему на слѣдующій день свою благодарность. Семиствольникъ предупредилъ его съ цѣлью, чтобъ онъ не былъ застигнутъ въ расплохъ и на всякій случай не отлучался изъ дому.

ГЛАВА VIII.

СМѢЙСЯ, ПЕЙ И ТАНЦУЙ.

— Семейство безъ дочери все равно, что лугъ безъ цвѣтовъ, сказалъ маіоръ, вмѣстѣ съ профессоршей и Зонненкампомъ любуясь, какъ молодые люди играли въ кольца на лужайкѣ между виллой и виноградныйъ домикомъ.

Лина достигла того, что Манна приняла участіе въ игрѣ. Она была въ заговорѣ съ горничной Манны и за одно съ ней успѣла одѣть послѣднюю въ легкое лѣтнее платье и вплести ей въ черные волосы пунцовую бархатную ленту. Молодые люди стояли въ кругу, на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другого, бросали въ воздухъ обвитыя пестрыми лентами кольца и ловили ихъ тоненькими палочками.

Въ числѣ играющихъ находился также и архитекторъ, приглашенный по желанію Манны, — зачѣмъ, этого никто не зналъ, кромѣ ея самой и Лины.

Роландъ просилъ Эриха также участвовать въ игрѣ. Тотъ сначала не соглашался, но Лина, услышавъ его отказъ, закричала:

— Кто не хочетъ играть, у того значитъ парикъ и онъ боится его потерять.

Эриху ничего болѣе не оставалось, какъ присоединиться къ играющимъ.

Пранкенъ обращался съ своей палочкой по военному, точно какъ со шпагой. Всѣ хохотали и быстро бѣгали по лужайкѣ. Пріятно было смотрѣть на граціозныя движенія Роланда и въ особенности Манны. Когда она, закинувъ голову назадъ, стояла съ поднятой къ верху рукой, фигура ея была до того стройна и гибка, что невольно заставляла всякаго любоваться. Взоръ ея, казалось, слѣдилъ не за игрой, а зачѣмъ-то инымъ, необычайнымъ. Она точно была въ экстазѣ и смотрѣла не на пестрое кольцо, а на ей одной видимое небесное явленіе. Справа отъ нея стоялъ Пранкенъ, а съ лѣва Эрихъ. Первый такъ ловко бросалъ кольцо, что оно непремѣнно всякій разъ попадало на палочку Манны, послѣдній, напротивъ, кидалъ его или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко, такъ что ей постоянно приходилось нагибаться и поднимать кольцо съ земли. Можно было подумать, что онъ дѣлалъ это нарочно, съ цѣлью любоваться Манной.

Роландъ и Лина подсмѣивались надъ его неловкостью. Они

затѣяли между собой особаго рода борьбу и всякій разъ, какъ чье-нибудь кольцо упадало на землю, они оба бросались къ нему и старались другъ друга сбить съ ногъ. Лина сама походила на шаловливаго мальчика, а Роландъ такъ ловко увертывался отъ нея, что ей ни разу не удалось его повалить. Архитекторъ все время любовался своей невѣстой и умильно поглядывалъ на ея сапожки изъ золотистаго сафьяна. Вдругъ Эрихъ, бросившійся ловить кинутое нѣсколько въ сторону Манной кольцо, за что-то запнулся и растянулся во всю длину на травѣ.

Манна громко расхохоталась. Лина, услышавъ ея смѣхъ, захлопала въ ладоши и воскликнула:

— Очарованіе, тяготѣвшее надъ принцессой, разрушено! Манна до сихъ поръ была принцессой, которая не могла смѣяться. Капитанъ, вы ея избавитель. Какое названіе дадимъ мы рыцарю, спасшему намъ нашу Манну?

Лина была въ этотъ день еще веселѣе и рѣзвѣе обыкновеннаго. Она могла по справедливости гордиться тѣмъ, что принесла съ собой на виллу новую жизнь и даже пробудила къ ней Манну.

Эрихъ съумѣлъ обратить свою неудачу въ шутку, но взглянувъ на мать, не могъ понять, почему она такъ серьезно покачала ему головой. Онъ забылъ о томъ, какъ она въ день перваго посѣщенія ея Беллой, съ гордостью вспоминала слова мужа, говорившаго, что Эрихъ въ теченіи своей жизни ни разу не падалъ.

Никогда еще щеки Манны не рдѣлись такимъ яркимъ румянцемъ. Дѣйствительно, тяготѣвшія надъ ней оковы какъ будто всѣ разомъ съ нея свалились. Ея внезапный, веселый, искренній, дѣтскій смѣхъ точно сообщилъ ей новую жизнь. Она досадовала на себя, но не могла этого измѣнить.

Лина между тѣмъ, обратясь къ Зонненкампу, сказала:

— Великій государь! Рыцарь заставилъ смѣяться принцессу и вы должны ему отдать ее въ супруги. Прикажите вашему герольду съ вершины башни королевскаго замка возвѣстить это вашему народу. Скажите, какую награду намѣрены вы дать капитану Дорнэ?

— Я ему разрѣшаю поцѣлуй.

— Капитанъ Дорнэ, вы можете поцѣловать Манну: ея отецъ вамъ даетъ на это позволеніе.

Всѣ въ изумленіи переглянулись.

— Нѣтъ, дитя мое, воскликнулъ Зонненкампъ, обращаясь къ Линѣ: я не то хотѣлъ сказать. Я позволяю ему поцѣловать васъ.

— Для этого мнѣ вовсе не надо вашего позволенія, возразила Лина.

Она была теперь совершенно въ своемъ элементѣ. Лишь только дѣло шло о какой-нибудь шалости, или забавѣ, Лина мгновенно оживлялась, дѣлалась вдругъ умна, находчива, бойка и полна неожиданныхъ выходокъ. Но стоило только разговору коснуться серьезнаго предмета, она вдругъ усмирялась и сидѣла притаясь, все время, пока онъ длился, но взглядъ ея ясно говорилъ:

— Все это, безъ сомнѣнія, отлично, но мнѣ вовсе не по вкусу. Никогда еще мнѣ не приходилось видѣть, чтобъ отъ этихъ мудрыхъ рѣчей люди становились лучше, то-есть здоровѣе и веселѣе.

Вскорѣ все общество вернулось на виллу. Лина надѣла свою шляпу, на букетъ и поручила её заботливости архитектора, который несъ ее очень осторожно и нѣжно поглядывалъ на ея коричневыя поля, обвитыя искусственными, золотистыми, какъ они бываютъ подъ осень, виноградными листьями. Отдавая Линѣ шляпу, онъ пожалъ ей руку, на что̀ она отвѣчала тѣмъ же. Архитектору слѣдовало идти въ за̀мокъ, еще тамъ кое-что приготовить къ завтрашнему дню. Лина съ минуту задумчиво посмотрѣла ему вслѣдъ, потомъ тряхнула головой, взбѣжала на лѣстницу и черезъ минуту уже сидѣла за фортепьяно и играла какой-то быстрый танецъ. Этотъ день, по ея мнѣнію, непремѣнно слѣдовало заключить танцами, чтобъ достойнымъ образомъ отпраздновать избавленіе принцессы отъ чаръ, которыя не давали ей до сихъ поръ смѣяться. Самоотверженіе Лины простерлось до того, что она, отказавшись танцовать сама, сѣла играть на фортепьяно въ пользу другихъ. Когда же Пранкенъ, подойдя къ Маннѣ, шутливо пригласилъ ее на танецъ, Лина быстро вскочила съ мѣста и воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ, первый танецъ принадлежитъ рыцарю опрокинутой въ траву философіи, тому самому, который разрушилъ тяготѣвшее надъ принцессой очарованіе.

И Лина пристала къ Маннѣ, требуя, чтобъ она танцовала съ Эрихомъ. Тетушка Клавдія съ обычной своей предупредительностью сѣла за фортепьяно и тѣмъ самымъ доставила возможность танцовать также и Линѣ. Послѣдняя съ лукавой улыбкой и граціознымъ книксеномъ пригласила себѣ въ партнеры Пранкена и вмѣстѣ съ нимъ понеслась вслѣдъ за Эрихомъ и Манной.

— Мнѣ просто не вѣрится, что я танцую, замѣтила Манна,

между тѣмъ какъ опираясь на плечо Эриха, быстро кружилась съ нимъ по залѣ.

— И мнѣ тоже, возразилъ Эрихъ.

— Лина заставляетъ всѣхъ насъ дурачиться, опять сказала Манна.

Она еще съ трудомъ переводила духъ, когда Пранкенъ пригласилъ ее на слѣдующій танецъ. Онъ съ минуту простоялъ на мѣстѣ, держа ее за руку, а потомъ уже присоединился къ другимъ танцующимъ. Роландъ очень обрадовался, увидя наконецъ Лину свободной и безъ устали съ ней танцовалъ, не давая тетушкѣ Клавдіи ни отдыху, ни сроку.

Зонненкампъ, радостнымъ взоромъ слѣдя за танцующими, говорилъ профессоршѣ, что никогда не надѣялся видѣть своихъ дѣтей такимъ образомъ веселящимися въ этой самой залѣ. Онъ послалъ за Церерой, которая вскорѣ и явилась. Пранкенъ и Манна должны были снова вмѣстѣ танцовать.

Зонненкампу очень понравилось предложеніе Цереры дать, въ честь Манны, большой балъ, но сама молодая дѣвушка сильно этому воспротивилась. Умненькая Лина, гордая и счастливая одержанной ею побѣдой, шепнула на ухо родителямъ Манны, чтобъ они сегодня болѣе не настаивали на своемъ желаніи, а предоставили бы все дѣло ей: она брала на себя его устроить.

Послѣ ужина Лина опять хотѣла танцовать и говорила, что въ эту ночь никто не долженъ спать. Она пристала къ Зонненкампу съ просьбой, чтобъ онъ немедленно телеграфировалъ въ гарнизонъ требованіе прислать на виллу съ экстреннымъ поѣздомъ музыкантовъ.

Она была въ этотъ вечеръ такъ мила, остроумна и граціозно оживлена, что даже обратила на себя вниманіе Эриха, который до сихъ поръ всегда относился къ ней очень равнодушно.

Онъ подошелъ къ ней и сказалъ нѣсколько дружескихъ словъ.

— Думали ли вы, перебила она его, что вамъ когда-нибудь прійдется танцовать съ вашимъ крылатымъ видѣніемъ? Не правда ли, она настоящій ангелъ? А что еще будетъ, когда къ ней возвратится ея прежняя веселость! Ахъ, какъ бы я желала, чтобъ вы въ нее влюбились.... по уши влюбились... ужасно влюбились...! Вы непремѣнно должны мнѣ кое-что обѣщать.

— Что же именно?

— Въ тотъ самый день, какъ вы влюбитесь, скажите мнѣ объ этомъ.

— А если я вмѣсто того влюблюсь въ васъ?

— Ахъ, полноте, я для васъ слишкомъ глупа. Вотъ для ба-

рона фонъ-Пранкена я, пожалуй, и годилась бы, но къ сожалѣнію я уже иначе собой распорядилась. Вамъ Манна ничего обо мнѣ не говорила?

Эрихъ отвѣчалъ отрицательно, а Лина продолжала.

— Сдѣлайте мнѣ такое удовольствіе и перебейте Манну у барона фонъ-Пранкена. Ахъ, сдѣлайте это, прошу васъ, ради меня!

— О чемъ это вы такъ весело смѣетесь? спросила Манна, подходя къ нимъ. Я сегодня тоже начала смѣяться и хотѣла бы къ вамъ присоединиться.

— Скажите-ка вы ей, о чемъ мы смѣемся, поддразнила Лина Эриху.

Онъ молчалъ, а она продолжала:

— Онъ могъ бы тебѣ это сказать, еслибъ не его несносная сдержанность и сосредоточенность. Пожалуйста, Манна не отставай отъ него, пока онъ тебѣ не скажетъ. Капитанъ, если вы будете долѣе молчать, я за васъ скажу.

— Я слишкомъ довѣряю вашему такту, проговорилъ Эрихъ очень серьезно: и убѣжденъ, что вы не захотите сдѣлать изъ шутки нѣчто вовсе противоположное.

По лицу Лины пробѣжала легкая тѣнь и она поспѣшила сказать:

— Ахъ, Манна, онъ такъ ужасно ученъ! Правду говоритъ мой отецъ, что онъ всѣхъ людей видитъ насквозь. Вѣдь и ты, я думаю, иногда его боишься.

Манна вмѣсто отвѣта взяла Лину подъ руку и увела ее въ садъ. Лина весело болтала, шутила и пѣла, не хуже соловья, который тутъ же заливался въ кустахъ.

Когда Манна наконецъ очутилась въ уединеніи своей комнаты, ей показалось, что висѣвшіе на стѣнахъ лики святыхъ какъ-то особенно строго и не ласково на нее смотрѣли. Она прочла въ ихъ глазахъ вопросъ: «кто ты? Мы тебя не узнаемъ!» и опустивъ глаза, бросилась на колѣни. Внутренній голосъ говорилъ ей: этому надлежало совершиться. Тебѣ слѣдовало еще разъ вкусить суеты мірской, а затѣмъ уже, выдержавъ тяжелую борьбу, навсегда отъ нея отречься.

Но молитва мало ее облегчила. Она не могла вполнѣ устремить на нее своего вниманія, такъ какъ въ ушахъ ея все еще раздавались звуки веселаго вальса и серебристые переливы хохота. Неужели это былъ ея собственный смѣхъ?

На слѣдующій день Манну ожидало новое развлеченіе.

Послѣ обѣда все семейство Зонненкампа отправилось въ замокъ, гдѣ архитекторъ устроилъ особаго рода маленькій празд-

никъ. Онъ былъ большой любитель майтранка и въ настоящій день окружилъ приготовленіе этого изобилующаго пряностями напитка особенной торжественностью. Общество помѣстилось на одномъ изъ выступовъ стѣны, откуда могло любоваться дальнимъ ландшафтомъ. Лина буквально плавала въ блаженствѣ, громко смѣялась и распѣвала, какъ птичка. Она вообще всегда гораздо лучше пѣла на открытомъ воздухѣ, нежели въ комнатѣ. А на этотъ разъ она еще вдобавокъ имѣла хорошаго партнёра и спѣла нѣсколько дуэтовъ съ архитекторомъ.

Затѣмъ всѣ обратились къ Эриху съ просьбой тоже что-нибудь спѣть, но онъ не согласился.

Линѣ удалось заставить Манну выпить цѣлый стаканъ майтранка. Она говорила, что ничего такъ не желала бы, какъ видѣть свою подругу немного на-веселѣ: можетъ быть, въ ней тогда пробудилась бы вся ея прежняя живость. Но у Манны еще хватило силъ ей воспротивиться. Тѣмъ не менѣе она громко смѣялась всякой шуткѣ и шалости Лины.

Роландъ весело подмигивалъ Эриху, указывая на Манну, но тотъ посовѣтовалъ ему не обращать на нее вниманія изъ опасенія смутить ее.

Затѣмъ молодые люди начали плести вѣнки, причемъ Лина вспомнила о первомъ появленіи Эриха въ Вольфсгартенѣ. Всѣ вернулись на виллу веселые и увѣнчанные цвѣтами.

Дойдя до послѣдняго уступа горы, Манна ловко спрыгнула внизъ. Лина послѣдовала за ней и догнавъ ее, горячо обняла.

— Наконецъ ты свободна! воскликнула она. Ты смѣялась, танцовала и пила, то-есть насладилась всѣмъ, что́ есть лучшаго въ жизни.... Впрочемъ, нѣтъ, лучшее еще впереди.

Въ отвѣтъ Манна снова громко засмѣялась.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

IV *).

Поведеніе иностранныхъ посланниковъ.—Намѣренія Екатерины II.—Отношенія къ Пруссіи.—Черты варшавскаго общества.—Протестація Щенснаго Потоцкаго.

Вѣсть о конституціи произвела сначала хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: спустя недѣли двѣ, сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ получены были адресы отъ трехъ воеводствъ: Познанскаго, Калишскаго и Гнѣзненскаго; отъ гражданско-военныхъ коммиссій, повѣтовъ: Сендомирскаго и Висницкаго, отъ земли Каменецкой, отъ обывателей воеводства Брацлавскаго. 23-го мая, такія же заявленія пришли отъ главнаго короннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ коммиссій воеводства Ленчицкаго и земли Волынской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога и пѣли «Te Deum» въ костелахъ; женщины наперерывъ передъ мужчинами заявляли свой патріотизмъ.

Поляки съ напряженіемъ ожидали, какое вліяніе произведетъ ихъ дѣло на сосѣдей. Поведеніе иностранныхъ министровъ въ Варшавѣ ободряло ихъ. Тотъ, чьего государя болѣе всего касался новый переворотъ, саксонскій министръ Эссенъ держалъ себя сдержанно и хладнокровно, относился, хотя благопріятно къ перемѣнѣ, но не показывалъ вида, что ожидаетъ

*) См. выше, февр. 685; мар. 154; апр. 618; май, 138; іюнь, 559; іюль, 89 — 154 стр.

отъ нея какихъ-нибудь продолжительныхъ плодовъ. Англійскій министръ Гэльсъ выѣхалъ тогда временно изъ Варшавы: поляки говорили, что онъ поѣхалъ въ Берлинъ располагать прусскій кабинетъ къ дружелюбнымъ отношеніямъ къ польскому перевороту; но въ сущности онъ ѣздилъ на короткое время по своимъ дѣламъ. Этотъ дипломатъ прежде не одобрялъ затѣи произвести перемѣну правленія, но потомъ, когда дѣло было сдѣлано, онъ началъ хвалить конституцію. Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое, хотя холодное одобреніе; только шведскій, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества. Русскій посланникъ Булгаковъ такъ отозвался объ этомъ происшествіи въ донесеніяхъ своему правительству: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни согласія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нее ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что̀ имъ далѣе дѣлать и ка̀къ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное, промотавшееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ увидитъ, что данныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а сбираемыя съ ихъ имѣній подати не доставятъ содержаніе войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля». Но русскій посланникъ въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это не касалось Россіи вовсе. Онъ слѣдовалъ благоразумному внушенію императрицы ждать и не объявлять гласно ни неудовольствія, ни сочувствія. Также поступалъ и австрійскій министръ Дэкаше; онъ даже объявлялъ, что въ конституціи ничего нѣтъ такого, что̀ бы могло безпокоить его императора.

«Мы не думаемъ враждовать съ поляками—писала императрица Потемкину, по совершеніи переворота—хотя имѣемъ на то право и поводы послѣ такого предосудительнаго съ ихъ стороны нарушенія дружества съ нами и ниспроверженія разныхъ постановленій, состоявшихся за нашимъ ручательствомъ, а равно по поводу

разныхъ оскорбленій съ ихъ стороны. Мы намѣрены избѣгать всего, что бы имѣло видъ начинанія, и полагаемъ, что теперь вступленіе войскъ нашихъ въ Польшѣ было бы преждевременнымъ, пока сами поляки не позволятъ себѣ непріятельскихъ дѣйствій или король прусскій не введетъ войскъ своихъ въ польскія провинціи. Въ 1789 году, приказано было нашимъ военноначальникамъ не вводить войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, пока она не дозволитъ войскамъ чужихъ государствъ вступать въ свои границы, а потому, какъ только прусскія войска вступятъ въ ихъ края, направляясь къ нашимъ границамъ, такъ собственная наша безопасность побудитъ насъ ввести свои войска въ Польшу». Объ этомъ императрица поручала ему написать Булгакову для сообщенія польскому правительству, а за тѣмъ приказывала Потемкину, расположивъ русскія войска по границѣ, соображаться съ ея повелѣніями и быть на-готовѣ тотчасъ вводить войска въ Польшу, какъ только туда войдутъ иныя чужеземныя. Занятая войною съ Турціею, русская императрица не считала удобнымъ впутываться въ польскія дѣла и, напротивъ, опасалась, чтобы Пруссія, рѣшившись дѣйствовать непріязненно противъ Россіи, не сдѣлала Польши своимъ авангардомъ. «Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи—писала государыня тому же Потемкину—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія (объ этомъ надлежитъ ожидать подробныхъ свѣдѣній, равно и о томъ, кàкъ она принята въ Берлинѣ); трудно ждать, чтобъ можно было склонить короля особыми видами, надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, пользуясь отношеніями вашими къ тамошнимъ особамъ, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедераціи привести въ смущеніе враговъ нашихъ». Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго Потоцкаго, Пулавскаго, Коссаковскихъ, какъ на людей способныхъ на это дѣло и достаточно извѣстныхъ русской государынѣ по

своей къ ней привязанности. «Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ— писала Екатерина — надобно отнести и планъ до воеводствъ: Кіевскаго, Брацлавскаго и Подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощью освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій, подаетъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится съ нами, и возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ казацкихъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣло, которое должно тамъ начаться». Эти слова показываютъ, что императрица соображала, что голосъ освобожденія, возбуждающій чувство народной самобытности, для русскаго народа, обитающаго въ польскихъ владѣніяхъ, долженъ былъ произнести дорогое ему имя казачества. Булгакову императрица писала, что поляки скоро обратятся къ ней сами, когда имъ надоѣстъ играть въ конституціи, а между тѣмъ приказывала исподоволь набирать партіи «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ», какъ выражалась императрица. Нужно было дѣйствовать по провинціямъ, «но сіе надлежитъ производить—писала Екатерина—подъ рукою черезъ посредство друзей, для чего и назначено вамъ для расходовъ въ подобномъ случаѣ въ распоряженіе ваше 50,000 червонцевъ.» Булгаковъ, впрочемъ, былъ остороженъ и на первый случай роздалъ только 10,660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству.

Прусская политика въ то время уже нѣсколько двоилась, дворъ отнесся къ новому перевороту двусмысленно. Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ, что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемѣнѣ, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ. Такіе комплименты, переданные въ Варшаву, произвели тамъ большую радость въ кружкахъ прогрессистовъ, гдѣ уже довѣріе къ Пруссіи передъ тѣмъ значительно

колебалось. Въ Варшавѣ прогрессисты окружили Гольца и допрашивались у него формальнаго изъявленія мнѣнія Пруссіи о переворотѣ 3 мая. Гольцъ, человѣкъ осторожный, зналъ, что Пруссія не одобритъ этой конституціи, но до поры до времени долженъ былъ хранить истину въ тайнѣ. Въ этихъ видахъ Гольцъ, въ своихъ бесѣдахъ съ поляками, поступалъ такъ, чтобы и поляковъ оставлять въ довольствѣ, и самому не сказать чего-нибудь такого, что̀ бы впослѣдствіи оказалось мнимымъ. На свое донесеніе онъ получилъ отъ своего министерства, которымъ управлялъ Герцбергъ, инструкцію, предписывавшую ему отговаривать поляковъ всѣми возможными мѣрами, если дѣло еще не крѣпко установилось; въ противномъ случаѣ, оставаться спокойнымъ и не заявлять никакихъ возраженій и порицаній, чтобъ напрасно не раздражать расположенной къ Пруссіи партіи. Въ той же инструкціи ему сообщали для свѣдѣнія такое сужденіе: «Трудно предположить, чтобъ достаточное большинство избрало въ наслѣдственные короли прусскаго принца, да еслибъ это было возможно, императорскіе дворы будутъ сопротивляться войной и поддерживать противную партію въ странѣ; во всякомъ другомъ случаѣ, Польша, сдѣлавшись наслѣдственною монархіею, по самому своему географическому положенію, будетъ опасна и даже гибельна для прусскаго государства. Нѣтъ возможности воспрепятствовать на будущее время, чтобъ наслѣдственная корона не перешла либо въ австрійскій, либо въ русскій царствующій домъ, да если бы она досталась дому саксонскому, гессенскому или какому-нибудь другому изъ второстепенныхъ, и тогда это будетъ опасно для Пруссіи, потому что эти фамиліи могутъ держаться императорскихъ дворовъ. Пруссія тогда только можетъ быть безопасна, когда Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ и не будетъ имѣть про̀чной конституціи». Но Фридригъ-Вильгельмъ, который тогда уже расходился съ Герцбергомъ, написалъ Гольцу, отъ 9 мая, одобреніе польскому дѣлу. Еще Пруссія была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и къ Австріи; еще Польша могла пригодиться въ случаѣ разрыва съ императорскими дворами, особенно съ Россіею, а въ случаѣ мира еще Пруссія не была увѣрена, что съ помощію Россіи можетъ получить съ лихвою то, чего не успѣла получить отъ поляковъ прямо. Берлинскій кабинетъ приказалъ Гольцу уклоняться отъ всякихъ письменныхъ изъявленій и объясненій по предмету наслѣдства въ Польшѣ. Поляки, вслѣдствіе словесныхъ бесѣдъ съ Гольцемъ и сообразно депешѣ, присланной Яблоновскимъ изъ Берлина, заключили, что Пруссія рѣшительно одобряетъ конституцію 3 мая. Станиславъ Августъ писалъ объ этомъ разнымъ лицамъ,

а 17 мая, Хребтовичъ, въ засѣданіи сейма, сказалъ: «Его величество король Прусскій похваляетъ смѣлый и мудрый поступокъ Рѣчи-Посполитой, считаетъ его способнымъ къ утвержденію крѣпости и благополучія государства и средствомъ достичь уваженія въ Европѣ; ему тѣмъ пріятнѣе узнать это, что онъ находится въ дружественныхъ связяхъ съ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, котораго качества и личный характеръ онъ уважаетъ.» Хребтовичъ заключилъ, что депутація иностранныхъ дѣлъ уже изъявила благодарность прусскому послу и просилъ, чтобы съ своей стороны сеймъ уполномочилъ ее сообщить о томъ же князю Яблоновскому въ Берлинѣ. Послы закричали: «згода!» Депутація иностранныхъ дѣлъ, при введеніи новаго порядка, оканчивала свое существованіе, передавая свои занятія учреждаемой Стражѣ; начались толки объ изъявленіи благодарности депутаціи, но тутъ поднялся съ мѣста неугомонный Скорковскій, забывшій недавніе мудрые совѣты короля. Онъ назвалъ дѣло 3 мая злодѣяніемъ; объявлялъ, что не за что изъявлять благодарности прусскому королю; что этотъ король, подъ предлогомъ избавлять поляковъ отъ чуждой власти, помогаетъ имъ только для того, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами; онъ увѣрялъ, что король прусскій зналъ еще до совершенія дѣла о томъ, что̀ станется, получивъ предварительныя извѣстія отъ депутаціи; онъ требовалъ, чтобы депутація иностранныхъ дѣлъ была предана слѣдствію и суду. Члены депутаціи Северинъ Потоцкій и Забѣлло увѣряли, что депутація никогда не сообщала объ этомъ прусскому королю. Тогда король сказалъ: «у насъ есть письма Гольца, гдѣ онъ жалуется, что мы ничего не объявляли имъ предварительно. Это можетъ служить доказательствомъ, что иноземныя власти не имѣли вліянія на наши дѣла; что касается до Скорковскаго, то еслибъ я не былъ увѣренъ, судя по прежнему его поведенію, что намѣренія его чисты, то я бы сказалъ, что онъ говоритъ это съ цѣлью возбудить несогласія между членами сейма; но мягкость и снисходительность, съ какою мы приняли за правило дѣйствовать, не ослабляетъ моей рѣшимости стараться удерживать въ неизмѣнности то, что̀ сталось 3 мая и утверждено 5 мая окончательно. Конечно, Рѣчь-Посполитая не дозволитъ никому посягать на свою волю». Говорятъ, что король смѣлому послу подарилъ 40 червонцевъ съ тою цѣлью, чтобы онъ не повторялъ на сеймѣ своихъ заявленій.

Та же партія, которая думала возбудить всеобщее довѣріе къ дѣлу надеждами на одобреніе со стороны прусскаго короля, побаивалась Россіи и думала обморочить русскаго посланника, прикидываясь недовольною Пруссіею. Патріоты, въ однихъ до-

махъ превозносившіе до небесъ прусскаго короля, въ другихъ, гдѣ собирались лица, которыхъ считали расположенными къ Россіи, говорили, что Пруссія ищетъ распространенія своихъ предѣловъ насчетъ Польши, что ей непріятно видѣть возрожденіе и укрѣпленіе Польши; что напротивъ, Россія пріобрѣтетъ себѣ много выгодъ отъ новой перемѣны. Дѣлали соображенія, что именно теперь Польша можетъ заключить союзъ съ Россіею и Австріею противъ Пруссіи, и прусское королевство, недавно усилившееся, обратится въ прежнее Брандербургское курфиршество, бывшее нѣкогда въ зависимости отъ Польши. Король, видѣвшись съ Булгаковымъ, разсыпался передъ нимъ въ чувствахъ преданности къ Россіи, увѣрялъ, что Польша ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ дружественномъ союзѣ съ Россіею, превозносилъ мудрость и великодушіе государыни и силу ея войскъ. Чтобъ понравиться государынѣ, король помѣстилъ въ новоучрежденную Стражу лицъ, извѣстныхъ всегдашнимъ расположеніемъ къ Россіи: гетмана Браницкаго и канцлера Малаховскаго; къ нимъ причисляли тогда и Хребтовича, который, впрочемъ, не придерживался чужеземныхъ партій, и въ санѣ литовскаго подканцлера завѣдывалъ иностранными дѣлами. Эти люди сидѣли рядомъ съ такими противниками Россіи, какъ Игнатій Потоцкій, маршалъ Малаховскій и Коллонтай, сдѣланный теперь короннымъ подскарбіемъ. Вмѣстѣ съ Малаховскимъ допущенъ былъ въ Стражу, какъ маршалъ литовской конфедераціи, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, готовый пристать туда и сюда: поэтому и Булгаковъ и прусская партія на него разсчитывали потому, что однихъ и другихъ онъ увѣрялъ въ своемъ расположеніи.

Допущеніе такихъ лицъ испугало прусскаго министра Гольца; онъ объяснялся объ этомъ съ королемъ, а тотъ отвѣчалъ ему, что назначеніемъ людей, расположенныхъ къ Россіи, онъ думаетъ не допустить ихъ дѣлать зло и заставить дѣлать добро отечеству. Король, по своему двуличному характеру, увлекшись внушеніями прогрессистовъ и, въ то же время, боясь Екатерины, думалъ совершить великій актъ политической мудрости: надѣлавъ много противнаго Россіи, онъ думалъ угодить ей и поставить себя въ возможность оправдываться передъ нею, когда придетъ необходимость.

Задорные сторонники конституціи, увлекаясь надеждами на Пруссію, начали усматривать въ своей конституціи даже грозу и опасность для Россіи. «Россія—говорили они—не посмѣетъ открыть противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій. Россія будетъ только о томъ стараться, какъ бы Польша не увеличила число ея вра-

говъ». Надѣясь на союзъ съ Портою, патріоты предполагали, что теперь-то составится четверной союзъ противъ Россіи, гдѣ приметъ участіе обновленная конституціею Польша. «Европа—говорили—не можетъ и не должна допускать усиливаться Россійской имперіи; Европа нападетъ на нее и выкинетъ изъ системы европейскихъ государствъ». Игнатій Потоцкій въ кругу своихъ пріятелей говорилъ: «Вотъ теперь-то Пруссія для своего спасенія должна воспользоваться союзомъ съ Польшею; теперь-то пришла пора, остановить возрастающее могущество Россіи. Если Пруссія пропуститъ этотъ удобный случай, то будетъ раскаяваться». Смѣлость противъ Россіи дошла до того, что въ засѣданіи 3-го іюня, краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ потребовать отъ Россіи вывода ея войскъ изъ Курляндіи и король, не возбуждая дальнѣйшихъ споровъ, обѣщалъ стараться дать ходъ этому патріотическому заявленію. Поляки воображали, что написанная на бумагѣ конституція сдѣлала Польшу могущественною державою. «Законъ 3-го мая—говорилъ на одномъ засѣданіи сейма мозырскій посолъ Зеленскій—увѣковѣчилъ силу Польши, сдѣлалъ ее государствомъ почтеннымъ и могучимъ, возбуждающимъ зависть въ чужихъ. Пресѣчены пути всякому иностранному вліянію, отнята у честолюбивыхъ нашихъ сосѣдей всякая возможность къ интригамъ». Поляковъ чрезвычайно подстрекало и одобряло то, что ихъ конституція заслуживала одобренія въ Европѣ. Кто-то изъ поляковъ, жившихъ въ Парижѣ, писалъ своимъ соотечественникамъ, что во всѣхъ образованныхъ кружкахъ французской столицы поляковъ считаютъ образцомъ народовъ, указываютъ въ нихъ примѣръ зрѣлости восемнадцатаго вѣка. Писали, что аббатъ Сіэсъ приходилъ въ восторгъ отъ конституціи 3-го мая, что во французскомъ національномъ собраніи готовится проектъ послать поздравленіе полякамъ. Вѣсти эти, передаваемыя изъ устъ въ уста въ Варшавѣ, чрезвычайно поддерживали національное самолюбіе и располагали сердца къ новой конституціи. Увѣренность въ твердости и будущемъ величіи Польши была такъ велика, что начались создаваться политическія партіи насчётъ будущаго наслѣдства и при этомъ разыгрывалось фамильное и личное честолюбіе. Игнатій Потоцкій говорилъ о выгодѣ отдать инфанту за прусскаго принца и соединить Польшу съ Пруссію. Другіе полагали, что будущей наслѣдницѣ польскаго престола слѣдуетъ дать жениха изъ австрійскаго дома: за это императоръ, по своему великодушію, возвратитъ Польшѣ Галицію. Третьи думали сблизиться съ Россіею, заявляли мысль, что всего лучше отдать инфанту за одного изъ великихъ князей россійскихъ. Къ этой мысли склонялся даже маршалъ Малаховскій и находилъ, что было бы всего

полезнѣе, когда бы наслѣдница польскаго престола отдала свою руку великому князю Константину. Въ письмахъ своихъ къ племяннику, находившемуся въ Дрезденѣ, этотъ государственный мужъ наивно восхищался глубокою мудростью польской политики, которая высказалась въ назначеніи наслѣдницы польскаго престола, дочери саксонскаго князя-избирателя. По его мнѣнію, это значило, что Польша успѣла разомъ всѣмъ угодить, подать многимъ равныя надежды: «и Москаль, и Пруссъ, и Австріякъ, всѣ будутъ желать устроить бракъ своихъ принцевъ съ польскою наслѣдницею; всѣ поэтому будутъ заискивать расположенія Польши, всѣ будутъ поддерживать насъ, каждый въ видахъ самому воспользоваться на нашъ счетъ; а между тѣмъ Польша успѣетъ оправиться, окрѣпнуть и сдѣлаться сильнымъ государствомъ». Нѣкоторые помышляли, напротивъ, отдать дочь саксонскаго князя-избирателя за англійскаго принца. Чарторыскіе подумывали найти ей жениха изъ своей фамиліи. Толковали даже, что шестидесятилѣтній маршалъ Малаховскій, недавно овдовѣвшій, непрочь сдѣлаться ея женихомъ. Друзья говорили ему, что такъ бы и слѣдовало за его великія услуги отечеству и доблести. Малаховскій клялся, что ни за что̀ не возьметъ на себя бремени короны, какъ бы ему усиленно ее ни предлагали.

Тогда въ Варшавѣ явился въ высшихъ кругахъ общества французъ, по прозванію Дестадъ: разсказывали, что онъ служилъ прежде при русскомъ дворѣ. Явившись въ Польшѣ, онъ подбился въ милость къ королю; Станиславъ Августъ часто проводилъ съ нимъ время за ужиномъ въ Лазенкахъ; французъ болталъ ему всякій вздоръ, увѣрялъ, будто онъ былъ домашнимъ секретаремъ Екатерины, и всѣми средствами возбуждалъ его противъ Россіи. Но этотъ французъ недолго пользовался дружбою Станислава Августа; его постарался удалить аббатъ Пьятоли, боявшійся потерять вліяніе на короля. Тогда сборище противниковъ Россіи происходило у одной французской авантюристки mademoiselle Touteville. Ее привезъ староста Уржендовскій, братъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ. Этотъ господинъ прокутился въ Парижѣ до того, что его посадили въ долговую тюрьму. Француженка, бывшая съ нимъ въ дружбѣ, выкупила его. Деньги, которыя она заплатила, были ей возвращены; фамилія Потоцкихъ назначила ей сверхъ того пансіонъ и пригласила въ Варшаву. У ней-то открылись вечера, гдѣ постоянно присутствовали братья Потоцкіе: на этихъ-то вечерахъ составлялись самые свирѣпые планы противъ Россіи. Здѣсь отличался краснорѣчіемъ женевецъ Жигантедъ, другъ свободы и правъ человѣчества, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду, бывшій на содержаніи у

одной богатой еврейки во Франкфуртѣ и потомъ служившій въ русской службѣ волонтеромъ; въ Польшѣ онъ подбился въ дружбу къ Потоцкимъ. Вмѣстѣ съ политическими толками, шла жестокая карточная игра и сама радушная хозяйка выиграла у Игнатія 3000 червонцевъ. Въ этомъ кружкѣ, исключительно съ французскимъ языкомъ, проповѣдывалась необходимость освободить польскихъ крестьянъ; но съ такою проповѣдью надобно было остерегаться, потому что польское дворянство ничего такъ не боялось, какъ подобной на себя невзгоды, и если конституція третьяго мая возбуждала противъ себя недовѣріе, то наиболѣе потому, что дворянство страшилось, какъ бы за дарованіемъ правъ мѣщанамъ не послѣдовало того же для крестьянъ. Самое наслѣдственное правленіе сторонниковъ прежняго избирательнаго пугало преимущественно тѣмъ, что король, усиливъ свою власть, можетъ покуситься отнять у дворянства власть надъ крестьянами.

Иностранцы вообще удивлялись, что, послѣ конституціи 3-го мая, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; но такъ слѣдовало по духу польскихъ нравовъ: обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ—одинъ другого великолѣпнѣе. Игнатій Потоцкій, котораго домъ, какъ вдовца, до сихъ поръ не былъ однимъ изъ открытыхъ и слишкомъ гостепріимныхъ, теперь, считая себя главнымъ совершителемъ дѣла, на радостяхъ до того предался забавамъ, что аббатъ Пьятоли журилъ его за это. Даже и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея. 5-го іюня, городъ Варшава далъ обѣдъ шляхетскому сословію; туда были приглашены сенаторы, министры и разные знатные паны. Самъ король посѣтилъ этотъ обѣдъ, хотя и не оставался на немъ, а только проговорилъ рѣчь о единодушіи, которое возрастаетъ между гражданами. За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками: то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности.

Патріоты не боялись Австріи, напротивъ, утѣшались разсказами, что Кауницъ, въ разговорѣ съ посломъ Рѣчи-Посполитой Войною, хвалилъ конституцію 3-го мая. Между тѣмъ въ Вѣнѣ слагался центръ могучаго панскаго противодѣйствія. Тамъ жила тогда богатѣйшая польская женщина, княгиня Любомирская, сестра Адама Чарторыскаго. Кромѣ двухъ дочерей за братьями Потоцкими, третья дочь ея была за Ржевускимъ, польнымъ гетманомъ. Несмотря на то, что ея братъ и два зятя Потоцкихъ

были главными дѣятелями проведенія новой конституціи, она сама была отъявленная противница нововведеній. Съ нею за одно былъ третій зять ея Ржевускій; онъ удалился къ тещѣ; туда же къ нимъ отправился и Щенсный Потоцкій; тамъ начали они составлять свои планы и угрожающія вѣсти стали доходить оттуда до короля и виновниковъ конституціи. Король, зная важное значеніе Щенснаго Потоцкаго, черезъ десять дней, послѣ третьяго мая, самъ извѣстилъ его письменно о совершившемся переворотѣ и доказывалъ его полезность. Потоцкій отвѣчалъ ему письмомъ, полнымъ глубокаго огорченія, припоминалъ присягу, данную королемъ при вступленіи на престолъ, не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія; указывалъ, что конституція — дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, еслибы даже весь сеймъ на это согласился и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ, безъ согласія всей націи. «Опасность замысловъ раздѣла—писалъ онъ — не можетъ служить извиненіемъ: въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи-Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою страною нашею, либо частями ея: онъ и по своей природѣ, и по своему положенію такимъ долженъ быть. Наконецъ Щенсный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго одна только дочь, поляки заранѣе приготовляютъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому, что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ соискательствъ и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны». Онъ умолялъ короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи-Посполитой прежнюю вольность, которой лишилъ ее роковой день третьяго мая. Разомъ съ королемъ обращались къ Щенсному маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Первому Щенсный въ отвѣтѣ доказывалъ, что въ новой конституціи видитъ не болѣе, какъ королевскій деспотизмъ и между прочимъ коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ—писалъ онъ— у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать нельзя: правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность: Варшава

ее погубила»! Въ письмѣ къ Игнатію онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики, мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ, а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея погибели».

Прогрессисты мало соображали, какіе удары готовились ихъ дѣлу тамъ, откуда приходили подобныя заявленія.

V.

Дѣятельность сейма 1791 года.— Лимита сейма.— Разгулъ въ Польшѣ.— Осторожность Булгакова.

Въ іюнѣ, въ ходѣ сеймовыхъ работъ начала проявляться бóльшая дѣятельность. 16-го іюня прошелъ проектъ объ устройствѣ полиціи на все государство: дѣло было очень важное для Польши, издавна страдавшей слабостію и даже отсутствіемъ этого учрежденія.

По поводу этого предмета возникъ споръ о томъ, быть ли одной коммиссіи полиціи надъ всею Рѣчью-Посполитою, или допустить своеобразное управленіе по тремъ провинціямъ. Дѣло здѣсь шло преимущественно о Литвѣ. Троцкій посолъ Сивицкій поддерживалъ ту мысль, что въ силу привилегій, которыми по акту уніи пользуется Литва, слѣдуетъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ быть особой коммиссіи. За нимъ говорили другіе послы и маршалъ литовской конфедераціи Казиміръ-Несторъ Сапѣга. Король замѣчалъ, что если на основаніи уніи можно требовать учрежденія особой коммиссіи полиціи, то на основаніи того же акта можно требовать и единой. Послѣ многихъ споровъ партія единенія одержала верхъ и ея проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 100 противъ 11. (Такое малое число членовъ Избы посѣщало засѣданіе, когда по комплекту было ихъ болѣе 600). При разсмотрѣніи подробностей объ устройствѣ полиціи, князь Четвертинскій вооружался противъ дарованія королю права назначать коммиссаровъ въ полицію. Онъ опирался при этомъ на новую конституцію, по которой всѣ чиновники должны быть выборными. Странно было услышать это изъ устъ человѣка, который уже заявилъ себя отъявленнымъ врагомъ конституціи. По поводу его рѣчи, краковскій посолъ Линовскій сказалъ: «благодарю почтеннаго князя каштеляна Перемышльскаго за то, что такъ стоитъ за конституцію третьяго мая. Радуюсь, что конституція пріобрѣла такого доблестнаго охранителя и самъ присоединяюсь къ его мнѣнію». Король объявилъ, что самъ отказывается отъ права наз-

начать коммиссаровъ. Въ такомъ видѣ состоялось учрежденіе коммиссіи полиціи, которая, по избраніи членовъ, начала засѣдать въ такъ-называемомъ дворцѣ Красинскихъ, принадлежащемъ Рѣчи-Посполитой.

Едва успѣла конституція сдѣлаться извѣстною во всѣхъ углахъ Польши, какъ уже на сеймѣ послѣдовали нѣкоторыя отмѣны въ ней: право короля непосредственно назначать сенаторовъ замѣнено представленіемъ выборныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ король могъ назначить въ сенаторы. Ограничено право помилованія преступниковъ (jus agratiandi) изъятіемъ осужденныхъ сеймовымъ и военнымъ судами вообще и осужденныхъ на смерть какими бы то ни было судами за убійства, казенную покражу и наѣзды. Эти измѣненія внушали иностранцамъ не высокое уваженіе къ польскому постоянству. Они заключали изъ этого, что такимъ образомъ и вся новая конституція можетъ улетучиться. Обращались къ финансовымъ вопросамъ. Открылась непріятная истина: дохода въ казнѣ было 27.031,131 злотый, а расхода 32.109,762 злот., а въ томъ числѣ на войско 24.814,668 зл. Открытіе дефицита повлекло къ изысканію средствъ увеличить доходы. Познанскіе депутаты предложили продажу староствъ, но противъ нихъ поднялись голоса и самъ король, относительно отобранія староствъ, совѣтовалъ взглянуть на примѣръ Франціи, которая, какъ онъ говорилъ, черезчуръ увлеклась идеями равенства. Такимъ образомъ, это важное дѣло осталось только намѣченнымъ; а такъ какъ открытіе дефицита всѣхъ озаботило, то, по давней привычкѣ, послы успокоили себя тѣмъ, что назначили особую депутацію для разсмотрѣнія финансовъ и изысканія средствъ ихъ поправить. Лэнчицкій посолъ Липскій жаловался на холодность къ религіи, наступившую въ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ не стало іезуитовъ. «Уничтоженіе ордена—говорилъ онъ—есть корень зла. Я имѣю порученіе отъ своего воеводства ходатайствовать о возстановленіи іезуитовъ въ Польшѣ». На это король отвѣчалъ: «никто болѣе меня не сожалѣетъ объ іезуитахъ. Утрата ихъ ордена принесла скорбь всему католическому христіанству и наипаче Польшѣ, но просить объ этомъ святого отца теперь неудобно». Онъ указывалъ на примѣръ Испаніи, которая ходатайствовала уже объ этомъ, но святой отецъ нашелъ затруднительнымъ исполнить эту просьбу. «Пусть—сказалъ король—оставшаяся у насъ слава іезуитовъ будетъ побужденіемъ для другихъ орденовъ; тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ просилъ участія въ эдукаціонной коммиссіи».

Были получены и сообщены депеши отъ министровъ при иностранныхъ дворахъ; они побуждали представителей Рѣчи-Посполитой

литой не терять времени и упрочить конституцію и независимость Польши. «Все приводится въ движеніе—говорили они—чтобы сдѣлать напрасными всѣ усилія патріотовъ; не щадятъ средствъ для подкупа и съ этой цѣлію посланы значительныя суммы въ Варшаву». Сеймъ единогласно положилъ, не щадить ни усилій, ни издержекъ, чтобы открыть интриги, обличить гнусныя орудія измѣны и наказать дурныхъ гражданъ. «Польша никого не трогаетъ—говорили тогда на сеймѣ—ея политика самая мирная. Она произвела свои реформы въ охранительныхъ видахъ. Дворы укоряли насъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ порядка. Стало быть они должны теперь радоваться, когда у насъ устроился порядокъ. Говорятъ, что Польша была гнѣздомъ смутъ и безпокойства и тѣмъ тревожила сосѣдей. Что жъ? Теперь она уже не должна ихъ тревожить». По угрожающимъ донесеніямъ, 22 іюня, на сеймѣ порѣшили, чтобъ всѣ военные, находящіеся за-границею, воротились и присягнули новой конституціи. «Это насиліе надъ недовольными конституціею—сказалъ Четвертинскій—а такихъ много не только за-границею, но и внутри края». Слова его вызвали громъ негодованія. Выдержавъ его, Четвертинскій продолжалъ: «я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло мои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанною насильно, не боюсь ничего. Если вамъ нужна жертва—дѣлайте что хотите»? Несмотря на эти заявленія проектъ былъ принятъ. Четвертинскій говорилъ правду. Патріотамъ казалось, что вся нація съ ними заодно, потому что въ Варшавѣ мало было смѣльчаковъ, подобныхъ Четвертинскому; всѣ послы, недовольные перемѣною, за исключеніемъ немногихъ, разъѣхались; большинство Избы состояло изъ сторонниковъ переворота. Адресы гражданско-военныхъ коммиссій, писанные по внушеніямъ агентовъ правительства, гласили о всеобщемъ довольствѣ конституціею; все было шито-крыто. Поэтому прогрессисты могли сколько угодно увѣрять себя въ прочности своего дѣла.

Въ концѣ іюня была назначена депутація для составленія новаго кодекса законовъ для Короны и Литвы. Для умиротворенія православныхъ положено назначить конгрегацію въ Пинскѣ. Будущіе сеймики отложены на дальній срокъ, до февраля 1792 г. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобъ пріучить націю къ новой формѣ правленія и избѣжать смутъ, которыя могли произойти между шляхтою, настроенною врагами конституціи. 28-го іюня сеймъ былъ закрытъ до 15-го сентября. На этомъ послѣднемъ засѣданіи задорный сторонникъ конституціи Линовскій поссорился съ такимъ же задорнымъ противникомъ ея — Скорковскимъ. На

другой день они вышли на поединокъ, и Линовскій ранилъ Скорковскаго.

Вездѣ по провинціямъ патріотическое веселіе охватывало польское общество; обыватели съѣзжались по призыву какого-нибудь вліятельнаго мѣстнаго пана въ одно мѣсто и устроивали празднество; такъ одиннадцатаго іюня въ Хойны, имѣніе пана Прозора, съѣхались обыватели повѣтовъ: мозырскаго, рѣчицкаго и овруцкаго. Богатый владѣлецъ распоряжался празднествомъ. 12-го іюня, на разсвѣтѣ выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ двухцвѣтныхъ лентъ (зеленаго съ бѣлымъ), а дамамъ бѣлыя; на нихъ была надпись: «король, законъ и отечество». Въ 11 часовъ мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, всѣ въ одинаковыхъ платьяхъ, шли въ костелъ къ обѣднѣ. Ксендзъ Глинскій говорилъ имъ рѣчь, потомъ пѣли «Te Deum» при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ литургіи хозяинъ угощалъ гостей обѣдомъ, обставленнымъ пышными декораціями. Посреди стола на скалѣ стояло изображеніе храма славы на четырехъ гербахъ: Короны съ Литвою, короля, сеймоваго маршала и маршала литовской конфедераціи; посрединѣ храма былъ алтарь, на которомъ находилась окруженная вѣнкомъ надпись: «Станиславу Августу, королю польскому, отцу и спасителю отечества». По обѣимъ сторонамъ этого храма славы были колонны со знаками и вензелями короля. Въ концѣ обѣда, при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ, пили заздравныя чаши съ восклицаніями: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ»! Послѣ обѣда танцовали до самаго утра слѣдующаго дня и безпрестанно раздавались крики: «король съ народомъ, и народъ съ королемъ! да здравствуютъ доблестные виновники спасенія отечества»!

Но нигдѣ не было такого шумнаго патріотическаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыскаго. Самъ князь былъ тогда въ раздумьи, сбиваемый съ толку своею сестрою Любомирскою, непріятельницею конституціи. За то жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойно дѣло спасенія отечества. Пулавскій палацъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Княгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и молодыхъ и пожилыхъ. Когда сеймъ былъ отсроченъ на время (залимитованъ), многіе послы прогрессисты отправились въ Пулавы поблистать своими гражданскими подвигами: ихъ принимали съ изысканными знаками уваженія; прекрасныя уста произносили имъ самыя лестныя похвалы. Тутъ случился смотръ войскъ дивизіи князя Виртембергскаго, зятя Чарторы-

ской, подъ Голомбомъ. Княгиня повезла туда всѣхъ своихъ пулавскихъ гостей. Особы прекраснаго пола были изящно одѣты аркадскими пастушками, держали въ рукахъ корзинки съ цвѣтами, овощами и вѣнками и пѣли нарочно сочиненную пѣсню (Ej rycerze, serce nasze radość bierze), а княгиня брала у нихъ изъ корзинъ цвѣты и плоды, украшала и угощала польскихъ витязей. Послѣдніе въ свою очередь распѣвали пѣсню, сочиненную однимъ изъ нихъ, гдѣ изъявлялось желаніе уподобиться старопольскимъ героямъ, которые приводили въ оковахъ (московскихъ) царей (w okowach prowadzili carów) и заслужить лавровый вѣнокъ, свитый прелестными руками возлюбленныхъ. Какъ много правды было во всемъ этомъ—показало послѣдующее время, когда предводитель этого геройскаго воинства, зять княгини, покинулъ польскія знамена въ часъ битвы, а мужественные сарматы разбѣгались при появленіи тѣхъ москалей, которыхъ царей предки ихъ водили въ оковахъ. Послѣ военнаго смотра снова отправились въ Пулавы и тамъ нѣсколько дней пировали, танцовали, кричали: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя явленія происходили повсюду. Богатый панъ, имѣвшій вліяніе въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устроивалъ патріотическій праздникъ; сообразно польскимъ нравамъ, гости и резиденты, всегда привыкшіе угождать своему амфитріону, восхваляли то, что угодно было ему восхвалять, и кричали противъ того, чего не любилъ ихъ патронъ; и оттого на такихъ празднествахъ все носило видъ согласія и единодушія. Но также точно панъ противныхъ убѣжденій могъ собрать у себя толпу гостей и устроить сходбище въ другомъ духѣ, и у него накормленные и напоенные гости стали бы кричать противъ конституціи. Уже въ то время, когда у пановъ прогрессистовъ обыватели пили венгерское за отечество и танцовали за конституцію, враги ея, уѣхавшіе изъ Варшавы въ свои имѣнія, дѣлали тамъ пиры и балы, для того, чтобы пояснять своимъ гостямъ, что конституція произошла совсѣмъ не такъ, какъ утверждаютъ ея сторонники; что большинство членовъ сейма вовсе не знало о замыслѣ ввести ее; что заговорщики склонили на свою сторону короля приманкою деспотизма, окружили войскомъ Избу, напоили чернь и научили не давать возможности благоразумнымъ людямъ открыть рта, грозили ихъ убить и носить на шестахъ ихъ головы; что вся эта конституція, это прославленное дѣло обновленія Польши, есть произведеніе братьевъ Потоцкихъ, которые въ свою очередь слушали захожаго итальянскаго интриганта, аббата Пьятоли. Въ то время, какъ въ Пулавахъ поляки,

по волѣ княгини Чарторыской, восхваляли дѣло третьяго мая, у княгини Любомирской въ Ополѣ происходили такія же шумныя сборища, гдѣ вопіяли противъ насилія, противъ прусской интриги, доказывали, что Польша безразсудно раздражаетъ Россію, сама не будучи приготовлена къ отпору. Игнатій Потоцкій въ своемъ Куровѣ собиралъ обывателей Люблинскаго воеводства и настроивалъ ихъ стоять за конституцію, а сосѣдъ его Длусскій дѣлалъ у себя собранія, настроивалъ собратій противъ переворота и разсказывалъ, что его самого чуть не убили на сеймѣ за то, что онъ отстаивалъ старосвѣтскую свободу Рѣчи-Посполитой.

Булгаковъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ къ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Боскампъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какой вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безъименная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, за Турцію составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, реентъ брестъ-литовскаго градского суда, Захаркевичъ, за русскія деньги, составилъ безъименную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи. Друзья Россіи тайно совѣщались съ Булгаковымъ: это были Ожаровскій, Коссаковскій, Рачинскій, любители русскихъ червонцевъ, неизмѣнный благопріятель Россіи канцлеръ Малаховскій. Браницкій, притворяясь передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, работалъ чрезъ своихъ агентовъ по указанію Булгакова; также на услугахъ русскаго посланника состояла жена Браницкаго: Булгаковъ заявлялъ государынѣ, что она въ это время была даже полезнѣе своего супруга. Мать героя третьяго мая, Казимира-Нестора Сапѣги, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно волновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма, на которомъ такъ отличился ея возлюбленный сынъ. Булгаковъ сносился съ противниками конституціи и подбиралъ себѣ партію такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большого общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ тоже время, при свиданіи съ сто-

ронниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно наказу своей государыни. «Надѣюсь — писала къ нему Екатерина въ іюнѣ — что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самимъ дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность и подкрѣпленіе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не однѣми словами къ тому подвизаться, а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе.»

И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ Россія переставала прогрессистамъ казаться опасною. «Цезарь, писалъ маршалъ Малаховскій, уже склоняется на нашу сторону и Москва также скоро склонится навѣрное, хотя и медлитъ, но она всегда привыкла медлить». Распространилась вѣсть, будто Потемкинъ начинаетъ падать при петербургскомъ дворѣ: изъ этого тотчасъ заключали, что Потемкинъ обратится къ Польшѣ. «Кто знаетъ — писалъ тотъ же Малаховскій — можетъ быть мы ему будемъ благодарны! Онъ-то и ослабитъ Московское государство.»

VI.

Волненія въ Польшѣ[1]).

Между тѣмъ, новая конституція, какъ и слѣдовало ожидать, начинала уже производить неизбѣжныя смятенія. Въ самой Варшавѣ, по распущеніи сейма, сдѣлалась тревога. Каштелянша Коссаковская, большая интригантка, бывшая съ королемъ въ ссорѣ и помирившись въ послѣднее время, выдумала и черезъ своихъ друзей распустила слухъ, будто партія Браницкаго хочетъ схватить короля, убить или вывезть. Это было распущено для того, чтобы волновать народъ противъ тѣхъ, которые внутренно были нерасположены къ конституціи; хотя Браницкій на словахъ и распинался за нее, но ему не вѣрили. Король испугался: онъ былъ наученъ опытомъ временъ Барской конфедераціи. Удвоили караулъ въ Лазенкахъ. Страхъ продолжался цѣлый мѣсяцъ; стали ходить вредныя для конституціи слухи о не-

---

[1]) См. источн. №№ 18, 28, 30, 55, 71. Дѣла Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

повиновенiи хлоповъ. Генералъ Бышевскiй доносилъ о бунтѣ крестьянъ: въ иноврацлавскомъ воеводствѣ, въ селѣ Вилково-Нѣмецкое, имѣнiи Мыцельскаго взбунтовались крестьяне, прибили эконома. Владѣлецъ далъ знать гражданско-военной коммиссiи и потребовалъ войска. Произошла схватка между жолнерами и крестьянами; было нѣсколько раненыхъ. Крестьяне, послѣ этого, толпою бѣжали за границу. 25 iюня, гражданско-военная коммиссiя изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрiйскую границу; замѣчательно, что уходили не только бурлаки, но и зажиточные люди съ семьями, съ лошадьми и со скотомъ. Изъ Украины писали, что въ тамошнемъ народѣ распространяется мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступитъ въ польскiе предѣлы; и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, потому что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ. Въ мѣстечкѣ Дзвиногродѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основанiи мѣщанскаго устава, но владѣлица, старостина, не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подданныхъ новыми повинностями. Въ Каневѣ хлопъ, Макаръ Литвиненко, пилъ съ жолнеромъ Яблоновскимъ и сказалъ, что у него есть секретъ такой, что стоитъ дороже тысячи рублей. Онъ говорилъ намеками, изъ которыхъ жолнеръ заключилъ, что хлопы собираются бунтовать, но Макаръ не сказалъ ничего положительнаго, а только замѣтилъ: «не дайте мині пропасти; якъ скажете, то и піпъ и громада пропаде». Жолнеръ разсказалъ объ этомъ; хлопъ ушелъ, но его поймали и онъ объявилъ, что есть еще хлопы, которые рѣзали ляховъ въ прошедшую «Колiивщину» (1768 года), а теперь живутъ спокойно и скрываютъ свои богатства въ погребахъ. Это навело паническiй страхъ между военными и шляхтою. Гражданско-военныя коммиссiи и военные командиры сообщали въ Варшаву угрожающiя вѣсти. Въ Литвѣ происходило страшное волненiе въ волостяхъ (загацкой, мотырынской, новлицкой и иванской) по-iезуитскихъ имѣнiй, доставшихся въ поссессiю Кавецкому. Этого рода имѣнiя отдавались въ поссессiю съ извѣстными правилами относительно крестьянскихъ повинностей. Но поссессоръ Кавецкiй не хотѣлъ знать этихъ правилъ; вмѣсто положенныхъ съ волоки въ недѣлю мужескихъ и женскихъ по два рабочихъ дня онъ бралъ двадцать два дня, назначалъ сверхъ того двѣнадцать годовыхъ такъ-называемыхъ гвалтовъ, бралъ оброку, вмѣсто десяти злотыхъ — сорокъ, бралъ подрозчизну въ Ригу (т. е. посылалъ туда крестьянъ для продажи произведенiй) вмѣсто одного раза — четыре, привязывался къ богатымъ мужикамъ, обиралъ у нихъ имущество, деньги, а за сопротивленiе жестоко истязалъ. Уже прежде

два брата Цѣлковичи отправились въ Варшаву жаловаться, но онъ поймалъ ихъ на дорогѣ, держалъ въ тюрьмѣ и два раза въ недѣлю велѣлъ сѣчь розгами и поливать водкой. Случай однако помогъ Цѣлковичамъ уйти изъ тюрьмы и они, вмѣстѣ съ другими товарищами, добрались до Варшавы, но ничего не могли подѣлать; Кавецкій представилъ фальшивыя квитанціи, будто бы отъ крестьянъ, показывающія, что онъ бралъ съ нихъ только положенное. Это было еще въ 1790 году. Послѣ того Кавецкій дѣлалъ, что̀ хотѣлъ. Волость потеряла терпѣніе; толпа въ 160 человѣкъ выборныхъ отправилась въ городъ Ушачъ, гдѣ была гражданско-военная коммиссія. Но въ этой коммиссіи сидѣли родной братъ Кавецкаго и мужъ сестры его. Вмѣсто того, чтобъ оказать правосудіе крестьянамъ, коммиссія обвинила ихъ въ бунтѣ, на томъ основаніи, что крестьяне должны выходить изъ села не иначе какъ съ паспортами отъ владѣльца. Для усмиренія ихъ поставили въ волости военную команду, которая дѣлала все, что̀ угодно Кавецкому. Крестьяне бѣгали, команда ловила ихъ и по желанію поссессора подвергала истязаніямъ. Многіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ Россію, остальные теперь подали новую просьбу на сеймъ: «Насъ обдираютъ, — писали они — мучатъ выше всякой мѣры; мы такъ обнищали, что еслибъ теперь былъ и другой панъ, то намъ нечѣмъ было бы платить ни его двору, ни скарбу, развѣ душою и недомученнымъ тѣломъ. Помилуйте насъ, ясноосвѣщенные, ясновельможные паны добродѣи, выслушайте стоны наши, всмотритесь, какъ насъ мучатъ; поссессоръ какъ будто хочетъ, чтобъ его преемникамъ ничего не досталось, кромѣ пустопорожней земли и голыхъ тѣлъ нашихъ». Въ Мазовецкомъ воеводствѣ поднялось староство гарвалинское: жители требовали свободы на основаніи мѣщанскаго устава, потому что Гарвалинъ былъ городъ; но просьба ихъ не только не была удовлетворена старостою, а еще поссессоры, которымъ было роздано по частямъ староство, начали ихъ сильнѣе обременять. Сдѣлался бунтъ, поколотили поссессорскаго сына. Гражданско-военная коммиссія отправила для укрощенія ихъ войско; зачинщики были наказаны сорока ударами на рынкѣ и выстояли во время богослуженія съ надписью: «за непослушаніе». Оказывалось однако, что еще въ 1789 году, подданные этого староства жаловались на неправильные поборы; люстраторы тогда же препроводили ихъ просьбу въ скарбовую коммиссію, но по этой просьбѣ до 1791 года ничего не было сдѣлано. Принуждая мѣщанъ, заурядъ съ хлопами, къ повиновенію старостѣ, правительство тѣмъ самымъ уничтожало силу установленнаго мѣщанскаго устава.

Вслѣдствіе такихъ-то безпокойствъ, 11-го августа изданъ былъ

королевскій универсалъ. Воздавая хвалу трудолюбію и порядку вообще, тамъ говорилось: «къ немалой скорби нашего отеческаго сердца узнали мы, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Рѣчи-Посполитой появляются враги общественнаго блага, которые отваживаются лукавымъ подущеніемъ и обманчивыми подговорами то открытыми, то явными путями и различными предлогами отклонять народъ отъ послушанія панамъ своимъ, отъ исполненія повинностей и платежа податей. Мы считаемъ нашею обязанностію, предостеречь настоящимъ нашимъ универсаломъ всю юрисдикцію воеводствъ, земель и повѣтовъ, въ особенности гражданско-военныя коммиссіи порядка, чтобы, внимательно наблюдая за такими случаями, сперва употребляли кроткія и вразумительныя мѣры, а потомъ, когда такія мѣры окажутся недѣйствительными, каждая юрисдикція можетъ употреблять принудительную власть, закономъ дозволенную; въ случаѣ же продолжительнаго упорства прибѣгать и къ военной силѣ для удержанія подданныхъ въ зависимости и послушаніи у своихъ пановъ. Но такъ какъ темный народъ обыкновенно приходитъ къ такимъ поступкамъ не по собственной склонности, а по невѣжеству и подущенію другихъ, то мы поручаемъ тѣмъ же юрисдикціямъ бдительно слѣдить за такими лицами, которыя бы соблазняли народъ превратнымъ толкованіемъ законовъ, заохочивали хлоповъ къ непослушанію панамъ и давали совѣты, противные долгу зависимости; и гдѣ таковые соберутся—ихъ слѣдуетъ хватать и предписаннымъ въ законахъ путемъ предавать надлежащему суду и справедливому наказанію.

Страхъ крестьянскихъ бунтовъ, болѣе чѣмъ что́-нибудь другое отталкивало обывателей отъ конституціи. Только немногіе передовые люди заявляли желаніе освободить крестьянъ: къ этому ихъ располагали модныя французскія идеи равенства. Мостовскій, Забѣлло, Нѣмцевичъ, Вейссенгофъ, Зайончекъ собирались въ домѣ французскаго посланника Декорша, гдѣ только и рѣчи было о дарованіи правъ порабощенному сельскому народу. Заправляя тогдашнею «Народовою газетою», эти господа помѣстили въ ней письмо литовскаго дворянина, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ присланное, но скорѣе всего поддѣланное въ Варшавѣ, въ качествѣ назидательнаго и руководящаго сочиненія [1]), гдѣ говорилось такъ: «Въ вашей конституціи я не вижу залога обезпечивающаго свободу и имущество бѣднаго поселянина отъ гу-

[1]) Мы такъ полагаемъ потому, что въ тогдашнихъ дѣлахъ Стражи, почти вполнѣ сохранившихся въ Литовской Метрикѣ, объ этомъ фактѣ нѣтъ ничего. Сверхъ того и въ самой газетѣ не означено имя этого дворянина.

бительной жадности. Зачѣмъ законъ не назначилъ по провинціямъ и воеводствамъ удѣльныхъ коммиссій, для опредѣленія повинностей въ работахъ и платежахъ? Зачѣмъ законъ не обезпечилъ за хлопомъ владѣемой имъ собственности? Зачѣмъ въ округѣ одного и того же повѣта доброму пану хлопъ работаетъ два дни въ недѣлю за поземельный надѣлъ, а злому цѣлую недѣлю, да еще подъ палками? Можетъ-ли человѣкъ быть до того жестокосердъ, чтобъ запретить своему ближнему жаловаться и плакать, когда ему тяжело. Добрый человѣкъ суда не боится. Судъ страшенъ только для тирановъ, а развѣ тиранъ надъ крестьянами можетъ быть добрый гражданинъ? Историки приписываютъ упадокъ Спартанской республики утѣсненіямъ илотовъ; можемъ-ли мы, поляки, при 10,000,000 илотовъ, хвастаться вольностью? Пусть чужестранецъ посѣтитъ наши корчмы, исполненныя крайней неопрятности и лукавства. Онъ тамъ увидитъ, какъ жидъ, подлый субалтернъ владѣльческой жадности, разрушаетъ дорого продаваемою отравою здоровье и состояніе нищаго крестьянина и потомъ дѣлится своимъ грабежемъ съ паномъ, соперничествующимъ съ нимъ въ алчности. Я размѣрилъ и размежевалъ поля свои, отдалъ крестьянамъ ихъ угодья, заключилъ съ ними договоръ о размѣрѣ чинша (оброка) или работъ и отдалъ на утвержденіе повѣтоваго суда и референдарія. Этимъ способомъ я надѣюсь улучшить свое состояніе, возбудить въ хлопахъ склонность къ промысламъ и умножить народонаселеніе. Если же я и понесу утраты, то и тогда назову себя счастливымъ, лишь бы черезъ мою потерю выиграло человѣчество и не малое количество живущихъ на моей землѣ людей сдѣлалось по моей волѣ счастливымъ и свободнымъ.»

Такія заявленія, не принося никакого облегченія крестьянамъ, только пугали дворянъ. Примѣры, въ родѣ поступка неизвѣстнаго литовскаго обывателя, вовсе были не по сердцу большинству. Универсалъ 11-го августа скорѣе долженъ былъ увеличить неустройство и произволъ, чѣмъ уменьшить ихъ. Вѣсти о неповиновеніи подданныхъ панамъ, о бѣгствѣ народа изъ Польши приходили все чаще и чаще. Князь Сангушко, скоро послѣ 3-го мая, освободилъ отъ зависимости своихъ подданныхъ, мѣщанъ города Черкасъ и мѣстечекъ Бѣлозера и Ломовате. Городъ Черкасы обязался вносить ему подать по люстраціи 1709 года. Поступокъ его былъ прославленъ, какъ подвигъ человѣколюбія и безкорыстія. Но послѣ универсала 11-го августа и послѣ рѣшенія гарвалинскаго дѣла въ пользу владѣльца, Сангушко разсудилъ нарушить свой договоръ и послалъ въ Черкасы управляющаго (губернатора) Піотровскаго, который, собравъ жителей, про-

читалъ имъ универсалъ и объяснилъ, что законъ о свободѣ городовъ уже уничтоженъ. Мѣщане по прежнему будутъ работать и слушаться не магистрата, а губернатора. Тѣ же, которые начнутъ сопротивляться, будутъ повѣшены. Нѣкоторые пытались-было ѣхать въ Варшаву жаловаться, но ихъ заключили въ кандалы и тирански били нагайками. Тогда 50 семей, оставивши свои имущества, дворы, посѣянный хлѣбъ, бѣжали въ Россію. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія Стражи, но не видно, чтобъ были приняты дѣйствительныя мѣры къ облегченію крестьянъ. Вообще въ южнорусскихъ областяхъ владѣльцы и поссессоры стали такъ отягощать своихъ подданныхъ, что они сотнями убѣгали за границу и правительство приказало разставить военныя команды, чтобъ не пропускать бѣглецовъ, а между тѣмъ король приказывалъ брацлавской гражданско-военной коммиссіи внушать обывателямъ, чтобы они человѣколюбивѣе обращались съ своими крестьянами.

Военными командами въ Украинѣ начальствовалъ генералъ Костюшко и безпрестанно писалъ въ войсковую коммиссію, что нѣтъ возможности удержать крестьянъ отъ бѣгства. Эмиграція овладѣла всѣмъ народомъ; въ декабрѣ онъ жаловался на чернецовъ, которые пробирались изъ русской Малороссіи въ польскій край и волновали народъ. На прусской и австрійской границахъ происходила такая же эмиграція. Надобно замѣтить, что въ самой конституціи 3-го мая была статья, способствовавшая такой эмиграціи. Всякій, приходящій, или даже возвращающійся въ Польшу дѣлался свободнымъ. Отъ этого многіе убѣгали за границу, а черезъ нѣсколько дней воротившись, требовали по закону вольности. Это была яркая черта политической мудрости поляковъ и прочности конституціи. Впрочемъ крестьяне ничего черезъ это не выигрывали: по возвращеніи въ отечество ихъ сѣкли и обращали въ прежнее рабство. Отъ этого въ послѣдующее время бѣглецы уже не возвращались домой.

На Волыни, хотя было спокойнѣе, но осенью гражданско-военная коммиссія умоляла не выводить оттуда войскъ, потому что крестьяне, хотя теперь и смирны, но тотчасъ сбунтуются, какъ только некому будетъ ихъ укрощать. Тамъ были факты, подобные черкаскимъ; такъ, напр., панъ Гардлинскій далъ своему имѣнію свободу отъ панщины на два года, но въ декабрѣ нарушилъ этотъ договоръ несмотря на то, что онъ былъ записанъ въ Луцкомъ гродскомъ судѣ. Въ сентябрѣ закрочимская гражданско-военная коммиссія доносила, что крестьяне повсемѣстно неповинуются и бѣгутъ. Она требовала военной силы для усмиренія ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ изъ земли Луковской получено извѣстіе, что взбунтовалось мѣстечко Сырокомля, противъ своей вла-

дѣлицы пани Водзицкой, за то, что она не хотѣла дать имъ пользоваться мѣщанскимъ правомъ по силѣ устава о городахъ. И туда послали для усмиренія военную команду. То же произошло въ городѣ Лѣшно, имѣвшемъ древнія привилегіи. Владѣлецъ, князь Сулковскій, заключилъ съ нимъ договоръ, отказался отъ своихъ правъ, а мѣщане обязались вносить ему извѣстную сумму и должны были пользоваться свободою, предоставленною мѣщанскому сословію; но потомъ, послѣ универсала 11-го августа, осенью онъ отнялъ всѣ права и подчинилъ ихъ прежнему подданству. Мѣщане жаловались, а владѣлецъ объяснялъ, что посполъство, подущаемое злонамѣренными людьми, бунтуетъ, не хочетъ исполнять своихъ обязанностей и клевещетъ на него. Кончилось тѣмъ, что послали военную экзекуцію для приведенія мѣщанъ къ повиновенію. Въ декабрѣ такая же исторія произошла съ городомъ Веховою, который напрасно жаловался, что староста, освободивши его отъ подданства, началъ утѣснять снова. Такимъ образомъ правительство, надававши свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять тѣхъ, которые домогались того, что̀ было установлено закономъ.

Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе нравы мало способны были воспринимать возрожденіе отечества. Наѣзды другъ на друга, нападенія на суды вооруженной силой, насилія могучихъ надъ слабыми продолжались по прежнему. Замѣчательно, ка̀къ поляки, даже тѣ, которые были призваны творить законы, понимали законную свободу. Одного пана Окнинскаго посадили подъ арестъ: явно было, что онъ лишился разсудка, грозилъ убить короля и перебить всѣхъ пословъ; жена его жаловалась, что онъ дома дерется и буянитъ. Тогда познанскій посолъ Мелжинскій подалъ въ Стражу протестъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и доказывалъ, что этимъ нарушается законъ: «neminem captivabimus». «Если—писалъ онъ—сажать людей подъ арестъ, безъ суда, въ предупрежденіе преступленій, то вамъ придется всѣ погреба наполнить людьми.» Такимъ образомъ выходило, что шляхтичъ, если и сойдетъ съ ума, все-таки долженъ быть огражденъ закономъ neminem captivabimus. Свобода вѣроисповѣданій также плохо соблюдалась. Въ городѣ Равѣ какой-то офицеръ вошелъ къ мѣщанкѣ, вдовѣ аптекаря, лютеранкѣ и будучи за что-то недоволенъ ею, донесъ, что ея дѣти играли въ куклы и повѣсили на куклу медальонъ съ изображеніемъ Божьей Матери. Мѣщанку взяли въ граждански-военную коммиссію, посадили въ тюрьму и отдали подъ судъ. Къ ея счастію, пасторъ евангелическаго вѣроисповѣданія написалъ къ королю письмо, гдѣ доказывалъ, что она, какъ диссидентка, не подлежитъ коммиссіи по духовному

дѣлу. «Еще не обсохли чернила—писалъ онъ—которыми написана конституція, дарующая намъ права, а уже ихъ попираютъ». Король и Стража приказали освободить ее, но все-таки она просидѣла нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, пока ея дѣло не сдѣлалось извѣстнымъ высшему правительству.

Для умиротворенія православныхъ сеймъ назначилъ коммиссію, которая должна была съѣхаться въ Пинскѣ съ выборными православными духовными и тамъ вмѣстѣ установить правила, которыя бы на будущее время успокоили послѣдователей восточной вѣры, не хотѣвшихъ принять уніи. Но давняя закоренѣлая ненависть къ православію не допускала искренности въ этомъ дѣлѣ. Тѣ самые депутаты, которые приняли на себя должность миротворцевъ, въ своихъ донесеніяхъ отзывались съ презрѣніемъ о православной вѣрѣ, считали дарованіе правъ православнымъ только временной уступкой для того, чтобы ихъ удобнѣе привлечь къ уніи. Православную вѣру поляки считали зломъ уже потому, что ее исповѣдывала Россія. Пріѣхавши въ Слуцкъ, депутаты нашли тамъ раздоры въ самомъ православномъ духовенствѣ. Священникъ Савва Пальмовскій собралъ въ церковь духовныхъ для совѣщанія, какъ имъ вести себя и чего требовать отъ пріѣхавшей депутаціи. Тогда намѣстникъ монастыря, остававшійся тамъ главнымъ лицомъ послѣ арестованнаго архіерея Садковскаго, очернилъ ихъ передъ депутаціей, выпросилъ у депутата Бернадскаго позволеніе арестовать ихъ. Пальмовскаго съ товарищами засадили въ монастырѣ въ тѣснотѣ и кормили хлѣбомъ съ водою. Бернадскій, въ своемъ донесеніи въ стражу, хвалилъ намѣстника, припоминалъ, что онъ не ладилъ съ Садковскимъ, доносилъ на него и былъ противъ введенія въ церковь «россійскихъ обычаевъ». Но Стража приказала освободить заключенныхъ. Тогда въ свою очередь Пальмовскій оговаривалъ своего врага, намѣстника Бржезницкаго, доносилъ, что онъ былъ прежде уніатскимъ монахомъ въ Почаевѣ, носилъ фамилію Бржезникевича, ушелъ въ Кіевъ, тамъ принялъ православіе и воротился Бржезницкимъ. Съ такими людьми предстояло дѣлать великое дѣло. Между тѣмъ архіерей Викторъ Садковскій, тотъ, который по всѣмъ правамъ долженъ былъ при этомъ занимать первую роль, продолжалъ сидѣть въ Варшавѣ въ заключеніи, совершенно невинный.

VII.

Возобновленіе дѣятельности сейма.—Соединеніе казначействъ.—Дѣло о старостахъ.—Преобразованіе судовъ [1]).

Собранный съ 15-го сентября сеймъ имѣлъ на лицо не болѣе 140 или 150 членовъ. Нѣкоторые послы, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ же разъѣхались по своимъ имѣніямъ: была осень—пора охоты за медвѣдями и волками. Это занятіе было пріятнѣе головоломныхъ работъ въ сеймовой Избѣ. Сами рьяные прогрессисты порывались къ этой любезной забавѣ и маршалъ Малаховскій, открывая каждый день утомительныя засѣданія, ждалъ возможности избавиться отъ нихъ, и посылалъ къ своимъ коммиссарамъ провѣдывать, гдѣ появились звѣри. Значительную часть времени на сеймѣ проводили во фразахъ, величали польскія добродѣтели, прославляли достоинство конституціи 3-го мая. Противники, при случаѣ, задирали прогрессистовъ. Такъ, 29-го сентября, посолъ Мечельскій напалъ на маршала Малаховскаго и обвинялъ его въ томъ, что онъ отправилъ нарочнаго посла въ Дрезденъ безъ открытаго предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ. Король заступался за Малаховскаго и выразился, что всѣ подобныя нападки дѣлаются врагами конституціи съ тою цѣлью, чтобы ей какъ-нибудь повредить. «Но я—говорилъ онъ—въ согласіи со всѣми друзьями отечества буду защищать ее до послѣдней капли крови». Въ противность Мечельскому король предложилъ отъ сейма выразить Малаховскому благодарность. 3-го октября, краковскій посолъ Солтыкъ предложилъ сейму засвидѣтельствовать сочувствіе французской революціи. Это событіе съ каждымъ днемъ находило себѣ въ Польшѣ поклонниковъ и они-то стали заявлять о продажѣ староствъ, подражая въ этомъ случаѣ Франціи, и видя въ этой продажѣ единственное средство покрыть дефицитъ. 11-го октября появился въ Избѣ проектъ объ отобраніи и продажѣ въ наслѣдственное владѣніе староствъ и всѣхъ вообще королевщинъ. По ходатайству короля разсужденіе объ этомъ предметѣ было отложено; а въ Избѣ началось разсужденіе о соединеніи казначействъ Короны и Литвы. Проектъ о соединеніи подали волынскіе послы; литовскіе стояли за раздѣльность. Теперь, когда въ такой модѣ были французскія идеи централизаціи, ломавшей провинціальныя автономіи, у поляковъ съ ними соединилось завѣтное и всег-

---

[1]) См. Источн. №№ 18, 25, 28.

дашнее стремленіе ополячить Литву и Русь. Казимиръ-Несторъ Сапѣга былъ на челѣ оппозиціи. «Привилегіи народа — говорилъ онъ — не собственность народныхъ представителей и даже не цѣлаго живущаго поколѣнія. Мы не имѣемъ права добровольно отъ нихъ отрекаться и, получивъ отъ предковъ, должны передать въ цѣлости потомкамъ.» Но эти кудрявыя фразы были засыпаны другими, въ противномъ смыслѣ: отличался въ этомъ краснорѣчіи Станиславъ Потоцкій. Порѣшили, чтобы скарбъ былъ соединенъ и существовала одна скарбовая коммиссія. Въ честь этого событія, уничтожавшаго послѣдніе слѣды различія между Польшею и Литвою, король приказалъ выбить медаль съ надписью: «При Станиславѣ Августѣ закончена тѣснѣйшая унія, совершенная вначалѣ Сигизмундомъ Августомъ».

Въ концѣ октября сеймъ издалъ конституцію объ устройствѣ городскихъ судовъ; по поводу этого событія, жена одного посла, Звончковскаго, въ полномъ засѣданіи ударила по щекѣ секретаря Сярчинскаго и послѣ созналась, что была научена мужемъ.

Въ ноябрѣ наконецъ принялись послѣдовательно за вопросъ о староствахъ. Кромѣ потребности покрыть дефицитъ, предстояла еще и нравственная потребность. Система отдачи панамъ государственныхъ имѣній была однимъ изъ способовъ деморализаціи панства и средствомъ для иностранныхъ властей руководить дѣлами Польши. Въ каждое безкоролевіе партія, хотѣвшая выбрать того или другого въ короли, разсчитывала получить отъ него для себя выгоды, главнымъ образомъ заключавшіяся въ пріобрѣтеніи староствъ, которыя раздавались королями. Возрожденіе Польши необходимо требовало уничтожить такой порядокъ. Уже прежде были сдѣланы по этому предмету перемѣны. Въ 1775 году у короля было отнято право раздавать королевщины. Онѣ были предоставлены въ пользованіе до смерти владѣльцамъ, а о дальнѣйшей судьбѣ ихъ рѣшить оставлялось будущему времени. Въ 1788 году, староства обложены были платежомъ въ казну половины доходовъ; но ни прежде, ни послѣ старосты не платили въ казну столько, сколько съ нихъ слѣдовало. Встарину, когда они обязаны были давать четвертую часть (кварту), то на самомъ дѣлѣ давали десятую и даже двадцатую. Тоже было и послѣ назначенія брать съ нихъ половину.

Въ засѣданіи 8-го ноября Коллонтай доказывалъ, что свободный народъ не долженъ имѣть никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ происходящихъ изъ общественной складки, и никакихъ земель, принадлежащихъ не лицамъ, а цѣлому государству. По его мнѣнію, слѣдовало всѣ королевщины продать съ публичнаго торга въ частную потомственную собственность, но такъ, чтобы люди

небогатые могли быть участниками покупки, поэтому раздѣлить староства на мелкіе участки. По проекту Основскаго, слѣдовало удовлетворить прежнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ половиною доходовъ и выплатить имъ то, что они истратили на улучшеніе имѣній. Враждебные проекту члены думали запутать дѣло и склонить на свою сторону короля; съ этой цѣлью Четвертинскій потребовалъ, чтобы были пущены въ продажу и королевскія экономіи; но тутъ король блеснулъ своимъ безкорыстіемъ, объявилъ, что онъ отъ нихъ отказывается, но замѣтилъ, что слѣдуетъ ихъ сохранить для будущаго короля. Скаршевскій, епископъ холмскій, совѣтовалъ оставить староства въ пожизненномъ пользованіи у настоящихъ владѣльцевъ, а по смерти ихъ продать на пятьдесятъ лѣтъ въ пользованіе. «Староства — достояніе цѣлой націи, надобно спросить объ этомъ цѣлый народъ», сказалъ люблинскій посолъ Гриневецкій. «Продажа старостъ — сказалъ волынскій посолъ Свѣнтославскій, — потребуетъ много времени для описи и для измѣренія. Нужно по крайней мѣрѣ лѣтъ пять, нужны сверхъ того большія издержки, а это увеличитъ дефицитъ казны. Будемъ искать другихъ средствъ поправить финансы». Вопросъ о староствахъ былъ остановленъ. Десять дней послѣ того толковали о другихъ средствахъ поправить финансы и ни до чего не додумались.

18-го октября принялись снова за староства. Епископъ Коссаковскій гремѣлъ противъ проекта и называлъ продажу дѣломъ вреднымъ и противнымъ человѣколюбію. Краковскій посолъ Дембинскій защищалъ продажу и сказалъ: «Нѣкогда Демосѳенъ говорилъ аѳинянамъ: «я думалъ что казна истощена въ Аѳинахъ; нѣтъ, истощился жаръ, деньги пошли на зрѣлища и забавы, а не на спасеніе отечества» и съ нами тоже будетъ, теперь грозятъ намъ Филиппы, а скоро явятся Александры. Отъ вѣка вѣковъ судьба униженныхъ государствъ одинакова, но мы не пользуемся чужими примѣрами». Послѣ многихъ толковъ, Игнатій Потоцкій просилъ короля заявить свое мнѣніе, но Станиславъ Августъ, распространившись о своемъ доброжелательствѣ отечеству, уклонялся отъ рѣшительнаго голоса и только назначилъ отъ себя уполномоченныхъ въ конституціонную депутацію для занятій этимъ предметомъ.

24-го ноября, кіевскій воевода Протъ Потоцкій доказывалъ, что большая часть инструкцій, данныхъ на сеймикахъ, выражаетъ народное желаніе продажи старостъ, а для удобнѣйшаго хода операціи предлагалъ открыть банкъ, вызываясь на это со своими услугами. У него уже былъ основанъ свой банкъ. Потомъ предлагались разные способы не допустить до злоупотребленій чиновниковъ, которымъ поручится размежеваніе и опись королевщинъ.

Желая какъ-нибудь оттянуть вопросъ, противники стали-было толковать о разграниченіи имѣній вообще, но пинскій посолъ Бутримовичъ сказалъ: «Всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстно неудовлетворительное состояніе казны и мы не можемъ обращаться къ другимъ предметамъ. Конституціонная депутація не успѣла еще составить проекта; пусть она кончаетъ свой трудъ, а мы не станемъ входить въ постороннія разсужденія, прерывая вопросъ о королевщинахъ».

5-го декабря маршалъ объявилъ, что проектъ готовъ и секретарь его прочелъ; тогда примасъ, королевскій братъ, сказалъ: «если мы допустимъ теперь продажу королевщинъ, находящихся въ частномъ владѣніи, кто поручится, что впослѣдствіи намъ не скажутъ: нужда заставляетъ продавать и ваши наслѣдственныя имѣнія? Этотъ проектъ я считаю просто махинаціею для возбужденія безпорядка».—«Законъ долженъ обезпечивать собственность владѣнія—сказалъ троцкій посолъ Сивицкій—пусть мнѣ представятъ побужденія, которыя приводятъ къ отнятію владѣній у привилегированныхъ особъ; я, можетъ быть, похвалю побужденія, а слѣдствіе все-таки назову насиліемъ. Представьте себѣ судьбу несчастныхъ обывателей, у которыхъ единое прибѣжище въ королевщинахъ, куда они дѣнутся съ рухлядью, скотомъ, имуществомъ? Нельзя рѣшить продажи имуществъ Рѣчи-Посполитой безъ воли народа; говорятъ, большинство инструкцій за продажу: желаю знать, какъ велико это большинство. Но если и такъ, все-таки нельзя продавать королевщинъ иначе, какъ по прекращеніи пожизненныхъ правъ настоящихъ владѣльцевъ». Такія рѣчи заставили отложить вопросъ на нѣсколько дней. Его возобновили 9-го декабря.

Въ этотъ день епископъ Скаршевскій, бывшій въ числѣ уполномоченныхъ отъ короля въ конституціонную депутацію, объявилъ, что король чрезъ него ходатайствуетъ о томъ, чтобъ настоящимъ владѣтелямъ старостьъ было сохранено ихъ пожизненное пользованіе и, сверхъ того, чтобы для обезпеченія крестьянъ предоставлено было королю право покровительства надъ ними. Это значило, что король высказывался противъ продажи. Начались рѣчи. Вдругъ подольскій посолъ Мержеевскій началъ кричать вообще противъ событія 3 мая. Это сдѣлало всеобщую суматоху въ Избѣ. Дѣло о староствахъ пріостановилось, чего Мержеевскому и другимъ было нужно. Хотѣли возобновить пренія, тогда противники начали подавать разные проекты, совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу, и засѣданіе прошло по пустому.

12 декабря вопросъ выступилъ снова на сцену. Тогда защитники status quo прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ сбить

Избу съ прямой дороги къ цѣли. «Я соглашаюсь на продажу—сказалъ князь Яблоновскій—но прежде нужно сдѣлать предварительныя работы размежеванія, чтобъ Рѣчь-Посполитая не потеряла ни одного морга земли, чтобъ королевщины были разбиты на участки, пригодные къ хозяйству; а безъ этихъ условій несогласенъ и пристаю къ примасу». Другіе пустились въ толки о недостаткѣ денегъ для покупки, о мѣрахъ для облегченія взноса и пр. Всѣ такія замѣчанія слѣдовало конституціонной депутаціи принять къ разсмотрѣнію. Дѣло опять затянулось.

15 декабря, въ засѣданіи король говорилъ длинную рѣчь съ увѣреніями въ своемъ безкорыстіи и безпристрастіи. Онъ увѣрялъ, что желаетъ, наравнѣ съ другими, чтобы самое названіе староствъ исчезло, но хочетъ, чтобъ это совершилось безъ возбужденія вражды между согражданами; онъ припомнилъ кровавую одежду Іосифа прекраснаго, себя самого сравнилъ съ Іаковомъ и пришелъ къ тому, что лучше всего приступить къ продажѣ староствъ по кончинѣ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, а если уже непремѣнно хотятъ продавать староства при ихъ жизни, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти имѣнія будутъ оцѣнены сколько возможно дороже. «Распространяютъ обо мнѣ ложные слухи—сказалъ король—будто я хочу освободить хлоповъ въ староствахъ. Я считаю освобожденіе хлоповъ вообще дѣломъ вреднымъ и доказалъ это универсаломъ, повтореннымъ два раза въ настоящемъ году. Я держусь правила: suum cuique; пусть хлопъ работаетъ и платитъ, что слѣдуетъ, а панъ пусть не требуетъ отъ него больше того, сколько нужно.»

За королевскою рѣчью разомъ подано было нѣсколько проектовъ; всѣ они клонились, хотя подъ разными предлогами, къ тому, чтобы не допустить немедленной продажи королевщины. «Я вижу—сказалъ Игнатій Потоцкій—что на сеймѣ господствуютъ два мнѣнія: одно – продать королевщины немедленно; другое—продать ихъ послѣ смерти настоящихъ владѣльцевъ; пусть изготовятъ два проекта въ томъ и другомъ смыслѣ.» На это послѣдовало отъ нѣкоторыхъ пословъ возраженіе; другіе ухватились за проектъ Потоцкаго и пытались его провести. Засѣданіе въ этотъ день ничѣмъ не кончилось.

19-го декабря, засѣданіе длилось до половины четвертаго утра другого дня. Послѣ многихъ споровъ согласились на предложеніе маршала Малаховскаго, согласно предложенію Игнатія Потоцкаго, подать къ баллотировкѣ два проекта: одинъ, составленный краковскимъ посломъ Солтыкомъ, другой составленный Яссинскимъ и Сокольницкимъ; 105 голосовъ было за первый, 93 противныхъ. Путешественникъ, знающій закулисныя

тайны тогдашней варшавской жизни [1]), объясняетъ, какимъ образомъ было пріобрѣтено это большинство. Одинъ магнатъ, который не высказалъ никакого мнѣнія объ этомъ вопросѣ, пригласилъ на Волю многочисленныхъ гостей завтракать (на устрицы). Въ числѣ приглашенныхъ было человѣкъ 20 пословъ, самыхъ задорныхъ противниковъ продажи староствъ. Показали видъ, что въ этотъ день въ Избѣ не будутъ касаться вопроса о староствахъ. Пиръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Тѣмъ временемъ маршалъ Малаховскій въ засѣданіи объявилъ, что проектъ о другомъ предметѣ, о которомъ слѣдовало разсуждать, въ этотъ день не готовъ и предложилъ разсуждать о староствахъ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ коноводовъ противной партіи, составилось большинство въ пользу продажи.

Такимъ образомъ рѣшено продать староства и всѣ королевщины съ публичнаго торга, въ потомственное владѣніе, съ обезпеченіемъ пожизненникамъ половины доходовъ, а владѣвшимъ подъ другими условіями меньшаго количества (экспектантамъ полторы четверти, а эмфитеутамъ осьмой части доходовъ). Для приведенія королевщинъ въ порядокъ къ продажѣ, назначались люстраторы, изъ которыхъ часть будетъ выбрана сеймомъ, а другая назначена скарбовою коммиссіею. Тѣ королевщины, которыя опишутся люстраторами, будутъ немедленно подвергнуты продажѣ, за ними другія и т. д., въ теченіи пятидесяти лѣтъ, наблюдая однако, чтобы слишкомъ большое число предназначенныхъ разомъ къ публичной продажѣ имѣній не уменьшило цѣнности земли, сохранялись права тѣхъ, которые давали деньги подъ залогъ королевщинъ. Чтобы не отягощать залогами наслѣдственныхъ имѣній для пріобрѣтенія капиталовъ, дозволялось покупщикамъ королевщинъ съ публичнаго торга вносить пятую часть стоимости, и это будетъ ручательствомъ постояннаго платежа или вѣчнаго процента въ казну. Половина суммы, составленной изъ пятой части стоимости проданныхъ королевщинъ, выдается прежнимъ пожизненнымъ поссессорамъ по ихъ желанію подъ вѣрный залогъ, но по смерти ихъ она должна быть возвращена въ казну. Послѣдніе, сверхъ того, получаютъ изъ вѣчнаго процента, платимаго покупщиками королевщинъ, опредѣленную часть; полученіе это происходитъ въ той гражданско-военной коммиссіи, въ вѣдомости которой по мѣстоположенію находится королевщина. Въ случаѣ, если прежній владѣлецъ не можетъ представить достаточнаго залога для полученія взаймы пятой части стоимости купленной королев-

[1]) Voyage d'un Livonien, 281 стр.

щины, или не захочетъ принимать ее, то ему предоставляется вмѣсто того пожизненно получать изъ казны пять процентовъ ежегодно. Внесенную пятую часть стоимости купленной королевщины покупщикъ терялъ безвозвратно, если бы не заплатилъ въ казну слѣдуемаго съ него вѣчнаго процента, хотя бы въ одинъ только изъ четырехъ сроковъ въ годъ; причемъ онъ непремѣнно обязанъ былъ вносить этотъ вѣчный процентъ не иначе, какъ наличною монетою, по ходячему въ краѣ курсу.

Такъ совершилось это дѣло, которое повело бы къ важнымъ перемѣнамъ въ общественной жизни Польши, если бы удержалось.

Въ январѣ 1792 года, рѣшенъ былъ законъ объ устройствѣ земянскихъ судовъ, заступавшихъ мѣсто бывшихъ земскихъ и гродскихъ. Постановленъ законъ объ избираемости всѣхъ судей. До сихъ поръ, только члены трибунала выбирались на время; въ земскихъ и гродскихъ судахъ званіе судей было пожизненное и почти вездѣ достигалось по markoзнямъ и по протекціи сильныхъ пановъ; теперь, судьи въ земянскихъ судахъ выбирались на четыре года. Послѣ организаціи земскихъ судовъ Изба занялась устроеніемъ трибуналовъ. По этому поводу возникъ споръ о томъ, быть ли одному трибуналу или двумъ. Тогда случилось оригинальное явленіе: когда подавались голоса громко, то утвердительныхъ было 62, отрицательныхъ 28, а въ секретной подачѣ оказалось утвердительныхъ 43, отрицательныхъ 45. Малое число членовъ на сеймѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое должно было находиться, побудило непріятеля реформъ, князя Четвертинскаго, замѣтить: «Уставъ судебный касается цѣлаго народа; онъ требуетъ особаго вниманія, а я, вмѣсто пятидесяти пословъ изъ русскихъ воеводствъ, не вижу здѣсь и десятка; кто же осмѣлится для этихъ воеводствъ установлять законы». Проектъ о трибуналахъ прошелъ однако 19-го января единогласно. Оставлено по прежнему два трибунала: коронный и литовскій; первый отправлялъ свои занятія попеременно для Великой Польши въ Піотрковѣ, а для Малой въ Люблинѣ. Трибуналы состояли изъ депутатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ ежегодно на сеймикахъ; духовные были отъ капитуловъ, свѣтскіе отъ воеводствъ по два члена. Трибуналъ по гражданскимъ дѣламъ раздѣлялся на двѣ Избы: правную (гдѣ разбиралось приложеніе законовъ) и учинковую (гдѣ разбирались поступки подлежащіе гражданскому суду). Для дѣлъ уголовныхъ обѣ Избы сходились въ одну. Предсѣдательствовалъ въ трибуналѣ президентъ, избранный изъ среды депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ или большинствомъ трехъ четвертей. Въ случаѣ равенства, рѣшалъ жребій—его вынималъ пяти-лѣтній ребенокъ. Установлены были строгія правила въ предупрежденіе лѣности

депутатовъ. За каждый часъ, пропущенный депутатомъ на службѣ, безъ законныхъ причинъ, дѣлался вычетъ изъ жалованья. (Свѣтскіе получали 10,000 злотыхъ въ годъ, духовные служили безплатно).

VIII.

Дѣло о Щенсномъ Потоцкомъ и Ржевускомъ. — Ихъ осужденіе. — Отъѣздъ Браницкаго.

Послѣдніе дни января были посвящены обсужденію поступковъ Щенснаго Потоцкаго и Северина Ржевускаго, которые за границей заявляли свои протестаціи противъ конституціи.

Долго патріоты почти не придавали этому значенія. Малаховскій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ либо; мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придушить мятежниковъ; есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла.»

Такъ себя утѣшали и ободряли поляки. Дѣйствительно, Ржевускаго, Сухоржевскаго и даже Щенснаго Потоцкаго поляки могли не бояться. Но эти лица и всѣ имъ подобныя были давно уже орудіями политики, заранѣе рѣшившей судьбу Польши. Въ іюлѣ 1791 года, Екатерина писала Потемкину: «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни мало нѣтъ сомнѣнія и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабденнаго». Екатерина указывала на причины, которыя заставляли ее враждебно относиться къ польскимъ преобразованіямъ. «Рѣшаясь на крайнія мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство торжественными договорами утвержденное на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ, когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія въ войнѣ нашей съ турками, когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго и когда

самъ ихъ король, рукою нашею возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство сей толико вредной перемѣны». О сношеніяхъ поляковъ съ Пруссіею, имѣвшихъ враждебныя цѣли по отношенію къ Россіи, императрица не распространяется, замѣчая, что «благоразуміе конечно востребуетъ уважать дворъ Берлинскій и колико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ».

Уже въ то время, когда писала Екатерина, Щенсный Потоцкій подалъ Потемкину записку о планѣ составить конфедерацію противъ конституціи 3 мая и просилъ покровительства и помощи русской императрицы. Насчетъ этого Екатерина выразилась: «установленіе конференціи вольныхъ, которая уже представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все, что въ Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходимо». Но Екатерина совѣтовала дѣлать это прежде, чѣмъ войска русскія могутъ войти въ Польшу. «Это—выражалась она—было бы приличнѣе, и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ ручательствомъ нашимъ обнадеженной и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи....... Надобно, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей и прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ вольной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи». Но Екатерина не показывала желанія стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи. Въ томъ же письмѣ къ Потемкину она говоритъ: «Что касается до образа правленія ихъ республики, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ: федеративное ли правительство учредить или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ постановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами». Ясно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но не желала собственно уничтоженія Польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что неминуемо должно было случиться: «Трудно—писала она—угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или

же, въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ: тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніе ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что какое бы ни было ея дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ [1])».

Самъ Потемкинъ лично, хотя и не расположенъ былъ къ перемѣнѣ 3 мая, но имѣлъ нѣкоторые свои затаенные планы. Потемкинъ былъ еще болѣе врагъ раздѣла Польши, чѣмъ новой конституціи. Потемкину Польша была нужна: не даромъ онъ себѣ подбиралъ тамъ пріязненную партію, не даромъ накупилъ себѣ тамъ имѣній. Онъ зналъ, что если Екатеринѣ суждено умереть прежде него, то ему нельзя будетъ оставаться въ Россіи при Павлѣ, и тутъ-то пригодилась бы ему Польша. Пока еще этого не случилось, онъ подавалъ дружескую руку врагамъ конституціи, и въ глаза друзьямъ ея смѣялся надъ усиліями прогрессистовъ, зная напередъ, что, такъ или иначе, изъ ихъ предпріятій ничего не выйдетъ. Огинскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что лѣтомъ 1791 года онъ встрѣтился съ Потемкинымъ въ Могилевѣ и представился ему. Вообще удаляясь отъ разговоровъ о совершившихся въ Польшѣ событіяхъ, Потемкинъ не утерпѣлъ, чтобы не подсмѣяться надъ польскими надеждами. Вспомнивъ о польскомъ художникѣ Смуглевичѣ, получившемъ въ Римѣ премію за свои произведенія, онъ сказалъ: «вотъ прекрасный сюжетъ для Смуглевича: написать картину, изображающую учрежденіе конституціи 3 мая; только пусть по всей картинѣ разрисуетъ цвѣты, которые по-нѣмецки называются Vergiess mein nicht... Вы меня понимаете?» прибавилъ онъ съ улыбкою.

Въ октябрѣ Потемкинъ скончался. Польскіе патріоты въ ту пору считали его главнымъ врагомъ своимъ, потому что онъ давалъ пріютъ и надежды врагамъ конституціи, они радовались, что теперь имъ будетъ свободнѣе; самъ король надѣялся, что планы Щенснаго Потоцкаго и Ржевускаго будутъ лишены сильной подпоры; но смерть Потемкина не остановила помощи полякамъ-противникамъ конституціи, которую покойный обѣщалъ; она выдвинула въ Россіи людей, гораздо болѣе самого Потемкина непріязненныхъ конституціи 3-го мая и готовыхъ стереть съ лица

---

[1]) Русскій Архивъ 1865 года, № 1, стр. 78—86.

земли Рѣчь-Посполитую. Впрочемъ, все зависѣло отъ Екатерины и какіе бы то ни были у ней любимцы и государственные люди — всѣ они вели бы, хотя и съ различными пріемами, польское дѣло къ одной цѣли, предназначенной Екатериною.

Для Польши оставалось выбрать что-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или лишиться своего государственнаго существованія и подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 года польскіе политики воображали, что они избавились перваго, и перестали бояться другого. Ихъ самолюбіе вознесено было оттого, что знаменитый въ то время англійскій ораторъ Бёркъ съ похвалою отозвался о конституціи 3-го мая. Англичанинъ говорилъ правду, потому что зналъ ее только на бумагѣ, а польскаго общества, для котораго она написана, не зналъ. Среди упоенія, произведеннаго отзывомъ такой знаменитости, польскіе патріоты заранѣе предвидѣли неудачу своихъ противниковъ.

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный Щенсному Потоцкому и Ржевускому для явки и произнесенія присяги на вѣрность конституціи, прошелъ и въ засѣданіи 27-го января король объявилъ, что Щенсный Потоцкій и Ржевускій не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты. Письма ихъ были прочитаны. Потоцкій отвѣчалъ такъ: «Посолъ имѣлъ до сихъ поръ священный характеръ и никогда исполнительная власть не могла его принудить къ присягѣ, но, по ниспроверженіи свободы, видно, можно уже его принуждать и навязывать присягу, хотя бы противную достоинству законодателя. Не вижу, такимъ образомъ, никакого средства защищаться и долженъ сознаться, что не могу присягнуть святотатственно и обѣщать Богу то, на что мое сердце не соглашается. Могу сказать, что не нарушалъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ не считаю конституціи 3-го мая. Богъ видитъ, что, по приказанію коммиссіи, я всегда готовъ былъ проливать кровь свою за привилегіи предковъ, но я теперь не хочу отречься отъ свободы, въ которой рожденъ и которую поклялся охранять кровью и жизнью, не хочу поддерживать той конституціи, которая отнимаетъ у отечества вольность и устанавливаетъ самовластіе. Если въ этомъ мое преступленіе, то я не перестану быть преступникомъ и моя первая вѣрность Рѣчи-Посполитой не можетъ быть уничтожена никакимъ насиліемъ: ей посвящаю и мой санъ, и имѣніе, и жизнь. Судите такого соотечественника, если сердце ваше дозволяетъ судить его; карайте, лишите военнаго чина, я снесу даже личное оскорбленіе, все ради отечества, которое было прежде республикою и могло оставаться ею благополучно».

Отвѣтъ Ржевускаго былъ длиненъ и рѣзокъ; польный гетманъ доказывалъ, что онъ совсѣмъ не нуженъ въ Варшавѣ: время предсѣдательства его въ военной коммиссіи прошло; быть на сеймѣ въ качествѣ военнаго министра онъ не считаетъ умѣстнымъ: во первыхъ, потому, что послѣ происшествія 3-го мая министръ уже ничего не значитъ; совѣта отъ него ожидать нечего, потому что его совѣта не послушаютъ; а присяги на вѣрность конституціи нельзя требовать потому, что свободный обыватель не обязанъ признавать добрымъ законъ, который, по его убѣжденію, не хорошъ. «Что это за конституція?—писалъ онъ—ее насильно дали Польшѣ уланы, коронная гвардія и варшавское мѣщанство, собранное въ Избу, заглушавшее свободный голосъ пословъ, угрожавшее смертью тому, кто осмѣлится говорить противъ нея. Эта конституція установлена десятою частью народа мимо девяти частей. Впрочемъ, зачѣмъ требовать присяги: если конституція полезна, то и присяга ей не нужна; народъ, зная свое благополучіе, приметъ ее и станетъ соблюдать, а если она вредна, то гражданинъ, или воинъ присягнетъ только изъ страха или по обману: и то и другое не составляетъ значенія присяги. Ваше величество изволили же присягать при вступленіи на престолъ, что не будете думать о наслѣдственномъ правленіи; если бы вы тогда не присягали въ этомъ смыслѣ, то не получили бы короны. Установленіе наслѣдственнаго и самодержавнаго правленія повлечетъ за собою раздѣлъ Польши. Сосѣднія державы не потерпятъ возникающаго у своихъ границъ государства съ такимъ правленіемъ и какъ только не найдутъ средства отвратить переворота, то приступятъ къ раздѣлу. Наслѣдственность есть гробъ Польши».

Открылось засѣданіе одно изъ бурныхъ. Нѣмцевичъ говорилъ:

«Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій находятся въ Яссахъ въ московскомъ станѣ. Первый — потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству; второй—сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкѣвичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ прибѣжищемъ. Вы къ нимъ посылали курьеровъ, вы говорили съ ними не такъ, какъ съ подчиненными лицами, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула ли ихъ ваша кротость, наияснѣйшіе чины? Нѣтъ, отвѣтъ Ржевускаго наглъ и лживъ. Они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы: это была ихъ свобода, а не наша, свобода вельможъ, а не цѣлаго народа. Имъ

жаль безкоролевія, потому что безъ него уже нельзя будетъ, путемъ разоренія страны, достигать почестей и богатствъ; имъ не нравится устроеніе сеймиковъ, потому что нельзя туда вести тысячами чиншовую шляхту, чтобъ не дать ходу добродѣтельнымъ, заслуженнымъ, но слабѣйшимъ гражданамъ; имъ досадно, что нельзя уже окружать надворнымъ войскомъ и пушками трибуны, срывать сеймы, подбирать партіи и установлять законы, возмущать страну иностранными интригами; занявши должности съ огромнымъ жалованьемъ, не исполнять своихъ обязанностей, шататься по странѣ и драться между собою, не слушая ни закона, ни власти. Вотъ какой старопольскій порядокъ они хотятъ возвратить; но мы до этого не допустимъ: кто захочетъ ниспровергнуть нашу конституцію, тотъ пройдетъ прежде по трупамъ нашимъ; древняя безладица мила надменнымъ людямъ, но всѣмъ стала ненавистна; въ настоящемъ порядкѣ всѣ классы видятъ свое счастье и безопасность... Эти паны смѣютъ ругаться надъ законными дѣйствіями сейма! Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары: преступленіе явно; защищать преступниковъ невозможно. Этого требуетъ правосудіе, ваше достоинство и благо страны. Иначе, поступокъ Потоцкаго и Ржевускаго дастъ смѣлость другимъ; если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ, или маіоръ, на приказаніе военной коммиссіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ въ два листа диссертацію о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончитъ ее заявленіями, что наше правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши, чѣмъ такая конституція и т. п. Тогда порвутся всѣ связи общества, всѣ станутъ повелѣвать и никто не станетъ повиноваться. Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго. Что̀ васъ удерживаетъ? Неужели то, что у преступниковъ есть милліоны. До какихъ же поръ будутъ существовать въ Польшѣ эти привилегированные роды, которымъ все позволено дѣлать безнаказанно. Пора низвергнуть этихъ истукановъ и на ихъ мѣсто поставить божество равенства и свободы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подалъ проектъ закона о лишеніи Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должностей и о назначеніи новыхъ сановниковъ, вмѣсто низложенныхъ.

Примасъ, братъ короля, сознавая справедливость побужденій, руководившихъ Нѣмцевичемъ, доказывалъ, что королю приличнѣе въ этомъ случаѣ дѣйствовать милосердіемъ.

«Я буду защищать ихъ—сказалъ князь Четвертинскій.—Потоцкій и Ржевускій не мятежники и не измѣнники, они только просятъ, чтобы ихъ не принуждали къ присягѣ, которую не

могутъ произнести по совѣсти. Оба, какъ служащіе въ войскѣ, ни къ чему не обязаны: войны теперь нѣтъ, притомъ зимнее время — нѣтъ надобности имъ быть при войскѣ. Они сенаторы, но вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ сенаторовъ быть непремѣнно въ сенатѣ. Потоцкій не послушался предписанія войсковой коммиссіи, но вѣдь онъ прежде всего посолъ, а посолъ можетъ не явиться присягать конституціи, которую не признаетъ; право свободнаго мышленія послу обезпечиваетъ законъ. Говорятъ, что онъ сторонникъ Москвы. Что же? Москва не объявляла себя нашимъ непріятелемъ».

Другой противникъ 3-го мая, волынскій посолъ Загурскій говорилъ: «Ржевускій уѣхалъ для поправленія здоровья съ позволенія войсковой коммиссіи. Что-жъ тутъ дурного? Онъ писалъ протестацію за-границей: а что же, развѣ министръ или посолъ, выѣхавши за-границу, не имѣетъ права заявлять свое мнѣніе о благѣ отечества? Имъ обоимъ ставятъ въ вину, что они уѣхали въ Яссы. Что же? Потоцкій—для разговора съ покойнымъ княземъ Потемкинымъ о покупкѣ имѣнія, а Ржевускій такъ, съ нимъ—для компаніи».

Ливскій посолъ Кицинскій, сторонникъ проекта Нѣмцевича, представлялъ на видъ неравенство, по отношенію къ простымъ дворянамъ и знатнымъ родамъ. «За что — говорилъ онъ — гетманъ Ржевускій получилъ въ наслѣдственное владѣніе ковельское староство. За то, что пять лѣтъ сидѣлъ въ неволѣ? А развѣ тысячи поляковъ не были въ неволѣ? Сто другихъ погніютъ въ кандалахъ, а имъ не дадутъ ковельскаго староства. А за то, пусть шляхтичъ сдѣлаетъ преступленіе: съ него голову снимутъ, или въ тюрьмѣ пропадетъ; имѣніе у него все конфискуютъ; а пану будетъ ли тоже что шляхтичу? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Церемонились ли бы вы такъ съ генераломъ Костюшкою, или съ Орловскимъ, если бы эти добродѣтельные и достойные люди оказали непослушаніе начальству? Можетъ ли убогій шляхтичъ ожидать правосудія въ судѣ съ нашими магнатами, когда верховная власть, за нанесенное ей оскорбленіе, не въ силахъ имъ ничего сдѣлать?»

Казимиръ-Несторъ Сапѣга, самъ важный панъ, не смѣлъ рѣзко ополчаться противъ могучихъ пановъ; онъ говорилъ длинную рѣчь, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ и, по обыкновенію, не сказалъ ничего положительнаго и яснаго, а распространялся только надъ тѣмъ, что Боркъ хвалилъ польскую конституцію, особенно за то, что при ея обнародованіи не было ни грабежей, ни конфискацій, ни арестовъ.

Говорилъ рѣчи король, склоняя сеймъ выбрать не слишкомъ строгій путь.

Краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ—назначить еще мѣсяцъ сроку эмигрантамъ для возвращенія въ отечество.

При явномъ собираніи голосовъ, за проектомъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектомъ Солтыка 59; при секретной же подачѣ оказалось за Нѣмцевичемъ 51, за Солтыкомъ 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенсный Потоцкій и Ржевускій объявлены лишенными своихъ должностей.

Послѣ этого засѣданія сеймъ закрылся до 15 марта. Отдыхъ былъ необходимъ, потому что послы до того утомились, что въ иное засѣданіе приходило не болѣе 60 человѣкъ.

Гетманъ Браницкій долго притворялся ревностнымъ сторонникомъ 3-го мая, тайно толкуя съ Булгаковымъ о способахъ ниспровергнуть конституцію. Когда, по его соображеніямъ, дѣло значительно созрѣло, онъ сталъ проситься въ Россію. Смерть Потемкина послужила ему предлогомъ: онъ говорилъ, что ему нужно получить тамъ наслѣдство. Его не пускали; но Булгаковъ представлялъ примасу и Хребтовичу, что императрица будетъ считать это для себя оскорбленіемъ, а у ней 200,000 готоваго войска. Браницкій, во время преній о Потоцкомъ и Ржевускомъ, порицалъ ихъ, величалъ конституцію и съ жаромъ говорилъ о своей преданности отечеству. По закрытіи сейма онъ, при покровительствѣ Булгакова, былъ отпущенъ въ Петербургъ на три мѣсяца. Письмо къ королю объ отпускѣ достойно замѣчанія; оно вѣрно обрисовываетъ личность писавшаго:

«Милостивый король! Между рѣдкими качествами, которыми надѣлило васъ Провидѣніе, столько, сколько человѣкъ вмѣстить можетъ, первое мѣсто занимаетъ сердечная доброта и великодушіе. Желая видѣть страну счастливою, вашему величеству конечно пріятно даровать счастіе и каждому обывателю. Недозволеніе ѣхать въ Россію я могу только приписать недовѣрію и, будучи невиненъ, не могу себѣ этого объяснить. Ваше величество имѣли много доказательствъ моей вѣрности въ продолженіи моей жизни, а по отношенію къ конституціи—самое бо́льшее доказательство есть то, что я присяжный министръ въ Стражѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что мое путешествіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пользы моихъ дѣтей и я возвращусь въ отечество съ незапятнанной вѣрностью».

Съ него взяли подписку въ вѣрности конституціи 3-го мая. Въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ губить эту конституцію.

Н. Костомаровъ.

Г-ЖА КРЮДНЕРЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Имя баронессы Крюднеръ довольно извѣстно всѣмъ, кто знакомъ съ исторіей царствованія императора Александра. Эта личность играетъ характеристическую роль именно въ тотъ критическій періодъ времени, когда въ идеяхъ императора, а затѣмъ и въ характерѣ его дѣятельности и правленія совершился переломъ, довольно рѣзко раздѣлившій двѣ половины царствованія двумя различными направленіями. Именно въ это время баронесса Крюднеръ пользовалась вниманіемъ императора, и оказала на него извѣстное вліяніе, любопытное въ историческомъ смыслѣ. Мы не хотимъ преувеличивать этого вліянія, — хотя одно время оно выражалось очень рельефно и рѣзко, — мы склонны скорѣе считать явленіе г-жи Крюднеръ случайностью, которая могла бы отсутствовать, не измѣнивъ хода вещей, могла бы быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ подобнымъ; но во всякомъ случаѣ, въ этой личности и въ ея отношеніи къ событіямъ весьма ясно сказался историческій духъ времени, такъ что въ ней мы имѣемъ наглядный образчикъ мистическихъ тенденцій эпохи.

Несмотря на этотъ интересъ исторіи г-жи Крюднеръ, въ русской литературѣ до сихъ поръ очень мало извѣстны подробности ея біографіи; мы желали бы въ настоящемъ случаѣ восполнить этотъ недостатокъ по тѣмъ матеріаламъ, какихъ значительное количество уже извѣстно въ литературѣ иностранной. Книга Эйнара [1]) представляетъ наиболѣе біографическихъ свѣдѣній о г-жѣ Крюднеръ, и несмотря на свою тенденцію, можетъ служить важнымъ источникомъ. Предположивъ написать біографію

---

[1]) Vie de madame de Krudener, par Charles Eynard, 2 vol. Paris, 1849.

г-жи Крюднеръ, Эйнаръ старательно собиралъ свѣдѣнія въ книгахъ, журналахъ, вступалъ въ сношенія съ лицами, которыя знали г-жу Крюднеръ и были ея друзьями, собиралъ ея переписку и т. д., и благодаря этому могъ во многихъ случаяхъ указывать неточности или положительныя ошибки прежнихъ ея біографовъ. Для исторіи религіознаго развитія г-жи Крюднеръ, составляющаго для насъ главный интересъ ея біографіи, книга Эйнара даетъ тѣмъ болѣе любопытныя данныя, что самъ авторъ вполнѣ сочувствуетъ идеямъ своей героини, и хотя иногда указываетъ въ ея дѣяніяхъ нѣкоторыя ошибки, но вообще является самымъ ревностнымъ ея апологистомъ. Такимъ образомъ, мы можемъ вполнѣ найти здѣсь *одну* сторону дѣла—изображеніе и защиту г-жи Крюднеръ въ смыслѣ ея поклонниковъ. Если мы прибавимъ, что книга Эйнара посвящена г-дамъ де-*Фаллу* (извѣстному другу г-жи Свѣчиной, и благочестивому католическому писателю) и Рессегье, это еще объяснитъ точку зрѣнія Эйнара. — Но отдѣливъ это исключительное освѣщеніе, мы встрѣтимъ въ книгѣ Эйнара много любопытныхъ данныхъ: собранныя имъ черты доставятъ довольно матеріала для характеристики г-жи Крюднеръ, хотя эта характеристика въ концѣ концовъ не совсѣмъ будетъ соотвѣтствовать планамъ ея панегириста. Къ фактамъ, сообщаемымъ у Эйнара, мы присоединимъ свѣдѣнія, доставляемыя нѣкоторыми другими источниками—разсказами ея современниковъ и ея собственными писаніями [1]).

I.

Молодость г-жи Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ была урожденная Фитингофъ. Эта извѣстная остзейская фамилія доставила въ XIV—XV столѣтіи двухъ гроссмейстеровъ тевтонскому ордену, но потомъ пришла въ упадокъ и поднялась снова уже въ XVIII столѣтіи, когда одинъ изъ ея представителей, именно отецъ г-жи Крюднеръ, человѣкъ съ большой практической энергіей, пріобрѣлъ обширное состояніе промышленными предпріятіями. Онъ имѣлъ домъ въ Петербургѣ, богатый домъ въ Ригѣ, гдѣ у него былъ свой театръ, который

[1]) Указаніе сочиненій г-жи Крюднеръ и того, что было писано о ней въ прежнее время, см. въ Allgem. Schriftsteller- und Gelehrten Lexikon der Provinzen Livland, Esthland u. Kurland, von Recke und Napiersky. Mitau. 1827—32. II, 553—558.—Другіе матеріалы мы укажемъ дальше.

онъ продалъ потомъ городу, и много земель въ Лифляндіи; подъ конецъ онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. Фитингофъ женился на послѣдней дочери фельдмаршала Миниха; у нихъ было нѣсколько дѣтей; изъ двухъ сыновей, одинъ умеръ въ дѣтствѣ, другой былъ Борисъ Ив. Фитингофъ, впослѣдствіи одинъ изъ усердныхъ членовъ Библейскаго Общества.

Варвара-Юлія Фитингофъ, впослѣдствіи баронесса Крюднеръ, родилась 21-го ноября 1764. По обычаю, она воспитана была на свѣтскій манеръ, съ дѣтства владѣла французскимъ языкомъ, но вообще ея образованіе было очень небрежное. Въ 1777 Фитингофы отправились за границу; они прожили нѣсколько времени на водахъ въ Спа, гдѣ былъ тогда модный сборный пунктъ европейской аристократіи; молодая Фитингофъ—не очень красивая, но съ выразительной физіономіей, — тогда уже обращала на себя вниманіе какъ богатая наслѣдница. Изъ Спа на зиму Фитингофы отправились въ Парижъ. «Ливонская аристократія вообще мало интересовалась литературными талантами», замѣчаетъ біографъ г-жи Крюднеръ, и отвергаетъ извѣстіе, будто бы молодая дѣвушка уже въ это время видѣла въ домѣ отца тогдашнія французскія знаменитости, напр. Бюффона, д'Аламбера, Дидро, Гримма и испытывала ихъ вліяніе; быть можетъ, говоритъ Эйнаръ, когда-нибудь они и были приглашены, въ подражаніе модѣ салоновъ, но дѣвица Фитингофъ не извлекла отсюда ничего для своего развитія. Единственнымъ учителемъ ея былъ здѣсь знаменитый танцоръ Вестрисъ; притомъ она была еще ребенокъ. Общество Фитингофовъ состояло исключительно изъ придворной свѣтской аристократіи. Весной слѣдующаго года Фитингофы отправились въ Англію, и проживъ тамъ нѣсколько времени у своихъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ въ Спа, вернулись въ Ригу. Образованіе дѣвушки осталось на рукахъ обыкновенной француженки-гувернантки, которая учила ее хорошимъ манерамъ.

Восьмнадцати лѣтъ она вышла замужъ за барона Крюднера. Онъ былъ старше ея двадцатью годами. Получивъ прочное образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, онъ вступилъ на дипломатическое поприще, и состоялъ при Штакельбергѣ, сначала въ Испаніи, потомъ въ Варшавѣ. Проживъ нѣсколько времени въ Парижѣ, онъ завязалъ дружескія отношенія съ Руссо; теперь онъ былъ русскимъ министромъ въ Курляндіи, имѣя деликатную миссію приготовить сліяніе ея съ имперіей. Онъ уже былъ женатъ, но развелся съ первой женой, отъ которой у него осталась дочь.

Молодая Фитингофъ, кажется, вступила въ бракъ безъ особенно пылкаго чувства къ барону, но ей нравилась, конечно, перспектива блестящаго положенія въ обществѣ и жизни, обѣ-

щавшей длинный рядъ разнообразныхъ удовольствій. Баронъ Крюднеръ скоро увидѣлъ недостатки ея образованія и старался по возможности восполнить его прорѣхи—давая ей читать «избранные романы»; у нихъ устроивался домашній театръ и т. п. Первое время они жили, кажется, благополучно въ средѣ своей родни; въ началѣ 1784 у нихъ родился сынъ. Вскорѣ баронъ Крюднеръ назначенъ былъ посланникомъ въ Венецію. Жизнь въ Венеціи была опять рядомъ забавъ и удовольствій; г-жа Крюднеръ сохраняла привязанность къ мужу, достоинства котораго повидимому очень цѣнила; тѣмъ не менѣе, уже въ это время, послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ замужества, отношенія стали измѣняться. Въ ней стала обнаруживаться сильнѣе страстная натура; ея безпокойные сантиментальные порывы мало встрѣчали отвѣта въ серьезности барона Крюднера, слишкомъ занятаго заботами своего дипломатическаго положенія. Разница лѣтъ начала сказываться, и г-жа Крюднеръ охладѣвала къ мужу. Еще въ Венеціи, въ ихъ домѣ былъ дружески принятъ одинъ молодой человѣкъ, секретарь посольства; уваженіе и любовь къ барону Крюднеру сблизили его съ г-жей Крюднеръ, еще сохранявшей къ мужу нѣжную привязанность, но потомъ къ этому дружескому присоединилось болѣе нѣжное чувство со стороны молодого человѣка, который однако скрывалъ свою страсть; наконецъ когда это стало превышать его силы, онъ добровольно удалился. Мы упоминаемъ объ этомъ эпизодѣ потому, что на немъ основанъ романъ г-жи Крюднеръ «Валерія», о которомъ мы упомянемъ дальше.

Черезъ полтора года (1786) баронъ Крюднеръ былъ назначенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Его предшественникъ Скавронскій жилъ съ большою роскошью, и Крюднеру надо было поддержать этотъ блескъ, тѣмъ болѣе еще, что когда Россія объявила войну Швеціи, ему нужно было принимать каждодневно къ столу офицеровъ русскаго флота, сходившихъ на берегъ. Жизнь баронессы пошла какъ въ Венеціи въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, балахъ и домашнихъ театрахъ; не была забыта и литература: читали Мармонтеля, Бернардена де Сенъ-Пьера. Свѣтская жизнь оказывала свое дѣйствіе. «Пріобрѣтая новыя средства нравиться,—говоритъ деликатный біографъ,—увеличивая развитіемъ увлекательность своего ума, г-жа Крюднеръ нечувствительно теряла свое наивное и граціозное незнаніе (sa naïve et gracieuse ignorance). Сама того не замѣчая, она жертвовала желанію быть пріятной всѣмъ, — то, что помогло ей покорить одного», etc. Самъ ея упомянутый поклонникъ находилъ, что ея кокетство и страсть къ развлеченіямъ «не отвѣчали обязанностямъ жены и матери», и въ это-то время рѣшился удалиться. Послѣ своего отъ-

ѣзда, онъ написалъ барону Крюднеру письмо, въ которомъ высказалъ причину своего удаленія. Крюднеръ показалъ письмо женѣ: онъ думалъ, что это произведетъ на нее полезное дѣйствіе. Но онъ ошибся: она увидѣла, что потеряла въ этомъ поклонникѣ тотъ идеалъ нѣжной страсти, котораго потребность она чувствовала, и теперь стала отыскивать тотъ же идеалъ между другими. Свѣтскій шумъ началъ утомлять ее; она скучала такъ, что это отражалось на ея здоровьѣ. Рѣшено было, что она отправится въ южную Францію.

Она отправилась въ путь; съ ней были и двое ея маленькихъ дѣтей. По дорогѣ она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ. Это было именно въ 1789. Въ обществѣ носились новыя идеи, возвышенныя надежды и ожиданія, но все это кажется не произвело на г-жу Крюднеръ особеннаго впечатлѣнія.

Біографъ ея говоритъ, что парижская жизнь была новымъ фазисомъ ея развитія, что, какъ въ Венеціи заговорило ея сердце, въ Копенгагенѣ проснулось свѣтское тщеславіе, — такъ теперь въ Парижѣ началъ предъявлять свои права умъ. Но предъявленіе было покамѣстъ не велико. Она должна была замѣтить, что остается чужда интересамъ общества, въ которое теперь попала, и старалась дополнить свое литературное образованіе. Она читала «Путешествіе молодого Анахарсиса» Бартелеми, тогда только что вышедшее, и свела дружбу съ Бернарденомъ де Сенъ-Пьеромъ, который «принялъ ее съ восторгомъ въ память ея дѣда». Дѣло въ томъ, что Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ былъ въ молодости большой авантюристъ; между прочимъ, онъ искалъ счастья и въ Россіи; въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ въ русской службѣ инженеромъ подъ начальствомъ Миниха. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ привѣтствовалъ революцію съ энтузіазмомъ, который раздѣляло тогда много достойныхъ людей, настроенныхъ на идеальныя ожиданія. Мы упоминали, что въ г-жѣ Крюднеръ это не нашло отголоска; вопросы, о которыхъ шло дѣло, были слишкомъ чужды и вѣроятно даже мало понятны свѣтской женщинѣ—какъ бы она ни была умна—и у которой притомъ на первомъ планѣ стояла личная потребность въ развлеченіяхъ. Одна черта тогдашней жизни и литературы пристала къ ней, кажется, крѣпко, и въ разныхъ формахъ сохранилась потомъ на всю ея жизнь. Это — преувеличенная сантиментальность и мечтательная экзальтація, задатки которой были впрочемъ ея врожденнымъ свойствомъ. Ей воображалось тогда, что «она любитъ только простыя и естественныя удовольствія, мирныхъ друзей, ровную жизнь, любитъ только то, что любили лучшіе изъ людей, изучаетъ жизнь достойныхъ людей, чтобы подражать имъ въ собственной жизни;

любитъ только природу и себя самое—въ томъ порядкѣ, какой она установила». Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: «я ощущала потребность *быть почувствованной* (j'avais besoin d'être sentie), и среди роскоши и суетныхъ удовольствій, развлекавшихъ меня въ Копенгагенѣ, я оставалась проста и истинна, и всегда *близка къ природѣ*». Эта близкая къ природѣ женщина, оставившая Копенгагенъ также для экономіи, чтобы не держать открытаго дома, въ три мѣсяца своей жизни въ Парижѣ должна была заплатить своей модисткѣ двадцать тысячъ франковъ.

Изъ Парижа она отправилась въ южную Францію, на воды въ Пиренеяхъ; болѣзни повидимому ее оставили, потому что она весело жила въ кружкѣ нѣсколькихъ лицъ изъ французской и русской аристократіи. «Букетъ священныхъ привязанностей и суровыхъ обязанностей мало-по-малу развязался въ этой душѣ при дуновеніи испорченнаго свѣта. Чистоты мыслей уже не было здѣсь, чтобы гарантировать чистоту чувствъ, и соблазны нѣжности, очарованія лести обезоружили г-жу Крюднеръ», разсказываетъ опять галантерейный біографъ. Другими словами, въ это время у нея завязались нѣжныя отношенія съ французскимъ графомъ Фрежвиллемъ. Ей нужно было ѣхать въ Копенгагенъ, но она осталась въ Парижѣ, пока должна была покинуть его по необходимости. Произошло извѣстное бѣгство короля. Г-жа Крюднеръ была знакома съ г-жей Корфъ, которая отдала свой паспортъ для путешествія королевской семьѣ [1]), и когда король былъ остановленъ и возвращенъ въ Парижъ, г-жа Крюднеръ опасалась, что преслѣдованіе и подозрѣніе могутъ пасть и на нее. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фрежвилля потребовали въ его полкъ. Г-жа Крюднеръ выѣхала изъ Парижа, и графъ, сопровождавшій ее, эмигрировалъ переодѣвшись лакеемъ. Когда она встрѣтилась съ мужемъ, онъ былъ опечаленъ этой исторіей, но предоставилъ ей отправиться къ роднымъ въ Ригу. Фрежвилль разстался съ ней въ Берлинѣ.

Г-жа Крюднеръ, конечно, скучала; она искала утѣшенія въ религіозныхъ размышленіяхъ, въ уединеніи и развлекалась чувствительными мечтаніями. Она вознамѣрилась впредь жить для своихъ дѣтей и «украсить жизнь» своего мужа; въ тоже время въ письмахъ къ своему другу, г-жѣ Арманъ (прежней гувернанткѣ ея падчерицы), жившей въ Швейцаріи, она мечтала о томъ, какъ онѣ поселятся вмѣстѣ, въ простой сельской обстановкѣ, будутъ «трудиться какъ поселянки, дѣлать добро, съ самоотверженіемъ переносить тягости жизни, и всегда благослов-

---

[1]) Eynard, I, 48. «Р. Архивъ» напечаталъ недавно нѣкоторыя подробности объ этой г-жѣ Корфъ.

лять благодѣтельнаго Творца природы за то, что онъ имъ помилетъ» (1792).

Въ 1792 Крюднеры жили въ одно время въ Петербургѣ, но врозь; они имѣли конечно общихъ знакомыхъ. Однажды г-жа Крюднеръ услышала, что мужъ ея, дѣла котораго были разстроены, очень озабоченъ тѣмъ, чтобы возвратить ей ея приданое. На другой же день она отправилась къ нему и между ними произошло трогательное примиреніе. «Желаніе загладить свою ошибку, сожалѣніе, что она разлучена съ сыномъ (который жилъ у отца), имѣли большую долю въ рѣшеніи г-жи Крюднеръ возвратиться въ семью, но мы не удивимся, если ея *самолюбіе* находило нѣкоторое удовлетвореніе въ благородномъ порывѣ, который побудилъ ее признать свою ошибку», — такъ говоритъ даже ея почитатель. Но прежнія отношенія все-таки не могли возвратиться; г-жа Крюднеръ отказывалась появиться въ Копенгагенѣ, и дѣло ограничилось тѣмъ, что они вмѣстѣ доѣхали до Берлина и нѣсколько времени остались тамъ, затѣмъ г-жа Крюднеръ начала свою прежнюю жизнь. «Когда здоровье ея поправилось, потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ, свѣтъ и рядъ его нравственныхъ немсщей снова взяли всю свою силу надъ г-жей Крюднеръ». Она странствовала по разнымъ мѣстамъ Германіи, въ концѣ 1794 вернулась опять въ свое помѣстье въ Лифляндіи, доставшееся ей по смерти ея отца, гдѣ между прочимъ пробовала филантропію съ своими крестьянами, потомъ снова отправилась за границу, и снова забывъ свои благоразумные планы уединенной добродѣтельной жизни, вела въ Швейцаріи прежнюю свѣтскую разсѣянную жизнь, наконецъ встрѣтилась опять съ мужемъ и опять приняла благое рѣшеніе возвратиться къ домашнимъ пенатамъ. Баронъ Крюднеръ былъ тогда (около 1800) посланникомъ въ Берлинѣ.

Но она мало принесла спокойствія и пользы въ домашнюю и оффиціальную жизнь барона Крюднера. По своему положенію онъ долженъ былъ вести извѣстную открытую жизнь, и г-жа Крюднеръ прежде всего должна была бы понять это, если она сколько-нибудь хотѣла «удовлетворить требованіямъ своего положенія». Но оффиціальные пріемы и визиты, представленія ко двору наскучили ей, и она своими капризами и причудами безпрестанно ставила мужа въ самыя неловкія положенія. Въ письмахъ въ своей пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, она жалуется на свою бѣдственную жизнь: «Vous savez combien *la gêne m'est funeste*. Je regretterai toujours l'état le plus médiocre.... au brillant esclavage des cours.... J'ai eu des moments affreux et de poignants regrets d'avoir assujetti ma vie à un semblable

supplice, mais *la religion m'a sauvé;* elle a séché les larmes amères que je versais en secret: elle m'a présenté le charme secret des sacrifices pénibles» и проч. Но на дѣлѣ происходило совсѣмъ не то. «У себя дома она бывала иногда увлекательна, — разсказываетъ біографъ, — на дипломатическихъ обѣдахъ она раскрывала всю грацію своего ума. Ея оригинальный разговоръ, полный удачнымъ остроуміемъ и находчивостью, возбуждалъ общій интересъ; но едва мужъ ея усаживался за игру, она вознаграждала себя за любезность, ложилась на софу и вполнѣ отдавалась дурному расположенію духа, которое производили въ ней скучный для нея Берлинъ и его жители. Это неблагоразумное поведеніе справедливо имъ не нравилось, на нерасположеніе они отвѣчали тѣмъ же, и это не было особенно полезно для дѣлъ посольства».

Иными словами, она несносно капризничала, и ея религія, на которую она ссылалась, была совершенно плоха и ни отъ чего ее не спасала: она была избалована, и прежняя жизнь конечно мало способна была воспитать ее для «тяжкихъ жертвъ», которыми она хвалилась и которыхъ совсѣмъ не приносила.

Дурное расположеніе духа начинало усиливаться и тѣмъ, что время оказывало свое дѣйствіе на ея красоту. «Ей хотѣлось бы остаться молодой, и съ этой цѣлью она изобрѣтала моды болѣе оригинальныя и странныя чѣмъ красивыя и граціозныя, которыя всѣмъ бросались въ глаза, не нравясь никому. Не умѣя довольствоваться тѣмъ, чтобы быть доброй, умной и любезной женщиной, она искала утѣшеній въ прошедшемъ, столь исполненномъ для нея прелестью и сожалѣніями, и любила окружать себя людьми, которые могли напоминать ей это прошедшее» etc. Она все еще имѣла поклонниковъ, но потеряла уже прежнюю «простоту и тонкость вкуса», которыя отличали ее десять лѣтъ назадъ. Все это конечно не способствовало мирному расположенію духа и домашнему счастію. Но г-жѣ Крюднеръ казалось, что она чрезвычайно помогла своему мужу даже въ дипломатическихъ дѣлахъ. Въ это время баронъ Крюднеръ очутился однажды въ весьма затруднительномъ положеніи: императоръ Павелъ внезапно прислалъ ему повелѣніе объявить немедля Пруссіи войну. Повелѣніе получено было какъ разъ во время бала, который давало русское посольство и гдѣ былъ самъ король. Крюднеръ затруднился исполнить повелѣніе, совершенно противорѣчившее его собственнымъ понятіямъ о положеніи вещей, и рѣшился не исполнить его на свой рискъ — объяснивши императору всѣ свои основанія. Нѣсколько времени онъ провелъ въ мучительной неизвѣстности, пока наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга; оказалось,

что императоръ одумался; онъ остался доволенъ поступкомъ Крюднера и осыпалъ его наградами. Понятно, что баронъ Крюднеръ держалъ это дѣло въ величайшей тайнѣ, и по дипломатическимъ, и чисто личнымъ причинамъ, — онъ разсказалъ своей дочери эту исторію только по смерти Павла.

Г-жа Крюднеръ «была такъ *ослѣплена на свой счетъ* — говоритъ біографъ — что когда милости полились на ея мужа, она съ непонятнымъ тщеславіемъ воображала, что она не была чужда этому благополучію». Она писала въ это время своей пріятельницѣ: «сказать ли вамъ — въ смиреніи моего сердца, потому что, вы знаете, у меня нѣтъ гордости, и можетъ ли имѣть ее христіанинъ? — я думаю, что Богъ хотѣлъ благословить моего мужа съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась къ нему. Онъ осыпанъ всевозможными милостями и наградами. Почему не подумать, что благочестивое сердце, которое съ простодушіемъ и вѣрой проситъ небо содѣйствовать счастію другого, не достигаетъ этого?»

Г-жа Крюднеръ за это время еще далеко не была тѣмъ, чѣмъ она стала послѣ; но въ чертахъ ея характера, въ ея манерахъ, и привычкахъ отчасти уже проглядываютъ черты, крайнее развитіе которыхъ составило ея физіономію впослѣдствіи. Она уже въ это время обращается къ религіи, но эти обращенія были очень странны; ея религія слишкомъ близко стоитъ къ ея свѣтской жизни и ея домашнимъ дѣламъ: она слишкомъ легко усматриваетъ дѣйствіе молитвы въ чинахъ и орденахъ своего мужа и въ устройствѣ ея личныхъ дѣлъ. Она уже съ этого времени рекомендуетъ своей пріятельницѣ: «Ah, remerciez le Ciel de m'avoir donné de la religion», и ей кажется, что Провидѣніе въ особенности слѣдитъ за ней и именно ею интересуется.

Эта ея религія и добродѣтель не помѣшали ей опять бросить мужа, которому ея присутствіе по ея мнѣнію приносило такія благословенія неба. Она отправилась на воды въ Тёплицъ, гдѣ проводила время въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Когда сезонъ кончился, она — вмѣсто Берлина, куда ждалъ ее Крюднеръ, — отправилась въ Швейцарію: правда, она хотѣла спроситься его мнѣнія, но потомъ не нашла нужнымъ ждать его отвѣта. Она получила этотъ отвѣтъ, когда была уже въ Швейцаріи: Крюднеръ серьезно огорчался новой разлукой и не столько за себя, сколько за дѣтей, которымъ приходилось жить врозь; онъ желалъ, чтобы она прислала дѣтей въ Берлинъ; его старшую дочь (отъ первой жены) г-жа Крюднеръ увезла съ собой.

Въ Швейцаріи она проводила время въ обществѣ г-жи Сталь и имѣла нѣкоторый успѣхъ въ этомъ кружкѣ: ея свѣтская на-

ходчивость и подвижной умъ совершенно подходили къ характеру этой котеріи, гдѣ сохранялись вкусы старыхъ салоновъ прошлаго столѣтія. Г-жа Крюднеръ не могла конечно равняться съ г-жей Сталь своими литературными свѣдѣніями, которыя были гораздо ограниченнѣе; но она нашла здѣсь новый интересъ, который потомъ завелъ и ее въ литературу. Изъ Швейцаріи она переѣхала въ Парижъ. Здѣсь таже г-жа Сталь познакомила ее съ Шатобріаномъ, который сталъ частымъ ея посѣтителемъ. Шатобріанъ былъ моднымъ человѣкомъ въ то время: именно тогда появился «Духъ христіанства», произведшій такое сильное впечатлѣніе; г-жа Крюднеръ была очень польщена тѣмъ, что Шатобріанъ далъ ей первый экземпляръ своей книги, за нѣсколько дней до ея выхода въ свѣтъ.

Свѣтская жизнь продолжалась по прежнему. «Ея салонъ — разсказываетъ біографъ — часто посѣщали нѣсколько избранныхъ друзей, но часто также и свѣтскіе люди, единственной рекомендаціей которыхъ были внѣшнія качества.... Г-жа Крюднеръ, уступая влеченіямъ сердца, вновь отдалась преходящимъ удовольствіямъ свѣта. Это сердце, которое такъ часто разочаровывалось обманчивыми свѣтскими привязанностями, почувствовало, что въ немъ, изъ самыхъ обломковъ его жизни, пробуждается та потребность любить, привязаться и страдать, которую она считала утихшей», и т. д.

Въ Парижѣ она узнала о смерти барона Крюднера (въ іюнѣ 1802); она все еще собиралась выбрать время — «усладить его жизнв, облегчить бремя лѣтъ своей нѣжностью, заставить его забыть долгое одиночество, въ которомъ онъ жилъ»; по словамъ біографа, это было ея мечтой, — которую она однако не торопилась исполнить. Эта смерть должна была напомнить ей много несправедливостей и ошибокъ, ею сдѣланныхъ, — но кажется впечатлѣніе скоро изгладилось.

II.

Литературные труды. — «Валерія».

Г-жа Крюднеръ возъимѣла литературныя наклонности еще до 1800; однажды при ней хвалили извѣстныя «максимы» Ла-Рошфуко, она замѣтила, что нѣтъ ничего легче какъ составлять подобныя изреченія, и стала импровизировать ихъ. Эти «максимы» составили цѣлую тетрадь, которая и была нѣсколько разъ издана подъ заглавіемъ: «Pensées d'une Dame Etrangère» или

«Pensées inédites de Madame de Krüdener». Въ тоже время, кажется еще въ Берлинѣ, она задумала и начала писать романъ, который сталъ потомъ ея главнымъ правомъ на литературную извѣстность («Валерія»). Эти вкусы ея развились въ особенности въ то время, когда она свела знакомство съ литературными знаменитостями какъ г-жа Сталь, Шатобріанъ и др. Она ревностно принялась писать: до окончанія Валеріи она уже написала пьесы «Eliza», «Alexis и «La Cabane de Lataniers». Это были пастерали во вкусѣ Бернардена де Сенъ-Пьера, въ томъ сантиментальномъ вкусѣ, который особенно легко поддался подражанію и для котораго легкой фразы и нѣсколько воображенія стало потомъ совершенно достаточно. Нѣкоторые изъ ея друзей подшучивали надъ ея исторіями, въ которыхъ она гонялась за внѣшней эффектностью и звонкой фразой. По крайней мѣрѣ она оставила «Cabane des Lataniers» и стала отдѣлывать «Валерію».

Жизнь г-жи Крюднеръ до сихъ поръ представляла не много содержанія, и трудно было бы предполагать, чтобы она имѣла многое сказать въ тѣхъ произведеніяхъ, какія она приготовляла. Самъ пристрастный къ ней біографъ объясняетъ ея литературныя побужденія такимъ бразомъ:

«Несмотря на то, что попеченія ея доктора возвратили ей здоровье и свѣжесть, она знала, что уже не долго сохранится привлекательность молодости (ей было около 38 лѣтъ) и она хотѣла пріобрѣсти себѣ болѣе прочныя преимущества, сдѣлавши себѣ имя въ литературѣ. Съ этой цѣлью «Валерія» была подвергнута критикѣ многихъ людей со вкусомъ, была старательно пересмотрѣна и исправлена» и т. д. Такимъ образомъ, побужденіемъ ея было не внутренняя потребность высказаться, а чистое самолюбіе, желаніе какимъ-нибудь образомъ играть въ обществѣ роль, которая прежде основывалась исключительно на ея свѣтскихъ достоинствахъ, начинавшихъ теперь измѣнять ей. Мы упоминали, какъ это самолюбіе должно было еще болѣе возбуждаться въ кружкѣ литературныхъ знаменитостей, которыхъ она видѣла въ Парижѣ.

Авторское самолюбіе есть слишкомъ обыкновенная вещь, чтобы изъ него можно было сдѣлать особый упрекъ; оно можетъ соединяться съ дѣйствительнымъ талантомъ и не мѣшать глубинѣ и достоинству самыхъ произведеній; первымъ и главнымъ основаніемъ для сужденія о писателѣ все-таки должны оставаться самыя произведенія. Но въ настоящемъ случаѣ это самолюбіе дѣйствовало особенно рѣзко. Г-жа Крюднеръ была конечно убѣждена, что «у нея нѣтъ гордости» — «да и можетъ ли она быть у христіанина?» — но въ этихъ литературныхъ затѣяхъ ея са-

молюбіе принимало такіе размѣры, что его кажется нельзя не принять въ соображеніе и при оцѣнкѣ самыхъ произведеній.

Слѣдующія ниже подробности передаетъ самъ ея поклонникъ Эйнаръ, который не скрываетъ ихъ — для того, чтобы показать впослѣдствіи, что это тщеславіе г-жи Крюднеръ, какъ и другіе ея недостатки были потомъ блистательно искуплены ея религіозными подвигами. Мы увидимъ дальше, насколько г-жа Крюднеръ впослѣдствіи была свободна отъ тщеславія, и здѣсь пока замѣтимъ, что, напротивъ, это качество г-жи Крюднеръ принадлежало не только ея грѣховному періоду, какъ думаетъ Эйнаръ, но и всей дальнѣйшей ея дѣятельности: оно было принадлежностью всего ея характера.

Исправляя и обдѣлывая всячески свой романъ, г-жа Крюднеръ — разсказываетъ біографъ — «не упускала изъ виду, что успѣхъ имѣетъ другіе элементы кромѣ достоинства произведенія, а она слишкомъ желала успѣха, и потому желала обезпечить его *всѣми возможными средствами*. Не имѣя возможности эксплуатировать, такъ какъ ей хотѣлось, въ пользу своего авторскаго самолюбія свои безчисленныя знакомства и своихъ друзей, старыхъ и новыхъ, она выбрала изъ ихъ числа преданныхъ восхвалителей (prôneurs) и патроновъ, которые должны были помогать ей своимъ усердіемъ.... Г-жа Крюднеръ поняла, что для того, чтобы имѣть успѣхъ, надо быть въ Парижѣ (она жила въ это время въ Ліонѣ, гдѣ разсчитывала отдать выгодно замужъ свою падчерицу), и пылала нетерпѣніемъ возвратиться туда; но она хотѣла, чтобъ ее звали, желали, ожидали туда, и потому пущено было въ ходъ все, чтобы создать въ парижскомъ обществѣ эту потребность въ ея лицѣ или по крайней мѣрѣ заставить думать, что эта потребность существуетъ»....

Для этого дѣлается между прочимъ слѣдующее. Она поручаетъ одному изъ своихъ друзей въ Парижѣ заказать кому-либо, хорошо владѣющему стихомъ, написать посланіе къ *Сидоніи*. «Сидонія» было имя героини въ ея «Cabane des Lataniers», которое она дѣлала своимъ псевдонимомъ. Эти стихи надо было помѣстить въ газетѣ (заплативъ за это сколько нужно), чтобы заинтересовать публику личностью, къ которой обращалось бы посланіе. Самое посланіе должно было конечно соотвѣтствовать цѣли: это должны были быть восторженныя обращенія къ Сидоніи, панегирикъ ея талантамъ, патетическіе призывы и т. п. Напримѣръ:

«Въ этихъ стихахъ — пишетъ г-жа Крюднеръ своему довѣренному другу, — которые, разумѣется само собою, должны быть въ лучшемъ вкусѣ, будетъ простое заглавіе: *къ Сидоніи*. Ей надо

сказать: зачѣмъ ты остаешься въ провинціи, зачѣмъ уединеніе похищаетъ у насъ твою увлекательность (tes grâces), твой умъ? Твои успѣхи не зовутъ ли тебя въ Парижъ? Твоя грація, твои таланты возбудятъ тамъ то удивленіе, какого они заслуживаютъ.... Намъ изображали твой очаровательный танецъ, но кто можетъ изобразить то, что обращаетъ на себя вниманіе», и проч.

«Очаровательный танецъ», о которомъ здѣсь упоминается какъ о принадлежности г-жи Крюднеръ, есть какой-то особенный драматическій танецъ съ шалью (la danse du schall), кажется польскій, въ которомъ г-жа Крюднеръ производила большой эффектъ своимъ искусствомъ. Этотъ танецъ г-жа Сталь заставляетъ танцовать свою Дельфину, и подлинникомъ ея была въ этомъ случаѣ г-жа Крюднеръ.

Г-жа Крюднеръ добивается, чтобы ей написалъ стишки Делиль, чтобы написалъ Дюси, и т. п., печатаетъ сама заказныя посланія своего друга, разсчитываетъ на Шатобріана, на Сенъ-Пьера, которые будутъ хвалить ея романъ и т. п. Правда, г-жа Крюднеръ прибавляла въ оправданіе: «le monde est si bête! C'est ce charlatanisme qui met en évidence, et qui fait aussi qu'on peut servir ses amis» — это послѣднее сказано къ тому, что въ поощреніе своего друга, исполнявшаго эти ея порученія, она неумѣренно восхваляетъ его собственные таланты (это былъ докторъ, не имѣвшій достаточно практики) и обѣщаетъ ему въ перспективѣ, что будетъ устроивать, черезъ множество своихъ знакомыхъ, его собственную репутацію. Но, какъ бы то ни было, это было дѣйствительное шарлатанство: она положила на него столько усилій, что оно совершенно переходитъ границы позволительной шалости. Г-жа Крюднеръ потомъ серьезно считаетъ за собой репутацію и славу, пріобрѣтенныя такими путями. Описывая г-жѣ Арманъ свои успѣхи, добываемые этими средствами, г-жа Крюднеръ находитъ возможнымъ писать ей такъ:.... «On s'arrache un mot de moi comme une faveur; on ne parle que de ma réputation d'esprit, de bonté, de *moeurs*. C'est mille fois plus que je ne mérite, mais *la Providence se plait à accabler ses enfans*, même des bienfaits qu'ils ne méritent pas». Она какъ будто сама начинаетъ вѣрить въ свой собственный обманъ или слишкомъ нагло имъ пользуется.

«Валерія» наконецъ вышла въ декабрѣ 1803 (съ 1804 г. на заглавіи [1]). Интересъ къ ней дѣйствительно былъ возбужденъ;

---

[1]) Новое изданіе въ коллекціи Шарпантье: Valérie, par madame de Krüdener, avec une notice de M. Sainte-Beuve. Paris 1855.

въ то время какъ шли толки о романѣ въ литературѣ и въ салонахъ, г-жа Крюднеръ придумала еще манёвръ: она отправилась по незнакомымъ магазинамъ спрашивать шляпъ, гирляндъ, лентъ и т. п. à la Valérie, которыхъ не существовало, и требовала ихъ съ такой настойчивостью, что предупредительные купцы и модистки наконецъ подавали ей что-нибудь, что́ и получало это имя; гдѣ не догадывались этого сдѣлать, она изъявляла сожалѣніе, что они не знаютъ моднаго романа и не имѣютъ послѣднихъ модныхъ вещей, и т. п.

Это была эпоха бюллетеней арміи — замѣчалъ біографъ; — «въ это время баронъ Порталь полагалъ основаніе своей большой медицинской репутаціи, посылая людей отыскивать себя въ первыхъ салонахъ Парижа, отъ имени самыхъ знатныхъ паціентовъ, которые на дѣлѣ вовсе не требовали его услугъ». Нѣсколько позже, тотъ же способъ примѣнялъ извѣстный Бобъ Сойеръ у Диккенса. Этотъ способъ систематически приняла и г-жа Крюднеръ.

Біографъ замѣчаетъ, что г-жа Крюднеръ, принимая комплименты объ успѣхѣ своего романа, внутренно смѣялась. Можетъ быть; но въ это самое время она писала г-жѣ Арманъ строки, приведенныя нами выше, и еще слѣдующія:

«Le succès de Valérie est complet et inouï.... Oui, mon ami, *le ciel* (!!) a voulu que ces *idées*, que cette *morale plus pure* se repandissent en France où *ces idées* sont moins connues» (!!).

Читатель замѣтитъ, въ какую странную связь г-жа Крюднеръ уже съ этой поры вообще ставитъ «небо» и «провидѣніе» съ своими фантазіями и съ своимъ шарлатанствомъ....

Какія же были эти идеи, мало извѣстныя Франціи, которыя г-жа Крюднеръ проповѣдовала ей въ своемъ романѣ?

Мы сказали прежде, что «Валерія» отчасти основана была на дѣйствительномъ событіи. Это была та страсть, которую г-жа Крюднеръ возбудила въ первые годы замужества въ скромномъ молодомъ человѣкѣ, секретарѣ посольства; мы упоминали, что онъ скрывалъ свою любовь до послѣдней возможности, наконецъ покинулъ домъ Крюднера, гдѣ былъ дружески принятъ, и въ заключеніе открылъ свои чувства—мужу. Въ романѣ повторены всѣ эти существенныя черты, и кромѣ того много другихъ подробностей. Героиня романа должна конечно представлять самого автора, и послѣ того, что мы говорили о степени скромности, съ какой г-жа Крюднеръ пропагандировала свой романъ, естественно ожидать, что самое изображеніе героини представитъ не меньшую степень этой скромности. «Валерія» — поразительная, небесная женщина, чистая до того, что будучи замужемъ и

приготовляясь имѣть ребенка, она совершенно не понимаетъ бурной страсти молодого Гюстава, который изнываетъ у нея на глазахъ—неизвѣстно сколько времени, но повидимому года два. Развитіе этой страсти и составляетъ въ сущности содержаніе романа. Развязка — придуманная: герой, покинувши красавицу, умираетъ отъ любви и она только тогда узнаетъ о томъ, что была причиной его смерти. Дѣйствіе происходитъ въ Венеціи и обстановка безъ сомнѣнія та самая, въ какой жила здѣсь сама г-жа Крюднеръ. «Мѣстный колоритъ» сохраненъ до того, что Валерія также танцуетъ упомянутый «танецъ съ шалью», который описывается какъ нѣчто безпримѣрно прелестное. Замѣтимъ, что г-жа Крюднеръ нисколько не молчала объ автобіографическомъ значеніи своего романа.

Г-жѣ Крюднеръ казалось, и она говорила другимъ, что своимъ романомъ она распространяетъ во Франціи идеи, мало тамъ извѣстныя. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ французскихъ друзей она говоритъ такимъ образомъ: «то, что есть хорошаго въ *Валеріи*, принадлежитъ религіознымъ чувствамъ, которыя дало мнѣ *небо* и которымъ оно хотѣло покровительствовать, внушая любовь къ этимъ чувствамъ». Она проводитъ параллель между «Валеріей» и «Дельфиной» (другими словами—между собою и г-жею Сталь) и находитъ, что мораль ея романа выше и лучше. По успѣху «Валеріи» она видитъ, что «благочестіе, любовь чистая и преодолѣваемая, трогательныя привязанности и все, что относится къ деликатности чувства и добродѣтели, производитъ во Франціи больше впечатлѣнія, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ» и т. п. Однимъ словомъ, г-жа Крюднеръ желала поучать, давать людямъ уроки. Автобіографически, какъ мы видѣли, это не совсѣмъ ей подходило.

Роль моралиста слишкомъ скоро смѣнила у нея другую, прежнюю роль, и перечитывая романъ теперь, нельзя кажется не замѣтить скорости этого перехода. «Валерія» не разъ вызывала одобрительные отзывы критиковъ, не только въ прежнія, но и въ новѣйшія времена. Въ ней дѣйствительно надо признать извѣстный талантъ; романъ написанъ легко и свободно, но искать въ немъ какой-нибудь глубины было бы странно. «Валерію» сравнивали съ «Вертеромъ», напр. Сенъ-Бёвъ; но сравненіе едва ли умѣстно даже по степени самостоятельности. «Валерія» съ одной стороны навѣяна сентиментальными вліяніями времени, которыя давали уже готовое выраженіе для тѣхъ «идей», какія хотѣла проповѣдовать писательница; съ другой стороны личные элементы, внесенные въ романъ, способны развѣ отталкивать, а не привлекать читателя. Г-жа Крюднеръ относилась къ *Валеріи*

такимъ же способомъ, какимъ относилась къ *Сидоніи:* тотъ же червь самолюбія грызъ ее и здѣсь, и мы думаемъ, что «благочестіе, религіозныя чувства», которыя г-жа Крюднеръ восхваляетъ какъ достоинство своего произведенія, отчасти придуманы послѣ, а въ замѣнъ того въ процессѣ творчества носились скорѣе другія стремленія ея характера. Однимъ изъ такихъ стремленій было нарисовать портретъ очаровательной Валеріи, къ которой г-жа Крюднеръ чувствовала нѣжнѣйшую любовь: *ma chérissime* Valérie, называетъ она ее въ письмахъ къ своимъ друзьямъ,—въ ней она видѣла самое себя. Далѣе, эта Валерія—нѣжное, чистое, незлобивое, граціозное существо—способна была возбуждать самыя нѣжно-волканическія страсти. Изображеніе этой страсти, сначала тихой и возникающей, потомъ бушующей въ сердцѣ чувствительнаго Гюстава, и умирающей только вмѣстѣ съ нимъ, составляетъ всю сущность романа: Гюставъ конечно обнаруживаетъ «добродѣтель», но эта добродѣтель есть вмѣстѣ съ тѣмъ любовное жертвоприношеніе самого себя въ честь этой Валеріи, — правда прискорбное, но все-таки лестное для героини. Романъ идетъ въ письмахъ, почти исключительно адресуемыхъ Гюставомъ своему другу; и этотъ дневникъ представляетъ въ сущности длинную исторію любовнаго изныванія, о которой мудрено сказать, чтобы она была написана съ цѣлями «благочестія».

Разсказываютъ, что когда однажды г-жа Крюднеръ говорила о «Валеріи», какъ эпизодѣ ея собственной жизни, ей возразили, что однако обожатель ея, сколько извѣстно, еще вовсе не умиралъ. — «Тѣмъ хуже для него», отвѣчала она. Это была конечно шутка, но изъ-за нея проглядываетъ какъ будто настоящая досада, что обожатель ея такъ противорѣчилъ «Валеріи».

III.

Обращеніе.

Насладившись до-сыта блестящимъ успѣхомъ «Валеріи», достигнутымъ какъ выше разсказано, г-жа Крюднеръ отправилась въ 1804 году въ Лифляндію; ей хотѣлось видѣться съ матерью и раздѣлить съ ней удовольствіе своей знаменитости. Но дома она уже скоро стала скучать; мѣстное общество не удовлетворяло ея; — «она напрасно старалась избѣжать скуки чтеніемъ и занятіями, разсказываетъ біографъ; вліяніе климата, отсутствіе соревнованія и недостатокъ симпатіи парализировали ее». Дру-

гими словами, ея новые вкусы были здѣсь неизвѣстны, литературой занимались гораздо меньше чѣмъ въ ея парижскомъ кружкѣ, и тщеславію не представлялось никакой сцены.

Между тѣмъ въ ней готовилась перемѣна, которая рѣзко отдѣляетъ ея послѣдующую жизнь отъ прежней и выводитъ ее опять на совершенно новую дорогу. Біографъ съ особенной католической onction говоритъ объ ея обращеніи и о томъ полномъ переворотѣ, который оно произвело во всей жизни и характерѣ г-жи Крюднеръ. Мы видѣли, что она и прежде любила говорить о «небѣ» и «провидѣніи», которые, по ея мнѣнію, принимали объ ней и объ ея свѣтскихъ успѣхахъ такое близкое участіе. Біографъ вѣрно указываетъ это состояніе нравственно-религіозныхъ понятій г-жи Крюднеръ: «Она пытается иногда возвыситься къ Богу, но скорѣе по внушеніямъ гордости, чѣмъ смиренія. Она пробуетъ замѣнить легкомысленныя удовольствія свѣта наслажденіями души, — но только потому, что разочарованная и упавшая въ своихъ собственныхъ глазахъ, она надѣется въ этой перемѣнѣ найти больше счастія и больше достоинства. Словомъ, свѣтское тщеславіе, литературные успѣхи, опьянѣніе страстей, религіозная экзальтація были для нея только разными формами единственнаго культа, которому она посвящала всѣ свои способности и въ которомъ она была въ одно и тоже время храмомъ, поклонникомъ и идоломъ». Но теперь, говоритъ біографъ, все это перемѣнилось: благодать внезапно осѣнила г-жу Крюднеръ, и она нравственно возродилась; ея религіозность стала теперь истинной вѣрой, и жизнь ея стала постояннымъ стремленіемъ къ христіанской добродѣтели. Эта перемѣна была настоящимъ, полнымъ обращеніемъ и назидательнымъ примѣромъ божественнаго милосердія.

Мы не будемъ предупреждать фактовъ своими заключеніями, но считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе, которое по нашему мнѣнію совершенно подтверждается дальнѣйшими дѣяніями г-жи Крюднеръ. Не споря вообще противъ возможности такого обращенія, какимъ біографъ считаетъ обращеніе г-жи Крюднеръ, мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ оно не было такъ полно и рѣшительно; что напротивъ, дальнѣйшая исторія г-жи Крюднеръ была въ значительной степени просто продолженіемъ той формы ея религіозности, какую біографъ характеризуетъ въ приведенныхъ выше словахъ. Въ г-жѣ Крюднеръ слишкомъ развито было личное тщеславіе, которымъ она обманывала нерѣдко и сама себя, она слишкомъ любила рисоваться и привыкла къ аффектаціи и самохвальной выставкѣ, — чтобы эти свойства ея характера не высказались и въ новомъ направленіи ея суетливой жизни.

Факты, сообщаемые тѣмъ же біографомъ, будутъ говорить сами, и намъ кажется, они представятъ ту же двойственность, какую представляетъ ея жизнь и до сихъ поръ. Несправедливо было бы сказать, чтобы ея новая религіозность была однимъ чистымъ лицемѣріемъ. Что извѣстная доза лицемѣрія въ той или другой формѣ здѣсь была, это едва-ли сомнительно; но г-жа Крюднеръ тѣмъ и отличалась, что увлекалась и сама тѣми положеніями, какія она сама устроивала, восторгалась фразами, которыя говорила. Въ минуту полнаго энтузіазма, когда человѣкъ повидимому не можетъ думать о постороннемъ и весь уходитъ въ настроеніе минуты, она способна была думать объ эффектѣ; приготовивъ роль, могла войти въ нее до такой степени, что увлекалась сама, и тогда въ состояніи была дѣйствовать на другихъ. Роль, отнынѣ принятая ею на себя, была такова, что для нея требовалась постоянная экзальтація, и подъ конецъ, отъ долгой практики, эта экзальтація стала ея природой. Такъ, поддѣлавши, какъ фальшивую монету, успѣхъ своей «Валеріи», она потомъ сама искренно воображала, что этотъ успѣхъ былъ *весь* настоящій, и хвалилась имъ даже передъ тѣми, кто могъ знать его исторію. Точно также она думала, что *вся* ея религіозность была чистая и возвышенная.

Г-жа Крюднеръ уже довольно давно, когда начинала входить въ лѣта, стала принимать то настроеніе, въ которомъ «обращеніе» становилось возможнымъ. Ей казалось, что уже въ «Валеріи» она только проповѣдуетъ религіозныя чувства и чистую мораль. Ей было уже за сорокъ лѣтъ, и наклонность поучать людей высшимъ истинамъ была уже предисловіемъ къ дальнѣйшей ея «миссіи». Когда дорога была проложена, нуженъ былъ только поводъ, особенный случай, чтобы эта дорога была выбрана окончательно.

По разсказу біографа, этимъ поводомъ былъ слѣдующій случай. Однажды она смотрѣла въ окно и увидѣла одного изъ своихъ знакомыхъ, который шелъ мимо: онъ поклонился ей, потомъ зашатался и упалъ, пораженный апоплексіей у нея на глазахъ. Его подняли уже мертваго. «Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ ея раздражающее кокетство (sa coquetterie agaçante) отличало въ толпѣ ея обожателей».

Она была поражена этимъ случаемъ до страшнаго нервнаго разстройства. Ее преслѣдовалъ страхъ внезапной смерти и осужденія. Нѣсколько недѣль она была серьезно больна и впала въ меланхолію, изъ которой и вышла потомъ на путь религіозной экзальтаціи. Первое вліяніе въ этомъ смыслѣ произвелъ на нее одинъ рижскій башмачникъ. Когда онъ снималъ однажды у

нея мѣрку, она была удивлена спокойнымъ и веселымъ выраженіемъ его лица; это такъ противорѣчило ея собственному настроенію, что она спросила его — счастливъ ли онъ? — «О, я счастливѣйшій изъ людей», отвѣчалъ тотъ. Отвѣтъ поразилъ ее, и на другой день она отправилась отыскивать его, чтобы узнать причину его счастья. Оказалось, что башмачникъ принадлежалъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ: онъ изложилъ г-жѣ Крюднеръ свою простую вѣру, и говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ о божественномъ милосердіи, что произвелъ на нее чрезвычайное впечатлѣніе, подѣйствовавшее тѣмъ сильнѣе, что въ словахъ геррнгутера мягкая, спокойная и любящая сторона религіи успокоивала и удаляла тотъ страхъ, подъ вліяніемъ котораго она до сихъ поръ оставалась.

Такъ разсказываютъ ея первыя впечатлѣнія, содѣйствовавшія ея обращенію. Она познакомилась потомъ и съ другими геррнгутерами, которыхъ не мало было въ Ригѣ; всѣ они удивляли ее этимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ, какое доставляла имъ непоколебимая вѣра. Она уже скоро переняла это чувство, ей казалось, что сама она точно также избавляется отъ всѣхъ своихъ тревогъ, обращаясь къ своимъ религіознымъ созерцаніямъ и молитвѣ. Уже на первыхъ порахъ можно видѣть, какъ ея прежнія представленія о Провидѣніи, обращающемъ на нее свои особенныя заботы, развиваются въ полный мистицизмъ, отличавшій ее впослѣдствіи,—въ это странное, фамильярное отношеніе къ Богу. На первыхъ же порахъ она бросается въ прозелитизмъ, хочетъ обращать своихъ друзей и знакомыхъ, руководить ихъ на путяхъ къ блаженству, и немедленно извѣщаетъ г-жу Арманъ:

«Chère Armand, vous n'avez pas d'idée du bonheur que me donne cette religion sainte et sublime: je vais comme un enfant m'éclairer, me consoler, me réjouir, me confier dans ce Sauveur bienfaisant. Quand j'ai des embarras, je le prie et il les dissipe; quand je suis mal jugée, je vais à lui, je pense comme il a souffert et il me console», и проч.

Это *ce Sauveur* даетъ читателю понятіе о томъ, въ какое отношеніе она къ нему становилась.

«Oh, mon amie! — писала она къ той же г-жѣ Арманъ, — si les hommes savaient quel bonheur on goûte dans la religion, comme ils fuiraient les soucis et les travaux que leur cause la recherche des *biens funestes!*»

Мы увидимъ дальше, какъ она относилась къ этимъ «злополучнымъ благамъ».

Въ 1806 г. доктора послали ее въ Висбаденъ. Это было

начало ея новой страннической жизни, которая на этотъ разъ посвящена была цѣлямъ религіознаго совершенствованія, а затѣмъ и пропаганды. Въ Кёнигсбергѣ она нашла прусскую королеву, знаменитую Луизу: — г-жа Крюднеръ была извѣстна ей еще съ Берлина, но въ то время мало понравилась королевѣ, — зато теперь г-жа Крюднеръ, въ своемъ благочестиво-филантропическомъ настроеніи, возбудила въ ней большую симпатію. Онѣ вмѣстѣ заботились о жертвахъ войны и посѣщали госпитали. Затѣмъ она посѣтила въ Саксоніи поселенія моравскихъ братьевъ, Клейнъ-Велькъ, Геррнгутъ, Бетельсдорфъ; завязала много благочестивыхъ знакомствъ, поучалась сама и наставляла на истинный путь другихъ.

Но въ особенности ей хотѣлось теперь познакомиться съ Юнгомъ-Штиллингомъ. Это былъ тогда первый авторитетъ въ мистической религіи, и г-жа Крюднеръ должна была учиться у него, чтобы довершить свое новое воспитаніе. Юнгъ-Штиллингъ, въ то время 68-лѣтній старикъ, жилъ въ Карлсруэ; его извѣстность въ качествѣ счастливаго глазного врача и въ качествѣ теософа привлекала къ нему множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ была имъ очарована и, чтобы вполнѣ воспользоваться его мистической опытностью, поселилась въ средѣ его семейства. Это было около 1808 г. Въ Карлсруэ вмѣстѣ съ тѣмъ она представилась ко двору маркграфини баденской, матери императрицы Елизаветы Алексѣевны; здѣсь встрѣтилась она также съ королевой Гортензіей и вообще продолжала связи съ высшей аристократіей, въ средѣ которой она являлась теперь уже въ новой роли: ею интересовались какъ авторомъ «Валеріи», но рядомъ съ тѣмъ она заявляла и свои новѣйшія религіозно-филантропическія тенденціи. Изъ Карлсруэ она отправилась въ Вюртембергъ, но пребываніе ея здѣсь соединялось съ нѣкоторыми неудобствами: вюртембергская полиція уже въ это время подозрительно смотрѣла на ея дѣятельныя сношенія съ моравскими братьями и иными ея друзьями: ея письма читали на почтѣ, даже останавливали и жгли ихъ.

Съ перваго знакомства г-жи Крюднеръ съ моравскими братьями, но особенно съ ея пребыванія въ домѣ Юнга-Штиллинга, она входитъ въ особый кругъ понятій и людей, которые въ большой мѣрѣ опредѣлили ея дальнѣйшій образъ мыслей и образъ дѣйствій. Этотъ новый міръ былъ міръ мистическаго піэтизма. Намъ уже не разъ случалось говорить о немъ; здѣсь мы укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ эту новую его сторону, возъимѣвшую несомнѣнное вліяніе на исторію г-жи Крюднеръ.

Одной изъ характеристическихъ личностей былъ здѣсь Юнгъ-Штиллингъ.

Урожденецъ Вестфаліи, сынъ бѣднаго деревенскаго портного, Юнгъ-Штиллингъ (1740—1817) былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей религіознаго народнаго движенія въ Германіи. Его родина и сосѣднія земли были мѣстомъ особеннаго религіознаго возбужденія, распространявшагося здѣсь въ самыхъ низшихъ классахъ народа. Въ своей автобіографіи и въ своемъ полу-историческомъ романѣ «Теобальдъ мечтатель»,—и то и другое было въ свое время переведено на русскій языкъ [1]),—Штиллингъ самъ даетъ чрезвычайно оригинальную картину жизни, среди которой онъ выросъ и впослѣдствіи дѣйствовалъ. Піэтизмъ владѣлъ цѣлыми массами народа: здѣсь шла проповѣдь о возстановленіи чистаго христіанства; народные проповѣдники призывали своихъ слушателей строить новый Іерусалимъ и основывать тысячелѣтнее царство; крайне экзальтированный піэтизмъ, доходившій до вдохновеній и пророчествъ, смѣшивался съ суевѣріемъ, тайными знаніями и всякимъ шарлатанствомъ. Вдохновенные и пророки, расходясь съ «порядкомъ» и предержащими властями, навлекали на себя преслѣдованія, но встрѣчали и ревностно преданныхъ приверженцевъ, а также и покровителей. Ихъ убѣжищемъ сталъ Берлебургъ, откуда вышла извѣстная берлебургская библія, истолкованная въ мистическомъ смыслѣ и имѣвшая сильное дѣйствіе. Штиллингъ росъ среди вліяній этого движенія, зналъ его преданія и извѣстныя имена, и въ самой семьѣ окруженъ былъ стихіей религіозной и мистической мечтательности: его дядя искалъ квадратуры круга, одинъ дѣдъ имѣлъ видѣнія, другой былъ алхимистъ, отецъ водился съ благочестивыми людьми и съ приверженцами Якова Бёма и Парацельза. Молодость Юнга-Штиллинга прошла въ борьбѣ съ нуждой и въ постоянно усиливавшемся піэтизмѣ. Неясныя стремленія не давали ему покою; онъ дѣлался школьнымъ и домашнимъ учителемъ, возвращался опять къ ремеслу отца, бросалъ его и снова пускался странствовать: ему казалось, что ему предстоитъ иное, болѣе высокое поприще. Имъ овладѣла меланхолія. Однажды на прогулкѣ ему показалось, что какая-то неизвѣстная сила охватила вдругъ его душу, — онъ былъ весь потрясенъ этой силой и почувствовалъ съ тѣхъ поръ неодолимое влеченіе жить и умереть для славы божіей и

---

[1]) «Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть», пер. съ нѣм. 2 части. Спб. 1816; «Өеобальдъ или мечтатели, истинная повѣсть Генриха Штиллинга» (перев. Ө. Лубяновскаго). 4 части. М. 1819.

для любви къ ближнимъ. Онъ заключилъ съ Богомъ тѣсный союзъ, рѣшился вполнѣ предоставить себя божественному водительству и дѣлать только то, что будетъ непосредственно указывать ему Провидѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ понимаетъ свою жизнь не иначе, какъ исполненіе такихъ божественныхъ указаній: всѣ приключенія своей жизни, а ихъ было не мало, онъ считаетъ прямымъ дѣломъ Провидѣнія. Внѣшняя его біографія была та, что онъ, почти уже тридцати лѣтъ, поступилъ въ университетъ въ Страсбургѣ, гдѣ встрѣтился съ Гёте, который побудилъ его написать свою автобіографію, а впослѣдствіи и напечаталъ ее; потомъ Штиллингъ занялся медициной, хотя не совсѣмъ удачно, наконецъ дѣятельнымъ образомъ выступилъ на литературное поприще съ назидательными книгами и романами, имѣвшими большой успѣхъ, который произвела его особенная мечтательная поэзія въ публикѣ, настроенной въ томъ же піэтистическомъ духѣ. Онъ написалъ также нѣсколько книгъ по сельскому хозяйству, лѣсоводству и т. п., которыя доставили ему профессуру камеральныхъ наукъ. Французская революція произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе; онъ рѣшился всѣми силами противодѣйствовать невѣрію и проповѣдовать о Богѣ. Его сочиненія за этотъ періодъ времени, особенно ярко высказывавшія его идеи («das Heimweh» 1794 и «Schlüssel» къ нему 1797; «der graue Mann» 1795—1816, переведенныя у насъ потомъ Лабзинымъ подъ названіемъ «Угроза Свѣтовостокова»; «Scenen aus dem Geisterreiche» 1797), произвели большое впечатлѣніе и сдѣлали имя Штиллинга въ высшей степени популярнымъ въ кругахъ мистическаго и благочестиво-консервативнаго характера, отъ высшихъ и до низшихъ слоевъ общества. Въ 1803 году, герцогъ баденскій сдѣлалъ Штиллинга своимъ гофратомъ и призвалъ его въ Гейдельбергъ, чтобы онъ только продолжалъ свою борьбу противъ революціонныхъ идей; въ 1806 году, герцогъ призвалъ его въ Карлсруэ и оказывалъ ему самое дружеское расположеніе и покровительство. Штиллингъ сталъ важнымъ лицомъ, какъ защитникъ алтарей и престоловъ. Сочиненія его противъ революціоннаго духа принимали чѣмъ дальше, тѣмъ больше характеръ пророчествъ и духовидѣній, и къ тому времени, когда познакомилась съ нимъ г-жа Крюднеръ, эта новая точка зрѣнія въ немъ созрѣла совершенно: къ 1808 г. относится его «Theorie der Geisterkunde».

Штиллингу не были неизвѣстны возраженія раціоналистовъ и скептиковъ, противъ которыхъ онъ уже издавна полемизировалъ; ему хотѣлось занять середину между крайностями вестфальскаго піэтизма и сомнѣніями раціоналистовъ, но природа и

воспитаніе не дали ему занять этой середины. Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе развивалась у него фантастическая сторона его религіи. Онъ уже давно привыкъ считать, что каждый шагъ своей жизни онъ дѣлаетъ по чудеснымъ указаніямъ Провидѣнія: сила молитвы помогаетъ ему во всякой нуждѣ; въ каждомъ неожиданномъ поворотѣ своей судьбы, удачномъ или неудачномъ, онъ видитъ волю Промысла наградить или наказать его. Онъ стоитъ въ личныхъ сношеніяхъ съ Богомъ и чувствуетъ личную привязанность ко Христу; «Штиллингъ — говоритъ Гервинусъ — положительно ставилъ своего Бога на пробу относительно того положенія, что ни одинъ волосъ безъ его воли не можетъ погибнуть, и онъ выдерживаетъ пробу во множествѣ самыхъ удивительныхъ случаевъ». Понятно, къ какимъ насиліямъ надъ здравымъ смысломъ вело подобное понятіе о Провидѣніи, которое такимъ образомъ замѣшивалось во всякія мелочи обыденной жизни и которому навязывались и ея счастливыя случайности и всякія послѣдствія собственныхъ ошибокъ и легкомыслія. При этомъ надо было, конечно, совершенно не видѣть дѣйствительной жизни и блуждать въ фантастическихъ объясненіяхъ того, что́ объяснялось самымъ простымъ образомъ.

Къ этимъ взглядамъ легко примыкала и всякая иная фантастика. Довольно замѣтить нѣкоторыя черты ея, какія мы встрѣтимъ и въ его послѣдователяхъ. Таковы были его понятія о сношеніяхъ съ духами въ его «Theorie der Geisterkunde», гдѣ онъ съ мнимо-научными объясненіями проповѣдуетъ тѣ самыя фантастическія представленія, которыя ставили эту мистическую литературу Штиллинговъ, Лафатеровъ, Сенъ-Мартеновъ и т. д. на одинъ уровень съ простымъ народнымъ суевѣріемъ — ихъ различала только форма выраженія, болѣе литературная и приглаженная на одной сторонѣ и болѣе грубая и нескладная съ другой. И дѣйствительно, суевѣріе образованнаго класса, который учился теперь у Штиллинга, начало восторгаться проявленіями простонароднаго невѣжественнаго предразсудка.

Наконецъ, Штиллингъ, вслѣдствіе своихъ непосредственныхъ связей съ божествомъ и вѣря въ дѣйствіе и внушенія духовъ, сталъ говорить пророческимъ тономъ и предсказывать второе пришествіе. По общему вкусу мистическихъ піэтистовъ, онъ съ особеннымъ пристрастіемъ останавливался въ Библіи на таинственномъ, туманно-поразительномъ и пророческомъ. Онъ написалъ свои толкованія на Апокалипсисъ[1]) — въ «Побѣдной повѣ-

[1]) По свидѣтельству г. Сушкова, эти толкованія, въ нѣкоторыхъ частяхъ, находилъ замѣчательными и митрополитъ московскій Филаретъ, какъ въ прежнюю, такъ и въ позднѣйшую пору своей жизни.

сти» — и предсказывалъ о близкомъ пришествіи «тысячелѣтняго царства», прореченнаго въ Апокалипсисѣ, поддерживая мнѣніе нѣмецкаго теолога XVIII-го столѣтія, Бенгеля, который назначалъ и самый годъ (1836), когда должно было совершиться это великое событіе. Замѣтимъ здѣсь кстати, что это ожиданіе тысячелѣтняго царства и второго пришествія (такъ-называемый *хиліазмъ*), весьма распространенное въ первые вѣка христіанства, и потомъ имѣвшее нерѣдко своихъ приверженцевъ, съ особенной силой возродилось опять во времена реформаціи. Хиліасты были между чешскими гусситами; въ нѣмецкой реформаціи знаменитъ хиліастъ Ѳома Мюнцеръ; затѣмъ въ XVII-мъ и XVIII-мъ стол. вѣра въ близкое тысячелѣтнее царство одушевляла нѣмецкихъ піэтистовъ, «вдохновенныхъ» и «пробужденныхъ», которые пробовали даже основать Новый Іерусалимъ. Для Юнга-Штиллинга, хотя онъ и желалъ отнестись критически къ вестфальскому народному піэтизму, вѣра въ близость тысячелѣтняго царства осталась догматомъ: эта вѣра увлекла вскорѣ и народныя массы въ южной Германіи и подвергла страшнымъ бѣдствіямъ цѣлыя тысячи людей, отправившихся искать этого царства на горѣ Араратѣ.

Возвратимся къ г-жѣ Крюднеръ. Біографъ ея разсказываетъ, что въ то время, когда она поселилась въ Карлсруэ, ея благочестіе было простое, ясное и дѣятельное, т. е. практическое и свободное отъ мистики, но что потомъ — «она полюбила и поняла многія изъ тѣхъ особенныхъ идей, которыя были предметомъ ея разговоровъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ. Она предчувствовала ихъ, и явилась въ Карлсруэ только за тѣмъ, чтобы познакомиться съ ученіями этого спиритуализма, привлекательнаго тѣмъ болѣе, что онъ отвѣчаетъ нашей чувствительности и нашему желанію проникнуть въ тайны божественной любви. Юнгъ-Штиллингъ открылъ ей перспективу небесныхъ горизонтовъ (sic) и простеръ передъ ея глазами область безконечнаго, говоря ей объ отношеніяхъ этого міра съ невидимымъ твореніемъ». Другими словами, онъ преподалъ ей свои идеи духовидѣнія, предвѣщанія о второмъ пришествіи и т. п.; она перенимала все это очень успѣшно и вскорѣ сама начала прилагать къ дѣлу.

Въ этихъ сношеніяхъ съ Юнгомъ-Штиллингомъ, безпокойныя стремленія г-жи Крюднеръ принимаютъ тотъ сомнительный и странный характеръ самозваннаго посланничества и предвѣщательства, какой отличаетъ всю ея остальную жизнь. Біографъ ея не находитъ здѣсь, впрочемъ, ничего сомнительнаго, и даже беретъ мистику, или по французскому выраженію «иллюминизмъ», подъ свою защиту; видитъ въ немъ высшую, не мно-

гимъ доступную, степень благочестія, возстаетъ только противъ «злоупотребленій и крайностей» иллюминизма, противъ людей, которые пользовались иллюминизмомъ для удовлетворенія «грязнаго честолюбія или святотатственнаго любопытства», и (исключивъ нѣкоторыя частныя слабости) отдаетъ великое уваженіе Сведенборгу, Юнгу-Штиллингу, Сенъ-Мартену. Дѣйствительно, была разница между этими мечтателями и наглыми шарлатанами, которые одѣвались въ ихъ костюмъ; — но если мы предоставимъ имъ полную свободу убѣжденія, составляющаго дѣло личной совѣсти, и признаемъ ихъ искренность, едва ли можно считать ее достаточнымъ оправданіемъ ихъ общественной роли: какъ скоро они вмѣшиваются въ общественную жизнь и вдаются въ пропаганду, — они отвѣчаютъ за ея содержаніе и тенденціи. Въ этомъ смыслѣ Юнгъ-Штиллингъ и его школа не находятъ себѣ оправданія. Въ виду скептическихъ противниковъ Юнгъ-Штиллингъ чувствовалъ, что его мистическая профессія нуждается въ защитѣ и оправданіи, и защищалъ ее такимъ образомъ: «Почему — спрашиваетъ онъ — вы считаете великимъ геніемъ человѣка, душа котораго блуждаетъ въ области фантазіи и поэтизируетъ? Вы этого не порицаете; но за то, если человѣкъ съ богатой фантазіей считаетъ достойнымъ предметомъ религію и имѣетъ объ ней *романическія понятія*, вы хотите изгнать его?» — «И конечно справедливо — замѣчаетъ на это Гервинусъ; — потому что одинъ, въ самомъ обыкновенномъ случаѣ, есть фантастъ на свой страхъ, а другой есть мечтатель, который собираетъ и фанатизируетъ толпу, и переноситъ фантазію въ такія отношенія и въ среду людей, гдѣ ей нѣтъ мѣста. Вестфальскіе піэтисты, послѣдователи Гохманна, утверждали, что скоро будетъ страшный судъ, и что они знаютъ вѣрный доступъ въ городъ свободы, — и еслибы мы, вслѣдъ за Юнгомъ, стали считать эту мономанію за самую сладкую мечтательность, это значило бы слишкомъ далеко простирать чувство поэзіи». А здѣсь, въ дѣятельности Штиллинга, и особенно въ дѣятельности г-жи Крюднеръ, это самое и происходило, — какъ ниже увидимъ. Она также принималась пророчествовать, возбуждать массы; быть можетъ, она не разумѣла, что̀ творитъ, — но это еще хуже, потому что она имѣла бы возможность уразумѣть.

Кромѣ Штиллинга, г-жа Крюднеръ вообще нашла въ южной Германіи цѣлое гнѣздо мистицизма, куда она и примкнула. Она познакомилась здѣсь съ извѣстнымъ въ свое время пасторомъ Оберлиномъ. Одинъ изъ первыхъ на континентѣ и ревностнѣйшихъ приверженцевъ открывшагося незадолго передъ тѣмъ британскаго Библейскаго Общества, Оберлинъ усердно распростра-

нялъ Библію и отличался, какъ говорятъ, искренней, глубокой религіозностью, любовью къ людямъ, и свой мистицизмъ соединялъ съ дѣятельной практической филантропіей. Но въ то же время г-жа Крюднеръ тѣсно сблизилась съ другимъ человѣкомъ, пасторомъ Фонтэнемъ, который имѣлъ большую репутацію въ піэтистическихъ кругахъ, и которому даже приписывали одно чудо. На самомъ дѣлѣ это былъ просто пошлый шарлатанъ, для котораго репутація святости, пріятная сама по себѣ, доставляла еще средство для выгодныхъ спекуляцій. Фонтэнъ около этого времени познакомился съ экстатической поселянкой, которая показалась ему весьма пригодной для эксплуатаціи легковѣрія. Эта женщина, уже немолодая и очень ограниченная, по имени Марія Куммринъ, приходила по временамъ въ экстатическое состояніе, въ которомъ говорила съ духами и ангелами и получала ихъ пророческія приказанія. Сближеніе г-жи Крюднеръ съ Фонтэнемъ біографъ ея разсказываетъ такимъ образомъ. Она слышала о Фонтэнѣ и желала съ нимъ познакомиться; съ другой стороны Марія Куммринъ объявляла въ своихъ откровеніяхъ о скоромъ прибытіи г-жи Крюднеръ и о великомъ дѣлѣ, которое предстоитъ ей совершить. Когда г-жа Крюднеръ дѣйствительно прибыла въ ту мѣстность, гдѣ жилъ пасторъ, Фонтэнъ встрѣтилъ ее мистическимъ текстомъ; услышавъ о предсказаніяхъ Куммринъ, г-жа Крюднеръ была поражена ими: предвѣщательница казалась такой простой женщиной, и Фонтэнъ—человѣкомъ, неспособнымъ къ хитрости. Эта проба духовидѣнія, — о которомъ она столько наслышалась отъ Штиллинга и Оберлина,— положила начало ея новой карьерѣ. По увѣренію біографа, г-жа Крюднеръ, увлекаясь предсказаніями Маріи Куммринъ, не имѣла никакой мысли о личномъ возвышеніи, но не могла-де отказаться отъ содѣйствія исполненію великихъ намѣреній Бога: правда, она, какъ женщина съ умомъ и опытнымъ свѣтскимъ взглядомъ, скоро замѣтила въ Фонтэнѣ недостатки, не совсѣмъ отвѣчавшіе его христіанско-проповѣднической роли, но она «боялась отвергнуть повелѣнія Бога, отвергая того, кто ей передавалъ ихъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что Фонтэнъ намуштровалъ Марію Куммринъ должнымъ образомъ, и если г-жа Крюднеръ позволила грубо обмануть себя, то, кажется, этому содѣйствовали именно наклонности ея крайняго и жалкаго самолюбія, присутствіе которыхъ біографъ здѣсь отвергаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, обманъ былъ слишкомъ грубый, но онъ могъ очень льстить ея тщеславію. Марія Куммринъ на первыхъ же порахъ предвѣщала ей высокое призваніе въ царствѣ Божіемъ и указывала именно на

этого Фонтэна, какъ на апостола, назначеннаго трудиться съ ней для обращенія міра. Роль была такъ возвышенна, что г-жѣ Крюднеръ не хотѣлось отказаться отъ нея, а усумниться въ предвѣщаніи—значило лишить самое себя слишкомъ эффектнаго пролога при вступленіи на сцену. Быть можетъ, мы ошибаемся, объясняя такимъ образомъ ея роль въ этомъ дѣлѣ; но по крайней мѣрѣ она долгó и потомъ приписывала Фонтэню и Куммринъ сверхъестественные дары, когда уже всѣ нѣсколько разсудительные люди стали считать обоихъ просто наглыми обманщиками.

Послѣ сказаннаго, читатель ясно представитъ себѣ, на какой степени находилось обращеніе г-жи Крюднеръ, когда она писала той же своей пріятельницѣ, г-жѣ Арманъ, послѣ предвѣщанія Куммринъ (въ іюнѣ 1808):

«Милый другъ, самый блаженный изъ опытовъ заставляетъ меня сказать, что я—счастливѣйшее изъ созданій. Я только на словахъ могу пересказать вамъ все, чтó я испытала; въ ожиданіи этого, я молюсь за васъ и думаю, что вы также станете блаженны на этой землѣ. Милый другъ, подумайте, что я испытала *въ настоящемъ смыслѣ слова чудеса;* что я была посвящена въ *глубочайшія тайны вѣчности*, и что я могла бы сказать вамъ многое о будущемъ блаженствѣ; нѣтъ, вы не имѣете понятія о счастіи, ожидающемъ всѣхъ тѣхъ, кто отдается вполнѣ Іисусу Христу. Будьте постоянны, приходите къ нему каждый день.... Ахъ, если бы вы знали, какъ *онъ насъ любитъ. Времена приходятъ*, и *величайшія бѣдствія* будутъ тяготѣть надъ землей; не бойтесь ничего; оставайтесь вѣрны ему. Онъ *соберетъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ;* послѣ того *настанетъ его царство*. Онъ придетъ *самъ царствовать тысячу лѣтъ* на землѣ. Отдайтесь ему и просите только вѣры и любви къ нему и къ его небесному Отцу. Поклоняйтесь Отцу и просите у него его святаго Духа» и т. п.

Ревность такъ овладѣла ею, что она отправилась въ Швейцарію лично обращать свою пріятельницу,—эта послѣдняя была такой усердной наперсницей ея съ давнихъ поръ, что конечно обратилась. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ открыла цѣлый кругъ людей, сочувствовавшихъ ея воззрѣніямъ. Она встрѣтилась опять и съ г-жей Сталь; и здѣсь мы опять видимъ ту постороннюю черту, которая, повидимому, вовсе несовмѣстна съ энтузіастическимъ увлеченіемъ и однако постоянно, и теперь, и послѣ, сопровождаетъ религіозную экзальтацію г-жи Крюднеръ. При встрѣчѣ съ г-жей Сталь—разсказываетъ біографъ—«она говорила ей о своемъ счастьѣ, о своемъ спокойствіи, о радостяхъ молитвы; разсказывала свою жизнь, но *не упоминала* о необыкновенныхъ

фактахъ, которые, быть можетъ, *удивили* бы г-жу Сталь, не доставивъ ей назиданія. Г-жа Крюднеръ имѣла высокое мнѣніе объ искренности г-жи Сталь и считала ее способной и предназначенной къ тому, чтобы найти истину,... и, увѣренная въ успѣхѣ борьбы (съ ея тогдашнимъ настроеніемъ), она не торопила ее *неловкимъ усердіемъ*». Другими словами: она опасалась, что ея чудеса могутъ быть подняты на смѣхъ, и среди своего миссіонерства не забывала салонныхъ нравовъ и свѣтской ловкости, которую теперь употребляла на службу «*этому* Спасителю».

Между тѣмъ предсказательство Куммринъ продолжалось и г-жа Крюднеръ устроивала по немъ свою жизнь, не сомнѣваясь находить въ немъ непосредственныя указанія самого Бога. Страннымъ образомъ эти указанія направлялись къ устройству личныхъ дѣлъ пастора Фонтэна. Сначала неясно, потомъ яснѣе Куммринъ внушила г-жѣ Крюднеръ, что небо повелѣваетъ ей основать въ Вюртембергѣ (кажется, родина Куммринъ) христіанскую колонію; замѣчательно, что небо указало даже мѣсто и домъ, которые надо было для этого купить. Г-жа Крюднеръ и купила ихъ, и отписала потомъ г-жѣ Арманъ: «мы взяли этотъ домъ по повелѣнію Господа». Въ домѣ кромѣ самой г-жи Крюднеръ поселился Фонтэнъ со всей своей семьей и, конечно, Марія Куммринъ. Но они не долго наслаждались своимъ общежительствомъ. Въ прежнія времена Куммринъ дѣлала какія-то предсказанія на счетъ короля Вюртембергскаго, которыя ему не нравились. Теперь, узнавши, что Куммринъ снова появилась въ его владѣніяхъ и привлекаетъ толпы посѣтителей, король велѣлъ посадить ее въ тюрьму, а г-жѣ Крюднеръ объявить, чтобы она оставила Вюртембергъ въ 24 часа. Съ г-жей Крюднеръ должна была конечно удалиться и вся колонія. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ г-жа Крюднеръ, кажется, не понадѣялась, что «небо» уничтожитъ ея житейскія затрудненія, потому что обратилась къ своимъ аристократическимъ знакомымъ съ просьбами о заступничествѣ: друзья были у нея въ аристократіи старой и новой, между прочимъ и въ числѣ наполеоновскихъ агентовъ [1]).

Она поселилась въ герцогствѣ баденскомъ, куда явилась черезъ нѣсколько времени и Куммринъ, выпущенная изъ тюрьмы и продолжавшая пророчествовать. «Времена приближаются съ каждымъ днемъ,—отписывала г-жа Крюднеръ къ своей пріятельницѣ (это было въ 1809—1810 г.):—бѣдствія, угрожающія Европѣ, уподобятся ночи ужасовъ, но заблещетъ также и заря

[1]) Виньонъ, Норвенъ.

счастья и мира». Между тѣмъ Фонтэнъ начиналъ тревожить и самое г-жу Крюднеръ, потому что его нравы и способъ дѣйствій далеко не соотвѣтствовали той миссіи, какую ему приписывала Куммринъ. Но г-жа Крюднеръ «не поколебалась въ своей христіанской любви». Она переносила это какъ испытаніе, была довольна, потому что «счастлива душа, покрытая презрѣніемъ, клеветами и посмѣяніемъ», и она была слишкомъ убѣждена въ томъ, что находится подъ спеціальнымъ покровительствомъ неба. Ея письма къ благочестивымъ ея корреспондентамъ уже скоро доходятъ до послѣднихъ предѣловъ экзальтаціи. Въ свои наиболѣе возвышенныя (или фантазерскія) минуты, она ищетъ страданій, потому что «любовь (?) утѣшитъ насъ своей нѣжностью»; она считаетъ непозволительнымъ имѣть какія-нибудь житейскія заботы, принимать какія-нибудь мѣры, даже просить помощи у Бога:—«я едва молюсь,—пишетъ она въ это время къ одному единомыслящему другу, почитателю г-жи Гюйонъ, — я знаю что сердце Отца *совсѣмъ подлѣ* меня (tout près de moi), я *знаю* его глубокіе виды, или по крайней мѣрѣ часть ихъ... Я вижу только мракъ и однако радуюсь. Онъ всегда приходитъ, Онъ всегда помогаетъ мнѣ. Никогда, никогда Онъ не покидалъ меня въ затрудненіи (?)... Да, мой другъ, часто, очень часто, я имѣла радость получать его внушенія, его ясныя приказанія: пошли, или пойди туда, или туда—къ людямъ, которыхъ *Онъ приготовилъ* (!!), и я получала *деньги*, много денегъ, тамъ, гдѣ не видѣла никакой надежды»...

Это былъ тотъ *квіетизмъ*, тотъ странный видъ пассивной религіозности, которымъ отличалась знаменитая г-жа Гюйонъ. «Божественная любовь» обнаруживалась въ самыхъ экстравагантныхъ мнѣніяхъ и выходкахъ:

«Эта любовь должна обратить въ пепелъ въ нашихъ сердцахъ все, что въ нихъ есть нечистаго, личнаго и эгоистическаго. Она противна всякой *собственности* (!) и считаетъ ее *воровствомъ у Бога* (!). Она хочетъ все получать отъ него, чтобы все отдавать Ему... Она составитъ славу церкви искупленной и призванной царствовать съ Христомъ на землѣ *тысячу лѣтъ*».

Теперь для царства этой любви еще не пришло время: вѣрные слуги Христа, которыхъ онъ избираетъ своими исполнителями, теперь преслѣдуются, они должны терпѣть страданія, нести тяжелый крестъ, идти неисповѣдимыми путями;—ихъ часто не признаютъ даже настоящіе христіане. — Эту обычную сектаторскую программу принимаетъ и г-жа Крюднеръ и ссылкой на «неисповѣдимые пути» впередъ оправдываетъ всякія странности и нелѣпости, какія ей вздумалось бы проповѣдовать и дѣлать.

Ея самоотрицаніе доходило наконецъ до геркулесовыхъ столбовъ. Она совершенно забывала о томъ уваженіи, которое ей оказывали въ свѣтѣ. «Когда ей случалось, —говоритъ біографъ, встрѣчаться съ простыми существами, которыя буквально понимали ея признанія въ неспособности, она радовалась этому и говорила: мнѣ *пріятно находить себя глупой* и неспособной, — любовь поглощаетъ все и оживотворяетъ все», и проч. Иногда, разсказываетъ тотъ же біографъ, «объятія божественной любви, наполнявшей ея сердце, были такъ сильны, что она не могла удержать этой любви въ границахъ неба и земли. Она прорывалась въ словахъ: «Я испытываю такое счастіе, что не могу удержаться, чтобы не желать, чтобы *адъ присоединился къ этому Богу* (que l'enfer vienne à ce Dieu), который такъ добръ, который такъ нѣженъ, который такъ глубоко хочетъ счастія всѣхъ своихъ созданій»» (!!). Еще одна черта. «Въ своей молитвѣ, которая на этотъ разъ грѣшила тѣмъ, что отдѣляла милосердіе Бога отъ его справедливости, ей случалось даже просить у Бога обращенія сатаны (!). Мы не осмѣлились бы однако судить строго (à la rigueur) это чувство, потому что она обращала его къ Тому, кому мы всегда можемъ повѣрять самыя сокровенныя наши мысли», и проч. Можно спросить, что бы вообще осталось отъ героини этой біографіи, еслибы ея дѣянія судить à la rigueur?

Понятно, что эти идеи и соотвѣтственныя имъ дѣйствія легко вызывали противъ себя если пока не преслѣдованіе, то насмѣшки. Біографъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что общественное мнѣніе высказывалось противъ г-жи Крюднеръ, что ей приходилось выносить униженіе; и объясняетъ это тѣмъ, что «г-жа Крюднеръ (возвышенностью своихъ стремленій) слишкомъ видимо переходила ту *мѣру христіанства*, которую свѣтъ *согласился терпѣть*». Хорошо еще, еслибъ дѣйствительно г-жа Крюднеръ виновата была только тѣмъ.

Такимъ образомъ г-жа Крюднеръ все больше и больше вступала на ту дорогу, которая впослѣдствіи доставила ей ея странную знаменитость. Она все больше и больше воображала, что ей предстоитъ великое дѣло, что самъ Богъ поручаетъ ей высокую миссію—обращать невѣрующихъ и приготовить тысячелѣтнее царство. Если прежде ей нравилось поучать «Францію» въ своемъ романѣ, то теперь задача была неизмѣримо громаднѣе,— въ ея рукахъ были ключи отъ царствія божія. Мотивы ея ре-

лигіознаго фантазерства развиваются до чрезвычайныхъ странностей. Внѣшніе факты біографіи г-жи Крюднеръ были тѣ, что въ половинѣ 1810 года она отправилась въ Россію, т. е. въ Лифляндію, чтобъ видѣться съ матерью. Она встрѣтилась конечно и съ старыми знакомыми въ моравской общинѣ, сообщила имъ свои религіозные успѣхи, обратила нѣсколькихъ къ ученію о чистой любви. У нихъ начались собранія, гдѣ они молились, исповѣдывали другъ друга и т. п. Въ числѣ обратившихся былъ и братъ г-жи Крюднеръ, баронъ Фитингофъ, впослѣдствіи членъ комитета русскаго Библейскаго Общества. Продолжая свои эксперименты, г-жа Крюднеръ налагала на себя новыя испытанія и лишенія, взявъ въ руководство эксперименты г-жи Гюйонъ [1].

Въ ноябрѣ 1811 г. она отправилась въ Баденъ. Туда именно призывали ее прореченія Куммринъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ заказала ей привезти изъ Россіи сестру Фонтэна: она жила тамъ уже много лѣтъ и теперь, по указанію того же «неба», должна была присоединиться къ ихъ дѣлу. По дорогѣ въ Баденъ г-жа Крюднеръ уже начала проповѣдовать передъ многочисленными слушателями; такъ было въ Кёнигсбергѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ.

Въ Карлсруэ она встрѣтила Фонтэна, который между тѣмъ приготовилъ ей новый подвигъ, указанный небомъ черезъ посредство Куммринъ. Біографъ говоритъ, что не могъ получить объ этомъ таинственномъ подвигѣ отчетливыхъ свѣдѣній, но сущность этой новой выдумки Фонтэна состояла въ томъ, что г-жа Крюднеръ должна была вступить въ какой-то мистическій союзъ съ братомъ Фонтэна, — человѣкомъ, который, по словамъ біографа, не отличался выгодно ни наружностью, ни умомъ, ни нравственными качествами, и кромѣ того имѣлъ еще какіе-то недостатки. Союзъ былъ повидимому заключенъ, — хотя черезъ нѣсколько времени этотъ «четвертый», какъ обозначала его Куммринъ въ своихъ пророчествахъ, былъ отправленъ на излеченіе въ Женеву, гдѣ онъ получалъ отъ г-жи Крюднеръ щедрую помощь. Въ этомъ послѣднемъ безъ сомнѣнія и заключалась вся цѣль мистическаго союза.

Въ 1812 году, г-жа Крюднеръ продолжала жить въ южной

---

[1]) Для оцѣнки этихъ экспериментовъ необходимы конечно объясненія медиковъ. Опытъ подобной оцѣнки сдѣлалъ Гейнротъ, въ своей «Исторіи Мистицизма» (Geschichte des Mysticismus, Leipzig 1832). Книга эта, далеко не полная относительно фактовъ, любопытна между прочимъ и потому, что авторъ ея — медикъ, спеціалистъ по психіатріи.

Германіи, боялась за существованіе Россіи, утверждала при этомъ, что нисколько не заботится о томъ, если судьба войны лишитъ ее достоянія (потому что «небо» должно же будетъ о ней позаботиться), но впрочемъ имѣла довольно средствъ въ своемъ распоряженіи. Въ октябрѣ этого года она сдѣлала экскурсію въ Страсбургъ, гдѣ ревностно занималась обращеніями и устроивала религіозныя собранія — для нѣмцевъ и для французовъ.

Въ 1813 г., г-жа Крюднеръ отправилась въ Женеву. Здѣсь у нея были друзья, между прочимъ г-жа Арманъ; она встрѣтила еще новыхъ, изъ которыхъ одинъ сталъ потомъ ея правой рукой. Въ Женевѣ была маленькая община моравскихъ братьевъ. Одинъ изъ братьевъ возъимѣлъ мысль основать общество *друзей* для чтенія Библіи, въ которое дѣйствительно собралось нѣсколько молодыхъ людей, большею частью студентовъ теологіи (это было въ 1810 г.). Въ числѣ ихъ былъ и Анри Эмпейтазъ. Еще задолго до этого, Эмпейтазъ почувствовалъ въ себѣ религіозныя наклонности и налагалъ на себя аскетическія испытанія,—постъ, покаяніе и умерщвленіе плоти. Теперь, черезъ общество «друзей» онъ сблизился съ моравскими братьями и вскорѣ убѣдился въ ихъ принципахъ. Между тѣмъ оффиціальная женевская церковь обратила вниманіе на это движеніе, и нашла нужнымъ остановить его. «Друзья» разошлись въ концѣ 1812 г., но Эмпейтазъ и его товарищъ Герсъ остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, и продолжали вести воскресную школу, основанную ими въ новомъ духѣ. Въ половинѣ 1813 года явилась въ Женевѣ г-жа Крюднеръ. Она поселилась у г-жи Арманъ и конечно тотчасъ же вступила въ сношенія съ маленькой церковью, къ которой ея пріятельница уже принадлежала; она познакомилась конечно и съ Эмпейтазомъ, и услышавъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, какимъ онъ подвергается вслѣдствіе своихъ новыхъ связей, она убѣждала его не покоряться и не слушать тѣхъ, которые уговаривали его уступить хотя на время, до посвященія въ пасторы. Въ основаніе она приводила то, что «Господу нужно соединить свой народъ въ этомъ городѣ», и напоминала ему правило, что «человѣческое благоразуміе есть язва христіанства»,—котораго сама она твердо держалась. Онъ послушался ея, какъ увидимъ. Въ Женевѣ г-жа Крюднеръ также принимала многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ назидала своими поученіями.

Затѣмъ, она «покинула Женеву, осыпанная благословеніями своихъ многочисленныхъ друзей»; ей нужно было вернуться въ Карлсруэ, «куда призывали ее *другія обязанности*».

По дорогѣ она остановилась еще въ Базелѣ, гдѣ у нея также нашлись друзья, занимавшіеся распространеніемъ Библіи: здѣсь было свое библейское (и также миссіонерское) общество; она приняла участіе и въ распространеніи благочестивыхъ трактатовъ: «мы напечатали много небольшихъ сочиненій, гдѣ солдаты призываются къ Спасителю и къ чувствамъ благочестія».

Между тѣмъ Эмпейтазъ находился въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ: ему пришлось наконецъ разорвать съ оффиціальной церковью или съ «обществомъ пасторовъ», и въ половинѣ 1814 г. оно рѣшило не давать ему посвященія. Этотъ конецъ былъ до значительной степени дѣломъ г-жи Крюднеръ, потому что все время она не переставала убѣждать и его и вообще своихъ женевскихъ друзей — не уступать. Письма ея преисполнены увѣреніями, что именно такъ хочетъ Богъ, и предвѣщаніями: «Церковь явится; народъ Вѣчнаго соберется... Буря приближается и *школы* закроются; не будетъ больше священниковъ по образу людей. Священство пріятное Господу будетъ возстановлено, и будетъ преподаваться служеніе чистой любви». Въ другомъ письмѣ: «Скоро бѣдствія заставятъ серьезно подумать тѣхъ, которые васъ преслѣдуютъ. Какъ страшенъ судъ божій! Молитесь ревностно Богу за этихъ несчастныхъ; они слѣпы». Дальше: «Монахи преклоняются къ землѣ. Многочисленныя обращенія совершились въ прусской арміи и уже свѣтитъ заря этой достопамятной эпохи. 1816 г. будетъ очень замѣчателенъ», и т. д. Кончилось тѣмъ, что Эмпейтазу нечѣмъ было жить и нечѣмъ кормить старуху мать. Г-жа Крюднеръ поспѣшила *поздравить* его съ этимъ, потому что «это такъ и должно быть» по ея теоріи. Но впрочемъ она сообразила, что у него не было такихъ доходовъ, какъ у нея, и пригласила его пріѣхать къ себѣ. Онъ поселился пока у Оберлина, съ которымъ и раздѣлилъ его пастырско-филантропическіе труды.

Вмѣсто 1816 года въ другихъ предсказаніяхъ г-жи Крюднеръ называется 1815-й. Годы ставились конечно на угадъ, и заниматься предвѣщательствомъ было довольно удобно. Г-жа Крюднеръ жила въ Карлсруэ и Баденѣ; при баденскомъ дворѣ соединялись тогда весьма различные элементы, на которыхъ отражалось тревожное положеніе вещей. Здѣсь была въ то время дочь маркграфини баденской, императрица Елизавета Алексѣевна, которая отсюда должна была отправиться въ Вѣну, гдѣ собирался конгрессъ; здѣсь была королева шведская, далѣе великая герцогиня Стефанія, адоптивная дочь Наполеона, королева Гортензія. Понятно, что тогдашнія политическія треволненія чувствовались здѣсь особенно сильно, и при разгоряченной фантазіи,

какою отличалась г-жа Крюднеръ, ей не мудрено было вообразить себя прорицательницей. Самъ біографъ, принимающій серьезно «откровенія» г-жи Крюднеръ, пишетъ объ этомъ времени: «*Событія*, быстро смѣнявшіяся однѣ другими (рѣчь идетъ о 1813 г. и первой половинѣ 1814 года), казалось, *предсказывали* новые ужасы и новые перевороты». Г-жа Крюднеръ и воспользовалась этимъ. Ея предсказанія были того же качества, какъ у Маріи Куммринъ: онѣ были достаточно темны, чтобъ ихъ можно было ловить на словѣ; онѣ затрогивали всеобщее тревожное чувство и потому дополнялись собственными соображеніями тѣхъ, кому высказывались; наконецъ, онѣ вовсе не оправдывались.

Ей какъ будто представлялось нѣчто въ родѣ свѣтопреставленія, или именно начала тысячелѣтняго царства. «Приближается великая эпоха—писала она нѣсколько позднѣе г-жѣ Арманъ:— все будетъ низпровержено, *школы*, *человѣческія науки*, *государства*, *троны* (!!!). Дѣти божіи будутъ собраны. Просите великой ревности, любезная и драгоцѣнная подруга»... Біографъ смотритъ на эти прорицанія, какъ на нѣчто дѣйствительно сверхъестественное. Правда, впослѣдствіи ей случилось менѣе двусмысленно говорить объ императорѣ Александрѣ; но остальное оказалось совсѣмъ неловко: нѣкоторые (Наполеоновскіе) *троны* дѣйствительно попадали, но возстановились на ихъ мѣсто старые; *школы* и человѣческія науки остались цѣлы совершенно; «священники по образу человѣческому» господствовали по прежнему; «собравшееся стадо» совсѣмъ разбрелось, свѣтопреставленія не произошло, и 1816 годъ, если и былъ замѣчателенъ, то вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ ожидала г-жа Крюднеръ. Онъ былъ началомъ ея послѣдней, рѣшительной неудачи.

IV.

Первая встрѣча съ императоромъ Александромъ.

«Обязанности», которыя требовали присутствія г-жи Крюднеръ въ Карлсруэ, были, какъ видно, обязанности придворнаго свойства. Расходясь съ обществомъ и съ церковью, г-жа Крюднеръ оставалась въ самыхъ мирно-любезныхъ отношеніяхъ къ придворной сферѣ, и удачно ладила со всѣми взаимно враждебными сторонами: она поддерживала отношенія съ королевой Гортензіей и была въ дружбѣ съ ея довѣреннымъ лицомъ, m-lle Кошле, но въ тоже время нашла союзниковъ и на другой сторонѣ.

Въ Карлсруэ жила тогда, какъ мы замѣтили, императрица Елизавета Алексѣевна, ненавидѣвшая все, что имѣло отношеніе къ Наполеону, и потому холодная къ Гортензіи и Стефаніи. Біографъ разсказываетъ, что г-жа Крюднеръ «быстро отличила въ числѣ дамъ императрицы одну изъ тѣхъ избранныхъ душъ, встрѣча съ которыми слишкомъ рѣдко освѣщаетъ наше странничество въ этомъ мірѣ». Эта избранная душа была фрейлина императрицы Елизаветы, m-lle Стурдза.

Надо думать, что г-жа Крюднеръ имѣла особыя причины «быстро» сблизиться съ г-жей Стурдза. Роксандра (Александра) Скарлатовна Стурдза, сестра извѣстнаго Александра Стурдзы, по отзывамъ современниковъ, женщина замѣчательно умная и любезная, была любимой фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Одаренная пылкимъ воображеніемъ, она увлеклась въ мистицизмъ, господствовавшій тогда эпидемически, и находилась въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ А. Н. Голицынымъ, также съ извѣстнымъ мистикомъ Род. Алекс. Кошелевымъ (гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта) и кн. С. С. Мещерской. «Всѣ сіи лица—разсказываетъ одинъ ихъ почитатель, — вели жизнь сокровенную въ Богѣ, и время развѣ раскроетъ потомству подвижничество ихъ, угодное Благословенному государю, Александру I». Съ самимъ императоромъ фрейлина Стурдза сблизилась особенно, кажется, уже въ Вѣнѣ,— но положеніе ея и въ это время, наканунѣ вѣнскаго конгресса, было уже таково, что сближеніе съ ней могло доставить сильныя придворныя связи. Впослѣдствіи, въ 1816 г., Роксандра Стурдза вышла замужъ за веймарскаго министра, графа Эделинга, и жила въ Веймарѣ. Во время греческаго возстанія, она вмѣстѣ съ своимъ братомъ принимала дѣятельное участіе въ судьбѣ грековъ, спасавшихся тогда въ Россію, при содѣйствіи князя Голицына успѣла устроить сборъ по всей Россіи пособій для грековъ, приходившихъ въ Россію, и для выкупа другихъ изъ турецкаго плѣна. Въ 1824 г. она убѣдила мужа переселиться въ Россію и основалась въ Одессѣ [1]).

Г-жа Крюднеръ завязала съ ней самую дружескую связь, цѣль которой едва ли ограничивалась одной евангельской любовью. При ея содѣйствіи, конечно, г-жа Крюднеръ сблизилась и съ самой императрицей. Объ этомъ важномъ дѣлѣ она извѣщала своихъ друзей такъ (въ сентябрѣ 1814 г.):

---

[1]) См. «Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ», въ «Чтеніяхъ М. Общ.», 1864, II, 198; «Надгробное слово кн. А. Н. Голицыну», А. Стурдзы, Спб. 1859, стр. 4, 5, 19; «Зап. Вигеля», III, ч. V, стр. 65; Pertz, Stein's Leben, V, 51.

«Меня постоянно задерживали (отъ поѣздки къ Оберлину, у котораго жилъ и Эмпейтазъ) важныя вещи, и я чувствовала въ душѣ, что я *еще не кончила*. Господь удостоилъ привязать душу императрицы къ пламеннымъ желаніямъ моей души; я не одинъ разъ работала (j'ai eu plus d'un travail) съ этой ангельской женщиной, и въ послѣднее время, когда она уѣзжала, я считала себя свободной и стремилась присоединиться къ вамъ въ любезной моему сердцу долинѣ, но внутренній голосъ говорилъ мнѣ: дѣло *еще не кончено*».

«Работа», о которой говоритъ г-жа Крюднеръ, были конечно бесѣды съ императрицей, въ которыхъ она вела свою пропаганду, вѣроятно молитвы вмѣстѣ, которыя тогда уже входили въ программу ея «церкви». Дальше она дѣйствительно упоминаетъ, что проповѣдовала Христа императрицѣ, королевѣ голландской и пр., «возвѣщая имъ великія событія».

Отправившись наконецъ къ своимъ друзьямъ, г-жа Крюднеръ ревностно проповѣдовала; они дѣлали молитвенныя собранія, на которыя собиралось множество посѣтителей; г-жа Крюднеръ давала религіозно-наставительные сеансы желающимъ; въ числѣ обращенныхъ былъ между прочимъ полицейскій генералъ-коммиссаръ въ Майнцѣ, Беркгеймъ: онъ оставилъ полицейскую службу, къ великимъ сожалѣніямъ своего семейства «отказался отъ всякихъ повышеній(!), чтобы посвятить себя царству божію», по словамъ біографа. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ при г-жѣ Крюднеръ и впослѣдствіи женился на ея дочери.

Между тѣмъ, когда г-жа Стурдза отправилась съ императрицей въ Вѣну, г-жа Крюднеръ продолжала вести съ ней дѣятельную переписку. Письма ея заняты конечно тѣми же предметами, которые составляли ея «ученіе», совѣтами предаться Христу, обратиться къ «океану любви», и т. д. Предвѣщанія на этотъ разъ начинаютъ ближе касаться императора Александра.

По словамъ біографа, г-жа Крюднеръ «снимала для г-жи Стурдза повязку, закрывавшую глаза дипломатовъ», проводившихъ время въ увеселеніяхъ и не видѣвшихъ хода событій. Она дѣйствительно (въ письмѣ отъ 27 октября 1814 г.) возстаетъ противъ этихъ «печальныхъ удовольствій», грозитъ бѣдствіями, утверждаетъ, что «ангелъ, отмѣчающій предохранительной кровью двери избранныхъ, проходитъ, и свѣтъ не видитъ его; онъ считаетъ головы, судъ приближается, онъ близокъ, а люди волнуются на волканѣ». Въ письмѣ говорилось также о Франціи: «буря приближается; эти лиліи... явились, чтобы исчезнуть». Дальше она говоритъ объ императорѣ Александрѣ:

«Вамъ хотѣлось бы говорить о столькихъ великихъ и глу-

бокихъ прекрасныхъ качествахъ души императора. Мнѣ кажется, что я уже много знаю о немъ. Я уже давно знаю, что Господь дастъ мнѣ радость его видѣть. Если я буду жива, это будетъ одной изъ счастливыхъ минутъ моей жизни... Я имѣю множество вещей сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу (j'ai d'immenses choses à lui dire, car j'ai beaucoup éprouvé à son sujet): Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло быть безъ страха и безъ упрека; его дѣло преклониться передъ Христомъ, истиной».

Г-жа Стурдза была поражена этими предсказаніями, и показала письмо императору Александру; онъ получилъ сильное желаніе видѣть г-жу Крюднеръ.

Не трудно объяснить себѣ, почему экзальтація г-жи Крюднеръ обращалась въ эту сторону. Біографъ утверждаетъ, что «г-жа Крюднеръ, по образу *своего* учителя (!), имѣла симпатію ко всѣмъ классамъ, всѣмъ положеніямъ и возрастамъ; она любила дѣтей», и такъ далѣе. Но кажется еще больше она любила придворную сферу, и успѣхи въ этой сферѣ были особенно ей интересны. Личность императора Александра стояла въ это время такъ высоко, что примкнуть къ ней такъ или иначе могло быть достаточнымъ предметомъ честолюбивыхъ исканій. А теперь именно представлялась возможность этого съ той стороны, которую г-жа Крюднеръ считала своей спеціальностью. Ей не трудно было знать о тогдашнемъ настроеніи императора; ей конечно были извѣстны факты, изъ которыхъ обнаруживалось, что прежняя наклонность къ сантиментальности теперь принимала у императора все больше и больше характеръ религіознаго мистицизма. Ей были извѣстны, напр., его участіе къ русскому Библейскому Обществу, его покровительство Юнгу Штиллингу [1]), его бесѣда съ квакерами во время посѣщенія имъ Лондона; одного изъ этихъ квакеровъ она встрѣтила вскорѣ послѣ того, такъ что могла знать всѣ подробности (ce cher Grellet le quaker, que nous aimons bien); много подобныхъ подробностей могла сообщить ей теперь же г-жа Стурдза. Словомъ, въ томъ настроеніи, въ какомъ находился тогда императоръ Александръ, и которое было ей извѣстно, г-жа Крюднеръ находила достаточно поводовъ и надеждъ на сближеніе, къ которому она теперь такъ пламенно стремилась.

---

[1]) Въ упомянутомъ письмѣ къ г-жѣ Стурдза: «князь Голицынъ прислалъ мнѣ тысячу гульденовъ (экю) для нашего стараго Юнга. Я угадываю руку, которая посылаетъ ихъ, но молчу. Да благословитъ Всевышній эту руку» и пр.

Въ это время она вообще была очень занята: «ея ревность къ обращенію грѣшниковъ получила новую силу. Она уже основала общество молитвъ, члены котораго обязались молиться спеціально за большое число лицъ. Разсѣянные отъ Балтійскаго до Средиземнаго моря, они приняли имена діаконовъ и діакониссъ: согласіе ихъ горячихъ молитвъ было источникомъ великихъ благодатей». Все время ея было занято ея «обязанностями». Пасторъ Фонтэнъ, между прочимъ, опять сталъ просить г-жу Крюднеръ купить землю въ Вюртембергѣ, гдѣ онъ хотѣлъ основать что-то въ родѣ прежней христіанской колоніи, — и успѣлъ въ этомъ, хотя, казалось бы, его патронша должна была наконецъ понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Біографъ разсказываетъ, что среди своихъ трудовъ, г-жа Крюднеръ почти не имѣла отдыха, и должна была отказаться отъ дружеской переписки: «до такой степени посѣщенія и *дѣла царства божія* (les affaires du règne de Dieu) занимали все ея время».

Но конечно она не отказалась отъ переписки съ г-жей Стурдза. Отъ 4-го февраля 1815 г., г-жа Крюднеръ писала ей между прочимъ: «Величіе миссіи императора въ послѣднее время было еще открыто мнѣ такъ, что мнѣ непозволительно въ ней сомнѣваться. Я преклонялась передъ щедротами Господа, который далъ столько благословеній этому орудію милосердія. Ахъ, какъ мало міръ знаетъ о всемъ томъ, что ожидаетъ его, когда священная политика возьметъ въ бразды все, и когда солнце правосудія покажется для самыхъ слѣпыхъ. Да, милый другъ, я убѣждена, что я *имѣю множество вещей сказать ему*, и хотя *князь тьмы* дѣлаетъ все возможное, чтобы удалить и помѣшать тѣмъ, кто можетъ говорить съ нимъ о божественныхъ вещахъ, Всемогущій будетъ сильнѣе его. Богъ, который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце къ тому смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество. Онъ все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ», и проч.

Въ февралѣ 1815 г., г-жа Крюднеръ, «по откровенію свыше», какъ серьезно говоритъ ея біографъ, поселилась близъ Шлуктерна, въ курфиршествѣ гессенскомъ; она принялась проповѣдовать въ тамошнемъ населеніи, которое впрочемъ и безъ того уже возбуждено было до послѣдней степени піэтистами и Юнгомъ Штиллингомъ. Экзальтація доходила до того, что цѣлыя общины продавали свое имущество, чтобы отправиться искать тѣхъ странъ, гдѣ должно быть въ скоромъ времени основано царство Христово на землѣ. Штиллингъ указывалъ это мѣсто за Кавказомъ, у горы Арарата, куда многія тысячи этихъ несчастныхъ

послѣдователей его (въ особенности изъ Вюртемберга и Баваріи) и дѣйствительно отправились [1]. Біографъ утверждаетъ, что г-жа Крюднеръ «старалась удерживать эти увлеченія воображенія, проповѣдуя повиновеніе и покорность, покаяніе и возрожденіе св. Духомъ». Можетъ быть; но ея проповѣдь дѣйствовала однако именно въ томъ же, безплодно возбуждающемъ родѣ, и производила далеко не полезное волненіе простодушныхъ людей.

Наконецъ, Наполеонъ ушелъ съ острова Эльбы. Почитатели г-жи Крюднеръ были убѣждены, что она это и предсказывала. Сама она, въ письмѣ къ г-жѣ Стурдза (въ апрѣлѣ 1815), положительно говоритъ, что они «были вѣрно объ этомъ извѣщены милосердіемъ Бога»; она говоритъ, что въ послѣднее время много дѣлаетъ путешествій, и такъ какъ многимъ кажется, что ей бываютъ извѣстны впередъ политическія событія, то считаютъ, что она принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ. Она говоритъ объ этомъ съ большимъ пренебреженіемъ: «увы! еслибъ я знала только то, что происходитъ въ кабинетахъ, я знала бы очень мало и оставалась бы въ мракѣ». Въ слѣдующемъ письмѣ (въ маѣ), она проситъ свою пріятельницу молиться о ней, чтобы она могла выполнить свои *великія обязанности* и не осталась виновной за недостатокъ любви къ Богу, который «осыпаетъ ее благодѣяніями и слышитъ каждую ея молитву».

Когда императоръ Александръ отправился изъ Вѣны къ дѣйствующей арміи, г-жа Крюднеръ поджидала его въ Гейльброннѣ, на пути къ Гейдельбергу. Здѣсь произошла ихъ первая встрѣча, которая потомъ завязала между ними на нѣсколько времени тѣсныя религіозно-мистическія отношенія.

Эти любопытныя отношенія еще не были достаточно разъясняемы въ нашей исторической литературѣ. Религіозная сторона характера императора Александра, какъ и другія стороны этого сложнаго и обильнаго противорѣчіями характера, еще ждутъ своего опредѣленія. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничиваемся нѣсколькими подробностями, какія обнаруживаются въ отношеніяхъ императора къ г-жѣ Крюднеръ.

По различнымъ разсказамъ [2], религіозное настроеніе въ первый разъ сильно овладѣло императоромъ Александромъ въ 1812 г. Кн. Мещерская разсказываетъ, что около половины 1812 г. импе-

---

[1] См. разсказъ объ ихъ печальной судьбѣ въ книгѣ Пинкертона, Russia, стр. 143—152.

[2] Ср. *Schnitzler*, Histoire intime de la Russie, 1847; — *Pinkerton*, Russia, стр. 366 и слѣд. (разсказъ княгини С. С. Мещерской); — (*Empaytaz*) Notice sur Alexandre, empereur de Russie. Par. H. L. E., ministre du Saint Evangile. Genève 1828 (46 стр.) и др.

раторъ, уѣзжая изъ Петербурга и уже простившись съ семействомъ, удалился въ свой кабинетъ и оканчивалъ нѣкоторыя дѣла передъ отъѣздомъ. Въ это время къ нему вошла женская фигура, которой онъ сначала не узналъ, потому что комната была мало освѣщена. Удивленный такимъ необычнымъ посѣщеніемъ, онъ подошелъ къ ней и узналъ графиню Толстую; она, извинившись въ своей смѣлости, сказала, что хотѣла пожелать ему счастливаго пути, и подала ему бумагу. Императоръ, всегда снисходительный, поблагодарилъ ее и простился съ ней: бумагу онъ спряталъ въ карманъ, предполагая, что это какая-нибудь просьба и что онъ займется ею на досугѣ. На первомъ ночлегѣ, онъ вспомнилъ объ этой бумагѣ и желая развлечься отъ тяготившихъ его заботъ, вынулъ ее и сталъ читать. Но къ изумленію своему онъ увидѣлъ, что въ ней заключался 91-й псаломъ. Онъ прочелъ его и это чтеніе успокоило его.

Потомъ, черезъ значительный промежутокъ времени, онъ былъ въ Москвѣ, въ одинъ изъ критическихъ періодовъ своей жизни. Однажды, оставаясь одинъ въ кабинетѣ, онъ перебиралъ у себя на столѣ книги, и одна изъ нихъ при этомъ упала — и раскрылась, и когда Александръ поднялъ и взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ тотъ же псаломъ, который одинъ разъ уже доставилъ ему утѣшеніе. «Онъ прочелъ его, и нашелъ, что каждое слово псалма примѣнялось къ нему самому; и даже впослѣдствіи, до послѣдней своей минуты, онъ всегда имѣлъ при себѣ этотъ псаломъ, выучилъ его наизусть, и каждое утро и вечеръ читалъ его при молитвѣ».

Есть другіе варіанты этого разсказа съ другими подробностями, между прочимъ въ брошюрѣ Эмпейтаза и въ біографіи г-жи Крюднеръ. Мы не будемъ останавливаться на нихъ и разбирать, который точнѣе; достаточно замѣтить тотъ общій фактъ, что это религіозное настроеніе началось съ особенной силой въ тотъ моментъ, когда императоръ Александръ подвергался наибольшимъ и дѣйствительно тяжелымъ испытаніямъ. По различнымъ разсказамъ объ его религіозномъ характерѣ (разсказамъ, большей частью идущимъ отъ людей піэтистическаго настроенія), до этого времени религіозное чувство дремало въ немъ: «онъ пренебрегалъ источникомъ всякой благодати, онъ не уразумѣвалъ его — онъ былъ совершенно лишенъ истинной вѣры» (по словамъ княгини Мещерской); при всѣхъ благородныхъ и истинно христіанскихъ стремленіяхъ, которыя были ему врождены, онъ не имѣлъ настоящаго религіознаго чувства, и хотя часто рѣшался исправить свою жизнь, но «его планы исправленія падали при самомъ началѣ; благодать божія, которая одна можетъ из-

мѣнить человѣка, еще не касалась этого невозрожденнаго сердца» (по словамъ женевскаго методиста). Теперь, когда стало совершаться это возрожденіе, въ направленіи мыслей и чувствованій императора произошла перемѣна, увлекшая его въ религіозный мистицизмъ. Кн. Мещерская приводитъ слова, которыя говорилъ онъ впослѣдствіи: «я чувствовалъ себя ребенкомъ; опытъ показалъ мнѣ мою несостоятельность; вѣра побудила меня отдаться Тому, кто говорилъ ко мнѣ въ псалмѣ, и внушила мнѣ увѣренность и силы, совершенно для меня новыя. При каждой новой трудности, которую нужно было преодолѣть, при каждомъ рѣшеніи, которое нужно было принять, и при каждомъ вопросѣ, который надо было рѣшить, я преклонялся къ ногамъ моего небеснаго Отца — или, углубляясь въ себя на нѣсколько минутъ, я взывалъ къ нему изъ глубины моего сердца, и все чудеснымъ образомъ улаживалось, рѣшалось и исполнялось; всѣ затрудненія исчезали передъ Господомъ, который шелъ впереди меня. Я непрестанно читалъ его слово», и т. д [1]).

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ религіозной исторіи императора Александра, укажемъ еще нѣкоторыя общія черты. Прежде всего надобно замѣтить, что его стремленія не удовлетворились обычными церковными формами, и это довольно понятно. Воспитаніе не привязало его къ нимъ; напротивъ, содержаніе его понятій было чуждо этимъ формамъ, оно исполнено было гуманистическими идеалами, въ которыя церковность входила очень мало, или не входила вовсе; въ немъ было вѣроятно извѣстное скептическое отношеніе къ формальной религіи. При этомъ общемъ характерѣ его идеальныхъ стремленій, какъ скоро въ немъ пробудилась религіозная потребность, она естественно должна была удовлетворяться только извѣстными идеальными формами религіозности, въ которыхъ входили бы черты его прежнихъ представленій; въ его религіи должны были заключаться сантиментальная романтика и гуманистическіе идеалы. Поэтому онъ и былъ такъ склоненъ къ внушеніямъ піэтистовъ и мистиковъ. Съ этого времени его занимаетъ и мысль о наилучшей церковной формѣ въ современномъ христіанствѣ. Онъ конечно признавалъ ту «внутреннюю церковь», которую въ то же время проповѣдовали его приближенные піэтисты; противорѣчіе ея съ «внѣшней» церковью, на которое указывала библейско-мистическая школа, было замѣтно ему самому и должно было увеличивать его колебанія. Съ своего перваго религіознаго порыва Александръ былъ очень впе-

---

[1]) Pinkerton, Russia, 369.

чатлителенъ къ возбужденіямъ піэтистическаго характера; внутренняя борьба и неудовлетворенность заставляли его даже искать ихъ. Когда наполеоновскія войны перешли за предѣлы Россіи, и Александръ отправился за границу, для такихъ возбужденій открывалось широкое поле. На первыхъ же порахъ онъ раздѣляетъ свои религіозныя мечтанія съ королемъ прусскимъ; онъ посѣщаетъ въ Силезіи общины моравскихъ братьевъ, которые поразили его и внѣшнимъ благоустройствомъ своего быта и характеромъ своей религіозности; въ Баденѣ онъ бесѣдуетъ съ Юнгомъ Штиллингомъ; въ Лондонѣ онъ оказываетъ большую благосклонность къ квакерамъ, выражаетъ сочувствіе депутаціи британскаго Библейскаго Общества, и т. д.

Фарнгагенъ фонъ-Энзе въ своихъ «Воспоминаніяхъ» приводитъ любопытный разсказъ Юнга Штиллинга объ одномъ его разговорѣ съ императоромъ. Этотъ разговоръ не лишенъ интереса, какъ образчикъ религіозныхъ вопросовъ, тогда занимавшихъ императора.

«Юнгъ Штиллингъ разсказывалъ, что императоръ Александръ однажды, послѣ продолжительнаго религіознаго разговора, самымъ настоятельнымъ образомъ вызывалъ Штиллинга сказать ему, какая изъ христіанскихъ партій, по его мнѣнію, всего больше согласуется съ истиннымъ, чистымъ ученіемъ Христа? Вопросъ не былъ поставленъ такъ сурово, какъ тотъ, на который Наѳанъ долженъ былъ отвѣчать Саладину у Лессинга, и Юнгъ не прибѣгнулъ къ сказкѣ, но откровенно признался, что у него нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ и сектахъ есть свое хорошее, что ни одна изъ христіанскихъ формъ не закрываетъ пути къ блаженству, что все дѣло заключается въ самомъ человѣкѣ, въ его настроеніи и его дѣйствіяхъ. Императоръ не довольствовался этимъ и думалъ, что должно же быть гдѣ-нибудь больше или меньше, и что такой изслѣдователь, какъ Юнгъ, долженъ былъ увидѣть, куда склоняются вѣсы. На новыя настоянія императора и послѣ нѣкотораго размышленія, не можетъ ли онъ какъ-нибудь уступить ему, Юнгъ опять могъ только сказать ему, что его совѣсть не позволяетъ ему допустить здѣсь какое-нибудь предпочтеніе. Наконецъ императоръ сказалъ, что для него самого это дѣло почти рѣшенное, что ему хотѣлось только видѣть свое мнѣніе подтвержденнымъ и другими, что, по его мнѣнію, всего больше отвѣчаютъ этому первообразу геррнгутеры. «О, да, прибавилъ Юнгъ, геррнгутеры отличные люди и конечно я люблю ихъ; но и здѣсь дѣло опять не въ формѣ, и если только человѣкъ есть человѣкъ

хорошій, онъ во всякой формѣ можетъ преуспѣвать». Императоръ не могъ добиться отъ него ничего больше[1]).

Мы разскажемъ въ другомъ мѣстѣ о сношеніяхъ императора Александра съ другимъ, хотя близкимъ, разрядомъ религіозныхъ энтузіастовъ, съ квакерами, въ которыхъ ему опять сочувственно было духовное пониманіе религіи и доведеніе религіознаго принципа до степени единственнаго руководства жизни.

Всѣ эти оригинальныя сближенія показываютъ, какъ сильна была тогда въ Александрѣ религіозная впечатлительность, и какъ внутренняя неудовлетворенность искала себѣ отвѣта въ разныхъ видахъ крайняго религіознаго увлеченія. При этомъ настроеніи его понятно и то впечатлѣніе, какое произвела на него г-жа Крюднеръ.

Въ 1814, во время пребыванія въ Лондонѣ, Александръ бесѣдовалъ съ квакерами, и біографъ г-жи Крюднеръ, быть можетъ не безъ основанія, думаетъ, что его разговоръ съ квакерами о религіозной дѣятельности женщинъ, которую квакеры признавали во всей силѣ — не остался безъ вліянія на императора, и что при встрѣчѣ съ г-жей Крюднеръ онъ уже не имѣлъ никакого предубѣжденія, которое бы мѣшало ея роли. Кромѣ того императоръ тѣмъ легче могъ признать за нею ея проповѣдническую роль, что въ женскомъ обществѣ,—которое Александръ вообще очень любилъ,—онъ встрѣчалъ въ это время примѣры усиленнаго благочестія, отъ которыхъ переходъ къ г-жѣ Крюднеръ уже не имѣлъ въ себѣ ничего особенно рѣзкаго (напр. кн. Мещерская, гр. Толстая, г-жа Стурдза и пр.);—притомъ онъ зналъ о ней уже впередъ и именно отъ лицъ, которыя преклонялись предъ ея святостью.

Онъ слышалъ чтеніе одного письма г-жи Крюднеръ къ г-жѣ Стурдза, и патетическій тонъ письма кажется произвелъ на него впечатлѣніе. Вѣнская жизнь во время конгресса легко могла развлечь императора отъ его религіозныхъ влеченій, и дѣйствительно рядъ праздниковъ и всевозможныхъ удовольствій не давалъ времени и повода для благочестивыхъ разсужденій. Но полученное внезапно извѣстіе о томъ, что Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу и уже двигается къ Парижу, произвело крайнее

[1]) Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, 2 изд., Leipz. 1843, III, 360—361. Юнгъ Штиллингъ, кажется, не имѣлъ особеннаго дѣйствія на мысли императора. Эмпейтазъ, съ своей стороны, говоритъ, что Штиллингъ не имѣлъ яснаго представленія о простыхъ евангельскихъ истинахъ и не могъ дать Александру истинныхъ утѣшеній религіи, (Notice, стр. 8). Это конечно предоставлено было по его мнѣнію, никому иному какъ г-жѣ Крюднеръ.

смятеніе, и самъ Александръ не могъ скрыть тревожнаго волненія. Обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что только человѣкъ съ очень твердой энергіей могъ не смутиться передъ ними: Александръ имѣлъ случай разочароваться въ своихъ союзникахъ, а между тѣмъ ему предстояла теперь новая борьба съ страшнымъ противникомъ, имя котораго распространяло энтузіазмъ во Франціи.... Александръ отправился къ дѣйствующей арміи, полный безпокойнаго чувства. Передъ нимъ опять вставали мрачныя мысли о своей грѣховности, о ничтожествѣ человѣческихъ плановъ передъ волей Провидѣнія; неизвѣстность тяготила его, и ему вспомнились назиданія и предвѣщанія г-жи Крюднеръ. На пути къ арміи онъ остановился въ Гейльброннѣ, не доѣзжая недалеко до Гейдельберга [1]). Утомленный дорогой, онъ удалился въ свою комнату, когда ему доложили, что его настоятельно желаетъ видѣть г-жа Крюднеръ. Онъ былъ пораженъ неожиданнымъ ея появленіемъ въ ту самую минуту, когда онъ именно вспоминалъ о ней, и когда у него являлось желаніе видѣть ее: онъ тотчасъ принялъ ее.

«Въ этомъ первомъ свиданіи, — разсказываетъ близкій свидѣтель событій [2]) — г-жа Крюднеръ старалась побудить Александра углубиться въ самого себя, показывая ему его грѣховное состояніе, заблужденія его прежней жизни и гордость, которая руководила имъ въ его планахъ возрожденія.

— Нѣтъ, государь, рѣзко сказала она ему, вы еще не приближались къ Богочеловѣку какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія отъ того, кто одинъ на землѣ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились предъ Іисусомъ, не сказали еще какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте словъ женщины, которая также была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова.

«Въ этомъ смыслѣ г-жа Крюднеръ говорила къ своему государю въ теченіи почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Всѣ слова, имъ слышанныя, были, по выраженію Писанія, какъ обоюдуострый мечъ, проникающій до раздѣленія души и духа и судящій чувствованія и помышленія сердечныя. Наконецъ г-жа Крюднеръ, испуганная тѣмъ

[1]) Упомянутые нами разсказы (у Пинкертона, Шницлера, Эйнара и др.) нѣсколько разнятся въ подробностяхъ относительно происшедшей здѣсь встрѣчи императора съ г-жей Крюднеръ. Но въ главномъ они сходны.

[2]) Notice sur Alexandre etc., стр. 12—14.

тревожнымъ состояніемъ, въ какое слова ея повергли Александра, сказала ему: государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, какимъ я говорила. Повѣрьте, что я со всей искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были вамъ сказаны. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ.... Не бойтесь, отвѣчалъ Александръ, всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ: вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ вещи, которыхъ я никогда еще въ себѣ не видѣлъ; я благодарю за это Бога; но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры и я прошу васъ не удаляться».

На другой день, 5 іюня, Александръ отправился въ главную квартиру. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ написалъ г-жѣ Крюднеръ, чтобы она пріѣхала также, потому что ему хотѣлось подробнѣе говорить о томъ, что давно занимало его мысли. Г-жа Крюднеръ отправилась, и 9-го была въ Гейдельбергѣ. Она поселилась въ простомъ крестьянскомъ домикѣ, на лѣвомъ берегу Неккара, въ десяти минутахъ отъ того дома, гдѣ жилъ (за городомъ) императоръ. Сюда онъ приходилъ обыкновенно черезъ день, по вечерамъ, и проводилъ по нѣскольку часовъ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ, чтеніи Писанія и въ молитвахъ съ г-жей Крюднеръ, и ея спутникомъ и сотрудникомъ Эмпейтазомъ. Императоръ обнаруживалъ величайшее смиреніе, говорилъ съ своими собесѣдниками о состояніи своей души, о своихъ прежнихъ грѣхахъ и заблужденіяхъ, и о томъ спокойствіи, которое пріобрѣталъ онъ теперь.... Мы не будемъ подробно разсказывать этихъ бесѣдъ. Довольно привести нѣсколько частностей. Императоръ больше и больше проникался убѣжденіемъ въ своей грѣховности, въ силѣ покаянія и смиренной молитвѣ. Однажды, когда бесѣда шла объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ: «и я могу увѣрить васъ, что часто, когда мнѣ случалось бывать въ скабрезныхъ (такъ онъ выразился) положеніяхъ, я выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ вещь, которая чрезвычайно удивила бы свѣтъ, еслибъ была извѣстна: когда въ совѣщаніяхъ съ моими министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они бываютъ противоположныхъ мнѣній, я, вмѣсто того чтобы спорить, творю внутренно молитву, и они мало-по-малу приходятъ къ принципамъ человѣколюбія и справедливости». Онъ уже давно принялъ обыкновеніе каждый день читать св. писаніе, теперь это чтеніе получало для него еще больше мистическаго значенія, и онъ искалъ въ немъ непосредственныхъ отвѣтовъ на свои сомнѣнія. «19-го іюня, — разсказываетъ Эмпейтазъ, — онъ читалъ 35-й псаломъ; вечеромъ онъ сказалъ намъ, что этотъ псаломъ разсѣялъ въ его душѣ всѣ остававшіяся у него безпокойства относительно успѣха

войны; онъ былъ убѣжденъ, что дѣйствовалъ согласно съ волей Божіей».

Эти посѣщенія императоромъ г-жи Крюднеръ не могли не обратить на себя вниманія, и имъ приписывали политическую причину. Эмпейтазъ отвергаетъ эти толкованія. Онъ говоритъ, что г-жа Крюднеръ и онъ, призванные особой волей Провидѣнія успокоить душу императора и дать ему утѣшенія вѣры, нарушили бы самыя священныя обязанности, если бы дали мѣсто какимъ-нибудь постороннимъ планамъ; и что люди разныхъ партій, окружавшіе ихъ, никогда не могли воспользоваться ими для своихъ цѣлей. «Нѣтъ, нѣтъ, когда есть убѣжденіе, что за смертью слѣдуетъ судъ и притомъ судъ, рѣшающій на всю вѣчность; когда знаешь, что человѣкъ, умирающій внѣ общенія со Христомъ, умираетъ, также какъ родился, въ осужденіи; тогда невозможно занимать того, кто ищетъ истинъ Евангелія, какими-нибудь иными предметами кромѣ этихъ неизмѣнныхъ истинъ».

Эмпейтазъ конечно говорилъ искренно, — хотя въ концѣ концовъ эти посѣщенія имѣли и политическое значеніе: люди, окружавшіе императора, должны были понимать, что піэтизмъ, въ который императоръ увлекался, естественно можетъ подѣйствовать и на его политическую систему, какъ это впослѣдствіи и случилось. Что у г-жи Крюднеръ (а у сотрудника ея еще меньше) не было никакихъ особенныхъ политическихъ плановъ, этому можно повѣрить: для ея самолюбія знаніе небесныхъ путей Провидѣнія было болѣе лестно, чѣмъ земная политика, или другими словами, г-жѣ Крюднеръ казалось, что она пріобрѣтаетъ вліянія на императора несравненно больше, чѣмъ какіе-нибудь дипломаты.

25-го іюня императоръ Александръ отправился изъ Гейдельберга, чтобы вступить во Францію. Онъ просилъ г-жу Крюднеръ послѣдовать за нимъ. Она выждала нѣсколько времени, пока очистятся дороги, и 14 іюля была въ Парижѣ.

А. Пыпинъ.

ФЛОРЕНЦІЯ

И

ЕЯ СТАРЫЕ МАСТЕРА.

(Изъ путешествія по Италіи).

Съ давнихъ поръ Италія отовсюду привлекаетъ къ себѣ толпы путешественниковъ. Англичане, французы и нѣмцы какъ будто соперничаютъ между собою въ изученіи этой страны. Нѣтъ въ ней уголка, куда бы они не проникли; нѣтъ памятника, котораго бы они не осмотрѣли; имъ дороги даже нѣмые камни и развалины, какъ слѣды минувшей гражданственности. Опытъ доказываетъ, что и русскій человѣкъ охотно посѣщаетъ Италію и не прочь издать объ ней книгу «воспоминаній». Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эти дневники и записки были разнообразны или богаты содержаніемъ. Требовательный читатель нынѣшняго времени находитъ въ нихъ мало точныхъ свѣдѣній, а чужими впечатлѣніями, чувствами и восторгами почти не интересуется. Въ самомъ дѣлѣ, мы ищемъ за Альпами большею частью здоровья, отдыха и наслажденія, предоставляя западнымъ народамъ полную свободу дѣлать тамъ историческія и другія изысканія. Наши знатоки и поклонники Италіи воспѣваютъ на тысячу ладовъ красоты ея природы, хвалятъ, часто безотчетно, или подъ вліяніемъ эстетическихъ увлеченій, картины и статуи эпохи возрожденія, но рѣдко даютъ себѣ трудъ вникнуть въ прошедшую жизнь страны, которая считается колыбелью европейской образованности. Если у кого-нибудь и бывали подоб-

ія намѣренія, — отъ нихъ не осталось особенно замѣтныхъ ѣдовъ въ русской литературѣ. Кромѣ Кудрявцева, труды ко-раго прерваны смертью, никто не раскрылъ передъ нами «су-бъ Италіи». Лучшія времена ея свободы, искусства и науки я насъ темны или загадочны, а инымъ кажутся слишкомъ от-ленными и вовсе нелюбопытными. Гораздо съ бо́льшимъ вни-ніемъ слѣдили мы въ недавніе годы черезъ публицистовъ и рнальныхъ корреспондентовъ за ходомъ итальянскаго вопроса.) вопросъ этотъ затягивается; новая, единая Италія оконча-льно не устроилась, и трудно сказать, когда, какъ и кѣмъ бу-гъ устроена; первые энергическіе ея дѣятели сошли или схо-тъ со сцены; исполнятся ли ихъ планы и надежды, неиз-стно. Между тѣмъ мы согласны, что старая Италія суще-вуетъ по крайней мѣрѣ для художниковъ и посылаемъ ихъ туда *иться*, въ силу однажды заведеннаго порядка. Теперь спра-ивается: можетъ ли русскій художникъ, даже талантливый и ѣдущій въ техникѣ, подготовиться дома къ этому обычному тешествію? Если и можетъ, то развѣ при помощи иностран-іхъ сочиненій, не каждому понятныхъ и доступныхъ. Предо-ерегая его противъ рабской подражательности, требуя, чтобы іъ остался самобытнымъ, не копировалъ тѣхъ или другихъ оизведеній безъ разбора, не заимствовалъ чужой манеры, не влекался отъ своей почвы,—мы не даемъ ему въ руки надеж-іхъ пособій и руководствъ для изученія художественныхъ па-ітниковъ, которые онъ увидитъ. Наши многочисленные люби-ли итальянскаго искусства еще не разработали его исторіи ни цѣлости, ни по частямъ; изъ русскихъ книгъ трудно узнать, гда произошли въ Италіи разныя школы зо́дчества, ваянія и ивописи, въ какихъ отношеніяхъ находились онѣ между собою къ обществу, что̀ содѣйствовало ихъ развитію или упадку. е слышно, чтобы по этому предмету читались въ академіи льные курсы; любознательному художнику ничего не остается, ікъ собрать и прочесть разрозненныя замѣтки и противорѣчи-ія показанія путешественниковъ. Наша литература не богата кже біографіями великихъ мастеровъ; нѣкоторые изъ нихъ из-стны только по именамъ; о другихъ написаны отрывочныя за-ѣтки и разсказаны наиболѣе характерные анекдоты; полнаго изнеописанія удостоились очень немногіе. Вѣроятно, пройдетъ вольно времени, прежде чѣмъ исторія искусства будетъ у насъ)работана. Мы смотримъ на нее, какъ на предметъ любопыт-ый только для художниковъ, археологовъ, техниковъ, да развѣ ія праздныхъ поклонниковъ изящнаго. Между тѣмъ на Западѣ на давно интересовала мыслящихъ людей, а теперь возбуж-

даетъ общественное вниманіе. Въ ней наблюдають разныя явленія умственной и трудовой жизни человѣка, отыскиваютъ и надѣются открыть законы народнаго творчества. Искусство, по словамъ европейскихъ его знатоковъ, не есть роскошь, прихоть или игра воображенія, но орудіе гражданственности. Возникая большею частью раньше науки, или въ недоступныхъ для нея сферахъ, оно сильнѣе дѣйствуетъ на массы. Наука обыкновенно доходила къ народу сверху, т. е. при содѣйствіи власти, руководящихъ сословій и школъ. Напротивъ, искусство почти вездѣ зарождалось непринужденно въ самомъ народѣ, какъ потребность, какъ инстинктивное стремленіе къ самообразованію. Источникъ всѣхъ искусствъ кроется въ ремеслахъ, которыя составляютъ въ городахъ, на ряду съ торговлею, обычное, любимое занятіе простолюдина и даютъ ему насущный хлѣбъ. Привязываясь къ своему дѣлу, находя въ немъ единственную задачу и радость жизни, ремесленникъ легко доходитъ до *мастерства*, если только не чувствуетъ на себѣ оковъ и не повинуется исключительно чужой волѣ. Подъ именемъ мастеровъ народъ разумѣетъ людей, способныхъ научить ремеслу, знающихъ какъ свойства его матеріаловъ, такъ и самый процессъ, т. е. способы и пріемы производства. На языкѣ просвѣщенныхъ классовъ эти люди зовутся или художниками, или же механиками и техниками, смотря по свойству и цѣли ихъ ремесла. Мастерство есть *свободное* (изящное) *искусство*, когда въ немъ участвуетъ вдохновеніе и творчество, когда оно служитъ нравственнымъ потребностямъ общества; мастерство, имѣющее въ виду матеріальныя нужды и удобства, также можетъ вызывать изобрѣтательность, совершенствоваться и сдѣлаться *полезнымъ* (практическимъ) *искусствомъ*. Впрочемъ, эта классификація, какъ всѣ научныя дѣленія, условно: разные виды мастерства нерѣдко соединяются въ одномъ лицѣ; кромѣ того, по мѣрѣ успѣховъ искусства, его произведенія получаютъ многостороннее назначеніе. Даже простыя, грубыя ремесла у народовъ, способныхъ къ развитію, недолго остаются неподвижными. Всякое общество конечно наиболѣе питаетъ и поддерживаетъ механиковъ и техниковъ, безъ которыхъ ему трудно существовать. Но, несмотря на то, мастера-художники (именно зодчіе) являются въ самой глубокой древности, напримѣръ въ Индіи, Египтѣ, Ассиріи, Персидскомъ царствѣ. Въ тѣхъ же странахъ мы находимъ памятники живописи и ваянія. Съ перваго взгляда непонятно, какъ человѣкъ могъ свободно творить тамъ, гдѣ онъ былъ порабощенъ и скованъ. Дѣйствительно, произведенія восточныхъ мастеровъ носятъ на себѣ рѣзкіе слѣды чужого давленія и насилія. Самые размѣры еги-

петскихъ пирамидъ и ниневійскихъ дворцовъ показываютъ, что надъ ними работали руки невольниковъ. Но и этими руками, какъ видно, управляли иногда умныя и талантливыя головы. Вообще, если художникъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ религіи и высшихъ побужденій, онъ сбрасываетъ или покрайней мѣрѣ забываетъ тяготѣющій надъ нимъ гнетъ земныхъ силъ и вдохновляется своимъ созданіемъ. Доказательствомъ тому служатъ храмы востока; нѣкоторые изъ нихъ носятъ на себѣ отпечатокъ смѣлой и величественной композиціи; другіе, хотя и не поражаютъ красотою въ цѣлости, но мастерски отдѣланы въ подробностяхъ. Въ Греціи искусство, также вызванное религіею, развилось гораздо шире и свободнѣе, получило вполнѣ самостоятельную жизнь и достигло удивительнаго изящества пластическихъ формъ. Съ своей стороны римляне, подражая грекамъ въ живописи и скульптурѣ, сильно подвинули впередъ зодчество. Въ христіанской Европѣ искусство до XVI столѣтія держалось по преимуществу религіознаго направленія, чему содѣйствовало вліяніе католической церкви. Замѣчательно, что почти всѣ западные народы получили первоначально не книжное, а ремесленное и художественное воспитаніе: книги въ средніе вѣка были доступны только монахамъ да схоластикамъ, напротивъ, чѣмъ раньше въ какой-нибудь странѣ освобождались города, тѣмъ скорѣе совершенствовались разныя ремесла. Вездѣ мастера составляли тогда сильныя корпораціи, пользовались большимъ почетомъ между жителями и нерѣдко захватывали, вмѣстѣ съ купцами, верховную власть въ городахъ. Какъ зодчіе, особенно славились въ то время вольные каменьщики. Они, говорятъ, создали и распространили по всей Европѣ такъ называемый готическій стиль.

Но нигдѣ мы не находимъ столько интересныхъ и разнообразныхъ памятниковъ искусства, нигдѣ оно не имѣло такого просвѣтительнаго вліянія въ средніе вѣка, какъ въ Италіи. Дѣятельность итальянскихъ мастеровъ изумительна. Кромѣ ремеслъ, они занимались публичными работами, строили крѣпости, проводили каналы и, что всего важнѣе, явились воспитателями общества, создали въ странѣ умственную жизнь, основали практическія науки и подвинули впередъ самую гражданственность. На произведеніяхъ этихъ мастеровъ можно читать не только задушевныя думы, чувства и стремленія итальянскаго народа, но всѣ его опыты, успѣхи и побѣды въ борьбѣ противъ варварства. Искусство въ Италіи, какъ разцвѣло, такъ и увяло вмѣстѣ съ гражданскою и политическою свободою. Любопытно

знать, гдѣ лежатъ его зародыши, изъ какихъ элементовъ оно сложилось и при какихъ обстоятельствахъ пустило корни.

Извѣстно, что Апеннинскій полуостровъ съ V вѣка безпрестанно подвергался варварскимъ набѣгамъ и былъ театромъ кровопролитной борьбы между разными племенами. Въ это время погибла римская имперія и вмѣстѣ съ ея гражданственностью исчезли статуи, картины и другія произведенія древняго искусства. Только колоссальныя зданія, которыхъ нельзя было разрушить, или зарыть въ землю, уцѣлѣли и получили новое назначеніе. Такъ судебныя палаты (базилики) были превращены въ христіанскія церкви; мавзолеи, цирки и бани — въ крѣпости; дворцы—въ казармы и богадѣльни. Къ счастію, простой народъ нашелъ для себя среди кровопролитій довольно надежное убѣжище въ городахъ: нѣкоторые изъ нихъ еще при римлянахъ были обнесены стѣнами и валами; другіе, напр. Венеція, Равенна, находились въ мѣстахъ безопасныхъ и недоступныхъ. Сюда естественно стекались мирные ремесленники и торговцы. Но этимъ людямъ пришлось вынести тяжелый экономическій кризисъ. Они должны были или погибать отъ бѣдности, или измѣнить обычные способы, а иногда и самый родъ своихъ занятій; многія издѣлія и товары, которые имѣли сбытъ во времена роскоши и утонченности, оказались теперь ненужными; кромѣ того, церковь смотрѣла враждебно на разныя отрасли языческой промышленности. Въ виду такихъ обстоятельствъ, ремесла, приноровленныя къ прежнимъ потребностямъ, пришли въ упадокъ или огрубѣли въ Италіи. Но она не надолго погрузилась въ полное варварство. Уже въ VI вѣкѣ византійскимъ полководцамъ удалось покорить Сицилію, Неаполитанскія области и Экзархатъ. Вслѣдъ за побѣдоносными арміями, на завоеванныя земли устремились греческіе переселенцы. Между ними оказалось не мало людей, способныхъ научить итальянцевъ забытымъ и новымъ ремесламъ: въ восточную имперію еще со временъ Константина, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, законами и обычаями языческаго Рима проникли преданія и школы искусства. Правда, византійскіе мастера нисколько не походили на великихъ художниковъ древней Греціи: даромъ творчества и вдохновеніемъ они не владѣли, но за то были опытны въ обращеніи съ матеріаломъ и усвоили извѣстный навыкъ или сноровку въ работѣ. Между тѣмъ какъ варвары почти не имѣли понятія о церковномъ зодчествѣ, греки могли строить и украшать христіанскіе храмы, причемъ употребляли въ дѣло мозаику и живопись. Кромѣ того они заимствовали отчасти у предковъ, отчасти у своихъ восточныхъ сосѣдей, искусства чеканить и лить металлы,

бдѣлывать драгоцѣнные камни и эмаль, вышивать золотомъ и іелками одежды и т. п. Лучшіе памятники византійскаго маіерства въ Италіи относятся къ VI и VII столѣтіямъ. Мы раумѣемъ здѣсь церкви, сооруженныя и отдѣланныя около этого ремени въ Римѣ и Равеннѣ. Большею частью онѣ напоминаıтъ внѣшнимъ видомъ древнія базилики; но одна изъ нихъ церковь св. Виталія въ Равеннѣ) имѣетъ круглую форму, подимается отъ земли съ помощью легкихъ арокъ, какъ куполъ, и аетъ высокое понятіе объ опытности и смѣлости строителя. та церковь, говорятъ, плѣнила своею красотою Карла Велиаго и была взята за образецъ для ахенскаго собора. Гречекіе мастера не покинули итальянскихъ областей даже послѣ ападенія лонгобардовъ, сарацинъ и норманновъ, а только разѣялись по всему полуострову. Къ сожалѣнію, византійское исусство не имѣло настолько жизни, чтобы приспособиться къ арактеру чужой страны и не могло подкрѣпить себя изъ отеества свѣжими силами. Если въ такъ-называемый *золотой вѣкъ* Эстиніана оно уже не двигалось впередъ, то иконоборческія и олитическія смуты VIII и IX столѣтій должны были нанести му роковой ударъ. Дѣйствительно, мастера, бѣжавшіе изъ восточной имперіи вслѣдствіе этихъ междоусобій и вызванные ерманскими императорами, стояли далеко ниже своихъ предıественниковъ. Они не только ничего не изобрѣтали, но потеяли способность вѣрно воспроизводить старые оригиналы. Ихъ анера копировать была жалкимъ ремесломъ, безсмысленною руиною. Почти во всѣхъ отрасляхъ искусства они низвели краэту и гармонію до крайняго уродства; скульптура была имъ зарещена духовенствомъ и слѣдовательно неизвѣстна; даже въ озаикѣ, которою Византія славилась, они утратили послѣдніе приıаки изящества. Всего неудачнѣе изображали они человѣка: нарасно было бы искать у нихъ правильныхъ очертаній лица, стройой постановки тѣла, или естественныхъ движеній. Тощія фигуры, оторыми они украсили, съ IX до XII стол. включительно, храы св. Марка въ Римѣ и Венеціи, соборъ въ Палермо и церзи южной Италіи, не имѣютъ подобія въ живой природѣ, а апоминаютъ муміи. Подъ этими фигурами, какъ нарочно, нѣтъ очвы: онѣ висятъ въ воздухѣ, озираясь дико и боязливо; маѣйшій жестъ, даже простое поднятіе руки, коситъ ихъ въ сторну и какъ бы грозитъ имъ паденіемъ. Еще рѣзче бросается глаза поспѣшность, небрежность и грубость работы на икоахъ и фрескахъ византійскихъ мастеровъ того времени: тѣлесій цвѣтъ здѣсь замѣненъ бурымъ и кирпичнымъ; натуральыя формы искажены или скрыты подъ пышными одеждами; на

позолоту и драпировку потрачено гораздо больше времени и средствъ, чѣмъ на главную задачу. Вообще талантъ въ Византіи не цѣнился; мастеръ боялся высказать въ произведеніи рукъ своихъ какую-нибудь оригинальность, чтобы не навлечь гнѣва духовной или свѣтской власти: подобныя попытки обличали ересь и расколъ, а потому могли подать поводъ къ преслѣдованіямъ. Личность человѣка должна была стереться въ процессѣ ремесла, и дѣйствительно исчезла. Только въ отдѣлкѣ миніатюръ и разныхъ побочныхъ украшеній кистью и перомъ греки, до нѣкоторой степени, сохраняли старыя привычки къ тонкой, деликатной работѣ. Но и эти отрасли мастерства мало-по-малу пришли въ упадокъ.

Понятно, что италіянцы не могли сбросить съ себя оковъ греческой школы, пока не овладѣли ея знаніями. До XIII-го столѣтія она, можно сказать, господствовала на полуостровѣ. Но слабыя и разрозненныя попытки отнять у ней первенство, встрѣчаются раньше. Знакомство съ Востокомъ, вторженіе сарацинъ и норманновъ съ юга, соприкосновеніе съ германскимъ сѣверомъ должны были раньше всего отразиться въ зодчествѣ. Дѣйствительно, въ XII-мъ вѣкѣ Ломбардія вырабатываетъ новый, такъ-называемый романскій стиль архитектуры; въ южной Италіи и Сициліи обнаруживается вліяніе норманскихъ и мусульманскихъ зодчихъ; даже Венеція, наиболѣе преданная византійскимъ образцамъ, допускаетъ при постройкѣ св. Марка разнохарактерные элементы, а въ мозаичныхъ работахъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи. Около тогоже времени итальянцы, благодаря своей предпріимчивости, торговлѣ и морскимъ путешествіямъ, открыли у себя на полуостровѣ, или привезли изъ-за границы образцы древней скульптуры, совершенно забытой греками. Знакомство съ этими памятниками сильно подѣйствовало на ихъ воображеніе. Но вполнѣ самобытное развитіе искусства открывается лѣтъ черезъ сто, послѣ удачной борьбы съ гогенштауфенами. Борьба эта, какъ извѣстно, освободила ломбардскіе города отъ старыхъ притязаній императорскаго самовластія. Одолѣвъ Фридриха Барбароссу (1183 г.), они оставили въ его рукахъ одни номинальныя права, а на дѣлѣ превратились въ вольныя общины. Примѣру ихъ послѣдовали города тосканскіе. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ Италіи, кромѣ юга, который подпалъ иноземному владычеству, и Рима, гдѣ утвердилась духовная власть католическаго міра,—торжествуетъ городская автономія или независимость. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ Запада королевская власть рано обнаруживаетъ попытки къ централизаціи,—здѣсь почти до конца среднихъ вѣковъ никому изъ мѣст-

іхъ феодаловъ не удается пріобрѣсти перевѣсъ надъ сосѣдями округлить свои наслѣдственныя области. Политическое раздробніе въ началѣ не только не повредило, но способствовало істрому развитію итальянскаго народа. Онъ раньше почуввовалъ себя свободнымъ и обратилъ всѣ силы на устройство и рашеніе городовъ. Въ то время, когда книжное ученье было або и доступно немногимъ людямъ, искусство замѣняло для го науку, а ремесло — грамотность. Мало-по-малу въ вольныхъ щинахъ возникли отдѣльныя школы мастеровъ зодчества, ваяя и живописи, и постоянно соревнуя между собою, стремиісь превзойти одна другую. Подъ вліяніемъ этихъ школъ альянцы не только блистательно выказали свои художественіе таланты, но пріобрѣли умственный перевѣсъ надъ другими ародами и положили основаніе новоевропейской гражданственюсти.

Три столѣтія продолжалось свободное творчество и благодное состязаніе мастеровъ сѣверной и средней Италіи. Художественные памятники этихъ плодовитыхъ вѣковъ безчисленны разсѣяны по всему полуострову; кромѣ того, значительная ихъ асть вывезена и пріобрѣтена другими народами Европы, напр. ногіе образа, картины, статуи, металлическія издѣлія и т. п. онятно, что исторія итальянскаго искусства очень богата факми и представляетъ сложное содержаніе. Чтобы разработать вполнѣ и съ успѣхомъ, нужно употребить много труда и лъ, изысканій и путешествій. Не всякій способенъ взять на бя такую обширную задачу. Кто посѣщаетъ Италію изрѣдка, рывками на нѣсколько недѣль, тому приходится сдѣлать трудій, но неизбѣжный выборъ между ея оригинальными и разноразными городами. Спрашивается: какому же изъ нихъ отдать едпочтеніе? Конечно, Риму? Но Римъ, даже въ лучшія врена, не имѣлъ самобытной школы, а только вызывалъ изъ остальй Италіи наиболѣе даровитыхъ мастеровъ. Они пріѣзжали сюда аботать обыкновенно къ концу жизни, или на короткій срокъ, приглашенію папъ. Въ Римѣ собраны произведенія не одного ка и не одного народа: здѣсь почти всѣ эпохи гражданственюсти оставили по себѣ воспоминанія и обломки. За тѣмъ слѣетъ Венеція: она манитъ къ себѣ красотою своей живописи архитектуры. Но роскошная венеціанская школа, какъ видно ъ исторіи, развилась позже другихъ, была сильно привязана мѣсту своего рожденія и не охотно выходила за предѣлы еспублики св. Марка. Починъ и пропаганда въ дѣлѣ искусства ринадлежатъ безспорно вольнымъ общинамъ Тосканы. Между ими сама судьба избрала средоточіемъ итальянскаго народнаго

творчества Флоренцію. При видѣ ея нетлѣнныхъ памятниковъ и художественныхъ богатствъ, путешественникъ убѣждается въ этомъ невольно и чувствуетъ желаніе ближе узнать людей, которыми она построена и украшена. Флорентинскихъ мастеровъ трудно забыть, даже покидая ихъ отечество. Они безпрестанно о себѣ напоминаютъ въ другихъ городахъ Италіи и пользуются извѣстностью въ цѣлой Европѣ.

Обозрѣвая въ первый разъ Флоренцію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пишущій эти строки былъ особенно пораженъ произведеніями Микель-Анджело и началъ собирать матеріалы, относящіеся къ его жизни и эпохѣ. Но, чтобы точнѣе опредѣлить значеніе этого великаго мастера, оказалось необходимымъ изучать его предшественниковъ, которыхъ онъ самъ высоко цѣнилъ и которые несомнѣнно имѣли на него вліяніе. Такимъ образомъ, кромѣ біографіи Буонаротти (она будетъ издана позже), составились предлагаемыя теперь читателямъ замѣтки о флорентинскихъ мастерахъ, жившихъ отъ временъ Данта до половины XV вѣка. Не удовлетворяя требованіямъ спеціалистовъ по археологіи, онѣ, кажется, могутъ служить, за недостаткомъ другихъ сочиненій, нѣкоторымъ пособіемъ для русскихъ художниковъ, любителей искусства и для публики, путешествующей по Италіи. Авторъ употреблялъ на приготовленіе матеріала для этихъ статей немногіе, преимущественно лѣтніе, досуги, не упуская однакоже случая, при поѣздкахъ за границу, ознакомиться съ произведеніями флорентинской школы вездѣ, гдѣ они встрѣчаются,— а въ 1868 году снова посѣтилъ на короткое время Тоскану, чтобы освѣжить, провѣрить и дополнить свои первыя впечатлѣнія. Біографическія свѣдѣнія и факты по исторіи искусства заимствованы имъ у писателей, наиболѣе извѣстныхъ своими трудами по этому предмету [1]).

---

[1]) Въ прежнее время лучшимъ, почти единственнымъ, біографомъ и цѣнителемъ флорентинскихъ мастеровъ считался Вазари. Но еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія Руморъ, Фёрстеръ, Гей и другіе путешественники открыли въ его книгѣ большія неточности и промахи. Съ 1861 года идетъ цѣлый рядъ обширныхъ критическихъ изслѣдованій по исторіи итальянскаго искусства. Сюда относится, напримѣръ, сочиненіе Pio: Histoire de l'art chrétien. Paris 1861—67, 4 vols. Итальянскій его оригиналъ появился въ свѣтъ гораздо раньше, но французское изданіе содержитъ много добавленій, весьма драгоцѣнныхъ и, можно сказать, совершенно передѣлано. При всей своей односторонности и увлеченіяхъ, Pio глубокій знатокъ и тонкій критикъ старыхъ мастеровъ. Въ 1864 году Кроу и Кавалькаселле начали издавать въ Лондонѣ, послѣ многолѣтнихъ изысканій, подробную исторію итальянской живописи. До сихъ поръ вышло три тома. Они посвящены преимущественно Флорентинской и Сіенской школамъ, и богаты точными фактами, открытіями и указаніями біографическаго свойства. Англійскіе критики даютъ этому сочиненію названіе «новаго Вазари».

I.

Есть въ Европѣ счастливые города, которые, наперекоръ общему закону, не старѣютъ и не разрушаются. Сама судьба видимо къ нимъ благосклонна: не смѣетъ ихъ тронуть ни пожаръ, ни вражеская рука; надъ ними проносятся безслѣдно политическія бури и капризы измѣнчивой моды. Такъ цвѣтетъ и не увядаетъ красавица долины Арно, любимица путешественниковъ, Флоренція. Давно, слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, она уже лишилась свободы и, казалось, была обречена на запустѣніе. Для тосканскаго края настала «тяжкая година стыда и страха», по выраженію Микель-Анджело; вольныя общины, прежде полныя жизни и силы, превратились въ глухія провинціальныя трущобы; затихла шумная Сіена; поросли травою многолюдныя площади торговой Пизы. Но какая-то чудесная сила сберегла среди этого крушенія отчизну Данта: ни одинъ камень не упалъ съ ея гордыхъ дворцовъ и высокихъ башень; добрые герцоги тосканскіе, хотя и увлекались строительными наклонностями, но не успѣли, или не рѣшились передѣлать ее по своему вкусу; даже богачи-иностранцы вывезли изъ нея меньше картинъ и статуй, чѣмъ слѣдовало ожидать. Наконецъ, чужеземное иго было свергнуто и Флоренція на нашихъ глазахъ сдѣлалось столицею независимаго королевства. Этотъ счастливый переворотъ грозитъ ей иными, не менѣе серьезными опасностями: можно было бояться, что посредственные архитекторы обезобразятъ ея поэтическую наружность. Но правительство Виктора Эммануила щадитъ памятники своей столицы, хотя и находитъ въ ней большія неудобства. До сихъ поръ рѣшено только раздвинуть ея объемъ, открыть кое-гдѣ площади, возвести, по мысли великихъ мастеровъ, недоконченные ими фасады церквей, да реставрировать внутри нѣкоторыя публичныя зданія. Эти проекты обдумы-

---

Въ томъ же году американецъ Перкинзъ напечаталъ съ превосходными рисунками этюды о тосканскихъ скульпторахъ (London, 2 vols.), замѣчательные по своей полнотѣ и достойные вниманія всѣхъ любителей искусства. Остается желать, чтобы кто-нибудь разработалъ съ такимъ же успѣхомъ біографіи итальянскихъ зодчихъ. Кромѣ перечисленныхъ сочиненій авторъ имѣлъ подъ рукою отдѣльныя жизнеописанія лучшихъ мастеровъ: они будутъ обозначены на своемъ мѣстѣ, въ примѣчаніяхъ. Изъ сочиненій, посвященныхъ всеобщей исторіи искусства, которыхъ въ послѣднее время появилось множество, — особенно поучительно сочиненіе Лабарта «Histoire de l'art industriel». Здѣсь собраны точные факты о происхожденіи и успѣхахъ разныхъ ремеслъ какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ странахъ Европы, начиная отъ среднихъ вѣковъ до эпохи возрожденія включительно.

ваются зрѣло и приводятся въ исполненіе постепенно. Старая Флоренція отъ нихъ пока не потерпѣла и едва ли потерпитъ. Можно надѣяться, что добрый геній-покровитель искусства спасетъ ее отъ всякихъ бѣдъ и сохранитъ неприкосновенною для будущихъ поколѣній. Изъ людей нынѣшняго времени никто не можетъ смотрѣть на этотъ городъ холодно и вспоминать о немъ равнодушно. Всѣ путешественники признаютъ, что онъ достоинъ безсмертія. Пріѣзжая сюда, мы не видимъ кругомъ себя развалинъ, какъ въ Римѣ, и не думаемъ о тлѣнности земного бытія, или о суетѣ дѣлъ человѣческихъ. Намъ чудится, будто мы здѣсь переживаемъ давно - минувшія времена народнаго творчества и возрожденія наукъ. Каждая улица и церковь, каждый дворецъ, почти каждый домъ Флоренціи имѣетъ своихъ пенатовъ. Они не сдвинуты съ мѣста и сбережены такъ, какъ нигдѣ. Мы спрашиваемъ съ изумленіемъ: кто ихъ поставилъ и — передъ нами проходитъ цѣлый рядъ великихъ мастеровъ города. Эти люди трудились не напрасно: куда бы мы ни обратили шаги, всюду ихъ произведенія освѣщаютъ намъ путь. Вотъ площадь господъ (piazza de' Signori), сборное мѣсто флорентинскаго народа. Она нисколько не измѣнилась за три вѣка; на одномъ ея углу стоитъ древній дворецъ (palazzo vecchio), сооруженный для общины (1298 г.), зодчимъ Арнольдомъ ди-Камбіо; на другомъ крытая галлерея (loggia de' Lanzi), работы мастера Орканья. У дворца и подъ арками галлереи поставлено нѣсколько мраморныхъ статуй; лучшія изъ нихъ сдѣланы золотыми руками Донателло, Микель-Анджело и Бенвенуто Челлини. Тутъ же, въ немногихъ шагахъ отъ площади, красуется церковь св. Михаила (Or' San Michele) — чудо флорентинскаго зодчества. Она отстроена (если судить по ея свѣжести) очень недавно, а на самомъ дѣлѣ — въ въ XIV-мъ вѣкѣ. Кругомъ, въ наружныхъ нишахъ этой церкви, смотрятъ, словно живыя, изваянія первыхъ сподвижниковъ христіанства. Изъ нихъ Микель-Анджело особенно любилъ св. Марка и, останавливаясь передъ нимъ, спрашивалъ: «Маркъ, отъ чего ты со мной не говоришь?» такъ много выраженія читалъ онъ на ликѣ апостола. Другой герой новой вѣры, св. Георгій, держитъ въ рукахъ щитъ, какъ бы готовясь къ борьбѣ. Восхищенный его мужественнымъ видомъ, увѣренный въ его побѣдѣ, Микель-Анджело сказалъ ему: «иди на враговъ»! Внутри церкви путешественникъ любуется скульптурнымъ алтаремъ Орканьи, неподражаемой отдѣлки. Отъ св. Михаила недалеко до собора. Этотъ массивный соборъ обезображенъ во времена герцоговъ. Одинъ изъ тогдашнихъ архитекторовъ безпощадно разрушилъ древній его фасадъ, произведеніе Джіотто, друга Данта. Но бо-

овыя стѣны храма не тронуты и сложены изъ разноцвѣтнаго мрамора съ удивительнымъ искусствомъ. Колокольня Джіотто акже невредима. Художники не наглядятся на это великолѣпное зданіе. Оно убрано съ низу до верху мраморными группами фигурами. Предметомъ этихъ изваяній, исполненныхъ глубокой мысли, служатъ эпизоды изъ исторіи гражданственности и еловѣческихъ изобрѣтеній. Куполъ собора, первый и самый больпой въ западной Европѣ (пространство этого купола 138½ утовъ въ діаметрѣ; высота 133 фута слишкомъ), возведенъ около оловины XV-го вѣка зодчимъ Брунеллески. Микель-Анджело, вѣная храмъ св. Петра, вѣрно оцѣнилъ заслуги своего флорентинкаго предшественника словами: «повторять тебя не хочу, лучпаго сдѣлать не умѣю»! Внутренность собора отдѣлана просто неприхотливо. Въ немъ нѣтъ ни позолоты, ни роскоши, ни птофныхъ матерій, какъ въ церкви Петра, но есть много таюго, что можетъ украсить христіанскій храмъ и внушить благовѣніе зрителю. Здѣсь каждый изъ великихъ художниковъ Флоренціи оставилъ по себѣ память. На право, у главнаго входа, ежатъ кости строителей храма, Джіотто и Брунеллески, погребенныхъ на счетъ общины; на лѣво виднѣется монументъ зодему Арнольду ди-Камбіо и портретъ Данта; у главнаго алтаря мраморная группа, послѣднее произведеніе (postremum opus) Микель-Анджело; чудныя стекла расписаны по рисункамъ Донаелло и Либерти. Около собора стоитъ древняя, воспѣтая Дантомъ и дорогая флорентинскому народу крещальня (баптистерій) св. Іоанна (mio bel san Giovanni). Ея бронзовыя двери, изображающія событія ветхаго и новаго завѣта, Микель-Анджело называлъ дверьми рая. Одна изъ нихъ вылита Андреемъ Пизанскимъ въ 1330 году; надъ остальными двумя трудился цѣлую жизнь Гиберти. Неблагодарный металлъ не помѣшалъ вдохновенному флорентинскому мастеру создать идеалы красоты и выразить глубокія религіозныя чувства. Онъ примѣнилъ къ своему дѣлу даже перспективу и съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ она употребляется въ живописи. При всемъ развитіи и совершенствѣ литейнаго искусства въ настоящее время, двери Гиберти не имѣютъ себѣ подобныхъ въ цѣлой Европѣ. Трудно оторвать отъ нихъ глаза. Иной досужій путешественникъ простоитъ передъ ними цѣлый день. Но чтобы обозрѣть безчисленные памятники Флоренціи, не поселяясь въ ней надолго, нужно разсчитывать часы, дѣлать надъ собою усилія, бороться съ увлеченіями и противъ воли покидать чарующую красоту. Отъ крещальни одна изъ боковыхъ улицъ ведетъ въ историческій, теперь упраздненный, монастырь св. Марка. Здѣсь, молитвою и слезами пи-

салъ свои картины Фра Анджелико, здѣсь училъ и проповѣдовалъ Савонарола. Въ обители сохранились до нашего времени свѣжіе слѣды этихъ геніальныхъ людей. Стоитъ только заглянуть въ корридоры верхняго этажа. Съ правой стороны на одной двери написано: has cellulas vir apostolicus Hieronymus Savonarola inhabitavit (въ этихъ кельяхъ жилъ мужъ апостольскій Іеронимъ Савонарола); налѣво указываютъ келью смиреннаго монаха-художника. Безсмертные фрески Фра Анджелико нисколько не утратили своей свѣжести, ими можно любоваться и въ кельяхъ и въ галлереѣ, и въ трапезѣ и во внутреннемъ дворѣ монастыря. Переходя отсюда черезъ ближайшую площадь, въ храмъ св. Аннунціаты, и затѣмъ въ домѣ братства del Scalzo, мы открываемъ новую область искусства и разсматриваемъ стѣнную живопись Андрея дель-Сарто, послѣдняго изъ великихъ флорентинскихъ мастеровъ XVI вѣка. Онъ изумляетъ насъ красотою, легкостью и непринужденностью своего рисунка. Такія же сильныя впечатлѣнія испытываетъ путешественникъ въ другихъ церквахъ Флоренціи. Съ виду онѣ большею частью некрасивы; нѣкоторыя изъ нихъ недостроены, но каждая есть драгоцѣнный музей, въ каждой хранятся воспоминанія прошедшей жизни и славы города, произведенія искусства и науки. Такъ бывшій монастырь св. Маріи (S-ta Maria Novella) наполненъ картинами знаменитыхъ живописцевъ, начиная отъ Чимабуэ до XVII столѣтія; въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ церкви del Carmine находятся образцовые фрески Мазаччіо и Филиппино Липпи, по которымъ учились Рафаэль и современные ему художники; стѣны св. Троицы расписаны Доминикомъ Гирландайо, наставникомъ Буонаротти; въ церкви св. Лаврентія стоятъ гробницы Медичи, образцовое произведеніе флорентинскаго рѣзца, а возлѣ нея помѣщается мастерски отстроенная и богатая древними рукописями библіотека. Пантеономъ великихъ людей служитъ обширный храмъ во имя св. Креста. Здѣсь поставленъ памятникъ Данту и покоится прахъ Макіавелли, Микель-Анджело, Галилея, Альберти, Филикайя, Альфіери.

Кромѣ церквей, во Флоренціи много общественныхъ и частныхъ дворцовъ. Они не щеголяютъ, какъ дворцы Венеціи, причудливыми окнами и красивыми балконами: наружность ихъ сурова и неприступна, но за то внутри они убраны такими произведеніями человѣческаго искусства, какихъ нѣтъ ни въ царскихъ палатахъ Востока, ни въ Альамбрѣ, ни въ готическихъ замкахъ среднихъ вѣковъ. Здѣсь собрано все, что составляетъ славу и гордость итальянскаго народа, все, чѣмъ онъ превзошелъ и чему научилъ своихъ европейскихъ сосѣдей. Обходя

длинныя галлереи Уффици и роскошныя залы Питти, путешественникъ забудетъ, подъ обаяніемъ красоты, тяжелыя тревоги XIX вѣка, несносные вопросы текущей политики и даже личныя утраты. Одну такъ-называемую Трибуну, гдѣ выставлены первоклассные образцы древней скульптуры и живописи временъ возрожденія, гдѣ женскіе образы Рафаэля оспариваютъ первенство у стыдливой Венеры Медичи, гдѣ мраморные борцы, танцующій фавнъ и рабъ-заговорщикъ, — статуи какихъ-то невѣдомыхъ, безъименныхъ мастеровъ Греціи и Рима, — вынуждаютъ гордаго Микель-Анджело признаться въ безсиліи своего рѣзца, — одну Трибуну нельзя оцѣнить ни на какія деньги. Въ другихъ комнатахъ сокровища искусства также разсыпаны щедрою рукою. Чтобы, хоть слегка, ознакомиться съ ними, нужно проводить цѣлые дни въ этихъ сказочныхъ, волшебныхъ музеяхъ. Но поверхностный обзоръ не насытитъ любознательности: послѣ него останется въ душѣ неодолимое желаніе воротиться назадъ. Памятники Флоренціи имѣютъ какую-то притягательную силу: ихъ трудно забыть; они не изглаживаются изъ памяти въ другихъ городахъ Италіи, среди новыхъ впечатлѣній. Тоже нужно замѣтить о мастерахъ флорентинской школы. Почти во всѣхъ отрасляхъ искусства она не теряетъ, а выигрываетъ отъ сравненія съ иноземными. Ея первенствующая и руководящая роль въ исторіи не подлежитъ сомнѣнію. Съ незапамятныхъ временъ до нашихъ дней лучшіе художники всѣхъ странъ стекаются во Флоренцію учиться и работать. Только въ этомъ благодатномъ городѣ геній Рафаэля освободился отъ оковъ Византіи и разцвѣлъ во всей красѣ. Каждое дарованіе чувствовало себя здѣсь привольнѣе, крѣпче, предпріимчивѣе. Иначе и быть не могло. Флорентинскіе мастера больше всѣхъ другихъ способны вдохновить молодую силу, дать ей бодрость и надежду на успѣхъ, наставить ее опытомъ, предостеречь отъ односторонности. На произведеніяхъ этихъ мастеровъ лежитъ печать мысли, свободы, величія и спокойствія, отражается трезвое, здоровое, чуждое крайностей направленіе, послѣдовательное и преемственное развитіе искусства. Нигдѣ въ новой Европѣ человѣкъ не проявилъ разностороннѣе своихъ художественныхъ дарованій, нигдѣ его творчество не достигало такой мужественной силы, нигдѣ эстетическія произведенія не сохраняли такъ долго своей свѣжести, какъ въ вѣчно-юной Флоренціи. Неудивительно, что она пріобрѣла себѣ повсюду безчисленныхъ друзей и поклонниковъ, что иностранцы собираютъ деньги на поддержку ея памятниковъ, что въ ней ищутъ убѣжища, отдыха и высокихъ наслажденій самые разнохарактерные люди. Сюда ѣдетъ, словно повинуясь

какому-то инстинкту, и богатый англичанинъ, и черствый американецъ, и легкій французъ, и педантъ-нѣмецъ, и русскій дворянинъ. Каждый изъ нихъ по-своему смотритъ, судитъ, толкуетъ, даже отрицаетъ, но всѣ они чувствуютъ, что дома у нихъ нѣтъ ничего подобнаго. Короче сказать, Флоренція — избранный, единственный городъ. Она построена на радость цѣлому міру и потому ей данъ долгій вѣкъ.

Если каждый путешественникъ, способный цѣнить прекрасное, испытываетъ невольный восторгъ, посѣщая Флоренцію, то какъ сильно должна она дѣйствовать на людей, которымъ знакомо ея славное прошедшее. Не даромъ историки стремятся въ этотъ городъ толпами и долго въ немъ заживаются. Для нихъ все, что здѣсь сохранилось, имѣетъ особенную цѣну: они находятъ на древнихъ улицахъ, стѣнахъ и домахъ невидимые простому глазу слѣды и признаки минувшей гражданственности. Имъ памятна великая борьба за свободу, которая началась на родинѣ Данта съ среднихъ вѣковъ и завершилась въ XVI столѣтіи тяжелымъ для всей Европы разгромомъ Италіи. Германъ Гриммъ удачно выразилъ чувства и воспоминанія, овладѣвающія душою историка во Флоренціи. «Въ столицѣ Тосканы, говоритъ онъ, можно изучать красоту свободнаго народа до тончайшихъ ея оттѣнковъ. Флоренція незамѣтно покоряетъ себѣ мысли и чувства человѣка. Сначала мы какъ будто путаемся, бродя среди разнообразныхъ ея памятниковъ, а потомъ видимъ яснѣе и яснѣе, что здѣсь все черпало жизнь изъ одного источника — изъ свободы, и самыя малѣйшія подробности отдаленныхъ событій получаютъ для насъ глубокій интересъ. Забывая объ остальной Италіи, мы становимся фанатическими поклонниками флорентинской общины. Ея лѣтописцы посвящаютъ насъ въ дѣла своего времени, будто въ тайны еще живыхъ людей; мы идемъ за ними слѣдомъ по улицамъ, переступаемъ вмѣстѣ пороги, смотримъ изъ оконъ, откуда они смотрѣли. Если на меня, иностранца, это дѣйствовало магически, то какую же сильную привязанность чувствовали вольные флорентинцы къ своей родинѣ. Она была для нихъ средоточіемъ міра. Имъ казалось невозможнымъ жить и умереть въ другомъ городѣ. Отсюда объясняются трагическія попытки старыхъ изгнанниковъ вернуться домой, наперекоръ остракизму. Кто терялъ право бесѣдовать съ друзьями на любимой площади и крестить своихъ дѣтей у св. Іоанна, считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ людей. Эта крещальня, какъ древнѣйшее публичное зданіе въ городѣ, была священна для флорентинцевъ. Внутри ея красовалась надпись, что она про-

стоитъ до страшнаго суда. Такую же вѣру въ себя и свой городъ имѣли римляне: для нихъ Капитолій означалъ вѣчность» [1]).

Европейскіе историки давно сравниваютъ Флоренцію съ Аѳинами и находятъ между ними большое сходство. Дѣйствительно, во внутреннемъ устройствѣ, въ политической исторіи и даже въ характерѣ населенія этихъ городовъ не трудно отыскать общія черты. Подобно Аѳинамъ, Флоренція опередила своихъ сосѣдей всестороннимъ развитіемъ наукъ, искусствъ и гражданственности. И здѣсь, и тамъ мы видимъ среди упорной борьбы политическихъ партій вольный полетъ мысли, полную гласность общественной жизни, подвижныя учрежденія, равномѣрную и совмѣстную дѣятельность частныхъ лицъ и цѣлаго народа на пользу общую. Правда, многіе изъ сосѣднихъ городовъ больше отличились на военномъ поприщѣ, нѣкоторые даже превзошли Аѳины и Флоренцію полезными изобрѣтеніями, открытіями и торговлею. Но эти побѣды были куплены дорогою цѣною. Онѣ потребовали тяжкихъ усилій, исключительнаго труда, крайняго изощренія одной человѣческой способности на счетъ другихъ. Что же касается до общаго образованія, оно было доступно только аѳинянамъ и флорентинцамъ. Сооруженные ими памятники носятъ на себѣ печать свободнаго творчества и рѣзко отличаются отъ иноземныхъ красотою, гармоніею, совершенствомъ формъ. Въ Аѳинахъ и Флоренціи не строили такихъ громадныхъ зданій, какъ на Востокѣ, ни воздвигали статуй, въ родѣ Мавзолея или Колосса Родосскаго, но за то не терпѣли ничего тяжелаго, угловатаго, уродливаго. Человѣкъ здѣсь не былъ порабощенъ, а повелѣвалъ своимъ дѣломъ, къ чему бы ни прикоснулась его рука. Литературныя произведенія, вышедшія въ обоихъ счастливыхъ городахъ, отмѣчены тѣми же высокими достоинствами. Нигдѣ кромѣ Аѳинъ не рождались и не могли выработать своего таланта люди, подобные Ѳукидиду, Софоклу, Аристофану; никто кромѣ флорентинца не написалъ и не могъ написать «Божественной Комедіи».

Спрашивается, гдѣ-же кроются причины такого завиднаго превосходства? Чѣмъ оно было подготовлено, какъ достигнуто и упрочено? Отвѣчать на эти вопросы трудно. Напрасно нѣкоторые писатели думаютъ объяснить величіе Аѳинъ и Флоренціи отмѣнными качествами климата и почвы. Ссылки на природу здѣсь мало идутъ къ дѣлу. Климатъ и почва гораздо мягче, благопріятнѣе для человѣка, удобнѣе для культуры въ южной Греціи и въ южной Италіи, чѣмъ въ Аттикѣ и Тосканѣ. Даже

---

[1]) Leben Michelangelo's, Hannover, 1868 (dritte Ausgabe), erster Band, 7.

если допустить, что воздухъ, вода и земля въ Аѳинахъ и Флоренціи имѣли особенно-живительныя и возбуждающія свойства, все-таки непонятно, почему эти свойства утратили свою чудесную силу, почему нынѣшняя столица Греціи напоминаетъ городъ Минервы только развалинами, почему Флоренція нашего времени похожа на Флоренцію среднихъ вѣковъ только наружностью. Другіе историки призываютъ на помощь вліяніе расы и говорятъ, что въ обоихъ городахъ произошло какое-то счастливое смѣшеніе племенъ. Очень можетъ быть. Къ сожалѣнію, гипотезы этого рода сильно нуждаются въ доказательствахъ и не увеличиваютъ суммы нашихъ свѣдѣній. Ни одному мудрецу не удалось еще раскрыть тайну созданія геніальныхъ людей и народовъ. Чтобы убѣдиться въ блестящихъ способностяхъ аѳинянъ и флорентинцевъ, нѣтъ надобности заходить въ слишкомъ глубокую древность. Достовѣрно и то, что оба народа, воспользовавшись средствами и одолѣвъ неудобства окружавшей ихъ мѣстности, собственнымъ трудомъ, безъ посторонней помощи усовершили свои дарованія. Здѣсь, конечно, многое, если не все, зависитъ отъ энергіи, предпріимчивости и неудержимаго стремленія впередъ, отъ практическаго смысла и гражданскаго духа. Эти-то нравственныя силы нужно старательно изслѣдовать, прежде чѣмъ отвѣчать на поставленные впереди вопросы. Такъ именно и дѣлаютъ лучшіе знатоки Аѳинъ и Флоренціи. Не выходя изъ границъ исторіи, они сосредоточиваютъ свое вниманіе на явленіяхъ общественнаго быта, изучаютъ понятія, привычки, нравы и взаимныя отношенія жителей обоихъ городовъ. Результаты, достигнутые при нынѣшнихъ средствахъ науки этимъ путемъ, очень интересны. Народная жизнь Флоренціи, какъ болѣе доступная наблюденію, чѣмъ жизнь древнихъ Аѳинъ, изслѣдована и раскрыта до мелкихъ подробностей. Посмотримъ, какія въ ней подмѣчены своеобразныя черты.

Судя по историческимъ фактамъ, едва ли можно заключить, что величіе флорентинской общины зависѣло отъ ея политическихъ учрежденій. Учрежденія эти, какъ извѣстно, были чрезвычайно шатки. Еще Дантъ упрекалъ своихъ соотечественниковъ въ неумѣньи создать у себя сколько-нибудь твердый порядокъ. Устройство Флоренціи, говоритъ онъ, такъ тонко, что не держится отъ октября до половины ноября [1]. Въ самомъ дѣлѣ,

[1] Purgatorio, canto VI:
....tanto sottili
Provveddimenti, ch'a mezzo Novembre
Non giunge quel che tu d'Ottobre fili.

правительства здѣсь мѣнялись съ удивительною быстротою; каждое изъ нихъ могло быть отставлено не только по закону, когда наступалъ срокъ выборовъ, но и по волѣ народнаго вѣча. Это вѣче безпрестанно нарушало спокойствіе и вводило временную диктатуру; почти всѣ должности въ общинѣ замѣщались по жребію; цѣлыя отрасли управленія находились въ рукахъ случайно-составленныхъ комитетовъ; каждый гражданинъ считался способнымъ и могъ быть призванъ къ разнымъ родамъ службы. Удивительно, какъ флорентинцы, при крайней легкости характера и неудержимыхъ наклонностяхъ къ анархіи, успѣли составить и поддержать слишкомъ четыре столѣтія могущественное государство. Нельзя сказать, чтобы имъ помогала слѣпая фортуна или благопріятствовало счастливое положеніе. Правда, Флоренція защищена съ сѣвера и востока Апеннинами, но эти горы не находились въ ея рукахъ. Кромѣ того къ ней была открыта дорога съ запада. Природа окружила прочіе тосканскіе города еще болѣе благопріятными условіями для развитія, но они не умѣли защитить себя противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Одна Флоренція крѣпко боролась за свою независимость и выходила невредимою изъ самыхъ страшныхъ опасностей. Какъ же разгадать это явленіе? Лучшіе историки объясняютъ его очень просто. Флорентинцы, говорятъ они, были, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, въ высшей степени привязаны къ родной общинѣ и видѣли въ ней самую крѣпкую опору своихъ вольностей. Не только во времена феодальнаго самовластія, но до конца среднихъ вѣковъ она служила единственнымъ убѣжищемъ человѣческаго достоинства и свободы среди охлократическихъ городскихъ тирановъ Тосканы. «Мы свободны, говоритъ Гриммъ, когда удовлетворена наша потребность трудиться на пользу страны не по приказу, а добровольно, когда мы чувствуемъ, что составляемъ живую часть родины и сами идя впередъ, способствуемъ нашими успѣхами развитію цѣлаго общества. Въ этомъ чувствѣ заключается самый обильный, неизсякаемый источникъ гражданскихъ подвиговъ и доблестей; у флорентинцевъ оно было сильнѣе всякаго другого чувства и въ лучшее время одолѣвало кровавую вражду политическихъ партій. Каждый гражданинъ любилъ общину, какъ самого себя и былъ готовъ бороться за ея свободу. Эта борьба, направленная противъ внѣшняго или внутренняго угнетенія, идетъ неудержимо черезъ исторію Флоренціи. Понятно, почему ни одно правительство не повелѣвало судьбою города безусловно и никакіе посредники или ходатаи за народъ не были здѣсь терпимы: всѣ классы и сословія домогались прямого, непосредственнаго уча-

стія въ публичной жизни. Пока ревность къ народнымъ правамъ и общему благу горѣла въ сердцахъ жителей, Флоренція была сильна во всѣхъ отношеніяхъ, производительна и вполнѣ самостоятельна. Съ измѣненіемъ образа мыслей, свобода угасла, а затѣмъ неизбѣжно наступили времена упадка» [1]).

Чтобы оцѣнить глубокую вѣрность замѣчаній Гримма, нужно всмотрѣться ближе въ публичную жизнь флорентинскихъ гражданъ. Люди XIX-го столѣтія готовы находить что-то сказочное или преувеличенное въ ея описаніяхъ. Это очень естественно. Вольныя общины среднихъ вѣковъ давно исчезли съ лица земли; политическія идеи и понятія о свободѣ переработались. Европа состоитъ теперь изъ обширныхъ государствъ, въ которыхъ національный патріотизмъ почти сокрушилъ мѣстныя привязанности. Государства эти большею частью приведены или приводятся къ единству, въ ущербъ городской автономіи и привилегіямъ старыхъ провинцій. Обитатели нынѣшнихъ городовъ, особенно большихъ, слишкомъ разрознены въ стремленіяхъ, сходятся между собою чаще подъ вліяніемъ какихъ-нибудь связей, а безъ того знакомятся неохотно и развѣ во имя близкаго, уличнаго сосѣдства. Городское управленіе и благоустройство интересуютъ только тѣхъ изъ нихъ, которые въ немъ принимаютъ непосредственное участіе. Есть и такіе люди, которые всегда и вездѣ остаются чужими, заѣзжими людьми, потому что безпрестанно мѣняютъ свое мѣстопребываніе. Не такъ сложилась жизнь въ Италіи среднихъ вѣковъ. Каждый городъ составлялъ тогда особое государство, а потому приковывалъ къ себѣ жителей крѣпкими, почти неразрывными узами. Находя въ немъ единственное убѣжище и защиту противъ насилія, считаясь внѣ его стѣнъ иностранцами, они тѣснѣе сближались другъ съ другомъ и дома, и на чужбинѣ. Народное представительство было еще неизвѣстно; каждый человѣкъ говорилъ, отвѣчалъ и дѣйствовалъ за себя въ силу личныхъ правъ и обязанностей; свободная патріотическая дѣятельность, направленная на одинъ пунктъ, сосредоточенная въ городѣ, какъ въ фокусѣ, свѣтила ярче и сильнѣе. Изъ всѣхъ итальянскихъ городовъ, Флоренція была вольною общиною по преимуществу и дѣйствительно вполнѣ достойна этого названія. Здѣсь ничто не происходило келейно и тайно, безъ вѣдома или участія жителей; не только война и миръ, не только законодательство и управленіе, но всякое полезное предпріятіе, даже все, что сколько-нибудь касалось чести и славы города, обсуживалось открыто, или утверждалось на-

---

[1]) Grimm, тамъ же, стр. 8.

роднымъ приговоромъ. Гласность во Флоренціи входитъ въ обычай и пускаетъ корни вмѣстѣ съ развитіемъ учрежденій и успѣхами общества. Политическія дѣла никогда не поглощали всего вниманія флорентинцевъ; имъ были доступны и близки самые разнообразные человѣческіе интересы. Городъ имѣлъ общія радости и печали, пріобрѣтенія и потери, то-есть, въ полномъ смыслѣ слова жилъ общею жизнію. Привычка къ ней обратилась въ преданіе и оставила по себѣ неизгладимые слѣды. Кто видѣлъ карнавалы и праздники въ Италіи, тотъ знаетъ, какое участіе принимаетъ цѣлый народъ въ этихъ увеселеніяхъ, какъ вывѣшиваются ковры изъ оконъ и украшаются всѣ дома. Что же было тогда, когда память о свободѣ была свѣжа, когда люди еще не утратили способности дѣйствовать согласно своимъ чувствамъ и желаніямъ? Первые повелители Флоренціи, Медичи, хорошо знали ея общественный духъ и очень искусно угадывали настроеніе ея жителей. Въ примѣръ достаточно привести одно событіе изъ конца XV-го вѣка. Хоронили Симонету, знаменитую красавицу. Народъ ее зналъ и оплакивалъ. Безчисленная толпа провожала покойницу со слезами на глазахъ. Что же дѣлаетъ Лаврентій Медичи? Какъ передовой человѣкъ въ городѣ, онъ пишетъ въ память красавицы печальный сонетъ, идетъ во главѣ погребальной процессіи и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ популярность.

Но эпоха упадка не даетъ понятія о широкой, увлекательной жизни флорентинскихъ гражданъ въ средніе вѣка. Чтобы судить о ней, нужно читать «Божественную Комедію» Данта. Яркими красками поэтъ рисуетъ передъ нами Флоренцію своего времени съ ея религіею, политикою, обычаями, страстями и пороками. По самому положенію своему на большой дорогѣ изъ сѣверной Италіи въ южную, этотъ городъ долженъ былъ сдѣлаться сборнымъ мѣстомъ путешественниковъ, центромъ разнаго рода новостей и толковъ. Его жители знали все, что происходило на западѣ Европы и обо всемъ судили открыто, на улицахъ. Дѣятельность человѣческаго ума давно возбудила любопытство этого даровитаго народа. Но наука въ средніе вѣка была темна и слаба; ее замѣняло искусство. Понятно, что флорентинцы, обогатившись промышленностью, стали заботиться объ украшеніи своего города, привлекать къ себѣ иноземныхъ художниковъ и поддерживать отечественныхъ. Скоро здѣсь открылся широкій просторъ свободному творчеству. Нигдѣ въ Италіи публика не сочувствовала такъ искренно новымъ талантамъ; нигдѣ корпораціи и частныя лица не затѣвали такихъ обширныхъ построекъ и не дѣлали болѣе щедрыхъ заказовъ. «Въ ста-

рой Флоренціи, по справедливому замѣчанію Гримма, не клали камня на камень, не рисовали ни одной картины, такъ сказать, безъ народнаго благословенія. Нужно ли было воздвигнуть храмъ или поставить къ нему новыя двери, каждый этимъ интересовался, какъ своимъ собственнымъ дѣломъ, открывалась-ли только что росписанная капелла и всѣ туда стремились. При такомъ эстетическомъ настроеніи публики, художникъ не былъ одинокимъ труженикомъ и не чувствовалъ себя лишнимъ человѣкомъ. Въ его работахъ принималъ сердечное участіе цѣлый городъ. Неудивительно, что искусство во Флоренціи сдѣлалось вполнѣ народнымъ, т. е. близкимъ и дорогимъ народу, росло одновременно съ его свободою, окрѣпло на вольномъ воздухѣ и погибло вмѣстѣ съ общиною, среди которой оно родилось и процвѣтало. Любопытно изслѣдовать, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ возникли здѣсь самостоятельныя школы зодчества, ваянія и живописи. Прежде всего бросимъ взглядъ на первые вѣка флорентинской исторіи [1]).

Происхожденіе Флоренціи, какъ независимой общины, можно отнести къ началу XII-го в. Самый городъ былъ основанъ гораздо раньше и упоминается еще римскими писателями. Во времена варварства сюда приходилъ Атилла; въ концѣ VIII-го в. — Карлъ Великій; затѣмъ, около двухъ-сотъ лѣтъ спустя, Тоскана досталась графинѣ Матильдѣ, извѣстной своею преданностью Гильдебранду. Еще въ 1078 г. жители Флоренціи сочли нужнымъ исправить ея древнія стѣны и выбрали изъ среды себя коммиссію для надзора за этими работами. По словамъ историка Малеспини, городъ былъ тогда очень бѣденъ, а его населеніе отличалось простотою и даже грубостью нравовъ [2]). Но властители тосканскаго края, какъ видно, благопріятствовали самоуправленію. Ежегодно избираемые консулы и сенатъ стоятъ во главѣ Флоренціи съ незапамятныхъ временъ. Въ 1107 г., пишетъ Малеспини, флорентинцы пошли войною на сосѣдніе замки и крѣпости, владѣтели которыхъ не хотѣли имъ добровольно покориться. Эта война имѣла успѣхъ: грозный Монте-Орландо и

---

[1]) Исторія флорентинской общины разработана превосходно. Начиная отъ Малеспини и Виллани до Варки идетъ цѣлый рядъ туземныхъ писателей, между которыми Макіавелли и Гвиччардини занимаютъ самое видное мѣсто. Иностранцы также много трудились по этому предмету. Недавно англичанинъ Троллопъ напечаталъ довольно полную исторію Флоренціи подъ заглавіемъ: History of the Commonwealth of Florence. Lond. 1865, 4 vols. Здѣсь, кромѣ историческихъ событій, представлено не мало фактовъ о внутренней жизни города.

[2]) Подробное описаніе Малеспини (гл. 164) почти слово въ слово повторяетъ Дантъ. Paradiso, canto XV, 97—120.

мятежный Прато были разрушены. Императоръ Генрихъ IV, желая смирить флорентинцевъ, поставилъ надъ ними своего намѣстника, но они нанесли ему въ 1113 году жестокое пораженіе. Съ этихъ поръ внѣшняя независимость общины была обезпечена, а ея территорія постепенно расширялась на счетъ окрестнаго дворянства.

Не такъ легко было устроить внутренній порядокъ въ общинѣ. Членами ея сдѣлались новые люди, безпокойные феодалы, потерявшіе свои деревенскіе зàмки. Имъ не было запрещено селиться въ городѣ и строить тамъ для себя дворцы. Почти на всѣхъ улицахъ Флоренціи аристократы воздвигли подъ именемъ дворцовъ неприступныя крѣпости съ высокими башнями. Между этими крѣпостями скоро открылись враждебныя дѣйствія. Безващитный народъ не только не могъ смирить своихъ самовластныхъ гостей, но самъ терпѣлъ отъ нихъ большія притѣсненія: они навязывали ему въ консулы своихъ приверженцевъ и повелѣвали ихъ именемъ. Особеннымъ вліяніемъ въ городѣ пользовалась богатая дворянская фамилія Уберти. Не ранѣе 1177 г. жителямъ удалось выбрать независимое отъ нея правительство. По этому поводу во Флоренціи продолжалась четыре года уличная рѣзня. Феодалы задумали даже подавить общину съ помощію императора и подали жалобу на нее Фридриху Барбароссѣ (1184 г.). Фридрихъ отнялъ на время у города судебную власть надъ окрестностями. Но флорентинцы воспользовались его смертью и скоро нарушили стѣснительный декретъ. Въ XIII вѣкѣ мы снова ихъ видимъ въ походахъ противъ сосѣднихъ феодаловъ. Къ сожалѣнію, около этого времени неурядицы между дворянами Флоренціи не только не ослабѣваютъ, а усиливаются. Община, слѣдуя примѣру другихъ итальянскихъ городовъ, возложила рѣшеніе всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на выборнаго изъ иностранцевъ сановника (podesta), въ надеждѣ, что онъ, какъ чужой человѣкъ, не будетъ потворствовать отдѣльнымъ классамъ и фамиліямъ (1207). Но это нововведеніе не принесло ожидаемой пользы. Только мелкіе люди покорялись безпристрастнымъ приговорамъ podesta; что же касается до дворянъ, они не хотѣли объ немъ слышать, а предпочитали самосудъ. Въ 1215 году возникла оплаканная Дантомъ распря между семействами Буондельмонте и Амидеи по вопросу объ оскорбленіи женской чести. Всѣ попытки примирить враждебныя стороны оказались безуспѣшными. Дѣло дошло до кровопролитія и страшно взволновало городъ. Лѣтописцы не даромъ называютъ этотъ день роковымъ, несчастнымъ днемъ Флоренціи. Дѣйствительно, съ него идетъ цѣлый рядъ усобицъ между двумя

дворянскими партіями, извѣстными подъ именемъ гвельфовъ и гибеллиновъ. Первые считались приверженцами папской власти, но были въ сущности друзьями свободы и прогресса; вторые, повидимому, защищали права императора, а на самомъ дѣлѣ аристократическое начало. Понятно, что вторая партія имѣла на своей сторонѣ богатство и политическое вліяніе. Напротивъ первая становилась съ каждымъ днемъ многочисленнѣе: къ ней примкнули купцы и за ними простолюдины (popolo minuto).

Борьба между гвельфами и гибелинами почти не прерывалась до конца XIII вѣка. Мы не намѣрены описывать ея подробностей. Достаточно замѣтить, что въ концѣ концовъ обѣ партіи взаимно ослабили себя жестокостями. Сама судьба помогла этому, давая временный перевѣсъ то одной сторонѣ, то другой. Каждая побѣда обыкновенно влекла за собою истребленіе или изгнаніе противниковъ; объ уступкахъ, пощадѣ и амнистіи почти никто не думалъ. Побѣжденные обыкновенно находили убѣжище въ сосѣднихъ городахъ и, соединившись тамъ съ единомышленниками, шли походомъ на отечество. Нѣсколько разъ междоусобія накликали иностранное вмѣшательство на несчастный городъ и грозили ему большими опасностями. Въ 1261 году, послѣ пораженія гвельфовъ при Монтаперти, гибеллины вмѣстѣ съ своими союзниками уже готовились разрушить Флоренцію. Она обязана спасеніемъ только высокому патріотизму изгнанника Фаринати изъ аристократической фамиліи Уберти. Этотъ человѣкъ, хотя и много потерпѣлъ отъ согражданъ, но умѣлъ забыть личныя обиды и разрушилъ враждебные замыслы своихъ ожесточенныхъ товарищей противъ родного города *). Переживъ первый тяжкій періодъ феодальныхъ междоусобій, флорентинское общество сильно измѣнилось. Дворянскія фамиліи перестали тяготѣть надъ нимъ. Укрѣпленные дворцы гвельфовъ и гибеллиновъ были разрушены въ городѣ самими враждовавшими партіями, или скуплены въ чужія руки. Среднее сословіе выступило впередъ, разбогатѣло и устроилось. Во главѣ его уже въ половинѣ XIII столѣтія становятся такъ-называемые жирные граждане или богачи (popolani grassi). Они группируются сначала по отдѣльнымъ кварталамъ подъ начальствомъ старшинъ, потомъ дѣлятся на гильдіи или корпораціи, участ-

---

*) Фаринати изображенъ въ десятой пѣсни Ада. Жалуясь на несправедливости флорентинскаго народа къ семейству Уберти, онъ гордо напоминаетъ Данту о своемъ поступкѣ. Напрасно поэтъ дѣлаетъ ему упреки за участіе въ междоусобіяхъ: «я дѣйствовалъ тогда вмѣстѣ съ другими и защищалъ родныхъ, говоритъ изгнанникъ, — но я стоялъ *одинъ противъ всѣхъ* за Флоренцію въ томъ военномъ совѣтѣ, гдѣ рѣшался вопросъ о ея жизни и смерти».

вуютъ въ защитѣ города и наконецъ берутъ въ свои руки власть. Число гильдій и цеховъ непрерывно возрастаетъ. Само дворянство видитъ необходимость къ нимъ приписаться, чтобы не утратить политическихъ правъ. Предводители высшихъ или старшихъ гильдій (priori), избираемые на кратковременный срокъ, составляютъ родъ государственнаго совѣта, или такъ-называемую синьорію. Въ концѣ XIII вѣка предводитель синьоріи получаетъ титулъ знаменоносца правосудія (gonfaloniere della giustizia). Около того же времени (1293 г.) издается строгое уложеніе (ordini della giustizia) въ защиту народа отъ дворянъ. Нѣкоторыя изъ его статей замѣчательны крайнею жестокостью. За убійство простолюдина уложеніе грозитъ аристократамъ смертною казнью, разрушеніемъ дома и конфискаціею имущества, за раны и тяжкіе побои — значительными штрафами и отсѣченіемъ правой руки; предписываетъ производить слѣдствіе и судъ по такимъ дѣламъ въ самый короткій срокъ и строго запрещаетъ оскорбленнымъ прощать самыя легкія обиды. Другими статьями дворянство совершенно отстранено отъ должностей, лишено права присутствовать въ синьоріи, входить въ общинный дворецъ и носить оружіе. Наконецъ, всякій простолюдинъ, за измѣну государству, объявляется по уложенію дворяниномъ вмѣстѣ съ потомствомъ и преслѣдуется безпощадно.

Уложеніе 1293 года, очевидно было составлено подъ вліяніемъ глубокой ненависти къ феодальному дворянству. Желая истребить въ своихъ нѣдрахъ послѣдніе остатки мятежной и самовластной аристократіи, флорентинскій народъ объявилъ вѣчную вражду тому сословію, которое такъ недавно правило общиною, въ рукахъ котораго еще находились лучшіе дома въ городѣ и богатѣйшія земли въ окрестностяхъ. Число дворянскихъ фамилій, исключенныхъ уложеніемъ отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и поставленныхъ подъ строжайшій надзоръ полиціи, простиралось до семидесяти двухъ. Чувствуя себя внѣ покровительства законовъ, отданные на жертву безъименныхъ доносчиковъ и шпіоновъ, эти многочисленныя фамиліи или, лучше сказать, *роды* никакъ не могли примириться съ своимъ положеніемъ. Отсюда объясняются причины новыхъ смутъ и заговоровъ во Флоренціи. Само среднее сословіе, связанное съ дворянствомъ браками и гражданскими отношеніями, скоро раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи: бѣлую (народную) и черную (олигархическую). Какъ прежде между гвельфами и гибеллинами, такъ и теперь поводомъ къ усобицамъ служатъ семейныя дѣла. Флорентинцы опять предаются до самозабвенія политическимъ страстямъ, рѣжутъ другъ друга на улицахъ, изго-

няютъ изъ города цѣлыя массы побѣжденныхъ и впутываются въ войны съ сосѣдями. Напрасно папы дѣлаютъ попытки остановить эти кровопролитія личнымъ посредничествомъ, интердиктами и легатствами: ничто не помогаетъ. Само правительство наконецъ чувствуетъ свое безсиліе и, опасаясь за существованіе общины, ищетъ для нея внѣшняго, болѣе надежнаго защитника, чѣмъ безоружный представитель римской церкви. Эту роль непремѣнно берутъ на себя то французскіе, то неаполитанскіе принцы, то знатные кондотьери. Имъ обыкновенно поручается начальство надъ войскомъ, съ обязанностью не вмѣшиваться въ вопросы внутренней политики и соблюдать дѣйствующіе законы. Но горькій опытъ показалъ флорентинцамъ, какъ безполезно и опасно давать власть иностранцамъ. Приглашенные принцы не помогли общинѣ справиться съ врагами и вовсе не заботились о ея благосостояніи: будучи искателями приключеній, они приходили въ чужія страны только наживаться. Не разъ Флоренція стояла на краю гибели. Такъ Генрихъ Люксембургскій во время своего похода на тосканскіе города (1312) едва не овладѣлъ ею; грозный повелитель Лукки, Каструччіо Кастракани уничтожилъ ея войска (1325 г.) и готовился потопить ее водами Арно. Въ 1342 г. флорентинцы избрали покровителемъ и главнокомандующимъ одного французскаго кондотьера Вальтера де Бріенна. Этотъ человѣкъ, величавшій себя герцогомъ аѳинскимъ, воспользовался данными ему полномочіями такъ ловко, что укрѣпился въ публичномъ дворцѣ, окружилъ себя преданною гвардіею, взялъ въ руки городскія власти и принудилъ ихъ объявить свой санъ пожизненнымъ. Община неожиданно очутилась въ рукахъ вооруженнаго деспота и въ теченіи шести мѣсяцевъ испытывала ужасы произвола. Наконецъ, старая пословица сбылась [1]): всѣ классы гражданъ вышли изъ терпѣнія, взбунтовались и при содѣйствіи союзныхъ войскъ изъ Сіены, изгнали недостойнаго кондотьера. Затѣмъ народъ обратилъ свою месть противъ тѣхъ, кого считалъ виновнымъ въ бѣдствіяхъ отечества. Какъ прежде дворянство, такъ теперь среднее сословіе (popolani grassi) должно было утратить исключительную власть. Флорентинская община устроилась (20 октября 1343 г.) на новыхъ основаніяхъ. Составъ синьоріи измѣнился: старшія гильдіи удержали за собою право выбирать только ея предсѣдателя (gonfaloniere) и двухъ членовъ; младшія гильдіи и ремесленники, которые до сихъ поръ были устранены отъ

---

[1]) Эта пословица говоритъ: Fiorenze non si muove, se tutta non si dole (Флоренція не двинется, пока вся не перестрадаетъ).

высшихъ должностей, получили по три представителя, и, слѣдовательно, пріобрѣли большинство голосовъ въ этой коллегіи. Съ своей стороны дворянство просило объ отмѣнѣ самыхъ стѣснительныхъ для него правилъ уложенія. Народъ исполнилъ эту просьбу, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Около двадцати аристократовъ, наиболѣе замѣшанныхъ въ междоусобія или поддерживавшихъ герцога аѳинскаго, было изгнано; прочіе, въ числѣ пятисотъ, получили дозволеніе остаться въ городѣ *на испытаніи* и сдѣлаться плебеями; община обѣщала возвратить имъ политическія права не раньше, какъ черезъ пять лѣтъ и подъ условіемъ, чтобы они жили мирно, не обижая простолюдиновъ; въ противномъ случаѣ грозила преслѣдовать ихъ съ прежнею строгостью.

Конституція 1343 года наноситъ ударъ высшимъ или старшимъ гильдіямъ, и, слѣдовательно, всему богатому классу. Флоренція стремится теперь къ демократіи и открываетъ доступъ къ должностямъ простому народу (popolo minuto). Причины этого движенія подготовлены исторіею. Въ самомъ дѣлѣ, флорентинская община первоначально сложилась изъ ремесленниковъ и рабочихъ людей. Составляя коренное ея населеніе, они должны были раньше или позже почувствовать свою силу. Такъ и случилось. Первыми борцами противъ окрестнаго и пришлаго дворянства выступили popolani grassi, фабриканты и банкиры, которымъ раньше удалось нажиться. Но при всемъ стараніи замкнуться въ отдѣльное сословіе, они не могли укрѣпить за собою верховную власть въ городѣ. Ихъ господство, какъ мы видѣли, продолжалось не болѣе полувѣка. Наряду съ ними трудилась и богатѣла масса. Изъ нея безпрестанно и неизбѣжно выдвигались новые люди. Нужно замѣтить, что промышленность въ средніе вѣка далеко не имѣла той твердости, какую она пріобрѣла въ наше время. Фабричныя и мануфактурныя предпріятія, хотя и давали тогда громадные барыши, но за то требовали большого риска; богатство переходило изъ рукъ въ руки съ неимовѣрною быстротою. Это непостоянство фортуны особенно замѣтно во Флоренціи. Отдѣленная отъ моря довольно значительнымъ пространствомъ, она соперничала съ Генуею и Венеціею только банкирскими предпріятіями и не участвовала непосредственно въ морской торговлѣ. Главнымъ подспорьемъ для нея служили суконныя, шерстяныя и шелковыя фабрики. Повидимому, хозяева этихъ заведеній должны были, въ качествѣ капиталистовъ, повелѣвать судьбою рабочаго класса. На самомъ дѣлѣ случилось не такъ. Во-первыхъ, они часто банкротились и, слѣдовательно, мѣнялись; во-вторыхъ, они дорожили наличными трудовыми си-

лами народа. Замѣнить эти силы было трудно и почти невозможно. Переселенія работниковъ изъ города въ городъ случались очень рѣдко и развѣ подъ вліяніемъ междоусобій. Напротивъ, положеніе простыхъ ремесленниковъ было болѣе обезпечено отъ состязанія и отъ внѣшнихъ опасностей. Ограничиваясь домашнимъ сбытомъ своихъ произведеній, они могли устроить собственныя мастерскія и вступить между собою въ товарищества. Этимъ объясняется сравнительное благосостояніе народа во Флоренціи. По примѣру богачей, онъ также образовалъ свои гильдіи и цехи подъ названіемъ низшихъ или младшихъ. Изъ этихъ-то цеховъ по преимуществу выходили великіе мастера, которымъ приписывается основаніе или лучше сказать, возрожденіе живописи, ваянія и зодчества въ средніе вѣка.

Флоренція долго считалась колыбелью новоевропейскаго искусства. Въ наше время это мнѣніе нѣсколько измѣнилось. Древніе памятники Пизы доказываютъ, что она опередила художественнымъ развитіемъ столицу Тосканы. Собственно говоря, иначе и быть не могло. Флоренція, какъ мы видѣли, около двухъ столѣтій томилась подъ гнетомъ феодаловъ. Напротивъ, пизанская община, сдѣлавшись независимою еще съ конца IX вѣка (888 г.), гораздо раньше устроилась и разбогатѣла. Главнымъ источникомъ богатствъ была для нея морская торговля. Пизанцы отличались также воинственнымъ духомъ, покорили себѣ окрестные острова и помогали норманнамъ освободить Сицилію отъ сарациновъ. Можно сказать смѣло, что до конца XIII-го столѣтія они были главными двигателями международныхъ сношеній и владыками Средиземнаго моря. На улицахъ и площадяхъ Пизы, теперь мертвыхъ и глухихъ, попадались «толпы турокъ, язычниковъ пареянъ и всякихъ морскихъ чудовищъ», какъ пишетъ одинъ тамошній поэтъ (Qui pergit Pisas, videt illic monstra marina). Туда, повидимому, очень давно привозились изъ Сициліи и южной Италіи памятники древняго искусства, напримѣръ: колонны, саркофаги и т. п. Главнымъ средоточіемъ городской жизни была площадь старшинъ (degli anziani), названная при тосканскихъ герцогахъ, неизвѣстно по какой именно причинѣ, площадью рыцарей. И теперь она поражаетъ путешественника своими размѣрами, но стоитъ одиноко и поросла травою какъ покинутый храмъ въ пустынѣ. Еще обширнѣе и величественнѣе соборная площадь. Здѣсь находятся зданія, вмѣщающія въ себѣ всю прошедшую исторію города и лучшіе памятники искусства. Объ этихъ памятникахъ мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Въ благодарность

Богу за побѣды надъ врагами жители Пизы съ 1067 г. начали воздвигать изъ мрамора соборъ и въ 1118 г. уже праздновали его освященіе. Строителемъ этой церкви былъ нѣкто Боскетъ, итальянецъ или грекъ, неизвѣстно. Какъ бы то ни было, ему удалось превзойти своихъ предшественниковъ и достигнуть замѣчательнаго совершенства. Пизанскій соборъ по своей красотѣ и гармоніи есть образцовое произведеніе такъ-называемаго романскаго стиля. Другія зданія въ этомъ родѣ, построенныя раньше или одновременно на сѣверѣ Италіи, стоятъ далеко ниже и кажутся уродливыми или грубыми. Боскетъ создалъ нѣчто новое и гармоническое: фасадъ собора представляетъ безчисленный рядъ изящно закругленныхъ арокъ, возвышающихся однѣ надъ другими въ симметріи и порядкѣ. Онѣ служатъ отчасти опорою и еще болѣе украшеніемъ зданія. Но особенно поразительно его внутреннее единство. Здѣсь мы видимъ выдержанный до конца планъ латинскаго (удлиненнаго) креста, великолѣпныя коринѳскія колонны и легкую галлерею (triforium) вдоль корпуса (нефа). Въ 1174 г. пизанскому зодчему Бонанно, съ товарищемъ изъ нѣмцевъ, поручено было построить при соборѣ башню. Эта башня извѣстна подъ названіемъ падающей. По мнѣнію нѣкоторыхъ, архитекторъ покосилъ ее съ намѣреніемъ, чтобы показать искусство и смѣлость; другіе говорятъ, что уклоненіе произошло по ошибкѣ. Во всякомъ случаѣ, башня стоитъ неколебимо до нашего времени, несмотря на свою массивность сравнительно съ подобными башнями въ Болоньѣ. Тотъ же Бонанно усовершенствовалъ литейное искусство, заимствованное итальянцами у грековъ. Изъ металлическихъ его произведеній сохранились бронзовыя двери при соборахъ Пизы и Палермо.

Скоро за успѣхами зодчества послѣдовало въ Пизѣ возрожденіе ваянія. Правда, въ Италіи еще издревле держалась скульптура, но лучшія ея преданія были совершенно забыты. Мастера этого рода носили незавидное прозвище каменотесовъ (taglia pietre) и бо́льшею частью помогали зодчимъ отдѣлывать капители колоннъ, да вырѣзывать на стѣнахъ грубыя фигуры святыхъ. Истиннымъ родоначальникомъ новоевропейскихъ ваятелей считается Николай Пизанскій. Онъ родился въ началѣ XIII вѣка (1205—1207). Откуда вышли его предки, изъ Сіены, какъ видно изъ документовъ, или изъ Апуліи, какъ полагаетъ Кроу [1]), не беремся рѣшить; гораздо больше интереса представляетъ для насъ соб-

---

[1]) Дѣятельность пизанскихъ скульпторовъ описана подробно въ книгѣ Перкинза, но приведенные имъ факты о происхожденіи Николая Пизанскаго оспариваются въ исторіи живописи Кроу (History of painting I, 127—133).

ственная жизнь и дѣятельность этого геніальнаго человѣка. Еще 15-го лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ придворнымъ архитекторомъ Фридриха II Гогенштауфена и присутствовалъ при коронаціи императора въ Римѣ, потомъ сооружалъ замки въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ пробылъ около десяти лѣтъ, и откуда отправился въ Падую строить знаменитую базилику въ честь св. Антонія. Оконченная впослѣдствіи по его плану, она имѣетъ громадные размѣры и представляетъ удачное эклектическое соединеніе разныхъ стилей и въ томъ числѣ восточнаго или магометанскаго, занесеннаго изъ южной Италіи. Первый опытъ Николая Пизанскаго въ скульптурѣ есть мраморное изображеніе (рельефъ) снятія со креста на боковой двери Луккскаго собора (1234 г.). Оно далеко превосходитъ грубыя изваянія прежнихъ каменотесовъ, какъ по композиціи, такъ и по отдѣлкѣ. Изъ Лукки Николай пріѣхалъ во Флоренцію. Здѣсь гибеллины разрушали дворцы гвельфовъ и поручили ему, какъ своему единомышленнику, сбросить сосѣднюю башню фамиліи Адимари на крещальню св. Іоанна, бывшую тогда каѳедральнымъ соборомъ. Но онъ уклонился отъ вандальскаго поступка и сдѣлалъ требуемый подкопъ такъ ловко, что башня упала мимо крещальни [1]). Около двадцати лѣтъ продолжалась зодческая дѣятельность Николая въ Тосканѣ и преимущественно во Флоренціи, гдѣ имъ построены нѣкоторые дворцы и церковь св. Троицы. Въ 1260 г., уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ снова обратился къ ваянію и создалъ знаменитую каѳедру изъ мрамора для крещальни въ Пизѣ. До сихъ поръ каѳедры обыкновенно строились изъ саркофаговъ. Николай отступилъ отъ этой формы и украсилъ свое произведеніе пятью рельефами. Самый замѣчательный изъ нихъ, по мастерству въ постановкѣ фигуръ, есть поклоненіе волхвовъ. Здѣсь ремесло каменотеса уже становится искусствомъ и возвращается къ древнимъ преданіямъ. Очень вѣроятно, что Николай видѣлъ и внимательно изучилъ въ это время какіе-нибудь вновь открытые и привезенные въ Пизу памятники римской скульптуры. Слава объ немъ скоро распространилась по сосѣднимъ городамъ. Его пригласили въ Болонью украшать барельефами раку св. Доминика, а потомъ въ Сіену дѣлать новую каѳедру для тамошняго собора. Оба эти произведенія сложнѣе и самостоятельнѣе перваго опыта. Николай работалъ надъ ними вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и учениками, набранными большею частью изъ Флоренціи. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ южной Италіи, гдѣ строилъ, по просьбѣ Карла Анжуйскаго, въ память

---

[1]) Villani, VI, 34; Trollope, History, I, 127.

его побѣды надъ Конрадиномъ, аббатство, неподалеку отъ Тальяноццо. Въ это время жители Перуджіи заказали великому мастеру сдѣлать изваянія для городского фонтана, но онъ успѣлъ только составить планъ и заготовить рисунки, поручивъ выполненіе самой работы сыну. Николай Пизанскій умеръ въ 1278 году. Труды его по части зодчества и ваянія цѣнятся высоко. Благодаря путешествіямъ и приглашеніямъ, онъ оставилъ по себѣ слѣды во всей Италіи и нанесъ сильный ударъ варварскому и византійскому безобразію. Поэтому на него справедливо смотрятъ, какъ на одного изъ основателей новоевропейскаго искусства. Ни Дантъ, ни Шекспиръ, говоритъ лордъ Линдзей, не имѣли такого обширнаго и продолжительнаго вліянія на писателей, какое пріобрѣлъ Николай Пизанскій на художниковъ позднѣйшаго времени. Онъ показалъ собственнымъ примѣромъ, прибавляетъ Перкинзъ, гдѣ и какъ нужно учиться. Данное имъ направленіе чувствуется до сихъ поръ. Если его и можно упрекнуть въ томъ, что онъ бралъ свои образцы не прямо изъ природы, а у древнихъ, во всякомъ случаѣ его метода была раціональна, такъ какъ древніе, которымъ онъ подражалъ, достигли, слѣдуя природѣ, совершенства, а потому должны были сдѣлаться воспитателями и руководителями христіанскихъ народовъ на поприщѣ искусства.

По смерти Николая, его сынъ, Джованни, остался главнымъ представителемъ пизанской школы. Но онъ далеко уступалъ отцу въ зодческихъ талантахъ и слѣдовалъ совершенно другому направленію. Построенныя имъ церкви носятъ на себѣ печать готическаго стиля; напримѣръ, часовня св. Маріи della Spina въ Пизѣ: она стоитъ до сихъ поръ на берегу Арно и напоминаетъ своимъ миніатюрнымъ видомъ и причудливыми украшеніями ларчикъ нѣмецкой работы. Другое его произведеніе—Campo Santo или знаменитое кладбище, больше соотвѣтствуетъ своей цѣли и представляетъ форму четыреугольника съ крытыми корридорами и внутреннимъ дворомъ. Это кладбище, усаженное кипарисами, есть одинъ изъ любопытнѣйшихъ музеевъ Пизы. Оно украшено древними саркофагами, надгробными памятниками среднихъ вѣковъ и фресками флорентинскихъ и сіенскихъ живописцевъ. Самъ строитель поставилъ здѣсь эмблематическую статую города въ видѣ женщины съ думя малютками и помѣстилъ у ея подножія четыре фигуры: мудрости, мужества, умѣренности и правосудія. Впрочемъ эти изваянія кажутся угловатыми, сравнительно съ статуями Николая Пизанскаго. Только разъ сыну удалось превзойти отца, именно въ отдѣлкѣ каѳедры для церкви св. Андрея въ Пистойѣ: здѣсь убіеніе младенцевъ и распятіе изображены оригинально и драматически. Нужно замѣтить еще, что Джованни

былъ искусенъ въ металлическихъ и эмальныхъ работахъ. Мастерство золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ въ Италіи обязано ему, если не происхожденіемъ, то по крайней мѣрѣ значительными успѣхами. Изъ учениковъ его прославились на этомъ поприщѣ Августинъ и Анджело, уроженцы Сіены.

Послѣднимъ и величайшимъ представителемъ Пизанской школы считается мастеръ Андрей изъ Понтедеры (1270—1345), другъ Джіотто. Но онъ принадлежитъ къ этой школѣ только по мѣсту своего рожденія и воспитанія. Вторымъ его отечествомъ сдѣлалась Флоренція, гдѣ онъ работалъ, провелъ бóльшую часть жизни, получилъ право гражданства и наконецъ умеръ. Дома ему нечего было дѣлать. Пиза въ это время пришла въ упадокъ и потеряла свой флотъ при Мелоріи (1284), въ сраженіи съ генуэзцами. Послѣ этого несчастнаго сраженія городъ уже не могъ поправиться: внутренніе тираны и сосѣди сокрушили его силу и свободу. Напрасно искалъ онъ защиты у германскихъ императоровъ. Они приходили сюда только для того, чтобы брать съ жителей контрибуціи. Въ началѣ XV вѣка Пиза, какъ мы увидимъ, была взята флорентинцами. Ея великіе мастера разсѣялись еще раньше. Изъ учениковъ Андрея его сыновья, Нинъ и Ѳома, остались въ Тосканѣ, а самый даровитый художникъ, Бальдуччіо, ушелъ въ сѣверную Италію.

Теперь не трудно составить понятіе о заслугахъ пизанской школы. Ей неоспоримо принадлежитъ честь почина въ развитіи зодчества и ваянія. Въ этихъ двухъ отрасляхъ искусства ея представители были первыми учителями итальянцевъ. Что касается до живописи, она никогда не процвѣтала въ Пизѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать самостоятельныхъ ея зачатковъ, давно служитъ предметомъ споровъ. Извѣстно, что такъ-называемая византійская манера господствовала почти до половины XIII-го столѣтія на всемъ полуостровѣ. Мастера, которые слѣдовали этому направленію, превосходили одинъ другого безобразіемъ въ отдѣлкѣ иконъ. Попытки къ свободному творчеству обнаружились раньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, въ Сіенѣ и Флоренціи. Но какому изъ этихъ городовъ слѣдуетъ отдать первенство, рѣшить трудно. Въ обоихъ школы живописи являются почти одновременно. Начнемъ съ Сіены, чтобы потомъ сосредоточить все вниманіе на Флоренціи.

Трудно передать, въ немногихъ словахъ, впечатлѣніе, которое производитъ на путешественника послѣ Флоренціи Сіена. Очарованный столицею Тосканы, онъ ѣдетъ смотрѣть на ея соперницу безъ большихъ надеждъ и даже съ нѣкоторыми про-

тивъ нея предубѣжденіями. Ему извѣстно, что она сама себя истерзала и погубила, что нигдѣ средневѣковыя междоусобія не имѣли такого звѣрскаго и безвыходнаго характера: «Я увижу, думаетъ онъ, антикварный городъ, столь любезный археологамъ, прославленный англичанами, но, вѣроятно, городъ мертвый и скучный; только соборъ, должно быть, любопытенъ». И, не ожидая ничего, идетъ онъ по извилистымъ улицамъ Сіены. Скоро оказывается, что городъ довольно великъ. Это понятно: «въ старину здѣсь считалось до ста тысячъ жителей, а теперь сдѣлалось просторнѣе». Дворцы попадаются на каждомъ шагу. Они колоссальны, какъ флорентинскіе, и не уступаютъ имъ красотою архитектуры. Къ сожалѣнію, внутренность ихъ бо̀льшею частью непривлекательна: они давно лишились своихъ сокровищъ: картины и фрески почти вездѣ исчезли или стерлись; ими богаты только церкви, да часовни или ораторіи. Но по мѣстоположенію Сіена живописнѣе Флоренціи: разбросанная по холмамъ, какъ Римъ, она открыта съ разныхъ сторонъ и богата пейзажами. Окрестности также прекрасны: здѣсь оканчиваются горы и начинается тосканская маремма. Соборъ стоитъ не въ центрѣ, а на одной изъ высотъ и, такъ сказать, владычествуетъ надъ Сіеною. Жители хотѣли дать ему громадные, почти невиданные, размѣры; стѣна недостроеннаго нефа тянется далеко въ сосѣднюю улицу. Нынѣшняя церковь есть только поперечная часть (трансептъ) проектированной. Нужно согласиться, что она отдѣлана и убрана роскошнѣе флорентинскаго собора. Чтобы затмить свою соперницу внѣшнимъ блескомъ, Сіена выставила въ своемъ храмѣ на показъ міру чудеса искусства. Рѣзныя и накладныя работы по дереву и мрамору (tarsia, entaglio), разрисованныя стекла и розетки, алтари изъ драгоцѣнныхъ камней, иллюминованныя рукописи и книги въ ризницѣ ослѣпляютъ глаза. Даже мостовая собора покрыта разноцвѣтными барельефами, сложенными изъ мрамора по рисункамъ лучшихъ живописцевъ. На ней, посрединѣ церкви, изображены событія ветхаго завѣта, а у входа представлена Сіена, въ видѣ римской волчицы, окруженная союзными городами. Каѳедральное начальство только недавно догадалось прикрыть эту мостовую досками, чтобы сберечь ее отъ человѣческихъ ногъ. Въ самомъ дѣлѣ, она устроена не для ходьбы. Но красота собора еще не побѣдитъ путешественника, если онъ знаетъ, что это зданіе сооружено по плану или при помощи пизанскихъ зодчихъ, что надъ лучшими статуями трудились флорентинскіе мастера, что самыя дорогія сокровища скуплены у иностранныхъ художниковъ и принадлежатъ XV или XVI столѣтіямъ. Больше всего поражаетъ Сіена

своею главною площадью (Piazza del campo). Эта площадь имѣетъ видъ подковы и обширнѣе флорентинской. Она переноситъ насъ въ самую глубь среднихъ вѣковъ, когда городъ жилъ силою и волею цѣлаго народа. Мы не находимъ здѣсь никакихъ слѣдовъ мѣстнаго Перикла или Медичи, а видимъ передъ собою вольную итальянскую общину во всемъ ея величіи и, вспоминая, какія кровавыя сцены, какія бури происходили на этой площади, поперемѣнно испытываемъ удивленіе и ужасъ. Публичный дворецъ, современный флорентинскому, посѣдѣлый отъ древности, смотритъ грозно; входъ къ нему сторожитъ таже волчица, эмблема римскаго происхожденія Сіены; только часовня Богоматери-покровительницы города, смягчаетъ суровый стиль фасада, да легкая башня смѣло уносится въ небеса. Эта башня— достойная соперница башни Арнольфа въ Palazzo Vecchio: Леонардо да-Винчи не даромъ восхищался ея красотою. Насупротивъ и по бокамъ дворца стоятъ такіе же гиганты, построенные, словно наперекоръ общинѣ, богачами. Видно, что эти люди были для нея опасны и не скоро смирились. Средина площади украшена фонтаномъ (Fonte gaja). Сіенскій скульпторъ XV-го вѣка делла-Кверчіа изобразилъ на немъ библейскія событія; но барельефы этого мастера повреждены, и теперь (1868 г.) возстановляются. Таковъ наружный видъ площади. На ней до сихъ поръ шумитъ народъ, но невиннымъ, торговымъ шумомъ. Безпокойныя времена давно прошли...

Внѣшняя судьба Сіены представляетъ много сходства съ судьбою Флоренціи. Обѣ республики возникли почти въ одно время и были раздавлены одною и тою же желѣзною рукою Карла V. Но внутренняя жизнь Сіены устроилась нѣсколько иначе. Здѣсь феодальная аристократія раньше потеряла власть и принуждена была покинуть городъ. Къ сожалѣнію, сіенская община не умѣла удержать легко добытой свободы. Краткій періодъ народовластія ознаменованъ въ этой общинѣ страшными междоусобіями и проскрипціями; простолюдины гибли жертвою собственныхъ страстей; богачи поддерживали тираннію или призывали на отечество внѣшнихъ враговъ. Въ 1369 году Сіенцы еще могли дать отпоръ слабому императору Карлу IV и чуть не уморили его голодомъ на площади, когда онъ оцѣпилъ главныя улицы войсками и дерзнулъ захватить себѣ верховную власть. Но Карлъ V былъ посильнѣе и смирилъ Сіену. По его милости, она досталась вмѣстѣ съ Флоренціею великому герцогу Тосканскому Козьмѣ. Чтобы привести въ повиновеніе мятежный городъ, Козьма послалъ маркиза Мариньяно опустошить ближайшіе хутора и деревни. Съ тѣхъ поръ Сіена уже не подни-

малась, а въ ея окрестностяхъ завелась губительная лихорадка, въ родѣ римской маларіи.

Итакъ, сіенская община отцвѣла быстро. Блестящій періодъ ея жизни обнимаетъ не болѣе полутораста лѣтъ (1200—1348). Къ этому-то времени нужно отнести происхожденіе самостоятельной школы сіенскихъ живописцевъ. Почти всѣ ихъ произведенія, писанныя клеевыми красками на полотнѣ или на деревѣ, хранятся въ церквахъ города, или собраны въ тамошней академіи изящныхъ искусствъ. Но особенно интересны фрески, уцѣлѣвшія въ публичномъ дворцѣ. Разсматривая его внутреннія комнаты не трудно понять, чѣмъ именно отличается и какого направленія держится сіенская школа, сравнительно со школою флорентинскою. Но прежде всего обратимъ вниманіе на ея происхожденіе.

Между древнѣйшими памятниками Сіены сохранились выпуклыя иконы византійской манеры (alla greca). Въ нихъ живопись, такъ сказать, смѣшана съ ваяніемъ и позолотою. Съ XIII вѣка эти искусства мало-по-малу отдѣляются и разрабатываются независимо. Община, какъ видно, рано начала поощрять зодчество и, по примѣру Пизы, уже въ 1179 г. воздвигла въ честь Богоматери соборный храмъ. Первымъ строителемъ его былъ Ланди, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія. Когда въ Сіену пріѣхалъ Николай Пизанскій, онъ нашелъ тамъ множество ваятелей, или, говоря точнѣе, каменотесовъ. Эти рабочіе люди составляли особый цехъ подъ начальствомъ выборныхъ старшинъ (ректоровъ) и приняли его очень дружески. Неудивительно, что Николай подчинилъ ихъ своему вліянію и далъ имъ новое, болѣе художественное направленіе. Изъ его-то школы вышли лучшіе скульпторы и зодчіе Сіены. Въ XIV вѣкѣ они достигли полной самостоятельности. Лучшее ихъ произведеніе есть великолѣпный, единственный въ Европѣ, фасадъ Орвіетскаго собора. Этотъ соборъ сооруженъ подъ руководствомъ Лаврентія Маитани (Maitani), сіенскаго художника, съ участіемъ флорентинскихъ и пизанскихъ мастеровъ [1]). Главнымъ украшеніемъ фасада служатъ барельефы изъ библейской исторіи. Къ сожалѣнію, въ самой Сіенѣ развитіе зодчества и ваянія скоро остановилось вслѣдствіе междоусобій. Знаменитый скульпторъ делла-Кверчіа (XV вѣка), хотя и родился въ этомъ городѣ, но не нашелъ дома ни

[1]) Историкъ Орвіетскаго собора делла-Валле говоритъ, что надъ его украшеніемъ трудилось болѣе 350 художниковъ (зодчихъ, скульпторовъ, мозаистовъ, рѣзчиковъ и живописцевъ). Первый камень зданія былъ положенъ въ 1290 году папою Николаемъ IV; отдѣлка подробностей продолжалась до конца XVI вѣка.

пристанища, ни работы. Ему суждено было вести скитальческую жизнь и умереть въ бѣдности. Послѣднимъ представителемъ этой отрасли искусства былъ ученикъ Кверчіи Векьетта.

Напротивъ, живопись развилась въ Сіенѣ на первыхъ порахъ съ необыкновенною силою, чему содѣйствовали частные заказы, которые были здѣсь въ большомъ ходу, и кромѣ того, общественныя причины. Жители Сіены, отличаясь набожностью, любили выражать свои религіозные обѣты и семейныя воспоминанія картинами. Обычай расписывать хоругви для церквей и знамена для цеховъ и гильдій также былъ очень распространенъ въ этомъ городѣ съ половины XIII вѣка. Само правительство давало художникамъ много работы въ публичномъ дворцѣ и присутственныхъ мѣстахъ. До сихъ поръ въ архивахъ Сіены сохранились оффиціальные акты, реестры и книги, съ портретами чиновниковъ и городскимъ гербомъ. Даже суды, желая имѣть изображенія преступниковъ, обращались къ живописцамъ съ своими требованіями. Но главною задачею искусства было украшеніе церквей. На этомъ поприщѣ трудилось множество мастеровъ. Они издавна занимали отдѣльный кварталъ въ городѣ (dei Maestri), имѣли корпоративное устройство и въ половинѣ XIV вѣка (1345) начертали для себя хартію; нѣкоторыя ея положенія очень любопытны. «Призваніе живописца, по словамъ хартіи, состоитъ въ томъ, чтобы изображать людямъ простымъ и неграмотнымъ чудеса добродѣтели и подвиги святой вѣры». Самихъ художниковъ уставъ предостерегаетъ противъ невѣжества и своекорыстія, указывая имъ на то, что «безъ достаточной силы, знанія, доброй воли и любви къ дѣлу нельзя имѣть успѣха въ искусствѣ».

Живопись въ Сіенѣ приняла сначала религіозное, а потомъ отчасти политическое направленіе. Художники этого города обратили особенное вниманіе на технику и съ успѣхомъ разработали византійскую манеру украшенія иконъ. Нужно согласиться, что по тонкой и тщательной работѣ, особенно по миніатюрной отдѣлкѣ подробностей они не имѣютъ соперниковъ въ Италіи. Замѣчательно, что при этомъ главный предметъ композиціи не былъ ими упущенъ изъ виду. Къ сожалѣнію, сіенскимъ мастерамъ не доставало того спокойствія и величія, которое принадлежитъ неоспоримо школѣ флорентинской. Даже въ живописи al fresco, гдѣ они достигли блистательнаго колорита, они не умѣли соразмѣрить цѣлаго съ частями и увлекались крайностями. Постановка группъ и фигуръ рѣдко у нихъ естественна, а большею частью натянута, принуждена. Любя изысканныя движенія и красивыя лица, они скоро впали въ манерность и гримасы, начали изображать конвульсіи вмѣсто жестовъ, услов-

ныя чувства вмѣсто истинныхъ. Впрочемъ, эти упреки мало относятся къ первымъ представителямъ сіенской живописи. Они чисты и наивны, какъ дѣти. На нихъ можно смотрѣть, какъ на основателей идеальной школы. Уже въ началѣ XIV вѣка искусство было доведено ими до высокаго совершенства, несмотря на ихъ привязанность къ византійскимъ преданіямъ. Жаль, что судьба не дала ихъ преемникамъ свободы и досуга работать на пользу своего города съ такимъ успѣхомъ, съ какимъ трудились мастера флорентинскіе. Живопись въ Сіенѣ, послѣ перваго высокаго полета, двигалась впередъ туго и упала быстро. Ея исторія отрывочна и безсвязна. Мы остановимся только на древнѣйшемъ періодѣ.

Первымъ живописцемъ Сіены считается Гвидо. Онъ жилъ, какъ говоритъ преданіе, въ началѣ XIII-го вѣка и написалъ образъ Богоматери, что̀ въ церкви св. Доминика, помѣченный 1221 годомъ. Но знатоки оспариваютъ древность этой иконы и находятъ на ней слѣды подновленія [1]). Какъ бы то ни было, она ничѣмъ не отличается отъ греческихъ иконъ. Истиннымъ основателемъ сіенской школы нужно признать Дуччіо ди Бонинсенья, мастера XIV столѣтія. Онъ создалъ самостоятельный стиль и возбудилъ къ себѣ большое сочувствіе въ народѣ. Его Мадонна, окруженная ангелами и святыми, уцѣлѣла въ мѣстномъ соборѣ. Когда, послѣ трехлѣтнихъ работъ она была кончена (1308 г.), жители Сіены торжественно, со свѣчами и при звонѣ колоколовъ, принесли ее на рукахъ изъ мастерской въ храмъ и поставили на мѣсто. Этотъ запрестольный образъ имѣетъ обширные размѣры и сложное содержаніе. На одной сторонѣ доски написана Богоматерь во весь ростъ (Majesta); на другой, въ двадцати восьми миніатюрныхъ отдѣлахъ, представлены событія новаго завѣта. Дуччіо украсилъ свое произведеніе латинскимъ двустишіемъ, въ которомъ, кромѣ молитвы за себя, выразилъ патріотическія чувства. «Святая Богоматерь, гласитъ надпись—дай миръ Сіенѣ и жизнь Дуччіо за то, что онъ изобразилъ тебя» [2]). Достойнымъ преемникомъ основателя сіенской школы считается Симонъ Мартини или Мемми, другъ Петрарки. Ему поручено было написать al fresco въ залѣ общиннаго дворца св. Дѣву, покровительницу города. Мемми, по примѣру Дуччіо, присоединилъ къ своей картинѣ латинскіе стихи. Они направлены, какъ бы отъ имени Богоматери, противъ дурныхъ совѣтниковъ, эгои-

---

[1]) Crow, History I, 180—185.

[2]) Mater Sancta Dei, sis causa Senis requiei,
Sis Duccio vita, te quia depinxit ita!

стовъ, народныхъ льстецовъ и тирановъ. Этотъ мастеръ пріобрѣлъ себѣ громкую славу въ Италіи. Его приглашали работать во Флоренцію, Пизу, Ассизи, а потомъ вызвали въ Авиньонъ къ папскому двору. Онъ отличался не только искусствомъ писать фрески, но былъ, по словамъ Петрарки, хорошимъ портретистомъ. За нимъ непосредственно слѣдовали братья Лоренцетти, Петръ и Амвросій. Послѣдній, о которомъ восторженно отзывается Гиберти, флорентинскій художникъ XV вѣка, расписалъ фресками философскаго и политическаго содержанія залу засѣданій во дворцѣ сіенской общины. Эти фрески, къ несчастію, полуразрушенныя, очень любопытны. На одной изъ нихъ изображены выгоды мира, на другой—бѣдствія тиранніи, на третьей—благодѣянія свободы и законности. Авторъ, очевидно, желаетъ наставить и предостеречь своихъ соотечественниковъ на счетъ необходимости разумно управлять государствомъ. Гдѣ у него недостаетъ силы выразить мысль красками, онъ подсказываетъ ее стихами. Аллегорическія фигуры правосудія, мудрости, мира и т. п. заимствованы имъ изъ философскихъ ученій Аристотеля. Трудно воздержаться отъ улыбки при первомъ взглядѣ на эти наивныя произведенія [1]). Но, кромѣ художественнаго интереса, они имѣютъ серьезный, глубокій смыслъ для историка. Лоренцетти—передовой человѣкъ своей эпохи. Рисуя передъ нами лицевую и обратную сторону публичной жизни въ Сіенѣ, онъ доказываетъ живымъ примѣромъ, что искусство здѣсь служило народу и откликалось на его потребности.

Въ своихъ молитвахъ о мирѣ и въ урокахъ правительству, сіенскіе живописцы обнаруживаютъ чутье, свойственное великимъ поэтамъ, и какъ бы предсказываютъ отечеству опасности анархіи. Эти предсказанія скоро сбылись. Въ 1348 г. городъ посѣтила страшная чума, за нею послѣдовали смуты и едва возникшее искусство потерпѣло крушеніе. Художники, къ несчастію, не могли удержаться отъ вмѣшательства въ политическія распри: нѣкоторые изъ нихъ бросили живопись и сдѣлались демагогами; другіе были принуждены бѣжать. Въ 1368 году реакціонное правительство выгнало изъ Сіены около 4,000 гражданъ, между которыми мастера и ремесленники составляли большинство; къ концу XIV столѣтія община постыдно предала себя въ руки гер-

---

[1]) Лоренцетти простодушенъ, какъ дитя, и старается поразить зрителя рѣзкими контрастами. На фрескѣ, гдѣ онъ изобразилъ мудрое правительство, подданные весело гуляютъ въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ, а властители спокойно бесѣдуютъ и творятъ судъ; тираннія окружена у него чудовищами, разбоями, смертоубійствами и всяческими ужасами.

цога миланскаго. Въ виду такихъ невзгодъ, сіенская школа разсѣялась и нашла пристанище въ Умбріи. Правда, въ XV и XVI столѣтіяхъ нѣкоторые представители этой школы, пользуясь свѣтлыми промежутками въ исторіи отечества, приходили домой работать; но спокойное, преемственное развитіе искусства въ Сіенѣ остановилось со смертію Лоренцетти. Слѣдующіе за нимъ живописцы далеко уступаютъ своимъ флорентинскимъ соперникамъ и нерѣдко воспитываются подъ ихъ вліяніемъ. Даже Содома (Бацци), самый даровитый и оригинальный мастеръ XVI столѣтія, обязанъ развитіемъ своего таланта Леонарду да-Винчи. Напротивъ того, въ Губбіо, Урбино, Кортонѣ и Перуджіи сіенская школа кладетъ сѣмена на благодарной почвѣ и разработываетъ съ успѣхомъ свой идеалъ красоты. Отсюда въ эпоху возрожденія вышелъ геніальный Рафаэль.

Обращаясь снова къ Флоренціи, мы видимъ, что искусство зародилось въ ней почти въ тоже время, какъ и въ Сіенѣ; но на первыхъ порахъ не имѣло большого простора и двигалось впередъ медленно. До половины XIII вѣка строителями города были иноземные зодчіе. Они вызывались аристократами для сооруженія дворцовъ и зàмковъ; сама община, подавленная феодалами, почти не дѣлала заказовъ. Только крещальня св. Іоанна издавна была предметомъ особенной заботливости жителей. Эта заботливость выразилась трогательно въ 1114 году, когда Пиза, въ благодарность за вѣрную дружбу, предложила флорентинцамъ взять какую-нибудь вещь изъ отнятой у сарациновъ добычи. Флорентинцы сверхъ ожиданія выбрали не слитки драгоцѣннаго металла, а двѣ порфирныя колонны и съ восторгомъ поставили ихъ у дверей своей дорогой крещальни [1]). Древнѣйшія церкви Флоренціи большею частью имѣютъ форму базиликъ. Изъ нихъ особенно привлекательна Санъ-Миньято, въ окрестностяхъ города, любимая церковь Микель-Анджело, которую онъ называлъ прекрасною поселянкою (la mia bella villanella) и укрѣпилъ противъ осадныхъ войскъ Карла V. По всей вѣроятности, строителемъ ея былъ иностранецъ. Другая церковь въ честь апостоловъ также сооружена заѣзжими архитекторами. Въ половинѣ XIII вѣка община уже имѣла своего архитектора, по имени Лапо, но отъ него почти не осталось никакихъ памятниковъ; преданіе говоритъ только, будто онъ строилъ дворецъ для Podesta. Скоро потомъ во Флоренцію прибылъ Николай Пизанскій, о дѣятельности котораго мы упоми-

---

[1]) Malespini, c. 71; Villani, IV, 31.

нали. Нужно прибавить къ его заслугамъ, что ему обязанъ своимъ воспитаніемъ Арнольфъ ди-Камбіо, великій флорентинскій зодчій.

Арнольфъ родился въ 1232 г., началъ учиться своему искусству уже въ зрѣломъ возрастѣ и, не находя работы дома, поступилъ на службу къ Карлу Анжуйскому. Но къ концу XIII вѣка флорентинцы вызвали его въ отечество. Одолѣвъ феодаловъ, разбогатѣвшая община предприняла въ это время множество построекъ. Арнольфъ, несмотря на преклонныя лѣта, оправдалъ надежды согражданъ и успѣлъ до своей смерти (1310 г.) выполнить важнѣйшія изъ порученныхъ ему работъ. Чтобы оцѣнить его дѣятельность, стòитъ только взглянуть на Флоренцію съ окрестныхъ высотъ или изъ садовъ Bóболи. Публичныя зданія, которыми она справедливо гордится, или построены Арнольфомъ, или начаты по его планамъ и рисункамъ. Онъ расширилъ городскія стѣны, возвелъ крытую сквозную галлерею для хлѣбнаго рынка, которая потомъ была превращена въ церковь (San Michele) и заложилъ фундаментъ обширнаго храма св. Креста, «въ присутствіи духовенства, властей и всего добраго флорентинскаго народа, мужчинъ и женщинъ, причемъ происходили, по словамъ лѣтописца, великія радости и торжества» [1]). Но самымъ капитальнымъ его произведеніемъ считается общинный дворецъ, оконченный въ 1298 году. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили Арнольфу дать этому укрѣпленному зданію вполнѣ правильную форму. Гвельфы требовали, чтобы оно не касалось земли, принадлежавшей прежде гибеллинской фамиліи Уберти, и настояли на сокращеніи его размѣровъ. Кромѣ того, Арнольфу было приказано удержать старую каланчу на площади. Великій зодчій одолѣлъ всѣ постановленныя ему затрудненія и выполнилъ свой проектъ къ общему удовольствію. Каланча или башня не была тронута и, какъ говоритъ мѣстная пословица, повисла на воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, архитектурною опорою служатъ для нея не основныя стѣны, а выступы или побочныя укрѣпленія дворца.

Окончивъ дворецъ, Арнольфъ въ томъ же году принялся за постройку собора. Декретъ флорентинской общины о сооруженіи этого храма уцѣлѣлъ до нашего времени и очень любопытенъ. Въ немъ содержатся между прочимъ слѣдующія мысли: «Благородный народъ обязанъ заявить міру своею мудрость и великодушіе внѣшними актами. Поэтому повелѣваемъ нашему главному зодчему сдѣлать для новой церкви (она называлась

---

[1]) Villani, VIII, 7.

тогда Santa Reparata) такой великолѣпный рисунокъ, чтобы онъ отвѣчалъ высокому настроенію соединенной воли гражданъ, чтобы человѣческая изобрѣтательность не могла придумать ничего подобнаго». Гильдія шерстяныхъ торговцевъ отпустила отъ себя большія суммы на работы и побудила правительство для той же цѣли обложить пошлиною всѣ вывозные товары. Арнольфъ началъ строить соборъ въ томъ смѣшанномъ стилѣ, который извѣстенъ теперь подъ названіемъ средневѣкового флорентинскаго стиля. Его формы (заостренныя арки и окна) имѣютъ сходство съ готическими, но не выставляютъ наружу анатомическихъ частей, не обнажаютъ организма зданія: слѣдуя древнимъ, зодчій скрылъ отъ глазъ зрителя внутреннія опоры своей конструкціи. Внѣшними украшеніями храма служатъ геометрическія фигуры изъ накладного мрамора разныхъ цвѣтовъ. Арнольфъ успѣлъ возвести только стѣны и фасадъ, но окончаніе корпуса и внутреннюю его отдѣлку предоставилъ своимъ преемникамъ.

Эпоха Арнольфа ознаменована во Флоренціи появленіемъ великихъ живописцевъ. Правда, эта отрасль искусства была здѣсь и прежде извѣстна, но находилась въ жалкомъ состояніи: византійская манера подавляла таланты. Новое направленіе началось съ Чимабуэ (1240 г.). Онъ происходилъ отъ древней, уважаемой въ городѣ фамиліи и, какъ думаетъ Вазари, бралъ первые уроки у греческихъ мастеровъ. Впрочемъ эта тяжелая школа не притупила его природныхъ дарованій. Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, онъ почувствовалъ, что пора смягчить жесткость кисти, бросить поношенныя формы стараго ремесла и вдохнуть жизнь въ человѣческій образъ, искаженный и обезличенный греками. Стремленіе Чимабуэ къ самостоятельности особенно замѣтно на одномъ изъ немногихъ его произведеній, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, именно на иконѣ Богоматери, что въ церкви Santa Maria Novella. Говорятъ, будто Карлъ Анжуйскій, проѣзжая черезъ Флоренцію, заходилъ въ домъ художника посмотрѣть на эту икону и былъ удивленъ ея красотою. Еще больше сочувствія высказалъ къ ней флорентинскій народъ. Какъ бы предвидя будущіе успѣхи искусства, онъ торжественно понесъ ее на своихъ рукахъ изъ мастерской въ церковь. Съ этого времени имя Чимабуэ сдѣлалось столько же популярнымъ въ отечествѣ, сколько имя Дуччіо въ Сіенѣ. Оба они удостоились почетнаго тріумфа и оба считаются патріархами итальянской живописи. Трудно рѣшить даже, кому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Если принять во вниманіе сложность композиціи, нѣжность очертаній, тонкость технической отдѣлки и миніатюрныхъ работъ, сіенскій мастеръ безспорно стоитъ выше

своего соперника. За то Чимабуэ блистаетъ естественностью въ постановкѣ фигуръ, ясностью и гармоніею красокъ. Разсматривая его икону, энтузіасты находили на ликѣ Богоматери кротость и задумчивость, въ младенцѣ—свѣжесть и одушевленіе, въ ангелахъ—граціозныя движенія головъ, благоговѣйныя позы и роскошные волосы. Критики нашего времени отчасти сочувствуютъ этимъ похваламъ, но прибавляютъ слѣдующія замѣчанія: «голова Мадонны нѣсколько тяжела сравнительно съ тѣломъ; ея ликъ сильно напоминаетъ типъ греческихъ иконописцевъ, едва смягченный робкою, неискусною рукою; форма носа остается византійскою какъ у Богоматери, такъ и у младенца; ликъ послѣдняго кажется болѣе мужественнымъ, чѣмъ дѣтскимъ; руки у обоихъ поражаютъ излишнею длиннотою и тонкостью пальцевъ, рѣзко выдѣляющихся отъ кисти; суставы сдѣланы неудачно; ноги безобразны; ангелы, окружающіе образъ, нарисованы несоразмѣрно, тѣла у нихъ очень малы, головы велики, только движенія натуральны и пріятны». Какъ бы то ни было, Чимабуэ далъ сильный толчекъ искусству и вполнѣ удовлетворилъ требованіямъ современниковъ. Еще при жизни ему удалось найти себѣ достойнаго ученика. Преданіе говоритъ, что они встрѣтились случайно. Однажды, проѣзжая по большой дорогѣ въ окрестностяхъ Флоренціи, Чимабуэ замѣтилъ мальчика, который сторожилъ скотъ и чертилъ углемъ на камнѣ фигуру овцы. Рисунокъ понравился мастеру. Не долго думая, онъ поговорилъ съ родителями ребенка и взялъ его въ науку. Имя этого пастуха—Джіотто Бондоне. Онъ оказался человѣкомъ разностороннихъ дарованій и скоро затмилъ славу своего наставника[1]). Ему флорентинская школа больше всего обязана своими успѣхами и превосходствомъ надъ сосѣдними школами. Плодовитость кисти Джіотто изумительна. Подобно Николаю Пизанскому, онъ оставилъ памятники своего творчества во многихъ городахъ Италіи и даже былъ приглашенъ въ Авиньонъ, куда впрочемъ не поѣхалъ. Любимымъ его занятіемъ была живопись al fresco; кромѣ того онъ заимствовалъ у Чимабуэ искусство расписывать (иллюминовать) манускрипты и книги[2]), а къ концу жизни

---

[1]) Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ Дантъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Чистилища» (94—96):

Credette Cimabue nella pittura
Tener lo campo, ed ora ha Giotto il grido,
Si che la fama di colui oscura.

[2]) Эта отрасль искусства усовершенствована другимъ ученикомъ Чимабуэ, Одеризи изъ Губбіо, а еще болѣе Франкомъ Болонскимъ, по свидѣтельству Данта. Отечествомъ иллюминаторовъ сдѣлалась не Флоренція, а Умбрія. Сюда, какъ мы увидимъ, пріѣзжалъ учиться Фра Анджелико.

сдѣлался зодчимъ. Мы не будемъ разсматривать въ подробности многочисленныхъ его произведеній, а укажемъ только на главныя, въ которыхъ генiй великаго мастера отпечатлѣлся съ особенною силою.

Въ Умбріи, недалеко отъ Перуджіи, на одинокой скалѣ стоитъ древній городокъ Ассизи. Окрестности его очень живописны: внизу растетъ въ изобиліи хлѣбъ и оливковое дерево; вершина горы обнажена вѣтрами и при закатѣ солнца бросаетъ пурпуровый отблескъ. Въ этомъ городкѣ родился (1182 г.) и сюда пришелъ умереть (1226 г.) св. Францискъ, одинъ изъ подвижниковъ западной церкви въ средніе вѣка. Жизнь его полна чудесъ и видѣній, энтузіазма и самопожертвованія. Будучи сыномъ богатаго человѣка, онъ покинулъ міръ, принялъ обѣтъ нищенства, воздержанія и смиренія, предался религіознымъ восторгамъ и основалъ знаменитый духовный орденъ «меньшихъ братій». Трудно себѣ представить, съ какимъ благоговѣніемъ народъ относился къ добродѣтелямъ этого человѣка. Едва только разнеслась вѣсть о его кончинѣ, какъ было рѣшено соорудить въ память ему достойный храмъ. Въ Италіи строительное искусство находилось тогда въ колыбели и еще не имѣло Николая Пизанскаго. Наслышавшись о красотахъ готическаго стиля, монахи, при помощи императора Фридриха II, вызвали архитектора изъ Германіи и указали ему мѣсто для зданія на уступахъ скалы, у подножія которой лежалъ гробъ праведника. Зодчіе среднихъ вѣковъ, какъ извѣстно, не стѣснялись трудностями почвы или мѣстности и умѣли побѣждать природу. Геніальный строитель принялся за свое дѣло и воздвигъ надъ могилою Франциска двѣ церкви, нижнюю и верхнюю. Первая изъ нихъ мрачна и таинственна какъ чистилище; лучи солнца едва проникаютъ въ нее; вторая, изображающая рай, свѣтла, обширна и величественна. Вокругъ этого колоссальнаго храма идутъ въ гору длинныя аркады, отдѣляющія монастырскія строенія; дальше красуются городскія башни, а на верху стоитъ старая, полуразрушенная цитадель. По словамъ путешественниковъ, трудно найдти гдѣ-нибудь такое счастливое сочетаніе природы и человѣческаго искусства, такую гармоническую массу утесовъ и зданій. Видъ Ассизи съ долины, особенно вечеромъ, превосходитъ своею высокою красотою самыя волшебныя картины [1]).

---

[1]) Подробное описаніе архитектуры этого храма было помѣщено въ Quarterly

Въ 1253 году храмъ св. Франциска былъ снаружи отстроенъ и освященъ. Но внутренняя его отдѣлка продолжалась около двухъ вѣковъ. Понятно, что здѣсь открылось широкое поле для искусства. Монахи разослали ко всѣмъ тосканскимъ мастерамъ приглашенія расписывать стѣны обѣихъ церквей фресками. Главныя работы взялъ на себя Чимабуэ вмѣстѣ съ своими учениками; сіенскіе художники также отвѣчали на вызовъ и пріѣхали въ Ассизи. Обѣ школы могли теперь свободно состязаться между собою и дѣлать одна у другой полезныя заимствованія. Кромѣ жизни св. Франциска, какъ главной задачи, живописцамъ было поручено изобразить библейскія событія.

Произведенія, которыми Чимабуэ украсилъ верхнюю церковь, почти стерлись отъ времени, но, судя потому, что отъ нихъ осталось, напоминаютъ его манеру и доказываютъ, что въ Ассизи онъ подвинулся нѣсколько впередъ, особенно въ отдѣлкѣ украшеній. Любопытнѣе для историка флорентинской живописи фрески, посвященные жизни св. Франциска. Онѣ не одинаковаго достоинства и сдѣланы учениками Чимабуэ; нѣкоторыя носятъ на себѣ явные слѣды молодой, робкой, но даровитой кисти. По всей вѣроятности, онѣ принадлежатъ Джіотто. По крайней мѣрѣ на нихъ можно впервые наблюдать точный, мастерской его рисунокъ, удачное распредѣленіе группъ, умную композицію и характерность каждой фигуры. Еще совершеннѣе по выполненію фрески нижней церкви, писанныя несомнѣнно рукою этого великаго мастера, въ лѣтахъ мужества. Здѣсь виденъ вполнѣ оригинальный и смѣлый талантъ. Фрески, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ аллегорическое содержаніе. Художникъ хотѣлъ истолковать народу обѣты ордена: нищенство, цѣломудріе и повиновеніе. Изображеніе перваго обѣта очень удачно и сильно напоминаетъ Данта. Бѣдность представлена въ видѣ тощей женщины, на терновыхъ иглахъ; надъ нею издѣваются два мальчика; Христосъ обручаетъ ее съ святымъ Францискомъ; ангелы присутствуютъ при обрученіи. Налѣво молодой человѣкъ, подражая подвижнику церкви, отдаетъ свои одежды бѣдняку; справа стоятъ богачи и сильные земли; ангелъ приглашаетъ ихъ послѣдовать доброму примѣру, но они отворачиваются съ негодованіемъ. Другіе обѣты ордена представлены не такъ ясно и отчетливо: Джіотто передаетъ ихъ символически. Но картина, на которой изображенъ Францискъ во всей славѣ своей, понятна и для непосвященныхъ; здѣсь блистаетъ мужественною красо-

---

Review, № 208. Въ послѣднее время открыта третья, подземная церковь (криптъ), гдѣ покоится тѣло св. Франциска.

тою группа ангеловъ. Вообще эти фрески доказываютъ, что рука мастера пріобрѣла спокойствіе и легкость, благодаря глубокому изученію человѣческихъ движеній, а колоритъ сдѣлался яснѣе и прозрачнѣе. Почти тоже можно замѣтить объ изображеніяхъ событій новаго завѣта, находящихся въ нижней церкви.

Трудно опредѣлить съ точностію хронологическій порядокъ произведеній Джіотто. Изъ исторіи извѣстно только, что онъ былъ вызванъ папою Бонифаціемъ VIII въ Римъ къ юбилею 1300 года. Къ несчастію, фрески, писанные великимъ мастеромъ въ церквахъ вѣчнаго города, сильно пострадали отъ времени и невѣжественной подмалевки. Но въ храмѣ св. Петра сохранился мозаическій образъ хожденія по водамъ, для котораго онъ заготовилъ рисунокъ; кромѣ того, въ церкви Іоанна Латеранскаго уцѣлѣли разрозненные отрывки складныхъ иконъ и стѣнной живописи. По всей вѣроятности, изъ Рима Джіотто отправился въ Неаполь. Здѣсь, въ монастырѣ св. Клары (Santa Chiara), также замѣтны слѣды его кисти. Скоро послѣ того одинъ изъ падуанскихъ богачей, Скровеньи, послалъ къ нему приглашеніе расписать новую часовню въ честь Богоматери (Santa Maria dell' Arena). Джіотто переѣхалъ въ Падую всѣмъ домомъ, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ и принималъ у себя знаменитаго гостя, своего друга, Данта. Произведенія его кисти лучше сбережены въ этомъ городѣ и сильно интересуютъ художниковъ. Кажется, великому мастеру помогали въ работахъ ученики: одному человѣку было бы не подъ силу выполнить такой сложный заказъ. Всѣ внутреннія стѣны часовни расписаны кругомъ фресками. Предметомъ ихъ служитъ, кромѣ страшнаго суда, изображеннаго слабо и неудачно, исторія Богоматери и Спасителя. Здѣсь Джіотто рѣшительно отступаетъ отъ рутины въ композиціи и передаетъ событія новаго завѣта самостоятельно, опираясь только на повѣствованія евангелистовъ. Но съ особенною силою проявилась его оригинальность въ аллегорическихъ фигурахъ добродѣтелей и пороковъ, представленныхъ на нижнихъ стѣнахъ часовни. Отдѣлка этихъ фигуръ во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненна. Онѣ доказываютъ, что Джіотто былъ великъ не только въ религіозной живописи, но хотѣлъ возвысить нравственное значеніе искусства и открыть для него внутренній міръ человѣческихъ чувствъ, наклонностей и страстей. Вѣра, надежда, любовь, мудрость, храбрость, умѣренность и правда носятъ у него, какъ и у позднѣйшихъ художниковъ, образъ прекраснѣйшихъ женщинъ; пороки и недостатки людей онъ передаетъ большею частью въ мужескихъ лицахъ, чрезвычайно выразительныхъ и разнохарактерныхъ. Здѣсь знатоки находятъ первые проблески

свободнаго творчества въ итальянской живописи. Задушевную мысль художника, освѣщенную счастливыми контрастами, не трудно отгадать и уловить почти въ каждой фигурѣ, даже безъ эмблематическихъ его поясненій [1]).

Чтобы точнѣе измѣрить силу таланта Джіотто, нужно познакомиться съ его произведеніями во Флоренціи. Многія изъ нихъ до послѣдняго времени считались утраченными и только недавно, благодаря энергіи любителей искусства, спасены отъ погибели. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, историческіе фрески во дворцѣ Подеста или въ такъ-назыв. Bargello. Этотъ старый дворецъ долго служилъ тюрьмою, а теперь возстановленъ и обращенъ въ художественный музей [2]). Вазари, Виллани и Монетти единогласно говорятъ, что его расписывалъ Джіотто и указываютъ на самое содержаніе картинъ, украшавшихъ молельню (капеллу) Подеста. Къ сожалѣнію, во внутреннихъ комнатахъ этого дворца нѣсколько разъ происходили передѣлки. Штукатуры изгладили снаружи всякій слѣдъ кисти знаменитаго мастера. Въ надеждѣ открыть залѣпленные фрески, англичане и американцы собрали подпискою небольшую сумму и склонили правительство начать работы въ Bargello. Штукатурка была снята и поиски увѣнчались успѣхомъ. Кромѣ картинъ религіознаго содержанія, въ капеллѣ Подеста нашлись портреты современниковъ и друзей Джіотто, именно: Карла Валуа, умирителя Флоренціи, Корсо Донати, Брунетто Латини и Данта. Самая драгоцѣнная находка есть, конечно, портретъ великаго флорентинскаго поэта, чудной работы. Вѣрная копія съ него, къ счастію, была немедленно снята и потомъ издана въ Англіи Эронделевымъ обществомъ любителей искусства (Arundel Society). Что касается до оригинала, онъ дважды пострадалъ отъ неискусныхъ и невѣжественныхъ рукъ. Работникъ, выдергивая изъ стѣны гвоздь, повредилъ ему глазъ, а реставраторъ исказилъ самое выраженіе лица новыми красками, потому что старыя нѣсколько стерлись. Какъ бы то ни было, послѣ этихъ открытій репутація Джіотто очень возвысилась: на него смотрятъ теперь, какъ на основателя портретнаго искусства въ Италіи.

---

[1]) Лучшая критическая оцѣнка этихъ произведеній и всей дѣятельности Джіотто сдѣлана однимъ изъ глубокихъ знатоковъ искусства въ Англіи Роскиномъ въ его сочиненіи: Giotto and his works in Padua. Lond. 1854 (изданіе Эронделева общества).

[2]) Свѣдѣнія объ исторіи этого дворца можно найти въ книгѣ Вельда (Weld): Florence, the new capital of Italy, Lond. 1867, p. 335. Въ 1868 году Bargello былъ уже открытъ для публики. Только каталогъ хранящихся въ немъ произведеній искусства еще не составленъ. Многія изъ нихъ принадлежатъ частнымъ лицамъ; нѣкоторыя переданы изъ галлереи Уффици.

Не менѣе интересны фрески Джіотто въ церкви св. Креста. Когда-то она вмѣщала въ себѣ богатѣйшее ихъ собраніе; теперь изъ него уцѣлѣла только небольшая часть. Впрочемъ и здѣсь открытія продолжаются; даже есть надежда, что реставраціи будутъ идти искуснѣе, чѣмъ онѣ были начаты въ Bargello. Придѣлъ фамиліи Перуцци (capella Peruzzi) послѣ двадцатилѣтнихъ работъ (1841—63 г.) возстановленъ почти въ первоначальномъ видѣ; самый колоритъ Джіотто отчасти уцѣлѣлъ. Здѣсь великій мастеръ является, можно сказать, во всей силѣ таланта и затмѣваетъ своихъ послѣдователей. На стѣнахъ придѣла изображены событія изъ жизни апостола Іоанна и Крестителя съ такимъ драматизмомъ, о которомъ нельзя составить понятія по другимъ фрескамъ XIV вѣка. Джіотто не только мастерски передалъ танецъ Иродіады и легенды о пребываніи Богослова на Патмосѣ, но въ самой композиціи и постановкѣ фигуръ приблизился къ образцамъ древняго искусства. Недавно открыта еще стѣнная его живопись (эпизоды изъ исторіи св. Франциска) въ придѣлѣ фамиліи Барди. По мнѣнію знатоковъ, она принадлежитъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ фрески Ассизи. Въ той же церкви уцѣлѣлъ складной запрестольный образъ вѣнчанія Богоматери, къ несчастію, сильно потертый и утратившій первоначальныя краски. Здѣсь приковываетъ къ себѣ вниманіе хоръ ангеловъ и святыхъ. Джіотто мастерски разставилъ ихъ отдѣльными группами и придалъ каждой группѣ самостоятельность, не нарушая между ними гармоніи. Вообще работы al fresco не отвлекли великаго мастера отъ иконописи: образа, рисованные имъ на деревѣ, попадаются въ главныхъ картинныхъ галлереяхъ западной Европы, и доказываютъ, что онъ значительно подвинулъ впередъ эту отрасль искусства. Превосходство его надъ старыми иконописцами особенно замѣтно въ изображеніи распятія. Трудно найти предметъ, болѣе высокій и достойный кисти христіанскихъ художниковъ. Между тѣмъ послѣдователи византійской манеры разрабатывали исключительно его физическую сторону и, чтобы внушить ужасъ къ прискорбному событію, передавали тѣлесныя муки Спасителя на крестѣ въ самомъ безобразномъ видѣ. Въ церквахъ Флоренціи сохранилось нѣсколько подобныхъ произведеній Джіунты Пизанскаго, Маргаритоне изъ Ареццо и другихъ мастеровъ XIII вѣка. Они въ высшей степени непривлекательны и поражаютъ столько же анатомическими неправильностями, сколько потоками крови. Совершенно иное впечатлѣніе производятъ распятія, писанныя Джіотто, въ Падуѣ и во Флоренціи. Видно, что, отступая отъ византійскаго ремесла, онъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, то-есть, служилъ цѣлямъ ис-

кусства и вмѣстѣ старался удовлетворить требованіямъ народнаго благочестія; достоинство предмета возвысилось у него само собою, непринужденно. Страдальческій ликъ Искупителя представленъ великимъ художникомъ просто, естественно и выразительно; тѣло изображено безъ судорогъ, безъ обнаженныхъ реберъ, безъ натянутыхъ мускуловъ; боковыя фигуры еще болѣе усиливаютъ трагическое дѣйствіе всей картины. Эти достоинства Джіотто были признаны, даже въ его время, многими закоренѣлыми рутинистами. Изъ художниковъ XIV и XV столѣтія немногіе съ успѣхомъ подражали ему въ изображеніи распятія. Только въ XV вѣкѣ, какъ мы увидимъ, Фра Анджелико раскрылъ новыя стороны этого предмета.

Къ концу жизни, Джіотто воздвигъ себѣ во Флоренціи самый прочный и великолѣпный памятникъ. Въ 1334 г. община сдѣлала его своимъ архитекторомъ и поручила ему, кромѣ другихъ работъ въ городѣ, доканчивать соборъ и поставить къ нему колокольню. «Эта колокольня, по словамъ декрета, должна была превзойти высотою и отдѣлкою всѣ зданія, сооруженныя греками и римлянами въ лучшія времена». Великій мастеръ выполнилъ главныя порученія въ два года. Судьба послала ему сотрудника по скульптурѣ, въ которой самъ онъ, кажется, не имѣлъ техническихъ свѣдѣній, — именно Андрея Пизанскаго. Они познакомились между собою, когда Андрей пріѣхалъ во Флоренцію отливать бронзовую дверь къ крещальнѣ св. Іоанна. Джіотто, какъ видно, помогалъ ему совѣтами въ композиціи и распредѣленіи группъ на этой двери. Въ свою очередь, Андрей вознаградилъ его за услугу, при постройкѣ колокольни и соборнаго фасада. Легко себѣ представить, какъ должно было выиграть искусство отъ соединенія такихъ талантливыхъ людей. Живымъ доказательствомъ тому служитъ колокольня. Ничего подобнаго не произвелъ XIV вѣкъ. Лучшіе критики позднѣйшаго времени соглашаются, что Джіотто, какъ зодчій, превзошелъ вдохновенною изобрѣтательностью самыхъ замѣчательныхъ архитекторовъ. Правда, онъ не успѣлъ докончить своихъ построекъ; колокольня, имъ возведенная, не имѣетъ пирамидальной вершины, какъ было предположено въ проектѣ, и похожа на мозаичный фонарь изъ разноцвѣтнаго мрамора. Но этотъ колоссальный фонарь есть геніальнѣйшее произведеніе ново-европейскаго искусства: золотыя руки Андрея Пизанскаго начертали на немъ, по рисункамъ строителя, чудной красоты изваянія, въ которыхъ изображены успѣхи гражданственности, начиная отъ появленія на землѣ первыхъ людей. Мы видимъ здѣсь не однѣ библейскія картины, — передъ нами проходятъ историческія событія, въ которыхъ че-

ловѣкъ является попеременно труженикомъ, изобрѣтателемъ, общественнымъ дѣятелемъ и господиномъ природы, обрабатываетъ землю, покоряетъ дикихъ животныхъ, ѣздитъ по морямъ, дѣлаетъ полезныя открытія, основываетъ государство и создаетъ науку. Нѣкоторые барельефы добавлены позже Лукою делла-Роббіа и Донателло; но они не такъ соотвѣтствуютъ характеру зданія, какъ тѣ, на которыхъ отпечатлѣлся геній великаго флорентинца, управлявшій чуднымъ и вполнѣ ему послушнымъ рѣзцомъ пизанскаго скульптора.

Джіотто умеръ незадолго до демократическаго переворота во Флоренціи. Онъ былъ геніальнымъ и первымъ по времени мастеромъ, вышедшимъ изъ рядовъ простого народа. По характеру и образу жизни, сколько мы знаемъ, онъ остался вѣрнымъ своему происхожденію и никогда не обнаруживалъ притязательности, свойственной художникамъ, составляющимъ себѣ карьеру по протекціи. Современники хвалятъ его простоту, благодушіе и остроуміе. Повѣствуемые о немъ анекдоты кажутся грубыми, но въ сущности невинны и забавны. Гдѣ было нужно, онъ умѣлъ выдержать достоинство. Однажды отвѣчая Данту на вопросъ, отчего его картины хороши, а дѣти невзрачны, хотя и похожи на отца, онъ пошутилъ слишкомъ рѣзко надъ собою и надъ природою, напомнивъ, вѣроятно, невзначай, одно мѣсто изъ Сатурналій Макробія. Въ другой разъ папскій придворный потребовалъ отъ него доказательствъ искусства въ живописи. «Вы хотите имѣть образчикъ моихъ знаній», спросилъ у высокаго посланца удивленный Джіотто и тутъ же начертилъ рукою правильный кругъ. —Неужели вы не дадите образчика получше этого? замѣтилъ легатъ и получилъ рѣшительный отвѣтъ, что больше ничего не нужно. За то просвѣщенныхъ людей своего вѣка Джіотто высоко цѣнилъ и самъ пользовался ихъ уваженіемъ. Дружба его къ Данту достаточно извѣстна и продолжалась цѣлую жизнь. Историкъ Виллани говоритъ о немъ, какъ умнѣйшемъ изъ живописцевъ; Боккачіо находитъ у него способность воспроизводить природу такъ искусно, что его копію трудно отличить отъ оригинала, и передаетъ написанный имъ образъ Богоматери по завѣщанію, какъ драгоцѣнность, одному изъ своихъ друзей [1]). Высокое мнѣніе о Джіотто раздѣляютъ ученые и художники XV вѣка. «Онъ бросилъ византійскую грубость и превратилъ греческое искусство въ латинское», замѣчаетъ Гиберти. Когда Полиціану было поручено сочинить эпитафію на памятникѣ

[1]) Вотъ подлинныя слова этого завѣщанія: Quia nihil aliud habeo dignum te, mitto tabulam meam beatae virginis, opus Jocti, pictoris egregii, cujus pulchritudinem ignorantes non intelligunt, magistri autem artis stupent.

Джіотто, онъ написалъ, недолго думая, краткія, но мѣткія слова: «этотъ человѣкъ воскресилъ погибшую живопись» (per quem pictura extincta revifit). Критики нашего времени также признаютъ, что, открывая широкій путь къ свободному творчеству, Джіотто самъ сталъ во главѣ этого новаго движенія. Дѣйствительно, трудно отрицать его художественныя дарованія и руководящій умъ. Несмотря на слабость тогдашней техники, онъ понялъ, что искусство можетъ идти впередъ, и смѣло порвалъ цѣпи, наложенныя на него варварствомъ. Направленіе, которое онъ выбралъ, конечно, нельзя назвать идеальнымъ. Сравнительно съ Дуччіо, нѣжнымъ и сладкимъ основателемъ сіенской школы, Джіотто кажется суровымъ, положительнымъ художникомъ. Фигуры у него выразительны и характерны, но не красивы; если на его картинахъ изрѣдка и попадаются изящныя головки, то онѣ созданы, такъ сказать, случайно, вдохновеніемъ, а не придуманы съ намѣреніемъ, не измышлены постояннымъ трудомъ и упражненіемъ кисти. Прелестей человѣческаго лица Джіотто не подмѣчалъ, а рисовалъ его черты большею частью рѣзко или неправильно. Особенно не удавались ему глаза, которые онъ дѣлалъ длинными, узкими и ставилъ слишкомъ близко одинъ къ другому. Сила великаго мастера проявляется больше всего въ зрѣло-обдуманной композиціи, въ искусствѣ соразмѣрять средства съ цѣлью въ мастерской постановкѣ и удачномъ распредѣленіи массъ, въ простотѣ, естественности и одушевленіи, какъ всей картины, такъ и отдѣльныхъ ея частей. Объ этомъ прежніе живописцы-ремесленники не заботились; съ упадкомъ древняго міра, можно сказать, было утрачено самое понятіе о способахъ обращенія съ предметомъ, сколько-нибудь сложнымъ Никто не умѣлъ представить на иконѣ или на картинѣ стройную группу людей и придать ей жизнь, естественное положеніе и характеръ. Эту тайну постигъ впервые Джіотто. Вотъ почему на него смотрятъ, какъ на художника-преобразователя! Даже въ кругу религіозныхъ предметовъ онъ явился мастеромъ, пустилъ въ ходъ смѣлые пріемы свободнаго творчества и сдѣлалъ задачею искусства изображеніе дѣйствительнаго міра. Этотъ міръ представляла ему Флоренція, гдѣ человѣкъ не былъ нравственно изуродованъ и погребенъ, какъ въ Византіи, а жилъ и дѣйствовалъ свободно въ обществѣ.

Но какъ всѣ великіе люди, Джіотто не свободенъ отъ недостатковъ. Византійскія преданія, противъ которыхъ онъ боролся, еще сильно тяготѣютъ надъ нимъ. Въ этомъ можно убѣдиться, смотря на его иконы: они стоятъ гораздо ниже стѣнной живописи великаго мастера. Не только внѣшняя ихъ отдѣлка и

украшенія, но самые лики напоминаютъ старину. Драпировка у Джіотто хотя и оригинальна, но кажется, несмотря на свою пышность, монотонною, условною, изысканною драпировкою. Любя широкія и длинныя одежды, онъ закрываетъ ими формы человѣческаго тѣла. Кромѣ того многія подробности набросаны на его фрескахъ слегка, въ видѣ едва замѣтныхъ очертаній и слабыхъ намековъ. Наконецъ, знаменитый мастеръ часто увлекался аллегорическими изображеніями и заходилъ въ область темнаго и непонятнаго. Эти недостатки особенно замѣтны у его учениковъ. Они составили, какъ видно изъ документовъ— довольно многочисленный цехъ, но къ сожалѣнію, были людьми посредственныхъ дарованій, и не всегда удачно подражали своему наставнику. Ѳаддей Гадди, крестникъ и любимецъ Джіотто, докончилъ его фрески въ церкви св. Креста, Анджело расписалъ соборъ въ Прато, а Францискъ изъ Вольтерры, человѣкъ талантливый, былъ приглашенъ въ Пизу украшать Campo Santo. Кромѣ этихъ послѣдователей Джіотто, Вазари упоминаетъ съ похвалою о какомъ-то Стефанѣ Флорентинскомъ и говоритъ, будто онъ достигъ замѣчательнаго мастерства въ живописи. Къ сожалѣнію, отъ него осталось очень мало произведеній. Если вѣрить Вазари, Стефанъ отличался глубокимъ знаніемъ анатоміи, первый понялъ законы перспективы, уловилъ подъ драпировкою формы человѣческаго тѣла и вѣрно изображалъ ихъ въ сокращеніи (раккурсѣ). Современники дали ему не совсѣмъ благозвучную кличку, именно величали его обезьяною природы. Еще удачнѣе писалъ иконы и фрески живописецъ XIV вѣка, по прозванію Джіоттино, но и о немъ дошли очень скудныя свѣдѣнія. Затѣмъ лучшими подражателями Джіотто считаются римлянинъ Каваллини, Іоаннъ Миланскій и Антоній Венеціанскій; первые два работали въ Ассизи, послѣдній — въ Венеціи, Пизѣ и Палермо. Имъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ насажденіе флорентинской школы на сѣверѣ и на югѣ Италіи.

Что касается до Флоренціи, живопись находилась тамъ въ застоѣ до XV-го столѣтія. Иначе и быть не могло. За смертію великаго двигателя и реформатора, неизбѣжно слѣдуетъ реакція. Ученики Джіотто лишились въ немъ руководящаго свѣтила и, какъ простые ремесленники, не могли создать сами ничего новаго, а только повторяли уроки своего учителя. Эти повторенія продолжались до тѣхъ поръ, пока его манера не была достаточно усвоена. Дальнѣйшее развитіе искусства принадлежитъ слѣдующему періоду флорентинской исторіи.

Д. Качновскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

Е. А. ХВОСТОВОЙ.

1812—1835.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

10-го октября 1868 г. въ Петербургѣ послѣ непродолжительной болѣзни, на 57-мъ году отъ роду скончалась Екатерина Александровна Хвостова, урожденная Сушкова. Покойница хорошо была извѣстна въ петербургскомъ обществѣ, въ особенности въ литературно-музыкальныхъ кружкахъ столицы, какъ женщина съ большимъ природнымъ умомъ, не лишенномъ хотя и свѣтскаго, но довольно солиднаго образованія, и искренно оказывавшая сочувствіе къ дѣятельности нашихъ лучшихъ писателей и музыкантовъ. Въ гостинной Е. А., въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, всегда можно было встрѣтить нѣкоторыхъ изъ наиболѣе замѣтныхъ дѣятелей въ области, какъ отечественной словесности, такъ въ особенности музыки. Привѣтливость Е. А., умѣнье говорить, замѣтная острота ума дѣлали бесѣду ея довольно интересной. Вотъ почему преждевременная кончина г-жи Хвостовой была замѣтною утратой въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества и вокругъ гроба ея соединилось значительное число лицъ, съ грустью проводившихъ ея останки до могилы.

Покойница оставила послѣ себя собственноручныя записки. Записки эти предоставлены въ наше распоряженіе для обнародованія ихъ, дочерьми г-жи Хвостовой, Анастасіей Александровной и Алиной Александровной. — Воспоминанія эти составлены покойницей болѣе *тридцати лѣтъ тому назадъ*, а именно въ 1836—1837 гг. Онѣ были

написаны для близкой, какъ выражается сама покойница, „единственной ея пріятельницы“ Марьи Сергѣевны Багговутъ, урожденной княжны Хованской, супруги знаменитаго генерала Багговута, героя кавказской и восточной войны.

Нежданное извѣстіе о кончинѣ г-жи Багговутъ въ 1837 г. было причиной, что записки оборвались, такъ сказать на первой своей половинѣ. По самой цѣли, для какой онѣ написаны, а именно какъ исповѣдь, полная глубочайшей искренности предъ задушевнымъ другомъ, записки эти, казалось, должны были бы носить совершенно интимный характеръ, заключающій въ себѣ мало *общаго* интереса и значенія. Казалось бы, что записки эти должны бы были быть отнесены къ цѣлой массѣ тѣхъ дневниковъ и всевозможныхъ сердечныхъ изліяній, къ изложенію которыхъ такъ расположены наши барышни и барыни въ извѣстный возрастъ и которыя либо весьма охотно уничтожаются ими же самими по приходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ или же валяются въ кучѣ семейныхъ бумагъ ближайшихъ родственниковъ.

Между тѣмъ однако записки Екатерины Александровны никакъ не могутъ быть отнесены именно къ этой массѣ безцвѣтныхъ изліяній. При всемъ интимномъ характерѣ, онѣ полны того именно *общаго* интереса, который и даетъ имъ право на появленіе въ свѣтъ. Онѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, довольно большое значеніе въ крайне бѣдной литературѣ нашихъ отечественныхъ мемуаровъ текущаго столѣтія.

Въ чемъ же однако заключается *общій* интересъ этихъ записокъ и ихъ значеніе? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо указать на общественное положеніе г-жи Хвостовой въ ту эпоху, которую она описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Екатерина Александровна принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи Сушковыхъ. Изъ этой фамиліи выдвинулось два, три писателя, отмежевавшихъ себѣ мѣстечко на россійскомъ Парнассѣ и одна писательница, одаренная, безспорно, значительнымъ талантомъ и занимавшая въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ видное мѣсто въ нашей литературѣ. Это была Евдокія Петровна Сушкова, вышедшая замужъ за графа Ростопчина.

Такимъ образомъ принадлежа, по отцу, къ старинной дворянской фамиліи, покойная Е. А. по матери своей, урожденной княжнѣ Анастасіи Павловнѣ Долгорукой, принадлежала къ именитѣйшимъ родамъ русской аристократіи. Съ этой стороны генеалогія ея переплетается съ фамиліями не только князей Долгорукихъ, но также и Ромодановскихъ, частью князей Голицыныхъ, князей Горчаковыхъ и др.

Связи эти и родство, не принеся въ жизни Екатерины Александровны ни малѣйшаго ей счастья, въ чемъ она искренно сознается, волей-неволей однако, въ періодъ ея дѣтства и дѣвичества, бросили ее въ водоворотъ великосвѣтской жизни какъ московскаго, такъ и петер-

бургскаго обществъ. Образованіе, полученное ею, было далеко не блистательное; оно не выдавалось изъ общаго уровня тогдашняго моднаго образованія, которое получали достаточныя великосвѣтскія барышни. А между тѣмъ стройный станъ, красивая, выразительная физіономія, чудные черные глаза, сводившіе многихъ съ ума, великолѣпные какъ смоль волосы, въ буквальномъ смыслѣ доходившія до пятъ, бойкость, находчивость и природная острота ума, все это дѣлало Екатерину Александровну замѣтной въ великосвѣтскихъ гостинныхъ и въ бальныхъ залахъ. Добавьте сюда страсть къ танцамъ и ловкость въ нихъ, и тогда будетъ понятно, что Екатерина Александровна была всегда въ свое, давнопрошедшее, время дорогой гостьей на всѣхъ балахъ. Рой поклонниковъ весьма рано жужжитъ вокругъ нея; они принадлежатъ, разумѣется, къ той великосвѣтской средѣ, къ которой принадлежала она сама.

Опредѣливши такимъ образомъ положеніе Екатерины Александровны въ ея молодости, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и сущность ея записокъ; мы уже знаемъ, что здѣсь не приходится искать ни политическихъ трактатовъ, ни учено-философическихъ взглядовъ, ни глубокой характеристики высшихъ интересовъ русскаго общества прошлаго времени, но за то мы вправѣ искать болѣе или менѣе живой очеркъ великосвѣтскаго общества обѣихъ столицъ того времени, описаніе его, какъ съ внѣшней, такъ сказать, парадной стороны, такъ и въ его домашнемъ быту. И дѣйствительно такому требованію вполнѣ удовлетворяютъ настоящія записки. Предъ нами въ живыхъ эскизахъ проходитъ картина домашняго воспитанія нашихъ великосвѣтскихъ, дворянскихъ барышень первой четверти текущаго столѣтія; мы видимъ наше столбовое дворянское общество въ его провинціальномъ быту на разныхъ торжественныхъ празднествахъ, — наконецъ въ шумной жизни обѣихъ столицъ; при этомъ не однѣ невинныя, радужныя картинки мелькаютъ предъ нами въ этомъ разсказѣ. Нѣтъ! среди веселящихся фигуръ поднимаются и образы въ довольно трагической обстановкѣ, и здѣсь мы видимъ тѣхъ героевъ, которыхъ только могла создать крѣпостная, дворянская Русь стараго времени, при ея распущенности, при томъ жалкомъ образованіи, которое получало въ тѣ годы большинство представителей этого сословія. Въ тоже время подлѣ этихъ Куролесовыхъ [1]) новѣйшаго времени поднимается полный романической прелести страдающій ликъ молодой женщины.

Такимъ образомъ, еслибъ записки покойной Хвостовой ограничивались только живымъ эскизомъ нашего общества за первыя десятилѣтія настоящаго вѣка, еслибъ онѣ охватили лишь нѣкоторыя стороны быта этого общества, то и тогда бы онѣ заслуживали вниманія и имѣли

[1]) Извѣстный типъ въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова.

бы право на обнародованіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ очень мало мемуаровъ и въ особенности мемуаровъ и воспоминаній русскихъ *дамъ*, и каждое новое явленіе въ этомъ родѣ должно считаться не безъинтереснымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы. Но за записками г-жи Хвостовой есть другое и несравненно большее право на общій интересъ въ средѣ русскихъ читателей. Почти половина этихъ, къ сожалѣнію небольшихъ по объему воспоминаній, посвящена величайшему изъ поэтовъ нашихъ, Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Жизнь этого поэта, столь преждевременно погибшаго, чрезвычайно мало извѣстна и весьма недостаточно разслѣдована. Ранніе ли года, въ которые погибъ Лермонтовъ, то ли обстоятельство, что онъ, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, стоялъ почти совершенно въ сторонѣ отъ литературнаго круга, въ то время впрочемъ далеко не многочисленнаго, наконецъ цензурныя ли колодки, сковывавшія рѣчь каждаго о тѣхъ лицахъ, которые такъ или иначе навлекли на себя гоненіе и которые сошли наконецъ съ поприща *преступнымъ образомъ*, — какъ бы то ни было, но біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ ограничиваются до сихъ поръ двумя, тремя біографическими замѣтками, въ высшей степени мало содержательными, небольшимъ запасомъ писемъ поэта, вынырнувшихъ въ разныхъ изданіяхъ изъ-подъ спуда семейныхъ архивовъ, и наконецъ двумя-тремя десятками статей широковѣщательно толкующихъ о сочиненіяхъ Лермонтова и весьма мало о его жизни. Въ виду этого, каждый новый разсказъ, знакомящій съ Лермонтовымъ, какъ съ человѣкомъ, представляется уже дорогимъ вкладомъ въ русскую литературу, и особенно, когда появляется не маленькій разсказъ, не отдѣльный эпизодъ, а длинный рядъ живо и увлекательно набросанныхъ воспоминаній объ этой замѣчательной личности. Именно такія воспоминанія мы находимъ во второй половинѣ записокъ покойной г-жи Хвостовой.

Выше мы сказали, что эти записки ведутъ насъ на бальный паркетъ въ великосвѣтскія гостиныя московскаго и петербургскаго обществъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтому и Лермонтова мы встрѣчаемъ здѣсь не въ его домашнемъ быту, не за кабинетнымъ рабочимъ столомъ, не за учебной книгой, не за изученіемъ наконецъ лучшихъ поэтовъ Франціи и Англіи. Нѣтъ, предъ нами является 16-ти-лѣтній „косолапый, крайне невзрачной наружности" мальчикъ съ умными выразительными глазами, съ бойкой и злой рѣчью на языкѣ, и съ вѣчно готовымъ стихотвореніемъ на устахъ. Этотъ мальчикъ развивается, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и въ четыре или пять годовъ, которые выхватываются изъ его жизни въ настоящихъ запискахъ, мы видимъ этого юношу развивающимся уже до зрѣлаго мужа. Самолюбіе его необъятно, жажда побѣдъ и первенства на какомъ бы то ни было поприщѣ необыкновенна, рѣшимость, энергія и настойчивость во всѣхъ,

самыхъ маловажныхъ поступкахъ неотразимы. Повторяемъ, въ запискахъ г-жи Хвостовой Лермонтовъ преимущественно является намъ въ сферѣ гостиной, великосвѣтской жизни, но эта-то сторона изъ его біографіи особенно и интересна. Кто не знаетъ, что по своему воспитанію, родственнымъ и общественнымъ связямъ, Лермонтовъ почти исключительно принадлежалъ именно къ этому кругу; кто не знаетъ, что это самое-то общество, заполонивъ молодого поэта преждевременно, такъ сказать и сгубило его, развивъ въ нёмъ дурныя особенности его характера, которыя привели его подъ пистолетную пулю нѣкоего г-на Мартынова [1]).

Воспоминанія г-жи Хвостовой отличаются замѣчательной искренностью по отношенію къ Лермонтову и именно эта сторона въ нихъ весьма любопытна. Лермонтовъ игралъ въ жизни Е. А. самую крупную роль. Зная это, мы, когда приступали къ чтенію ея воспоминаній, думали встрѣтить въ составительницѣ ихъ барышню большого свѣта добраго, стараго времени, которая, предавшись воспоминаніямъ *о своихъ побѣдахъ*, безъ всякаго сомнѣнія, подниметъ себя на высокій пьедесталъ и заставитъ въ лучахъ своего сіянія потонуть личность Лермонтова. Но какъ пріятно были мы изумлены, когда увидѣли, что г-жа Хвостова съ полной искренностью, отнюдь не дѣлая изъ себя героиню, является, напротивъ, въ образѣ жертвы, чуть окончательно не погибающей вслѣдствіе столкновенія своего съ Лермонтовымъ, съ человѣкомъ, на котораго сначала не обращала ни малѣйшаго вниманія и для котораго потомъ принесла весьма тяжкія жертвы.

Записки г-жи Хвостовой обнимаютъ періодъ времени съ 1812 по 1835 г. Онѣ написаны въ 1836 и 1837 годахъ въ деревнѣ, когда еще Е. А. была дѣвицей и спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе знакомства съ Лермонтовымъ. Отсюда эта живость разсназа, эта задушевность исповѣди, отнюдь не предназначавшейся въ то время для печати. Эта исповѣдь съ вѣстью о смерти г-жи Багговутъ обрывается; но она, какъ мнѣ кажется, и помимо этого событія *должна была* оборваться: за изложенными въ ней событіями въ жизни Е. А. не было уже такихъ сильныхъ толчковъ и потрясеній: бурный, поэтическій періодъ ея жизни окончился; начался отдѣлъ прозы тихой, быть можетъ счастливой, но уже не просящейся подъ перо.

---

[1]) Кстати, говорятъ, что этотъ бывшій кавказскій офицеръ, котораго судьба повергла въ величайшее несчастіе быть убійцею Лермонтова — живъ; почему же бы г. Мартынову не изложить въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ всю исторію своихъ злополучныхъ отношеній къ Лермонтову? Искренность исповѣди искупила бы до нѣкоторой степени то несчастіе, въ которое г. Мартыновъ былъ, какъ говорятъ, почти противъ воли вовлеченъ.

Е. А. вышла замужъ въ 1838 или въ 1839 гг. за своего перваго поклонника, Александра Васильевича Хвостова, съ которымъ познакомилась еще въ 1829 г. [1]). Многіе годы своей супружеской жизни Е. А. провела за границей и наконецъ послѣдніе годы провела въ заботахъ о воспитаніи дочерей.

Въ 1860 г. друзья убѣдили ее заняться своими записками, обработать ихъ и дополнить. Е. А., перечитавъ исповѣдь свою 1836—1837 годовъ, нашла, что она дѣйствительно имѣетъ не одинъ только частный интересъ, а заслуживаетъ появленія въ печати. Но какъ ни принималась она за продолженіе записокъ, отъ всѣхъ этихъ попытокъ остались двѣ-три странички, да небольшое предисловіе къ прежнимъ запискамъ, подписанное 1860-мъ годомъ. Такимъ образомъ, издавая нынѣ записки г-жи Хвостовой, мы выполняемъ только ея *собственное намѣреніе* и никакъ не дѣлаемся нескромными относительно ея памяти. Напротивъ, внимательно перечитавъ ея записки, мы сочли нужнымъ сдѣлать въ нихъ весьма значительныя сокращенія, доходящія до цѣлой трети оставшейся рукописи и, главнымъ образомъ, сдѣлали это по желанію дочерей покойной. Нечего и говорить, что сокращенія эти относятся къ тѣмъ страницамъ, которыя имѣютъ лишь чисто семейный, исключительно частный интересъ, все же что сколько-нибудь характеризуетъ бытъ русскаго общества первыхъ трехъ десятилѣтій текущаго столѣтія, или тѣмъ болѣе, что относится до характеристики Лермонтова, то все это сохранено съ дипломатической точностью.

Что касается до языка, то и относительно его мы не позволили себѣ сдѣлать никакихъ измѣненій; вслѣдствіе чего нѣкоторые галлицизмы и вообще обороты рѣчи, показывавшіе, что составительница записокъ зачастую думала по-французски, хотя и писала по-русски, уцѣлѣли въ настоящихъ воспоминаніяхъ; впрочемъ, языкъ довольно легокъ, мѣстами даже увлекателенъ, что довольно удивительно, если вспомнить,

---

[1]) А. В. Хвостовъ родился въ 1809, скончался въ 1861 г. Онъ служилъ постоянно на дипломатическомъ поприщѣ, былъ секретаремъ при посольствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Персіи, директоромъ дипломатической канцеляріи въ Тифлисѣ, секретаремъ посольства въ Туринѣ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Неаполѣ и наконецъ состоялъ въ званіи генеральнаго консула въ Венеціи, Марсели и Генуѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Это былъ человѣкъ образованный, и, судя по оставшимся послѣ него бумагамъ, весьма дѣятельно работавшій въ предѣлахъ своихъ служебныхъ обязанностей. Мы видѣли его довольно объемистые и интересные рукописные труды на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ напр. г. Хвостовъ оставилъ слѣдующія записки: «О духѣ и образѣ австрійскаго правленія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ», «De l'état actuel de la ville de Vénise», «О выдачѣ американцамъ крейсерскихъ патентовъ и о союзѣ Россіи съ Соединенными Штатами», «О союзѣ навсегда между Соединенными Штатами и Россіей», «Avenir de la question d'Orient», «О вѣрности успѣха экспедиціи въ Индію», «О святыхъ мѣстахъ» и т. д. и т. д.

что Е. А. воспитана была по великосвѣтскимъ тогдашнимъ образцамъ, исключительно на французскій ладъ.

Еще одно слово: небольшой отрывокъ изъ этихъ записокъ, а именно изъ *четвертой главы:* первая встрѣча съ Лермонтовымъ, уже былъ напечатанъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 года, т. XI, стр. 395, подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о Лермонтовѣ, отрывокъ изъ записокъ", безъ имени автора и съ большими сокращеніями. Здѣсь этотъ разсказъ является въ значительно подробнѣйшемъ видѣ, и, въ общей связи съ предшествующими описаніями и послѣдующими, столь интересными разсказами г-жи Хвостовой о Лермонтовѣ, получаетъ несравненно бо́льшій интересъ. Что касается до стиховъ Лермонтова, приведенныхъ г-жею Хвостовой (общее число ихъ доходитъ до дюжины), то они въ первый разъ были напечатаны съ чрезвычайно большими искаженіями въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1844 г., т. 64-й, и отсюда перешли во всѣ изданія сочиненій Лермонтова, между прочимъ и въ послѣднія изданія его сочиненій, принадлежащія г. Глазунову. Они же помѣщены и въ вышепомянутомъ маленькомъ отрывкѣ, напечатанномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Тѣмъ не менѣе однако мы не сочли нужнымъ выбрасывать ихъ изъ записокъ г-жи Хвостовой, такъ какъ здѣсь, при объясненіи причинъ появленія этихъ стиховъ и при разъясненіи всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствъ, при которыхъ они были записаны, они получаютъ весьма большой интересъ. При этомъ два или три изъ этихъ стихотвореній, если только мы не ошибаемся, не были еще напечатаны. Наконецъ замѣтимъ, что мы сочли нужнымъ для удобства чтенія „Воспоминаній" — раздѣлить ихъ на главы, сдѣлать къ нимъ оглавленія, и привести кое-гдѣ объяснительныя подстрочныя примѣчанія.

С.-Петербургъ.
10 декабря 1868.

М. Семевскій.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣкоторымъ друзьямъ моимъ рѣшилась я прочитать отрывки изъ воспоминаній о моей жизни, которыя я наскоро набрасывала въ 1836—37 гг., для единственной пріятельницы моей Марьи Сергѣевны Багговутъ, рожденной княжны Хованской.

По несчастію записки эти остались у меня неоконченными, не успѣла я довести моихъ воспоминаній до конца, какъ получила неожиданное и горестное извѣстіе о внезапной кончинѣ моего друга. Съ помощію этихъ записокъ и моего журнала, который я вела, хотя и не очень аккуратно, въ теченіи десяти лѣтъ, мнѣ довольно легко будетъ исполнить теперешнее требованіе снисходительныхъ моихъ друзей.

Я сознаюсь, что записки мои не довольно занимательны, чтобы возбудить общій интересъ, но мнѣ всегда казалось, что чтеніе о прежнемъ воспитаніи, о развитіи ума, о постепенномъ расширеніи понятій — для многихъ читающихъ, имѣютъ болѣе привлекательности, чѣмъ всевозможные вымыслы въ романахъ и повѣстяхъ; какъ бы то ни было, но въ разсказахъ о дѣйствительной жизни часто встрѣчаются мысли, чувства, которыя представлялись уже многимъ и были многими испытаны; впечатлѣнія, даже происшествія, которыя имѣли сильное вліяніе на жизнь, затрудненія, чрезъ которыя многіе перешли, но не потрудились они изложить ихъ на бумагу, а я по себѣ знаю, какъ пріятно встрѣтить сочувственное или обстоятельное выраженіе того, что мы пережили.

Итакъ, я рѣшилась издать мои воспоминанія; мнѣ простятъ незатѣйливый мой разсказъ, за то ужъ только, что многія страницы его относятся къ юношеской и свѣтской жизни Михаила Юрьевича Лермонтова.

Многіе убѣдятся, что Печоринъ и онъ такъ схожи, такъ слиты, что иногда не различишь одного отъ другого. Я не хотѣла бы ничѣмъ помрачить памяти любимаго моего поэта, а главное, человѣка нѣкогда особенно дорогого мнѣ, и потому одна правда выльется изъ-подъ пера моего. Сердце у Лермонтова было доброе, первые порывы всегда благородны, но непонятная страсть казаться хуже чѣмъ онъ былъ, стараніе изо всякаго слова, изо всякаго движенія извлечь сюжетъ для описанія, а главное необузданное стремленіе прослыть «героемъ, котораго было бы трудно забыть», почти всегда заставляли его пожертвовать эффекту лучшими сторонами своего сердца.

Екатерина Хвостова.

1860 г.
С.-Петербургъ.

I.

Мое рожденіе. — Кормилица. — Бабушка. — Фамильная генеалогія. — Рожденіе сестры. — Жизнь въ деревнѣ. — Прабабушка. — Переѣздъ въ Москву. — Жизнь отца и судьба матери. — Первая гувернантка. — Разлука съ матерью. — 1812 — 1820 гг.

Отецъ мой, служившій въ ополченіи, былъ еще вполнѣ молодой мальчикъ, и очень хорошенькій; мать моя Анастасія Павловна, изъ древняго рода князей Долгоруковыхъ, была настоящая красавица и по тогдашнему времени, рѣдко образован-

ная и развитая женщина. Она основательно знала три иностранныхъ языка, но любила болѣе свой собственный; читала все, что попадалось ей подъ руку и даже сама писала стихи; у меня до сихъ поръ хранятся ея тетради съ переводами въ стихахъ изъ Томаса Мура, Юнга и даже Байрона.

Отецъ ея, екатерининскій генералъ, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, женатый на княжкѣ Монморанси [1]), долго не соглашался, чтобъ его красавица дочь вышла замужъ за бѣднаго и незнатнаго ополченца [2]), и очень желалъ выдать ее за сорокольтняго князя Голицына, но молодой и удалой ополченецъ больше нравился прекрасной княжнѣ и она поставила на своемъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы явилась я на свѣтъ. Я родилась въ Симбирскѣ, въ 1812 году, 18 марта, но ознакомилась съ родиной своей только по географическимъ картамъ, да по семейнымъ разсказамъ.

Трехъ мѣсяцевъ была я разлучена съ моими родителями; по службѣ своей, отецъ мой былъ вынужденъ оставить Симбирскъ, мать моя поѣхала съ нимъ, оба они препоручили меня попеченіямъ дѣдушки моего Василія Михайловича Сушкова, бывшаго тогда губернаторомъ въ Симбирскѣ, и ласкамъ его дочерей, моихъ тетокъ — Прасковьѣ [3]) и Маріи [4]) Васильевнамъ Сушковымъ.

Мою милую мать не утѣшила моя первая улыбка, не порадовалъ мой безсловесный лепетъ, — я была съ нею разлучена до двухъ лѣтъ.

Кормилица моя, женщина хитрая, бросила меня семимѣсячную, больную, почти умирающую и не имѣла ко мнѣ жалости: она оклеветала передъ дѣдушкой своего мужа и настроила старика, чтобы онъ отдалъ его въ солдаты, увѣряя и клянясь, что вѣкъ будетъ служить ему усердно, лишь бы избавилъ ее отъ такого буяна и пьяницы; когда же все сдѣлали по ея просьбѣ и наушничанью, она пришла къ дѣдушкѣ и бросила меня къ нему на колѣни, сказавъ: мужъ мой солдатъ — стало быть я вольная и больше не слуга вамъ.

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты и о ней больше ничего не слыхали и никогда болѣе не видали ее.

Отъ двухъ до шести лѣтъ я жила въ Пензѣ, съ отцомъ и матерью, это были единственные розовые дни моего дѣтства.

---

[1]) Отецъ ея былъ французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, гдѣ Долгорукій былъ также посланникомъ.

[2]) Александра Васильевича Сушкова.

[3]) Оставила я ее въ дѣвицахъ.

[4]) Впослѣдствіи замужемъ за Николаемъ Сергѣевичемъ Беклешовымъ.

Съ какимъ сладостнымъ упоеніемъ и какъ часто переношусь я въ Пензу, въ нашъ крошечный, хорошенькій, деревянный домикъ на большой Московской улицѣ, окруженный запущеннымъ садомъ. Домъ отдѣлялся отъ улицы густымъ палисадникомъ, гдѣ разрослись на просторѣ черемуха, сирень и шиповникъ; вѣтви ихъ затемняли окна и скрывали улицу, что мнѣ также не нравилось какъ и огородъ; я любила сидѣть на окошкѣ, смотрѣть на прохожихъ, слѣдить за всѣми происшествіями на улицѣ, по которой въ хорошую погоду тонули въ пескѣ, а въ дурную вязли въ грязи и пѣшеходы и экипажи, хотя экипажи въ особенности кареты, были тогда еще рѣдкостью въ Пензѣ, и не одинъ бывало не проѣдетъ не возбудивъ общаго любопытства и различныхъ предположеній: какъ и зачѣмъ ѣдутъ такіе-то, почему не заѣхали туда-то и не случилось ли чего тамъ-то?

Болѣе всѣхъ экипажей производила фуроръ огромная желтая карета бабушки моей Екатерины Васильевны Кожиной (рожд. княж. Долгорукой), запряженная четвернею съ двумя лакеями на запяткахъ; одинъ изъ нихъ растворялъ съ громомъ дверцы, съ трескомъ откидывалъ ступеньки, а другой раболѣпно разстилалъ коврикъ у подъѣзда подъ ноги ея бывшему сіятельству. Бабушка воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и принадлежала, кажется, къ числу воспитанницъ перваго выпуска; она очень гордилась и своимъ воспитаніемъ и своимъ происхожденіемъ; однимъ словомъ, она была вычурна, холодна, почти неприступна и хотя, навѣщая мою мать, она привозила мнѣ карамельки и красныя яблоки, я не очень ее любила: она никогда не ласкала меня, — а дѣтей только и привязываетъ мягкость сердца, которую они предугадываютъ по чутью. Меня тоже часто возили къ бабушкѣ. Какъ теперь смотрю я на нее; она поздно вставала, почти передъ самымъ обѣдомъ, чесалась и мылась въ постелѣ; вмѣсто мыла, употребляла мякишь чернаго хлѣба; зато кожа у нея была удивительно нѣжна и тонка. Въ этой же постелѣ кушала она чай. Живо помню я и ея огромный чайный ящикъ, въ которомъ она тщательно хранила чай, сахаръ, кофе и даже сухари, — но какіе это были вкусные сухари! Что за праздникъ бывало, когда она разщедрится и поподчуетъ меня сухарикомъ; мнѣ кажется, она никогда и никому ихъ не предлагала — даже матери моей! Носила она почти всегда бѣлый капотъ, кругленькій батистовый чепчикъ, съ такими же завязками, изъ которыхъ сооружался огромный бантъ напереди; домашнюю турецкую шаль, съ мелкими пальмами, въ гостяхъ желтую турецкую шаль съ крупными пальмами. Послѣ обѣда она усаживалась на канапе, подогнувъ подъ себя ноги, подо-

двигала старинный столикъ изъ разноцвѣтнаго дерева, съ мѣдной рѣшеткой кругомъ, округленный съ боковъ и вырѣзанный полукругомъ напереди, и до самаго чая раскладывала grand-patience. Иногда вечеромъ угощала она насъ доморощенными музыкантами и пѣвцами: я очень помню одну изъ пѣвицъ — Аксюшу; какъ нравилась она мнѣ, когда жеманясь и поднимая глаза къ потолку, безпрестанно поворачивала головой, точно фарфоровый мандаринъ; по моему понятію (конечно тогдашнему), она съ особеннымъ чувствомъ пѣвала: «Среди долины ровныя», такъ что я бывало расплачусь, просто разревусь и этимъ скандаломъ оканчивался домашній концертъ. По самымъ торжественнымъ днямъ въ семействѣ, въ большой залѣ съ колоннами и хорами устроивались домашніе театры; актерами были тѣ же пѣвцы и пѣвицы, музыканты тоже за частую перебѣгали изъ оркестра на сцену, перемѣняя, по обстоятельствамъ, смычекъ на шпагу или на палку.

Покойный мужъ бабушки ввелъ въ ея домъ всѣ эти полу-боярскія затѣи, а бабушка, несмотря на свою скупость, продолжала начатое имъ, въ память-ли о немъ, или скорѣе для того, чтобы не совсѣмъ забыть его,—не знаю; а слыхала только, что бабушка съ нимъ была очень несчастлива и была рада радехонька, что избавилась отъ него. Да ужъ такъ ведется въ свѣтѣ, — живому противорѣчатъ, а умри только, все выполнятъ по его желанію, и всякаго умершаго готовы внести въ списокъ святыхъ.

Въ спальной у бабушки, по стѣнамъ были развѣшаны портреты всѣхъ возможныхъ князей Долгорукихъ и князей Ромодановскихъ. Болѣе всѣхъ памятны мнѣ черты и одежды Кесаря Ромодановскаго и князя Якова Долгорукаго въ напудренныхъ парикахъ и бархатныхъ кафтанахъ; да еще какой-то князь Долгорукій, блѣдный, худой, въ монашеской одеждѣ,—видъ его наводилъ на меня ужасъ и я всегда старалась усѣсться спиной къ нему [1]). Бабушка любила толковать о своихъ предкахъ, объ ихъ роскошномъ житьѣ, объ ихъ славѣ, богатствѣ, о милостяхъ къ нимъ нашихъ царей и императоровъ, такъ что эти разсказы мало по малу вселили во мнѣ такую живую страсть къ нимъ, или лучше сказать къ ихъ титулу и ихъ знатности, что первое мое горе было то, зачѣмъ я не княжна; бабушку

---

[1]) Это безъ сомнѣнія портретъ кн. Дмитрія Ивановича Долгорукаго, сына княгини Натальи Борисовны Долгорукой, рожд. гр. Шереметевой. Этотъ князь Дмитрій род. въ Березовѣ, въ октябрѣ 1738 г. Онъ умеръ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ принявъ тайное постриженіе, 26 мая 1769 г.

очень радовала моя благородная гордость, такъ величала она мою непростительную глупость.

Второе мое горе была та минута, въ которую объявили мнѣ, что мать моя даритъ меня сестрой Елизаветой [1]). Мнѣ не было еще и четырехъ лѣтъ, а я какъ будто и теперь еще чувствую, какъ болѣзненно сжалось мое сердце тогда; я предугадала, что ласки и заботливость матери будутъ раздѣлены между мной и нежданной мною сестрой; да и тогда, когда я еще ничего не понимала, ничего не умѣла обдумывать и тогда я хотѣла быть любимой безъ раздѣла. Я на цыпочкахъ вошла въ темную комнату моей матери, робко поцаловала ее и зарыдавъ стала увѣрять ее, что Лиза никогда не будетъ такъ любить ее какъ я, и не будетъ такая послушная, какъ я. Мать моя приласкала меня и успокоила, сказавъ, что она для меня-же подарила меня сестрой, чтобъ мнѣ не скучно было все одной играть, что я должна ее любить и даже заботиться о ней, потому что она такъ еще мала, что не умѣетъ ни говорить, ни ходить, ни кушать какъ я, а что она сама и отецъ будутъ одинаково насъ обѣихъ любить и ласкать. Несмотря на это увѣреніе, я всѣ девять дней не отходила отъ постели матери, держала съ ней строгую діэту, караулила, чтобы она маленькую соперницу не ласкала больше меня, но мало по малу ревность моя утихла и я сама стала няньчить, цаловать сестру, плакала, когда ее пеленали, и не только не огорчалась когда ее ласкали, но сама просила, чтобъ ею побольше занимались и поскорѣе выучили говорить и бѣгать.

Не прошло года послѣ рожденія Лизы, какъ одинъ разъ ночью я была пробуждена громкимъ голосомъ отца и рыданіями моей матери; я вскочила съ постели, хотѣла бѣжать къ нимъ, но остановилась у дверей при этихъ словахъ отца: «и вотъ за что я умру». Я вскрикнула, они подбѣжали ко мнѣ; я неутѣшно плакала, повторяя: «я не хочу, чтобы папа умеръ». Я старалась вырвать изъ рукъ его бѣлую длинную перчатку. Они оба мной занялись, цаловали, ласкали меня, надавали мнѣ сластей и игрушекъ. Я скоро утѣшилась, не понимая угрожавшей опасности; меня опять уложили и я преспокойно уснула.

На другой день, отца моего не было за утреннимъ чаемъ; мать моя была очень разстроена, при малѣйшемъ стукѣ вздрагивала, подбѣгала къ окну и даже часто принималась плакать, но удерживалась для меня, потому, что я лишь только увижу

---

[1]) Елизавета Александровна, впослѣдствіи вышедшая за Ладыженскаго.

бывало ея слезы и сама примусь плакать, хотя и не знала причины горя.

Во время обѣда нашего возвратился отецъ; платье его было разорвано, обрызгано кровью, рука подвязана, и самъ онъ такой блѣдный, такой страшный, что я боялась подойти къ нему и стояла какъ окаменѣлая посреди залы. Матушка при видѣ отца вскрикнула и упала на полъ; онъ въ изнеможеніи опустился на ближайшій стулъ. Эта страшная сцена имѣла на меня большое вліяніе; даже и теперь не могу безъ трепета о ней вспомнить и одно слово дуэль наводитъ на меня ужасъ.

Когда отецъ оправился отъ своей раны и дѣло о дуэли совершенно кончилось, т. е. онъ вышелъ изъ-подъ ареста, мы поѣхали въ деревню матери моей — Знаменское. Тутъ зажили мы тихо, пріятно, даже весело. Въ это только время помню я мать мою спокойную и счастливую; она много читала, писала, работала, шутя стала учить меня читать и писать.

У нея была своя мѐтода: дастъ бывало мнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ буквъ, сложитъ слова: папа, мама, Лиза; растолкуетъ мнѣ, какъ произносить, какъ складывать ихъ, смѣшаетъ буквы и я надъ ними и начинаю трудится. Когда привыкну складывать, она мнѣ покажетъ, какъ надо ихъ писать на бумагѣ; такимъ образомъ очень скоро выучилась я и читать и писать. Съ какимъ бывало восторгомъ я отъищу въ ея книгѣ то слово, которое я умѣла составить; мнѣ кажется, я не больше недѣли училась, какъ уже начала читать *Золотое зеркало*. Прежде бывало, матушка прочтетъ мнѣ вслухъ, съ разстановкой, одну сказочку, потомъ я. Помню какъ отецъ удивился моему чтенію; онъ рѣдко бывалъ съ нами: съ утра уходилъ или на охоту или на рыбную ловлю, и не имѣлъ понятія о нашихъ занятіяхъ; ему было такъ пріятно, что я безъ запинокъ читала, что онъ даже прослезился, и я убѣдилась, что я просто маленькое совершенство.

Мы всѣ жили въ небольшомъ, но очень хорошенькомъ новомъ домѣ, а огромный старый, почти развалившійся домъ занимала моя прабабушка, княгиня Анастасія Ивановна Долгорукая, рожд. княжна Ромодановская, и ни за что ни соглашалась перейти въ новый. Тогда я никакъ не понимала, почему ей такъ нравился этотъ обвалившійся домъ, съ уродливыми подпорками, съ покривившимися стѣнами, съ огромными печами и съ такою тяжелою мебелью, что я не могла передвинуть ни одного стула; но потомъ и я поняла, какъ трудно разставаться съ тѣми стѣнами, гдѣ мы были счастливы! Воспоминанія и привычка замѣняютъ счастіе.

Прабабушкѣ было болѣе ста лѣтъ; она была маленькая, худенькая старушка, но еще очень бодрая, нисколько не взыскательная и большая охотница разсказывать про былое время. Личико ея было маленькое и все въ морщинахъ, но очень бѣлое, а большіе и еще ясные голубые глаза, такъ ласково, съ такой добротой смотрѣли на меня; нечего и говорить, какъ баловала, какъ нѣжила она меня, — ея первую правнучку. Сама она воспитала мою мать, за то и матушка совершенно посвятила себя ей, и чтобъ жить съ нею въ деревнѣ, много перенесла она несправедливыхъ попрековъ и вспышекъ отъ моего отца. Бѣдная прабабушка въ жизни своей, можно сказать, перешла черезъ огонь и воду.

Изъ древняго и богатаго рода князей Ромодановскихъ-Стародубскихъ-Ладыженскихъ, она перешла еще въ знатнѣйшій родъ князей Долгорукихъ. Въ молодости и судьба и люди — все ей улыбалось, а подъ старость все вдругъ ей измѣнило. Она была расточительна, имѣнье продала, деньги истратила и все вокругъ нея перемѣнилось. Свѣтскіе друзья изрѣдка еще навѣщали ее, а когда прабабушка съ горя уѣхала въ деревню, такъ они ее и совершенно забыли; одна добрая моя мать осталась ей единственнымъ утѣшеніемъ, заботливымъ другомъ и ухаживала за нею, какъ самая нѣжная дочь. Бабушка Екатерина Васильевна, дочь ея, была ей почти какъ чужая; вѣрно по скупости своей, она не могла ей простить растраченное богатство. Дѣдушка князь Павелъ Васильевичъ и братъ его князь Сергѣй, часто навѣщали старушку и по цѣлымъ недѣлямъ гостили у насъ.

Кстати я разскажу анекдотъ о роскоши прабабушки. Во дни своей блестящей молодости, она была не изъ послѣднихъ красавицъ при дворѣ Екатерины Первой: экипажъ ея былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, карета вся вызолоченная, обитая парчей, съ жемчужными кистями. Однажды на гуляньѣ лакей остановилъ карету, чтобы поднять одну изъ жемчужныхъ кистей, за которую онъ держался. Княгиня такъ на него разгнѣвалась, говоря, что неучъ срамитъ ее на весь городъ изъ-за такой дряни, что пріѣхавъ домой, тотчасъ-же сослала его въ свою Пензенскую деревню.

Я по цѣлымъ днямъ дежурила у прабабушки; въ хорошую погоду гуляла съ ней по саду или усаживаясь у ногъ ея на крылечкѣ, ведущемъ въ садъ, слушала, какъ она мнѣ читала своимъ дребезжащимъ и слабымъ голосомъ Евангеліе и Житія Святыхъ. Слова эти глубоко врѣзались въ сердце мое и заронили въ него зерна религіи.

Въ дурную погоду моя главная квартира переносилась къ

огромной лежанкѣ, возлѣ которой прабабушка всегда сидѣла, и тутъ удовольствія наши были очень разнообразны: мы играли въ дурачки, разставляли солитеръ [1]) и снимали кольца съ меледы [2]). Какъ мнѣ жаль, что я тогда не умѣла оцѣнить всей кротости, всей доброты моей столѣтней старушки.

Одинъ разъ утромъ, въ домѣ прабабушки выкинуло изъ трубы; опасности никакой не было; матушка старалась растолковать мнѣ это и послала меня къ ней, приказывая развлечь ее разговорами, ласками и строго запретила мнѣ упоминать о пожарѣ.

Но суматоха на дворѣ, бѣготня людей, такъ меня встревожили, что я совсѣмъ перепуганная вбѣжала къ прабабушкѣ; она сидѣла за чайнымъ столикомъ, хотѣла по обыкновенію и меня напоить чаемъ, но я ничего не понимала и на всѣ ея ласки, на всѣ ея распросы, со слезами твердила ей: «мы горимъ, мы сгоримъ бабушка; всѣ насъ бросили, мы однѣ въ домѣ, а домъ нашъ горитъ». Прабабушка встревожилась, вскочила, я подхватила ее подъ руку, даже не подала ей обыкновенную ея опору — палку и опрометью сбѣжали мы съ ней съ крыльца, тоже бѣгомъ пустились съ ней по двору, но у обѣихъ насъ силы были небольшія и посреди двора мы упали отъ изнеможенія, а между тѣмъ огонь уже потушили. Не помню, побранила-ли меня матушка за мое непослушаніе.

Вскорѣ послѣ этой тревоги, ночью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, загорѣлась наша церковь; я проснулась отъ того, что въ комнатѣ отъ пламени было свѣтло, какъ днемъ, и отъ необыкновеннаго шума на дворѣ. Вся дворня, всѣ мужики были на ногахъ; кто бѣжалъ съ ведромъ, кто съ лѣстницей, били набатъ; матушка занималась только мной, боясь, чтобы меня не перепугали, а я и не думала объ испугѣ; необычайный свѣтъ отъ пожара, толпящійся народъ придавали праздничный видъ всей деревнѣ. Не понимая ни опасности, ни убытка, я весело смотрѣла на разрушавшуюся церковь. Пожаръ этотъ былъ умышленный: дрянной семинаристъ, сынъ нашего священника, разсердился на отца и выдумалъ этимъ святотатствомъ отомстить ему, поджегъ церковь, но сперва заперъ всѣ двери, забросилъ ключи съ злымъ намѣреніемъ, чтобы ничто не уцѣлѣло въ храмѣ божіемъ. И онъ достигъ своей цѣли, все было поглощено пламенемъ; несмотря на усердіе крестьянъ, не успѣли спасти ни одной иконы.

[1]) Игра съ шариками.

[2]) Игра, состоящая изъ колецъ.

Зимой 1817 года по желанію отца мы поѣхали въ Москву.

Въ вихрѣ большаго свѣта, мои родители скоро распростились съ мирнымъ семейнымъ счастіемъ. Отецъ почти не жилъ дома; матушка сначала грустила, плакала, потомъ и сама стала искать развлеченія, все чаще и чаще выѣзжала; родня у нея была богатая, знатная, и она незамѣтно тратила на свои платья и уборы больше денегъ, чѣмъ позволяли ея доходы. Меня тоже она одѣвала какъ куколку, брала почти всегда съ собой на гулянья, обѣды и въ театры.

Такой образъ жизни, а главное безпрестанныя бурныя сцены между отцомъ и матерью много способствовали моему развитію, и я могу сказать со вздохомъ, что съ шести лѣтъ я почти перестала быть ребенкомъ.

Съ дѣтской проницательностью я поняла, что матушка нелюбима, не оцѣнена мужемъ и его семействомъ, но угнетена и преслѣдуема ими. Тогда я еще больше привязалась къ ней и ко всей ея роднѣ; съ ней и съ ними я была ласкова, разговорчива, услужлива, послушна; а съ отцомъ и его родней дика, боязлива, упряма и молчалива. Мною руководило мое сердце и я не понимала, что, обходясь такимъ образомъ съ ними, я еще больше ихъ вооружала противъ матери и навлекала ей непріятности.

Отецъ мой имѣлъ доброе сердце, но вспыльчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятный нравъ, необузданныя страсти. Его дурное воспитаніе отчасти извиняетъ это; съ тринадцати лѣтъ онъ былъ отпущенъ отцомъ своимъ на всѣ четыре стороны. Въ минуты гнѣва онъ доходилъ до бѣшенства и тогда металъ и бросалъ въ свои жертвы все, что попадалось подъ руку: стулъ, бутылка, шандалъ, ножъ, все безъ разбора и сознанія. Не мудрено, что я его боялась и тряслась, лишь только заслышу его голосъ. Онъ часто сводилъ дружбу съ самыми дурными и даже опозоренными людьми, и эти связи, какъ ни были онѣ кратковременны, очень вредили ему въ общемъ мнѣніи. Въ 20-хъ годахъ не было ни одной скандалезной исторіи, въ которую бы онъ не былъ замѣшанъ, броситъ ли мужъ жену — онъ ему помогаетъ, ускачетъ ли жена отъ мужа — онъ ее сопровождаетъ. А сколько свадьбъ онъ устроилъ; разставляетъ лошадей для убѣгающей невѣсты, а потомъ миритъ ее съ родными; жаль, что онъ употреблялъ свою дѣятельность на одно удальство. Само собою разумѣется, что мать моя, отлично образованная, воспитанная совсѣмъ въ другомъ духѣ, не могла быть счастлива съ нимъ. Достаточно было однихъ пирушекъ, которыя онъ задавалъ своимъ пріятелямъ, чтобъ охладить ее къ нему. Я живо помню эти пи-

рушки. Бутылки, трубки, карты валялись на полу и возвышались грудами на столахъ и окнахъ. Въ этой неопрятной комнатѣ, въ этой удушливой атмосферѣ, гдѣ-нибудь въ уголку, сидѣла печальная моя мать и часто принуждена была вынимать серьги изъ ушей, или снимать кольцо съ руки, потому что отцу ничего больше не оставалось проигрывать. Въ этой же комнатѣ часто должна была и я присутствовать, чтобы *приносить счастіе* отцу и отвѣдывать изъ его бокала, покамѣсть бывало не усну стоя и пока матушка не уложитъ меня на диванъ. Иногда случалось, что матушка положитъ мнѣ въ башмакъ или подъ мой тюфякъ послѣдній рубль, чтобы было чѣмъ на другой день накормить меня и Лизу.

Какъ всѣ игроки — отецъ безпрестанно переходилъ отъ нищеты къ богатству, отъ отчаянія къ восторгу, а матушка всегда была равно несчастна и грустна.

Съ шести лѣтъ я принуждена была скрывать и часто притворяться передъ отцомъ; онъ готовъ былъ бы избить до смерти мою мать, если бы подозрѣвалъ, что она сберегла рубль для нашего завтрака; по суевѣрію игроковъ, онъ возмечталъ бы, что именно этотъ рубль и возвратилъ бы ему все проигранное. Сколько ночей проплакала я съ бѣдной моей матерью во время нашей жизни въ Москвѣ.

Иногда-же, въ дни богатства, у насъ задавались большіе обѣды. Я очень любила эти торжественные дни, все въ домѣ принимало веселый, праздничный видъ: вездѣ разставлялись цвѣты, раздвигался столъ длинный, предлинный, по серединѣ ставилось зеркальное плато, а на немъ пропасть фарфоровыхъ куколокъ, и маленькихъ и большихъ: фрукты въ хрустальныхъ вазахъ такъ и улыбались мнѣ: фигурное миндальное пирожное, всегда имѣвшее видъ замка или башни, приводило меня въ восторгъ: блан-манже тоже причудливо подавалось въ видѣ утки, окруженной яицами. Да, любила я эти обѣды; тогда съѣзжались къ намъ всѣ родные матери — Долгорукіе, Горчаковы, Трубецкіе и проч., всѣ они были такіе нарядные, раздушенные, ласковые, такъ тихо говорили, такъ мило смотрѣли, такъ привѣтливо кланялись, что съ самаго ранняго возраста я привязалась къ знати, по одному имени судила о людяхъ и воображала, что графиня или княгиня не можетъ, не вправѣ даже вымолвить грубаго слова, не только сдѣлать что-нибудь предосудительное; къ этому убѣжденію примѣшалось и сравненіе знатныхъ родныхъ съ пріятелями и даже нѣкоторыми родными отца.

Больше всѣхъ родныхъ моей матери любила я княгиню Варвару Юрьевну Горчакову, рожд. княж. Долгорукую,—не потому,

чтобъ она болѣе другихъ ласкала меня, но вообще она была покровительницей многихъ дѣвочекъ моихъ лѣтъ. Большой домъ ея на Никитской, былъ пріютомъ для вдовъ и для сиротъ безъ состоянія. Огромное богатство ея отца, князя Юрія Владиміровича Долгорукаго позволяло ей дѣлать много добра. У ней въ домѣ жили всегда отъ шести до десяти дѣвочекъ, нѣсколько гувернантокъ, пропасть нянюшекъ и горничныхъ.

Я полюбила княгиню съ какимъ-то благоговѣніемъ и теперь еще вспоминаю о ней съ признательностію; она очень любила матушку, такъ часто утѣшала ее, горевала съ ней. Мнѣ было семь лѣтъ, но я уже умѣла оцѣнить, что княгиня добрѣе и выше многихъ женщинъ—она не дѣлала ни малѣйшаго различія между своей дочерью и бѣдными сиротами.

Княгинѣ очень захотѣлось имѣть меня подъ своимъ крылышкомъ, тѣмъ болѣе, что Лидія и Вѣра (дочери ея) предпочитали меня другимъ малюткамъ; но несмотря на то, отличное воспитаніе, которое я могла бы получить въ ея домѣ, ни на всѣ ея выгодныя предложенія (она тотчасъ-же хотѣла положить 100,000 руб. ассиг. въ ломбардъ и по смерти отказать 200 душъ, какъ близкой родственницѣ), отецъ мой, подстрекаемый сестрами, остался непреклоненъ; матушка колебалась, ее плѣняло богатство, но еще болѣе пугала разлука со мной; однакоже, если бы зависѣло отъ нея одной, она бы ввѣрила меня попеченіямъ княгини, лишь бы этимъ упрочить мою будущность.

Ахъ! когда бы она могла предвидѣть, что скоро, и безъ пользы для меня, рѣшено было насъ разлучить, она бы вѣроятно употребила всѣ старанія, чтобъ уговорить отца согласиться на просьбу княгини. Домъ ея казался мнѣ тогда какимъ-то очаровательнымъ зàмкомъ, такъ онъ былъ огроменъ и богатъ, правда, позолота вездѣ почернѣла, мраморныя стѣны вездѣ потрескались, штофъ на мебели весь вылинялъ, обложенныя галунами ливреи всѣ были въ пятнахъ, но все это я припомнила и обсудила впослѣдствіи; даже сальныя свѣчи въ лакейской и въ дѣтскихъ не удивляли меня, тѣмъ менѣе ливрейные лакеи, вяжущіе чулки; у прабабушки въ деревнѣ, старикъ Епифанычъ также всегда сидѣлъ за чулкомъ и продавалъ ихъ на масло къ своему образу.

Помню я очень дѣтскій маскарадъ у княгини, наканунѣ новаго года, помню по двумъ причинамъ: первая — на мнѣ былъ чудесный жидовскій костюмъ и я выиграла въ лотерею пропасть вещицъ; вторая причина—на другой день умеръ отъ удара дѣдушка Василій Михайловичъ и на меня надѣли черное платье. Этотъ годъ замѣчателенъ для меня еще однимъ воспоминаніемъ:

осенью тетка Марья Васильевна Сушкова вышла замужъ за кавалергарда Николая Сергѣевича Беклешова.

Пышная свадьба, нарядъ невѣсты, а главное конфетный столъ такъ и мелькаютъ передъ глазами.

Матушка устроила эту свадьбу; такъ какъ кавалергардъ былъ до невѣроятности застѣнчивъ и неразговорчивъ, такъ она за него и при немъ объяснилась съ невѣстой и распорядилась ихъ свадьбой.

Непріятныя обстоятельства принудили насъ оставить Москву; родители мои были еще молоды, жили неразсчетливо, отецъ любилъ разгульную жизнь, матушка любила наряжаться; имѣнье заложили, просрочили, надо было ѣхать въ деревню уладить дѣла и жить поэкономнѣе. Задумали серьезно о моемъ воспитаніи, взяли гувернантку, женщину хитрую, злую, и что всего хуже, старую дѣвку съ сентиментальной головой и развращеннымъ сердцемъ. Она вкралась въ довѣренность моей матери и она, бѣдная, не подозрѣвая ея гнусныхъ замысловъ, вполнѣ предалась ей. Въ этомъ только случаѣ я не заступаюсь за мать свою: излишнее было разсуждать ей съ постороннею о недостаткахъ мужа. Гувернантка передавала все слово отъ слова отцу, вѣроятно даже съ прибавленіями: въ этомъ былъ ея разсчетъ, она посѣяла недовѣрчивость, раздоры и все пошло въ домѣ вверхъ дномъ. Необузданный характеръ отца довелъ несчастную мать мою до того, что она скиталась со мною трое сутокъ въ лѣсу; ночью мы украдкой приходили въ село, чтобы переночевать въ крестьянской избѣ, въ отвратительной, удушливой нечистотѣ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми; хозяева со слезами умиленія уступали намъ бѣдный пріютъ свой, а сами уходили спать въ клѣть,—между тѣмъ, какъ отвратительная гувернантка торжествовала и наслаждалась своими гнусными успѣхами, занявъ въ домѣ и въ сердцѣ отца мѣсто моей бѣдной матери. Прабабушка наконецъ усовѣстила отца и онъ послалъ дворню искать насъ въ лѣсу и просить возвратиться въ домъ, обѣщая быть воздержаннѣе. Но не надолго водворилось спокойствіе; помню я одну страшную ночь, когда огромный охотничій ножъ сверкалъ надъ головой моей несчастной страдалицы; страшно еще раздаются ея вопли въ душѣ моей, и какъ будто теперь смотрю съ отвращеніемъ на растрепанную гувернантку, неистово кричавшую, и съ умиленіемъ благодарю слугъ, боготворившихъ матушку, что исхитили ее невредимою изъ рукъ ослѣпленнаго и разъяреннаго мужа.

Огласка была на всю губернію. Судъ вмѣшался въ это дѣло, выпроводилъ гувернантку; деньги, ея кумиръ, удовлетворили ея

жадность; съ тѣхъ поръ я о ней ничего не слыхала. Дѣдушка и прабабушка явились ангелами-мирителями между супругами; мать моя—добрая, кроткая, благочестивая — все простила; но не надолго водворилось спокойствіе.

Мы опять переѣхали въ Пензу. Рѣдкій день проходилъ безъ ссоры и слезъ. Я любила мать мою, а отца только боялась и дичилась, что также много навлекало ей упрековъ и горя; а кто же виноватъ?... какъ многіе ошибаются, думая, что дѣти не разсуждаютъ и не умѣютъ отличить жертвы отъ притѣснителя.

Теперь я приступаю къ самой горестной, самой ужасной минутѣ моей жизни. Въ одну ночь отецъ прибѣжалъ въ дѣтскую, вытащилъ меня и Лизу изъ кроватокъ, обернулъ насъ одѣялами и убѣжалъ съ нами изъ комнаты; мать моя съ воплями бросилась за нами; онъ ее оттолкнулъ, она взвизгнула и упала на лѣстницѣ: я также кричала и плакала, отецъ ударилъ меня, зажалъ мнѣ ротъ, посадилъ насъ въ карету и отвезъ въ трактиръ. Какъ я плакала всю ночь, какъ сокрушалась! Но какъ далека была отъ мысли, что меня навсегда разлучили съ матерью. На другой день пріѣхала къ намъ бабушка Екатерина Васильевна; она съ отцомъ много кричала, бранилась, ссорилась. До моего слуха долетали только слова: навсегда, Москва, сестра Прасковья, сестра Марья; наконецъ все утихло и меня позвали къ бабушкѣ; я уже сказала, что я не любила ея, но тутъ я съ восторгомъ и слезами бросилась къ ней на шею.— «Хочешь ѣхать ко мнѣ?» спросила она. — Да, да! кричала я съ изступленіемъ, думая, что она отвезетъ меня къ матери.

Бабушка перевезла насъ къ себѣ, отецъ помѣстился у нея во флигелѣ; она успокоивала меня ласками, запретила мнѣ говорить съ отцомъ о матери, обѣщая, что она со временемъ все уладитъ, и что скоро мы будемъ видѣться съ нею; я обѣщала во всемъ ее слушаться, любить ее, лишь бы она соединила меня съ нею. Мнѣ было восемь лѣтъ, но тутъ совершенно кончилось мое дѣтство и я вступила въ жизнь страданія и горя.

II.

Тайныя свиданія съ матерью.—Письма и портретъ ея.—Жизнь въ Москвѣ.—Слѣпая бабушка.—Въ Петербургѣ.—Воспитаніе.—Смерть матери.—1820—1828 гг.

Непредвидѣнная разлука съ матерью, которую отецъ не позволилъ мнѣ даже поцѣловать на прощанье, нравственно убила и состарила меня. Игрушки, куклы, игры, книжки съ картинками уже не существовали для меня, я проводила цѣлые дни

въ задумчивости, а большую часть ночи въ слезахъ; я, бывало, такъ углублюсь въ свои воспоминанія о ней, что при малѣйшемъ шумѣ, при первомъ громкомъ словѣ, я какъ будто непріятно просыпалась, вздрагивала, а слезы такъ и брызгали изъ глазъ. Отецъ, угадывая ихъ причину, бѣсился, убѣгалъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью, а я опять съ упоеніемъ вдавалась въ грезы. Онъ запретилъ дѣвушкамъ и людямъ говорить мнѣ о матери, запретилъ мнѣ разспрашивать о ней, кажется запретилъ даже и думать о ней; но несмотря на всѣ эти запрещенія няня моя Анна Мелентьевна всякую ночь передавала мнѣ ея записки, порученія и гостинцы.

До тѣхъ поръ я никогда еще не читала ничего писаннаго и теперь не понимаю, какъ удалось мнѣ прочесть нечеткій почеркъ матери безъ малѣйшаго затрудненія и самой писать къ ней.

Кажется, со времени нашей разлуки, прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ; я до того тосковала, плакала и исхудала, что добрая моя няня сжалилась надо мной и одинъ разъ утромъ, одѣвая меня, крѣпко меня поцѣловала, погладила по головѣ и приговорила: «не тоскуй, голубушка моя, будь только умна, молчи и скрывай свое нетерпѣніе, а я, если и есть грѣхъ ослушаться барина, беру его на свою душу и доставлю тебѣ радость поговорить съ маменькой». Я обѣщала нянѣ все на свѣтѣ, лишь бы взглянуть мнѣ на матушку. Кажется, я дала бы скорѣе себя растерзать на куски, чѣмъ высказать свою первую, святую тайну! И точно, зоркій глазъ отца ничего не подмѣтилъ. Въ тотъ же самый день вечеромъ Анна Мелентьевна, укладывая меня спать, шепнула мнѣ: «не спи, моя душечка, а притворись только, что спишь; — какъ всѣ улягутся, мамаша придетъ».

Можно представить мое волненіе, мою радость; я вся дрожала, ложась въ постель. Не знаю, долго ли я притворялась спящею, но мнѣ вѣкомъ показалось ожиданіе той минуты, когда бабушка съ отцомъ приходили взглянуть, заснули ли мы, и отдать приказаніе запереть всѣ двери; наконецъ они пришли, перекрестили насъ; я изнемогла отъ безпокойства, чтобъ они оба не замѣтили мое пылкое, частое дыханіе и громкое біеніе моего сердца.

Няня поспѣшно заперла за ними двери, вынула меня изъ кроватки, на скорую руку одѣла и отворила окно, подъ которымъ уже стояла несчастная моя мать, въ простомъ крестьянскомъ сарафанѣ. Мы протянули другъ къ другу руки, двое людей помогали ей влѣзть на окно; часа два пробыла она со мной; мнѣ кажется, что ни она, ни я не проговорили ни одного слова, а только плакали и цѣловались.

Ночныя наши свиданія повторялись часто. Екатерина Васильевна сдержала данное мнѣ слово, уговорила отца позволить матери навѣщать насъ; то-то было счастье! Легко понять всю жестокость словъ: позволеніе матери видѣть дѣтей своихъ! Но не долго и это счастіе продолжалось: отецъ рѣшился все разомъ покончить и увезти насъ въ Москву къ сестрѣ своей Прасковьѣ Васильевнѣ. Бабушка и тутъ оказалась доброй покровительницей матушки; она вызвалась ѣхать съ нами, надѣясь со временемъ убѣдить отца возвратиться въ Пензу; онъ ее во многомъ слушался: — она обѣщала оставить намъ наслѣдство. Приготовленія къ дорогѣ дѣлались тайкомъ ли, или я, сосредоточивая всѣ мои мысли на матушкѣ, не замѣчала ихъ, но одинъ разъ утромъ, я сидѣла съ нею, какъ вдругъ вошелъ отецъ и велѣлъ намъ прощаться, говоря, что мы сейчасъ же ѣдемъ въ Москву. Эта неожиданная вѣсть такъ поразила меня, что я стала плакать, кричать, что не хочу ѣхать; я повисла на шеѣ матери, вцѣпилась въ ея платье; отецъ прибилъ меня, и вѣроятно очень больно; я впала въ безчувственность и ничего уже не помню, какъ простилась съ ней, съ Анной Мелентьевной, какъ выѣхали мы изъ Пензы. Одно впечатлѣніе осталось мнѣ послѣ этого путешествія: мы чуть-чуть не утонули въ Окѣ, ямщикъ и одна изъ лошадей пошли ко дну, но какъ это было, Богъ знаетъ!

Въ Москвѣ, на каждомъ шагу было для меня новое горе, новыя слезы; все мнѣ напоминало ее! Это выводило изъ терпѣнія отца и навлекало на меня его угрозы и наказанія. Родные его безпрестанно твердили мнѣ: «Надо любить папашу, надо забыть мамашу». И этимъ еще болѣе отчуждали меня отъ самихъ себя и отъ него, вселяли къ себѣ недовѣрчивость, даже отвращеніе, и я все больше и больше думала о матери и боготворила ее.

Я оживала, бывало, когда меня отвозили на денекъ или на два къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой; тамъ я знала, я чувствовала, что любили мать мою, тамъ я говорила о ней, тамъ я дѣлалась сама собой и плакала, и смѣялась, и бѣгала, и болтала, писала къ ней страстныя письма; мнѣ тоже передавали ея записки, потому что у отца цензура была строгая надъ перепиской матери съ восьмилѣтней дочерью. Иногда письма ея рвались на клочки и онъ даже не говорилъ мнѣ, что̀ въ нихъ заключалось; мои письма подвергались той же участи, если въ нихъ я высказывала свою любовь, свою грусть; кончилось тѣмъ, что, выключая писемъ, писанныхъ у княгини, проходили мѣсяцы и она, бѣдная, получала отъ меня только циркуляры о моемъ здоровьѣ, весельи и баловствѣ отца и его родни. Никто вѣрно не

позавидовалъ бы этому веселью и этому баловству! Но эти циркуляры, писанные, такъ сказать, изъ-подъ палки, не измѣнили моему правдивому характеру: ни разу не сказала я, что люблю кого-нибудь изъ нихъ; моя единственная, моя безпредѣльная любовь была она одна, отрадой моей грустной жизни были минуты, проведенныя съ ея родственницами. Я любила очень кузину нашу, княжну Елену Николаевну Трубецкую, она всегда говорила мнѣ съ чувствомъ и слезами объ отсутствующей и при всякомъ свиданіи повторяла мнѣ: «люби ее, молись за нее!» Съ радостью также я встрѣчала другую кузину нашу, прекрасную и блистательную графиню Потемкину [1]), хотя она менѣе показывала мнѣ участія, но мнѣ достаточно было воспоминанія объ ея родственномъ расположеніи къ матери, чтобъ любить и ее. У меня осталось въ памяти какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ дѣтства богатое и роскошное убранство ея дома на Пречистенкѣ; какъ-будто теперь еще вижу серебряныя статуи на лѣстницѣ, ея мраморную ванну, окруженную прелестными цвѣтами и рѣдкими растеніями, и ее самую, прелестную, стройную, нарядную, показывающую намъ свои чудные брилліанты.

Черезъ княгиню Горчакову я умоляла матушку прислать мнѣ свой портретъ; какъ ни была она всегда у меня на умѣ и въ сердцѣ, бывали минуты, что образъ ея ускользалъ изъ моей памяти, и чѣмъ больше старалась я его припомнить, тѣмъ сомнительнѣе выходило сходство: то припомню улыбку, то взглядъ, а всего вмѣстѣ выраженія уловить не могу.

Мать прислала мнѣ свой портретъ. Кто знаетъ, можетъ быть мѣсяцъ, два отказывала себѣ во многомъ, необходимомъ, чтобъ доставить мнѣ счастіе поцаловать ея образъ, дивно переданный на кости.

Отецъ увидѣлъ мой портретъ, но вѣрно мой восторгъ его обидѣлъ, онъ съ запальчивостью вырвалъ его у меня изъ рукъ и разломалъ его на мелкіе куски. Я не могу выразить всего, что произошло въ моемъ сердцѣ при этой жестокой несправедливости отца, и никогда не могла я забыть, какъ глубоко уязвилъ онъ мое сердце. Я скрыла этотъ поступокъ отъ матери, чувствуя по себѣ, какъ было бы ей оскорбительно знать, какое низкое средство придумалъ онъ, чтобы принудить меня забыть ее. Чего не дала бы я, чтобъ собрать обломки дорогого мнѣ портрета, склеить ихъ и сохранять въ кіотѣ вмѣстѣ съ ея благословеніемъ, но онъ и кусочки всѣ подобралъ и бросилъ въ печку.

---

[1]) Рожд. княжна Трубецкая, во второй разъ замужемъ за сенаторомъ Подчасскимъ.

Я уже не пыталась достать другого портрета; я была обречена на всѣ утраты.

Съ полгода прожила я въ Москвѣ съ бабушкой, ничего особеннаго не произошло въ это время; не понимаю, какъ пришла мнѣ тогда мысль скрывать, что я почти все понимала по-французски, что говорили при мнѣ на этомъ языкѣ. Быть можетъ, сначала эта скрытность происходила изъ упрямства, а послѣ изъ разсчета, чтобы знать ихъ распоряженія и толки о матушкѣ. Я рѣшительно ни къ чему не имѣла охоты, на меня напала какая-то апатія, я едва передвигала ноги; сижу, бывало, битые часы въ уголкѣ, когда другіе дѣти играли и бѣгали, не замѣчая ни шума, ни веселья, угрюмая, печальная, да думаю о бѣдной моей матери.

За уроками тоже, бывало, уткну носъ въ книгу, а мысли разбредутся далеко; всѣ рѣшили, что я тупая, лѣнивая дѣвочка, но удивлялись, какъ я такъ хорошо читала и писала по-русски. «Мамаша сама меня учила, отвѣчала я упорно, а чему теперь учатъ, я не понимаю».

А меня учили только вокабуламъ, которые я знала лучше самой mademoiselle Nadine, взятой мнѣ въ гувернантки бабушкой.

Въ эту зиму я познакомилась съ дядей Николаемъ Васильевичемъ С., братомъ отца моего, и полюбила его. Онъ не ласкалъ меня, но въ немъ проявлялось участіе, доброта, которыхъ я не замѣчала въ другихъ родныхъ отца. Онъ одинъ изъ нихъ говорилъ со мной о матери; разъ онъ усадилъ меня на колѣни и началъ разспрашивать о ней; при видѣ моихъ слезъ, онъ потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ: «Не плачь, вѣдь ты не навсегда розно съ матерью, опять будешь жить у нея». Онъ первый въ эту пору унынія и отчаянія направилъ мысли мои на лучшее будущее, далъ надежду на свиданіе съ ней и открылъ мнѣ новый волшебный міръ грезъ и мечтаній, въ который я съ жадностію погрузилась, но ни съ кѣмъ я не дѣлилась своими мыслями, я умѣла грустить и радоваться, плакать и надѣяться одна, совершенно одна....

Я создала въ воображеніи своемъ какое-то волшебное царство; первое мѣсто въ немъ занимала матушка, а я второе. Я не могла думать о ней, не ставя себя подлѣ нея, другіе не существовали для меня и не имѣли никакой цѣны, если не относились хотя косвенно къ ней.

У бабушки съ отцомъ произошла ссора; въ это время бабушка отказала m-lle Nadine, а отцу объявила, что не хочетъ жить въ одномъ домѣ съ нимъ. Тутъ они рѣшили, что бабушка

будетъ жить полгода въ Москвѣ, гдѣ и домъ купила въ 30,000 руб. асс., на Пречистенкѣ, а другіе полгода въ Пензѣ.

Какъ восхищалась я мысленно этой поѣздкой и временнымъ отсутствіемъ отца; мать моя не будетъ больше отъ него плакать, думала я, и будетъ жить вмѣстѣ съ нами у бабушки. Я какъ будто переродилась и весело замечталась о свиданіи съ ней, съ прабабушкой и Анной Мелентьевной. Но, къ несчастію, пріѣхала въ Москву тетка Марья Васильевна и стала совѣтовать отцу не отпускать меня, а оставить у Прасковьи Васильевны.

«Чѣмъ же мы хуже этихъ сіятельныхъ, говорила она, развѣ у насъ ума не хватитъ воспитать дѣвочку? Ну, пускай Лиза остается у родни матери, а старшая у твоей родни».

Все это я слушала съ убитымъ сердцемъ, потому что они, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, говорили при мнѣ по-французски, а я не измѣнила себѣ, привыкнувъ уже скрывать терзавшія меня чувства. Отецъ опять пошумѣлъ съ бабушкой, но подстрекаемый сестрами, не пустилъ меня въ Пензу, а перевезъ къ Прасковьѣ Васильевнѣ.

Это внезапное крушеніе всѣхъ моихъ надеждъ еще больше остолбѣнило меня; къ тоскѣ о матери примѣшалось сожалѣніе о сестрѣ и о бабушкѣ, къ которой я горячо привязалась, и я осталась въ кругу ненавистныхъ мнѣ людей, отъявленныхъ враговъ моей обожаемой матери.

Но сверхъ чаянія, отъѣздъ бабушки, такъ сказать, улучшилъ мою судьбу, тѣмъ по крайней мѣрѣ, что черезъ нее я чаще имѣла извѣстія о матушкѣ и могла свободно ей писать, и она, судя по письмамъ, стала повеселѣе отъ присутствія Лизы; всѣ онѣ поддерживали во мнѣ надежду на соединеніе съ ними.

Первое письмо бабушки къ Прасковьѣ Васильевнѣ увѣдомляло ее, что бѣдная моя мать очень измѣнилась, и что доктора рѣшили, что у нея аневризмъ въ сердцѣ. Я, конечно, встревожилась этимъ извѣстіемъ, но не очень, я думала, что аневризмъ что-то въ родѣ лихорадки; я стала рыться во всѣхъ лексиконахъ и находила только объясненіе, котораго я не понимала: *dilatation d'une artère*. Я прибѣгла къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой и княжнѣ Еленѣ Трубецкой, онѣ знали всю опасность, всю неумолимость этой ужасной болѣзни, но не хотѣли растолковать мнѣ ее, а напротивъ, старались разогнать мои черныя мысли и совершенно меня успокоили; въ письмахъ же своихъ матушка никогда не упоминала о своихъ страданіяхъ.

Прасковья Васильевна была добра ко мнѣ потому, что была добра вообще ко всѣмъ, но не любя моей матери, она и меня не любила.

Отца я видала рѣдко, урывками; онъ веселился...

Слабый характеръ тетки далъ мнѣ совершенную свободу и я вполнѣ умѣла ею воспользоваться; я такъ умудрилась, что по недѣлѣ, по двѣ проживала въ Петровскомъ, у княгини Горчаковой.

Прасковья Васильевна была страстная охотница играть въ карты; каждый день въ первомъ часу уѣзжала она въ гости, возвращалась часа въ два ночи, спала до одиннадцати часовъ, передъ отъѣздомъ зайдетъ къ бабушкѣ поздороваться и разсказать, что видѣла, съ кѣмъ играла, а мнѣ задастъ урокъ (съ ней я дошла до французскихъ фразъ, которыя она сама писала мнѣ въ тетрадку), затѣмъ распрощается съ нами, да и была такова до другого дня. Въ молодости своей, она очень много читала, у нея были два огромные шкафа съ книгами; отъ нечего дѣлать, я принялась читать безъ выбора, безъ сознанія.

Вольтеръ, Руссо, Шатобріанъ, Мольеръ, прошли черезъ мои руки. Вѣрно я очень любила процессъ чтенія, потому что, не понимая философскихъ умствованій, я съ жадностью читала отъ доски до доски всякую попавшуюся мнѣ книгу. Мольера я больше всѣхъ понимала, но не умѣла оцѣнить его; когда же я отъискала: Paul et Virginie, да Mariage de Figaro, я чуть съ ума не сошла отъ радости; я плакала навзрыдъ надъ смертію Виргиніи, а во всѣхъ знакомыхъ мальчикахъ искала сходства съ Chérubin. Чтеніе этихъ двухъ книгъ объяснило мнѣ, что есть и веселыя книги, и я перевернула библіотеку верхъ дномъ и дорылась до романовъ г-жи Жанлисъ и г-жи Радклиффъ. Съ какимъ замираніемъ сердца я изучала теорію о привидѣніяхъ, — иногда мнѣ казалось, что и я ихъ вижу—они наводили на меня страхъ, но какой-то пріятный страхъ.

Изъ романовъ г-жи Жанлисъ болѣе всѣхъ я пристрастилась къ Адольфинѣ; я находила сходство между ею и мной — у нея была такая же добрая мать, какъ у меня, и такой же отецъ; очень нравились мнѣ разспросы Адольфины, зачѣмъ Богъ сотворилъ то и то? Одинъ разъ она спросила: за чѣмъ Богъ далъ намъ глаза? (она родилась въ подземельи) и спохватясь, продолжала: «знаю, чтобъ плакать!» Въ первомъ письмѣ своемъ къ матери я вклеила эту фразу: «у меня глаза для того только, чтобъ плакать о тебѣ!» Но мнѣ стало совѣстно и я больше не заимствовала фразъ изъ романовъ.

Бабушка Прасковья Михайловна была рѣдкая старушка, просто святая женщина; я съ ней сдружилась какъ съ ровестницей, отъ нея я ничего не скрывала, кромѣ моего чтенія. Въ 12-мъ году она ослѣпла; лишеніе зрѣнія развило въ ней до невѣроя-

тія способность узнавать по голосу, какое чувство волновало говорящаго съ нею; ее невозможно было обмануть ни въ чемъ. Я проводила съ ней цѣлые дни; она учила меня разнымъ молитвамъ, разсказывала мнѣ священную исторію, лакомила меня, много разспрашивала о Знаменскомъ, о прабабушкѣ, о матери моей; съ ней я пускалась въ откровенности и ея выстрадавшее восьмидесятилѣтнее сердце горячо сочувствовало моему грустному прошедшему. Она научила меня прощать и молиться за обидѣвшихъ насъ, допускала, что я могла любить матушку больше, но должна тоже любить и отца.

Когда она полагала, что осталась одна въ комнатѣ, то всегда принималась молиться, и какъ она молилась! Если бы мнѣ удалось хоть разъ въ жизни помолиться съ такимъ рвеніемъ и съ такой чистотой, я была бы, кажется, счастлива на всю жизнь.

Бабушку, Прасковью Михайловну, несмотря на ея слѣпоту, невозможно было обмануть. Вотъ одинъ примѣръ правдивости моихъ словъ: какъ-то удалось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывать отъ нея смерть брата ея, и тѣмъ легче было это сдѣлать, что онъ жилъ въ Петербургѣ, а она въ Москвѣ; ее увѣряли, что отъ него получаются письма, разсказывали, что онъ будто пишетъ то и то, и радовались, что отстранили отъ нея лишнее горе. У бабушки было обыкновеніе, во дни имянинъ или рожденья близкихъ ея, заказывать молебны и вынимать части за здравіе. Наканунѣ имянинъ покойника, она, какъ и всегда бывало, приказала дѣвушкѣ своей сходить къ ранней обѣднѣ, отслужить молебенъ и принести ей просфору къ тому времени, какъ она проснется. Въ этотъ самый день, бабушка необыкновенно рано позвонила, когда къ ней вошла горничная, бѣдная старушка была вся въ слезахъ и сказала: «Не грѣхъ ли вамъ было такъ долго меня обманывать? я брата видѣла во снѣ и онъ сказалъ мнѣ: полно тебѣ молиться о моемъ здоровьи, помолись объ упокоеніи моей души; я умеръ въ такой-то день, въ такомъ-то часу».

Я забыла разсказать, какое развлеченіе я находила себѣ въ то время, какъ бабушка дремала. Я сидѣла не шевелясь и вытверживала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ въ календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе подходили ко мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ разбору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда-нибудь вдругъ предстанетъ передо мной принцъ—и я тоже сдѣлаюсь принцессой; стыдно признаться, что подобная фантазія занимала меня съ десятилѣтняго возраста до вступленія въ свѣтъ, и когда только я не думала о матери моей, то всей душой предавалась созерцанію моего принца:

то представляла его бѣленькимъ, хорошенькимъ, то вдругъ являлся онъ мнѣ грознымъ, страшнымъ, убивалъ всѣхъ, щадилъ меня одну и увозилъ въ свое государство.

Въ половинѣ 1822 года, произошла опять перемѣна въ моей жизни, и не радостная перемѣна. Тетка Марья Васильевна, лишившись единственнаго своего сына, выпросила меня у отца въ замѣнъ этого ребенка, обѣщаясь замѣнить и мнѣ мать мою! Безсмысленное, пошлое выраженіе! Нѣтъ! никакая любовь не можетъ замѣнить намъ эту привязанность, эту нѣжность, эту предусмотрительность, которыми окружаетъ насъ наша мать. Не понимая всей силы этой святой привязанности, мы чувствуемъ ея благодать, и чѣмъ болѣе узнаемъ людей, чѣмъ глубже входимъ въ жизнь, тѣмъ незамѣнимѣе находимъ любовь матери; одна эта любовь свята, безпредѣльна и безъ примѣси самолюбиваго *я*.

Много я плакала, прощаясь съ бабушкой, даже и со всѣми тѣми, которыхъ оставляла въ Москвѣ; я уже свыклась съ этой монотонной, почти уединенной жизнью, всякая перемѣна была бы мнѣ непріятна, эта же просто пугала меня, еще болѣе удаляя отъ матери и отъ всѣхъ ея родныхъ; дѣтское самолюбіе мое тоже страдало; какъ кочующій цыганъ, я не находила постояннаго крова и меня перебрасывали, точно мячикъ, съ одного конца Россіи на другой, а ужаснѣе всего то, что мной распоряжались безъ согласія и даже безъ вѣдома матери.

Какъ бы то ни было, но я очутилась въ Петербургѣ, у тетки своей Марьи Васильевны Б.

Марья Васильевна принялась сама учить меня, безъ вокабуловъ и французскихъ разговоровъ дѣло не обошлось, а немного спустя она засадила меня переводить статьи изъ Leçons de littérature et de morale par Noël et Chapsal, что было не легкое дѣло; возвышенный языкъ Боссюэта и Массильона меня доводилъ частенько до слезъ.

Она собственноручно написала программу моихъ уроковъ, въ ней заключались: французскій и русскій языки, исторія, географія, миѳологія и музыка.

Съ французскимъ языкомъ Марья Васильевна умудрилась, какъ я уже объяснила; русскій языкъ, рѣшила она, и безъ того придетъ, нечего за нимъ время терять. Исторію лучше всего изучить по трагедіямъ, это занимательнѣе; для географіи я оказалась слишкомъ молода, и вотъ, все стараніе было приложено къ изученію миѳологіи, которую она особенно любила и изъ которой я всякій день выучивала по двѣ страницы наизусть. Трагедіи Расина, Корнеля и Вольтера не очень интересовали меня, и не мудрено! Не зная, кто были дѣйствующія лица, и не по-

нимая, за что они ссорятся, воюютъ, я иногда просила истолкованія у тетки, но сама она получила очень поверхностное воспитаніе и вопросы мои приводили ее въ смущеніе, она заминалась и отдѣлывалась этой обычной фразой: «когда ты будешь побольше, то сама все поймешь, не надо безпокоить вопросами старшихъ, неучтиво; а главное, ты этимъ показываешь, какая ты непонятливая; напротивъ, дѣлай видъ, что ты все знаешь».

Когда же, думала я, пойму я совершенно, кто были Эсѳирь, Эдипъ, Андромаха, Заира; когда они родились, гдѣ жили, далеко ли отъ Россіи? и я возненавидѣла трагедіи, гдѣ люди являлись всегда вооруженными, злыми, убивали другъ друга, да и женщины были не лучше ихъ. Для меня сдѣлалось сущимъ наказаніемъ чтеніе вслухъ трагедій — и можно себѣ представить, какое я извлекла понятіе изъ нихъ объ исторіи. Съ музыкой поступлено было тоже по единственной въ своемъ родѣ методѣ, собственнаго изобрѣтенія Марьи Васильевны. Сначала она выучила меня, какъ называются клавиши, потомъ кое-какъ растолковала ноты, не говоря, что есть четверти, восьмыя, бѣлыя, не объясняя, что такое пауза, дискантъ, басъ, тонъ, и все показывала съ рукъ и кой-какъ толковала, что *ре* на средней октавѣ пишется такъ, на нижней такъ,—кончалось всегда любимой фразой: «все это само собой придетъ, разбирай только побольше, такъ и привыкнешь читать ноты какъ книгу». Не имѣя ни малѣйшаго понятія о теоріи музыки, никогда я не видала и не трудилась надъ гаммами, а прямо засадили меня за пьесы Штейбельта и Фильда; мало кто повѣритъ истинѣ моихъ словъ, а оно было по несчастію такъ. На бѣду мою, я пристрастилась къ музыкѣ, по четыре часа въ день занималась ею, но должна признаться, что никогда и никто не узнавалъ, что я барабаню, слышалось что-то такое знакомое, но изъ рукъ вонъ безобразное.

Когда же мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ взялъ мнѣ извѣстнаго Рейнгардта, для *усовершенствованія* меня въ музыкѣ. Онъ, бѣдный, бился со мною мѣсяцевъ пять, ему не пришло на умъ спросить меня о теоріи, потому что по навыку я бѣгло разбирала, бойко играла, прилежно твердила заданный урокъ, а выходило все не то, и Рейнгардтъ очень добросовѣстно поступилъ—отказался. Марья Васильевна меня же разбранила, а я, несчастная, по шести часовъ въ день, просиживала за фортепьяно; это меня совершенно обезкуражило, музыка мнѣ опротивѣла, а отецъ и тетка все еще принуждали меня играть по цѣлымъ часамъ.

Мѣсяца черезъ три по пріѣздѣ моемъ къ теткѣ, дядя дол-

женъ былъ ѣхать на выборы во Псковъ. Меня отвезли въ Псковскую деревню къ его дядѣ.

Несмотря на доброе расположеніе ко мнѣ этого дяди, Александра Андреевича Б—ва, я его очень боялась; онъ такой былъ сердитый съ людьми, за малѣйшую вещь колотилъ ихъ своей палкой, и тутъ же въ своей комнатѣ приказывалъ сѣчь виноватаго; если товарищъ наказаннаго не сильные давалъ удары, такъ и его сѣкли, чтобъ слѣпо исполнялъ барское приказаніе.

Ему услуживалъ болѣе всѣхъ его старый камердинеръ; не знаю почему, всѣ его величали барономъ, и первой забавой Александра Андреевича было придираться къ барону и находить его виноватымъ въ одно время съ его сыномъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, и смотря по объему вины, ставилъ ихъ обоихъ въ уголъ, или на колѣни посреди комнаты, или привязывалъ веревкой къ стулу; наказанный мальчишка смѣялся, а отецъ горько плакалъ, ворча про себя: «вотъ до чего дожилъ!... съ сынишкой наказываютъ одинаково... ужъ лучше бы прибили меня»!

Александръ Андреевичъ былъ тогда неизлѣчимо боленъ; у него былъ ракъ на брови, обвязанное и покрытое пластырями лицо его приводило меня въ трепетъ, а онъ такъ привязался ко мнѣ, что почти не отпускалъ отъ себя и все ворчалъ на бѣдную тетку мою Ульяну Сергѣевну Б. за меня.

Обѣ мы не могли долго высиживать въ его комнатѣ, запахъ отъ раны, пластырей и мазей былъ нестерпимъ, къ тому же онъ имѣлъ странную привычку собирать всѣ сальные огарки въ селѣ и жадно слѣдилъ, какъ они догорая то тухли, то вспыхивали, чадъ такъ и душилъ насъ, и мы съ Ульяной Сергѣевной подъ разными предлогами спасались въ нашу комнату.

Мы прожили четыре года въ деревнѣ, и мнѣ ни разу не случалось видѣть дѣвочки моихъ лѣтъ; сосѣдки наши были или взрослыя дѣвушки, или крошки пяти или шести лѣтъ; съ ними мнѣ было скучно, а съ первыми не позволялось долго бесѣдовать.

Въ 1823 году, весной, получила я извѣстіе о кончинѣ прабабушки; вскорѣ послѣ нея скончался и дѣдушка, князь Сергѣй Васильевичъ Долгорукій [1]; я еще больше грустила объ одиночествѣ матери моей. Въ концѣ года умеръ и Александръ Андреевичъ Беклешовъ.

Въ 1826 году, дядя мой Николай Сергѣевичъ Беклешовъ, какъ островскій предводитель дворянства, долженъ былъ по-

---

[1]) Родной дядя Анастасьи Павловны Сушковой, матери составительницы записокъ.

случаю коронаціи давать обѣды и балы; тетка хотѣла блеснуть своимъ и моимъ туалетами, и нарядила меня бѣдную, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, въ тюлевое платье, вышитое голубой синелью, бусами и шелкомъ съ букетами незабудокъ кругомъ; я была въ восхищеніи, не понимая какой смѣшной могли найти меня всѣ здравомыслящіе люди, но таковыхъ не оказалось!... Другое мое платье было бѣлое дымковое, вышитое серебромъ и пунцовой синелью; словомъ, я донашивала залежалыя платья изъ ея приданаго.

Дорожный мой туалетъ былъ тоже очень оригиналенъ: у меня никогда до совершеннолѣтія не было манто, а мѣсто его исправлялъ тулупчикъ дядинъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, ноги укутывались шалью и мериносовая шапочка на ватѣ довершала мой костюмъ.

Въ скоромъ времени мы переселились въ Петербургъ; по неотступнымъ просьбамъ жены своей, дядя вступилъ въ гражданскую службу.

Марья Васильевна урывками продолжала заниматься мною и я не знаю что бы изъ меня вышло, если бы кто-то изъ нашихъ знакомыхъ или родныхъ не надоумилъ ее взять мнѣ гувернантку. Къ счастію моему напали на добрую, образованную и добросовѣстную воспитательницу, мою милую Авдотью Ивановну Ѳомину [1]).

Она серьезно испугалась моему невѣжеству, растолковала мнѣ, какъ необходимо имѣть понятіе о многомъ, и съ утра до ночи занималась мною. Ея метода, а еще болѣе ея ласковое, учтивое и дружеское обращеніе со мною, ея искреннее участіе ко мнѣ, много способствовали моимъ успѣхамъ и моему развитію. Она неусыпно старалась выказывать меня со всѣхъ лучшихъ сторонъ; поворчитъ, бывало, когда мы съ ней наединѣ, но при третьемъ лицѣ всегда меня выхваляла и поощряла. Ея игривое воображеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокій умъ, начитанность, пылкое и ребячески-доброе сердце, имѣли благодѣтельное вліяніе на меня, и заглядывая въ прошедшее, я съ благодарностію и умиленіемъ сознаюсь, что ей одной я обязана тѣмъ, что поняла, чего недоставало мнѣ, и принялась заниматься серьезнымъ чтеніемъ, выписками изъ него, переводами, экстрактами. Да, слишкомъ много сдѣлала она для меня въ два съ половиной года, которые прожила у насъ. Она посовѣтовала мнѣ писать мой журналъ, сначала поправляла его, а потомъ я уже и не показывала его ей, и дала полную волю своей фан-

---

[1]) Умерла около 1863 года въ Петербургѣ.

тазіи. Сколько въ немъ было изліяній къ матушкѣ и бреду къ моему принцу-невидимкѣ.

Отецъ мой тоже переселился въ Петербургъ; изъ Москвы онъ съѣздилъ въ Пензу, взялъ Лизу отъ матери и бабушки, хотѣлъ ее навязать Марьѣ Васильевнѣ, но та, по счастію, отозвалась, что устарѣла воспитывать дѣтей, и Лизу отдали въ Смольный монастырь, и потому ея воспитаніе по крайней мѣрѣ имѣло болѣе толку, чѣмъ мое.

Дядя и тетка жили открыто, но скучно: проживали много денегъ, но безъ удовольствія для себя и для другихъ. У нихъ было человѣкъ пятнадцать родныхъ и habitués, которые ежедневно могли являться къ обѣду, но въ числѣ ихъ не было ни одного замѣчательнаго лица, ни по уму, ни по образованію, ни по имени, ни даже по значенію въ свѣтѣ.

Карты были ихъ ежедневное занятіе; съ самаго обѣда до поздней ночи только и раздавались въ гостинной слова: «черви козыри, пять леве, вамъ сдавать», и т. д.

Безъ моего милаго дяди Николая Васильевича С., который своей живостью, своимъ умомъ и неутомимой болтовней оживлялъ нашъ домъ, была бы нестерпимая скука мнѣ.

Въ началѣ января 1828 года, дядю послали по службѣ въ Курскую губернію; теткѣ вздумалось ѣхать съ нимъ до Москвы и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; разумѣется, такъ все и уладилось. Матушка, узнавъ, что я такъ близко отъ нея, написала Марьѣ Васильевнѣ самое трогательное письмо и просила позволенія пріѣхать повидаться со мной. Ей дали это позволеніе и она, несмотря на тяжкую свою болѣзнь, собралась съ послѣдними силами и въ началѣ февраля пріѣхала ко мнѣ.

Никакое перо не можетъ выразить того счастія, которое преисполнило мое сердце, когда я бросилась въ ея объятія, послѣ семилѣтней разлуки.

Я перешла жить въ ея комнату, мы ни на минуту не разлучались, мало спали по ночамъ — все говорили и не могли наговориться. Матушка очень измѣнилась, я ее оставила молодую, цвѣтущую, прекрасную и свидѣлась съ ней больной, изнуренной, состарѣвшейся; горе взяло свое! Отъ аневризма у нея было такое біеніе сердца и всѣхъ жилъ въ груди, что послѣдніе четыре года своей жизни она уже и не пробовала ложиться въ постель, а спала въ креслахъ сидя, а иногда даже стоя дремала въ уголку, опираясь на спинку стула. Чего не перенесла бѣдная моя мать, физически и морально, страшно подумать.

Въ слѣдующемъ году — 1828 матушка скончалась 14-го мая, въ самый Духовъ день, въ деревнѣ Варвары Юрьевны Гор-

чаковой. Я же въ этотъ самый день была на гуляньѣ на Прѣсненскихъ прудахъ, разряженная и веселая, а говорятъ, что есть предчувствіе.

Жизнь матери моей пресѣклась въ одну минуту, она собралась идти къ обѣднѣ, но почувствовала головокруженіе, попросила Варвару Юрьевну не дожидаться ея и мимоходомъ приказать подать ей стаканъ воды; когда же принесли воду, душа ея уже отлетѣла въ лучшій міръ.

Странно родилась бѣдная моя мать. Бабушка моя такъ страдала передъ тѣмъ, чтобъ разрѣшиться, что впала въ летаргію; три или четыре дня ее и младенца ея считали мертвыми; день, назначенный для похоронъ, наступилъ, она лежала уже въ гробу, ждали духовенство, псаломщикъ читалъ псалтырь, какъ вдругъ столъ подломился и гробъ упалъ; отъ сотрясенія бабушка очнулась и тутъ же въ гробу родила бѣдную мою мать и точно, жизнь, начавшаяся такимъ ужаснымъ образомъ, тяготила ее до послѣдней минуты. Жизнь эту можно разсказать въ немногихъ словахъ: родилась въ гробу, прострадала весь свой вѣкъ и скончалась въ чужомъ домѣ, не имѣя никого изъ ближнихъ подлѣ себя, даже горничной своей, которая приняла бы ея послѣдній вздохъ, передала бы мнѣ ея послѣднее слово!

III.

Первый выѣздъ на балъ. — Выѣзды и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ.—Первые поклонники.—Поѣздка въ Москву и пребываніе у другой тетки.— 1828—1830 гг.

> J'ai longtems aimé notre monde,
> Mon âme en tendresse profonde
> Débordait sur tout l'univers,
> Mais la froideur et l'ironie
> L'ont refoulu et l'ont ternie.
>
> *Blanvallet.*

По возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, дядя Николай Васильевичъ позаботился оживить нашъ домъ. Мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, рѣшено было зимой вывозить меня въ свѣтъ, и дядя сталъ изрѣдка приглашать къ намъ своихъ пріятелей и сослуживцевъ, которые всѣ принадлежали къ высшему кругу общества, но мнѣ не было весело съ ними: я черезъ чуръ была дика и молчалива.

Первый мой выѣздъ былъ на балъ къ Хвостовымъ и теперь еще не могу безъ трепета вспомнить, какъ замирало мое бѣд-

ное сердце во весь этотъ памятный для меня день, 1-го января 1829 года. Я провела его глядясь въ зеркало и любуясь первымъ своимъ бальнымъ нарядомъ; платье мое было бѣлое кисейное, обложенное сверхъ рубца à la grecque изъ узенькихъ атласныхъ руло, и съ огромнымъ бантомъ на груди; мнѣ казалось, что никто не могъ быть наряднѣе меня.

Войдя въ ярко освѣщенную залу, у меня потемнѣло въ глазахъ, зазвенѣло въ ушахъ; я вся дрожала. Хозяйка и дочь ея, старались ободрить меня своимъ ласковымъ пріемомъ и вниманіемъ. Когда же я усѣлась и окинула взоромъ залу, я готова была хоть сейчасъ уѣхать домой и даже съ радостью, я не знала ни одной изъ дамъ и изъ дѣвушекъ, а изъ знакомыхъ мужчинъ былъ только одинъ. Протанцую, думала я, одинъ только танецъ, не промолвлю ни словечка, вотъ и останется мнѣ лестное воспоминаніе о моемъ первомъ балѣ. Но боязнь эта скоро исчезла, дамы и дѣвушки заговорили со мной первыя (тогда еще не существовала въ свѣтѣ претензія говорить и танцовать только съ представленнымъ лицомъ), а кавалеры безпрестанно подбѣгали, расшаркивались и говорили: la première, la seconde, la troisième contredanse. Добрый мой дядя, Николай, какъ нянька ухаживалъ за мною и радовался моимъ успѣхамъ. Первое мое явленіе въ свѣтъ было блистательно, меня замѣтили и не забыли. Всегда буду и я помнить, какъ единственный мой знакомый В. на этомъ балѣ, танцуя со мною кадриль, спросилъ меня: «танцуете вы мазурку»? — «Конечно», отвѣчала я отрывисто, обидясь, что онъ освѣдомляется, умѣю-ли я ее танцовать. Что же вышло? Заиграли мазурку, всѣ усѣлись попарно, а у меня нѣтъ кавалера; знакомый мой взбѣсился, подлетѣлъ ко мнѣ, говоря: «какъ же вы мнѣ сказали, что танцуете мазурку?»

— Да, отвѣчала я.

— Гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Меня никто не позвалъ.

— Я звалъ васъ, а вы сказали, что танцуете.

— Ахъ, Боже мой, я сказала вамъ правду. Я умѣю танцовать мазурку!

Тутъ всѣ, окружающіе насъ, расхохотались. Восхищеніямъ моей наивности не было конца, и это было верхомъ моего тріумфа на этотъ вечеръ. У В. была уже дама и онъ подвелъ ко мнѣ сына хозяйки дома, который съ этой же минуты сдѣлался однимъ изъ пламенныхъ и вѣрнѣйшихъ моихъ обожателей [1]).

---

[1]) Этотъ А. В. Хвостовъ десять лѣтъ спустя и женился на составительницѣ записокъ.

2-е января тоже памятно для меня. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ habitués, Н. К., уѣзжалъ на турецкую войну, пришелъ къ намъ проститься и принесъ мнѣ прощальные стихи, первые въ моей жизни, написанные для меня. Я взяла ихъ съ трепетомъ, который можно было бы ощутить только при первомъ изъясненіи въ любви. Вотъ они, въ сущности очень слабые, плохіе, но не менѣе того заставившіе такъ самодовольно биться мое сердце при чтеніи ихъ:

Прости, цвѣточекъ молодой,
Прости, цвѣточекъ нѣжный, милый,
Хранимый небомъ и судьбой,
Цвѣти подъ сѣнію родной.
Прости! мое шумитъ вѣтрило
И мчится безпріютный челнъ,
Надеждъ коварное свѣтило
Едва мнѣ свѣтитъ, — грусти полнъ,
Я оставляю градъ чужбины,
Гдѣ молодость мою сгубилъ,
Гдѣ сердце съ счастьемъ схоронилъ!
Мнѣ въ путь ни сердца вздохъ единый
Не полетитъ; — слеза любви
Не канетъ въ горести унылой;
Хоть ты, цвѣточекъ нѣжно-милый,
Хоть ты мой путь благослови!

Конечно, единственное достоинство этихъ стиховъ заключалось только въ томъ, что они были посвящены мнѣ, мысль и даже риѳмы выкрадены изъ Пушкина — но несмотря ни на что это, они меня такъ внезапно расположили къ К., что я не на шутку грустила о немъ; сколько разъ со слезами молилась я за него, съ какой жадностью читала донесенія изъ Турціи, и можетъ быть, успѣла бы увѣриться въ любви моей къ нему, если бы не проповѣди и не насмѣшки надо мною дяди Николая, отъ котораго ничто не скрывалось, а еще болѣе ежедневные балы, ухаживанье за мною лучшихъ кавалеровъ не были противуядіемъ этой романической грусти.

Въ концѣ января, дядю Николая Сергѣевича откомандировали въ Витебскую губернію, производить слѣдствіе объ убіеніи жидами христіанскаго ребенка; тетка до масляницы осталась въ Петербургѣ, а на первой недѣлѣ великаго поста отвезла меня съ Авдотьей Ивановной Ѳоминой въ деревню, сама же отправилась къ мужу.

Трудно представить себѣ рѣзкій переходъ отъ самой разсѣянной жизни, къ бесѣдѣ глазъ на глазъ съ Авдотьей Ивановной. Намъ строго было запрещено ѣздить къ сосѣдямъ и

принимать ихъ у себя. Нѣмецъ управитель съ женой, да капельмейстеръ полякъ, по воскресеньямъ приходили обѣдать къ намъ.

Изрѣдка получаемыя письма изъ Петербурга перечитывались мною безпрестанно до полученія новаго письма, и тогда рой воспоминаній о раззолоченныхъ залахъ, чудныхъ кавалергардахъ, блестящихъ нарядахъ, возставалъ передо мной и томилъ меня сожалѣніями.

Въ іюлѣ, Марья Васильевна возвратилась изъ Велижа для празднованія своихъ имянинъ. Этотъ день былъ эпохой во всей нашей губерніи. За три и даже за четыре дня до праздника, съѣзжались гости изъ Пскова, изъ другихъ уѣздовъ, и дальніе сосѣди, иногда ихъ набиралось до сорока человѣкъ; всѣмъ *отводились* квартиры: кого помѣстятъ во флигелѣ, кого въ оранжереѣ, банѣ; самыхъ важныхъ въ домѣ, молодыхъ дѣвушекъ въ моей комнатѣ на диванахъ, на кроватяхъ и даже на полу; молодыхъ людей въ *повалку* въ танцовальной залѣ. Во все время пребыванія гостей, я должна была вставать рано, часовъ въ шесть, обойти всѣхъ дамъ по разнымъ ихъ спальнямъ, увѣриться, хорошъ ли имъ подали чай и кофе, а съ девяти часовъ предсѣдательствовать за чайнымъ столомъ въ гостинной. Распиваніе чая и кофе продолжалось часовъ до двѣнадцати; потомъ, всѣ гурьбой переходили въ столовую и принимались плотно завтракать. Никогда я не видѣла такихъ огромныхъ аппетитовъ, какъ у псковичей — у нихъ будто были запасные желудки для чужой ѣды.

Мужъ Марьи Васильевны, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда отпрашивался въ отпускъ ко дню ея имянинъ и въ этотъ годъ прискакалъ изъ Велижа только на трое сутокъ. Торжественный этотъ день начинался поздравленіемъ хора музыкантовъ и, несмотря на несогласные звуки, растроганная помѣщица плакала отъ умиленія и удивленія къ таланту своихъ подданныхъ.

Съ двѣнадцати часовъ наѣзжали ближайшіе сосѣди. Въ четыре часа садились за обѣдъ въ садовой галлереѣ, уставленной цвѣтами, увѣшанной гирляндами, а на главной стѣнѣ красовался, сплетенный тоже изъ цвѣтовъ, вензель виновницы торжества; обѣденный столъ, для пущей важности, былъ накрытъ *покоемъ*, уставленъ фруктами въ вазахъ и ананасами въ горшкахъ; фигурное пирожное красовалось по срединѣ стола, а цвѣты и листочки розъ были разбросаны по всей скатерти. Музыка гремѣла, вилки и ножи бряцали, мужчины кричали, барыни помалчивали, а барышни шептались; въ критическую же минуту, когда пробки шампанскаго ударяли въ потолокъ, музыканты играли тушъ, управляющій выскакивалъ изъ-за стола

къ дверямъ, махалъ носовымъ клѣтчатымъ платкомъ и раздавался залпъ четырехъ пушекъ; сосѣдки, въ ожиданіи этой минуты, затыкали себѣ уши заранѣе приготовленной хлопчатой бумагой, двѣ же менѣе храбрыя прятались подъ столъ.

Всякій годъ повторялось одно и тоже, но восторги сосѣдокъ не истощались и многія изъ нихъ, бѣдненькія, жили только воспоминаніемъ и ожиданіемъ этого дня. Дядя, пріѣзжая въ деревню передъ этимъ праздникомъ, обыкновенно запирался въ кабинетъ, для совѣщанія съ управителемъ, дворецкимъ и поварами, какой изготовить обѣдъ. Несмотря на долгія совѣщанія, нѣсколько лѣтъ съ ряду все была одна программа удовольствій и яствъ; онъ могъ бы поступить, какъ одна изъ моихъ родственницъ: аккуратно всякій день утромъ призывала она повара, толковала съ нимъ битый часъ и рѣшала тѣмъ, что на бумажкѣ напишетъ: «сегодня готовить тоже, что вчера». И это продолжалось цѣлые мѣсяцы, но совѣщанія не сокращались.

Въ сентябрѣ, я съ теткой поѣхала въ Велижъ. Семейный совѣтъ присудилъ, что Авдотья Ивановна не нужна болѣе для взрослой, совершенно образованной и свѣтской дѣвушки, и ее отправили въ Петербургъ. Много я плакала, прощаясь съ нею; письма ея, исполненныя искренности, дружбы, добрыхъ совѣтовъ и наставленій о чтеніи, были мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Тетка, взявъ меня съ собою въ Велижъ, имѣла въ виду жениха, флигель-адъютанта Ш. Онъ вмѣстѣ съ дядей производилъ слѣдствіе надъ жидами. Какъ на зло, Ш. влюбился въ меня, а мнѣ онъ очень, очень не понравился, но въ Велижѣ онъ былъ единственный порядочный кавалеръ и я очень благосклонно съ нимъ разговаривала, и на вечерахъ предпочитала танцовать съ нимъ, чѣмъ съ засѣдателемъ, да почтеннымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, нѣмцемъ-аптекаремъ, который одинъ разъ, галопируя со мной, споткнулся о неровную половицу, топнулъ, плюнулъ, закричалъ на всю комнату: «verflucht», и продолжалъ галопировать, какъ ни въ чемъ не бывало.

По первому пути, я съ теткой должна была возвратиться въ Петербургъ, а какъ на перекоръ мнѣ, до половины декабря, не устанавливалась зима. Я изнывала по обществу, по баламъ, по самому Петербургу; стыдно даже и теперь признаться, какимъ образомъ достигла я до цѣли своихъ желаній и ускорила нашъ отъѣздъ.

У насъ часто бывалъ велижскій предводитель дворянства, князь Д. Онъ былъ очень молчаливъ и робокъ; какъ я ни была неопытна, я не сомнѣвалась въ его любви и преданности ко мнѣ; онъ вспыхивалъ при встрѣчѣ со мной, рука его дрожала, когда

я подавала ему чашку чая, со всѣми другими онъ все-таки разговаривалъ, со мною же, съ перваго слова замнется, растеряется и поблѣднѣетъ съ досады. Онъ предупреждалъ всѣ мои желанія; ноты, цвѣты, конфекты безпрестанно присылались мнѣ отъ *неизвѣстнаго*, но посланный неизвѣстнаго былъ извѣстенъ нашимъ людямъ.

Робость князя и его покорность къ моимъ прихотямъ до того меня трогали, что я ни разу не имѣла духа посмѣяться надъ нимъ. Будучи увѣрена, что онъ все сдѣлаетъ мнѣ въ угодность, я стала совѣщаться съ вѣрной наперсницей своей, моей горничной Танюшей, а Танюшѣ не менѣе моего хотѣлось вырваться изъ Велижа; вотъ мы вдвоемъ и придумали, уговорить князя увѣрить тетку, что за двѣ станціи отъ города много снѣгу и отличная санная дорога. Планъ этотъ показался обѣимъ намъ удивительнымъ, но какъ привести его въ исполненіе? Тутъ мы призадумались, потому что князь, хотя и часто навѣщаетъ насъ, но не говоритъ со мной, а только вздыхаетъ, блѣднѣетъ и теряется; чего добраго и не пойметъ моихъ словъ, заслушаясь голоса. Какъ быть, что дѣлать? «Да напишите ему, барышня», сказала Танюша. Я съ восторгомъ одобрила ея мысль, вырвала листокъ изъ тетради и наскоро написала невѣроятно глупую записку, которую какъ будто еще вижу передъ собой, вотъ она слово въ слово:

«Любезный князь!

«Я знаю, что вы меня любите, и потому хотите, чтобъ я васъ всегда помнила. Обѣщаю вамъ никогда не забыть васъ, если вы только прикажете въ почтовой конторѣ сказать завтра Марьѣ Васильевнѣ, когда придутъ отъ нея освѣдомиться, хороша ли дорога, чтобъ отвѣчали, что за двѣ станціи много снѣгу. Сдѣлайте это, любезный князь, для меня, увѣряю васъ, всегда буду вспоминать съ благодарностью о васъ и объ оказанной мнѣ услугѣ. Мнѣ такъ нужно и такъ хочется быть къ праздникамъ въ Петербургѣ.»

«Остаюсь навсегда преданная и благодарная

Екатерина Сушкова».

17-го декабря 1829 г.

На другой день, князь блѣдный и растроганный пріѣхалъ самъ извѣстить тетку, что дорога санная отличная и тяжелая почта пришла на полозьяхъ и такъ одушевился, что убѣдилъ Марью Васильевну назначить день отъѣзда своего 20-го числа, чтобы пріѣхать къ праздникамъ въ Петербургъ.

Милый князь! я готова была съ радости прыгнуть ему на шею, поблагодарить и разцаловать за такое примѣрное послушаніе, превышавшее мою просьбу. Итакъ, мы оставили Велижъ; князь провожалъ насъ до третьей станціи, дорога была адская; тетка пищала, визжала, призывала на помощь всѣхъ святыхъ, но всѣхъ окружающихъ бранила, а я просто ликовала, для меня нѣтъ дурныхъ дорогъ на свѣтѣ, а эта вела меня къ цѣли моихъ желаній, всѣхъ моихъ помышленій; никогда я такъ не стремилась въ Петербургъ.

Мы пріѣхали наконецъ туда въ самый сочельникъ. Черезъ два дня сдѣлали визиты и къ намъ посыпались приглашенія; балы были въ самомъ разгарѣ. Почти у всѣхъ знакомыхъ были положенные танцовальные вечера. Рѣшительно всѣ дни были разобраны кромѣ субботы, въ которую мы всѣ почили отъ дѣлъ своихъ и отдыхали; тогда мнѣ и этотъ одинъ день безъ танцевъ былъ тяжелъ и скученъ.

Въ эту зиму я очень сдружилась съ моимъ cousin, княземъ Ростиславомъ Д. Онъ ухаживалъ за миленькой и хорошенькой Ольгой Б. и въ то самое время, какъ надѣялся на взаимность и уже объяснился съ нею, она неожиданно для всѣхъ и для себя, кажется, дала слово шестидесятилѣтнему генералъ-адъютанту. Бѣдный Ростиславъ очень грустилъ, повѣрялъ мнѣ свои мысли, чувства, жажду мщенія и разъ зашелъ такъ далеко, что предложилъ мнѣ жениться на мнѣ, лишь бы доказать Ольгѣ, что онъ и не думаетъ больше о ней. Я расхохоталась, поблагодарила его за завидную роль, которую въ своей запальчивости онъ возлагалъ на меня; онъ тоже расхохотался, поцаловалъ у меня руку и мы навсегда остались друзьями.

Когда я разсказала Дарьѣ Михайловнѣ эту шутку, иначе я никогда не смотрѣла на нее, она назвала меня дурой, изъясняя, что вотъ именно такъ и ловятъ жениховъ, а я напротивъ, выпускаю ихъ изъ рукъ. Вообще она очень была расположена къ Ростиславу и ухаживала за нимъ (отецъ его, министръ юстиціи, былъ начальникомъ дяди), но одинъ разъ она не на шутку разсердилась на него: онъ обѣдалъ у насъ и не сѣлъ играть съ нею въ карты, отговорясь тѣмъ, что ѣдетъ во французскій театръ и усѣлся подлѣ меня у рабочаго столика. Нѣсколько разъ тетка напоминала ему, что пора ѣхать въ театръ. «Я не хочу видѣть первую пьесу», отвѣчалъ онъ, я ее давно знаю.

— Что даютъ? спросила я.

— Ma tante Aurore et la fausse Agnès; certes si je viens, ce n'est pas pour la *tante* mais bien pour la *nièce*.

Тетка вспылила и очень грозно возразила: «однакожъ, можно

быть поучтивѣе къ хозяйкѣ дома». Но какъ же взбѣсилась она, когда маленькій С. въ своемъ глупомъ собраніи анекдотовъ, помѣстилъ и этотъ, а за умъ одного и глупость другого мнѣ же досталось и я порядочно поплатилась за нескромность издателя-грабителя.

Въ эту зиму были блистательные балы у генералъ-адъютанта Депрерадовича [1]), иногда даже удостоивался онъ посѣщеніемъ в. к. Михаила Павловича. Его высочество изволило меня замѣтить и отличить отъ другихъ сказавъ: «elle est charmante, elle a des manières si distinguées».

Никогда тетка не была такъ нѣжна ко мнѣ, какъ въ этотъ вечеръ, безпрестанно подбѣгала поправлять волосы, цвѣты, словомъ суетилась много, вѣроятно для того, чтобъ и ее замѣтилъ великій князь.

Когда же мы возвратились домой, она стала хвалить, превозносить меня, по обыкновенію приговаривая: «а всѣмъ, рѣшительно всѣмъ ты мнѣ обязана, я одна тебя воспитала, тебя образовала, вотъ и пошла въ люди; еслибы не я, ты бы пропала какъ былиночка» (любимое сравненіе Марьи Васильевны).

Въ маѣ мѣсяцѣ тетка опять собралась въ Велижъ, а меня отправила въ Москву къ Прасковьѣ Васильевнѣ.

Я рада была отдохнуть отъ постояннаго невидимаго, но разсчитаннаго гоненія моей благодѣтельницы.

Прасковья Васильевна приняла меня ласково. Зная необузданный характеръ сестры своей, она имѣла хотя поверхностное понятіе о моей мученической жизни, старалась меня ободрить и утѣшить, даже обѣщала письменно заступиться за меня, дать мнѣ что-то въ родѣ *аттестата* и растолковать сестрѣ, что ужъ я не ребенокъ.

Въ это самое время вошло въ моду заведеніе московскихъ искусственныхъ водъ. Прасковьѣ Васильевнѣ предписалъ докторъ пить какую-то воду; само собой разумѣется, что я всегда была готова сопровождать ее, какъ бы поздно ни легла наканунѣ, только бы не пропустить случая поглазѣть на толпу и себя показать. Несмотря на мое почти не учтивое равнодушіе къ московскимъ франтамъ, архивнымъ юношамъ и студентамъ, рой ихъ увивался около меня. Ни одного имени, ни одной физіономіи тогдашнихъ моихъ поклонниковъ не осталось въ моей памяти, одинъ только Николай А. зажился въ ней и то потому, что разъ за него мнѣ жутко пришлось отъ Прас-

[1]) Бывшаго командиромъ кавалергардскаго полка.

ковьи Васильевны. Какъ-то разъ за ужиномъ у тетки моей Хитрово, онъ мнѣ декламировалъ памфлетъ на водяное общество и умолялъ меня не выдавать его. «Я буду нѣма, какъ рыба», отвѣчала я.

Возвратясь домой, Прасковья Васильевна ужасно разбранила меня за это сравненіе. «Нѣма какъ рыба», повторяла она, расхаживая по комнатѣ, съ поникшею головой и опущенными руками; «да какъ ты могла такъ выразиться? что онъ о тебѣ подумаетъ! откуда ты набралась такихъ сравненій? она сравниваетъ себя съ рыбкой! Какъ это мило, какъ благопристойно!»

Съ этого вечера, тетка запретила мнѣ пускаться въ длинныя разсужденія съ А. и даже танцовать съ нимъ; какъ ни представляла я ей, что не онъ, а сама я сравнила себя съ рыбой, все было напрасно и запрещеніе не снято. Что́ же придумала я? я очень близорука, но Прасковья Васильевна въ сравненіи со мною просто слѣпа, и какъ ни сильны стекла ея лорнета, онъ ей такъ же полезенъ, какъ пятое колесо каретѣ, и вотъ на ея глазахъ, нисколько не стѣсняясь, я по три, по четыре танца въ вечеръ танцовала съ А. и когда, бывало, она подзоветъ меня къ себѣ и сдѣлаетъ узаконенный вопросъ: «съ кѣмъ ты танцуешь, душенька»? я не запинаясь, аккуратно всякій разъ давала своему неизмѣнному кавалеру другую фамилію; то величала его Ивановымъ, то производила въ Александровы, Платоновы, Ѳедоровы, однимъ словомъ весь календарь перешелъ въ его имя и она, вперя въ него свой тусклый взоръ и безполезный лорнетъ, говорила съ добродушной улыбкой: «онъ кажется очень порядочнымъ, какая разница съ этой дрянью А.»! А я, возвратясь къ нему и помирая со смѣха, поздравляла его съ лестной перемѣной мнѣнія о немъ тетки и съ новой его фамиліей.

Да, нечего сказать, была я вѣтрена и неосторожна, но меня такъ несправедливо угнетали и притѣсняли дома, что вырываясь на божій свѣтъ я веселилась, какъ сумасшедшая и подсмѣивалась надъ своими Аргусами. Я воображала, что этимъ нашла вѣрное средство изобличать ихъ фальшивое обращеніе со мною, не размышляя, повредитъ ли мнѣ самой или нѣтъ моя необдуманность. А вѣдь мнѣ все равно доставалось дома: была ли я весела — я кокетничала; задумчива — я прикидывалась несчастной, загнанной; пусть же повеселюсь, говорила я себѣ, да къ тому же посмѣюсь надъ ними.

IV.

Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ. — Наружность его. — Его характеръ. — Шутки и забавы надъ нимъ. — Первыя стихотворенія Лермонтова, посвященныя мнѣ. — Путешествіе на богомолье въ Троицкую Сергіеву лавру. — Слѣпой нищій и стихи Лермонтова. — Разговоръ о будущности поэта. — Экспромты и эпиграммы Лермонтова. — Любовь и ревность. — Разлука. — 1830 г.

Въ Москвѣ я свела знакомство, а вскорѣ и дружбу съ Сашенькой Верещагиной [1]). Мы жили рядомъ на Молчановкѣ и почти съ первой встрѣчи сдѣлались неразлучны; на водахъ, на гуляньѣ, въ театрѣ, на вечерахъ, вездѣ и всегда вмѣстѣ. Александръ А. ухаживалъ за нею, а братъ его Николай за мною и мы шутя называли другъ друга belle soeur.

Меня охотно къ ней отпускали, но не для моего удовольствія, а по разсчету: ее хотѣли выдать замужъ за одного изъ моихъ дядей — вдовца, съ тремя почти взрослыми дѣтьми, и всякій разъ, отпуская меня къ ней, приказывали и просили расхваливать дядю и намекать ей о его любви.

Онъ для своихъ лѣтъ былъ еще хорошъ собою, любезенъ посвоему, то есть шутникъ (чего я никогда не терпѣла ни въ комъ) и всячески старался плѣнить Сашеньку, слывшую богатой невѣстой, но обѣ мы трунили надъ старикомъ, какъ говорится, водили его за носъ, обѣ мы давали ему несбыточныя надежды на успѣхъ, она изъ кокетства, а я изъ опасенія, чтобъ меня не разлучили съ ней, и мы сообща всѣ проволочки, всѣ сомнѣнія, всѣ замедленія, сваливали на безсловесную старушку, мать ея.

У Сашеньки встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати, или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но ученыя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель и я также, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

Одинъ разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Сашенькой въ ея кабинетѣ, какъ вдругъ она сказала мнѣ: «какъ Лермонтовъ влюбленъ въ тебя»!

---

[1]) Нынѣ замужемъ за барономъ Гюгелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ королевствѣ Виртембергскомъ.

— Лермонтовъ! да я не знаю его и, что всего лучше, въ первый разъ слышу его фамилію.

— Перестань притворяться, перестань скрытничать, ты не знаешь Лермонтова? ты не догадалась, что онъ любитъ тебя?

— Право, Сашенька, ничего не знаю и въ глаза никогда не видала его, ни на яву, ни во снѣ.

— Мишель, закричала она, поди сюда, покажись, Catherine утверждаетъ, что она тебя еще не разсмотрѣла, иди-же скорѣе къ намъ.

— Васъ я знаю, Мишель, и знаю довольно, чтобъ долго помнить васъ, сказала я вспыхнувшему отъ досады Лермонтову, но мнѣ ни разу не случилось слышать вашу фамилію, вотъ моя единственная вина, я считала васъ по бабушкѣ Арсеньевымъ.

— А его вина, подхватила немилосердно Сашенька, это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нихъ, а онѣ даже и не позаботятся освѣдомиться объ его имени.

Мишель разсердился и на нее и на меня и опрометью побѣжалъ домой (онъ жилъ почти противъ Сашеньки); какъ мы его ни звали, какъ ни кричали ему въ окно:

Revenez donc, tantôt
Vous aurez du bonbon,

но онъ не возвращался. Прошло нѣсколько дней, а о Мишелѣ ни слуху, ни духу; я о немъ не спрашивала, мнѣ о немъ ничего не говорила Сашенька, да и я не любопытствовала разузнавать, дуется-ли онъ на меня или нѣтъ [1]).

День ото дня Москва пустѣла, всѣ разъѣзжались по деревнямъ и мы; слѣдуя за общимъ полетомъ, тоже собирались въ подмосковную, куда я стремилась съ нетерпѣніемъ, — такъ прискучили мнѣ однообразныя веселости Бѣлокаменной. Сашенька уѣхала уже въ деревню, которая находилась въ полутора верстахъ отъ нашего Большакова, а тетка ея Столыпина жила отъ насъ въ трехъ верстахъ, въ прекрасномъ своемъ Средниковѣ; у нея гостила Елизавета Алексѣевна Арсеньева съ внукомъ своимъ Лермонтовымъ. Такое пріятное сосѣдство сулило мнѣ много удовольствія, и на этотъ разъ я не ошиблась. Въ деревнѣ я наслаждалась полной свободой, Сашенька и я по нѣскольку разъ въ день ѣздили и ходили другъ къ другу, каждый день выдумы-

[1]) Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя о М. Ю. Лермонтовѣ. Онъ родился въ Москвѣ 3 октября 1814 г.; потерялъ мать въ 1817 г. и на третьемъ году жизни, оставшись сиротой, взятъ на воспитаніе бабушкой своей Е. А. Арсеньевой (рожд. Столыпиной). Съ 1826 по 1832 г. Лермонтовъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ московскомъ университетѣ.

вали разныя parties de plaisir: катанья, кавалькады, богомолья, то-то было мнѣ раздолье!

Въ это памятное для меня лѣто, я ознакомилась съ чудными окрестностями Москвы, побывала въ Сергіевской Лаврѣ, въ Новомъ Іерусалимѣ, въ Звенигородскомъ монастырѣ. Я всегда была набожна, и любимымъ моимъ воспоминаніемъ въ прошедшемъ остались эти религіозныя поѣздки, но впослѣдствіи примѣшалось къ нимъ и освѣтило ихъ и увѣковѣчило ихъ въ памяти сердца другое милое воспоминаніе, но объ этомъ послѣ...

По воскресеньямъ мы ѣзжали къ обѣднѣ въ Средниково и оставались на цѣлый день у Столыпиной. Въ чужѣ отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бѣдная, она пережила всѣхъ своихъ и одинъ Мишель остался ей утѣшеніемъ и подпорою на старость; она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него; бабушка (мы всѣ ее такъ звали) любила очень меня, я предсказывала ей великаго человѣка въ косолапомъ и умномъ мальчикѣ.

Сашенька и я точно мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ бывало по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія. Хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда, какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сентиментальныя сужденія! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться не понятымъ и не оцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ. Еще очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ не разборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что пожалуй онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками! и что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель не поморщась проглотилъ одну булочку,

принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ тоже время на неудобосваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ.

Между тѣмъ, его каникулы приходили къ концу и Елизавета Алексѣевна собиралась уѣхать въ Москву, не рѣшаясь разстаться съ своимъ Веньяминомъ. Вся молодежь и я въ томъже числѣ, отпросились провожать бабушку съ тѣмъ, чтобъ изъ Москвы отправиться пѣшкомъ въ Сергіевскую Лавру.

Наканунѣ отъѣзда я сидѣла съ Сашенькой въ саду; къ намъ подошелъ Мишель. Хотя онъ все еще продолжалъ дуться на насъ, но предстоящая разлука смягчила гнѣвъ его; обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ вдругъ опрометью убѣжалъ отъ насъ. Сашенька пустилась за нимъ, я тоже встала и тутъ увидѣла у ногъ своихъ не очень щегольскую бумажку, подняла ее, развернула, движимая наслѣдственнымъ любопытствомъ прародительницы. Это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мнѣ такимъ оригинальнымъ образомъ.

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ-ли твой волшебный взоръ —
Не билось сердце у меня.
И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно можетъ быть
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.
Къ чему-жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! Зачѣмъ страдать?
Однакоже хоть день, хоть часъ
Желалъ бы дольше [1]) здѣсь пробыть
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить [2]).

Середниково
12 августа 1830 года.

---

[1]) Въ изд. 1860 г. напечатано: «больше».

[2]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова стихотвореніе это напечатано въ т. II, стр. 35.

Я показала стихи возвратившейся Сашенькѣ и умоляла ее не трунить надъ отрокомъ-поэтомъ.

На другой день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Лермонтовъ ни разу не взглянулъ на меня, не говорилъ со мною, какъ будто меня не было между ними, но не успѣла я войти въ Сашенькину комнату, какъ мнѣ подали другое стихотвореніе отъ него. Насмѣшкамъ Сашеньки не было конца, за то, что мнѣ дано свыше вдохновлять и образовывать поэтовъ.

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!.. вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла;
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

* * *

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла,
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

* * *

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

* * *

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю [1])!

Средниково
12 августа.

На слѣдующій день, до восхожденія солнца, мы встали и бодро отправились пѣшкомъ на богомолье; путевыхъ приключеній не было, всѣ мы были веселы, много болтали, еще болѣе смѣялись, а чему? Богъ знаетъ! Бабушка ѣхала впереди шагомъ, верстъ за пять до ночлега или до обѣденной станціи отправляли передового приготовлять заранѣе обѣдъ, чай или по-

[1]) Стихотвореніе это подъ заглавіемъ: «Благодарность» напечатано въ изданіи: Сочиненія Лермонтова, 1860 г. т. II, стр. 85—86.

стели, смотря по времени. Чудная эта прогулка останется навсегда золотымъ для меня воспоминаніемъ.

На четвертый день мы пришли въ Лавру, изнуренные и голодные. Въ трактирѣ мы перемѣнили запыленныя платья, умылись и поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти встрѣтили мы слѣпого нищаго. Онъ дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку, всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звукъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: «пошли вамъ Богъ счастія, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!»

Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобъ пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда, одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ и принимаясь за ботвинью. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой, сѣлъ на оставшійся стулъ противъ меня и передалъ мнѣ ново-вышедшіе изъ-подъ его карандаша стихи:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой,
Отъ глада, жажды и страданья.

* * *

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

* * *

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою! [1])

«Благодарю васъ, monsieur Michel, за ваше посвященіе и поздравляю васъ, съ какой скоростью изъ самыхъ ничтожныхъ

[1]) Стихотвореніе это, безъ заглавія, напечатано въ изд. сочиненій Лермонтова. Спб. 1860 г. т. II, стр. 86—87.

словъ вы извлекаете милые экспромты, но не разсердитесь за совѣтъ: обдумывайте и обработывайте ваши стихи и со временемъ тѣ, которыхъ вы воспоете, будутъ гордиться вами».

— И сами собой, подхватила Сашенька, особливо первыя, которыя внушили тебѣ такія поэтическія сравненія. Браво, Мишель!

Лермонтовъ какъ будто не слышалъ ее и обратился ко мнѣ:

— А вы, будете ли гордиться тѣмъ, что вамъ первой я посвятилъ свои вдохновенія?

— Можетъ быть болѣе другихъ, но только со временемъ, когда изъ васъ выйдетъ настоящій поэтъ, и тогда я съ наслажденіемъ буду вспоминать, что ваши первыя вдохновенія были посвящены мнѣ, а теперь, monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного; я знаю, какъ вы самолюбивы и потому даю вамъ этотъ совѣтъ, за него вы со временемъ будете меня благодарить.

— А теперь еще вы не гордитесь моими стихами?

— Конечно нѣтъ, сказала я смѣясь, а то я была бы похожа на тѣхъ матерей, которые въ первомъ лепетѣ своихъ птенцовъ находятъ и умъ, и смѣтливость, и характеръ, а согласитесь, что и вы и стихи ваши еще въ совершенномъ младенчествѣ.

— Какое странное удовольствіе вы находите такъ часто напоминать мнѣ, что я для васъ болѣе ничего, какъ ребенокъ.

— Да вѣдь это правда; мнѣ восемнадцать лѣтъ, я уже двѣ зимы выѣзжаю въ свѣтъ, а вы еще стоите на порогѣ этого свѣта и не такъ-то скоро его перешагнете.

— Но когда перешагну, подадите ли вы мнѣ руку помощи?

— Помощь моя будетъ вамъ лишняя и мнѣ сдается, что вашъ умъ и талантъ проложатъ вамъ широкую дорогу и тогда вы, можетъ быть, отречетесь не только отъ теперешнихъ словъ вашихъ, но даже и отъ мысли, чтобъ я могла протянуть вамъ руку помощи.

— Отрекусь! какъ можетъ это быть! Вѣдь я знаю, я чувствую, я горжусь тѣмъ, что вы внушили мнѣ любовью вашей къ поэзіи, желаніе писать стихи, желаніе ихъ вамъ посвящать и этимъ обратить на себя ваше вниманіе; позвольте мнѣ довѣрять вамъ все, что выльется изъ-подъ пера моего?

— Пожалуй, но и вы разрѣшите мнѣ говорить вамъ непріятное для васъ слово: благодарю?

— Вотъ вы и опять надо мной смѣетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелѣпы, — ихъ надо передѣлать, особливо въ послѣднемъ куплетѣ, я долженъ бы былъ молить васъ совсѣмъ о другомъ, передѣлайте же его сами не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда я пойму всю прелесть благодарности.

Онъ такъ на меня посмотрѣлъ, что я вспыхнула и не находя, что отвѣчать ему, обратилась къ бабушкѣ съ вопросомъ: какую карьеру изберетъ она для Михаила Юрьевича?

— А какую онъ хочетъ, матушка, лишь бы не былъ военнымъ.

Послѣ этого разговора я перемѣнила тонъ съ Лермонтовымъ, часто называла его Михаиломъ Юрьевичемъ, чему онъ очень радовался, слушала его разсказы, просила его читать мнѣ вслухъ и лишь тогда только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ бывало, увлекшись разговоромъ, съ жаромъ говорилъ, какъ сладостно любить въ первый разъ и что ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ сердца образъ первой страсти, первыхъ вдохновеній. Тогда я очень серьезно спрашивала у Лермонтова, есть ли этому предмету лѣтъ десять и умѣетъ ли предметъ его вздоховъ читать хотя по складамъ его стихи?

Послѣ возвращенія нашего въ деревню изъ Москвы, прогулки, катанья, посѣщенія въ Средниково снова возобновились, все пошло по старому, но нельзя было не сознаться, что Мишель оживлялъ всѣ эти удовольствія и что безъ него не жилось такъ весело, какъ при немъ.

Онъ писалъ Сашенькѣ длинныя письма, обращался часто ко мнѣ съ вопросами и сужденіями и забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ Фее и для отличія называлъ одного Fé-nez-long, а другого Fé-nez-court; бѣдный Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ переслалъ мнѣ слѣдующіе стихи, достойные даже и теперь его имени:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ (и проч.)

О, какъ я обрадовалась этимъ стихамъ, какая разница съ тремя первыми его произведеніями, въ этомъ ужъ просвѣчивалъ геній.

Сашенька и я, мы первыя преклонились предъ его талантомъ и пророчили ему, что онъ станетъ выше всѣхъ его современниковъ; съ этихъ поръ я стала много думать о немъ и объ его грядущей славѣ.

Въ Москвѣ тогда въ первый разъ появилась холера, всѣ перепугались, принимая ее за что-то въ родѣ чумы. Страхъ заразителенъ, вотъ и мы и сосѣди наши побоялись оставаться долѣе въ деревнѣ и всѣмъ караваномъ перебрались въ городъ, слѣдуя вѣроятно пословицѣ: на людяхъ смерть красна.

Бабушку Арсеньеву нашли въ горѣ; — ей только что объявили о смерти брата ея Столыпина, который служилъ въ персидскомъ посольствѣ и былъ убитъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ.

Прасковья Васильевна была сострадательна и охотно навѣщала больныхъ и тѣхъ, которые горевали и плакали. Я всегда была готова ее сопровождать къ бѣдной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, поговорить съ Лермонтовымъ и повидаться съ Сашенькой и Дашенькой С., только что вышедшей замужъ. Я давно знала Дашеньку; она была двумя годами старше меня; я любила ее за ея доброту и наивность. Много ей бывало доставалось отъ насъ; она уже разъ была помолвлена за какого-то сосѣда по деревнѣ и была съ нимъ въ перепискѣ, а когда Катенька К., Додо[1]) и я просили ее показать намъ ея письма къ жениху и научить насъ, какъ пишутся такія письма, она очень откровенно призналась, что мать ея ихъ сочиняетъ, а она только старается ихъ безъ ошибокъ переписывать.

Свадьба эта разстроилась и теперь Дашенька была замужемъ за человѣкомъ почти втрое старше ея и очень гордилась многочисленными взрослыми племянниками и племянницами, дарованными ей этимъ неравнымъ бракомъ. Она требовала отъ нихъ предупредительности, почтенія, лобызанія ручекъ, а они, и я съ ними, безъ милосердія надъ нею подсмѣивались. Одинъ разъ, при ней, Лермонтовъ читалъ вслухъ «Кавказскаго Плѣнника»; Дашенька слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, когда-же онъ произнесъ:

Къ ея постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной.

Она вскричала со слезами на глазахъ: «чудесно, превосходно' ахъ, зачѣмъ я не могу болѣе этого сказать»! Мы всѣ расхохотались и какъ ни были мы невинны, мы понимали чутьемъ, что Даша клеветала на себя, бѣдная. Всякій вечеръ послѣ чтенія затѣвались игры, но не шумныя, чтобъ не обезпокоить бабушку. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ въ стихахъ или въ прозѣ, что нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоры. Онъ началъ съ Сашеньки:

---

[1]) Этой Додо Лермонтовымъ написано въ 1830 г. стихотвореніе, напечатанное въ изд. 1860 г. т. II, стр. 76.—«Додо» было уменьшительное имя графини Евдокіи Петровны Ростопчиной, рожд. Сушковой.

«Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже,
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все тоже».

Мы всѣ ободрили à propos и были одного мнѣнія съ Мишелемъ.

Потомъ дошла очередь до меня. У меня чудные волосы и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенные въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову.

«Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи».

Мишель, почтительно поклонясь Дашенькѣ, сказалъ:

«Ужъ ты чего не говори,
Моя почтенная Darie,
Къ твоей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной».

Къ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ и глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant vous n'êtes point Jean Jacques Rousseau.

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по Чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну хорошо, дайте листокъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо, онъ началъ:

«Три граціи......

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула: «Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, я правды хочу».

— Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

«Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы,... все три, а не четыре!»

За такую сцену можно бы было платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean Jacques, все представляло комическую картину.....

Я до сихъ поръ не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нѣтъ.

Я упрекнула его, что для такого случая онъ не потрудился выдумать ничего для меня, а заимствовался у Пушкина.

— И вы напрашиваетесь на правду? спросилъ онъ.

— И я, потому что люблю правду.

— Подождите до завтрашняго дня. Рано утромъ мнѣ подали обыкновенную сѣренькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и съ надписью: «Ей, правда».

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей,
Гляжу: природа молодѣетъ,
Не молодѣть [1]) лишь только ей.
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ годами время унесетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ! [2])

Внизу очень мелко было написано карандашемъ, какъ будто противуядіе этой ѣдкой, по его мнѣнію, правдѣ:

Зови надежду—сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови.
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего,
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того! [3])

---

[1]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170 напечатано: «но молодѣть».

[2]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170—171 стихотвореніе это напечатано подъ тремя звѣздочками, въ отдѣлѣ 1830—1831 гг.

[3]) Въ изданіи 1860 г. т. II, стр. 87.

Онъ непремѣнно добивался моего сознанія, что правда его была мнѣ непріятна.

— Отчего же, сказала я, это неоспоримая правда, въ ней нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни обиднаго, ни непредвидѣннаго; и вы, и я, всѣ мы состарѣемся, сморщимся, это неминуемо, если еще доживемъ; да право, я и не буду жалѣть о прекрасныхъ ланитахъ, но вѣроятно пожалѣю о вальсѣ, мазуркѣ, да еще какъ пожалѣю!

— А о стихахъ?

— У меня старые останутся, какъ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ. Но мазурка—какъ жаль, что ее не танцуютъ старушки!

— Кстати о мазуркѣ, будете ли вы ее танцовать завтра со мной у тетушки Хитровой?

— Съ вами! Боже меня сохрани, я слишкомъ стара для васъ, да къ тому же, на всѣ длинные танцы у меня есть петербургскій кавалеръ.

— Онъ долженъ быть уменъ и милъ?

— Ну, точно смертный грѣхъ.

— Разговорчивъ?

— Да, имѣетъ большой навыкъ извиняться, въ каждомъ турѣ оборветъ мнѣ платье шпорами или наступитъ на ноги.

— Не умѣетъ ни говорить, ни танцовать; стало быть, онъ тронулъ васъ своими вздохами, страстными взглядами?

— Онъ такъ косъ, что не знаешь, куда онъ глядитъ и пыхтитъ на всю залу.

— За что же ваше предпочтеніе? Онъ богатъ?

— Я объ этомъ не справлялась, я его давно знаю, но въ Петербургѣ я съ нимъ ни разу не танцовала, здѣсь другое дѣло, онъ конногвардеецъ, а не студентъ и не архивецъ.

И въ самомъ дѣлѣ я имѣла неимовѣрную глупость прозѣвать съ этимъ конногвардейцемъ десять мазурокъ сряду, для того только, чтобъ мнѣ позавидовали московскія барышни. Извѣстно, какъ онѣ дорожатъ нашими гвардейцами; но на балѣ, данномъ въ собраніи по случаю пріѣзда в. к. Михаила Павловича, онъ чуть меня не уронилъ и я такъ на него разсердилась, что отказала на отрѣзъ мазурку и замѣнила его возвратившимся изъ деревни А., котораго для этого торжественного случая представили оффиціально Прасковьѣ Михайловнѣ подъ фирмою петербургскаго жителя и камеръ-юнкера.

Его высочество меня узналъ, танцовалъ со мною, въ мазуркѣ тоже выбиралъ два раза и смѣясь спросилъ, не забыла ли я Пестеля [1])?

---

[1]) Молодой человѣкъ, ухаживавшій за Е. А. въ петербургскомъ свѣтѣ.

Когда Лермонтову Сашенька сообщила о моихъ тріумфахъ въ собраніи, о шуткахъ великаго князя на счетъ Пестеля, я принуждена была разсказать имъ для поясненія о прежнемъ моемъ знакомствѣ съ Пестелемъ и его ухаживаніяхъ. Мишель то блѣднѣлъ, то багровѣлъ отъ ревности и вотъ какъ онъ выразился:

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней.
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, — какъ прошлый часъ
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подъ часъ:
«Я не могу любить другой!»
Но если первыя мечты
Служить не могутъ больше намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю —
А можетъ быть и въ небесахъ! [1])

Я не видала Лермонтова съ недѣлю, онъ накопилъ множество причинъ дуться на меня, онъ дулся за Пестеля, дулся кажется даже и за великаго князя, дулся за отказъ мазурки, а болѣе всего за то, что я безъ малѣйшей совѣсти хвасталась своими волосами. За ужиномъ у тетки Хитровой, я побилась объ закладъ съ добрымъ старичкомъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, о пудѣ конфектъ, за то, что у меня нѣтъ ни одного фальшиваго волоска на головѣ, и вотъ послѣ ужина всѣ барышни, въ надеждѣ уличить меня, принялись трепать мои волосы, дергать, мучить, колоть, я со спартанской твердостью вынесла всю эту пытку и предстала обществу покрытая съ головы до ногъ моей чудной косой. Всѣ ахали, всѣ удивлялись, одинъ Мишель пробормоталъ сквозь зубы: «какое кокетство!»

— Скажите лучше: какая жадность! Вѣдь дѣло идетъ о пудѣ конфектъ; утѣшьтесь, я подѣлюсь съ вами.

---

[1]) Въ изд. соч. Лермонтова, 1860 г. т. II, стр. 87—88.

Насущные стихи, на другой день, грозно предвѣщали мнѣ будущее.

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ пол-міромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты!
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена [1]).

Вечеромъ я получила записку отъ Сашеньки: она приглашала меня къ себѣ и умоляла меня простить раскаявающагося грѣшника и, въ доказательство истиннаго раскаянія, присылала новые стихи:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ грусть — мой мрачный властелинъ
Все будитъ старину,
И я твержу вездѣ одинъ:
«Люблю тебя, люблю!»
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Минувшимъ я гонимъ.
И гдѣ бъ ни вздумалъ я искать
Подъ небомъ тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
«Люблю ее одну» [2]).

Я отвѣчала Сашенькѣ, что записка ея для меня загадочна, что передо мной никто не виноватъ, ни въ чемъ не провинился и слѣдовательно мнѣ некого прощать.

На другой день я сидѣла у окошка, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ упалъ букетъ изъ желтаго шиповника, а въ серединѣ

---

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 88—89.

[2]) Въ изд. 1860 г., мы не нашли этого стихотворенія.

торчала знакомая сѣрая бумажка, даже и шиповникъ-то былъ тихонько нарванъ у насъ въ саду.

Передо мной лежитъ листокъ
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать—какъ ужъ страдалъ! [1])

Изо всѣхъ поступковъ Лермонтова видно, какъ голова его была набита романическими идеями и какъ рано было развито въ немъ желаніе попасть въ герои и губители сердецъ. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться, стала скрывать отъ Сашеньки его стихи и блаженствовала, когда мнѣ удавалось ее обмануть.

Въ то время былъ публичный экзаменъ въ университетскомъ пансіонѣ. Мишель за сочиненія и успѣхи въ исторіи получилъ первый призъ, весело было смотрѣть, какъ онъ былъ счастливъ, какъ торжествовалъ. Зная его чрезмѣрное самолюбіе, я ликовала за него. Съ молоду его грызла мысль, что онъ дуренъ, нескладенъ, не знатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное, никому въ этомъ не быть обязану кромѣ самого себя. Мечты его уже начали сбываться, долго, очень долго будетъ его имя жить въ русской литературѣ — и до гроба въ сердцахъ многихъ изъ его поклонницъ [2]).

Въ концѣ сентября, холера еще болѣе свирѣпствовала въ Москвѣ; тутъ окончательно ее приняли за чуму или общее отравленіе; страхъ овладѣлъ всѣми, балы, увеселенія прекратились, половина города была въ траурѣ, лица вытянулись, всѣ были въ ожиданіи горя или смерти, Лермонтовъ отъ этой тревоги вовсе не похорошѣлъ.

Отецъ мой прискакалъ за мною, чтобъ увезти меня изъ зачумленнаго города въ Петербургъ. Болѣе всего мнѣ было грустно, разставаться съ Сашенькой, а главное, я привыкла къ золотой волюшкѣ, привыкла располагать своимъ временемъ — и вотъ

---

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова т. II, стр. 89.

[2]) Эти строки писаны въ 1837 году, т. е. еще тогда, когда Лермонтовъ былъ живъ и имя его уже славилось во всей грамотной Россіи.

опять должна возвратиться подъ тяжелое ярмо Марьи Васильевны. Съ неимовѣрною тоскою простилась я съ бабушкой Прасковьей Петровной (это было мое послѣднее прощаніе съ ней), съ Сашенькой, съ Мишелемъ, грустно, тяжело было мнѣ! Не успѣла я зайти къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой, что было поводомъ къ слѣдующимъ стихамъ:

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ, я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать,
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать.... вспоминать! [1])

1-го октября
1830 г.

Когда я уже усѣлась въ карету и дверцы захлопнулись, Сашенька бросила мнѣ въ окно вмѣстѣ съ цвѣтами и конфектами, исписанный клочекъ бумаги,—не помню я стиховъ вполнѣ:

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ съ ея прекрасныхъ глазъ,
И можетъ быть.... какъ знать.... въ послѣдній разъ!

---

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 89.

ДУХОВНЫЕ ХРИСТІАНЕ.

Люди божіи, русская секта такъ-называемыхъ духовныхъ христіанъ. Изслѣдованіе э.-профессора церковной исторіи въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, И. Добротворскаго. Казань, 1869.

Изслѣдованіе г. Добротворскаго о «людяхъ божіихъ» есть довольно важный вкладъ въ нашу литературу о народныхъ ересяхъ. «Люди божіи», иначе «хлысты», составляютъ обширный отдѣлъ той народной ереси, которая стремится вообще къ «духовному христіанству», не удовлетворяясь существующими формами церковнаго христіанства. Въ этихъ ученіяхъ авторъ находитъ вообще два главные разряда. Къ одному принадлежатъ «люди божіи» и, близкіе къ нимъ по главнымъ основаніямъ ученія, скопцы; ко второму — духоборцы и молокане. И тѣ и другіе не признаютъ церковныхъ ученій и обрядности; но первые вмѣсто того имѣютъ много своихъ религіозныхъ обрядовъ, и «признаютъ *единство* или *тождество* Христа съ нѣкоторыми избранниками божіими и откровеніе Христа въ такихъ избранникахъ», — люди божіи прямо и называютъ подобныхъ руководителей своихъ христами, при которыхъ бываютъ также богородицы и также апостолы; вторые, т. е. духоборцы и молокане, по словамъ г. Добротворскаго, «признавая внутреннее постоянное дѣйствованіе Христа и св. Духа въ душѣ вѣрующаго, утверждаютъ только *равенство* или возвышеніе нѣкоторыхъ избранниковъ до степени равенства со Христомъ». Всѣ другія секты духовнаго христіанства, какія извѣстны подъ различными названіями, по мнѣнію автора, составляютъ только видоизмѣненія этихъ четырехъ.

Сущность ученія «людей божіихъ», по опредѣленію автора, состоитъ въ убѣжденіи, что человѣкъ посредствомъ разныхъ спо-

собовъ богоугожденія, называемыхъ ими «таинственною смертью», доходитъ до состоянія «таинственнаго воскресенія», когда въ него вселяется и дѣйствуетъ въ немъ самъ Богъ. При этомъ люди божіи не различаютъ лицъ св. Троицы. Въ первыя времена ереси такіе избранники большей частью называли себя христами, не различая себя отъ лица І. Христа; съ конца прошлаго столѣтія они чаще представляютъ себя пророками, которые говорятъ и дѣйствуютъ силой св. Духа, но которые впрочемъ могутъ сдѣлаться и настоящими христами. Люди божіи не касаются только лица Бога Отца, который живетъ въ свѣтѣ неприступномъ; но и онъ, по ихъ мнѣнію, однажды сходилъ на землю для возстановленія истинной вѣры и жилъ между людьми подъ именемъ Данилы Филипыча, съ котораго и начинается исторія людей божіихъ [1]).

Книга г. Добротворскаго заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла. Въ первомъ излагаются историческія свѣдѣнія о сектѣ людей божіихъ; во второмъ объясняется составъ ихъ общества и описываются ихъ обряды; въ третьемъ излагается ихъ ученіе, и наконецъ въ послѣднемъ помѣщены ихъ пѣсни, съ различными объясненіями. Говоря вообще, книга г. Добротворскаго сообщаетъ не мало важнаго матеріала для объясненія народнаго «духовнаго христіанства», которое въ послѣднее время обратило на себя особенное вниманіе. Таковы нѣкоторыя данныя объ исторіи людей божіихъ, — хотя она далеко не полна (напр. гораздо подробнѣе она передается въ статьяхъ «Р. Вѣстника» 1868), — въ особенности объ ихъ ученіи, и наконецъ пѣсни, которыя въ первый разъ являются напечатанными въ такомъ обширномъ выборѣ. Но при всей цѣнности матеріала, въ самомъ «изслѣдованіи» г. Добротворскаго есть слабыя стороны, на которыхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться въ интересѣ дѣла, потому что они составляютъ слишкомъ обыкновенный недостатокъ бòльшей части изслѣдованій о расколѣ. Это — во-первыхъ, недостатокъ яснаго общаго представленія о сущности предмета, что̀ отражается и на частныхъ выводахъ и заключеніяхъ; во-вторыхъ, это — недостатокъ безпристрастія, странно-враждебное отношеніе къ предмету изслѣдованія, меньше похожее на науку, и больше на полицейское слѣдствіе.

Источники, которыми пользовался авторъ изслѣдованія, были

---

[1]) Стр. 5—6. Этотъ Данила Филиповъ, называвшій себя Саваоѳомъ, и его ученикъ, Иванъ Тимоѳеевъ Сусловъ, называвшій себя Христомъ, были первые распространители ученія, съ которыхъ начинаются преданія «людей божіихъ». Это первое начало ереси относится ко второй половинѣ XVII-го столѣтія.

исключительно рукописные. Это—рукописи Іакова, еп. саратовскаго, впослѣдствіи архіепископа нижегородскаго, одна о скопцахъ и хлыстахъ, другая о молоканахъ, еще одно рукописное сочиненіе подобнаго рода, два-три слѣдственныхъ дѣла, производившихся о людяхъ божіихъ, и собраніе ихъ пѣсенъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что эти источники не многимъ могутъ быть доступны, и придаетъ имъ большое значеніе, — хотя надо замѣтить, что они далеко не исключительны и не исчерпываютъ предмета; такъ авторъ не пользовался множествомъ оффиціальныхъ дѣлъ, какія были въ рукахъ другихъ изслѣдователей, а отчасти еще и никѣмъ не тронуты. Кромѣ этого, авторъ имѣлъ для своего труда еще только «нѣкоторыя небольшія записки о людяхъ божіихъ, также устные разсказы лицъ, бывшихъ въ близкихъ сношеніяхъ съ еретиками». Нельзя конечно упрекать автора, что онъ не воспользовался еще однимъ важнымъ источникомъ, который могъ бы пожалуй быть важнѣйшимъ изъ всѣхъ; это—личное знакомство съ людьми, принадлежащими сектѣ, личное наблюденіе ихъ ученія, нравовъ, обрядовъ и т. п. Этотъ источникъ могъ не быть въ распоряженіи у автора, но мы ожидали бы, что авторъ по крайней мѣрѣ оговоритъ отсутствіе этого источника,—которое на дѣлѣ отразилось невыгодно и въ самомъ изслѣдованіи. Мы упомянемъ объ этомъ дальше.

Историческая часть изслѣдованія г. Добротворскаго можетъ быть любопытна для обыкновеннаго читателя, хотя не удовлетворитъ спеціальныхъ историковъ; она ограничивается немногими указаніями, далеко не разъясняющими происхожденія и развитія секты людей божіихъ. Упомянувъ въ началѣ, что «съ самыхъ почти первыхъ временъ христіанства являлись люди, которые *не хотѣли подчиняться* церковнымъ уставамъ», авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ ересей, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ ученіями людей божіихъ, изъ первыхъ временъ христіанства и среднихъ вѣковъ, и затѣмъ приступаетъ къ русской сектѣ. «Въ половинѣ XVII-го вѣка и въ нашей православной церкви многіе *вышли изъ повиновенія іерархіи* съ злобнымъ осужденіемъ всего содержимаго церковію;... они *предались* самовольному служенію Богу, измыслили свои странные обряды богослуженія и богоугожденія», и проч. (стр. 4 — 5). Затѣмъ авторъ передаетъ, по разсказамъ людей божіихъ и другимъ историческимъ источникамъ, свѣдѣнія о Данилѣ Филипычѣ, саваоѳѣ людей божіихъ, и объ ихъ христахъ, Иванѣ Сусловѣ, Прокофьѣ Лупкинѣ и т. д., съ половины XVII-го и въ теченіи XVIII-го столѣтія. Но отчего эти люди могли вдругъ захотѣть выйти изъ повиновенія іерархіи и предаться самовольному служенію Богу,

авторъ и не пытается объяснять. Единственное предположеніе, какое онъ дѣлаетъ, состоитъ въ томъ, что ересь была занесена изъ чужихъ земель.

«Простымъ самообольщеніемъ и потомъ обольщеніемъ другихъ невозможно объяснить дѣло», — говоритъ г. Добротворскій, и дѣлаетъ слѣдующія разсужденія. «Какимъ образомъ русскому простолюдину могла придти въ голову мысль объявить себя христомъ и отвергнуть церковную обрядность въ то время, когда и образованные люди склонны были болѣе къ внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, нежели къ мистицизму? Принимая во вниманіе поразительное сходство въ главномъ ученіи людей божіихъ объ отношеніяхъ Христа и св. Духа къ вѣрующему съ вышепоказаннымъ ученіемъ и обрядами западныхъ еретиковъ — бичующихся, пляшущихъ, братьевъ свободнаго духа и квакеровъ, можно съ вѣроятностію допустить, что основатели ереси, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ. Справедливой представляется догадка одного писателя, который, разсказавши о преслѣдованіяхъ братства бичующихся въ западной Европѣ въ XIV и XV в. со стороны духовной и гражданской власти, замѣчаетъ, что сѣмена его занесены въ наши скиты изгнанною изъ Польши и Богеміи хлыстовщиною». Въ подтвержденіе этой догадки авторъ могъ привести только очень скудные аргументы; во-первыхъ, что въ лѣтописи подъ 1507 г., записано извѣстіе, что *за Краковомъ* явились обманщики, называвшіе себя одинъ—христомъ, другіе—апостолами, и что народъ крѣпко ихъ билъ, и обманъ прекратился; во-вторыхъ, что по показаніямъ одной крестьянки, принадлежавшей къ сектѣ хлыстовъ (въ 1828 г.), эта секта происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи, а послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія, и что тамъ находится главный настоятель секты. Къ этому извѣстію авторъ прибавляетъ свои соображенія, что, по словамъ Димитрія Ростовскаго, перваго христа (Суслова) считали родомъ за турченина, что Прокофій Лупкинъ участвовалъ въ азовскомъ походѣ, что Данила Филиповъ (саваоѳъ) былъ бѣглый солдатъ и т. п. «Итакъ,—заключаетъ авторъ,—должно думать, что казаки, во множествѣ поселившіеся за юго-западными предѣлами Россіи, заразились здѣсь мнѣніями западныхъ еретиковъ, и положили начало ереси людей божіихъ чрезъ людей, бывшихъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ (Суслова, Лупкина) и потомъ возвратившихся въ Россію» (стр. 24 — 27).

Все это, очевидно, очень мало объясняетъ дѣло. Связь людей божіихъ съ «западною хлыстовщиною» не доказывается ни-

сколько; авторъ называетъ такія отдаленныя явленія (бичующіеся, квакеры и т. п.), и ставитъ между ними и русской сектой такую произвольную связь, что его предположенія теряютъ всякое значеніе.

«Связь людей божіихъ съ западными мистиками замѣтна и въ слѣдующихъ вѣкахъ, до настоящаго, можно сказать, времени», продолжаетъ авторъ и находитъ эту связь въ исторіи мистическаго общества, основаннаго въ 1786 въ Авиньонѣ полякомъ Грабянкой. Это общество было однимъ изъ примѣровъ того фантастическаго мистицизма, которымъ такъ богатъ конецъ XVIII-го столѣтія; Грабянка, между прочимъ, имѣлъ нѣкоторыхъ послѣдователей и въ Петербургѣ, между масонскими мистиками, но въ сущности это была вещь, совсѣмъ чуждая русской жизни. Г. Добротворскій находитъ въ фантазіяхъ Грабянки объ его собственномъ пророческомъ достоинствѣ и о близкомъ второмъ пришествіи сходство съ ученіями людей божіихъ, и полагаетъ, что это сходство «даетъ полное право заключать о единствѣ происхожденія» авиньонскаго братства и русской секты. Авторъ забываетъ, что авиньонское братство придумано въ концѣ XVIII-го столѣтія, а русскій «саваоѳъ» явился уже въ XVII-мъ.

Наконецъ авторъ указываетъ на франкъ-масонство. «Извѣстно, что къ концу XVIII-го вѣка франкъ-масонскія идеи и общества распространились по всей Европѣ и проникли къ намъ въ Россію. У насъ также образовались общества мистиковъ и многіе были воспитаны на мистическихъ идеяхъ» и т. д. (стр. 29). Авторъ приводитъ нѣсколько мистическихъ фразъ изъ масонскихъ книжекъ и изъ писаній людей божіихъ и въ этомъ видитъ опять несомнѣнную связь, и, черезъ страницу, принимаетъ, «болѣе чѣмъ съ вѣроятностью», тотъ заключительный выводъ, что ересь людей божіихъ проникла въ Россію «чрезъ юго-западныя страны (?) отъ западныхъ мистиковъ», и что ихъ ученіе съ развитіемъ западнаго мистицизма дополнялось и развивалось и у насъ и т. д. (стр. 31).

Эти послѣднія соображенія опять до крайности произвольны. Нетрудно конечно найти сходную фразу у масонскихъ мистиковъ и у новѣйшаго, очень грамотнаго, пророка людей божіихъ, какъ Радаевъ, читавшій сочиненія г-жи «Гіонъ», — но понятно, что это сходство ничего совершенно не доказываетъ относительно происхожденія секты; это показываетъ только, что въ новѣйшее время грамотные послѣдователи ея искали себѣ для чтенія книгъ, соотвѣтствующихъ ихъ взглядамъ. Какіе «западные мистики» были начинателями секты, и черезъ какія «юго-западныя страны» шла она въ Россію, остается покрыто мракомъ неизвѣстности.

Намъ кажется, что этотъ мракъ разсѣялся бы нѣсколько, еслибъ авторъ обратилъ вниманіе на другую сторону дѣла, — именно, на самую народную среду, въ которой совершалось описываемое имъ явленіе. Онъ ни однимъ словомъ не вспомнилъ о религіозной жизни русскаго народа въ XVII-мъ столѣтіи, о тѣхъ прежнихъ религіозныхъ движеніяхъ, въ которыхъ уже не разъ многіе «выходили изъ повиновенія іерархіи» и въ которыхъ возникали и распространялись ереси, быть можетъ немногимъ менѣе своеобразныя и радикальныя, чѣмъ секта людей божіихъ. Другіе историки русскаго духовнаго христіанства, въ своихъ стараніяхъ объяснить происхожденіе ереси, считали возможнымъ ссылаться даже на древнее богомильство, и хотя они не приводили никакихъ достаточныхъ аргументовъ, на которыхъ можно было бы построить историческую связь нашихъ «духовныхъ христіанъ» съ богомилами, но въ предположеніи объ этой связи все-таки больше историческихъ вѣроятностей, чѣмъ въ ссылкахъ на какихъ-то «западныхъ мистиковъ» и на «юго-западныя страны». Въ исторіи старыхъ русскихъ сектъ, въ родѣ стригольниковъ, жидовствующихъ и т. п., въ исторіи самаго старообрядства съ его различными развѣтвленіями, авторъ нашелъ бы указанія, которыя помогли бы ему объяснить происхожденіе секты. Но если бы даже онъ затруднился опредѣлить обстоятельства, сдѣлавшія возможнымъ первое появленіе секты, передъ нимъ остается другой вопросъ, въ сущности столько-же важный, почти однозначительный: это — вопросъ объ ея распространеніи и современномъ ея существованіи въ народной массѣ. Дѣло въ томъ, что если бы мы даже признали совершенно чуждый русской жизни источникъ секты, и сложили вину ея начала и введенія къ намъ на «западныхъ мистиковъ», то и въ этомъ случаѣ является необходимость опредѣлить: почему секта могла утвердиться на русской почвѣ, — такъ какъ понятно, что она могла утвердиться здѣсь только потому, что нашла къ этому извѣстныя благопріятныя условія, встрѣтила въ умахъ готовность къ воспринятію ея ученія, обрядовъ и т. п. Другими словами, для ея распространенія, и въ настоящее время, требуются тѣ же обстоятельства народно-религіозной жизни, какія сдѣлали возможнымъ ея первое возникновеніе (изъ какого бы то ни было источника). Такимъ образомъ, объясненіе условій народно-религіозной жизни, способствующихъ сектѣ, становится неизбѣжно необходимымъ.

Къ сожалѣнію, авторъ не обратилъ на это никакого вниманія; повидимому, онъ даже и не думалъ объ этой необходимости. Между тѣмъ, сущность вопроса и заключается въ опредѣленіи религіозныхъ условій народной жизни, дающихъ сектѣ

привлекательность, и тѣхъ религіозныхъ потребностей, которыя ищутъ себѣ удовлетворенія въ ея фантастическомъ ученіи.

Для изученія подобнаго рода требуются еще иныя данныя, кромѣ тѣхъ, съ какими приступилъ къ своему изслѣдованію г. Добротворскій. Нужно совершенно спокойное научное отношеніе къ дѣлу, при которомъ изслѣдователь только и можетъ понять внутреннія побужденія, заставляющія людей «выходить изъ повиновенія іерархіи» и искать новыхъ формъ религіозности. До сихъ поръ наша литература о расколѣ была почти исключительно полемическая, обличительная, съ церковной и бюрократической точки зрѣнія. Полемисты того и другого рода не имѣли никогда спокойнаго отношенія къ предмету, — напротивъ, каждый съ своей точки зрѣнія для достиженія поставленной себѣ цѣли старался отыскать въ разбираемой отрасли раскола сколько можно больше всякихъ нарушеній божеескихъ и человѣческихъ законовъ. Съ ихъ точки зрѣнія, все это были поголовно или наглые обманщики, самозванцы, сумасброды, или люди легковѣрные до глупости. Читая многочисленныя сочиненія, существующія въ русской литературѣ и писанныя въ этомъ смыслѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ эпитеты подобнаго рода,—которые, если принимать ихъ въ полномъ ихъ значеніи, заставили бы усумниться вообще въ національныхъ способностяхъ русскаго народа. Что сказать о немъ, если такой огромный контингентъ его (раскольниковъ всякаго рода считается вообще до 11 милліоновъ) такъ испорченъ, такъ склоненъ къ сумасбродству или къ безсмысленному легковѣрію, какъ это надобно предполагать по увѣреніямъ этихъ обличителей? Одно изъ двухъ надо было принять въ этой дилеммѣ: или народъ дѣйствительно страдаетъ этими недостатками, или обличители были неправы. Въ настоящее время писатели о расколѣ начинаютъ дѣлать уступки противъ своихъ прежнихъ приговоровъ. Изученіе предмета и общее развитіе исторической критики и общественнаго мнѣнія оказали нѣкоторое дѣйствіе и на постановку вопроса о расколѣ. Онъ отчасти уже перестаетъ быть въ литературѣ исключительно только предметомъ полемическихъ опроверженій или слѣдственныхъ розысковъ и обличеній. Въ общихъ мнѣніяхъ осужденіе раскола становится не такъ рѣзко; за его послѣдователями признаются иногда и хорошія качества; происхожденіе его въ XVII-мъ столѣтіи объясняется уже цѣлымъ религіознымъ состояніемъ народа, которое должно было въ огромной массѣ создавать именно тѣ понятія, какихъ держались начинатели раскола. Многіе изслѣдователи согласились признать, что виной появленія раскола была большая умственно-религіозная неразвитость всего народа вообще, вслѣд-

ствіе которой значительная часть его и могла до такой степени упрямо привязаться къ пустой формѣ потому только, что это была старая форма. Другіе находили даже, что та часть народа, которая во время никоновскихъ нововведеній задала себѣ вопросъ объ этомъ предметѣ и, вслѣдствіе сомнѣній, рѣшилась на сопротивленіе высшему авторитету, была не наименѣе размышлявшая и религіозная часть народа; и что она даже превосходила этими качествами тѣхъ, которые приняли нововведеніе равнодушно, безъ всякаго вопроса объ его правильности и безъ всякихъ разсужденій. Точно также въ настоящемъ состояніи раскола, въ быту и характерѣ его членовъ теперь находятъ уже не только цѣль для обвиненій, но и предметъ серьезнаго общественно-научнаго интереса, который приводитъ не только къ спокойному наблюденію раскола, но даже и къ сочувственному признанію нѣкоторыхъ сторонъ его характера.

Этотъ новый родъ понятій о расколѣ, появившійся одновременно съ тѣмъ, какъ расколъ пересталъ быть канцелярской тайной и сдѣлался предметомъ открытыхъ разсужденій въ литературѣ, — этотъ родъ понятій до нѣкоторой степени отражается и въ мнѣніяхъ г. Добротворскаго. Онъ признаетъ пользу и даже необходимость гласности относительно раскола, видитъ въ ней сильнѣйшее средство къ уничтоженію вреда, происходящаго отъ таинственности многихъ сектъ и ихъ ученій; но къ сожалѣнію ученый профессоръ все-таки не видитъ настоящаго смысла этой «гласности». Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

«По нашему искреннему убѣжденію обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь темномъ ученіи, о какихъ-нибудь тайныхъ сектантахъ служатъ лучшимъ началомъ къ обличенію несостоятельности ихъ вѣрованій, лучшимъ средствомъ къ уничтоженію вреда отъ ихъ таинственности. Въ древности возникали въ средѣ христіанскаго общества религіозно-мистическія секты, сильныя софистической діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но обсуждаемыя и обличаемыя всенародно онѣ исчезали съ изумительной быстротою (?) У насъ напротивъ секты, самыя дикія по своимъ вѣрованіямъ, бѣдныя и внутреннимъ содержаніемъ и внѣшними вождями ихъ, благодаря тайнѣ, въ которой наперерывъ стараются скрывать ихъ и вожди сектъ и православные и по причинѣ которой не знаютъ ихъ ни многіе последователи этихъ сектъ, ни православные, дѣлаютъ изумительные успѣхи въ простомъ народѣ. Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ тоже время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а *полицейскими*. Есть, должно быть, — думаетъ народъ,—какая-

нибудь опасность для православной вѣры въ ихъ ученіи, если стараются скрывать его, есть, значитъ, какая-нибудь несостоятельность въ православной церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истиною, ни опасности для церкви, которой не одолѣютъ врата ада, не представляютъ тайныя секты, такъ успѣшно распространяющіяся у насъ. Вся тайна успѣха этихъ сектъ въ тайнѣ, которой прикрыты онѣ отъ *духовенства* и отъ *правительства*. Особенно это должно сказать о нашихъ мнимо-духовныхъ сектахъ, отвергающихъ церковную внѣшность, къ которой такъ привязанъ православный русскій народъ. Приподнимите завѣсу передъ глазами *народа*, разскажите, какъ эти духовные христіане, бо́льшей частью выдающіе себя и почитаемые за самыхъ усердныхъ исповѣдниковъ православной вѣры, искажаютъ вѣру, глумятся надъ церковью, надъ ея обрядами, какъ недостойно Бога-Духа ихъ самовольное богопочитаніе, разскажите все это безъ пристрастія, безъ раздраженія, и секты потеряютъ свою таинственную прелесть и о совращеніяхъ рѣже можно будетъ слышать».

Мы совершенно соглашаемся съ авторомъ, что секта можетъ даже усиливаться, когда противъ нея употребляются не мѣры убѣжденія, а мѣры полицейскія, и что эти послѣднія мѣры не совсѣмъ соотвѣтствуютъ достоинству вещей, которыя на нихъ въ этомъ случаѣ опираются. Но намъ не совсѣмъ ясно, какъ понимаетъ авторъ то раскрытіе сектаторской *тайны*, отъ котораго онъ ждетъ такихъ успѣховъ. Если гласность, рекомендуемая авторомъ, будетъ относиться только къ «духовенству и правительству», — то она должна будетъ, кажется, состоять или въ извѣстныхъ обличеніяхъ, какихъ было не мало и до сего времени, или опять въ полицейскихъ мѣрахъ, въ которыхъ также недостатка не было. Секту людей божіихъ обличилъ такимъ образомъ уже Димитрій Ростовскій. Отъ правительства секты скрывались конечно всего меньше. Относительно этого послѣдняго достаточно сказать, что лѣтъ тридцать тому назадъ, когда расколъ почти совсѣмъ не былъ доступенъ обыкновенной (не духовно-обличительной) литературѣ, правительство имѣло о расколѣ обильнѣйшія свѣдѣнія, о какихъ и не воображала эта литература; свѣдѣнія эти могли быть не полны, но для своего времени это были наилучшія свѣдѣнія, какія были только возможны, какія можно было собрать и полицейскимъ и ученымъ путемъ. Достаточно напр. назвать извѣстныя спеціалистамъ изслѣдованія Надеждина, Даля, печатавшіяся для оффиціальнаго

употребленія въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, или напр. такіе труды, какъ рукописи архіепископа нижегородскаго Іакова, которыми пользуется теперь г. Добротворскій. Правда, въ концѣ выписаннаго нами мѣста авторъ какъ будто распространяетъ свое понятіе о гласности дальше указанной сейчасъ области и упоминаетъ о *народѣ*,—но, какъ видитъ читатель, народъ является опять только какъ объектъ назиданія, которое должно исходить отъ расширенной духовно-правительственной зоркости.

Нельзя конечно спорить, что и въ этой формѣ гласность, придаваемая дѣламъ раскола, имѣетъ большую пользу уже съ той одной точки зрѣнія, что общество по крайней мѣрѣ пріобрѣтетъ нѣкоторое знаніе о томъ, что происходитъ въ средѣ націи, какія явленія совершаются въ ея религіозной, умственной и общественной жизни. Еще не такъ далеко время и мы еще очень хорошо помнимъ его, — когда общество въ этомъ, и во множествѣ другихъ отношеній, жило въ состояніи темнаго давящаго невѣдѣнія о себѣ самомъ, когда оно рѣшительно лишено было возможности сколько-нибудь отчетливаго «самосознанія», потому что всѣ стороны его жизни, въ которыхъ такъ или иначе совершались извѣстные самостоятельные процессы религіознаго, умственнаго движенія, находились подъ самой строгой казарменной опекой, или изслѣдовались только въ слѣдственно-полицейскомъ смыслѣ. Въ эти времена расколъ считался почти политической тайной; всѣ дѣла его велись секретно; обсужденіе этого вопроса въ литературѣ было абсолютно невозможно. Для тѣхъ, кто помнитъ эти времена, совершенно понятна та большая разница, какая есть между тогдашнимъ и нынѣшнимъ положеніемъ этого вопроса въ общественномъ мнѣніи, хотя и это нынѣшнее положеніе вовсе еще нельзя назвать особенно благопріятнымъ.

Но очевидно, что дѣйствительная гласность предмета означаетъ не одно то, о чемъ говорилъ г. Добротворскій. Раскрытіе «тайны» въ предметахъ общественнаго и народнаго свойства, состоитъ не въ томъ, что тайну берется раскрывать только одна сторона, въ то время какъ другая на свою долю не имѣетъ никакой возможности высказать свой взглядъ на предметъ. Это раскрытіе еще меньше заслуживаетъ названія истинной гласности, когда сторона, тайна которой раскрывается, есть сторона безправная и преслѣдуемая, и раскрытіе производитъ сторона, власть имѣющая и расположенная болѣе или менѣе неблагопріятно къ дѣлу. Истина можетъ быть достигнута только тогда, когда высказываются обѣ стороны; и если въ нашихъ судахъ теперь признана справедливость и необходимость адвокатской защиты,

то очевидно того же, въ нормальномъ порядкѣ вещей, слѣдуетъ желать и въ литературномъ обсужденіи общественныхъ явленій, особенно такихъ, которые, какъ описываемыя г. Добротворскимъ секты, до сихъ поръ разсматривались въ литературѣ только съ уголовной точки зрѣнія, безъ всякаго или почти безъ всякаго вниманія къ ихъ такъ сказать физіологическому значенію въ умственно-религіозной жизни народной массы. Затруднительность дѣла еще увеличивается тѣмъ, что эти секты въ настоящую минуту едва ли могутъ выставить защитника изъ своей среды; эта среда — чисто народная — страдаетъ до сихъ поръ такимъ отсутствіемъ образованія, при которомъ она вѣроятно не съумѣла бы даже съ довольной логикой формулировать свои представленія и защищать ихъ [1]). Но при такомъ положеніи вещей еще увеличивается обязанность безпристрастія для изслѣдователя: онъ тѣмъ больше обязывается вникнуть въ изслѣдуемое явленіе, прослѣдить его основанія и проявленія, взять въ разсчетъ умственныя свойства среды, ея обстановку, характеръ тѣхъ учрежденій, въ оппозицію которымъ основывается ученіе и т. п. Онъ долженъ войти въ то міровоззрѣніе, какимъ живетъ «темная» масса, уразумѣть ея интересы и потребности, и тогда передъ нимъ раскроется та послѣдовательность, въ какой произошло развитіе секты, объяснится ея характеръ и быть можетъ откроются тѣ истинныя средства, какія могутъ подѣйствовать противъ нея — или уничтожая ея уродливости, или давая удовлетвореніе тѣмъ ея потребностямъ, неудовлетворенность которыхъ въ прежней жизни массы была причиной начала секты.

Наши историки и обличители до сихъ поръ именно очень мало отдаютъ себѣ отчета въ сущности явленія. Сказать напр., что въ XVII-мъ столѣтіи нѣкоторые люди «вышли изъ повиновенія іерархіи» и тѣмъ начали секту людей божіихъ (какъ говоритъ г. Добротворскій), вовсе не значитъ что-нибудь сказать о происхожденіи секты, не значитъ объяснить причину ея появленія, — это только значитъ указать голый фактъ. Мы замѣтили выше, что большинству изслѣдователей до сихъ поръ представлялось, что расколоучители только безумцы, обманщики, а послѣдователи — глупцы и легковѣрные люди, что секта почти всегда злонамѣренна. Г. Добротворскій держится почти тѣхъ же самыхъ мнѣній, и потому въ его изслѣдованіи мы

[1]) Легко можетъ быть, что бо́льшая степень образованія сама по себѣ уничтожила бы эти представленія, хотя очень можетъ случиться и то, что бо́льшая степень образованія уничтожитъ грубыя формы сеты, которыя теперь такъ легко поддаются нападеніямъ, но вмѣсто нихъ произведетъ другія, которыя сохранятъ свою отдѣльность отъ господствующихъ религіозныхъ ученій и формъ.

напрасно стали бы искать достаточнаго отвѣта на существенные вопросы: какія же были наконецъ внутреннія основанія, давшія начало сектѣ, и какъ она стоитъ въ цѣломъ составѣ народной жизни? Авторъ только описываетъ нѣкоторыя внѣшнія частности и все обличаетъ, но ему кажется и не представлялось тѣхъ вопросовъ, отвѣтъ на которые только и даетъ о дѣлѣ истинное понятіе. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ.

Относительно происхожденія секты мы замѣчали уже, что предположенія автора о происхожденіи ея отъ «западныхъ мистиковъ» черезъ «юго-западныя» страны нисколько недоказательны. При этомъ, профессору церковной исторіи слѣдовало бы знать, что секты и ереси могутъ появляться и безъ всякихъ заимствованій извнѣ, какъ естественный продуктъ изъ условій народной жизни. Въ самомъ русскомъ сектаторствѣ авторъ могъ бы найти поразительные образчики того, какъ далеко можетъ простираться народная изобрѣтательность въ этомъ смыслѣ: пусть онъ вспомнитъ «самосожигателей», «странниковъ», «нѣтовщину» и другіе подобные примѣры самородныхъ, ни откуда не заимствованныхъ ересей. Наконецъ, такой же примѣръ самобытной изобрѣтательности авторъ имѣетъ въ изучаемой имъ самимъ сектѣ, въ одномъ ужасномъ ея отдѣлѣ, скопчествѣ. Здѣсь эта самородная изобрѣтательность дошла до геркулесовыхъ столбовъ безумія и нелѣпости. Такой *секты* кажется не существовало нигдѣ на свѣтѣ. — Кромѣ того, если даже секта бываетъ откуда-нибудь заимствована, то ея распространеніе въ народѣ показываетъ тѣмъ не менѣе, что благопріятныя условія для нея есть въ самой почвѣ, на которой она укрѣпляется. Чтобы понять секту, надо было именно войти въ разсмотрѣніе этой почвы. Всякая секта становится въ оппозицію къ господствующимъ церковнымъ и общественнымъ формамъ: противъ чего же направляется ея оппозиція?

Объяснивъ по-своему происхожденіе секты, авторъ затѣмъ не одинъ разъ указываетъ фантастическія безсмыслицы въ представленіяхъ людей божіихъ, и находитъ ихъ очень «загадочными» и крайне предосудительными. Но фантастика, въ томъ или другомъ родѣ — есть почти неизбѣжное качество всякихъ экзальтированныхъ религіозныхъ представленій; каждое имѣетъ свои фантастическія изобрѣтенія, вѣритъ въ нихъ, и не признаетъ другихъ, считая ихъ нелѣпыми. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы опредѣлить частныя качества этой фантастики и указать ея источникъ. Наши люди божіи не составляютъ въ этомъ смыслѣ чего либо совершенно исключительнаго. Въ прежнее

время ихъ не безъ основанія считали квакерами или сравнивали съ ними, какъ напр. дѣлаетъ это Филаретъ черниговскій въ своей исторіи русской церкви. Кромѣ квакеровъ есть не мало другихъ сектъ, гдѣ религіозная экзальтація сопровождалась такими же или подобными обрядами, производившими извѣстное нервическое возбужденіе. Эти обряды составляютъ такимъ образомъ не произвольный совершенно результатъ безумства однихъ русскихъ сектантовъ, а встрѣчаются также и во многихъ другихъ примѣрахъ. Сличивъ нашу секту съ ей подобными въ другія времена и у другихъ народовъ, авторъ, быть можетъ, нашелъ бы нѣсколько объясненій для ея «загадочности».

Для характеристики секты очень важно наблюдать ея проявленія въ общественной жизни, по которымъ можно было бы судить объ ея моральномъ вліяніи. Упоминая нѣсколько разъ о вредности секты людей божіихъ, авторъ указываетъ эту вредность въ неповиновеніи іерархіи, въ нѣкоторыхъ безнравственныхъ обычаяхъ, но не входитъ ближе въ разсмотрѣніе этого предмета. Онъ упоминаетъ также не разъ, что священники очень часто считаютъ людей, принадлежащихъ къ сектѣ, самыми благочестивыми христіанами; авторъ объясняетъ это тѣмъ, что сами пророки людей божіихъ рекомендуютъ своимъ, еще не вполнѣ посвященнымъ, ученикамъ усердіе къ церкви и исполненіе всѣхъ ея обрядовъ, — затѣмъ онъ объясняетъ это лицемѣріемъ, которое должно служить только для наилучшаго закрытія принадлежности къ сектѣ. Не знаемъ, насколько это справедливо. Въ другихъ случаяхъ, авторъ признаетъ сектантовъ людьми набожными, въ ихъ пѣсняхъ находитъ нерѣдко выраженіе искренняго и возвышеннаго религіознаго чувства, — и если это такъ, то съ искренней набожностью и высокимъ религіознымъ чувствомъ мало вяжется такое постоянное и изысканное лицемѣріе, какое авторъ приписываетъ сектѣ какъ общее правило. Мы не сомнѣваемся, что можетъ существовать много примѣровъ такого лицемѣрія, но думаемъ, что общая характеристика всей секты въ этомъ смыслѣ была бы возможна только послѣ пристальныхъ и многочисленныхъ наблюденій и тщательной провѣрки своего сужденія. Авторъ едва ли дѣлалъ это послѣднее: свѣдѣнія, на основаніи которыхъ онъ писалъ свое изслѣдованіе, заимствовались имъ изъ вторыхъ-третьихъ рукъ и ограничиваются въ сущности довольно ограниченнымъ количествомъ рукописнаго матеріала. Онъ ничего не упоминаетъ о личныхъ наблюденіяхъ, а между тѣмъ они были бы именно нужны, и притомъ обширныя. Пророкъ Радаевъ, на котораго особенно часто ссылается г. Добротворскій, по всей вѣроятно-

сти вовсе не есть пророкъ типическій и авторъ, кажется, напрасно обращаетъ его слова и дѣйствія на всю секту. Бытовыхъ свойствъ людей божіихъ авторъ не касается вовсе: мы не видимъ, какими моральными вліяніями — въ хорошую или дурную сторону — отзывается здѣсь секта на своихъ послѣдователяхъ. Но какъ важно было бы это знать, понятно само собою. Въ томъ немногомъ, что̀ говорено было до сихъ поръ въ литературѣ объ этомъ предметѣ, мы находили отзывы благопріятные, указывавшіе на извѣстное морализирующее вліяніе сектаторской религіозности. Относительно другой духовной секты, родственной людямъ божіимъ, молоканъ, такихъ отзывовъ сдѣлано было довольно много.

Г. Добротворскій строго осуждаетъ грубость понятій и обрядовъ секты; — но здѣсь опять является вопросъ: составляетъ ли эта грубость исключительную принадлежность секты, и не отражаетъ ли она общее свойство народныхъ представленій, которыя въ другихъ случаяхъ и примѣненіяхъ обнаруживаютъ однако тѣже качества? Если здѣсь доведена иногда до нелѣпости «духовная» религіозность, то съ другой стороны не доходитъ ли почти до равной нелѣпости чисто матеріальное представленіе религіозныхъ предметовъ въ большой массѣ народа, гдѣ вся религія сводится иногда къ немногимъ чисто матеріальнымъ обрядностямъ и суевѣріямъ? Для правильности сужденія, слѣдовало бы, сколько можно, раздѣлить общее и частное, и не дѣлать противъ секты лишняго обвиненія изъ того грубаго уровня понятій, который принадлежитъ цѣлымъ массамъ.

Что, напротивъ, среди людей божіихъ, при всей грубости отдѣльныхъ положеній и обрядовъ, существуетъ и замѣчательно возвышенное религіозное настроеніе, это, какъ мы замѣтили, признаетъ самъ авторъ, когда говоритъ о пѣсняхъ людей божіихъ. «Роспѣвцы (такъ называются у нихъ религіозныя ихъ пѣсни) людей божіихъ представляютъ *замѣчательныя произведенія народной поэзіи*, развивающейся, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ ложныхъ еретическихъ воззрѣній: многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ искусномъ соединеніи мысли и образа, въ *глубинѣ чувства и живости фантазіи*» (стр. 51). Указавъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ неловкія или вздорныя выраженія (быть можетъ, принадлежащія даже только дурному списку), авторъ замѣчаетъ: «надобно впрочемъ сознаться, что такихъ *промаховъ*, кромѣ заблужденій, собственно принадлежащихъ ереси, встрѣчается *очень немного*, и что есть пѣсни, которыя въ приличныхъ поэтическихъ образахъ воплощаютъ высокое христіанское ученіе и которыя *дѣлаютъ честь пониманію русскаго народа*» (стр. 52).

Но и здѣсь авторъ не желаетъ признать естественнаго развитія религіознаго чувства, которое въ массѣ мало образованной и, быть можетъ, не имѣвшей возможности найти надлежащаго руководства, всегда рискуетъ нарушить традиціонныя рамки и равнодушную привычку. Повторимъ опять, профессору церковной исторіи должны бы быть извѣстны многочисленные примѣры религіозной экзальтаціи и ея явленій, и онъ могъ бы опять обойтись безъ лишняго упрека религіозности русскихъ сектантовъ. Говоря о религіозныхъ мнѣніяхъ людей божіихъ, г. Добротворскій указываетъ способы ихъ благочестивой практики, доходящей до настоящаго аскетизма. «Что, повидимому, можетъ быть возвышеннѣе и святѣе этихъ способовъ?» спрашиваетъ авторъ.... «Предписанія православныхъ аскетовъ даже усилены въ предписаніяхъ людей божіихъ. Но самое-то усиленіе и напряженность этихъ способовъ очищенія души и показываютъ, что они происходятъ не отъ чистаго источника христіанской нравственности: они не столько сходны съ способами богоугожденія православныхъ подвижниковъ, сколько съ предписаніями франкъ-масоновъ и другихъ западныхъ мистиковъ прошедшаго вѣка» (стр. 73). Это обвиненіе намъ несовсѣмъ понятно: гдѣ мѣрка аскетизма, по которой авторъ считаетъ его или святымъ или нечистымъ? Какъ спеціалистъ церковной исторіи, г. Добротворскій долженъ знать, что и православные подвижники въ старыя времена прибѣгали къ очень напряженнымъ способамъ очищенія души, иногда къ такимъ, которые по своей чрезвычайности даже не находили себѣ подражателей въ позднѣйшія времена. Но мы уже совершенно не понимаемъ, что̀ именно хочетъ сказать авторъ, ссылаясь на франкъ-масоновъ: чѣмъ онъ ихъ считаетъ и какія особенныя «предписанія франкъ-масоновъ» онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ? Мы упоминали выше, что одинъ новѣйшій пророкъ людей божіихъ читалъ сочиненія г-жи Гюйонъ и вѣроятно многія другія мистическія книги, какихъ нѣкогда изданы были у насъ цѣлыя массы: нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что грамотные изъ людей божіихъ могли напасть на эту литературу; но какъ относится это къ самой сектѣ? Не есть ли это только чистая случайность, и къ чему тутъ франкъ-масонство?

Остановимся еще на одномъ пунктѣ. Кромѣ заблужденія, въ которое впадаютъ послѣдователи секты, г. Добротворскій указываетъ въ ней и *обманъ*—конечно, со стороны ея руководителей. Въ самомъ дѣлѣ, очень вѣроятно, что обманъ играетъ значительную роль и въ этой сектѣ, какъ во множествѣ другихъ случаевъ, гдѣ легковѣріе малоразвитыхъ людей эксплуатируется людьми, надѣвающими маску благочестія. Разсказавъ нѣкоторыя

подробности объ одномъ изъ хлыстовскихъ пророковъ, томъ же Радаевѣ, авторъ замѣчаетъ: «люди здравомыслящіе въ такихъ дѣйствіяхъ мнимаго пророка видятъ дурачества *обманщика*; но люди божіи—сокровенную премудрость божію, которой міръ не разумѣетъ, потому что безумное божіе мудрѣе человѣковъ (I кор. 1, 21,25)». Но вслѣдъ затѣмъ, изъ словъ самого автора оказывается совсѣмъ иное. «Что касается самихъ пророковъ, то *никакая сила не въ состояніи увѣрить ихъ*, что въ нихъ дѣйствуетъ не Духъ святый, что и они несвободны отъ грѣховъ» (стр. 81). Эта фраза стоитъ тотчасъ за первой. Гдѣ же такимъ образомъ *обманщикъ*? Если никакая сила не въ состояніи увѣрить человѣка, что онъ ошибается, то можно ли называть его обманщикомъ, когда онъ говоритъ и другимъ то, въ чемъ самъ такъ глубоко убѣжденъ? Его можно считать человѣкомъ заблуждающимся, находить заблужденіе смѣшнымъ, прискорбнымъ, или какимъ угодно, можно обличить заблужденіе, но уже нельзя говорить объ обманѣ, и довольствоваться этимъ дешевымъ объясненіемъ дѣла.

Много другихъ подобныхъ обстоятельствъ долженъ принять въ соображеніе историкъ секты, если желаетъ ставить вопросъ правильно и безпристрастно. «Во тьмѣ возрастаетъ и мракомъ питается секта людей божіихъ—одинъ свѣтъ можетъ озарить и просвѣтить грубыхъ, но набожныхъ русскихъ сектантовъ», восклицаетъ авторъ. Справедливо совершенно; но пора, кажется, перестать взваливать всю вину мрака на одинъ народъ; пора, кажется, и тѣмъ, кто считаетъ себя за владѣющаго свѣтомъ, понять причины этого мрака. При должномъ безпристрастномъ изслѣдованіи справедливость вѣроятно заставитъ сказать, что вина лежитъ не на однихъ жертвахъ мрака, что размноженіе русскаго сектаторства и его часто грубый характеръ были въ большой мѣрѣ слѣдствіемъ условій жизни и плохо-духовнаго образованія, стало быть, вина не народа, или по крайней мѣрѣ не одного народа, а также и его руководителей и наставниковъ. Вопросъ объ этомъ духовномъ образованіи отчасти затронутъ въ послѣднее время въ нашей литературѣ, но только отчасти; и въ полномъ своемъ размѣрѣ онъ, можетъ быть еще и не доступенъ для нея въ настоящее время. Литература, или вѣрнѣе, общественное мнѣніе еще не выросли до его серьезной и откровенной постановки. Нѣкоторыя попытки сдѣлать такого рода постановку относительно современнаго состоянія этого духовнаго образованія (въ родѣ тѣхъ, какія пробовали «День», «Москва» и т. п.), не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій и остались одинокими опытами. Но если публицистика стѣснена въ изслѣдованіи вопроса относительно настоящей ми-

нуты, то наукѣ вѣроятно не представилось бы помѣхи выяснить его въ историческомъ отношеніи, опредѣлить для прошедшихъ временъ то́ отношеніе, въ какомъ размноженіе сектаторства находилось къ положенію духовнаго образованія. Главный потокъ русскаго сектаторства начинается съ XVII-го вѣка, и здѣсь указываемое нами отношеніе уже совершенно ясно для изслѣдователей; теперь мы знаемъ напр., что содержаніе старообрядческаго раскола за то время было именно тѣмъ религіознымъ содержаніемъ, какого держалась вся народная масса и большинство ея руководителей: это была выросшая въ наши средніе вѣка популярная форма религіозныхъ представленій и обрядности, фо́рма, которую Никонъ сильно затронулъ исправленіемъ церковныхъ книгъ. Расколъ былъ непосредственнымъ наслѣдіемъ прежняго состоянія духовнаго образованія въ цѣлой массѣ народа. Положеніе этого образованія стало улучшаться со времени основанія правильныхъ школъ, съ конца XVII-го вѣка и въ XVIII-мъ столѣтіи; но расколъ продолжаетъ развиваться и въ прошломъ вѣкѣ, потому что съ одной стороны этихъ новыхъ школъ все-таки было еще слишкомъ недостаточно для цѣлаго народа, и съ другой потому, что часть народа, захваченная движеніемъ, издавна стала во враждебное отношеніе къ господствующей церкви, и враждебность только усиливалась вслѣдствіе преслѣдованій, продолжавшихся почти безъ перерыва съ XVII-го вѣка. Вслѣдствіе того, и тогда и даже въ наше время религіозная пытливость простыхъ классовъ народа и производимое ею движеніе продолжаютъ ускользать отъ церковнаго авторитета: простой человѣкъ, въ сознаніи котораго начинаютъ появляться религіозные вопросы, сомнѣнія, или горячіе порывы, по старой памяти легко обращается къ своему народному проповѣднику, пророку, ересіарху, и легко убѣждается, потому что встрѣчаетъ у него родственный ему уровень понятій, симпатичную ему религіозную ревность и понятный языкъ. Чтобы «озарить и просвѣтить» такого человѣка правильными понятіями, нужно очень многое: прежде всего нужно было бы, чтобы онъ и нѣсколько поколѣній его предковъ не были оставлены въ безпомощной неразвитости,—а затѣмъ нужно по крайней мѣрѣ, чтобы тѣ, кто станутъ его озарять и просвѣщать, пріобрѣли его полное довѣріе,—чтобы онъ могъ высказываться не рискуя тѣмъ, что его откровенность тотчасъ повлечетъ на него гоненіе свѣтскаго начальства. Самая книга г. Добротворскаго показываетъ, сколько можно было ожидать такихъ отношеній даже въ недавнее время: цѣлый рядъ приводимыхъ имъ свѣдѣній заимствованъ изъ острожныхъ показаній. Газеты до сихъ поръ сообщаютъ

нерѣдко извѣстія, очень неутѣшительныя относительно распространенія сектаторства: въ такой-то губерніи усиливается старообрядчество, въ другой распространяется новая ересь, въ третьей явились «штундовцы» и т. д. Факты эти знаменательны.

Приведемъ еще одну выписку изъ книги г. Добротворскаго. «Вся тайна успѣха (народныхъ сектъ) въ тайнѣ, которой прикрыты онѣ и отъ духовенства и отъ правительства»—замѣтилъ авторъ въ самомъ началѣ своей книги. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о пѣсняхъ людей божіихъ: «Необходимо познакомиться съ ними для всесторонняго изученія ереси. Здѣсь мы проникаемъ, такъ сказать, въ самое созиданіе загадочной ереси; увидимъ, чѣмъ она особенно обольстительна для простолюдиновъ и почему эти еретики почитаются *вредными для существующаго порядка*. Нечего и говорить о томъ, что изученіе ихъ пѣсней можетъ принести, *кому нужно*, существенную *практическую* пользу. Было уже замѣчено, что эти еретики, обязанные страшными клятвами скрывать отъ православныхъ все касающееся ихъ секты, нерѣдко почитаются за лучшихъ христіанъ даже самими священниками: пѣсни или даже два-три метафорическихъ выраженій изъ нихъ *сейчасъ укажутъ* на существованіе секты въ извѣстной мѣстности» (стр. 102). Авторъ не говоритъ, кому укажутъ, для какой цѣли укажутъ, и кому нужно это указаніе: намъ приходитъ въ голову, что стремленіе къ этимъ указаніямъ могло бы и отсутствовать въ научномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи предмета, и не безъ пользы для изслѣдованія.

Вмѣсто такихъ голыхъ указаній, изслѣдованіе, кажется, должно бы ужъ лучше остановиться на томъ: въ чемъ собственно можетъ состоять вредъ отъ людей божіихъ *для существующаго порядка*, великъ ли этотъ вредъ или малъ, и если требуетъ преслѣдованія и уничтоженія (а ихъ не можетъ, по закону, не требовать вещь вредная для существующаго порядка), то въ какой мѣрѣ и какими средствами. Это—предметъ, далеко еще не выясненный ни въ литературѣ, ни въ самой жизни и практикѣ. Въ настоящее время уже нѣтъ того суроваго преслѣдованія всякаго раскола, какое считалось необходимымъ еще недавно,—но эта льгота не есть еще, кажется, общая послѣдовательная терпимость: между тѣмъ есть мнѣніе, что она могла бы распространиться на всѣ секты (кромѣ прямо нарушающихъ гражданскую безопасность), что предполагаемый *вредъ* народныхъ сектъ вовсе не такъ великъ, какъ обыкновенно думаютъ. Но къ этому предмету мы возвратимся въ другой разъ.

А. Н—въ.

ВОЙНА И ВОЙСКО.

Р. Ѳадѣева: Вооруженныя силы Россіи. Москва, 1868.

Послѣдняя большая война, которую вела Россія, застала у насъ такое военное устройство: на счетъ государства содержался постоянно милліонъ солдатъ; служба этихъ солдатъ была почти безсрочная, именно 25-ти-лѣтняя; мало того — сыновья этихъ дѣтей были солдаты по рожденію. Армія эта была «выправлена» по всѣмъ преданіямъ, заимствованнымъ изъ Пруссіи, когда въ самой Пруссіи эти преданія уже были сданы въ архивъ; но собственно боевое образованіе солдатъ было крайне несовершенно; на него всего менѣе обращалось вниманія. Чрезвычайными усиліями, которыя истощали Россію, число солдатъ во время крымской войны было доведено до страшной цифры 2 м. 230 т. человѣкъ, а между тѣмъ, на главномъ пунктѣ войны, то-есть подъ Севастополемъ, у насъ было на лицо всего около 100 тысячъ штыковъ. Такая система была отмѣнена самыми событіями и съ тѣхъ поръ сдѣлано уже много для раціональнаго устройства русской арміи, такого устройства, которое, не обременяя и страну и солдатъ требованіемъ постоянныхъ страшныхъ пожертвованій, вело бы къ истинной цѣли существованія арміи, то-есть къ доставленію государству достаточной боевой силы. Однакоже для этого остается еще сдѣлать очень много.

Вотъ сущность мнѣнія г. Ѳадѣева, автора извѣстныхъ статей о вооруженіяхъ Россіи, который издалъ теперь цѣлое сочиненіе о нашихъ «вооруженныхъ силахъ». Въ этой книгѣ, какъ онъ говоритъ, не только собраны его статьи, напечатанныя въ одномъ журналѣ, но и во многомъ провѣрены и измѣнены.

Излишне было бы говорить о всесторонней важности того предмета, которому посвящены разсужденія г. Ѳадѣева, являющіяся теперь въ связномъ и полномъ цѣломъ. Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что общество возмужалое и самостоятельное должно непремѣнно интересоваться вопросомъ, въ какомъ положеніи находятся вооруженныя силы государства и быть знакомо съ существенными чертами ихъ устройства. То положеніе дѣлъ, которое раскрыла передъ нами крымская война, потому именно и поразило насъ такъ болѣзненно, что мы не знали его; вотъ почему за самоувѣренною и наивною похвальбою «шапками-де закидаемъ» послѣдовала вдругъ такая реакція въ общественномъ мнѣніи, что оно стало смотрѣть на вооруженную силу государства съ совершеннымъ, преувеличеннымъ недовѣріемъ, съ бо̀льшимъ недовѣріемъ, замѣчаетъ авторъ, чѣмъ смотрѣла Австрія на свою армію послѣ 1866 года. Нѣтъ сомнѣнія, что знакомство съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ предотвращаетъ и разочарованіе и самообольщеніе. Но замѣтимъ, что незнакомство нашего общества съ положеніемъ нашихъ военныхъ силъ въ прежнее время, никакъ нельзя вмѣнить въ вину самому обществу. Другое дѣло теперь; теперь преобразованія по военному вѣдомству обсуждаются съ нѣкоторой гласностью и указаніе на недостатки его не считается преступленіемъ.

Для преобразованія нашихъ военныхъ силъ, и именно въ смыслѣ приданія арміи чисто-боеваго характера и отмѣны возможно бо̀льшаго числа безплодныхъ стѣсненій, въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано очень много. Едва ли, впрочемъ, почтенный авторъ не слишкомъ съуживаетъ время важныхъ и плодотворныхъ преобразованій по этой части, утверждая, что оно началось именно съ 1861 года. Съ другой стороны, никакія преобразованія по военной части не могутъ увѣковѣчить имя исполнителей иначе, какъ полнымъ успѣхомъ ихъ, доказаннымъ *войною*.

Мы сказали, что періодъ существенныхъ преобразованій по военному вѣдомству, почтенный авторъ едва ли не слишкомъ съуживаетъ, начиная его съ 1861 года. Правда, до 1861 года и нельзя было касаться тѣхъ основаній системы, которыя обусловливались существованіемъ крѣпостного права. Но улучшеніе оружія и всей аммуниціонной части, реформы по части госпитальной, созданіе въ войскахъ стрѣлковой части, образованіе особаго комитета по улучшеніямъ, подготовлявшаго реформы, уничтоженіе наслѣдственности воинскаго званія упраздненіемъ кантонистовъ, начало преобразованія военно-учебной части и введеніе въ полки обученія грамотѣ—можно ли игнорировать этотъ рядъ важныхъ реформъ, начиная ихъ эру съ 1861 года?

Основанія, по которымъ производились новѣйшія преобразованія, авторъ формулируетъ такъ: 1) съ переходомъ изъ мирнаго положенія въ военное, никакой части дѣйствующихъ войскъ не формировать вновь, а только приводить въ комплектъ существующія части; 2) пополнять войска не иначе, какъ обученными людьми, и для того имѣть въ запасѣ полное количество безсрочно-отпускныхъ, составляющее разницу между мирнымъ и военнымъ положеніемъ; 3) содержаніе въ наличности постоянно матеріальныхъ запасовъ по размѣру военнаго времени.

Въ неспеціальномъ журналѣ, мы можемъ имѣть одну цѣль: содѣйствовать къ ознакомленію нашего общества съ интересными, всегда искренними, а порою и нѣсколько оригинальными этюдами автора надъ тѣмъ, каковы должны быть вооруженныя силы Россіи въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи, и надъ характеромъ нашей арміи и армій иностранныхъ. Техническихъ подробностей и вычисленій, которыя составляютъ спеціальное достоинство этюдовъ подобнаго рода, мы конечно должны избѣгать.

I.

Г. Ѳадѣевъ ставитъ положеніе, что въ устройствѣ арміи отражается обусловленный исторіею складъ государства и географическія его условія. Это положеніе онъ доказываетъ обзоромъ устройства главныхъ европейскихъ армій. Здѣсь авторъ является не только спеціалистомъ, основательно изучившимъ свой предметъ, но и замѣчательно безпристрастнымъ наблюдателемъ. Его не подкупили недавнія побѣды, его не ослѣпили послѣднія неудачи. Онъ смотритъ глубже уровня современныхъ впечатлѣній и новѣйшіе факты для него не представляются какъ novissima verba. Въ бѣдственной для Италіи битвѣ при Кустоццѣ, онъ видитъ свидѣтельство не негодности, а напротивъ большихъ успѣховъ итальянской арміи; пораженіе Австріи въ 1866 году не закрываетъ для него ни слабыхъ пунктовъ въ прусской военной организаціи, ни той стороны, которою сильна военная организація Австріи. Обзоръ этотъ такъ интересенъ, что мы передадимъ его сущность.

Что данное устройство военныхъ силъ въ извѣстномъ государствѣ не есть явленіе произвольное, вызванное просто принятою тамъ системою, а исходитъ изъ общаго источника общественныхъ явленій, изъ народнаго духа и исторіи—это авторъ показываетъ прежде всего на Англіи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Англія вела долгую и гро-

мадную войну съ Франціею и тѣми союзниками, которыхъ подчинила себѣ Франція. На эту войну Англія напрягала всѣ свои силы и однакоже, несмотря ни на значительное населеніе, ни на свое богатство, не могла создать огромной арміи, потому именно, что гражданское устройство страны не допускало того. Неприкосновенность личности—основной принципъ, выработанный политическою жизнью Великобританіи,—не допускаетъ всенародной конскрипціи и заставляетъ ограничиваться личною вербовкою. Въ другихъ государствахъ обращеніе арміи съ мирнаго положенія на военное удвоиваетъ или утроиваетъ составъ арміи. Въ Англіи, не только невозможно такое внезапное увеличеніе, но происходитъ даже скорѣе противное: съ приближеніемъ опасностей въ военной службѣ, число охотниковъ вступать въ нее уменьшается. «Составъ англійской арміи», говоритъ г. Ѳадѣевъ, «набранный изъ бездомной черни, преимущественно изъ пропащихъ людей, налагаетъ на нее только ей свойственный характеръ. Англійскій солдатъ — *илотъ*, котораго никакое отличіе не можетъ вывесть въ люди; между нимъ и офицеромъ лежитъ таже непереходимая грань, какъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ. Понятно, какимъ образомъ изъ этихъ отношеній истекаетъ духъ англійскаго устава, его исключительное предпочтеніе развернутаго строя. Англійскій солдатъ, котораго всегда держатъ въ суровыхъ рукавицахъ, хотя и одаренъ отъ природы энергическимъ характеромъ, но вслѣдствіе своего общественнаго положенія и военнаго воспитанія становится пассивнымъ до механичности; энергія его обращается исключительно въ устойчивость!»

Несамостоятельность англійскаго солдата обусловливаетъ то, что отдается преимущество тому строю, при которомъ всѣ солдаты постоянно на виду и въ волѣ своихъ офицеровъ.

Однакоже, англійская армія все-таки армія превосходная; она всегда побѣждала «лучшія войска, какія только могутъ быть», именно войска первой французской имперіи. Высокая нравственная и физическая развитость офицеровъ, «грубая твердость толпы» и превосходное снаряженіе дѣлаютъ изъ этой арміи «важное орудіе, во многихъ отношеніяхъ одностороннее и слишкомъ тяжелое, но страшное».

Объ англійской милиціи г. Ѳадѣевъ отзывается такъ: «Англія имѣетъ милицію изъ зажиточныхъ, полноправныхъ классовъ, но черни ни подъ какимъ видомъ не даетъ оружія въ руки; въ этомъ отношеніи она также вѣрна себѣ, какъ и въ остальномъ». Авторъ замѣчаетъ, что по первымъ постояннымъ войскамъ, заведеннымъ въ Англіи въ царствованіе Карла II, можно было

предсказать всю нынѣшнюю организацію англійской арміи, до такой степени она есть естественный продуктъ историческихъ условій.

Не трудно было бы развить эту, совершенно вѣрную мысль автора, показавъ, какъ въ самой системѣ пріобрѣтенія офицерскихъ патентовъ въ британской арміи отражается основной принципъ всего государственнаго строя. Замѣтимъ, что рядомъ съ началомъ свободы личности, которое въ строѣ британскаго государства является скорѣе принципомъ ограничительнымъ по отношенію къ власти, въ немъ преобладаетъ принципъ владѣнія, имущества, выражающійся въ цензѣ и лежащій въ самой основѣ власти. Англійское общество есть, дѣйствительно, собраніе личностей, которыхъ матерьяльная неприкосновенность по отношенію къ власти гарантируется строемъ государства; но самый этотъ строй, и самый источникъ власти есть владѣніе, собственность. Государство англійское, особенно въ періодъ между двумя избирательными реформами 1832 и 1867 года, уже перестало представлять исключительно результатъ созданныхъ исторіею привилегій, но не представляло еще и одной совокупности или общности личностей; это было акціонерное общество, въ которомъ акцію представляло имущество, въ которомъ число акцій, то-есть цензъ, опредѣляло власть, и которымъ, какъ всякою имущественною компаніею, управляло собраніе сильнѣйшихъ акціонеровъ. Это уже не было государство чисто-аристократическое, потому что аристократическое правленіе основано на историческомъ правѣ, на привилегіяхъ; это пе было и народовластіе — несмотря на преобладаніе общинъ — такъ какъ народовластіе основано исключительно на совокупности правъ личныхъ.

Такой строй англійскаго государства отразился и въ арміи покупкою офицерскихъ патентовъ и наймомъ нижнихъ чиновъ. Отсюда, отношеніе между офицеромъ и солдатомъ въ англійской арміи является не только такимъ, какъ оно изображено у г. Ѳадѣева, «отношеніемъ между средневѣковымъ рыцаремъ и его вилланомъ»; но еще такимъ, какое можетъ существовать между людьми, изъ которыхъ одинъ нанятъ за деньги, и обязанъ стоять подъ непріятельскимъ огнемъ, потому что получаетъ «королевскій шиллингъ» (the king's shilling) въ день, — а другой самъ заплатилъ деньги за свое мѣсто, заплатилъ деньги за свою власть и естественно смотритъ на мѣсто и власть какъ на свою собственность, правда, совсѣмъ самолюбіемъ собственника, но и совсѣмъ его деспотизмомъ.

Наше замѣчаніе вовсе не оспариваетъ основной мысли г. Ѳадѣева; имъ мы хотѣли только дополнить изображенную авто-

ромъ физіономію англійской арміи. Обстоятельство, на которое мы указали, и служитъ главной причиною «непереходимости» для солдата той грани, о которой упоминаетъ авторъ. Британскіе офицеры назначаются по тому же принципу, какъ члены британской палаты общинъ: право на власть они имѣютъ по состоянію, и за власть платятъ деньги.

Почти излишне замѣчать, что уже реформа 1867 года составляетъ значительный шагъ къ демократизаціи британскаго государства, къ обращенію его въ совокупность не историческихъ правъ и имущественныхъ силъ, а полноправныхъ личностей. Нѣтъ сомнѣнія, что реформа эта отразится и на англійской арміи измѣненіемъ порядка пріобрѣтенія офицерскихъ патентовъ; тогда уничтожится и для солдатъ «непереходимость грани» ихъ званія.

Переходя къ отношенію между характеромъ французской арміи и духомъ и складомъ французскаго общества, авторъ объясняетъ «войнолюбіе» французовъ между прочимъ тѣмъ, что французское государство менѣе рискуетъ въ войнѣ, чѣмъ иныя. «Вслѣдствіе сильнаго пораженія», говоритъ онъ, «Австрія можетъ разсыпаться, Италія — быть вновь раздроблена и порабощена, изъ Пруссіи, даже послѣ ея кёниггрецкой побѣды, можно еще накроить десятокъ Саксоній; но кто станетъ надѣяться, при совершенной однородности такого сплошного государственнаго тѣла, какъ Франція, отхватить отъ нея провинцію и долго удерживать завоеваніе?» Далѣе онъ замѣчаетъ: «дисциплиной штыковъ держатся французскія власти, славой штыковъ онѣ увлекаютъ страну». Внутреннія причины, которыя заставляютъ держать въ Парижѣ цѣлую армію, а въ Ліонѣ корпусъ, дѣлаютъ то, что Франція, хотя и богаче Пруссіи, однако не можетъ выставить пропорціонально своему населенію такой массы свободнаго ко внѣшнему употребленію войска, какъ Пруссія. Дѣло въ томъ, что чисто-народная армія во Франціи, по мнѣнію автора, который имѣетъ разумѣется въ виду только нынѣ существующій порядокъ — невозможна.

Французское правительство, побужденное успѣхами Пруссіи къ увеличенію своихъ вооруженій, не могло однако просто ввесть въ своей странѣ прусскую военную систему. Новый законъ только продлилъ срокъ службы съ 7-ми до 9-ти лѣтъ, для того чтобы имѣть большіе резервы и быть въ состояніи, въ случаѣ войны, быстро укомплектовать дѣйствующую армію. Національная гвардія, которая составляетъ одинъ изъ элементовъ новаго военнаго устройства Франціи, не то, что ландверъ въ Пруссіи. Главное назначеніе національной гвардіи, по мысли правительства, авторъ

видитъ въ томъ, чтобы имѣть на случай войны полмилліона лишнихъ людей для пополненія дѣйствующихъ войскъ; постановленіямъ закона, который ограничиваетъ употребленіе національной гвардіи извѣстными условіями, авторъ не придаетъ значенія, и въ этомъ нельзя съ нимъ не согласиться.

Результатъ нынѣшняго преобразованія французской военной системы въ сущности тотъ, что теперь, съ переходомъ на военное положеніе она удвоивается, тогда какъ прежде увеличивалась въ этомъ случаѣ только на двѣ трети. Между тѣмъ, прусская армія въ этомъ случаѣ увеличивается *втрое*. Такой предѣлъ военной силы во Франціи обусловливается именно тѣмъ, что содержаніе огромныхъ кадровъ было бы невозможно въ финансовомъ отношеніи, а оставленіе на большое число новобранцовъ малыхъ кадровъ лишило бы войско сословнаго духа, дѣлало бы его народнымъ, чего не можетъ желать правительство.

Сверхъ того необходимость отдѣлить большія силы для охраненія спокойствія внутри страны дозволяетъ употреблять на внѣшнюю войну только половину силъ. Такъ, въ войну 1859 года, Франція располагала 180-ю тысячами чел. въ Италіи и 50-ю тысячами на Рейнѣ, всего 230-ю тысячами, то-есть цѣлою третью меньше, чѣмъ сколько выставила въ 1866 году Пруссія.

Изъ всего этого—замѣтимъ мимоходомъ—слѣдуетъ, что мнѣніе, будто Франція при наполеоновскомъ, военномъ правленіи сильнѣе по отношенію къ сосѣдямъ, чѣмъ бы она могла быть при правленіи популярномъ —противорѣчитъ нынѣшнему фактическому положенію. Ясно, что именно популярное правленіе не боялось бы дать арміи народный характеръ, а сверхъ того, не имѣло бы нужды отдѣлять цѣлую армію для внутренней «дисциплины», такъ что при немъ-то именно Франція стала бы гораздо могущественнѣе и въ военномъ отношеніи, наперекоръ тому, какъ вообще думаютъ.

Г. Ѳадѣевъ въ нѣсколькихъ полновѣсныхъ словахъ очерчиваетъ характеръ французской арміи, которой правительство, для своихъ цѣлей, старалось придать характеръ какъ можно болѣе отчужденной отъ народа касты, посредствомъ премій старымъ солдатамъ за поступленіе на вторичную и третичную службу, и дѣлаетъ мѣткое замѣчаніе, что сама исключительная, «желѣзная» строгость французской военной дисциплины обусловливается демократическимъ составомъ арміи, въ которой между офицерами и солдатами нѣтъ сословной грани. Эта суровая внутренняя дисциплина и вмѣстѣ та подложка, какую даетъ французское правительство военнымъ по отношенію ко всей земщинѣ, даетъ французскимъ солдатамъ, какъ выражается авторъ, «свой-

ства наемныхъ бойцовъ, ландскнехтовъ XVI вѣка, дерзость, отвагу, славолюбіе, фанатизмъ къ своему знамени, презрѣніе ко всему не военному».

Мы должны замѣтить, что въ этомъ портретѣ не дорисована одна существенная черта, та внутренняя сила, какую даетъ французской арміи именно ея демократичность. Tout soldat—говоритъ французская пословица—porte dans sa giberne le bâton de maréchal. Эта пословица возможна только во Франціи и въ Америкѣ; а въ принципѣ этомъ нельзя не видѣть важнаго возбужденія для того «славолюбія», о которомъ говоритъ авторъ. Сверхъ того, что лучше для дисциплины истинной, боевой, а не парадной—полная ли солидарность солдатъ съ офицерами или уваженіе къ сословному авторитету?

Пруссію г. Ѳадѣевъ не считаетъ еще въ полномъ смыслѣ національностью. «Относительно исторической крѣпости», говоритъ онъ, «Пруссія отличается отъ Австріи только тѣмъ, что та распалась бы безъ всякой боли, между тѣмъ, какъ первая чувствовала бы боль въ минуту разрыва, но только въ эту минуту, не долѣе. Еслибы въ послѣднюю войну австрійцамъ удалось рѣшительно взять верхъ, Силезія, прусская Саксонія, рейнскія провинціи стали бы кричать, вѣроятно, ощутили бы, какъ ихъ отдираютъ отъ бранденбургской монархіи; но черезъ три года, онѣ были бы спокойны, чувствовали бы себя дома, подъ другими, нѣмецкими правительствами».

Прусская военная система основана на томъ фактѣ, что война, когда она представлялась Пруссіи, всегда являлась передъ нею какъ борьба за существованіе. Отсюда вся военная система Пруссіи построена на поголовномъ ополченіи. Прусская армія—народное войско, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся Пруссія—военный лагерь. Въ 1866 году, всего черезъ мѣсяцъ по объявленіи войны, дѣйствующія войска Пруссіи состояли изъ 360 тысячъ человѣкъ.

Прусская армія держится преимущественно офицерами. Мелкопомѣстное дворянство изъ роду въ родъ служитъ въ военной службѣ и въ этихъ-то наслѣдственно-подготовленныхъ офицерахъ вся сила прусской арміи. «Хорошо подученное ополченіе, предводительствуемое наслѣдственнымъ военнымъ и воинственнымъ дворянствомъ». Въ прусскихъ солдатахъ преобладаютъ именно качества ополченія. По отзыву автора, прусскій солдатъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ моложе, чѣмъ старше тѣмъ хуже—совершенно на оборотъ тому, что замѣчается во всѣхъ другихъ арміяхъ. Военная система, основанная на народномъ ополченіи, разумѣется возможна только въ такой странѣ, въ ко-

торой правительство можетъ вполнѣ положиться на низшіе классы, и которая имѣетъ хорошіе пути сообщенія. По самому существу своему, прусское военное устройство — чисто-оборонительное. Для упорныхъ, наступательныхъ войнъ оно не годится, потому что нація не можетъ выносить долго чрезвычайнаго напряженія. Могущество, проявленное Пруссіею въ послѣднюю войну, которая продолжалась двѣ недѣли, едва ли можетъ представить намъ мѣру силы Пруссіи при участіи въ великой борьбѣ, которая нѣсколько разъ склонялась бы то на одну, то на другую сторону. При нынѣшней общей склонности преувеличивать дѣйствительное могущество Пруссіи, представляетъ особый интересъ слѣдующее мнѣніе г. Ѳадѣева: «Призывая въ армію сразу почти все населеніе способное носить оружіе, Пруссія уподобляется человѣку, выходящему на бой съ однимъ зарядомъ; если онъ не свалитъ противника первымъ выстрѣломъ, онъ останется передъ нимъ безоружнымъ. Очевидно, что противъ государства, котораго нельзя свалить разомъ, какъ Франція, не говоря уже о Россіи, прусскій натискъ составляетъ не больше какъ лѣтній ливень, конца котораго можно дождаться подъ первымъ навѣсомъ».

Г. Ѳадѣевъ, выставляя особенности арміи австрійской, также обусловленныя исторіею и географическими данными, указываетъ какъ на самую слабую ея сторону, на непониманіе офицерами солдатъ и наоборотъ. Но правительство сдѣлало въ своей заботливости о созданіи чисто корпоративной, вполнѣ преданной арміи чудеса: три четверти, если не девять десятыхъ этой арміи, принадлежатъ къ національности *императорской портупеи* и «готовы биться хоть противъ отцовъ и братьевъ», до такой степени «полковой духъ задушилъ въ нихъ духъ народный». Это чудо, совершенное австрійскимъ правительствомъ, тѣмъ удивительнѣе, что солдаты въ австрійской арміи замѣщаются въ полки по національностямъ. Мы должны однако нѣсколько усомниться въ полнотѣ этого «чуда», на которое указываетъ авторъ, когда припомнимъ, что именно Австрія, которая, сколько намъ извѣстно, одна только размѣщаетъ солдатъ въ полки по національностямъ (вынужденная къ тому очевидною невозможностью поступать иначе) — и придумала такъ-называемый Heerbann, то-есть систему, по которой славянскіе полки посылались въ итальянскія области, а нѣмецкіе полки въ области славянскія. Стало быть, само оно никогда, т. е. еще нѣсколько вѣковъ назадъ, точно такъ какъ и теперь, не было увѣрено, что его полки признаютъ только одну національность — «національность императорской портупеи». Но это замѣчаніе и касается только одной Австріи,

нисколько не отрицая пользы распредѣленія солдатъ въ полки по мѣстностямъ, въ которыхъ они набраны.

Итакъ, въ каждомъ государствѣ, военное устройство опредѣлялось историческими и географическими условіями и потому въ каждомъ государствѣ оно до нѣкоторой степени самобытно. Въ одномъ только русскомъ устройствѣ такой самобытности не оказывается. Со времени петровой реформы, тутъ все строилось подражаніемъ и фридриховская система все еще преобладала у насъ въ то время, когда вся Европа давно ее бросила. Впрочемъ, и въ нашей прежней военной организаціи сказалось одно народное, историческое условіе: крѣпостное право. Оно лишало Россію возможности ввесть у себя кратко-срочную военную службу и имѣть запасныя войска, потому что нельзя было проводить много людей чрезъ военную службу, когда она освобождала ихъ отъ крѣпостной зависимости. Сверхъ того, существованіе крѣпостного права имѣло вліяніе на громадное развитіе мѣстныхъ войскъ у насъ. Численность внутренней стражи доходила до 180 тысячъ человѣкъ. Понятно, что при закрѣпленіи 20 милліоновъ, необходимо было постоянное присутствіе во всѣхъ мѣстностяхъ значительной военной силы, а это, разумѣется, уменьшало нашу силу внѣшнюю.

II.

Главнымъ правиломъ при преобразованіи нашей арміи, какъ уже выше сказано, служилъ принципъ возможно большей растяжимости. Держать постоянно въ наличности весь итогъ силъ, необходимыхъ для войны, невозможно. Напротивъ, всѣ государства убѣдились въ той истинѣ, которую мы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, формулируемъ такъ: «если хочешь войны, будь бережливъ въ мирѣ», — чѣмъ меньше будешь издерживать на армію въ мирное время, тѣмъ больше будешь имѣть средствъ на случай войны. Отсюда правило, что чѣмъ больше разница въ наличномъ составѣ людей по мирному положенію, сравнительно съ военнымъ, тѣмъ сильнѣе можетъ быть государство въ моментъ боя. Чтобы содержать какъ можно меньше людей во время мирное, приходится выбирать одно изъ двухъ: или расформировывать цѣлыя части и составлять ихъ вновь для войны, или же оставлять въ каждой части кадры, и вслучаѣ войны только такъ сказать вливать въ готовые сосуды наплывъ большей численной силы. Ясно, что послѣдняя система раціональнѣе.

Она и принята у насъ. Такъ, вмѣсто прежнихъ 28 пѣхот-

ныхъ дивизій, учреждено 47 дивизій. Въ нихъ батальоны, которыхъ комплектъ — 1,000 человѣкъ, въ мирное время ограничиваются составомъ въ 680, 500 и 320 человѣкъ (три степени). Такимъ образомъ, при переходѣ къ мирному положенію, пѣхота можетъ быть сокращена на цѣлую треть, а между тѣмъ, остаются неприкосновенными всѣ звенья грозной боевой системы и приготовленіе къ войнѣ можетъ совершаться не валовымъ приливомъ необработанныхъ силъ, а правильною методою, которая допускаетъ подготовленіе вновь прибывающихъ и ручается за равное достоинство даже малѣйшихъ боевыхъ единицъ. Для подготовки людей къ обязанностямъ службы учреждены въ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи резервныя части.

Нынѣшнюю организацію русской арміи авторъ признаетъ достаточною для отпора той силѣ, какую Россія имѣла передъ собою въ крымскую войну. Но онъ признаетъ ее рѣшительно недостаточною по нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

Со времени крымской войны, въ Европѣ произошли важныя перемѣны: возникло новое первостепенное государство—Италія, Пруссія стала великою державою уже не по имени только, а въ дѣйствительности, и всѣ государства значительно увеличили свои арміи. Г. Ѳадѣевъ говоритъ: «Германія и Испанія, прежде все равно (?) какъ бы не существовавшія въ общемъ итогѣ, вносятъ теперь въ политическое равновѣсіе міра полмилліона дѣйствующихъ войскъ, а съ Соединенными Штатами итогъ приращенія нельзя даже исчислить.» Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что 200-тысячная дѣйствующая армія Италіи составляетъ важную и для насъ разницу въ военномъ равновѣсіи Европы потому именно, что для насъ она можетъ означать 200-тысячное подкрѣпленіе арміи французской; но если принимать постоянное дѣленіе европейскихъ государствъ на враждебныя и союзныя съ нами, то слѣдуетъ признать, что усиленіе Пруссіи, въ которой мы можемъ предполагать союзника настолько же, какъ въ Италіи врага, возстановляетъ балансъ въ нашу пользу. О Соединенныхъ Штатахъ, намъ кажется, едва-ли можно серьёзно говорить какъ объ европейской военной державѣ. Война въ Америкѣ показала, какую страшную силу можетъ развернуть эта могущественная республика въ случаѣ нужды. Она явила никогда невиданный примѣръ милліоннаго ополченія волонтеровъ; до тѣхъ поръ только примѣръ республиканской Франціи представлялъ нѣчто въ этомъ родѣ, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Но громадная вооруженная сила Соединенныхъ Штатовъ — чисто-оборонительная и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ принимаема въ разсчетъ при взвѣшиваніи положенія дѣлъ

въ Европѣ. Даже участіе въ европейской войнѣ сѣверо-американскаго флота, на которое разсчитываетъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ, представляется весьма проблематичнымъ по смыслу всей политики союза. Девизъ «Америка — американцамъ» имѣетъ и отрицательный смыслъ; онъ означаетъ также «американцамъ — Америка».

Но важнѣе всего тотъ фактъ, что отношеніе численности нашей дѣйствующей арміи къ итогу дѣйствующихъ иностранныхъ армій или, что̀ тоже, относительная военная сила Россіи въ Европѣ уменьшилась. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, дѣйствующія силы Россіи составляли почти *половину* дѣйствующихъ силъ остальныхъ великихъ державъ взятыхъ вмѣстѣ, а теперь составляютъ только треть послѣднихъ. Да сверхъ того, у насъ нѣтъ резервовъ. Съ резервными же войсками (которыя могутъ быть введены въ дѣло), силы первоклассныхъ державъ Европы относятся къ силамъ Россіи какъ 4 къ 1 [1]). Вотъ исчисленіе дѣйствующихъ силъ и резервовъ европейскихъ государствъ:

Англія	72,000	12,000	милиціи, кромѣ волонтеровъ.
Франція	480,000	400,000	національной гвардіи.
Италія	300,000	—	» »
Сѣверо-германскій Союзъ.	507,000	200,000	ландвера, кромѣ зап. войскъ.
Австрія	485,000	350,000	5-хъ и 6-хъ батальоновъ, пограничныхъ войскъ, волонт. кромѣ 4-хъ зап. батальоновъ.
	1.844,000	870,000	
Россія	650,000	—	кромѣ 13 крѣп. бат. ничего [2]).

Каковы бы ни были эти цифры, ясно одно, именно, что если русскія дѣйствующія силы составляютъ и нынѣ 650 тысячъ чел., какъ онѣ составляли въ 1853 году (не считая 6 дивизій на Кавказѣ), то въ виду очевидно увеличившихся вооруженій Европы, онѣ уже не занимаютъ прежняго мѣста.

Собственно говоря, если въ итогѣ армій шести первоклас-

---

[1]) Авторъ говоритъ: «Считая резервы, которыхъ у насъ совсѣмъ нѣтъ, наши силы составляютъ лишь пятую часть *противъ* суммы пяти главныхъ державъ». Замѣтимъ, что термины сравненія у г. Ѳадѣева неодинаковы Такъ, по приводимымъ имъ цифрамъ 1853 года, русская армія въ самомъ дѣлѣ составляла почти половину суммы остальныхъ первоклассныхъ; по его же цифрамъ настоящаго времени, русская армія составляетъ около одной шестой не суммы *остальныхъ* первоклассныхъ армій, а итога войскъ *всѣхъ* великихъ державъ, включая и Россію. О самыхъ цифрахъ, приводимыхъ авторомъ, излишне было бы спорить, такъ какъ, кромѣ Сѣверо-германскаго союза и Англіи, всѣ онѣ еще преобразуются, такъ что въ исчисленіи ихъ будетъ всегда доля произвола, смотря по тому, брать ли цифры предположенныя или наличныя въ данную минуту.

сныхъ державъ, наша армія представляетъ одну пятую, то такой фактъ казался бы утѣшительнымъ: значитъ у насъ все-таки болѣе дѣйствующаго войска, чѣмъ приходилось бы на нашу долю, если бы вывесть среднюю цифру.

Но г. Ѳадѣевъ доказываетъ, что наше положеніе исключительное и съ этимъ нельзя не согласиться, до нѣкоторой степени. Такъ какъ рѣшеніе вопроса о необходимой для государства силѣ вооруженій зависитъ болѣе всего отъ взгляда на политическія отношенія, то мы должны изложить политическій взглядъ автора.

Перемѣны, происшедшія въ Европѣ со времени крымской войны, были благопріятны для большинства великихъ державъ; даже Австрія «утратила однѣ мечты, конечно очень розовыя (?), но потерпѣла мало ущерба въ дѣйствительности». Не говоря о только-что сплотившейся Италіи, Пруссія и Франція пріобрѣли новыя владѣнія, Англія же пріобрѣла въ усилившейся Пруссіи континентальный оплотъ. Для одной Россіи совершавшіяся въ Европѣ перемѣны скорѣе неблагопріятны, чѣмъ наоборотъ. Въ Италіи явилась союзница «конечно не дружественному намъ лагерю»; объединеніе Германіи сдѣлало прусскій союзъ не безусловнымъ и сверхъ того лишило насъ исключительнаго положенія, какое мы имѣли на Балтійскомъ морѣ; пораженіе Австріи, обращая все ея тяготѣніе на юго-востокъ, также неблагопріятно для насъ.

Но этого мало: оставляя въ сторонѣ упоминаемый авторомъ интересъ Европы къ Польшѣ и Финляндіи, какъ несущественный, нельзя не согласиться съ нимъ, что западная Европа подвинулась къ намъ ближе тѣмъ, что взяла въ свои руки опеку надъ румынскими княжествами и христіанскими населеніями Турціи.

Впрочемъ, авторъ идетъ еще далѣе; онъ ставитъ положеніе, что вся Европа въ сущности враждебна Россіи. «Хотя великія западныя державы», говоритъ онъ, «обрѣзываютъ не церемонясь, когда могутъ, одна другую, но существованіе каждой изъ нихъ, даже существованіе въ нормальной силѣ, за нею признанной, обезпечено всею Европой. Это обезпеченіе нисколько не простирается на насъ. Если бы можно было лишить Россію ея европейскаго положенія, отрѣзать ее отъ морей, забросить ее даже за Москву, многіе были бы рады содѣйствовать такому счастливому событію, а изъ прочихъ никто бы о насъ не потужилъ, не написалъ бы ни одной дипломатической ноты въ нашу пользу. Сочувствуя намъ въ 1812 году, Европа сочувствовала только себѣ, своему безпомощному положенію передъ Наполеономъ. Нѣтъ

сомнѣнія, что въ душѣ, въ общественномъ настроеніи, независимо отъ дипломатическихъ интересовъ, западная Европа въ общей массѣ намъ враждебна». Въ этихъ словахъ есть преувеличеніе, но есть и доля правды. Авторъ не обходитъ и причинъ этой враждебности, изъ которыхъ главная по его мнѣнію та, что западныя державы считаютъ насъ всѣхъ, русскихъ и не русскихъ славянъ и православныхъ, людьми чужими. Что славянскій православный міръ стоитъ въ Европѣ особнякомъ — это правда, но едва ли тутъ главную роль играетъ именно исповѣданіе. Нельзя напр. сказать, чтобы западная Европа считала Грецію чуждою себѣ страною, хотя страна эта и православная, нельзя не замѣтить, что и въ нашихъ глазахъ эллинъ гораздо болѣе похожъ на итальянца и имѣетъ съ нимъ гораздо болѣе общаго, какъ личность, чѣмъ сколько онъ похожъ на серба. Зависитъ это просто отъ того, что Греція до половины XV-го вѣка была близка Европѣ самою политическою жизнью, и по торговлѣ была близка ей всегда, между тѣмъ, какъ міръ восточныхъ славянъ былъ извѣстенъ Европѣ только изъ описаній путешественниковъ. Посмотрите, какое понятіе имѣлъ о Россіи еще Монтескьё; да и до сихъ поръ насъ знаютъ въ Европѣ очень неудовлетворительно, а не понимаютъ почти совсѣмъ.

Что Европа прошла чрезъ феодальную систему, а восточное славянство — нѣтъ, въ этомъ обыкновенно видятъ коренное различіе между Западомъ и Востокомъ. Но едва ли и это различіе можно признать существеннымъ. Вѣдь сословная рознь существовала и у насъ, а со времени петровской реформы у насъ рознь эта даже постоянно усиливалась, въ то время какъ на Западѣ она постепенно сглаживалась. Правда, въ европейскихъ нравахъ до сихъ поръ сохраняется гораздо болѣе, чѣмъ то замѣтно у насъ, дворянская идея; нѣмецкій баронъ болѣе думаетъ о своемъ баронствѣ, когда относится къ образованному бюргеру, чѣмъ русскій баронъ. Но за то самъ герцогъ Ноайль или Ларошфукò болѣе имѣетъ общаго съ французскимъ крестьяниномъ, чѣмъ у насъ прирожденный чиновникъ или любой офицеръ съ мужикомъ. Французскій крестьянинъ ѣстъ бѣлый хлѣбъ и пьетъ вино, какъ и герцогъ, обоихъ ихъ одинаково воодушевляютъ нѣсколько народныхъ идей.

Отчужденность восточнаго, славянскаго, православнаго міра отъ Запада, какъ фактъ историческій, конечно зависѣла отъ всѣхъ причинъ, приведенныхъ выше, но эти причины давно перестали дѣйствовать: мы—чужіе для Европы вовсе не потому, что въ настоящее время ходимъ въ иную церковь или менѣе проникнуты дворянскою идеею (которой нѣтъ и у американцевъ,

очень близкихъ Европѣ), а просто потому, что мы не жили одною жизнью съ Европою, не участвовали въ общемъ ея развитіи.

Но какъ бы то ни было, самое незнакомство или несходство еще едва ли непремѣнно вызываетъ враждебность. Тутъ главнымъ образомъ дѣйствуютъ просто политическія причины. Можно навѣрное сказать, что Европа точно также была враждебна Франціи, начиная съ Карла VIII и Людовика XII. Съ тѣхъ поръ Европа всегда была готова къ коалиціи противъ Франціи.

Можно было бы сказать многое и противъ того различія, которое авторъ проводитъ между отношеніями нашими къ Европѣ во время священнаго союза и теперь, когда наша политика не игнорируетъ интересовъ національности. Онъ говоритъ, что Европа во время священнаго союза только потому не соперничала съ нами, что мы «пошли къ ней въ службу, стушевались и едва ли не перестали быть русскими». Этого рода разсужденіе у насъ повторяется часто. Но священный союзъ предполагалъ общее отреченіе отъ идеи національности, онъ исключалъ эту идею, казавшуюся революціонною. Развѣ, когда Пруссія, подъ нашимъ же вліяніемъ, покинула шлезвигъ-гольштейнцевъ, она не «переставала быть нѣмецкою»? Мы колебались сперва освободить Грецію, однакоже освободили ее, а сдѣлала ли что-нибудь бурбонская Франція для освобожденія Италіи? Странно требовать совмѣщенія въ одной системѣ самыхъ противоположныхъ идей. Роль Россіи въ священномъ союзѣ была далеко не послѣдняя и потому нельзя сказать, что мы «пошли къ нему на службу».

Что пока существовалъ этотъ союзъ, не было соперничества нашего съ Европою, а когда мы стали отчасти допускать въ нашу политику принципъ національностей, то соперничество проявилось, — это совершенно естественно. Не было борьбы потому, что былъ союзъ, а принципъ національностей не въ однихъ нашихъ отношеніяхъ къ Европѣ вызываетъ соперничество. Онъ необходимо обусловливаетъ общее соперничество въ Европѣ, онъ-то и разрушилъ всѣ союзы. Итакъ, напрасно выставлять Европу столь коварною, что она требуетъ отъ насъ непремѣнно прислужничества и готова соединиться противъ насъ *только* потому, что мы не хотимъ служить ей.

Для чего такая очевидная натяжка? Развѣ и безъ этого нельзя доказать вполнѣ убѣдительно то, что доказать требуется, именно, что при всеобщемъ усиленіи вооруженій и со стороны Россіи естественно не отставать, что, особенно въ восточномъ вопросѣ, мы должны имѣть въ виду коалицію, а стало быть и принимать на такой конецъ соотвѣтственныя мѣры? «Съ тѣхъ поръ,

какъ Россія стала становиться русскою — говоритъ авторъ — мы всегда должны быть готовы къ такому обороту дѣлъ». Ну, а Пруссія, съ тѣхъ поръ, какъ она «стала становиться» нѣмецкою, развѣ не должна быть также готова встрѣтить коалицію? Отчего это мы всегда расположены думать, что то, что̀ съ нами случилось, не случалось еще ни съ кѣмъ, что на все у насъ были какія-то особыя причины, и все, что̀ мы ни испытываемъ, безпримѣрно въ исторіи?

III.

Итакъ, рѣшено, что мы должны обусловливать размѣръ нашихъ вооруженій неминуемостью коалиціи. Слѣдуетъ, стало быть, разсмотрѣть, сколько намъ можетъ потребоваться силъ, взвѣсить наши шансы и разсчислить, какъ наши силы должны быть размѣщены. Главныя выгоды Россіи въ военномъ отношеніи заключаются, конечно, въ томъ, что Россія — громадное государство. Считая въ Россіи, въ 1868 году, населеніе въ 80 милліоновъ, какъ то дѣлаетъ авторъ [1]), получимъ цифру, которая превосходитъ итогъ населенія Франціи, Австріи, Бельгіи и Голландіи. Отношеніе между численностью арміи и числомъ населенія у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ континентальныхъ большихъ государствахъ. Еслибы Россія вооружилась въ такомъ размѣрѣ, какъ Пруссія, то у ней оказалось бы на лицо 3 милл. 200 тысячъ солдатъ. Впрочемъ, предѣлъ возможнаго здѣсь опредѣляется прежде всего экономическимъ положеніемъ и опредѣляется у насъ, конечно, гораздо ниже этой нормы. Авторъ хотя и не сказалъ этого, но долженъ былъ имѣть это въ виду. Изъ того, что Пруссія на $18^1/_2$ милл. населенія могла бы содержать 720 тысячъ солдатъ, вовсе не слѣдуетъ, что даже съ 80-тимилліоннымъ населеніемъ мы могли бы содержать болѣе, чѣмъ трехмилліонную армію. Правда, содержаніе солдата (по мирному положенію) у насъ обходится дешевле, чѣмъ гдѣ-либо. Англійскій солдатъ стоитъ въ годъ 2,737 франковъ, французскій 923, прусскій 734, а русскій только 560 франковъ; но нашъ военный бюджетъ, сравнительно съ общимъ, и теперь тяжеле, чѣмъ въ Пруссіи. Громадное пространство Россіи даетъ ей ту выгоду въ войнѣ, что она не можетъ быть побѣждена совершенно, какъ напр. Франція въ 1814 году или Пруссія въ 1806. Еще выгода Россіи въ военномъ отношеніи — что у насъ нѣтъ

---

[1]) По Статист. Врем. за 1866 г. выходитъ цифра около 69 милл. 600 т.

причины, которая бы препятствовала даже въ минуту величайшей опасности вооружить народную массу. Напротивъ, у насъ уже не разъ обращались къ ополченію, и авторъ въ ополченіи именно видитъ тотъ резервъ, котораго намъ недостаетъ для необходимаго уравновѣшенія нашихъ силъ. Что уравновѣшеніе это — т. е. увеличеніе — необходимо, авторъ доказываетъ, между прочимъ, особенною важностью, какую получило въ военномъ дѣлѣ, въ настоящее время, количество войска въ сравненіи съ качествомъ.

Главное преимущество старыхъ, опытныхъ войскъ заключается въ ихъ «силѣ удара». Но при усовершенствованіи огнестрѣльнаго оружія, къ «силѣ удара» не такъ часто приходится обращаться. «Теперь — говоритъ авторъ — уже не побьешь съ десятью тысячами тридцать или двадцать тысячъ европейскихъ войскъ, какъ сплошь и рядомъ случалось прежде». Въ послѣдней битвѣ при Кустоццѣ оказалось, что армія недавно образованная, и состоявшая изъ наименѣе годныхъ для военнаго дѣла элементовъ, продержалась на полѣ сраженія цѣлый день противъ опытныхъ войскъ потому только, что численныя силы были равны.

Главныя невыгоды Россіи въ дѣлѣ войны съ Европою заключаются въ томъ, что Россія всегда должна быть готова встрѣтить противъ себя не одну державу, а коалицію, и сверхъ того, не можетъ знать навѣрное, куда будетъ направленъ ударъ противниковъ, между тѣмъ, какъ каждое другое государство болѣе или менѣе вѣрно знаетъ, съ какой именно стороны можетъ быть нанесенъ ударъ. Отсюда является для насъ необходимость растягивать наши силы. Надо прибавить, что такъ какъ въ союзѣ противъ насъ, по всей вѣроятности, будетъ хоть одна морская держава, то намъ придется, какъ уже было, защищать огромную линію береговъ отъ опасности дессанта, который можетъ быть произведенъ во многихъ пунктахъ. Сама столица стоитъ на берегу. Берега Балтійскаго, Чернаго, Бѣлаго морей, 14 крѣпостей, лежащихъ вдоль западной и южной границъ, Царство Польское и западныя губерніи, да Кавказъ, то-есть двадцать шесть губерній — все это должно быть занято, обезпечено силами, которыя останутся мертвыми. Изъ этого г. Ѳадѣевъ выводитъ заключеніе, что одними постоянными войсками мы никакъ обходиться не можемъ. Чтобы при войнѣ обезпечить все то, что требуетъ обезпеченія, да еще имѣть достаточное число свободныхъ дѣйствующихъ войскъ, надо имѣть такую армію, «какой не было ни у Чингисхана, ни у Наполеона въ то время, когда онъ распоряжался Европою, ни у кого не было». Геогра-

фическое положеніе Россіи обусловливаетъ для насъ необходимость содержать во время войны большое число войскъ временныхъ.

Вотъ какъ авторъ разчисляетъ, основываясь на примѣрѣ восточной войны, распредѣленіе войскъ, которыя необходимы для обороны: «Оборонительныя средства будутъ сосредоточены въ четырехъ мѣстностяхъ: 1) на берегахъ балтійскихъ, 2) въ западныхъ губерніяхъ, 3) на берегахъ черноморскихъ, 4) на Кавказѣ». Для обезпеченія этихъ мѣстностей, необходимо временныхъ войскъ съ небольшимъ 400 тысячъ человѣкъ (составъ 34 дивизій). Но лучше было бы прибавить къ нимъ еще около 80 тысячъ, въ видѣ помощи дѣйствующимъ войскамъ и на всякій случай. Такимъ образомъ, примѣрная цифра войскъ временныхъ или резервныхъ, опредѣлена.

Затѣмъ спрашивается, каковы должны быть силы дѣйствующія. Необходимая численность ихъ опредѣляется предполагаемою численностью непріятеля. Для этого г. Ѳадѣевъ употребляетъ такой пріемъ: онъ предполагаетъ, что имѣя достаточно силъ мы, въ 1855 году, чтобы избавиться отъ морской войны, сдѣлали бы нападеніе на Австрію (допуская, что Пруссія не вступилась бы за нее). Въ такомъ случаѣ французы, вмѣстѣ съ австрійцами и итальянцами, стали бы дѣйствовать противъ насъ на Карпатахъ; на Дунаѣ и въ Азіи остались бы противъ насъ турки съ англичанами. Принявъ за вѣроятное такое распредѣленіе войскъ союзниковъ, авторъ перелагаетъ тогдашнія силы ихъ въ новыя цифры, сообразно съ нынѣшнимъ составомъ армій, которыми они могутъ располагать, по новой организаціи европейскихъ войскъ. Выходитъ, что австрійцевъ было бы 350 тысячъ, французовъ 150 тысячъ, итальянцевъ 100 тысячъ (сравнительно съ французами не слишкомъ ли много?). Силы же турокъ и англичанъ на Дунаѣ и въ Азіи авторъ опредѣляетъ прежними цифрами ихъ войскъ, участвовавшихъ въ восточной войнѣ: и ставитъ 100 тысячъ на Дунаѣ и 70 т. въ Азіи.

Значитъ, Россіи пришлось бы выставить 600 тысячъ челов. въ западной арміи, 100 т. въ южной и 70 т. на Кавказѣ, на берегу Чернаго моря и по турецкой границѣ: всего 770 т. чел. дѣйствующихъ войскъ. Вдобавокъ къ этой массѣ потребовались бы еще, кромѣ резервныхъ войскъ, войска для обезопасенія отъ Швеціи, для удержанія въ Оренбургскомъ краѣ и Сибири, наконецъ для подкрѣпленія резервовъ-ополченій нѣкоторыми количествами войскъ опытныхъ — 130 т., всего съ арміями 900 тысячъ. Эти 900 т. дѣйствующихъ войскъ, вмѣстѣ съ 480 т. резервовъ-ополченій, составили бы 1,380,000 чел. кромѣ пол-

ковыхъ депò и нестроевыхъ. Цифра огромная, но вѣдь къ концу восточной войны у насъ числилось войска еще гораздо больше, только цѣлыя три четверти его было неспособно.

Въ приведенномъ расположеніи дѣйствующихъ войскъ авторъ видитъ не частный случай, зависѣвшій собственно отъ тогдашнихъ обстоятельствъ, а *нормальное распредѣленіе русскихъ силъ при всякой борьбѣ противъ европейскаго союза.* Постоянная война могла бы быть рѣшена въ нашу пользу только успѣхомъ на западной границѣ. «Гордіевъ узелъ», говоритъ онъ, «перенесенъ на другую почву; отнынѣ румянцовскіе походы не могутъ болѣе приносить плодовъ и судьба всѣхъ вопросовъ, сталкивающихъ насъ съ Западомъ не только по турецкимъ, но даже по азіатскимъ дѣламъ, если они доростутъ до такихъ размѣровъ, должна рѣшаться на европейскихъ поляхъ; однимъ словомъ — вся боевая сила Россіи заключается въ ея западной арміи, стоящей на своемъ натуральномъ базисѣ, на Вислѣ». Остальныя арміи могутъ играть только второстепенную роль, но судьба всякой нашей борьбы съ Европой будетъ рѣшаться на западной границѣ. Если бы въ восточной войнѣ намъ выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатоліи», говоритъ авторъ, «то мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему повели бы насъ эти успѣхи? Если же, напротивъ, союзники одержали бы верхъ надъ нами на Днѣстрѣ, овладѣли Крымомъ, Закавказьемъ, Финляндіей и даже Петербургомъ (!), но въ тоже время ихъ силы были бы на голову разбиты на поляхъ средней Европы, кто диктовалъ бы условія мира»?

Намъ думается, что авторъ здѣсь увлекается слишкомъ далеко принятымъ имъ методомъ для доказательства, что армія наша должна имѣть резервы, какъ всѣ европейскія арміи. Эта необходимость, какъ намъ кажется, можетъ быть доказываема посредствомъ самаго простого умозрѣнія: всѣ даютъ своимъ арміямъ бòльшую растяжимость, увеличиваютъ наличный составъ дѣйствующихъ войскъ и создаютъ резервы, стало быть и Россія должна дѣлать это въ пропорціи нашего населенія и экономическихъ средствъ — вотъ и все. Но г. Ѳадѣевъ хочетъ доказать свою мысль болѣе наглядно, такъ сказать математически, вычисленіями, и принимаетъ для этого методъ нѣсколько искусственный. Когда говорятъ о возможности для Россіи войны, то имѣютъ въ виду преимущественно вопросъ восточный. И г. Ѳадѣевъ имѣетъ преимущественно въ виду именно этотъ вопросъ. Тѣ политическія необходимости, которыя обусловливаютъ, что вся дѣятельность или жизнь государства «не можетъ заключаться въ его предѣлахъ», какъ онъ говоритъ въ заключеніи своей

книги—относятся очевидно къ вопросу восточному. Не можетъ же быть, чтобы военный спеціалистъ, человѣкъ практическій, имѣлъ въ виду вложить въ основу преобразованія нашей арміи «необходимость» присоединить къ Россіи славянъ австрійскихъ, которые борятся именно за политическую самостоятельность своихъ народностей. Что авторъ имѣетъ въ виду преимущественно войну изъ-за восточнаго вопроса, это ясно и изъ того, что вся его система основана на предположеніи коалиціи противъ насъ; а общая коалиція противъ насъ именно только по восточному вопросу и несомнѣнна. Во всякомъ иномъ вопросѣ, если мы предположимъ возможность союза противъ насъ, то должны предположить и возможность союзника на нашей сторонѣ. Странно было бы думать, что по какому бы то ни было вопросу всегда будетъ

> **«Европа противъ насъ. Окружено врагами**
> **Отечество со всѣхъ сторонъ».**

Еще страннѣе класть въ основу военной организаціи одного государства мысль, что это государство должно быть постоянно готово дать отпоръ всему міру.

Между тѣмъ, вотъ какъ поступаетъ почтенный авторъ.

Да, по восточному вопросу мы должны всегда ожидать коалиціи; восточнаго вопроса мы все-таки не можемъ навсегда упускать изъ виду; очень легко можетъ даже случиться, что вооруженное вмѣшательство здѣсь будетъ намъ навязано независимо отъ нашей инициативы. Предположимъ, напр., обширное славянское возстаніе въ земляхъ Турціи и рѣшимость Франціи, Англіи и Австріи занять эти земли своими войсками.

Но за то именно по восточному-то вопросу и мало вѣроятно, чтобы базисомъ операцій сдѣлалась Висла и чтобы восточный вопросъ сталъ рѣшаться на Карпатахъ коалиціею противъ уединенной Россіи. Во всякомъ случаѣ, такая гипотеза дѣлаетъ невозможнымъ спокойное присутствіе на Карпатахъ 150 тысячъ французовъ, а что касается 100 тысячъ итальянцевъ, то съ какой же стати они будутъ тамъ? Отчего предполагать, что Пруссія останется нейтральною, а Италія непремѣнно пойдетъ на насъ, вмѣстѣ съ Австріею? Это большая политическая путаница. Правда, союзъ Пруссіи съ Россіею нынѣ не такъ вѣренъ, потому что Пруссія стала почти Германіею. Но за то же вѣдь и Италія — не Сардинія. Выслуживаться въ восточномъ вопросѣ, чтобы получить производство въ Европѣ ей нѣтъ болѣе нужды. Да и что же она могла бы получить за такую службу? Тріэстъ? Итальянскій Тироль? Нѣтъ, потому что она дѣйствовала бы въ

союзѣ съ Австріею. Римъ? Но развѣ Римъ уйдетъ отъ Италіи? Завоевывать себѣ Римъ въ Византіи она можетъ также мало, какъ западныя державы рѣшать балканскій вопросъ на Карпатскомъ хребтѣ. Все это непрактично и подобныя предположенія принадлежатъ скорѣе къ области политическихъ мечтаній, чѣмъ сужденій чисто-фактическихъ, которыя одни могутъ служить основами для рѣшенія такого практическаго вопроса, какъ вопросъ о преобразованіи или усиленіи арміи.

Мы не можемъ не признать черезчуръ произвольною постановку вопроса, дѣлаемаго авторомъ: «если бы въ восточной войнѣ намъ и выпали блестящіе успѣхи на Балканахъ и въ Анатоліи, но мы проиграли бы дѣло на Вислѣ, къ чему бы повели насъ эти успѣхи?» Несомнѣнно, что ни къ чему, какъ несомнѣнно, что если мы сложимъ два да два, то будетъ четыре. Но если приходится слагать два и одинъ? Вопросъ въ томъ, было ли бы вообще *дѣло на Вислѣ* въ восточной войнѣ?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ отрицательно прежде всего самъ фактъ: такого дѣла *не было.* Между тѣмъ, западныя державы, конечно, очень хорошо понимали и въ 1853 году, что восточный вопросъ можно было рѣшать самымъ радикальнымъ образомъ именно между Вислою и западною Двиною, что дессантъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, въ тылу западной русской арміи могъ бы быть опаснѣе для Россіи, чѣмъ на берегу Чернаго моря. Посмотрите, какъ упрекаетъ западныя державы въ нерѣшительности Мѣрославскій [1]) за то, что они этого не сдѣлали. Стало быть, мысль о рѣшеніи восточнаго вопроса на Вислѣ — не нова и не могла не быть въ виду у союзниковъ, однакожe они ея не приняли. Причины, по которымъ они не приняли ея тогда, остаются и теперь: главная изъ нихъ та, что Англія, имѣя въ виду собственно-восточный вопросъ, не захочетъ отстаивать цѣлость Оттоманской имперіи въ иномъ бассейнѣ, какъ въ бассейнѣ Чернаго моря; она не согласится на такой планъ охраненія Турціи, который вмѣсто охраненія ея велъ бы къ передѣлкѣ карты Европы.

Если же въ прошлую войну западныя державы не перенесли восточный вопросъ съ естественнаго его театра на отдаленную и опасную во всѣхъ отношеніяхъ сцену, то кто же перенесъ бы его туда, на Вислу? Неужели Россія? Неужели она, сильная въ Крыму именно пространствомъ, неуязвимая на этомъ отдаленномъ поморьѣ, могла добровольно перенесть борьбу въ

---

[1]) «De la Nationalité Polonaise».

мѣстность, близкую къ центру имперіи, въ мѣстность, гдѣ, какъ говоритъ самъ г. Ѳадѣевъ, всякое положеніе было бы опасно?

Итакъ, совершенно излишне спрашивать, къ чему повели бы насъ блестящіе успѣхи на Балканахъ, «если бы мы проиграли дѣло на Вислѣ». Такого дѣла тамъ не могло быть иначе, какъ еслибы дѣйствительно мы сами сдѣлали нападеніе на Австрію, какъ то быть можетъ и совѣтовали нѣкоторыя горячія головы, которыя негодовали на нее за то, что она «удивила свѣтъ неблагодарностью». Но такое дѣйствіе съ нашей стороны было бы величайшимъ неблагоразуміемъ. Это было бы тоже самое, что вступленіе австрійцевъ въ Піемонтъ въ 1859 году.

Такъ какъ у г. Ѳадѣева все исчисленіе необходимаго для Россіи состава дѣйствующихъ войскъ и резервовъ построено именно на предположеніи, что восточная война для насъ разыграется непремѣнно на Вислѣ, то все это исчисленіе, по которому выходитъ, что у насъ должно быть въ случаѣ войны 1,380,000 солдатъ подъ ружьемъ, кромѣ рекрутъ, инструкторовъ и нестроевыхъ, что однѣхъ дѣйствующихъ войскъ у насъ должно быть 60 пѣхотныхъ дивизій 13-ти-баталіоннаго состава, кромѣ кавалеріи и спеціальныхъ оружій — представляется далеко не убѣдительною.

Между тѣмъ, авторъ прямо говоритъ: «Покуда русскія силы не доведены до вышепоказаннаго итога, самыя напряженныя усилія нашей дипломатіи могутъ имѣть только ораторскій, но не политическій успѣхъ».

Авторъ идетъ далѣе доказывая, что усиленіе нашихъ вооруженій должно быть произведено именно въ томъ огромномъ размѣрѣ, на который онъ указываетъ: онъ утверждаетъ, что даже въ одиночной борьбѣ съ Австріею и Пруссіею наши нынѣшнія силы недостаточны и что оставаясь при нихъ, мы рискуемъ на первыхъ порахъ имѣть важный неуспѣхъ.

Замѣчанія, которыя мы сдѣлали, касаются собственно произвольности того метода, которымъ авторъ дошелъ до очевидно-чрезмѣрной и непосильной намъ цифры войскъ. Оговоримся здѣсь же, что мы вовсе не доказываемъ, чтобы Россія должна была отставать въ военномъ отношеніи отъ другихъ великихъ державъ, не отрицаемъ и мысли объ ополченіи (только не въ такихъ размѣрахъ). Мы хотимъ провести только ту мысль, что сумма нашихъ вооруженій должна опредѣляться нашими экономическими силами, а не воображаемою необходимостью быть на готовѣ, чтобы дать отпоръ всему міру.

Вотъ почему мы должны оспорить и послѣдній доводъ автора, будто даже при нынѣшнихъ силахъ мы не можемъ защититься

отъ нападенія одной Австріи или одной Пруссіи, при нейтралитетѣ остальныхъ державъ. Это—очевидное преувеличеніе. Натяжка состоитъ именно вотъ въ чемъ: авторъ вычисляетъ, что Австрія, употребивъ противъ насъ всѣ дѣйствующія силы, какими располагала въ 1866 году, выставитъ 350 тысячъ человѣкъ, даже если усилитъ свои обсерваціонныя силы въ славянскихъ земляхъ на 60 тысячъ человѣкъ. Россія же, по словамъ его, и въ случаѣ сепаратной войны съ Австріею должна будетъ отчислить *двадцать девять* дивизій изъ 47 для обезпеченія на всякій случай юга отъ Турціи, Финляндіи и Петербурга отъ Швеціи, западнаго края отъ мятежа, такъ что для дѣйствующей арміи останется всего 18 дивизій, т. е. 230 тысячъ человѣкъ противъ 350 тыс. австрійцевъ.

Но если наши окраины такъ нуждаются въ обезпеченіи, что мы въ случаѣ войны съ Австріею должны отряжать большую часть силъ противъ Турціи, Швеціи и мятежа, то спрашивается, неужели же Австрія такъ неуязвима, что она можетъ бросить на насъ всѣ тѣ дѣйствующія войска, которыя у нея находились въ 1866 году въ Богеміи и Италіи? Неужели же ей не нужно было бы принять въ опасной борьбѣ съ нами предосторожностей со стороны Пруссіи и Италіи, какъ намъ со стороны Турціи и Швеціи? Такая система доказательства выведенной имъ цифры разсчитана авторомъ «на штатскихъ». Но вѣдь и они считать умѣютъ.

Ту же самую натяжку легко указать и въ приводимомъ авторомъ разчисленіи силъ при сепаратной войнѣ Россіи противъ Пруссіи.

IV.

Мы послѣдуемъ теперь за г. Ѳадѣевымъ въ изложеніи главныхъ чертъ предполагаемаго имъ устройства. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣсколькими новыми и свѣтлыми мыслями. Остановимся прежде всего на народномъ ополченіи, на которое авторъ возлагаетъ роль резервовъ или временныхъ войскъ.

Къ ополченію обращались уже въ 1807, 1812 и 1855 годахъ, и то преимущество строя русскаго государства, что оно безъ недовѣрія можетъ вооружать народъ, пользоваться «вооруженною земскою силой», такъ велико, что не слѣдовало бы отстранять его отъ себя. Ополченію авторъ предназначаетъ такую роль: при переходѣ на военное положеніе, ополченіе замѣняетъ всѣ не прямо боевыя части, т. е. занимаетъ крѣпости, охраняетъ границы,

исполняетъ обязанности внутренней стражи, и проч., такъ, что отъ дѣйствующихъ войскъ отвлекались только инструкторы для обученія рекрутъ.

«Но земская сила», говоритъ авторъ, «существуетъ до сихъ поръ въ русскомъ государствѣ только какъ возможность, какъ стихійная сила, какъ статуя существуетъ въ глыбѣ мрамора для глаза художника». Если вызывать ее на помощь внезапно, уже во время борьбы, то трудно формировать ее, да и явится она неготовая, необработанная. Чтобы ополченіе было однимъ изъ дѣйствительныхъ факторовъ нашихъ военныхъ силъ, надо, чтобы ополченіе было постояннымъ учрежденіемъ, то-есть, чтобы существовала постоянная роспись и чтобы каждый, принадлежащій къ нему, не только зналъ о томъ, но и получалъ нѣкоторую подготовку. Авторъ вставляетъ здѣсь большое замѣчаніе, что русскій простолюдинъ по врожденной смѣлости и вмѣстѣ покорности очень скоро дѣлается солдатомъ (скорѣе всякого иного, «кромѣ француза», прибавляетъ авторъ), но техника военнаго дѣла для него затруднительнѣе чѣмъ для европейца потому именно, что нигдѣ въ простомъ народѣ не распространено такъ мало огнестрѣльное оружіе, какъ въ Россіи. Европеецъ-рекрутъ знакомъ съ ружьемъ; «русскій рекрутъ въ первое время боится своего ружья, хотя не боится пули».

Итакъ, ополченцамъ необходима подготовка: они должны знать свое начальство и учиться употреблять оружіе. Въ ополченіе будутъ призываться люди постепенно по классамъ возраста, напр. 22, 21, 20 лѣтъ, начиная со старшаго. Къ ополченію неудобно призывать населенія Царства Польскаго, Закавказскаго края, казачьяго войска и кочевниковъ. Принимая остальное населеніе въ 64 милл., классъ напр. 20-ти-лѣтковъ составляетъ около 614 тысячъ; авторъ полагаетъ, что изъ этого числа ополченіе можетъ требовать ежегодно 160 тысячъ, не стѣсняя рекрутскаго набора.

Офицеры въ ополченіи должны быть постоянные; до званія начальниковъ дружинъ—выборные отъ земства, начиная отъ дружинныхъ начальниковъ—по назначенію военнаго вѣдомства. Области, которыя не будутъ несть на себѣ тягости ополченія, авторъ предлагаетъ обложить прибавочнымъ рекрутскимъ наборомъ.

Для военной подготовки, безъ которой ополченіе будетъ только на бумагѣ или будетъ негодно къ дѣлу, авторъ предлагаетъ: ежегодно собирать всѣ разряды ополченія дружины въ одномъ мѣстѣ, въ центрѣ военнаго участка, недѣли на три; тутъ люди узнаютъ свое начальство и пріучатся къ оружію; по разсчету [illegible], на это бы потребовалось (вмѣстѣ съ жалованьемъ офи-

церамъ, продовольствіемъ людей, ремонтомъ ружей и матеріалами для стрѣльбы) около $2^1/_2$ милл. рублей. «Никакого обмундированія не нужно», говоритъ авторъ; онъ не требуетъ и строгаго однообразія въ одеждѣ, даже при походѣ, и полагаетъ возможнымъ ограничиться какою-нибудь отмѣткой по дружинамъ.

Расходъ въ $2^1/_2$ милл. ежегодно — конечно, ничтоженъ въ сравненіи съ огромною выгодою имѣть въ своемъ распоряженіи массу подготовленныхъ къ военному дѣлу людей. Но тутъ является возраженіе гораздо болѣе серьёзное: во что̀ обойдутся крестьянину три недѣли житья въ городѣ, въ рабочую пору (такъ какъ сборы зимою неудобны), сколько онъ *не* заработаетъ и сколько онъ издержитъ самъ сверхъ казеннаго расхода на прокормленіе?

Это возраженіе очень существенно. Но намъ не хотѣлось бы думать, что оно составляетъ неустранимое препятствіе для осуществленія системы военнаго устройства въ родѣ той, начало которой предлагаетъ почтенный авторъ. Въ народномъ хозяйствѣ каждая лишняя издержка или лишнее отвлеченіе отъ труда все равно скажется, въ какой бы формѣ эти новыя тягости ни появлялись. Если справедлива мысль, что увеличеніе вооруженной силы необходимо, то развѣ усиленіе или учащеніе наборовъ не будетъ такою же тягостью? Если вѣренъ новѣйшій принципъ военной организаціи, что вооруженная сила государства тѣмъ больше можетъ быть въ моментъ войны, чѣмъ меньше оно содержитъ солдатъ постоянно подъ ружьемъ на казенномъ пайкѣ, да у крестьянъ же на постоѣ, — то почему же не допустить логическаго послѣдствія этого принципа: замѣны *увеличенія постоянной арміи*, — ежегодными краткосрочными сборами дружинъ ополченія?

Нельзя не согласиться также и съ тѣмъ аргументомъ, который приводитъ авторъ, именно: «лучше держать лишнихъ 30 т. человѣкъ подъ ружьемъ (мѣсячный сборъ ополченія по годовому разсчету) и быть сильнымъ, чѣмъ оставаться безъ нихъ недостаточно-сильнымъ, отвлекая отъ труда 800 тысячъ человѣкъ ежегодно.»

При переформированіи пѣхоты авторъ, имѣя уже въ виду ополченіе, совѣтуетъ обратить въ дѣйствующія войска разныя части, которыя содержатся нынѣ для подспорья во время войны, какъ-то: крѣпостные полки, кавказскіе линейные батальоны, внутреннюю стражу, часть артиллерійскихъ гарнизоновъ, и почти всѣ нестроевыя команды, въ томъ числѣ и деньщиковъ. Нестроевыя команды нужно уничтожить для сбереженія въ людяхъ, а мѣстныя войска потому, что они — низшаго качества,

а по содержанію сравнены нынѣ съ дѣйствующими. Внутреннюю стражу авторъ совѣтуетъ замѣнить жандармами. Внутренняя стража еще недавно составляла 140 т. чел. Теперь она уменьшена до 94 т., по спискамъ, но приведеніе части ея въ кадровый составъ уменьшило ее вѣроятно до 80 т. человѣкъ. Авторъ увѣряетъ, что 25 хорошихъ жандармовъ сдѣлаютъ гораздо больше, чѣмъ 100 инвалидовъ. Замѣчательно, что въ Россіи есть сто тыс. чел. вооруженныхъ людей, солдатъ, да еще столько же полицейскихъ служителей для сохраненія внутренней безопасности, а между тѣмъ «преслѣдованіе злоумышленниковъ, способныхъ къ сопротивленію» производится безоружными понятыми. Гарнизонная стража не годится ни для охраненія тюремъ, ни для конвоированія арестантовъ, ни для поимки бѣглыхъ. Съ плохимъ войскомъ всегда будутъ здѣсь злоупотребленія и безсиліе. «Для поимки и караула арестантовъ», говоритъ авторъ, нужны люди расторопные, опытные, посвященные въ это дѣло, настоящіе жандармы, вооруженные вдобавокъ не ружьемъ, а револьверомъ». Авторъ указываетъ на множество бывающихъ у насъ побѣговъ и на злоупотребленія въ тюрьмахъ и въ этомъ отношеніи недавно помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы» статьи г. Максимова вполнѣ подтверждаютъ мысль автора. Жандармовъ, хорошо оплаченныхъ и вооруженныхъ авторъ полагаетъ достаточно по 25 на уѣздъ, а всего 30 тысячъ; что̀ въ сравненіи съ внутреннею стражею составило бы огромную экономію.

Обращеніе крѣпостныхъ полковъ, линейныхъ баталіоновъ и внутренней стражи въ дѣйствующія войска увеличило бы послѣднія 8-ю дивизіями, не прибавивъ ни одного солдата къ наличнымъ спискамъ военнаго министерства, и преобразованіе это, по словамъ автора, могло бы быть произведено въ теченіе одного года.

Относительно важнаго вопроса о срокахъ военной службы, г. Ѳадѣевъ признаетъ возможнымъ ограниченіе этой службы 12-ю годами, и даже только 3½ года присутствія подъ знаменами, въ мирное время, именно ½ года въ рекрутскомъ депо̀, и 3 года въ полку. Онъ утверждаетъ, что послѣ полугода, проведеннаго въ резервахъ, трехлѣтній срокъ совершенно достаточенъ для образованія солдата. Впрочемъ онъ выставляетъ этотъ срокъ какъ возможный минимумъ и обращаетъ вниманіе на то, что срокъ дѣйствительной службы во фронтѣ, за который непремѣнно бы слѣдовало увольненіе въ безсрочный отпускъ, у насъ не узаконенъ и зависитъ отъ усмотрѣнія военнаго министерства, согласно съ обстоятельствами.

Но срокъ 3½ года пребыванія въ рядахъ авторъ только

признаетъ возможнымъ; совѣтуетъ же онъ установить теперь же шестилѣтній срокъ, какъ соотвѣтствующій дѣйствительности.

Для характера арміи важна не столько продолжительность полнаго срока службы и срока пребыванія въ рядахъ, сколько отношеніе между этими двумя сроками. Такъ, до послѣдняго времени во Франціи и Пруссіи былъ одинъ и тотъ же полный срокъ службы — 7 лѣтъ; только отношеніе числа пребывающихъ въ рядахъ къ числу отпускныхъ было различно, но эта-то разница такъ важна, что французская армія была арміей долгосрочной, военною корпораціею, между тѣмъ, какъ армія прусская была народная.

Одна изъ новыхъ, своеобразныхъ и очевидно-дѣльныхъ мыслей у автора, это его проектъ распредѣленія полковъ по рекрутскимъ участкамъ, или, иными словами, распредѣленіе солдатъ въ полки по мѣстностямъ, въ которыхъ они набраны. Авторъ ставитъ совершенно безспорное положеніе — что общество земляковъ въ полку сильнѣе можетъ удержать солдата отъ дурныхъ поступковъ, чѣмъ одинъ страхъ передъ начальствомъ. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ г. Ѳадѣевъ, что рекрутъ разовьется несравненно скорѣе между одноземцами, чѣмъ между чужими. *Онъ пойдетъ изъ деревни въ полкъ какъ ѣздятъ въ гости отъ отца къ дядѣ*; *военная служба окончательно перестанетъ пугать русскаго человѣка*. Нравственность людей въ полкахъ улучшится... Люди станутъ за свой полкъ, какъ стоятъ за свой домъ. Кто же выдастъ родного, кто отстанетъ отъ сосѣда, чтобъ тотъ осрамилъ потомъ передъ братьями и невѣстой?»

Прибавимъ, что формированіе полковъ изъ одноземцевъ окажетъ и то благотворное послѣдствіе, что связь между людьми ушедшими въ солдаты и родиною не будетъ порвана. Сверхъ того, одноземство въ полку много способствовало бы образованію артелей.

Въ пользу своего мнѣнія о распредѣленіи рекрутъ въ полки по мѣстностямъ посредствомъ учрежденныхъ для того полковыхъ рекрутскихъ участковъ, авторъ приводитъ доказательство въ примѣрѣ отпускныхъ, возвращающихся въ ряды. Оказалось, что если безсрочно-отпускные попадали, по призыву на службу, въ прежнюю свою часть, то прежнія воспоминанія и привычки брали верхъ, и они служили по прежнему. Но когда безсрочные причислялись къ другимъ командамъ, то въ нихъ проявлялись всѣ послѣдствія отвычки и отъ службы и отъ труда; безсрочные, въ чужихъ командахъ, оказывались людьми буйными и развращающими молодыхъ солдатъ. Вліяніе ихъ на молодыхъ солдатъ было тѣмъ пагубнѣе, что имъ придавала въ глазахъ

послѣднихъ значеніе прежняя ихъ служба, а иногда и нашивки и кресты, которыми они были украшены. Безсрочные оказывались гораздо хуже новобранцовъ. «По общему голосу, говоритъ г. Ѳадѣевъ, каждый безсрочный ослаблялъ войска двумя людьми: во-первыхъ, самъ онъ никуда негодился, во-вторыхъ, надобно было отдѣлить еще одного служащаго солдата, чтобы караулить его». Авторъ ссылается еще на примѣръ послѣдней арміи Наполеона; она была составлена исключительно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, возвратившихся изъ плѣна и дальнихъ гарнизоновъ, со всѣхъ концовъ Европы. Но эти солдаты были сведены въ новые полки, не знали ни своихъ начальниковъ, ни товарищей. «Наполеонъ говорилъ: la terre qui porte cette armée en est fière, и онъ былъ правъ относительно одиночныхъ людей. Но вотъ что̀ случилось: эти старые солдаты бились какъ львы, но эти молодые полки... лишенные общей души, — какъ только счастіе не повезло имъ, закричали «измѣна» и разсыпались..., чего не случалось въ такой степени даже съ полками рекрутъ, выведенныхъ на убой въ 1813 году».

Необходимость нравственной связи въ полку очевидна. Полкъ долженъ быть товариществомъ, или, какъ выражается авторъ, вторымъ, маленькимъ отечествомъ, и конечно лучше всего, если солдаты будутъ связаны между собою мыслью о настоящей родинѣ, связью сосѣдскихъ или одноземскихъ отношеній. Авторъ предлагаетъ образовать полки съ именами мѣстностей, изъ которыхъ они набраны, и это едва ли не было бы еще болѣе полнымъ и дѣйствительнымъ примѣненіемъ его мысли.

Правда, онъ признаетъ, что въ полку можно и искусственно создать, такъ сказать, второе отечество. Онъ ссылается на кабардинскій полкъ, который прославился на Кавказѣ и котораго сила была именно въ томъ, что солдаты проникались славою полка и дѣлались солидарны въ общей мысли, что они «кабардинцы» и что кабардинцы должны постоять за себя. Но для этого нужно именно, чтобы полкъ постоянно бывалъ въ дѣлѣ; не трудно понять, что иначе преданія полковой славы и гордость солдата принадлежать къ такому-то полку утратятся и если будутъ поддерживаться, то развѣ напоминаніями въ приказахъ и рѣчахъ начальниковъ, а не въ живомъ, вседневномъ сознаніи солдата. Авторъ говоритъ, что для качества полка чрезвычайно важно, чтобы онъ составлялъ нѣчто въ родѣ маленькой національности; и это очевидно. Но онъ прибавляетъ: «національности естественной или выдѣланной — все равно». Едва ли это все равно. Повторяемъ, что такую индивидуальность или живую личность можетъ создать полку, внѣ одноземм-

ства солдатъ, только постоянная боевая служба полка. А постоянная боевая служба тѣхъ же полковъ и была возможна именно при такой войнѣ, какая была на Кавказѣ. Войска дѣйствующія тамъ вырабатывались по необходимости въ войска мѣстныя, — не въ обыкновенномъ, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Внѣ этихъ особенныхъ условій, полки могутъ получить особые характеры, обратиться такъ сказать въ личности именно только тогда, если они будутъ состоять изъ одноземцовъ. Когда авторъ говоритъ: «надобно непремѣнно, чтобы полкъ имѣлъ свой нравственный оттѣнокъ, свою оригинальность, свои обычаи; чтобы солдату, забредшему въ чужую часть, говорили: «ну, съ перваго слова видѣнъ куринецъ», «вотъ за версту признали эриванца» и чтобы дѣйствительно куринца можно было признать съ перваго слова, а эриванца отличить за версту». Эти слова невольно возбуждаютъ улыбку, потому что въ нихъ есть преувеличеніе и уклоненіе отъ первоначальной мысли самого автора. Здѣсь авторъ опять сослался на два полка кавказской арміи, какъ вообще примѣры свои онъ беретъ оттуда, или лучше сказать изъ прошлаго кавказской арміи. Нѣтъ ничего невозможнаго, что «куринца» или «эриванца» можно было отличить другъ отъ друга, если и не съ перваго слова, и не за версту, то по нѣкоторымъ установившимся обычаямъ, хотя бы въ дѣйствительности «куринецъ» былъ новгородецъ, а «эриванецъ» — костромичъ. Но это все зависѣло отъ той солидарности солдатъ въ полку, которую могла создать только *постоянная* боевая служба, и отъ той обособленности частей, которая и возможна была именно только на Кавказѣ.

Спрашивается: неужели же можно ожидать, чтобы солдатъ*** пѣхотнаго его свѣтлости принца*** полка, котораго и имя выговорить солдату трудно, и который два года стоялъ въ ковенской губерніи, потомъ годъ въ московской, а въ настоящее время стоитъ, положимъ, въ эстляндской губерніи; который въ продолженіи этого времени стоялъ два раза въ городѣ, десять разъ по деревнямъ, то жилъ въ казармахъ, то помогалъ крестьянамъ въ работахъ, по найму, то употреблялся на казенную работу; въ которомъ есть люди, сошедшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, неимѣющіе между собой ничего общаго, кромѣ языка, команды и звука барабана, не слыхавшіе даже, былъ ли когда ихъ полкъ въ дѣлѣ, — можно ли, повторяемъ, ожидать, чтобы этотъ полкъ былъ личностью, какъ напр. «ярославскій» полкъ, составленный изъ ярославцевъ?

Итакъ, напрасно говорить — *все равно*, естественна ли или искусственна особность, создаваемая въ полку. Авторъ здѣсь от-

ступилъ отъ строгаго проведенія своей же именно мысли, которая даетъ благотворный задатокъ для преобразованія арміи, для вселенія въ полки не искусственнаго, а истиннаго духа живой, земской индивидуальности.

«Распредѣленіе рекрутскихъ участковъ по полкамъ» [1]), вотъ какъ называетъ авторъ примѣненіе на практикѣ свою мысль объ образованіи полковъ изъ одноземцевъ. Но едва ли мысль не была бы примѣнена логичнѣе и полнѣе, если бы ее формулировать на практикѣ такъ: распредѣленіе и «именованіе полковъ по рекрутскимъ участкамъ».

Мы считаемъ лишнимъ приводить здѣсь тѣ аргументы, которые почерпаетъ авторъ во вредности организаціи арміи, основанной по старой прусской системѣ, системѣ мертвенной солдатчины и плацпараднаго совершенства. Система эта проводилась у насъ долгое время съ такою выдержанностью, такою энергіею, которыми, къ сожалѣнію, не отличались никогда другія наши административныя попеченія или предпріятія, и проводилась у насъ съ особеннымъ рвеніемъ и строгостью именно съ того времени, какъ въ отечествѣ своемъ, въ Пруссіи она была уже признана негодною и радикально отмѣнена.

Что касается до возраженія, что при образованіи полковъ по участкамъ, «въ нихъ возникнутъ всѣ недостатки австрійскаго войска», т. е. собственно затруднительность общей команды, то оно падаетъ само собою передъ тѣмъ фактомъ, что русскій элементъ въ Россіи преобладаетъ въ огромномъ размѣрѣ именно численностью и въ арміи всѣ нерусскіе элементы растворяются въ немъ. Но здѣсь, какъ и въ проектѣ постояннаго ополченія, авторъ допускаетъ исключеніе для нѣкоторыхъ окраинъ государства. Само собой разумѣется, что нельзя вербовать полковъ изъ однихъ поляковъ, финляндцевъ, остзейцевъ, кавказцевъ. Рекрутъ инородческихъ мѣстностей придется размѣстить по русскимъ полкамъ, гдѣ они не нарушатъ мѣстнаго, чисто-русскаго характера потому, что представятъ небольшой и безсвязный элементъ.

Наконецъ, возраженіе относительно безопасности такого формированія полковъ по земскимъ отличіямъ, то достаточно сказать, что если оно допущено въ Австріи, то ужъ въ Россіи не

---

[1]) Авторъ предполагаетъ раздѣлить Россію на дружинные участки для ополченія и рекрутскіе для полковъ, и управленіе обоими сосредоточить въ однѣхъ рукахъ. Военный участокъ состоялъ бы изъ одного рекрутскаго и двухъ дружинныхъ, на населеніе въ 133 т. душъ мужскаго пола. Изъ этого населенія ежегодно вызывалось бы 315 рекрутъ ($2^2/_3$ на 1000), а ополченцевъ 6 на 1000. Все число людей, служащихъ или подлежащихъ призыву въ участкѣ—7180, чел. около 54 на 1000. Всѣхъ военныхъ участковъ было бы 240.

можетъ быть и малѣйшаго опасенія въ этомъ отношеніи. Въ Австріи хотя и существуетъ Heerbann, какъ мы сказали выше, но полки все-таки національные. А въ костромской губерніи можно положиться и на костромской полкъ, даже болѣе чѣмъ на славянскій въ Тріестѣ. Но сверхъ того, нѣтъ нужды держать полки постоянно въ той мѣстности, изъ которой они набраны. Это даже невозможно потому, что рекрутскій наборъ распредѣляется равномѣрно, и расположеніе войскъ не можетъ быть равномѣрно по имперіи.

Изъ другихъ частностей, касающихся преимущественно образованія пѣхоты, упомянемъ еще, что авторъ считаетъ нужнымъ усилить жалованье унтеръ-офицерамъ, положить преміи вновь опредѣляющимся изъ молодыхъ солдатъ и образованіе при каждой дивизіи 13-го стрѣлковаго батальона. Между прочимъ мы встрѣчаемъ у автора положительное увѣреніе, что «нынѣшніе наемники», т. е. охотники, нанимающіеся въ войска за очередныхъ или жеребьевыхъ рекрутъ, «не могутъ быть терпимы въ войскѣ», что изъ нихъ выходятъ не «защитники родной земли, а колодники арестантскихъ ротъ». Напомнимъ здѣсь, что правительство, побужденное именно злоупотребленіями существующими при наймѣ охотниковъ семействами, на которыя падаетъ рекрутчина, недавно издало постановленіе о дозволеніи вмѣсто частнаго найма прямого взноса опредѣленной (время отъ времени подлежащей измѣненію) суммы.

По предположенному авторомъ устройству, дѣйствующая пѣхота состояла бы изъ 768 т. чел., изъ которыхъ въ мирное время находилось бы на службѣ 373 т. чел., а около 400 т. дома. Съ 480 т. чел. ополченія, это составило бы цифру 1,248,000 штыковъ, которые Россія могла бы выставить въ военное время.

V.

Извѣстно, что въ послѣднихъ войнахъ кавалерія не играла большой роли; не менѣе извѣстно однакоже и то, что безъ кавалеріи нельзя совершенно разбить непріятеля. Вспомнимъ только, какъ сожалѣлъ Сентъ-Арно, что не имѣлъ достаточно кавалеріи подъ Альмой; будь у него достаточное число конницы и вся крымская война могла принять иной оборотъ. Движеніе русской арміи на Бахчисарай могло превратиться въ полное отступленіе и Севастополь могъ быть взятъ съ сѣверной стороны en un coup de main. Этотъ примѣръ гораздо убѣдительнѣе свидѣтель-

ствуетъ о значеніи кавалеріи, чѣмъ тѣ, которые приводитъ г. Ѳадѣевъ, почерпая ихъ изъ карсской компаніи.

Г. Ѳадѣевъ признаетъ пользу кавалеріи, но находитъ необходимымъ совершенно преобразовать нашу. Онъ ссылается на иностранцевъ, которые низко цѣнятъ русскую кавалерію, и отчасти соглашается съ ними, приводя, впрочемъ, въ доказательство возможности у насъ хорошей конницы, славные подвиги нижегородскаго драгунскаго полка на Кавказѣ. Кавалерія наша, по словамъ его, совершенно основана еще на началахъ той прусской, плацпарадной системы, которая заставляла насъ нѣкогда «подпиливать на ружьяхъ гайки для звучности пріемовъ». Система эта теперь уже значительно «вытравлена» въ пѣхотѣ, но въ кавалеріи все еще крѣпко держится. Наша кавалерія—манежная. Мысль всего преобразованія, которое онъ предлагаетъ по этой части, ясно высказывается въ слѣдующемъ анекдотѣ. Одинъ англичанинъ, послѣ похода, говорилъ ему: «ахъ какая у васъ есть кавалерія»! Авторъ съ патріотической гордостью сталъ перечислять ему лучшіе гвардейскіе полки. Но англичанинъ, къ удивленію его, вдругъ сказалъ: «ну что вы говорите о мужикахъ, съ трудомъ обученныхъ верховой ѣздѣ? Развѣ у насъ такъ ѣздятъ? Нѣтъ, у васъ есть дѣйствительно несравненная кавалерія, только не эта; ваши лейбъ-казаки, вашъ атаманскій полкъ, линейцы и черкесы! Это не люди верхомъ, а центавры. До чего бы мы довели такіе кавалерійскіе элементы, еслибъ они у насъ были!»

Кавалеріи природной авторъ отдаетъ полное предпочтеніе передъ обученною и выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ мы, имѣя подъ рукой цѣлые кавалерійскіе *народы*, набираемъ изъ нихъ только иррегулярную конницу, которая употребляется на объѣзды, кордоны и т. д., а боевую, регулярную конницу создаемъ съ великимъ трудомъ и издержками «изъ мужиковъ». Это, говоритъ онъ, все равно, какъ еслибы Англія, богатая прибрежнымъ населеніемъ, стала набирать своихъ матросовъ изъ земледѣльцевъ внутреннихъ графствъ. Этимъ мы обязаны нѣмецкимъ рутинерамъ, которые устраивали нашу кавалерію съ самаго начала. «Вмѣстѣ съ магдебургскимъ городовымъ правомъ», замѣчаетъ г. Ѳадѣевъ, «завелась въ Россіи и *магдебургская кавалерія*». Глава о конницѣ въ книгѣ г. Ѳадѣева едва ли не самая любопытная; она написана съ тою увлекательностью, какую сообщаетъ сильное убѣжденіе, и въ справедливости основной его мысли нельзя не убѣдиться. Нѣтъ сомнѣнія, что природная кавалерія при обученіи строевымъ движеніямъ должна быть лучше искусственной, какъ нѣтъ сомнѣнія, что выносливые и горячіе донскіе кони лучше для самого *дѣла*, чѣмъ тѣ великолѣпные

кирасирскія машины, изъ которыхъ многія разстроиваются на переходѣ изъ Гатчина или Царскаго Села въ Петербургъ [1]).

Но дѣло въ томъ, что мѣры, какія предлагаетъ авторъ для замѣны всей нашей легкой кавалеріи казачьею (такъ какъ г. Ѳадѣевъ считаетъ необходимымъ рѣшительно отмѣнить всѣхъ этихъ гусаръ и уланъ), совершенно уничтожили бы войско донское, какъ населеніе, въ его нынѣшнемъ видѣ, и между тѣмъ все-таки оставили его населеніемъ, обязаннымъ поголовно службою. Одна изъ главныхъ мѣръ, указываемыхъ авторомъ, для того, чтобы сообщить казачьимъ полкамъ всѣ качества хорошей регулярной кавалеріи, состоитъ въ снабженіи донскихъ полковъ регулярными офицерами, т. е. не казаками. Это уже уничтожаетъ всю особность донского войска. Казачьихъ офицеровъ авторъ не цѣнитъ. Такъ какъ въ войскѣ донскомъ всѣ военные, то каждый чиновникъ или писарь можетъ попасть въ начальники во фронтъ и это не исключеніе, а правило: чиновники, находясь при штабахъ, ближе къ высшему начальству. А какъ командованіе полкомъ —дѣло выгодное—есть идеалъ всякаго казака, то отсюда выходитъ, что донскими сотнями и полками командуютъ, по словамъ автора, стряпчіе и секретари, а урядниковъ дѣлаютъ изъ писарей. Авторъ поэтому требуетъ полнаго отдѣленія въ войскѣ части военной отъ гражданской, и это очень раціонально, но такъ какъ для того, чтобы замѣнить всю регулярную легкую кавалерію, казакамъ придется все-таки служить поголовно, то выходитъ, что реформа автора только посягнула бы на привилегіи войска донского, но не сравняла бы его въ отбыванія военной повинности со всею имперіею. Въ Австріи не разъ была заявляема мысль объ уничтоженіи исключительнаго положенія Военной границы, но никто не предлагалъ уничтожить только ея особность, и граничаръ все-таки обязать поголовною службою.

Съ обращеніемъ донцовъ въ регулярную кавалерію, авторъ предлагаетъ создать иррегулярную кавалерію изъ кавказцевъ, калмыковъ, ногайцевъ и другихъ кочевниковъ, природныхъ кавалеристовъ.

Не знаемъ, почему г. Ѳадѣевъ придаетъ такую важность тому

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь однако, что для замѣны регулярной кавалеріи казачье войско должно пріобрѣсти еще нѣкоторыя качества. Искуство верховой ѣзды еще далеко не все для боевого кавалериста. Примѣръ стройныхъ казачьихъ аттакъ, на которые ссылается авторъ по кавказской практикѣ, не убѣдитъ никого, кто видѣлъ въ европейской войнѣ, какъ трудно даже заставить казаковъ сдѣлать аттаку, и какъ эта аттака рѣдко бываетъ рѣшительна; казаки гикаютъ много, и не дойдя до непріятельскаго фронта обращаются назадъ, а потомъ идутъ опять. Это—отчасти азіатская джигитовка, разсчитанная на то, чтобы устрашить непріятеля, а не сломить его. Другое дѣло—при преслѣдованіи.

факту, что число русскихъ дворянъ въ военной службѣ уменьшилось и уменьшается, что сословіе офицеровъ пополняется изъ другихъ классовъ, преимущественно же изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. «Русскіе офицеры уже не *рождаются*», не безъ сожалѣнія говоритъ авторъ. Какъ будто русскіе дворяне рождались офицерами, какъ черкесы — кавалеристами! Извѣстно, что во Франціи офицеры уже давно *не рождаются*. Самъ Наполеонъ и его маршалы не были рождены офицерами и однакожъ.....

«Первая потребность арміи», говоритъ г. Ѳадѣевъ, «высокое мнѣніе военныхъ о своемъ званіи, *находящее сочувственный отзывъ* въ обществѣ». Далѣе, онъ приводитъ обращеныя къ себѣ меланхолическія слова одного генерала: «грустно, а нельзя не видѣть —военное званіе у насъ въ упадкѣ; съ каждымъ днемъ оно теряетъ свое обаяніе, приманку и сочувствіе общества. На юношу-юнкера смотрятъ съ пренебреженіемъ, и барышни перестали заглядываться на молодого корнета....... Если во Франціи или Германіи ребенокъ скажетъ, что онъ хочетъ быть генераломъ, мать поцѣлуетъ его съ гордостью и гости обласкаютъ; если тоже скажетъ русскій мальчикъ, то это сочтутъ противной пошлостью и будутъ правы» и т. д. И генералъ, писавшій эти курьёзныя строки, и авторъ, приводящій ихъ безъ оговорки, повидимому не отдаютъ себѣ отчета, почему это такъ (если только это *вполнѣ такъ)*. Они забываютъ, что не далѣе какъ лѣтъ 10 — 15 тому назадъ у насъ была несравненно большая крайность въ смыслѣ противоположномъ и что реакція противъ этой чудовищной и смѣшной крайности, господствовавшей и во всемъ строѣ государства, и въ обществѣ, вполнѣ естественна. Виндишгрецъ говаривалъ, что «человѣкъ начинаетъ быть человѣкомъ только съ баронскаго званія». Нѣчто подобное не только было, но господствовало у насъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ, если не больше, съ тою только разницею, что «нѣчто» заключалось не въ баронствѣ, а въ эполетахъ. Неужели же при первомъ, хотя еще далеко не полномъ пробужденіи въ общества здраваго смысла, не должна была явиться реакція, пожалуй и съ нѣкоторыми преувеличеніями, въ свою очередь? Дошла ли эта реакція до того, что барышни уже перестали засматриваться на корнетовъ—въ этомъ позволительно усомниться, да если бы это и было, то едва ли могло бы имѣть серьезное вліяніе на боевое достоинство арміи, такъ какъ корнеты въ ней—далеко не важнѣйшій элементъ. Вотъ отзывъ самаго автора:

«Наши офицеры по большей части не знали и не любили никакихъ военныхъ упражненій, въ нихъ рѣдко появлялась какая-нибудь черта природной удали (какова удаль, замѣтимъ), столь свойственной всякому молодому человѣку, даже

не изъ военнаго сословія. Съ тѣхъ поръ они занялись этими предметами какъ службой, но только на ученьи. Въ своемъ кружку между ними никогда не было рѣчи о военномъ дѣлѣ, выходящемъ изъ предѣловъ вседневнаго ученья; война мало интересовала ихъ, они посвящали себя не войнѣ, а военной службѣ, что совсѣмъ не одно и тоже. Въ начальникѣ и товарищѣ они мало цѣнили военныя качества, уважали его не по боевой заслугѣ, если такая и была за нимъ, а скорѣе по другимъ, общежительнымъ качествамъ. У насъ до сихъ поръ еще бываетъ,—я бы могъ привести примѣры,—что трусъ, явно опозорившійся, терпится въ полку, иногда даже считается добрымъ малымъ. Никогда такой вещи не случается въ другой арміи, гдѣ осрамившійся въ бою прапорщикъ, не только генералъ, разглашается стоустою молвой, и если не будетъ разстрѣлянъ, то нигдѣ уже, по крайней мѣрѣ, не найдетъ себѣ мѣста».

Послѣ этого, основательно ли сожалѣть, что число дворянъ въ офицерствѣ уменьшается, и можно ли говорить, что у насъ офицеры «рождались»?

Изъ мѣръ, которыя предлагаетъ авторъ къ улучшенію качествъ офицерскаго сословія, главныя: исключеніе изъ военнаго званія всего прямо не-военнаго (т. е. нестроевыхъ офицеровъ), чтобы эполеты были знакомъ настоящей боевой службы, и принятіе новой системы производства, такъ, чтобы производство по линіи прерывалось на извѣстномъ чинѣ и выше его можно бы подниматься уже только за отличіе; наконецъ—ограниченіе числа офицеровъ числомъ *мѣстъ* для нихъ, т. е. штатомъ.

Въ обзорѣ условій, которыми должны опредѣляться вооруженія Россіи и при изложеніи мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ для преобразованія арміи, намъ случалось не соглашаться съ нѣкоторыми, довольно существенными его положеніями. Но мы должны высказать, въ заключеніе, еще разъ, что самыя начала, которыя авторъ кладетъ въ основу своихъ реформъ, нельзя не признать вполнѣ раціональными, а за самимъ авторомъ не признать заслуги, какъ по оригинальности и новизнѣ многихъ мыслей, такъ и по независимости его отъ многихъ предразсудковъ, укоренившихся въ его спеціальности.

Что въ будущемъ истинная сила государства опредѣлится именно степенью «народности» ихъ армій—въ этомъ уже теперь сомнѣваться нельзя. Постоянныя, корпоративныя, отчужденныя отъ земли арміи истощатъ тѣ государства, которыя будутъ содержать и увеличивать ихъ, въ соревнованіи съ тѣми странами, въ которыхъ военная сила будетъ народная и которая осуществитъ на дѣлѣ похвальбу Помпея, что «топнувъ ногой, онъ можетъ вызвать изъ нѣдръ земли новое войско».

Р.

АНГЛІЙСКІЙ РАДИКАЛЪ
ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

The Life and Correspondence of Thomas Slingsby Duncombe, late M. P. for Finsbury. Edited by his son, Thomas H. Duncombe. 2 vols.

Гервинусъ замѣчаетъ, что въ наше время нѣтъ болѣе героевъ, нѣтъ личностей геніальныхъ, стоящихъ такъ высоко, по своей силѣ, надъ общимъ уровнемъ, чтобы онѣ могли навязывать свою волю исторіи человѣчества и увлекать его на тѣ пути, на которыя вступаютъ сами. Авторъ исторіи Юлія Цезаря держится совершенно противоположнаго мнѣнія. Онъ говоритъ о прежнихъ герояхъ и геніяхъ, законодателяхъ судебъ человѣчества такъ, что ихъ примѣромъ оправдываются новые претенденты на ихъ роль. Исторія самого автора жизни Юлія Цезаря послужитъ лучшею критикою защищаемаго имъ притязательнаго положенія. Трудно не согласиться съ Гервинусомъ, что время героевъ въ самомъ дѣлѣ миновало, и что человѣчество живетъ нынѣ сознательною общественною жизнью не въ нѣсколькихъ избранныхъ только, а въ милліонахъ личностей и идетъ къ тому времени, когда въ дѣлѣ политическаго наслѣдства не будетъ болѣе различія избранныхъ отъ званыхъ.

Есть страна, гдѣ уже давно общество жило политическою сознательною жизнью въ болѣе или менѣе многочисленномъ, по своему составу, классѣ, который поэтому и называется привилегированнымъ классомъ, и гдѣ центръ, ядро, фокусъ политической жизни и силы заключался издавна именно въ этомъ классѣ.

Надъ нимъ могли возвышаться и падать династіи, вокругъ нихъ возникали разныя внѣшнія случайности, война, голодъ, открытія далекихъ странъ, мятежи, торговыя событія,—факты, отъ которыхъ погибалъ или богатѣлъ народъ. Все это, конечно, имѣло вліяніе на внутреннюю политическую жизнь, на политическое развитіе, но не иначе—какъ посредствомъ того же привилегированнаго класса, который какъ бы заключалъ въ своемъ кристаллѣ палладіумъ этой страны или то слово, которое римляне хранили какъ ключъ Капитолія.

За то человѣкъ, принадлежащій къ этому классу, самъ въ себѣ носитъ живое отраженіе политической жизни своей страны; его біографія — періодъ ея исторіи. Онъ — не герой, а между тѣмъ съ его жизнью связана именно вся жизнь государства; онъ не геній, но частица того общества, которое въ своей коллективности представляетъ величайшій изъ геніевъ, геній далеко болѣе могущественный и плодотворный, чѣмъ тотъ, который проявляется въ такъ-называемыхъ «людяхъ судьбы», этихъ самозванцахъ и нерѣдко ложныхъ пророкахъ новой миссіи.

Такое сословіе представляется въ Англіи классомъ, изъ котораго составляется палата общинъ. Описаніе жизни одного изъ замѣтныхъ, изъ дѣятельныхъ членовъ палаты общинъ не можетъ не быть вмѣстѣ описаніемъ цѣлой эпохи общественной жизни Англіи. Мало того, роль Англіи въ Европѣ, особенно роль нравственная такъ велика, что и для странъ континента англійская палата общинъ представляетъ самый почтенный, самый надежный ареопагъ въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ. Итакъ, въ жизнеописаніи долго участвовавшаго въ дѣятельности этой палаты члена, непремѣнно отразятся и многіе изъ важныхъ фактовъ жизни континентальной.

Между такими типическими членами англійской палаты общинъ не послѣднее мѣсто принадлежало нѣкогда аристократическому радикалу Томасу Дэнкомбу, котораго жизнеописаніе, съ перепискою, недавно издано сыномъ его. Сочиненіе это надѣлало шуму въ западно-европейской прессѣ, по нѣкоторому спеціальному его интересу. Но прежде чѣмъ приступить къ той части книги, которая представляетъ именно этотъ интересъ, мы представимъ очеркъ жизни самого Дэнкомба, сопровождая его бѣглымъ взглядомъ на жизнь англійскаго общества въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Дэнкомбъ — конечно не герой и не геній; но онъ именно одна изъ тѣхъ частицъ, въ которыхъ отражалась политическая жизнь Англіи и которыхъ число, идя отъ реформы къ реформѣ, будетъ все умножаться, пока наконецъ,

она не совпадетъ съ членами взрослаго населенія соединеннаго королевства.

Въ новомъ романѣ Виктора Гюго*) мы видѣли мастерскую и вмѣстѣ ужасающую картину той отдаленной эпохи исторіи англійскаго общества, когда аристократія лежала тяжелымъ гнетомъ надъ массой; тѣмъ любопытнѣе для насъ теперь встрѣтить въ литературѣ тотъ же типъ въ позднѣйшей его формаціи, почти непосредственно предшествующей современному положенію вещей. Жизнь и переписка Дэнкомба удовлетворяетъ насъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя болѣе.

Томасъ-Слингсби-Дэнкомбъ принадлежалъ по своему имени и родственнымъ связямъ къ англійской аристократіи. Въ фамиліи Дэнкомбовъ были въ разныя времена титулы баронетскій, баронскій и графскій. Одинъ изъ Дэнкомбовъ былъ возведенъ въ 1747 году въ графское достоинство. Это былъ графъ Февершэмъ, баронъ Даунтонъ. Онъ умеръ не оставивъ потомства мужескаго пола, но титулъ перешелъ на другого Дэнкомба. Братъ этого Дэнкомба, графа Февершэма, былъ отецъ Томаса-Слингсби-Дэнкомба. Дэнкомбы находились въ родствѣ съ графами Карлейлемъ и Галлоуаемъ, маркизомъ Кинсберри, даже съ герцогами Бокингэмами. Томасъ Дэнкомбъ, родившійся въ 1796 году, воспитывался въ коллегіумѣ Гарроу, аристократической школѣ, гдѣ его товарищемъ, между другими молодыми людьми высшаго круга, былъ и Пальмерстонъ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ, по тогдашнему обычаю, поступилъ прапорщикомъ въ гвардейскій полкъ и съ этимъ полкомъ сдѣлалъ въ 1813—1814 походъ въ Нидерланды. Участвовалъ-ли онъ въ походѣ въ 1815 году, неизвѣстно, но въ битвѣ подъ Ватерлоо онъ не былъ. Въ этомъ году онъ получилъ чинъ поручика, который равнялся чину армейскаго капитана и далѣе въ военной службѣ не пошелъ.

Возвратясь въ Англію, онъ вступилъ въ большой свѣтъ, къ которому принадлежалъ по связямъ. Въ то время процвѣтали въ Англіи *дэнди*. Принцъ-регентъ, какъ извѣстно, считалъ себя первымъ «дэнди» въ Европѣ. Въ числѣ окружавшихъ его свѣтилъ дэндизма были: герцогъ Аргайль, герцогъ Бьюфортъ, лорды Фолей, Алвэнли, Россъ, аристократы безъ титуловъ — Дэмеръ, Стэндишъ, Брэдшо. Но въ этомъ же обществѣ и даже на первомъ планѣ являлись люди, вовсе не принадлежавшіе къ нему по рожденію, какъ Томъ Рэксъ, купецъ и въ особенности знаменитый Броммелль. У Броммелля не было ни имени, ни род-

---

*) «L'homme qui rit»—романъ, съ содержаніемъ котораго мы имѣли уже случай познакомить читателей. См. выше: іюнь 817—871; іюль, 297—353 стр. — *Ред.*

ственныхъ связей съ аристократическимъ кругомъ, ни даже собственныхъ средствъ, чтобы жить въ немъ. Появленіе его тамъ не объясняется и личными достоинствами, которыя, въ особенности въ то время, сами по себѣ не могли отворить ни передъ кѣмъ двери салоновъ британской аристократіи.

Броммелль былъ человѣкъ жалкій. Онъ сперва жилъ на деньги, которыя выигрывалъ въ клубахъ, потомъ бѣжалъ отъ проигрышей на континентъ, гдѣ покровители его доставили ему постъ консула въ Каэнѣ, и наконецъ, содержался подпискою отъ членовъ той же аристократіи, боготворившихъ этого «властителя фэшона». Громадный успѣхъ Броммелля въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ Англія лучше всего характеризуетъ пустоту, распущенность и даже безвкусіе этого свѣта. Манеры Броммелля, какъ и принца-регента, были верхъ нелѣпой аффектаціи, смѣшанной съ неимовѣрной грубостью. Въ этой счастливой комбинаціи, выражаясь современнымъ словомъ, состоялъ тогда «шикъ».

Въ книгѣ біографа Дэнкомба мы встрѣчаемся со всѣми представителями «фэшона» въ Англіи, съ 1816 года до шестидесятыхъ годовъ, точно также, какъ и почти со всѣми политическими дѣятелями Великобританіи за это время. Но очерки лицъ, которые намъ даетъ біографъ, такъ коротки, что они не представляютъ сколько-нибудь цѣльной характеристики. Имена являются одно за другимъ, часто къ нимъ прилагается текстъ какого-нибудь письма отъ знаменитости къ Дэнкомбу, но все это сдѣлано болѣе для ознакомленія читателя съ жизнью самого Дэнкомба и въ особенности для обнаруженія его близкихъ связей со всѣми знаменитостями, чѣмъ для изображенія событій или очерка какого-нибудь періода. Сама біографія Дэнкомба не такъ интересна для насъ, какъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія, приводимыя въ книгѣ о его жизни и корреспонденціи. На нихъ мы особенно и обратимъ вниманіе, присоединивъ къ нимъ краткій очеркъ его жизни и отношеній.

Дэнкомбъ, котораго отецъ былъ, считая на наши деньги, милліонеръ и котораго связи мы уже упомянули, разумѣется долженъ былъ вступить въ нѣсколько модныхъ клубовъ, играть въ высокую игру, «протежировать тюрфъ» и театры, наконецъ сдѣлаться членомъ палаты общинъ. Все это само собою слѣдовало: it was due to his position и все это осуществилось очень просто: за наличныя деньги. Первый клубъ, въ который онъ вступилъ, носилъ чисто-англійское названіе «The Beef-Steak Club». Тамъ, какъ во всѣхъ клубахъ, процвѣтала азартная игра. Проигрывались громадныя суммы. Такъ банкиръ Дроммандъ проигралъ *Beau* Броммеллю 20-ть тысячъ фунтовъ въ вистъ, въ одну

ночь, въ White's club; мистеръ Спэрріеръ проигралъ въ Graham's club имѣніе въ 28 тысячъ фунтовъ и сверхъ того все, что имѣлъ; графъ Сифтонъ проигралъ въ разное время въ Crockford's club 240 тысячъ фунтовъ! Были и такіе, которые нажили или увеличили состояніе игрою въ клубахъ. Такъ лордъ Р. Спенсеръ, братъ герцога Марльборо, выигралъ въ Brooke's club 100 тысячъ фунтовъ.

Біографъ Дэнкомба говоритъ, что аристократія сильно пострадала отъ большихъ проигрышей. Наконецъ, сами клубы сперва упали, а потомъ измѣнили характеръ, переставъ быть настоящимъ игорнымъ домомъ. Дэнкомбъ въ свою очерерь порядочно поплатился въ Beef-Steak's. Новые клубы имѣли уже болѣе серьёзный характеръ. Такъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ основались два знаменитѣйшіе политическіе клуба: Carlton club, учрежденный герцогомъ Уэллингтономъ (торійскій) и Reform club (либеральный), въ который вступилъ и Дэнкомбъ.

На выборахъ 1826 года, онъ явился кандидатомъ либеральной партіи въ Гертфордѣ и купилъ себѣ избраніе, having bribed handsomely, какъ наивно выражается его біографъ. Онъ вышелъ изъ гвардіи, но числился капитаномъ въ йоркшейрскомъ гусарскомъ полку и нашелъ для своихъ денегъ новое помѣщеніе въ пари на скачкахъ, гдѣ отличались представители британской аристократіи и нѣкоторые иностранцы, какъ венгерецъ графъ Баттьяньи и французъ, извѣстный графъ д'Орсэ, «первый джентльменъ по обѣимъ сторонамъ пролива», какъ его звали во Франціи. Первый джентльменъ былъ постоянно въ долгахъ. Въ тогдашнемъ лондонскомъ свѣтѣ была мода на оригиналовъ и на прозвища. Здѣсь намъ представляются «король Алленъ», ирландскій виконтъ, который не могъ спать безъ лондонскаго шума, такъ что живя въ приморскомъ городѣ онъ спалъ только тогда, когда передъ его окнами нарочно ѣздила всю ночь карета; «Золотой Шаръ»—гусарскій офицеръ, славившійся красотою, который разбросалъ на вѣтеръ огромное состояніе и женился наконецъ на первой танцовщицѣ; «Молчаливый Заяцъ», названный такъ именно потому, что онъ былъ замѣчательный и остроумный краснобай; будучи въ Италіи, онъ пошелъ исповѣдываться къ католическому священнику и наговорилъ на себя такихъ преступленій идя все crescendo, отъ одного ужаса къ другому, что патеръ, въ отчаяніи, убѣжалъ изъ конфессіонала; «Серебряный шаръ», прославившійся тѣмъ, что одна актриса взыскала съ него путемъ суда 3,000 фунтовъ за неисполненіе обѣщанія жениться на ней; «Кангуру-Кукъ», франтъ, котораго настоящая фамилія была Кукъ, но который такъ привыкъ къ своему прозвищу, что однажды,

находясь на адмиральскомъ кораблѣ, серьезно испугался команды «Кангуру, сняться съ якоря», относившейся къ одному изъ судовъ эскадры; «Монахъ Льюизъ», популярный депутатъ и литераторъ, котораго звали такъ за сомнительную нравственность его романа «Монахъ»; онъ былъ однимъ изъ фаворитовъ принцессы Уэльской. Другимъ давали плоскія прозвища безъ всякого отношенія къ ихъ характерамъ. Такъ старуху маркизу Салисбэри называли «Старый Сарумъ», по имени принадлежавшаго ей мѣстечка, а лорда Йармоута—«Красная Селедка», потому что городъ Йармоутъ — рыболовный и еще за то, что лордъ былъ рыжій.

Дэнкомбъ, какъ мы уже сказали, былъ либералъ, несмотря на то, что принадлежалъ къ ультра-торійской фамиліи. Онъ даже былъ въ числѣ «крайней» либеральной партіи и въ началѣ своей карьеры считался республиканцемъ. Онъ присталъ къ этой партіи (которая впрочемъ не была республиканскою въ серьёзномъ смыслѣ) отчасти по дружбѣ къ г. Ламбтону, который потомъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Дюргэма къ Дэнкомбу слѣдующія слова по поводу французской революціи 1830 года: «что за славная нація, эти французы! Боюсь, что у англичанъ нѣтъ и милліонной части ихъ практическаго духа».

Извѣстно, что французская революція 1830 года сильно отозвалась въ Англіи; она возбудила тамъ реакцію противъ безусловнаго преобладанія аристократіи и была побужденіемъ къ парламентской реформѣ 1832 года, которая была въ Англіи настоящею революціею, гораздо болѣе прочною, по своимъ результатамъ, чѣмъ іюльская революція во Франціи. «Друзья народа», къ которымъ принадлежалъ Дэнкомбъ, были въ то время особенно популярны въ Англіи и пристать къ нимъ было лучшимъ средствомъ скоро пріобрѣсть популярность и значеніе. По всей вѣроятности это именно и побудило Дэнкомба примкнуть къ радикаламъ.

Когда билль о реформѣ, прошедшій въ палатѣ общинъ, въ 1832 году, былъ отвергнутъ палатою лордовъ, въ странѣ началась сильная агитація, въ которой и Дэнкомбъ игралъ роль и между прочимъ произнесъ необузданную рѣчь въ палатѣ противъ торійскаго министерства, въ которой онъ сказалъ о лордѣ Линдгорстѣ: «вся его жизнь была продолжительною сценой политической проституціи». Королю, который самъ благопріятствовалъ реформѣ, удалось наконецъ образовать кабинетъ изъ виговъ, подъ предводительствомъ лорда Грея, и билль прошелъ въ палатѣ лордовъ, послѣ того, какъ нѣкоторыхъ изъ ея самыхъ «завзятыхъ» членовъ упросили не подавать голоса при послѣднемъ чтеніи.

На выборахъ, которые послѣдовали за принятіемъ билля о реформѣ, Дэнкомбъ былъ побѣжденъ въ Гертфордѣ приверженцами владѣльца этого мѣстечка, лорда Салисбэри. Между тѣмъ, на борьбу съ нимъ, Дэнкомбъ издержалъ своихъ денегъ и денегъ своей партіи до 40 тысячъ фунтовъ (260 тысячъ рублей)! Дѣло въ томъ, что маркизъ Салисбэри держалъ своихъ арендаторовъ на привязи, возобновляя ихъ аренды не болѣе какъ на двѣ недѣли и тотчасъ прогоняя тѣхъ, которые дѣлались подозрительны, какъ склоняющіеся на противную сторону. Большая часть издержекъ Дэнкомба произошла отъ необходимости пріискивать помѣщенія для этихъ бѣдныхъ изгнанниковъ. Слѣдствія по обвиненію въ подкупахъ въ это время были часты и нерѣдко вели къ уничтоженію избраній; тѣмъ не менѣе, подкупъ былъ общимъ правиломъ и жалобы возникали только въ случаяхъ слишкомъ очевидно-скандалезныхъ.

Въ 1834 году, Дэнкомбъ снова былъ избранъ въ палату общинъ; на этотъ разъ онъ явился представителемъ одного изъ столичныхъ округовъ—Финсбэри. Средствами при этомъ были, какъ разсказываетъ его сынъ: расточительная щедрость и самая энергическая ловля голосовъ (canvassing). Другъ Дэнкомба, лордъ Дюргэмъ былъ членомъ кабинета виговъ подъ предсѣдательствомъ лорда Грея, кабинета проведшаго реформу. Но Дюргэмъ не долго ужился со своими товарищами. Онъ вышелъ изъ кабинета въ 1834 году. Радикальная партія, которой аристократическій элементъ представлялся Дюргэмомъ и Дэнкомбомъ, уже въ то время требовала реформы, болѣе искусственной, чѣмъ была та, которую удалось провесть въ 1832 году. Дюргэмъ былъ одинъ изъ защитниковъ реформы 1832 года, но подобно тому какъ въ наше время (въ 1865 и 1866 г.) Брайтъ былъ защитникомъ проекта реформы Росселя-Гладстона, т. е. желалъ, чтобы было сдѣлано *хоть что-нибудь*, самъ сознавая, что нужна болѣе широкая реформа, «a real Reform», какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ къ Дэнкомбу, писанномъ въ 1834 году.

Уже въ то время, то-есть *за тридцать три года* до приведенія нынѣшней дизраэлевской реформы, основанной на household suffrage (право голоса непосредственныхъ нанимателей помѣщеній), радикалы требовали этого. Они шли еще далѣе; они требовали того же, чего радикалы требуютъ и теперь — тайной подачи голосовъ, избранія посредствомъ ballot. Эти мысли защищали въ своихъ рѣчахъ и Дюргэмъ и Дэнкомбъ. Понятно, что Дюргэмъ не могъ долго остаться въ кабинетѣ Грея, который былъ настоящимъ вигомъ, умѣреннымъ либераломъ.

Дюргэмъ былъ назначенъ впослѣдствіи посланникомъ въ Пе-

тербургъ и приглашалъ своего пріятеля пріѣхать посмотрѣть на нашу столицу, въ особенности же на нашъ петербургскій праздникъ, наши маневры и смотры. Вотъ одно изъ писемъ Дюргэма къ Дэнкомбу отсюда:

«Михайловское, іюня 22, 1836.

«Любезный Д. Спасибо за Sillery. Надѣюсь, вы сами поможете выпить его. Вы спрашиваете, когда будетъ петергофскій праздникъ; — 13-го іюля. Судя по приготовленіямъ, думаю, что онъ представитъ одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія можно вообразить. Фонтаны лучше чѣмъ версальскіе! Сады съ деревьями столь же высокими, какъ въ Кенсингтонскихъ садахъ; онѣ освѣщаются миріадами шкаликовъ до самыхъ верхушекъ! Не забудьте привезть съ собою мундиръ: *это необходимо* въ здѣшней странѣ. Военные маневры начнутся недѣли черезъ три и будутъ прекрасны: по меньшей мѣрѣ при 30 тысячахъ человѣкъ. Театръ дѣйствій — ближайшая окрестность этой мызы, которая находится подлѣ самаго Петергофа, миляхъ въ пятнадцати отъ Петербурга.

Всегда вашъ Д.»

Но Дэнкомбъ былъ задержанъ парламентскою борьбою и необходимостью позаботиться о своей кандидатурѣ при новыхъ выборахъ.

Упомянувъ здѣсь о направленіи, котораго держалась уже 33 года тому назадъ радикальная партія въ Англіи, мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы оцѣнить политическій характеръ самого Дэнкомба. Мы привели выше откровенное сужденіе его сына, что онъ присталъ къ радикальной партіи или къ *extreme views* потому собственно, что направленіе радикальной партіи было особенно популярно въ Англіи послѣ французской революціи 1830 года. Въ извѣстной литературной газетѣ «Athenaeum» мы находимъ статью о книгѣ Дэнкомба, высказывающую между прочимъ упрекъ сыну Дэнкомба за мнѣніе, будто его отецъ присталъ къ радикаламъ потому только, что видѣлъ въ содѣйствіи имъ легчайшее средство пріобрѣсть политическое значеніе. Не слѣдуетъ забывать, говоритъ авторъ этой статьи, что провозглашая крайнія мнѣнія, Дэнкомбъ тѣмъ самымъ закрывалъ себѣ путь къ достиженію высокаго положенія. Но можно ли въ самомъ дѣлѣ такихъ людей, какъ Дэнкомбъ, признавать серьёзными радикалами? Возраженіе критика «Athenaeum'а» опровергается примѣромъ друга Дэнкомба, лорда Дюргэма, такого же рѣшительнаго радикала на словахъ. Вѣдь былъ же онъ министромъ въ кабинетѣ Грея, а потомъ посланникомъ въ Петербургѣ. Правда, Дэнкомбъ былъ пріятелемъ Мадзини, Кошута,

Тюрра и т. д. Но самъ авторъ статьи Athenaeum'а очень хорошо отмѣтилъ характеръ этой привязанности, замѣтивъ, что онъ сочувствовалъ и помогалъ изгнанникамъ не потому, что они—революціонеры, а потому, что они—преслѣдуемые, «бѣдняги», poor devils. «Самъ онъ, разорившійся игрокъ,—говоритъ Athenaeum,—былъ «a poor devil» и всякое паденіе, лишеніе правъ вызывало въ немъ сочувствіе и готовность къ услугамъ». Тотъ же критикъ замѣчаетъ, что нельзя считать революціонеромъ Дэнкомба, который оказывалъ содѣйствіе Людовику-Наполеону, очень хорошо зная намѣренія этого «гражданина». Прибавимъ, что Дэнкомбъ былъ другъ Пальмерстона, и вся практическая дѣятельность представителя Финсбэри за послѣднюю половину его политической жизни состояла въ оказаніи поддержки кабинетамъ, въ которыхъ былъ членомъ Пальмерстонъ. Это тоже нисколько не похоже не только на *революціонерность*, но и на радикализмъ. Итакъ, почему же не согласиться съ сыномъ Дэнкомба, что отецъ его избралъ радикальное направленіе именно только какъ кратчайшій путь къ пріобрѣтенію значенія?

Но возвратимся къ анекдотической сторонѣ книги, къ картинѣ англійскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Дуэли, которыя въ настоящее время совсѣмъ вышли изъ англійскихъ обычаевъ, были очень часты въ первой четверти вѣка и даже послѣ. Особенно готовы были драться при каждомъ случаѣ ирландцы. Знаменитый О'Коннель, въ одной изъ своихъ рѣчей, назвалъ дублинскій муниципалитетъ «нищенскою корпораціею». Его вызвалъ членъ муниципалитета д'Эстерръ, и былъ убитъ при первомъ обмѣнѣ пулями. Въ двадцатыхъ годахъ было нѣсколько политическихъ дуэлей, кончавшихся смертью одной изъ сторонъ. Замѣчательно, что О'Коннель, послѣ первой своей дуэли, имѣвшей бѣдственный исходъ, положительно отказывался отъ другихъ. Его вызывали не разъ, но онъ не дрался. Однажды за него выступилъ его сынъ. Общество смотрѣло съ презрѣніемъ на отказывавшихся «дать удовлетвореніе» и сочувственно относилось ко всякимъ насиліямъ, какимъ ихъ подвергали. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, книгопродавецъ Фрэзеръ сталъ издавать извѣстный свой мѣсячный журналъ «Fraser's Magazine». Въ немъ сперва появлялись каррикатуры на извѣстныхъ людей, съ прибавленіемъ ѣдкихъ комментаріевъ, которые сочинялъ нѣкій докторъ Мэгиннъ. И Дэнкомбъ былъ жертвою одного изъ номеровъ Фрэзерова журнала. Онъ вызвалъ издателя, который однако пожаловался полицейскому судьѣ, и потомъ, когда судья обязалъ Дэнкомба не нарушать спокойствія, предложилъ Дэнкомбу прислать опроверженіе въ журналъ. Такая

же исторія случилась съ членомъ одной аристократической фамиліи, «достопочтеннымъ» Грэнтли-Беркелей и онъ при встрѣчѣ съ Фрэзеромъ прибилъ его хлыстомъ. Тоже самое сдѣлалъ Дэнкомбъ съ издателемъ сатирическаго листка «The Age».

Въ книгѣ приведено много примѣровъ дуэлей въ тридцатыхъ годахъ; изъ нихъ мы упомянемъ только объ одномъ. Англичанинъ, капитанъ Гессъ, извѣстный въ лондонскомъ свѣтѣ по своимъ интимнымъ отношеніямъ къ королевѣ Каролинѣ, выигралъ въ 1832 году, въ Парижѣ, большую сумму у нѣкоего Леона, незаконнаго сына Наполеона I. Леонъ, взбѣшенный проигрышемъ, намекнулъ, что Гессъ *слишкомъ* счастливъ въ игрѣ, а Гессъ вызвалъ его. Замѣчательно, что передъ поединкомъ былъ призванъ нотаріусъ для составленія акта о суммѣ, не заплаченной Леономъ. Гессъ былъ убитъ.

Англійское высшее общество, назадъ тому всего лѣтъ тридцать, было далеко не похоже и на то, каково оно теперь. Такъ, напримѣръ, неумѣренность въ винѣ была всеобщею. «Послѣ обѣда, когда дамы вставали изъ за-стола», говоритъ біографъ, «гости обыкновенно начинали опоражнивать стаканъ за стаканомъ крѣпкаго портвейна или кружку за кружкой еще болѣе крѣпкаго пунша, до тѣхъ поръ, пока всѣ, одинъ за другимъ, не попадаютъ подъ столъ, а хозяина слуги не унесутъ въ безчувственномъ состояніи въ его спальню». Такимъ образомъ, выпивалось каждымъ гостемъ по три или по четыре бутылки вина. Между современниками Дэнкомба въ гвардіи, на такого джентльмена, который избѣгалъ крайней неумѣренности, смотрѣли какъ на «дрянь». «Шестибутылочные» люди (the six-bottle men) — такъ какъ были и такіе — служили предметомъ удивленія, смѣшаннаго съ завистью со стороны менѣе сильныхъ пьяницъ. Нынѣшнее поколѣніе обязано преимущественно умѣренности лучшимъ положеніемъ своего здоровья и своихъ средствъ.

Мудрено-ли, что французы, близко познакомившись съ англичанами во время занятія Парижа союзниками и при реставраціи, приняли поговорку boire comme un Anglais. Вообще распущенность тогдашняго англійскаго общества, съ которою многіе читатели навѣрное знакомы по тэккереевой Vanity-Fair, представляетъ замѣчательный контрастъ съ тѣмъ, какимъ оно является нынѣ. Такой большой перемѣны не было въ этомъ періодѣ ни въ одномъ изъ континентальныхъ аристократическихъ кружковъ. Едва ли мы ошибемся, приписавъ отчасти и этотъ результатъ дѣйствію реформы 1832 года, которая, серьёзно поколебавъ исключительное господство родовой аристократіи, измѣнила и политическую жизнь, и финансовое устройство, и

систему внѣшней политики и самую общественную жизнь Великобританіи. Въ этой парламентской странѣ измѣнить *основаніе* власти, перенесть ея центръ значитъ переиначить всю жизнь страны и нельзя себѣ представить, какъ отлично будетъ англійское общество отъ нынѣшняго, черезъ какихъ-нибудь десятка два лѣтъ, когда проникнетъ во всѣ поры организма Великобританіи новая реформа, реформа въ смыслѣ демократическомъ.

Ближайшее знакомство съ Франціею отозвалось въ Англіи между прочимъ преобразованіемъ кухни. До 1815 года, самые великолѣпные обѣды британскихъ лордовъ были примѣчательны собственно только роскошью посуды и количествомъ говядины и пуддинговъ, изъ которыхъ состояли эти нехитрыя гастрономическія exhibitions. Въ Парижѣ лорды отвыкли отъ завѣтнаго ростбифа и традиціонныхъ плом-пуддинговъ и вслѣдъ за возвращавшимися въ Англію побѣдителями, въ нее вторглись побѣжденные въ качествѣ французскихъ поваровъ и въ свою очередь завоевали Англію. Знаменитѣйшимъ представителемъ ихъ былъ впослѣдствіи, уже въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, поваръ Сойе, который пріобрѣлъ славу такъ сказать всемірную. Первыми законодателями french cookery и учредителями настоящей гастрономіи въ Англіи были лорды Дэдли, Личфильдъ, Сифтонъ, Фолей и другіе. Само собою разумѣется, что Дэнкомбъ бывалъ гостемъ у всѣхъ ихъ и «общимъ другомъ», несмотря даже на различіе мнѣній. Такъ, онъ бывалъ у Росселя (въ то время лорда Джона Росселя), хотя не былъ его политическимъ приверженцемъ и даже считалъ его самозванцемъ, такъ какъ лордъ Джонъ постоянно выдавалъ себя за главнаго виновника реформы 1832 года и въ самомъ дѣлѣ усвоилъ себѣ это значеніе, между тѣмъ, какъ, по мнѣнію Дэнкомба, истиннымъ главнымъ авторомъ реформы былъ другъ его, лордъ Дюргэмъ.

Дэнкомбъ былъ «душою общества» въ аристократическихъ собраніяхъ; особенно его любили дамы. Приглашенія такъ и сыпались на него; всѣ звали его: «пріѣзжайте, чтобы намъ было повеселѣе». Такъ онъ проводилъ свою частную жизнь въ постоянныхъ визитахъ, какъ въ самомъ Лондонѣ, такъ и въ замкахъ, въ то время, которое называется «охотничьимъ сезономъ». Состояніе Дэнкомба, которому нанесли сильные удары игра и банкротство одного лорда-пріятеля, таяло болѣе и болѣе подъ вліяніемъ его періодическихъ расходовъ на выборы и издержекъ необходимыхъ для поддержанія связей. Сверхъ того, политическія подписки тоже не мало стоили популярному депутату. Такъ, онъ вносилъ по сотнямъ фунтовъ въ разныя общества, давалъ взаймы и т. п. Въ 1834 году уже его денежныя дѣла находи-

лись въ очень плохомъ положеніи и онъ долженъ былъ занять подъ поручительствомъ, которое доставилъ ему лордъ Дюргэмъ, 2 тысячи фунтовъ, которые и заплатилъ впослѣдствіи. Но впослѣдствіи долги его возросли до громадной цифры многихъ сотень тысячъ. Одному лорду Честерфильду онъ былъ долженъ до 100 тысячъ фунтовъ и принужденъ былъ просить уменьшенія долга. Долгъ этотъ былъ пониженъ до суммы 38 тысячъ фунтовъ. Главная потеря его была причинена именно банкротствомъ одного лорда, который въ книгѣ не названъ. Въ 1848 году, умеръ его отецъ и родовое имѣніе его Копгрувъ поступило въ его владѣніе. Но сумма долговъ была уже такъ велика, что и это наслѣдство не улучшило положенія Дэнкомба. Оно дало ему только возможность удовлетворить главныхъ кредиторовъ. Имѣніе это онъ продалъ съ аукціона въ 1848 году, за 130 тысячъ фунтовъ (845 тыс. руб.).

Въ числѣ тѣхъ poor devils, за которыхъ, по выраженію «Атенея», заступался Дэнкомбъ, были министры Карла X, посаженные въ гамскій зàмокъ по приговору палаты пэровъ, за нарушеніе конституціи іюльскими декретами. Дэнкомбъ заступился за нихъ въ 1836 году, когда англійская аристократія, какъ торійская, такъ и вигисткая была очень разжалоблена немилосердною строгостью, съ какою содержались эти государственные преступники, хотя эта строгость вовсе не была чрезмѣрною. Эти господа сидѣли въ тюрьмѣ за дѣло — вотъ и все. Женѣ главнаго изъ нихъ, князя Полиньяка, было дозволено жить въ деревнѣ близь зàмка и видѣться съ мужемъ ежедневно. Каждому изъ арестантовъ позволяли гулять въ крѣпостномъ садикѣ, разумѣется подъ стражею. Однимъ словомъ, ничего ужаснаго тутъ не было, если не считать ужаснымъ самый тотъ фактъ, что князь и графъ, бывшіе министры, сидятъ въ тюрьмѣ за совершенное ими преступленіе, стоившее Франціи множество жизней.

Но сочувствіе въ аристократической Англіи къ нимъ было, и Дэнкомбъ выступилъ его органомъ. Жены узниковъ, прочитавъ его рѣчь, обратились къ нему съ благодарственными письмами, онъ вступилъ въ рыцарскую переписку съ этими дамами и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе. Послѣ тщетнаго обращенія ко вмѣшательству англійскаго министерства, которое, разумѣется, ничего не могло сдѣлать, Дэнкомбъ внесъ въ палату общинъ формальное предложеніе: пригласить министерство къ ходатайству передъ французскимъ правительствомъ объ освобожденіи гг. Полиньяка, Пейронне, Шантелоза и Гернонъ-де-Ранвилля. По этому поводу онъ произнесъ одну изъ своихъ блестящихъ

рѣчей. Но лорды Пальмерстонъ и Джонъ Россель положительно отказались отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла иностраннаго государства, выражая впрочемъ надежду, что французское правительство само сдѣлаетъ то, о чемъ шла рѣчь, и Дэнкомбъ долженъ былъ взять свое предложеніе назадъ. Но слава «рыцарской защиты» осталась при немъ, и самъ Пейронне написалъ къ нему благодарственное письмо. Вся эта переписка и рѣчь Дэнкомба помѣщены въ книгѣ его біографа.

Когда другъ Дэнкомба, Дюргэмъ, отозванный изъ Петербурга, былъ назначенъ губернаторомъ верхней Канады, Дэнкомбъ предпринялъ путешествіе туда, въ 1838 году и въ томъ же году возвратился, потому что Дюргэмъ не ужился и тамъ съ вигами и оставилъ свой постъ, не дождавшись отвѣта на посланное имъ прошеніе объ отставкѣ.

Такъ какъ намъ сейчасъ придется упомянуть объ участіи Дэнкомба въ чартистскомъ движеніи, то не мѣшаетъ еще разъ пояснить, что въ его характерѣ не было ничего революціоннаго. Сынъ конечно хорошо зналъ отца, и на его свидѣтельство можно положиться. Разсказавъ о милости, въ какой отецъ его былъ у герцогини кентской, которая даже поддерживала его друзей на выборахъ, и упомянувъ, что представитель Финсбери имѣлъ случай часто честь бесѣдовать съ принцессою Викторіею, которой таланты и любезность онъ потомъ расхваливалъ своимъ друзьямъ, младшій Дэнкомбъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «еслибы когда либо во мнѣніяхъ его было что либо опасное, то этотъ высокомилостивый способъ завербовать его въ число друзей юной принцессы, былъ достаточенъ по отношенію къ человѣку его рыцарской природы, чтобы изгнать ихъ». Мы вовсе не имѣемъ цѣлью выразить сожалѣніе о томъ, что Дэнкомбъ не былъ или былъ серьёзнымъ радикаломъ, а тѣмъ болѣе революціонеромъ. Мы хотимъ только выяснить его характеръ и показать, что аристократическіе радикалы столь же мало, какъ аристократическіе тори или виги, могли сознательно вести Англію къ перемѣнѣ системы ея жизни. Old England, Британія джентльменовъ дорога была имъ всѣмъ въ одинаковой степени. Лордъ Дюргэмъ еще при жизни Вильгельма IV открыто отказался отъ «крайнихъ мнѣній».

Въ маѣ 1841 года, Дэнкомбъ былъ избранъ чартистскимъ комитетомъ для представленія парламенту адреса чартистовъ, подписаннаго 1,300,000 лицами и требовавшаго освобожденія арестованныхъ чартистовъ. Министры возставали противъ этого адреса. какъ противъ покушенія на вмѣшательство въ судебное дѣло. Но въ палатѣ голоса раздѣлились поровну, такъ что только

голосъ спикера, который, по своей обязанности въ подобныхъ случаяхъ, вотировалъ за status quo, далъ перевѣсъ партіи министерства, и оно едва не вышло въ отставку. За то все-таки вскорѣ оно принуждено было, вслѣдствіе новыхъ пораженій, распустить общины.

Года 1841 и 1842 представляютъ время наибольшей популярности Дэнкомба. Онъ сблизился съ чартистами, особенно съ Куперомъ и Фергюсомъ О'Конноромъ, и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей радикальной партіи. Въ сессію 1842 года, онъ представилъ палатѣ общинъ «адресъ народа», адресъ въ смыслѣ чартистской программы, съ $3^1/_2$ милліонами подписей. Дэнкомбъ требовалъ, чтобы палата допустила въ свою залу и выслушала депутацію отъ авторовъ адреса, и это требованіе было сочтено до такой степени «крайнимъ», что даже Робакъ возсталъ противъ него. Само собою разумѣется, что министерство, въ лицѣ Пиля и сэра Дж. Грэгама, отвергало это требованіе. Въ пользу его оказалось только 49 голосовъ, цифра, показывающая, какъ слаба была радикальная партія въ парламентѣ даже черезъ десять лѣтъ послѣ реформы. Но это рѣшеніе палаты вызвало безпокойства и безпорядки по всей странѣ. Правительство приняло сильныя мѣры, арестовавъ ораторовъ, говорившихъ въ возбудительномъ духѣ, между ними и Фергюса О'Коннора. Дэнкомбъ, разумѣется, арестованъ не былъ, такъ какъ его рѣчи были проникнуты не только радикализмомъ, но и осторожностью. Одна французская газета того времени, «Le Courrier de l'Europe», оцѣнивая агитацію въ Англіи и ея вождей, выражалась такъ о Дэнкомбѣ: «Г. Дэнкомбъ—радикалъ, но онъ не желаетъ стремиться къ осуществленію своихъ убѣжденій посредствомъ безпорядка. Въ его парламентскихъ рѣчахъ преобладаетъ духъ добросовѣстности и искренность убѣжденія, которые внушаютъ довѣріе людямъ наиболѣе отдаленнымъ отъ его политическихъ воззрѣній; онъ — Гарньè-Пажесъ англійской трибуны».

Внѣ-парламентская дѣятельность представителя Финсбери въ это время была огромна, какъ то слѣдовало изъ его популярности. Всѣ важнѣйшіе города Великобританіи: Мэнчестеръ, Ливерпуль, Эдинбургъ, Йоркъ, Бирмингэмъ, Лидсъ, Шеффильдъ, Рочдэль, Гулль и т. д. приглашали его пріѣзжать на митинги, изъ которыхъ нѣкоторые устроивались собственно въ честь его самого. Въ печати появилось нѣсколько біографій его; однимъ словомъ, онъ игралъ въ это время роль трибуна, и 1842 годъ представилъ вершину его политическаго значенія.

Въ 1844 году въ Англіи надѣлала много шуму жалоба Джу-

зеппе Маццини на сообщничество англійскаго правительства съ неаполитанскимъ, папскимъ и австрійскимъ въ преслѣдованіи итальянскихъ патріотовъ и борьбѣ съ итальянскою національною партіею. Онъ жаловался, что англійское правительство позволяло себѣ вскрывать его письма и потомъ отправляло ихъ по назначенію, съ прежнею, подправленною печатью, а между тѣмъ содержаніе ихъ сообщало деспотамъ Италіи, такъ что итальянскія правительства были предупреждены о намѣреніяхъ патріотовъ, а патріоты, не подозрѣвая, что за ними слѣдятъ, дѣлались жертвами устроенныхъ для нихъ ловушекъ. Такъ погибли братья Бандьера, предпринявшіе изъ Корфу высадку на берегъ Калабріи. Обвиненіе это было очень серьезно для министровъ въ такой странѣ какъ Англія. Тайна частной переписки — одно изъ первыхъ условій личной неприкосновенности, и общественное мнѣніе въ Англіи произнесло строгій приговоръ въ особенности надъ другомъ Пиля, сэромъ Джемсомъ Грэгамомъ, который сдѣлалъ распоряженіе о вскрытіи писемъ Маццини. Министерство оправдывалось тѣмъ, что оно, признавъ нужнымъ, въ интересѣ международной безопасности, вскрывать письма нѣкоторыхъ агитаторовъ, сообщало изъ содержанія ихъ угрожаемымъ правительствамъ только то, что не могло компрометтировать лично ни одного изъ людей, находившихся у нихъ подъ рукою. Но слѣдствіе, для котораго были назначены особыя коммиссіи палатою общинъ и палатою лордовъ, обнаружило, что система вскрытія писемъ была общепринятою практикою всѣхъ администрацій, какъ торійскихъ, такъ и вигистскихъ; что въ этомъ былъ повиненъ не одинъ сэръ Дж. Грэгамъ, но и лорды Пальмерстонъ, Мельборнъ, Джонъ Россель, Ландсдоунъ и т. д.; наконецъ, что вскрываемы были письма не одного Маццини и не однихъ итальянскихъ эмигрантовъ, но и самихъ англичанъ, напримѣръ—лорда Брума.

Маццини громко протестовалъ противъ такого злоупотребленія, и голосъ его, хотя иностранца и извѣстнаго заговорщика, не былъ оставленъ безъ вниманія, во-первыхъ, потому, что дѣло это касалось и самаго англійскаго общества, а во-вторыхъ потому, что за Маццини заступились два вліятельные человѣка: знаменитый историкъ Карлейль и Дэнкомбъ. Карлейль напечаталъ письмо, въ которомъ отдавъ полную справедливость высокимъ качествамъ Маццини какъ человѣка, поставилъ выше всякого сомнѣнія его правдивость. Дэнкомбъ съ своей стороны, будучи знакомъ съ Маццини уже съ тридцатыхъ годовъ, какъ о томъ будетъ разсказано ниже, принялъ на себя главную роль по этому дѣлу въ палатѣ общинъ и былъ виновникомъ произведеннаго по нему

слѣдствія. Сынъ его обвиняетъ Маццини въ томъ, что въ своей автобіографіи онъ только едва упоминаетъ о Дэнкомбѣ по этому поводу, приписывая все дѣйствіе, произведенное на англійскій парламентъ, себѣ, между тѣмъ какъ, по увѣренію біографа Дэнкомба, одинъ Маццини ничего бы не могъ сдѣлать въ этомъ случаѣ.

Вся эта исторія кончилась обѣщаніемъ со стороны англійскихъ министровъ отказаться на будущее время совершенно отъ той практики «чернаго кабинета», которая, безъ сомнѣнія, никакъ не соотвѣтствовала учрежденіямъ и духу Великобританіи.

Мы переходимъ теперь къ той части книги Дэнкомба младшаго, которая представляетъ наиболѣе «пикантный» интересъ, касаясь интимныхъ отношеній финсберійскаго депутата къ лицамъ стоящимъ высоко и излагая болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ закулисныхъ событіяхъ, въ которыхъ Дэнкомбъ принималъ неизвѣстное доселѣ участіе. Эта часть книги именно и привлекла въ особенности вниманіе журналистики. Главные лица, выступающія здѣсь — принцъ Людовикъ - Наполеонъ и изгнанный изъ своихъ владѣній, извѣстный по эксцентричности своего характера, герцогъ Карлъ брауншвейгскій. Передавая эти свѣдѣнія, мы конечно далеки отъ того, чтобы ручаться за нихъ; для провѣрки ихъ никто, кромѣ прямо-заинтересованныхъ лицъ, не имѣетъ данныхъ. Мы же можемъ только представить вопросъ такъ, какъ онъ поставленъ въ европейской печати. Принцъ Людовикъ Бонапартъ посѣтилъ Англію въ первый разъ въ 1831 году. Это было послѣ извѣстной революціонной попытки въ Романьѣ, въ которой оба сына бывшаго короля голландскаго приняли участіе. Принцу Людовику было тогда 23 года. Попытка эта кончилась бѣгствомъ революціонеровъ при приближеніи австрійцевъ. Итальянцы до сихъ поръ вспоминаютъ съ улыбкою о «битвѣ» при Римини, въ которой патріоты бѣжали «потерявъ башмаки». Въ Италіи есть еще довольно живыхъ свидѣтелей этого дѣла, знавшихъ въ то время лично принцовъ Бонапартъ. Намъ лично случалось слышать отъ одного изъ современниковъ подробности бѣгства, которое даже въ то время, когда въ Италіи каждый, кто только покушался противъ существовавшаго порядка, становился личностью какъ бы священною въ общественномъ мнѣніи, возбудило общій смѣхъ. Принцъ Людовикъ Бонапартъ не любилъ впослѣдствіи воспоминаній объ участіи своемъ въ этомъ дѣлѣ, хотя надо впрочемъ замѣтить, что въ извѣстномъ, въ свое время надѣлавшемъ много шума и бывшемъ даже причиною къ перемѣнамъ въ министерствѣ французской республики, письмѣ къ своему адъютанту, полковнику Эдгару Нею,

президентъ республики ссылался на этотъ эпизодъ своей жизни. Это письмо было первою попыткою новаго Наполеона побудить папу къ реформамъ, попыткою, которая впослѣдствіи періодически возобновлялась, скорѣе съ цѣлью оправдать присутствіе французскихъ войскъ въ Римѣ, чѣмъ съ надеждою на непосредственный успѣхъ самого заявленія. «Я не забуду», писалъ президентъ, «что нѣкогда самъ сражался на поляхъ Италіи за ея независимость».

Между тѣмъ, временное правительство, провозглашенное революціонерами, которые объявили низложеннымъ папу Григорія XVI, разсчитывая на помощь со стороны Франціи (Франціи Людовика-Филиппа!), стѣснялось присутствіемъ въ лагерѣ революціи претендента на французскій престолъ. Оно постаралось удалить ихъ въ Форли, гдѣ старшій принцъ [1]) заболѣлъ корью и умеръ.

Принцъ Людовикъ Бонапартъ вынесъ изъ своего участія въ революціонномъ движеніи только свѣдѣнія о правилахъ карбонаріевъ и страхъ передъ ихъ тайной местью. Сочувствія къ цѣлямъ молодости нельзя предполагать въ послѣднемъ и столь энергичномъ защитникѣ свѣтской власти папъ. Бывшій революціонеръ, сражавшійся за отмѣну этой власти, принесъ ей, черезъ 36 лѣтъ, въ жертву цвѣтъ итальянской молодежи, испробовавъ на нихъ въ первый разъ «чудесныя» ружья Шасспо.

Послѣ «эскапады» въ Римини, принцъ Людовикъ, съ матерью своею, носившею титулъ герцогини Сенъ-Лё, пріѣхалъ въ Парижъ, но французское правительство не позволило имъ остаться тамъ и они уѣхали въ Англію. Дэнкомбъ въ это время былъ близко знакомъ съ бонапартистами Морни и Валевскимъ и вѣроятно познакомился и съ принцемъ въ этотъ первый пріѣздъ его въ Англію. Но принцъ на этотъ разъ пробылъ въ Англіи всего нѣсколько мѣсяцевъ и отправился въ Швейцарію. Проживъ годовъ пять въ Арененбергѣ, въ кантонѣ Тургау и повидимому посвятивъ себѣ изученію военнаго дѣла (въ 1833 году онъ написалъ свою книгу объ артиллеріи) принцъ, сдѣлавшійся гражданиномъ Швейцаріи и даже капитаномъ въ одномъ изъ бернскихъ полковъ, — въ 1836 году вдругъ, неожиданно совершилъ свою страсбургскую революціонную попытку. Взятый въ плѣнъ, онъ былъ сосланъ въ Америку, съ обѣщаніемъ не возвращаться

---

[1]) У Людовика Бонапарта, короля голландскаго, было три сына. Первый умеръ еще въ дѣтствѣ, въ 1806 г. Второй, о которомъ говорится здѣсь, Наполеонъ-Людовикъ, кронпринцъ голландскій, герцогъ клевскій и бергскій, родился въ 1804 г., умеръ въ 1831 г.

во Францію. Но подъ предлогомъ болѣзни своей матери онъ вскорѣ явился опять, сперва въ Швейцарію, потомъ и въ Англію, гдѣ и прожилъ два года. Авторъ «Жизни и корреспонденціи Дэнкомба», упоминаетъ о слухахъ, что въ это время жизнь принца не была примѣрная, но съ своей стороны ничего не прибавляетъ къ этимъ слухамъ.

Доказательствомъ того, что личный характеръ принца въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, не былъ компрометтированъ въ общественномъ мнѣніи, служитъ фактъ, что онъ жилъ въ высшемъ обществѣ Англіи, гдѣ явные пороки уже во всякомъ случаѣ затворяютъ дверь даже и передъ иностранцемъ. Леди Голландъ и леди Блессингтонъ были отъявленными бонапартистками, и принцъ въ ихъ салонахъ не скрывалъ своихъ честолюбивыхъ видовъ, но всѣ видѣли въ немъ мечтателя. Въ этомъ обществѣ вращался и Дэнкомбъ.

Сынъ Дэнкомба разсказываетъ въ числѣ разныхъ анекдотовъ о рыцарскомъ турнирѣ, устроенномъ лордомъ Эглингтономъ, въ которомъ принцъ Наполеонъ сразился на мечахъ съ однимъ англичаниномъ, и оба выказали такую горячность, что зрители принуждены были развести ихъ. Онъ появлялся и въ аристократическомъ литературномъ кружкѣ, къ которому принадлежали Эдвардъ Больверъ (впослѣдствіи лордъ Литтонъ) и Дизраэли. Авторъ записокъ упоминаетъ о ходившихъ въ то время слухахъ, что передъ своимъ булонскимъ предпріятіемъ принцъ имѣлъ совѣщанія съ министрами, лордами Мельборномъ и Пальмерстономъ, и приводитъ формальное опроверженіе этихъ слуховъ герцогомъ Веллингтономъ. Авторъ съ своей стороны замѣчаетъ, что принцъ считался въ то время республиканцемъ и не могъ имѣть сношеній съ британскими министрами.

Булонская попытка, 6 августа 1840 года, привела принца снова въ плѣнъ къ королю Людовику-Филиппу и, какъ извѣстно, судъ пэровъ приговорилъ его къ вѣчному заключенію и онъ былъ помѣщенъ въ гамскомъ замкѣ, въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ содержались прежде князь Полиньякъ и другіе министры Карла X. Въ заключеніи принцъ придумывалъ проекты по части политической экономіи, «размышленія» объ англійской исторіи и писалъ друзьямъ своимъ въ Англіи, что онъ «нисколько не жалуется на свое положеніе и совершенно покоряется ему». Однакоже, какъ замѣчаетъ авторъ, «несмотря на этотъ философскій духъ, друзья его слишкомъ хорошо знали, что онъ ухватится за мысль о побѣгѣ, если только онъ ему будетъ представленъ практически-возможнымъ.»

Прежде всего предстояло вступить въ тайныя сношенія съ

гамскимъ заключеннымъ. Съ этой цѣлью, самъ принцъ обратился къ правительству съ представленіемъ противъ строгости, съ какою его содержали. Людовикъ-Филиппъ согласился допустить облегченіе; и слугѣ принца дозволено было выходить изъ зàмка въ городъ. Мѣра эта представляется такой явной неосторожностью, что намъ невольно приходится предполагать со стороны самого короля-гражданина нѣкоторое желаніе освободиться отъ своего плѣнника. Какъ бы то ни было, ясно, что Людовикъ-Филиппъ не могъ же самъ устроить побѣга, чрезъ своихъ агентовъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что понадобились средства на подготовленіе этого побѣга, т. е. сказавъ просто—на подкупъ тюремщиковъ. Здѣсь-то Дэнкомбъ, по его разсказамъ, которые очень вѣроятны, и явился главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ съумѣлъ составить союзъ между двумя претендентами, изъ которыхъ одинъ былъ лишенъ престола, и добивался его, а другой никогда не царствовалъ, но желалъ царствовать. Второй въ этомъ союзѣ былъ герцогъ Карлъ брауншвейгскій. Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ о судьбѣ этого принца, какъ ее описываетъ авторъ, прибавивъ къ его характеристикѣ данныя, относящіяся къ его изгнанію. Здѣсь же достаточно будетъ сказать, что, по словамъ автора, изгнанный герцогъ брауншвейгскій согласился дать средства на освобожденіе принца Бонапарта, съ тою цѣлью, чтобы современемъ чрезъ него возстановить свои «права». Какъ ни химериченъ былъ такой проектъ, не трудно повѣрить, что человѣкъ, съ характеромъ герцога брауншвейгскаго, могъ быть склоненъ къ нему.

Дэнкомбъ былъ изобрѣтателемъ этого союза и главнымъ руководителемъ при переговорахъ о немъ. Эти переговоры въ Парижѣ и Гамѣ велись Дэнкомбомъ, по его показанію, чрезъ секретаря его, Смита. Этотъ Смитъ, да еще графъ д'Орси были свидѣтелями при заключеніи союза и подписались подъ его проектомъ. Вотъ переводъ этого интереснаго документа, писаннаго по-французски:

«Въ Гамѣ 1840 г.»

«Мы, Карлъ, и проч., герцогъ брауншвейгскій, и мы, принцъ Наполеонъ-Людовикъ Бонапартъ, условились о нижеслѣдующемъ:

Ст. I.—Мы обѣщаемъ и клянемся честью и на св. евангеліи помогать другъ другу, именно—намъ, великому герцому брауншвейгскому вступить вновь во владѣніе герцогствомъ брауншвейгскимъ и, буде окажется возможнымъ, обратить всю Германію въ единую націю, давъ ей конституцію, сообразную съ ея нравами, потребностями и современнымъ прогрессомъ; и намъ, принцу Н. Л. Бонапарту возвратить Франціи полное пользованіе ея народовластіемъ

(souveraineté nationale), котораго она была лишена въ 1830 году и предоставить ей возможность свободно произнесть рѣшеніе о той формѣ правленія, которое она пожелаетъ имѣть.

Ст. II.—Тотъ изъ насъ, который первый достигнетъ верховной власти въ какомъ бы то ни было качествѣ, обязывается предоставить другому, оружіемъ и деньгами, помощь необходимую послѣднему для достиженія предположенной имъ цѣли; а сверхъ того, дозволить и облегчить вербовку достаточнаго числа людей для исполненія этого плана.

«Ст. III.—Въ продолженіи изгнанія, тяготѣющаго надъ нами, мы обязываемся взаимно помогать одинъ другому для возвращенія себѣ тѣхъ политическихъ правъ, которыя у насъ похищены; въ предположеніи, что одному изъ насъ можно будетъ возвратиться въ его отечество, другой обязывается поддерживать дѣла своего союзника всѣми возможными средствами.

«Ст. IV. — Обязываемся сверхъ того, никогда не обѣщать, совершать и подписывать никакого отказа или отреченія въ ущербъ нашихъ политическихъ или гражданскихъ правъ, но напротивъ — дѣйствовать согласно и братски поддерживать другъ друга во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

«Ст. V. — Если впослѣдствіи и когда будемъ пользоваться полною свободой, мы сочтемъ приличнымъ внесть въ настоящій трактатъ измѣненія, зависящія отъ личнаго положенія каждаго изъ насъ, или отъ общихъ нашихъ интересовъ, то обязываемся произвесть эти перемѣны по общему согласію, подвергая пересмотру постановленія этой конвенціи въ томъ, что она можетъ содержать въ себѣ недостаточнаго вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ она состоялась».

«Утверждено и проч.

«Въ присутствіи Г. Т. Смита и графа Орси».

Въ этомъ курьёзномъ документѣ есть множество ошибокъ противъ французскаго языка; это объясняется фактомъ, что составители его были не французы. Но ошибки эти [1]) сами по себѣ уже доказываютъ, что приведенный текстъ не былъ окончательнымъ. Принцъ Бонапартъ, какъ французскій писатель, не оставилъ бы ихъ, еслибы имѣлъ эту бумагу въ рукахъ. Это показываетъ, что приведенный проектъ былъ составленъ агентами Смитомъ и Орси, на основаніи словесныхъ переговоровъ съ обѣими сторонами и составленъ *внѣ* гамскаго за̀мка́. На подлинномъ документѣ, разумѣется, должны быть подписи самихъ участ-

[1]) Такъ напр. слово approuvée вмѣсто privée, пропускъ второго *nous* въ nous nous engageons, неправильное спряженіе глаголовъ, неправильная орѳографія.

никовъ договора. Лондонскій корреспондентъ аугсбургской «Allgemeine Zeitung» съ своей стороны утверждаетъ это и говоритъ, что о мѣстѣ его храненія извѣстно сэру Франсису Гэду. Ясно во всякомъ случаѣ, что подлинный документъ не находится въ рукахъ сына и біографа Т. Дэнкомба, который напечаталъ приведенный нами проектъ, не упоминая о существованіи позднѣйшаго, подлиннаго трактата въ томъ же смыслѣ.

Къ сожалѣнію, біографъ Дэнкомба не имѣлъ возможности или не счелъ нужнымъ сообщить подробностей самаго заговора относительно освобожденія претендента изъ Гама и подробностей его бѣгства. Въ этомъ мѣстѣ необходимо привесть подлинныя слова разсказчика: «Тогда-то Шарль Тэленъ, слуга, и д-ръ Конно [1]), врачъ, были посвящены въ планъ осуществленія бѣгства принца, а самому принцу дано было знать о предполагаемомъ и объ *условіяхъ*, на которыхъ онъ могъ сдѣлаться свободнымъ. Предписана была строжайшая тайна, и справедливость побуждаетъ сказать, что она была вполнѣ соблюдена, такъ что даже въ разныхъ обнародованныхъ разсказахъ, не было ни одного намека на какое либо содѣйствіе извнѣ стѣнъ тюрьмы или на то, что между плѣнникомъ и кѣмъ либо, иностранцемъ или туземцемъ, были тайныя сношенія во время его заключенія. Принцъ нашелъ себѣ дорогу изъ крѣпости въ одеждѣ работника, неся доску, въ то время, какъ приготовленная докторомъ Коннò фигура лежала на его диванѣ, представляя больного.»

Замѣчательно, что бѣгство арестанта было открыто только тогда, когда онъ уже переѣзжалъ черезъ бельгійскую границу по желѣзной дорогѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ, которое сынъ Дэнкомба приводитъ какъ образецъ ловкости, съ какою были обмануты комендантъ и тюремщикъ, нельзя не видѣть подтвержденія догадки, что коменданту было предписано самимъ правительствомъ «не смотрѣть въ оба» за его пансіонеромъ.

Принцъ 29 мая 1846 года былъ уже въ Лондонѣ, просидѣвъ въ Гамѣ около пяти съ половиною лѣтъ. Прибывъ въ Лондонъ, онъ послалъ письмо къ французскому посланнику, графу Сентъ-Олеру, съ извѣстіемъ о своемъ освобожденіи и увѣдомилъ о томъ же англійскихъ министровъ. Врачъ принца и его слуга были подвергнуты заключенію, «но, замѣчаетъ біографъ Дэнкомба, въ Парижѣ находился нѣкто, кого никто не думалъ безпокоить, нисколько его не подозрѣвая, хотя онъ былъ самый

[1]) Не знаемъ, дожилъ ли слуга до вознагражденія. Но докторъ Коннó теперь облеченъ всякими почестями, состоитъ близкимъ человѣкомъ и сынъ его — главный другъ и товарищъ императорскаго принца.

дѣятельный, но скрытый заговорщикъ, и имѣлъ въ рукахъ такой ключь къ государственнымъ тайнамъ, который могъ отворять наиболѣе крѣпко-замкнутые ящики во дворцѣ короля-гражданина». Тутъ разумѣется, конечно, герцогъ брауншвейгскій, такъ какъ Дэнкомбъ, повидимому, былъ въ это время въ Лондонѣ.

Біографъ Дэнкомба относится къ февральской революціи съ легкомысліемъ и поверхностностью чисто-свѣтскаго человѣка, дилеттанта, видящаго въ крупныхъ историческихъ фактахъ не болѣе какъ пріятное excitement. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ его о томъ, какъ въ республикѣ восторжествовалъ бонапартизмъ и какъ онъ наконецъ сломалъ ее, авторъ видитъ только неизбѣжную, хотя и подкрѣпленную искусственными средствами развязку. Но поверхностность его высказывается въ томъ, что неуспѣхъ республики онъ приписываетъ единственно неспособности и ошибкамъ членовъ временного правленія, а нелѣпостью ихъ дѣйствій оправдываетъ покушеніе претендента на тотъ порядокъ, которому онъ свободно присягалъ. Людовикъ-Наполеонъ уже на четвертый день революціи явился въ Парижѣ. Но агенты его, между которыми главнымъ авторъ называетъ нѣкоего Тамблера, убѣдили его, что появленіе его, во время самаго разгара республиканизма—преждевременно, и онъ возвратился въ Лондонъ. Между тѣмъ національное собраніе, дозволивъ всѣмъ бонапартистамъ возвратиться во Францію, сдѣлало именное исключеніе относительно Людовика-Наполеона. Принцъ протестовалъ противъ этого исключенія въ письмѣ 23 мая 1848 года, а агенты его стали энергически подготовлять ему дорогу. Въ разныхъ мѣстностяхъ стали появляться воззванія въ бонапартистскомъ смыслѣ и республиканское правительство не съумѣло открыть участія иностранцевъ въ этомъ дѣлѣ.

Принцъ въ іюнѣ 1848 года написалъ письмо къ Кавеньяку, въ которомъ объявлялъ, что несмотря на запрещеніе ему въѣзда во Францію, онъ приметъ званіе народнаго представителя, если оно будетъ ему предложено, и исполнитъ волю избирателей, но что если бы появленіе его во Франціи могло нарушить ея спокойствіе, то онъ предпочелъ бы остаться въ изгнаніи. Это письмо было просто избирательнымъ манифестомъ и послѣдствіемъ его было избраніе принца въ нѣсколькихъ департаментахъ. Онъ принялъ избраніе сенскаго департамента, и 26 сентября 1848 года уже читалъ въ національномъ собраніи рѣчь самаго примирительнаго свойства, а 24-го ноября онъ обнародовалъ свою кандидатуру на президентство республики. Въ своей profession de foi, онъ объявлялъ, что не имѣетъ честолюбія и что по-

окончаніи четырехлѣтняго президентства онъ поставитъ себѣ долгомъ чести передать власть своему преемнику, нисколько не стѣснивъ свободы. Авторъ видитъ въ этомъ и подобныхъ обѣщаніяхъ, которыя расточалъ претендентъ, только неизбѣжное по духу времени и обстоятельствамъ шарлатанство. «Языкъ добродѣтельныхъ увѣреній, говоритъ онъ, служилъ общимъ, уже почти исчерпаннымъ источникомъ со времени изгнанія Карла X, и новый кандидатъ на президентство былъ принужденъ облечь свои заявленія въ популярную форму». Вотъ какъ смотритъ Дэнкомбъ junior на увѣреніе въ политической честности! Она является у него только какъ модная во время народныхъ движеній форма. Надо много легкомыслія чтобы считать извинительнымъ шарлатанствомъ преднамѣренно-фальшивыя увѣренія человѣка, что онъ честно исполнитъ добровольно принимаемый на себя долгъ. Но кромѣ легкомыслія, надо еще и явное пристрастіе къ виновному, чтобы оправдывать его вину увѣреніемъ, что и другіе не лучше бы поступили на его мѣстѣ. «Матерьяловъ для мощенія нѣкоторой мѣстности, замѣчательной по высотѣ своей температуры — говоритъ онъ, примѣняясь къ извѣстной пословицѣ — въ этой декларации не было видно болѣе, чѣмъ въ безумныхъ словоизверженіяхъ Ламартина или болѣе жестокихъ заявленіяхъ Кавеньяка». Это—уже преднамѣренная фальшъ со стороны автора. Кавеньяка,—который, командуя раздраженною противъ корифеевъ республики арміею и будучи облеченъ верховною властью, сдалъ ее безъ малѣйшаго колебанія вновь избранному президенту, хотя этотъ человѣкъ былъ его соперникомъ на выборахъ, и хотя онъ не могъ не видѣть въ немъ претендента на императорство—никто не имѣетъ права подозрѣвать въ неискренности; Ламартина можно упрекать въ томъ, что «словоизверженія» онъ поставилъ на мѣсто серьёзнаго дѣла, но нѣтъ никакихъ основаній подозрѣвать, чтобы онъ когда-нибудь поставилъ преступное дѣло на мѣсто пустыхъ словоизверженій.

Принцъ Бонапартъ на выборахъ 10 декабря 1848 года получилъ болѣе пяти съ половиною милліоновъ голосовъ, между тѣмъ какъ въ пользу генерала Кавеньяка было подано только около четвертой части этого числа, а за другихъ кандидатовъ высказалось незначительное меньшинство, и 20 декабря, гражданинъ Карлъ-Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ былъ провозглашенъ въ законодательномъ собраніи президентомъ республики и торжественно присягнулъ охранять ее, а въ посланіи своемъ выразился въ духѣ примирительномъ для всѣхъ партій. По мнѣнію біографа Дэнкомба, «каждый французъ, знакомый съ исто-

ріею вѣка, долженъ былъ смотрѣть на эти заявленія только какъ на нѣчто символическое».

Еслибы правитель, въ рукахъ котораго уже болѣе 16 лѣтъ безусловно находятся судьбы Франціи, успѣлъ въ это время въ самомъ дѣлѣ успокоить страну, подвинуть ея внутреннее развитіе, не напрягая ея силъ на безплодныя предпріятія и примирилъ бы съ собою французскій народъ, такъ что династію его можно было бы считать упрочившеюся, то теперь орлеанская монархія и республика 1848 года принадлежали бы уже архиву исторіи и можно было бы произносить о нихъ сужденіе хладнокровное, безпристрастное, какъ о фактахъ минувшихъ. Но никто не скажетъ, что результаты правленія Наполеона III именно таковы. Вотъ почему и теперь, хотя уже орлеанская монархія и республика 1848 года отдалены отъ насъ порядочнымъ періодомъ времени, не настадъ еще удобный моментъ для окончательнаго приговора надъ ними. Онѣ еще принадлежатъ настоящему въ видѣ партій, которыя, основательно или нѣтъ, разсчитываютъ на будущее. Въ революціи 1848 года, конечно, нельзя видѣть только «полуфарса и полутрагедіи», какъ выражается біографъ Дэнкомба, а въ дѣятеляхъ ея только глупцовъ (imbeciles)». Революція 1848 года была логическимъ послѣдствіемъ и дополненіемъ революціи 1830 года. Движеніе, эскамотированное Людовикомъ-Филиппомъ въ свою пользу, должно было повториться противъ короля буржуазіи. Притомъ, нѣтъ сомнѣнія, что эта отсрочка окончательнаго результата на 18 лѣтъ много ему повредила. Правленіе Людовика-Филиппа подкопало нравственныя силы Франціи, столь свѣжей, столь полной юношескихъ силъ во время агитаціи противъ старшей линіи Бурбоновъ. Правленіе короля буржуазіи повело къ явному разладу между массою народа и буржуазіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ саму буржуазію оно развратило, обративъ Францію въ гостиный дворъ, въ которомъ деньги были и главной цѣлью и главнымъ средствомъ, а политическая жизнь превратилась въ интриги нѣсколькихъ котерій. Правленіе Людовика-Филиппа, съ его обработкою выборовъ и закулисною подготовкою парламентскихъ рѣшеній, компрометтировало во Франціи парламентское правленіе. Во всемъ этомъ нельзя не согласиться съ республиканскими писателями. Отсюда, революцію 1848 года, какъ неожиданна она ни была для минутныхъ свидѣтелей, нельзя не признавать неизбѣжною.

Но съ республиканскими писателями нельзя согласиться въ народномъ значеніи, которое они придаютъ республикѣ 1848 года. Недостаточно провозгласить республику, чтобы имѣть истинное народовластіе; недостаточно для этого отмѣнить цензъ

Для того, чтобы народъ воспользовался властью, необходимо, чтобы онъ стоялъ на гораздо высшей степени развитія, чѣмъ находилась масса населенія Франціи при Людовикѣ-Филиппѣ. Половина этого населенія была неграмотна. Изъ остальной половины только незначительное по числу меньшинство, именно буржуà и парижскіе рабочіе принимали участіе въ политикѣ, знали хотя бы по именамъ главныхъ политическихъ дѣятелей и хотя поверхностнымъ образомъ цѣли партій. Какое же употребленіе могла сдѣлать изъ своей власти масса? Вотъ, она и сложила свои права подъ ноги претендента съ общеизвѣстнымъ, льстившимъ народному самолюбію именемъ.

Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что избраніе принца Бонапарта въ президенты республики было несомнѣнно болѣе непосредственно дѣломъ народа, чѣмъ осуществленіе революцій 1830 и 1848 года. Слѣпая, но несомнѣнная воля большинства народа въ этомъ избраніи доказывается документально. (О позднѣйшихъ примѣненіяхъ suffrage universel, какъ о произведенныхъ подъ вліяніемъ торжествующей силы, уже нельзя сказать этого). Что масса не любила Бурбоновъ—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Что масса не любила и короля буржуазіи—въ этомъ тоже трудно сомнѣваться, потому что масса никогда не сочувствуетъ преобладанію одного сословія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что революція 1830 года и неизбѣжное ея послѣдствіе — переворотъ 1848 года были *въ духѣ народа*. Но совершены *имъ* онѣ не были, онѣ были сдѣланы партіями, въ его имя. Но недостаточно развитая для раціональнаго пользованія властью, для подавленія партій громкимъ единымъ инстинктомъ большинства, масса французскаго народа допустила искаженіе февральской революціи, какъ она допустила искаженіе революціи іюльской.

Тѣже буржуà, напуганные соціалистами, поспѣшили учредить въ республикѣ диктатуру въ лицѣ генерала Кавеньяка; это было сознательное отреченіе буржуазіи отъ республики. А масса народа предоставила высшую власть не представителю ясно сознанныхъ интересовъ, даже не человѣку лично-извѣстному и популярному, а просто одному имени, призраку. Это было несознательное отреченіе отъ республики массы народа.

Всѣ разглагольствія о «роковой судьбѣ Франціи, увлекаемой потокомъ революцій», о «легкомысліи французовъ», какъ препятствіи для прочнаго установленія у нихъ порядка, о вредѣ «сбиваться съ историческаго пути и вступать на опасное поле политическихъ экспериментовъ», о «неспособности централизованной Франціи къ республиканскому правленію», о «несогласіи демократіи съ характеромъ французской націи», — точно также

какъ о «вѣроломствѣ и коварствѣ личностей», о «несчастіи, въ которое повергало Францію постоянное эскамотированіе ея народнаго принципа», о «бѣдственномъ устраненіи палладіума Франціи — принциповъ 1789 года», — однимъ словомъ, всѣ общія мѣста, слышанныя нами со всѣхъ сторонъ при обсужденіи новѣйшей французской исторіи, падаютъ въ ничто передъ простымъ фактомъ: неразвитая масса не можетъ управлять своею судьбой, а масса развитая съумѣетъ управиться и съ препятствіями, и съ честолюбцами, съумѣетъ заглушить говоръ партій громкимъ голосомъ сознанной народомъ идеи. Такъ развитая масса въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ одолѣла не уличную драку, а громадный мятежъ цѣлаго класса, продолжала свое дѣло несмотря на то, что былъ убитъ ея вождь, и устроивала свои дѣла несмотря на то, что новый вождь старался сбить ее съ пути. Эта развитая масса сломила классъ, достаточно могущественный для устройства отдѣльнаго государства; она съумѣла обойтись безъ Линкольна, а Джонсона едва не предала суду. Изъ государства федеративнаго она, на время предоставивъ чрезвычайныя полномочія президенту, обратила республику въ государство централизованное, изъ мирнаго въ военное, изъ неимѣвшаго долга въ наиболѣе отягощенное долгами. И однакожъ, это не привело ни къ упроченію централизаціи, ни къ установленію военной диктатуры, ни къ банкротству. И вотъ, та же масса, твердо идущая за ясно сознанною идеею, по минованіи надобности отмѣнила централизацію, распустила армію, уплачиваетъ долгъ и возвращается въ нормальное положеніе. Что смогли противъ нея личности, которыя задумали мѣшать ей? Ничего. Изъ убійства Линкольна произошла не революція, а казнь убійцъ, и Джонсона хотѣли предать суду какъ и Джефферсона.

Вашингтону ставятъ въ великую заслугу, что онъ не сдѣлался Наполеономъ. Но вѣдь и въ то время масса сѣверо-американцевъ состояла изъ людей развитыхъ, а въ развитой массѣ появленіе Наполеоновъ невозможно, потому именно, что оно бываетъ только плодомъ народнаго недоразумѣнія, разлада, происходящаго отъ непониманія общаго интереса.

И вотъ, путь революцій современемъ закроется для Франціи вовсе не потому, что она возвратится на «историческую почву» или потому, что некому будетъ «эскамотировать великихъ принциповъ 1789 года», а самымъ простымъ образомъ тогда, какъ масса населенія Франціи будетъ такъ развита, какъ масса въ сѣверной Германіи; когда Франція пойметъ, чего она хочетъ, и когда окончательный порядокъ будетъ установленъ не случайностями, а сознательною волею народа. Затѣмъ, будетъ ли этотъ

порядокъ введенъ мирно, путемъ избранія или посредствомъ революціи, мирной какъ всякое проявленіе силы, противъ которой бороться нельзя — это совершенно все-равно. Тутъ кончатся и недоразумѣнія, и «потоки революцій» и дальнѣйшее развитіе пойдетъ правильно. Если оно и не будетъ совершаться на «почвѣ исторической», не будетъ основано на какой-нибудь «Rechts-continuität» — то объ этомъ будутъ сожалѣть только любители геральдики.

Къ такому результату Франція идетъ, подвигается каждый годъ, потому что каждый годъ въ ней уменьшается процентное содержаніе неграмотныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ дѣлать успѣхи ассоціаціонная идея, das Genossenschaftswesen, такъ сильно охватившее и такъ сильно объединяющее сѣверную Германію. Просвѣщеніе, скрѣпленіе массы французскаго народа цѣпью ассоціацій — вотъ основанія будущаго, вѣроятно недалекаго, установленія во Франціи истиннаго народовластія. Такая увѣренность, основанная на очевидности, побуждаетъ насъ смотрѣть съ философскимъ спокойствіемъ на всѣ тѣ эскамотажи, которыхъ мы были свидѣтелями въ исторіи Франціи.

Обратимся теперь къ другому изъ двухъ союзниковъ, заключившихъ приводимый Дэнкомбомъ договоръ, къ герцогу брауншвейгскому. Онъ былъ второй сынъ герцога Карла-Вильгельма-Фердинанда, извѣстнаго полководца, который въ 1806 году умеръ отъ раны, полученной въ битвѣ при Іенѣ, гдѣ онъ командовалъ пруссаками. Брауншвейгъ при французскомъ владычествѣ принадлежалъ вестфальскому королевству. Послѣ лейпцигской битвы, младшій сынъ Карла-Вильгельма-Фердинанда, герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ возвратился въ свое владѣніе, но въ 1815 году онъ былъ убитъ при Quatrebras. За нимъ вступилъ во владѣніе Брауншвейгомъ старшій сынъ его, герцогъ Карлъ, сперва подъ опекою ганноверскаго (англійскаго) короля, а въ 1823 году уже какъ самостоятельный государь. Тетка его, сестра его отца, принцесса Каролина была замужемъ за англійскимъ королемъ Георгомъ IV.

Герцогъ Карлъ брауншвейгскій предался самой «неправильной» жизни, и единственными законами, которые онъ признавалъ, были его капризы. Онъ ввелъ почти абсолютное правленіе, употреблялъ свою власть на приращеніе своего частнаго имущества, а когда ландтагъ подвергъ пересмотру уложеніе, то онъ не призналъ этого пересмотра и ввелъ въ страну такимъ образомъ «конституціонный кризисъ», котораго въ періодъ съ 1815 — 1848 года, какъ извѣстно, миновало рѣдкое изъ германскихъ малыхъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вступилъ въ споръ съ мужемъ

своей тетки, англійскимъ королемъ Георгомъ IV, по дѣламъ его опекунства надъ собою, и споръ этотъ былъ перенесенъ на разсмотрѣніе германскаго союзнаго сейма.

Въ тотъ же сеймъ поступили и жалобы подданныхъ Брауншвейга на самого герцога Карла. Французская революція 1830 года отразилась и въ Брауншвейгѣ. Герцогъ Карлъ былъ изгнанъ и дворецъ его сожженъ 7 сентября 1830 года. Тогда пріѣхалъ изъ Берлина и принялъ правленіе Брауншвейгомъ братъ герцога Карла, принцъ Вильгельмъ. Союзный сеймъ призналъ его 2-го декабря 1830 года царствующимъ герцогомъ. Но герцогъ Карлъ объявилъ его узурпаторомъ и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ возвратить себѣ власть, которыя однакоже неудались. Въ 1832 году, была введена новая конституція, которая освящала устраненіе герцога Карла отъ престола.

Чтобы уяснить, до какой степени были безнадежны дальнѣйшія домогательства изгнаннаго владѣтеля, достаточно сказать, что преемникъ его оперся на сеймъ и предпринялъ въ согласіи съ нимъ реформы. Новый герцогъ созвалъ въ 1833 году брауншвейгскій сеймъ, который утвердилъ законы по устройству финансовъ, по преобразованію городскихъ учрежденій и т. д. Послѣ этого, честолюбивому и корыстолюбивому герцогу Карлу не оставалось рѣшительно никакой серьёзной надежды на возстановленіе его власти. Политическій осужденный, сидѣвшій въ крѣпости, могъ конечно обѣщать ему невозможное, чтобы воспользоваться отъ него готовою помощью, тѣмъ болѣе, что осужденный этотъ и для себя разсчитывалъ на невѣроятное. Самъ герцогъ Карлъ могъ сохранить увѣренность въ неминуемости своей конечной побѣды, потому что это было согласно съ его чисто-авантюристскимъ характеромъ.

Но трудно допустить, чтобы представитель Финсбери въ палатѣ общинъ серьёзно вѣрилъ какъ въ шансы изгнаннаго герцога, такъ, впослѣдствіи, и въ искренность намѣренія Людовика-Наполеона помочь ему. Дэнкомбъ могъ, конечно, въ своихъ сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ не разочаровывать его, просто изъ дружбы или изъ вѣжливости; но стараться объ осуществленіи мечты герцога, помогать ему въ переговорахъ, посылать своего секретаря съ порученіями по его дѣламъ и проч., онъ могъ только не столько вслѣдствіе надежды успѣха, сколько для достиженія личныхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, далеко не безкорыстныхъ цѣлей.

Изложивъ вкратцѣ исторію герцога Карла, и объяснивъ нашъ взглядъ на участіе Дэнкомба въ его мечтательныхъ предпріятіяхъ, возвратимся къ разсказу его біографа, въ которомъ мы найдемъ

нѣсколько характеристическихъ, въ разныхъ отношеніяхъ подробностей.

Герцогъ Карлъ воспитывался въ Англіи; какъ принцъ брауншвейго-ганноверской фамиліи, онъ былъ родственникомъ царствующаго въ Англіи дома, и родство это, какъ выше сказано, подкрѣпилось бракомъ его тетки съ принцомъ Уэльскимъ, который потомъ былъ регентомъ (во время удаленія безумнаго Георга III отъ правленія) и наконецъ королемъ, подъ именемъ Георга IV.

Но родство это повело ко враждѣ между брауншвейгскимъ и англійскимъ домами. Регентъ ненавидѣлъ свою жену принцессу Каролину и запретилъ ея племяннику, принцу Карлу, посѣщать ее. Принцъ Карлъ отвѣчалъ ему, что «онъ имѣетъ отъ отца приказаніе посѣщать ея высочество разъ каждыя двѣ недѣли и будетъ дѣлать это непремѣнно, пока не получитъ противнаго приказанія отъ той власти».

Георгъ IV возненавидѣлъ принца Карла. Въ свою очередь, герцогъ Карлъ возненавидѣлъ англійскаго-ганноверскаго короля во время опеки Георга IV надъ нимъ, въ первые годы царствованія Карла. Взаимное раздраженіе усилилось до того, что англійскій король дозволилъ себѣ возмутительное дѣйствіе относительно своего племянника. Во время первой французской революціи герцогъ Брауншвейгскій укрылся на время въ Англіи и помѣстилъ въ англійскихъ фондахъ свой частный капиталъ. Этотъ-то капиталъ брауншвейгскаго дома Георгъ IV, разсорившись со своимъ племянникомъ, конфисковалъ. Герцогъ Карлъ жаловался веронскому конгрессу и германскому союзному сейму и скандалъ взаимныхъ обвиненій между родственниками путемъ печати продолжался долгое время, пока, наконецъ, союзный сеймъ въ 1828 году не рѣшилъ дѣло въ пользу Георга IV.

Герцогъ Карлъ обвинялъ мужа своей тетки между прочимъ и въ намѣреніи присоединить Брауншвейгъ къ Ганноверу. Съ своей стороны, Георгъ IV считалъ его сумасшедшимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что герцогъ Карлъ Брауншвейгскій вполнѣ заслуживалъ изгнанія; правленіе его было невыносимо; нѣтъ сомнѣнія также, что личный характеръ его далеко не давалъ ему правъ на сочувствіе. Но едва ли не столь же несомнѣнно, что такимъ его сдѣлали именно преслѣдованія и несправедливости опекуна, которыя должны были доводить до изступленія эту раздражительную натуру.

Послѣ своего изгнанія, онъ поѣхалъ снова въ Англію, гдѣ царствовалъ уже Вильгельмъ IV, который далъ ему неопредѣленныя обѣщанія помощи. Послѣ неудачной попытки склонить

своихъ подданныхъ къ контр-революціи, онъ уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь Вильгельмъ IV и герцогъ кэмбриджскій начали противъ него процессъ, основываясь на трактатѣ, заключенномъ между братомъ герцога Карла, вступившимъ послѣ него на брауншвейгскій престолъ, герцогомъ Вильгельмомъ и королемъ Вильгельмомъ IV, объ отдачѣ капиталовъ, находящихся въ рукахъ герцога Карла, подъ опекунское управленіе герцога кэмбриджскаго. Герцогъ Карлъ самъ явился во французскій судъ для защиты своего дѣла. Но судъ призналъ себя некомпетентнымъ.

Въ Англіи герцогъ Карлъ (котораго далѣе мы будемъ называть герцогомъ Брауншвейгскимъ) сошелся съ Дэнкомбомъ и сталъ просить его совѣта и помощи во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Въ Англіи герцогъ далеко не былъ популяренъ. Уже одной правды достаточно было для этого. Но кромѣ правды, и быть можетъ болѣе ея дѣйствовали всевозможныя клеветы, заботливо разсѣеваемыя его врагами. Его обвиняли въ разныхъ преступленіяхъ, которыхъ онъ вовсе не совершилъ, даже въ убійствѣ. Замѣчательно, что въ тоже время его упрекали за *ношеніе бороды* и что этотъ упрекъ въ Англіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ дѣйствовалъ также сильно, какъ обвиненіе въ нехорошемъ дѣлѣ. Герцогъ нѣсколько разъ обращался къ покровительству суда. Въ 1842 году авторы двухъ ругательныхъ статей противъ герцога были признаны виновными судомъ присяжныхъ и приговорены къ заключенію въ ньюгэтской тюрьмѣ.

Въ 1843 году, герцогъ Карлъ Брауншвейгскій въ свою очередь обратился къ юстиціи для разбора дѣла его съ братомъ, прежнимъ англійскимъ королемъ, и намѣстникомъ его въ Ганноверѣ, герцогомъ кэмбриджскимъ. Онъ представилъ въ канцлерскій судъ Англіи копію съ трактата, подписаннаго королемъ Вильгельмомъ, герцогомъ Вильгельмомъ брауншвейгскимъ (преемникомъ Карла) и герцогами комберлэндскимъ, сёссекскимъ и кэмбриджскимъ. Какъ сказано выше, между агнатами герцога Карла состоялось соглашеніе о взятіи подъ опеку всего его имущества. На этомъ основаніи, преемникъ его вступилъ, въ Брауншвейгѣ, въ полное пользованіе всѣми удѣльными недвижимостями и капиталами, и распоряжался ими, конечно не давая отчета своему изгнанному брату. Между тѣмъ, герцогъ Карлъ утверждалъ, что на его долю изъ имущества, оставленнаго въ Брауншвейгѣ, должно было прійтись нѣсколько сотенъ тысячъ фунтовъ стерл. Другія суммы, захваченныя у него въ Ганноверѣ, остались въ распоряженіи герцога комберлэндскаго, который, сдѣлавшись королемъ ганноверскимъ, принялъ опеку отъ герцога кэмбриджскаго, который ему одному и отдалъ отчетъ въ этихъ суммахъ.

На все это жаловался герцогъ Карлъ въ канцлерскій судъ. Король ганноверскій далъ отзывъ о неподсудности его этому суду, но этотъ протестъ былъ устраненъ судомъ. Тогда король ганноверскій просилъ отсрочки (demurrer), которая и была предоставлена ему въ 1844 году. Затѣмъ, герцогъ Карлъ перенесъ это дѣло въ палату лордовъ, ссылаясь въ своемъ прошеніи на тѣ обстоятельства, что проситель — *подданный* британскаго королевства, а отвѣтчикъ — пэръ того-же королевства.

Дэнкомбъ взялся возбудить вопросъ о правахъ герцога Карла въ палатѣ общинъ. Сынъ его объясняетъ, что прежде возбужденія въ палатѣ вопроса, онъ счелъ долгомъ сдѣлать попытку къ частному соглашенію между тяжущимися сторонами. Но перенесеніе этого дѣла въ палату общинъ, очевидно, не представляло шансовъ успѣха, и потому мы вольны объяснить дѣло такъ, что Дэнкомбъ употребилъ этотъ шагъ какъ угрозу противъ ганноверскаго короля, отправляя къ нему своего секретаря для достиженія «добровольной» уступки. Отправляя своего секретаря Смита къ ганноверскому королю, Дэнкомбъ послалъ ему письмо, въ которомъ просилъ у короля аудіенціи своему посланному и сообщалъ, что онъ счелъ долгомъ, предварительно обращенія къ парламенту, сдѣлать попытку къ примиренію.

Само собою разумѣется, что изъ этого ничего не вышло. Ганноверцы, сидѣвшіе на англійскомъ престолѣ или окружавшіе его, никогда не боялись «преданія гласности» своихъ фамильныхъ дрязгъ. Король ганноверскій Смита не принялъ, а на письмо Дэнкомба велѣлъ отвѣчать, что обязанъ ему за вниманіе, но «не считаетъ настоящаго дѣла такимъ, которое бы могло быть предметомъ частныхъ и скрытыхъ» со стороны короля переговоровъ. Герцогъ Карлъ лучше зналъ характеръ своего почтеннаго родственника и впередъ говорилъ своему ходатаю, что эта попытка не поведетъ ни къ чему, какъ то видно изъ одной записки герцога, приводимой біографомъ Дэнкомба.

Претензіи герцога Карла, въ смыслѣ юридическомъ, были, конечно, основательны. Нельзя не согласиться съ біографомъ Дэнкомба, когда онъ говоритъ: «не легко понять, на какомъ законномъ основаніи герцогъ былъ лишенъ частнаго своего имущества въ Ганноверѣ, такъ какъ даже въ случаѣ изгнанія владѣтелей, такая собственность оставалась почти всегда неприкосновенною. Право силы, кто бы имъ ни пользовался, германскій ли сеймъ или ганноверскій король, едва ли можетъ считаться достаточнымъ авторитетомъ въ девятнадцатомъ столѣтіи; а по мнѣнію, выраженному германскими юристами, къ которымъ обращался герцогъ, никакого иного права, на которое можно было

бы сослаться для оправданія этого дѣйствія, не было». Нельзя также не найти отчасти справедливымъ слѣдующее примѣчаніе, сдѣланное герцогомъ на памятной запискѣ для Дэнкомба, при внесеніи дѣла въ палату общинъ: «Г. Дэнкомбъ можетъ замѣтить, что, такъ какъ Англія[1]) лишила меня моего герцогства и моей частной собственности, то я имѣю такое же право на полученіе значительной пенсіи отъ этой страны, какъ тѣ индійскіе владѣтели, у которыхъ Англія отнимаетъ ихъ государства и которымъ она за то даетъ большіе доходы. На такую пенсію я имѣлъ бы во всякомъ случаѣ болѣе права, чѣмъ тѣ изъ членовъ моей королевской фамиліи, которые, уже обогатившись похищеннымъ ими у меня, получаютъ, однако, большія пенсіи отъ Англіи, какъ комберлэндскій съ сыномъ *въ Ганноверѣ*, кэмбриджскій, съ сыномъ и дочерью; между тѣмъ, какъ я проживаю *здѣсь* собственныя мои деньги».

Все это такъ, но безпристрастный читатель отнесется къ этимъ претензіямъ такъ, какъ отнеслась къ нимъ англійская палата общинъ, то-есть, приметъ во вниманіе побочныя обстоятельства, которыя являются въ характерѣ самого истца. Правда, собственно образъ жизни герцога (между прочимъ «ношеніе имъ бороды») не уменьшаетъ права его на частную его собственность. Но нельзя забыть, что герцогъ Карлъ значительно пріумножилъ свою частную собственность во время своего правленія и былъ изгнанъ своими подданными отчасти именно за произвольное распоряженіе государственными доходами. Это не извиняетъ личной несправедливости его родственниковъ по отношенію къ нему, но вполнѣ объясняетъ нерасположеніе общественнаго мнѣнія къ поддержкѣ его притязаній.

Дэнкомбъ вносилъ въ палату общинъ два раза прошеніе герцога брауншвейгскаго, но безуспѣшно. Герцогъ, слѣдуя своему необузданному нраву, самъ, какъ бы нарочно, портилъ свое дѣло, выступая передъ судъ общественнаго мнѣнія въ печатныхъ, наполненныхъ спѣсью, реторикою и бранчивостью «манифестахъ». Одинъ изъ нихъ буквально приведенъ въ біографіи Дэнкомба (изданный въ 1847 году). Въ немъ герцогъ обвиняетъ своего брата даже въ покушеніи на убійство и говоритъ о «разбойникахъ въ Брауншвейгѣ», о повинующихся имъ «плутахъ-измѣнникахъ» и о «мошенничествахъ» самозванцевъ-опекуновъ. Понятно, что появленіе подобнаго «манифеста» въ то самое время, какъ вопросъ былъ возбужденъ въ палатѣ общинъ, дѣлало просто почти невозможнымъ для серьезныхъ людей становиться на сторону истца.

Почему же Дэнкомбъ принималъ на себя эту неблагодарную

роль? Разумѣется, изъ дружбы. Но остановить его усердіе не могло, конечно, и *завѣщаніе*, сдѣланное въ 1846 году герцогомъ брауншвейгскимъ въ его пользу, предоставлявшее ему, Томасу Слингсби Дэнкомбу *все наслѣдство* герцога, а секретарю его, усердному Смиту — тридцать тысячъ фунтовъ!

Документъ этотъ напечатанъ цѣликомъ въ книгѣ, о которой мы говоримъ. Въ немъ герцогъ завѣщаетъ похоронить его со всѣми почестями, подобающими его сану владѣтеля, дѣлаетъ распоряженія относительно своего надгробнаго памятника, приказываетъ заплатить свои долги въ столь скоромъ времени, какъ то дозволяетъ приличіе, «послѣ» его смерти формально запрещаетъ вступать въ какія бы то ни было сдѣлки съ «узурпаторомъ» Вильгельмомъ брауншвейгскимъ, королемъ ганноверскимъ и герцогомъ кэмбриджскимъ и, наконецъ, завѣщаетъ все свое движимое и недвижимое имущество и все причитающееся ему въ Англіи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и во всѣхъ мѣстахъ, Дэнкомбу и Смиту—за то, что они нѣсколько разъ оказывали ему содѣйствіе, при защитѣ его дѣла и его репутаціи; ихъ же назначаетъ и душеприкащиками.

Безъ сомнѣнія, главнымъ побужденіемъ герцога Карла при составленіи этого завѣщанія была ненависть его къ родственникамъ и желаніе уже при жизни существенно отомстить имъ, лишая ихъ своего наслѣдства. Дружба къ Дэнкомбу, конечно, также имѣла вліяніе. Но замѣчательно, что, составивъ завѣщаніе въ пользу своихъ англійскихъ друзей, герцогъ счелъ себя совершенно свободнымъ отъ всякаго обязательства давать имъ какое бы то ни было вознагражденіе при жизни. Изъ переписки Смита съ Дэнкомбомъ видно, что герцогъ постоянно боялся, какъ бы они не считали его въ долгу у себя, и они увѣрили его, что работаютъ для него просто «изъ удовольствія это дѣлать», какъ выражается въ одномъ письмѣ г. Смитъ. Итакъ, въ дружбѣ, связывавшей изгнаннаго герцога съ Дэнкомбомъ, представляется слѣдующая характеристическая черта: герцогъ, сдѣлавъ завѣщаніе, безцеремонно и даромъ пользуется временемъ и трудами своихъ англійскихъ друзей, а Дэнкомбъ и Смитъ не щадятъ усилій, разсчитывая на милліонное наслѣдство.

Наслѣдство въ самомъ дѣлѣ было обольстительно: изъ списка движимаго имущества герцога, полученнаго Дэнкомбомъ отъ герцога въ 1847 году, оказывается, что у него было въ то время иностранныхъ фондовъ, драгоцѣнныхъ камней и серебра на 300,000 фунтовъ (около 2 милл. рублей). Герцогъ безпрестанно покупалъ и мѣнялъ иностранные фонды (русскихъ въ то время у него было на 50 т. фунтовъ) и одною изъ его причудъ была

страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ, особенно къ брилліантамъ. Камней и серебра у него было на 300 тысячъ фунт. У Смита находился подробный списокъ имуществъ герцога, на тотъ случай, еслибы владѣльцу пришлось уѣхать съ мѣста ихъ храненія или выслать ихъ куда-либо. Однажды, въ 1848 году, такой случай представился, и г. Смиту удалось имѣть въ рукахъ значительную часть этихъ драгоцѣнностей. По этому поводу онъ писалъ Дэнкомбу между прочимъ: «Одно вѣрно, именно то, что у меня въ рукахъ, въ настоящее время, порядочная сумма въ неподдѣльныхъ (genuine) бумагахъ и въ самомъ дѣлѣ, еслибы онъ согласился оставить въ моемъ домѣ всѣ свои значительнѣйшія количества облигацій (иностранныхъ) займовъ, которыхъ онъ теперь не намѣренъ мѣнять, то это было бы очень важно для насъ при его смерти; у меня онѣ были бы столь же безопасны, какъ у него самого, и я не дотронулся бы ни до одного шиллинга, до его смерти».

Томасъ Дэнкомбъ не успѣлъ воспользоваться наслѣдствомъ герцога брауншвейгскаго. Остается вопросомъ, воспользуется ли обѣщанною ему частью г. Смитъ, который выступилъ теперь съ опроверженіемъ нѣкоторыхъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ сыномъ представителя Финсбери. Во всякомъ случаѣ нельзя не признать нѣсколько страннымъ обнародованіе младшимъ Дэнкомбомъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ лестныхъ для памяти его отца подробностей о его сношеніяхъ съ герцогомъ брауншвейгскимъ и императоромъ французовъ.

Какъ бы то ни было, онѣ характеризуютъ и этихъ «друзей» Дэнкомба. Чтобы придать еще одну черту къ портрету герцога Карла, какъ онъ обрисовывается приведенными фактами, упомянемъ, что въ 1851 году, герцогъ самъ уже, приближаясь къ пятидесятилѣтію, вдругъ увлекся аэронавтикою и сталъ подниматься на аэростатахъ съ извѣстнымъ воздухоплавателемъ Гриномъ. А когда противъ него въ Англіи былъ начатъ какой-то непріятный процессъ, онъ улетѣлъ на воздушномъ шарѣ черезъ Ламаншъ, во Францію.

Дэнкомбъ не забылъ другого своего «друга», такъ счастливо перемѣнившаго свое мѣсто жительства во Франціи. Онъ неоднократно посылалъ Смита въ Парижъ, съ «частными порученіями». Въ чемъ состояли эти порученія — біографъ его не объясняетъ. Но журналистика не преминула объяснить ихъ намекомъ на разстройство частныхъ дѣлъ представителя Финсбери. При этомъ оговоримся, однако, что въ книгѣ его сына нѣтъ данныхъ для такого вывода, и что положеніе Дэнкомба, какъ члена парламента, дѣлаетъ его мало вѣроятнымъ.

Но не всѣ порученія, даваемыя Смиту, имѣли характеръ частныхъ. Онъ посылался и для возобновленія переговоровъ объ исполненіи трактата, условленнаго въ Гамѣ. Въ письмѣ Смита, помѣченномъ 5 декабря 1849 года, мы находимъ уклончивый отвѣтъ президента республики; онъ говоритъ, что при существующемъ національномъ собраніи имѣетъ слишкомъ мало власти и что до распущенія его, онъ ничего не можетъ сдѣлать для исполненія трактата. Г. Смитъ не церемонится въ этомъ письмѣ: г-на Морни онъ называетъ «молочнымъ братомъ» президента, а относительно дальнѣйшихъ видовъ послѣдняго выражается такъ: «Я думаю, что онъ сидитъ крѣпко и мѣсяцевъ черезъ двѣнадцать будетъ императоромъ — ça c'est entre nous», прибавляетъ осторожный секретарь.

Другой свидѣтель гамской конвенціи, графъ Орси, писалъ въ февралѣ 1850 года, что онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ президентомъ относительно герцога и что все будетъ устроено къ обоюдному удовольствію, что президентъ высказалъ намѣреніе энергически взяться за дѣло, вступить въ переговоры съ лордомъ Пальмерстономъ и Россіею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ Дэнкомба подробной записки о правахъ герцога, чтобы вполнѣ ознакомить принца Людовика-Наполеона и лорда Пальмерстона съ положеніемъ дѣла герцога.

Но Дэнкомбъ какъ видно не дождался «энергическаго дѣйствія» президента и обратился самъ къ лорду Пальмерстону уже съ просьбою о пріостановленіи непріятнаго для герцога процесса. Вотъ отвѣтное письмо Пальмерстона: «Любезный Дэнкомбъ, — сожалѣю, что мы не можемъ помочь герцогу брауншвейгскому въ дѣлѣ, о которомъ вы упоминаете въ вашей запискѣ. Иностранные принцы, какъ и наши, подлежатъ законамъ этой страны, пока въ ней живутъ, и правительство не имѣетъ возможности вмѣшиваться въ судебныя дѣла, касающіяся иностраннаго принца или останавливать ихъ ходъ во вниманіе къ его королевскому происхожденію и положенію. Точно также правительство не имѣетъ возможности высылать иностраннаго принца изъ страны. Въ дѣйствительности, юридическое положеніе иностраннаго царствующаго дома, пока онъ находится въ этой странѣ, совершенно одинаково съ положеніемъ британскаго подданнаго. Искренно вашъ *Пальмерстонъ*».

Когда въ день государственнаго переворота въ Парижѣ завязалась борьба на улицахъ, герцогъ брауншвейгскій поспѣшно уѣхалъ въ Бельгію и пригласилъ г. Смита управлять всѣмъ своимъ имуществомъ, оставшимся въ Парижѣ. Въ письмахъ своихъ Смитъ настаиваетъ на опасности, которой онъ долженъ былъ

подвергнуться. Онъ неоднократно видѣлся съ секретаремъ принца-президента, Мокаромъ и докторомъ Коннò, но, несмотря на обѣщанія ихъ, не могъ добиться аудіенціи у «союзника герцога брауншвейгскаго», союзника, который уже дѣйствовалъ, обходясь безъ помощи своихъ «друзей». Смитъ, между прочимъ, опровергаетъ оффиціальныя показанія о числѣ жертвъ этихъ дней, утверждая, что убито было гораздо болѣе.

Государственный переворотъ произвелъ въ Англіи огромное и совершенно-враждебное виновнику его впечатлѣніе. Англійская печать и во главѣ ея «Times» возстали на президента, низвергшаго республику, и самъ онъ не остался равнодушнымъ къ взрыву ея негодованія. Одинъ изъ приближенныхъ его, графъ Орси, писалъ къ Дэнкомбу, что президентъ, «общій другъ» ихъ, уполномочиваетъ Дэнкомба защищать переворотъ въ Англіи совершенно по его усмотрѣнію. Это письмо было отвѣтомъ на письмо самого Дэнкомба. Слѣдуетъ, стало быть, думать, что Дэнкомбъ самъ вызвался на эти услуги и въ отвѣтѣ президента нельзя не видѣть вмѣстѣ и желаніе найти защитника въ Англіи и опасенія связываться съ Дэнкомбомъ. Орси сообщаетъ ему всѣ софизмы, которые можно привесть съ цѣлью оправданія переворота 2 декабря 1851 года, но сообщаетъ ихъ не отъ себя, а отъ «друга», говоритъ только, что онъ даетъ Дэнкомбу carte blanche. Эта переписка не дѣлаетъ большой чести члену англійскаго парламента и еслибы о ней знали въ то время, то, безъ сомнѣнія, Дэнкомбъ подвергся бы настоящему остракизму въ общественномъ мнѣніи.

Достаточно было одного подозрѣнія въ солидарности англійскаго министерства съ переворотомъ, чтобы поставить министерство въ непопулярное положеніе. Тогда произошла памятная ссора между лордами Росселемъ и Пальмерстономъ. На Пальмерстона прежде всего падало подозрѣніе. Въ тоже время на него предъявлено было неудовольствіе и съ другой стороны, именно со стороны принца-супруга, Альберта, котораго вмѣшательства въ дѣлà Пальмерстонъ не допускалъ, за чтò Англіи, конечно, слѣдовало быть благодарною своему министру. Изъ всѣхъ владѣтельныхъ домовъ, содержавшихся Германіею, кобургскій домъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи, выказалъ наиболѣе способности къ достиженію, посредствомъ и подъ предлогомъ разныхъ международныхъ комбинацій, своихъ чисто-фамильныхъ выгодъ. Главы германскихъ владѣтельныхъ герцогскихъ и княжескихъ фамилій, находясь въ родствѣ съ царствующими домами всей Европы, остаются центрами общихъ фамильныхъ интересовъ и стараются проводить ихъ посредствомъ тѣхъ принцевъ фамиліи, которые

сдѣлались членами домовъ, царствующихъ внѣ Германіи, насколько это возможно по обстоятельствамъ и по характерамъ лицъ участвующихъ въ фамильномъ интересѣ. Главный пріемъ этой «домашней» политики (Hauspolitik) состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ сдѣланныхъ связей дѣлать новыя связи, доставлять за границею высокое положеніе другимъ принцамъ дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ стараться, при случаѣ, о расширеніи фамильнаго владѣнія—Familiensitz—въ Германіи. Образцовымъ представителемъ такой политики устройства фамильныхъ дѣлъ при помощи всѣхъ великихъ и малыхъ международныхъ событій, подчиненія судьбы Европы выгодамъ мелкопомѣстнаго княжескаго дома былъ принцъ Леопольдъ кобургскій, впослѣдствіи король бельгійцевъ. Въ его лицѣ главою фамиліи былъ государь, сидѣвшій не на наслѣдственныхъ герцогскихъ креслахъ, а на иностранномъ престолѣ. Кобурги англійскіе, португальскіе и собственно кобургскіе, не говоря уже о бельгійскихъ, безпрекословно признавали его своимъ главой. Ихъ совмѣстныя дѣйствія и степень ихъ вліянія на ходъ дѣлъ въ Европѣ, въ смыслѣ фамильныхъ интересовъ, представятъ конечно современемъ любопытный сюжетъ для изученія любителямъ историческихъ курьёзовъ.

Самому Леопольду не удалось стать на ступеняхъ великобританскаго престола. Но фамильное дѣло не было потеряно; оно было только отложено. Впослѣдствіи его возобновили съ другого конца, и супругомъ королевы англійской Викторіи сталъ все-таки кобургскій же принцъ. Этотъ принцъ какъ только услыхалъ о кончинѣ короля англійскаго Вильгельма IV, отца королевы Викторіи, тотчасъ прервалъ свой университетскій курсъ въ Боннѣ и поспѣшилъ въ Лондонъ, такъ какъ онъ уже былъ знакомъ молодой королевѣ. Замѣтимъ, что король Леопольдъ, устраивая положеніе кобургскаго принца, вселилъ еще въ молодую королеву убѣжденіе, которое, какъ видно изъ ея собственныхъ разсказовъ [1]), она сохраняетъ до сихъ поръ, что принцъ Альбертъ, вступая съ нею въ бракъ, «жертвовалъ собою».

Этотъ-то принцъ, принцъ Альбертъ, какъ онъ ни былъ либераленъ и остороженъ—а нужно отдать кобургскому дому справедливость: онъ легко уживается съ конституціонализмомъ—старался всегда имѣть нѣкоторое вліяніе на дѣла. Онъ и король бельгійцевъ Леопольдъ, къ которому королева Викторія питала

---

1) The Early Years of his Royal Highness the Prince Consort, compiled, under the direction of her Majesty the Queen, by Lient. General the Hon. C. Grey. London 1868.

Leaves from the Journal of our Life in the Highlands from 1848 to 1861. London. 1868.

глубокое уваженіе, имѣли большое вліяніе на королеву и увлекали ее въ свои чисто-фамильныя, отчасти германско-консервативныя, отчасти германско-патріотическія, но во всякомъ случаѣ совершенно чуждыя интересамъ Великобританіи, комбинаціи. Вспомнимъ, что даже послѣ смерти принца Альберта, королева Викторія сама, подъ вліяніемъ его памяти и убѣжденій короля бельгійцевъ, наперекоръ очевидному желанію англійской націи рѣшительно отказалась отъ всякаго энергическаго шага въ пользу несчастной Даніи.

Принцу Альберту, когда онъ вступилъ въ бракъ съ королевою Викторіею, было всего 21 годъ, и онъ самъ, разумѣется, могъ считать себя способнымъ къ направленію политики великой державы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Германіи такое притязаніе съ его стороны было бы признано вполнѣ законнымъ и естественнымъ; даже въ Англіи нашелся министръ, лордъ Мельборнъ, который съ самого начала допустилъ вмѣшательство принца Альберта въ дѣла. Принцъ писалъ своему отцу въ Кобургъ: «я всегда излагаю свои взгляды на бумагѣ и затѣмъ сообщаю ихъ лорду Мельборну. Онъ рѣдко отвѣчаетъ мнѣ, но я *часто* имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ дѣйствуетъ *совершенно согласно* съ тѣмъ, что было мною сказано». Лордъ Россель тоже не прочь былъ уступать вліянію принца-супруга и, какъ мы сейчасъ увидимъ, выказалъ это впослѣдствіи въ очень важномъ случаѣ. Но кто рѣшительно не былъ расположенъ признавать государственную мудрость въ двадцатилѣтнемъ юношѣ на томъ основаніи, что онъ — нѣмецкій принцъ, это — лордъ Пальмерстонъ. Несклонность свою къ нѣмецкой придворной дисциплинѣ Пальмерстонъ обнаружилъ съ первыхъ же встрѣчъ своихъ съ принцемъ Альбертомъ и этимъ навлекъ на себя съ самаго начала неблаговоленіе королевы. Принцу тѣмъ легче было подорвать кредитъ Пальмерстона у королевы, что какъ разъ во время празднествъ бракосочетанія въ виндзорскомъ замкѣ случилась съ Пальмерстономъ любовная исторія (разсказывали, будто какая-то придворная дама даже громко кричала о помощи, однимъ словомъ, разсказывали донъ-жуановскую сцену). Королева Викторія съ тѣхъ поръ какъ можно болѣе избѣгала личныхъ переговоровъ съ Пальмерстономъ, когда ему случалось быть въ министерствѣ, а это, какъ извѣстно, случалось часто и наконецъ сдѣлалось нормальнымъ положеніемъ.

Возвратимся теперь къ кризису, происшедшему въ Англіи по поводу переворота 2-го декабря во Франціи, о которомъ разсказываетъ біографъ Дэнкомба. Принцъ Альбертъ не могъ не вмѣшаться въ такое важное дѣло, какъ одобреніе или неодобре-

ніе Англіи предпріятію французскаго претендента. Лордъ Пальмерстонъ не обратилъ вниманія на совѣты принца и былъ внезапно уволенъ, какъ говорили, по требованію перваго министра, лорда Джона Росселя. Но правда была, что лордъ Россель хотѣлъ услужить двумъ сторонамъ: во-первыхъ, общественному мнѣнію — взваливъ на Пальмерстона павшее на кабинетъ подозрѣніе въ солидарности съ французскимъ президентомъ и принося Пальмерстона въ жертву общественному негодованію; во-вторыхъ—королевѣ и ея супругу.

При преніяхъ объ адресѣ въ палатѣ общинъ, лорду Джону пришлось объяснить произвольное увольненіе популярнаго министра и принять эту совершенно-непарламентскую мѣру на себя. Изъ объясненія его видно было, что маркизъ Нормэнби, посолъ въ Парижѣ, жаловался на противорѣчія между инструкціями, какія посылались ему правительствомъ, съ смысломъ частныхъ разговоровъ Пальмерстона съ графомъ Валевскимъ, французскимъ посломъ въ Лондонѣ. Ясно, что Нормэнби, если бы онъ понималъ свое положеніе какъ агента британской политики, а не какъ представителя англійскаго двора и его фамильныхъ симпатій и антипатій, обратился бы за разъясненіемъ противорѣчій—если только онъ могъ серьезно нуждаться въ такомъ разъясненіи — къ самому Пальмерстону, частнымъ образомъ. Вѣдь извѣстно же, что вся сущность дипломатическихъ сношеній повѣряется именно частнымъ письмомъ, а оффиціальныя сообщенія представляютъ только формальные результаты такихъ переговоровъ. Но лордъ Нормэнби, какъ видно изъ его поступка, вмѣстѣ съ лордомъ Росселемъ проводили виды «правительства» въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ правительство при германскихъ дворахъ. Вотъ почему онъ и просилъ оффиціально разрѣшенія недоумѣній, вслѣдствіе чего сдѣлалась неизбѣжной ссора между Росселемъ и Пальмерстономъ, и послѣдній былъ уволенъ, какъ «непокорный министръ».

Объясненіе, данное Росселемъ въ палатѣ, конечно, не выставляло лицъ, которыя въ парламентской странѣ не могутъ являться руководителями политики. Онъ только сослался на противорѣчія, о которыхъ упоминалъ Нормэнби и на «неправильности въ дѣлопроизводствѣ». Пальмерстонъ не оставилъ этого объясненія двухъ изъ самыхъ неспособныхъ дипломатовъ нашего времени (Росселя и Нормэнби) безъ отвѣта. Отвѣтъ его былъ сокрушителенъ для авторитета министровъ. Дѣло въ томъ, что они сами смотрѣли на отношенія къ Франціи точно такъ, какъ Пальмерстонъ, но только хотѣли избѣгнуть столкновенія съ дворомъ. Пальмерстонъ, съ обычною своею саркастичностью,

что называется «вывелъ на чистую воду» Росселя и другихъ «покорныхъ» своихъ товарищей. Онъ объяснилъ, что если въ частномъ разговорѣ съ графомъ Валевскимъ онъ сдѣлалъ какую-либо ошибку, выражая мнѣніе объ образѣ дѣйствій французскаго президента, то вину въ этой ошибкѣ должны раздѣлять съ нимъ премьеръ и другіе министры потому, что *всѣ они частнымъ образомъ высказали Валевскому одобреніе въ одинаковыхъ выраженіяхъ.*

Пренія достаточно выяснили истинную причину увольненія Пальмерстона, и можно сказать, что Россель этою мѣрою скорѣе оказалъ ему услугу, потому что мнѣніе большинства членовъ было очевидно за Пальмерстона. Тутъ вопросъ о солидарности съ Наполеономъ сталъ на второй планъ, а на первый становился вопросъ объ охраненіи парламентаризма въ Англіи, и Пальмерстонъ выступалъ въ характерѣ его защитника, характеръ, который въ Англіи популярнѣе всякихъ иныхъ. Вся интрига обратилась во вредъ маркизу Нормэнби и лорду Джону Росселю. Что касается лицъ, еще болѣе высоко поставленныхъ, то они имѣли удовольствіе видѣть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда кабинетъ Росселя палъ и составленіе новаго министерства пришлось поручить главѣ оппозиціи, лордъ Дэрби поставилъ условіемъ—возвращеніе Пальмерстону должности министра иностранныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ для Пальмерстона постарались какъ нельзя лучше и временные друзья его, виги, во́-время исключивъ его изъ кабинета, возвративъ ему популярность, и временные противники его, тори, включивъ его въ свой кабинетъ.

Разбирая книгу біографа Дэнкомба и обращая въ ней вниманіе преимущественно на то, что̀ относится къ замѣчательнымъ явленіямъ новѣйшей исторіи, мы должны однакоже возвращаться иногда къ хронологической нити, чтобы не упускать изъ виду и самой біографіи представителя Финсбери. Дэнкомбъ принадлежалъ къ числу тѣхъ политическихъ людей въ Англіи, которые призадумывались насчетъ необходимости войны съ Россіею изъ-за восточнаго вопроса. Въ рѣчи, произнесенной на митингѣ въ Финсбери, онъ высказалъ мнѣніе, что не слѣдуетъ бросаться въ эту войну безъ оглядки, и порицалъ политику правительства. Правда, главою Foreign Office былъ въ то время не Пальмерстонъ, другъ Дэнкомба, а лордъ Кларендонъ. Когда началась война, открылись страшные недостатки въ организаціи военнаго хозяйства въ Англіи и когда по этому поводу разразилась буря надъ министерствомъ, въ которомъ уже снова былъ Пальмерстонъ, Дэнкомбъ защищалъ министерство и даже военнаго министра, гер-

цога Ньюкэстля, на котораго сыпались въ то время обвиненія: Въ книгѣ его сына есть благодарственное письмо герцога по этому поводу.

Здоровье Дэнкомба давно было сильно потрясено, а между тѣмъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ занимался парламентскими работами съ замѣчательнымъ рвеніемъ, и вся польза, какую могли ему принесть лекарства поглощалась усиленнымъ его трудомъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ самыхъ разнообразныхъ дѣлахъ. Онъ ходатайствовалъ за безусловное помилованіе прежнихъ чартистовъ, защищалъ интересы разныхъ изгнанниковъ и больше всего — защищалъ правительство. Между прочимъ, онъ помогалъ сэру Чарльзу Нэпиру оправдываться въ его неуспѣхѣ. Когда говорится о работахъ англійскаго представителя, то надо имѣть въ виду, что существенную часть ихъ составляетъ также предсѣдательство или участіе въ митингахъ, пріемъ депутацій и вся парламентская дѣятельность, происходящая внѣ парламента.

Сынъ Дэнкомба жалуется, что депутаціи отъ избирателей отнимали много времени у его отца и сильно надоѣдали ему, особенно депутаціи отъ *рабочихъ*. Онъ приводитъ даже, какъ примѣръ назойливости рабочихъ въ ихъ предположеніи учить члена парламента, цѣлую бесѣду Дэнкомба и его товарища Чаллиса (другого члена Финсбери) съ одною изъ такихъ депутацій. Но намъ это безполезное свиданіе, при которомъ членъ парламента безпрестанно кричитъ на своихъ довѣрителей: молчать! (hold your tongue!) представляется просто какъ иллюстрація той извѣстной истины, что палата общинъ до настоящаго времени не была представительствомъ народа. Какой-нибудь Дэнкомбъ, потомокъ графа Февершэма, воспитанный съ Пальмерстономъ, пріятель Наполеона III и герцога Брауншвейгскаго, издерживающій нѣсколько тысячъ фунтовъ на свое избраніе и не получающій отъ націи ни копѣйки за ту честь, которую онъ оказываетъ ей своимъ представительствомъ, естественно не можетъ смотрѣть на рабочихъ какъ на своихъ довѣрителей, мнѣніе ихъ не можетъ считать не только обязательнымъ для себя, но даже заслуживающимъ почтенія, и выслушивать депутацію отъ рабочихъ разныхъ городовъ не можетъ такъ, какъ ихъ выслушиваетъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, самъ вышедшій изъ массы и поставленный ею какъ уполномоченный, съ жалованьемъ отъ нея и строгою передъ нею отвѣтственностью. «Не могъ же онъ, говоритъ сынъ Дэнкомба, отрываться отъ своихъ занятій, чтобы выслушивать «декларацію», которая, по словамъ депутаціи, одинаково касалась интересовъ британской короны и сальфордскихъ или ньюкэстльскихъ

Джонсоновъ!» Конечно, замѣтимъ мы; но есть другая парламентская страна, населенная британскимъ племенемъ, страна, въ которой ньюйоркскіе или бостонскіе Джонсоны смѣло являются объяснять свои виды въ самый дворецъ правительства. И тамъ ихъ выслушиваютъ и принимаютъ ихъ слова къ свѣдѣнію. Почему? Потому что сидитъ тамъ такой же, какъ они, Джонсонъ.

Мы сказали выше, что одною ихъ характеристическихъ чертъ его публичной дѣятельности была всегдашняя готовность защищать разныхъ изгнанниковъ. Такъ, онъ сблизился съ Кошутомъ, когда тотъ явился въ Англіи, и оказалъ венгерскому эмигранту нѣсколько услугъ. Изъ писемъ Кошута къ Дэнкомбу, помѣщенныхъ въ книгѣ, интересно то, которое относится къ Карсу. Кошутъ утверждаетъ, что союзники, стоявшіе въ Крыму, легко могли подать помощь Карсу, сдѣлавъ высадку въ Батумъ, что заставило бы генерала Муравьева отступить къ Тифлису или по меньшей мѣрѣ къ Ахалцыху, такъ какъ ему угрожала бы опасность быть отрѣзаннымъ. Кошутъ говоритъ, что сдѣлать это было тѣмъ легче, что союзная армія въ Крыму стояла праздною въ то время на зимнихъ квартирахъ, а между тѣмъ у союзниковъ было множество транспортовъ и ничего не стоило отдѣлить 30-ти-тысячный отрядъ для защиты Карса. Не сдѣлано это было, какъ утверждаетъ Кошутъ, просто потому, что Наполеонъ не хотѣлъ помѣшать намъ одержать побѣду въ Азіи, которая дала бы нѣкоторое удовлетвореніе нашему національному самолюбію и позволила бы намъ заключить миръ и даже союзъ съ Франціею, что было главною цѣлью крымской войны со стороны императора французовъ, который только хотѣлъ, чтобы Россія его признала.

Возможна-ли была диверсія, о которой говоритъ Кошутъ или нѣтъ — объ этомъ предоставляемъ судить спеціалистамъ. Но замѣтимъ, что крымская война была дѣломъ не одного Наполеона и что она доставила очевидно болѣе выгодъ Англіи, Австріи и даже Пруссіи (которая обогатилась въ это время транзитомъ, вслѣдствіе блокады нашихъ портовъ), чѣмъ Франціи. Что касается собственно династическихъ интересовъ Наполеона, то интересъ его былъ именно въ войнѣ, окончательно разрушившей преданіе священнаго союза и коалицію противъ Франціи, а не въ мирѣ, которымъ эта война должна была заключиться.

Кошутъ, какъ извѣстно, былъ принятъ въ Англіи съ энтузіазмомъ. Одному изъ его приверженцевъ въ Англіи пришла даже мысль открыть подписку въ его пользу. Но дѣло это было испорчено самимъ начинателемъ его, такъ какъ въ своемъ энтузіазмѣ къ Кошуту онъ ни съ того, ни съ другого, провелъ

сравненіе между нимъ и знаменитымъ Фоксомъ, котораго при этомъ случаѣ безпощадно унизилъ.

Дэнкомбъ находился также въ сношеніяхъ съ Тюрромъ и съ Мацциии. Тюрръ переписывался съ нимъ по восточному вопросу, и въ этой корреспонденціи является столь же хорошо знакомымъ съ восточными дѣлами, сколько плохо—съ французскимъ языкомъ. Мацципи присылалъ Дэнкомбу записки о характерѣ своихъ дѣйствій въ Римѣ, во время республики, для оправданія себя отъ упрека въ терроризмѣ. Онъ обращался къ Дэнкомбу, также какъ къ извѣстному либералу Стэнсфильду съ просьбою возстановить факты предъ общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи. Замѣчательно, что всѣ вообще агитаторы и вожди народныхъ движеній, какъ Кошутъ, Мацципи, Гарибальди чрезвычайно дорожатъ своею репутаціею въ Англіи и слѣдятъ заботливо за каждымъ видоизмѣненіемъ въ ея общественномъ мнѣніи.

Дэнкомбъ былъ однимъ изъ посредниковъ между ними и общественнымъ мнѣніемъ Англіи и англійскимъ парламентомъ. Онъ говорилъ въ палатѣ общинъ въ пользу Венгріи, въ пользу Италіи, представлялъ адресы палатѣ отъ эмигрантскихъ комитетовъ, разсылалъ въ редакціи отвѣты или объясненія по разнымъ вопросамъ, касавшимся національностей, наконецъ оказывалъ менѣе значительнымъ эмигрантамъ личную помощь въ разныхъ случаяхъ, обращаясь къ министрамъ для устраненія какихъ либо затрудненій. Въ Лондонѣ существовалъ въ то время комитетъ «друзей Италіи» и по просьбѣ Мацципи, Дэнкомбъ сдѣлался членомъ этого комитета, представлялъ его адресы и т. д.

Чтобы показать, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ извѣстнымъ агитаторамъ и вмѣстѣ, какъ они дорожатъ знакомствомъ съ членомъ англійскаго парламента, какъ они высоко цѣнятъ положеніе англійскаго commoner, мы приведемъ въ сокращеніи три письма къ Дэнкомбу.

«Любезный г. Дэнкомбъ,—событія близко предстоятъ Италіи; событія эти, если найдется вождь, разумѣется не представятъ опасности для вашего союза съ Франціею. Цѣль, на которую направляются теперь наши намѣренія—Австрія и вы, съ вашимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, который виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, одинаково надъ головами враговъ и друзей, не можете сѣтовать, что мы хотимъ дать Австріи работу гдѣ либо на турецкой границѣ.

«Я не стану просить васъ теперь сдѣлать что либо для насъ. Все, что вы могли, вы сдѣлали уже въ 1853 году. Но такъ какъ одинъ изъ вашихъ друзей и товарищей, г. Коллеттъ, сказалъ мнѣ, тому нѣсколько времени, что когда приблизится кризисъ, онъ

былъ бы готовъ сдѣлать что-нибудь по соглашенію съ вами, то я обратился къ нему; затѣмъ прошу васъ, если вы продолжаете смотрѣть на наше дѣло какъ на доброе и святое, поддержать, въ случаѣ если онъ къ вамъ обратится, его намѣреніе сдѣлать для насъ все что онъ можетъ.

Навсегда вамъ преданный

Іосифъ Маццини».

7 апрѣля 1864 г.

Это письмо предшествовало одной изъ тѣхъ отчаянныхъ и безплодныхъ попытокъ, которыя Маццини предпринималъ въ пятидесятыхъ годахъ.

«Любезный сэръ, — Вы были столь добры, дозволили мнѣ обратиться къ вамъ въ случаяхъ, когда мнѣ понадобится справка въ дѣлахъ парламента. Теперь мнѣ именно очень нужны «синія книги» 1848 — 49, относительно итальянскихъ дѣлъ. Нельзя ли прислать ихъ мнѣ на нѣсколько дней» и проч.

«Вамъ быть можетъ будетъ интересно услышать, что Кавуръ интригуетъ теперь въ пользу Мюрата. Я знаю объ этомъ изъ самаго лучшаго источника.

«Въ видѣ демонстраціи противъ подписки на 100 пушекъ для усиленія алессандрійской крѣпости 100 пушками, итальянская національная партія открыла въ редакціи «l'Italia e Popolo» подписку на 10,000 ружей. Возраженіе это основательно: не оборонительною политикою можетъ быть подвинуто впередъ дѣло итальянской независимости. Національная партія надѣется или, скорѣе, льститъ себя надеждою, что сочувствіе Англіи выразится въ отношеніи къ этой подпискѣ шиллингами и полушиллингами на покупку ружей; вѣдь фунты проявляютъ же сочувствіе къ оборонительнымъ пушкамъ. Но патріоты ошибаются. Имъ не дадутъ ни одного пенса. Общественное мнѣніе находится въ совершенномъ невѣдѣніи относительно характера и намѣреній туринскаго кабинета, хотя лордъ Пальмерстонъ и оповѣстилъ міру (не стоитъ благодарности), что только представленіемъ прекраснаго примѣра либеральныхъ учрежденій «туринское правительство можетъ содѣйствовать освобожденію Италіи». Я желалъ бы знать, какимъ возможнымъ образомъ этотъ «прекрасный примѣръ» побудитъ Австрію удалиться за Альпы, или папу — отречься отъ его свѣтской власти, «худшаго изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній»; а между тѣмъ, эти два пункта именно и составляютъ итальянскій вопросъ.

«Какъ бы то ни было, курьезныя дѣла стряпаются на полуостровѣ, и одно изъ нихъ именно участіе защитника Италіи на парижскомъ конгрессѣ въ заговорѣ съ Мюратомъ. Позволитъ ли

сентъ-джемскій кабинетъ обмануть себя или будетъ (сознательно) продолжать плясать по дудкѣ Бонапарта? Боюсь, что такъ. Но никакая первостепенная держава не можетъ безнаказанно снисходить на вторую степень. Это мильтоновъ мостъ, ведущій тихо, удобно и безопасно внизъ, въ —

. . . .

«Покорнѣйшій вашъ слуга
Кошутъ».

28 августа 1856 г. (писано съ острова Уайта).

Приведемъ письмо еще одного знаменитаго патріота:

«М. Г.—Сэръ Дж. Ромилли почтилъ меня визитомъ, чтобы сообщить мнѣ о вашей любезности. Съ глубокою благодарностью воспользуюсь я вашимъ благосклоннымъ предложеніемъ—сопровождать васъ на ваши выборы. Я впередъ радуюсь знакомству политическаго человѣка, столь высоко стоящаго въ общественномъ мнѣніи и котораго краснорѣчивое слово, произнесенное въ пользу моего отечества, еще отзывается въ моемъ сердцѣ. Но я не дозволю себѣ допустить безпокойство, которое вы предполагали принять на себя—заѣхать за мною и поспѣшу самъ завтра утромъ, чтобы принесть вамъ мое почтеніе и признательность и отдаться совершенно въ ваше распоряженіе. На случай вашего отсутствія въ это время, то-есть между 12 ч. и часомъ по полудни, потрудитесь оставить указаніе для меня о мѣстѣ и часѣ, гдѣ и когда я могу найти васъ, чтобы отправиться съ вами на мѣсто выборовъ.

«Примите, м. г., выраженіе моей живѣйшей благодарности и отличнаго почтенія

«Преданный вамъ
Карлъ Поэріо».

Карлъ Поэріо писалъ это въ Лондонѣ, въ апрѣлѣ 1859 года, послѣ избавленія своего изъ неаполитанской тюрьмы, въ которой онъ, больной, много лѣтъ просидѣлъ на цѣпи. Онъ пожелалъ видѣть англійскіе выборы, и такъ какъ въ то время предстояли выборы въ Финсбери, то онъ и обратился къ Дэнкомбу.

Между тѣмъ, дѣла Дэнкомба по отношенію къ двумъ гамскимъ союзникамъ не подвигались. Заключенный превратился въ депутата, президента республики, диктатора, наконецъ императора, и повидимому совершенно забылъ объ изгнанномъ герцогѣ. Замѣчательно, что Смитъ, безпрестанно ѣздившій въ Парижъ и оказывавшій герцогу небезкорыстныя услуги, ни разу не упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Дэнкомбу о какомъ

либо сношенія между Людовикомъ-Наполеономъ и принцемъ Карломъ. Какъ кажется, они даже не видѣлись. Смиту въ 1854 г. представилась уже близость награды за его труды: герцогу брауншвейгскому сдѣлалось худо, наконецъ съ нимъ случился ударъ. Въ словахъ, которыми онъ сообщаетъ объ всемъ этомъ Дэнкомбу, видно низкое чувство надежды. Но герцогъ поправился и зажилъ попрежнему, а Смитъ пріискалъ себѣ разныя занятія. То онъ хлопочетъ объ учрежденіи коммерческаго общества въ Парижѣ, то онъ является инженеромъ во французскомъ лагерѣ, и все это не мѣшаетъ ему зорко слѣдить за наслѣдникомъ, которымъ герцогъ продолжалъ постоянно поддразнивать его. Въ тоже время службу свою Дэнкомбу онъ исполнялъ преимущественно грубою лестью, которую расточалъ ему въ своихъ письмахъ при каждомъ случаѣ.

Герцогъ, между тѣмъ, раздѣлялъ свое время между странными дипломатическими заявленіями и заботою о покупкѣ новыхъ брильянтовъ. Смитъ писалъ въ 1856-мъ году, что австрійскій кабинетъ выразилъ согласіе принять его въ Вѣнѣ и признать его царствующимъ лицомъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, во-первыхъ, женился, во-вторыхъ, помирился съ своимъ братомъ Вильгельмомъ и забылъ о прошломъ. Но герцогъ Карлъ, не имѣя никакихъ средствъ даже свергнуть своего брата, ни за что не хотѣлъ обѣщать ему прощеніе. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ ничего противъ брака, но удерживаетъ за собою полное право наказать своего брата; что судьбу послѣдняго рѣшитъ палачъ и что онъ, герцогъ Карлъ брауншвейгскій, проситъ австрійское правительство предоставить «свободный ходъ брауншвейгскому правосудію». Это писалъ, повторяемъ, человѣкъ, который для завоеванія своего владѣнія могъ разсчитывать на дѣйствительную помощь развѣ только Смита. Брильянтами своими герцогъ занимался еще болѣе, чѣмъ «государственными» дѣлами. Изъ каталога ихъ, напечатаннаго по его распоряженію въ Парижѣ, оказывается, что они были оцѣнены въ 1860 году въ 15,300,000 франковъ. А между тѣмъ, герцогъ не хотѣлъ разсчитаться какъ слѣдуетъ даже съ типографщикомъ Вельзенеромъ, напечатавшимъ каталогъ, и предлагалъ ему 3,500 фр., между тѣмъ, какъ судъ, къ которому Вельзенеръ обратился, призналъ справедливымъ вознагражденіе въ 6,000 фр., которое и присудилъ принца заплатить. Въ 1861 году, какъ извѣстно, онъ чуть не лишился части брильянтовъ, которыхъ у него было тогда 1200 камней. Камердинеръ его, захвативъ ихъ сколько могъ, цѣною около милліона франковъ, бѣжалъ къ границѣ, но былъ задержанъ по телеграфу, и украденные имъ камни почти всѣ возвращены владѣльцу.

Давно уже Дэнкомбъ не видѣлся и даже не переписывался со своимъ завѣщателемъ, и должно полагать, что ему самому брауншвейгское наслѣдство представлялось совершенно сомнительнымъ, между тѣмъ какъ пройдоха Смитъ продолжалъ вертѣться вокругъ лакомаго куска. Когда герцогъ далъ Дэнкомбу въ руки свое завѣщаніе въ его пользу, то взялъ съ него обѣщаніе возвратить ему этотъ документъ при его требованіи. Въ 1861 году, Дэнкомбъ по обыкновенію отправилъ своего секретаря къ герцогу въ Божонъ и вскорѣ получилъ отъ Смита извѣщеніе, что герцогъ требуетъ свое завѣщаніе назадъ. «Я въ послѣднее время много думалъ о моемъ завѣщаніи — сказалъ герцогъ Смиту—и намѣренъ придать ему иную законную форму, а потому возьмите завѣщаніе у г. Дэнкомба». Потомъ прибавилъ, говоря, какъ замѣчаетъ Смитъ, *во множественномъ числѣ:* «вамъ будетъ здѣсь менѣе хлопотъ съ французскимъ завѣщаніемъ, чѣмъ съ англійскимъ». Затѣмъ онъ вручилъ Смиту слѣдующую записку: «уполномочиваю г. Джорджа Смита принять обратно мое завѣщаніе изъ рукъ г. Томаса Дэнкомба, съ цѣлью согласить его съ французскими законами. Парижъ, 18 марта, 1861 г. Герцогъ брауншвейгскій».

Пріѣхавъ въ Англію, Смитъ предъявилъ свое полномочіе и получилъ завѣщаніе, о которомъ затѣмъ Дэнкомбъ не имѣлъ болѣе никакого извѣстія. «Такимъ образомъ, говоритъ біографъ, блестящій пузырь для Дэнкомба лопнулъ. Безъ сомнѣнія, сдѣлано было иное завѣщаніе, которое принесетъ такое же разочарованіе; но самъ Дэнкомбъ никогда не давалъ себѣ труда узнавать».

Отчего произошла такая перемѣна—біографъ не говоритъ. Но такъ какъ Дэнкомбъ давно уже не видался съ герцогомъ, а вокругъ герцога постоянно были одна, часто упоминаемая Смитомъ, *графиня* и самъ Смитъ, то по всей вѣроятности завѣщаніе было измѣнено въ ихъ пользу. Быть можетъ, это было сдѣлано по внушенію самого почтеннаго Смита. Наше предположеніе основано на слѣдующихъ соображеніяхъ: сынъ Дэнкомба, напечатавъ свою книгу безъ согласія герцога и Смита и конечно къ большому ихъ неудовольствію, тѣмъ самымъ показалъ, что отецъ его болѣе ничего не ожидалъ отъ нихъ и не считалъ ихъ болѣе своими друзьями. Самое обнародованіе этой исторіи не имѣетъ иной цѣли, какъ мести посредствомъ обличенія. Замѣтимъ еще, что Смитъ въ письмѣ къ Дэнкомбу, когда еще завѣщаніе не было взято у него обратно, заботливо выставлялъ, что выражая свое намѣреніе измѣнить завѣщаніе и обращаясь къ нему, Смиту, герцогъ говорилъ во множественномъ числѣ, т. е. Смиту хотѣлось убѣдить Дэнкомба, что завѣщаніе не будетъ измѣнено въ пользу

одного Смита. Наконецъ, сынъ Дэнкомба, говоря о новомъ завѣщаніи, считаетъ долгомъ заявить, что и оно принесетъ разочарованіе.

Дэнкомбъ въ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на совершенно падающія силы, продолжалъ принимать дѣятельное участіе во всѣхъ парламентскихъ работахъ. Когда послѣ покушенія Орсини, министерство внесло въ палату общинъ билль противъ иностранныхъ заговорщиковъ, то Дэнкомбъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Какъ пріятель императора Наполеона, онъ былъ возмущенъ попыткою Орсини и его сообщниковъ, но какъ либералъ, онъ не могъ поддерживать билля, въ которомъ общественное мнѣніе видѣло внушеніе иностраннаго правительства и ограниченіе права убѣжища политическихъ эмигрантовъ, которымъ такъ гордится Англія. Дэнкомбъ избралъ средній путь: онъ произнесъ рѣчь въ защиту императора Наполеона отъ сдѣланныхъ на него нападеній, но голоса за билль не подалъ.

Дэнкомбъ, какъ всякій дѣятельный политическій человѣкъ въ Англіи, писалъ много брошюръ. Почти по всякому важному вопросу, выступавшему на сцену, онъ выражалъ свое мнѣніе не только рѣчами въ палатѣ, но и брошюрами. Онъ предпринялъ исторію «Евреевъ въ Англіи», по поводу своихъ усилій къ отмѣнѣ стѣснительной для нихъ присяги, но не кончилъ этого труда. Онъ упражнялся и въ стихахъ, даже французскихъ, но не печаталъ ихъ, и очень хорошо дѣлалъ. Литературнымъ занятіямъ онъ посвящалъ то время, которое болѣзнь отнимала у его парламентскихъ работъ. Болѣзнь его состояла въ хронической астмѣ—послѣдствіе сильной простуды, которую онъ получилъ въ 1845 году, осматривая понтоны, гдѣ содержатся арестанты, какъ членъ коммиссіи, назначенной для этого парламентомъ. Онъ неожиданно умеръ отъ удушья, 18 ноября 1861 года. Біографъ и сынъ его говорятъ, что либеральная партія дала ему прозваніе: honest Tom Duncombe. Онъ оставилъ дѣла свои дѣйствительно въ крайнемъ разстройствѣ.

Л. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Право пріобрѣтенія дворянскихъ вотчинъ въ Эстляндіи.—Празднованіе юбилея освобожденія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ.—Крестьянскій вопросъ и полемика по балтійскимъ дѣламъ.—Съѣздъ петербургскаго епархіальнаго духовенства.—Выборное начало среди духовенства.—Новый уставъ духовныхъ академій.—Нѣкоторыя стороны желѣзно-дорожнаго дѣла.—Наши дѣла на Востокѣ.—Измѣненіе въ судебныхъ уставахъ.

Государственная жизнь, съ того момента, когда она недовольствуется уже узкою программой непосредственныхъ стремленій къ увеличенію боевой и финансовой силы государства, а идетъ далѣе, сближается съ жизнью общественною, такъ сказать, «припадаетъ къ землѣ» и изъ этого прикосновенія почерпаетъ новую, органическую, истинную силу,—имѣетъ предъ собою двѣ постоянныя задачи. Одна изъ нихъ—проведеніе въ законодательство и политическую практику принципа гуманности, въ широкомъ смыслѣ, то-есть ставитъ себѣ главной цѣлью права гражданской личности и равновѣсіе правъ всѣхъ личностей въ ихъ совокупности; это есть положительная функція реформы. Другую задачу разумной реформы можно назвать отрицательною, въ смыслѣ относительномъ; это есть уничтоженіе всякаго рода внутреннихъ заставъ и шлагбаумовъ, за которыми скрываются неравноправность и отчужденіе, по бо́льшей части невыгодныя не только для стоящихъ передъ заставою, но и для тѣхъ, мнимыхъ счастливцевъ, которые стояли за нею. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, всякаго рода привилегіи, сословныя или мѣстныя, все равно. На привилегіяхъ, какъ дознано, не создается ничего прочнаго и имѣющаго реальное право на жизнь; держатся же за эти привилегіи обыкновенно по тому недоразумѣнію, по которому человѣку свойственно вообще держаться за нѣчто не всѣмъ доступное, пока онъ, наконецъ, не уяснитъ себѣ простой истины, что интересъ общества состоитъ въ общеніи, а не въ отчужденіи его членовъ, и что всякое отчужденіе вредно уже по-

тому, что вносить въ дѣятельность привилегированныхъ условія и обязательства искусственныя.

Въ прошломъ мѣсяцѣ намъ случилось говорить объ уничтоженіи, хотя и неполномъ, двухъ внутреннихъ заставъ: объ отмѣнѣ наслѣдственности духовнаго званія и наслѣдственной обязательности службы въ казачьихъ войскахъ. Теперь предстоитъ рушиться послѣдней заставѣ, отдѣлявшей право владѣнія землею въ Остзейскомъ краѣ отъ того же права во всей имперіи.

Недавно опубликовано утвержденное уже предположеніе о предоставленіи «лицамъ всѣхъ сословій христіанскихъ исповѣданій» пріобрѣтать на правѣ собственности дворянскія вотчины въ Эстляндской губерніи и на островѣ Эзелѣ. Въ дѣйствительности, дворянскія вотчины — Rittergüter — въ Остзейскомъ краѣ съ давнихъ поръ нерѣдко находились во владѣніи лицъ, не принадлежавшихъ къ дворянскому сословію этого края и даже вообще къ дворянству. Но это владѣніе, до послѣднихъ годовъ, называлось «пользованіемъ» на долгосрочныхъ контрактахъ. Отсюда происходило то ненормальное и совершенно-противуэкономическое явленіе, что надъ пріобрѣтателями такихъ вотчинъ постоянно тяготѣла не только отдаленная перспектива несогласія именного владѣльца на возобновленіе контракта, но и право выкупа владѣльцемъ уступленной въ пользованіе земли, при извѣстныхъ условіяхъ и, наконецъ — часто повторявшіеся слухи о предполагавшихся, будто бы, правительствомъ ограничительныхъ мѣрахъ относительно правъ такихъ долгосрочныхъ арендаторовъ. Намъ извѣстенъ примѣръ — и такихъ примѣровъ было вѣроятно не мало — что значительное имѣніе въ Курляндіи, на устройство котораго было потрачено много труда условнымъ собственникомъ его, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было переуступлено имъ именно подъ вліяніемъ одного изъ подобныхъ слуховъ, такъ какъ этому условно-собственнику естественно казалась непріятною перспектива, что имѣніе, имъ устроиваемое, можетъ нѣкогда быть выкуплено у его дѣтей по какой-нибудь фантастической цѣнѣ, которая согласовалась бы съ цѣною его купли, но никакъ не соотвѣтствовала бы цѣнѣ имѣнія въ томъ видѣ, въ какой онъ привелъ его изъ совершеннаго разоренія.

Само собою разумѣется, что такія условія должны были отражаться неблагопріятно прежде всего на цѣнности самыхъ же дворянскихъ вотчинъ въ Остзейскомъ краѣ, подобно тому, какъ запрещеніе лицамъ постороннимъ пріобрѣтать недвижимую собственность въ земляхъ Войска Донского отзывалось неблагопріятно на цѣнности этихъ земель, препятствовало приливу къ нимъ капиталовъ и разработкѣ.

Остзейское дворянство, въ числѣ прочихъ своихъ привилегій, не мало гордилось и этою «неотчуждаемостью изъ рыцарскаго сословія» дворянскихъ вотчинъ. Но пришло время, когда само мѣстное дворян-

ство, по крайней мѣрѣ относительно этой привилегіи, убѣдилось, что искусственная отчужденность можетъ быть невыгодна и для тѣхъ, кто стоитъ за завѣтною заставою. Ограничивая число покупщиковъ своими условіями, эта привилегія вредила конкурренціи, стало быть искусственно понижала цѣнность земли въ такихъ вотчинахъ. Съ 1866 года отмѣнены ограниченія права на пріобрѣтеніе этихъ вотчинъ въ губерніяхъ Курляндской и Лифляндской. Теперь наступила и для Эстляндіи съ Эзелемъ очередь освободиться отъ вредной привилегіи.

Дворянства эстляндское и эзельское сами постановили испросить законодательной отмѣны ея и разрѣшенія лицамъ всѣхъ «христіанскихъ» сословій пріобрѣтать въ этихъ мѣстностяхъ дворянскія помѣстья. Такимъ образомъ, то-есть по окончательной санкціи этого предположенія законодательнымъ путемъ, ограниченіе это будетъ уже отмѣнено во всемъ Остзейскомъ краѣ. Останется пожелать, чтобы остзейское дворянство, сознавъ на дѣлѣ, хотя въ одномъ случаѣ, невыгодность своей изолированности, провело и въ свои обычаи тотъ принципъ, который по его же иниціативѣ проведенъ въ законодательство. Мы говорили объ отношеніяхъ остзейскаго дворянства къ поселяющимся среди его землевладѣльцамъ другихъ сословій или хотя бы тоже дворянскаго, но не остзейско-дворянскаго сословія. Въ этомъ отношеніи остзейцамъ предстоитъ еще сдѣлать значительное усиліе, чтобы приблизиться къ обще-европейской современности; остзейское дворянство въ этомъ отношеніи принадлежитъ къ рѣдкимъ уже теперь исключеніямъ въ Европѣ вообще, и даже въ частности въ сѣверной Германіи. Съ остзейскимъ дворянствомъ въ кичливости едва ли сравняются даже дворянства мекленбургское и померанское. Остзейскій дворянинъ едва ли даже признаетъ дворяниномъ дворянина россійскаго.

Съ точки зрѣнія самыхъ геральдическихъ понятій можно оспаривать такія претензіи. Внесеніе имени въ «матрикулы» само по себѣ и по этимъ понятіямъ не можетъ сообщать никакого преимущества. «Рыцарское» происхожденіе остзейскаго дворянства не одинаково съ рыцарскимъ происхожденіемъ дворянства западной Европы, потому что остзейское рыцарство было католическое учрежденіе, прекратившееся съ паденіемъ католицизма въ краѣ, и орденское рыцарство наслѣдственнымъ не было. Но оставивъ въ сторонѣ подобныя архаическія, чтобы не выразиться рѣзче, данныя для спѣси, достаточно сдѣлать обращеніе къ здравому смыслу. Дѣльный, хотя и не «матрикулированный» человѣкъ, который употребитъ капиталъ на улучшеніе какой-нибудь дворянской вотчины въ Остзейскомъ краѣ — даже если бы онъ принадлежалъ и не къ христіанскимъ сословіямъ — навѣрное заслуживалъ бы болѣе почтенія, чѣмъ любой потомокъ цѣлой вереницы «рыцарей» крѣпостного права.

Все это старыя истины. Но желательно бы видѣть поскорѣе мѣст-

ное примѣненіе ихъ въ остзейскихъ нравахъ потому именно, что общественное положеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ изъ не-дворянъ, или дворянъ не-туземныхъ весьма незавидно, а недавно было даже просто нестерпимо: они положительно исключены изъ общества. На эту дикость нравовъ жалуются всѣ, кто только имѣлъ отношенія къ остзейскому юнкерству на мѣстѣ его произрастанія. На службѣ, въ имперіи, оно умѣетъ откладывать эту кичливость, но спрятавъ ее, бережетъ, какъ завѣтный клейнодъ и, возвратясь домой, является во всеоружіи независимаго матрикулярнаго величія и служебныхъ отличій, пріобрѣтенныхъ точнымъ исполненіемъ возложенныхъ обязанностей.

Прошлый мѣсяцъ ознаменовался въ Остзейскомъ краѣ празднованіемъ пятидесятилѣтія личнаго освобожденія крестьянъ въ 1819 году. Нѣкоторые изъ нашихъ органовъ печати сочли нужнымъ доказывать, что празднованіе этого событія не могло быть «народнымъ», что это было дѣло, задуманное остзейскими націоналами, подготовленное пасторами и шульмейстерами, что обычные нѣмецкіе концерты, происходившіе по этому поводу, не имѣютъ ничего общаго съ истинно-народнымъ ликованіемъ и т. п. Какъ будто трудящійся народъ когда-либо и гдѣ-либо занимается устройствомъ юбилеевъ! Очень вѣроятно, что огромное большинство латышей и эстовъ не только не помнятъ, какого именно числа и въ какомъ году состоялась мѣра личнаго освобожденія, но даже не отдаютъ себѣ яснаго отчета и въ послѣдствіяхъ, какія имѣла эта мѣра относительно правъ крестьянъ на пользованіе землею. Работающему люду некогда затверживать причины нынѣшняго, бѣднаго положенія. Крестьяне даже и въ лѣтосчисленіи-то весьма не тверды, такъ что почина въ юбилеяхъ отъ нихъ ожидать ужъ никакъ нельзя, да и участія въ празднествахъ ожидать трудно, развѣ по спеціальнымъ приглашеніямъ.

Другое дѣло вопросъ—было ли съ чѣмъ поздравлять себя эсто-латышскому населенію, при пятидесятилѣтней годовщинѣ освобожденія, въ томъ видѣ, какъ оно совершено въ 1819 году. На этотъ вопросъ не только русскіе, но и всякіе органы, которые только захотятъ заняться имъ, отвѣчали или должны будутъ отвѣчать не иначе, какъ отрицательно. Освобожденіе 1819 года было обезземеленіе. Но нѣмецкіе органы не любятъ заниматься этимъ вопросомъ. Книга г. Ширрена, о которой мы будемъ имѣть случай говорить, столь подробно и всесторонне трактующая о юридической особенности балтійскихъ провинцій, совсѣмъ устраняетъ вопросъ наиболѣе реальный, вопросъ о положеніи огромнаго большинства населенія въ краѣ, и о тѣхъ результатахъ, какіе имѣла нѣмецкая культура для преуспѣянія этого большинства. При такомъ самоустраненіи г. Ширрена отъ этого вопроса первымъ возраженіемъ ему само собою представляется именно онъ: если край провозглашаютъ нѣмецкимъ на томъ основаніи, что нѣмец-

кій элементъ создалъ его культуру, то-есть его матеріальное и нравственное развитіе, то этотъ аргументъ обращается прямо противъ самого тезиса, какъ только будетъ доказано, что большинство населенія нѣмецкою культурою воспользовалось мало, а въ текущемъ столѣтіи вмѣсто развитія, пошло назадъ въ матеріальномъ отношеніи.

Крестьяне до 1819 года безспорно пользовались землею, а съ тѣхъ поръ, если желаютъ упрочить за собою осѣдлость, должны землю эту покупать. Не говоря уже о той бѣдственной перемѣнѣ, какую произвело въ положеніи балтійскихъ крестьянъ обезземеленіе, о томъ непрочномъ пользованіи хозяйствомъ, въ какое оно поставило крестьянъ, и самая возможность выкупа земли отъ помѣщиковъ была крайне ограничена. Это доказывается фактомъ, что съ 1819 года по настоящее время въ Эстляндіи изъ 750 тысячъ десятинъ земли не болѣе 8,000 дес. перешли во владѣніе крестьянъ. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о недостаточности средствъ крестьянъ, объ отсутствіи у нихъ сбереженій, такъ какъ первое употребленіе, какое крестьяне, гдѣ бы то ни было, дѣлаютъ изъ своихъ сбереженій, если имѣютъ возможность осуществить сбереженія, это—покупка обработываемой ими для себя земли. Результатомъ экономической перемѣны, происшедшей въ 1819 году, когда, подъ предлогомъ добровольной уступки своей крѣпостной власти надъ людьми, остзейскіе помѣщики выхлопотали себѣ окончательную отмѣну всѣхъ ограниченій ихъ права распоряжаться землею, было то, что даже это, изъ вѣка въ вѣкъ забитое и пріученное къ терпѣнію населеніе стало искать чрезвычайнаго пути для выхода изъ такого положенія. Религіозное движеніе сороковыхъ годовъ, какъ сознаются сами нѣмецкіе авторы—ошибочно полагая, что этимъ они уменьшаютъ значеніе этого факта — побуждались стремленіями болѣе экономическаго, чѣмъ религіознаго свойства. Нѣмецкіе авторы видятъ въ этомъ осужденіе самого факта, который представляется такимъ образомъ какъ неискреннее религіозное движеніе. Но фактъ движенія въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаетъ еще гораздо бо́льшее значеніе.

Пусть этотъ несчастный народъ въ самомъ дѣлѣ, какъ утверждаютъ нѣмецкіе публицисты, не имѣлъ причинъ отрекаться отъ своей вѣры, не былъ даже знакомъ съ догматами того исповѣданія, въ которое обращался; пусть его побуждали только фальшивые слухи о предстоящемъ надѣленіи казенною землею тѣхъ, кто обратится въ православіе; пусть будетъ правда, что впослѣдствіи, когда ложные слухи не оправдались, множество обратившихся впали въ отчаяніе, отягощенное еще угрызеніями совѣсти.... Пусть все было такъ, какъ описываютъ нѣмецкіе публицисты. Но противъ кого же долженъ служить тотъ обвинительный фактъ, который они слагаютъ изъ удостовѣряемыхъ ими обстоятельствъ? Они предъявляютъ его противъ православнаго духовенства. Но не очевидно ли, что обвиненіе это па-

даетъ именно на безвыходное экономическое положеніе крестьянъ и на виновниковъ этого положенія. Если крестьяне отвращались отъ лютеранства и переходили въ православіе единственно по религіозному убѣжденію — чему вѣроятно были также примѣры — то это свидѣтельствовало бы только противъ расположенія этого народа къ догматамъ и обрядамъ лютеранскаго исповѣданія. Но вины тутъ не было бы ничьей, учили ихъ религіи нѣмцы, и естественно учили вѣрѣ своей. Не ихъ вина, если эсты и латыши почувствовали болѣе влеченія къ вѣрѣ православной.

Но если крестьянское населеніе стало обращаться массами въ господствующую въ имперіи вѣру не по искреннему религіозному убѣжденію, а по причинѣ бѣдственности своего положенія, какъ то утверждаютъ нѣмецкіе писатели, то вся та вина, которую они такъ страстно изображаютъ — падаетъ на создавшихъ бѣдственное, безземельное и притомъ все-таки закрѣпощенное положеніе крестьянъ.

Въ этомъ отношеніи, движеніе сороковыхъ годовъ еще не сказало своего послѣдняго слова. Въ новѣйшее время оно отразилось въ страсти къ переселенію, объявшей эстовъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за первые четыре мѣсяца нынѣшняго года, изъ Эстоніи переселилось въ Россію болѣе 4,000 крестьянъ.

Мы говоримъ объ обезземеленіи, которое было послѣдствіемъ «освобожденія» крестьянъ въ 1819 году. Но велико ли было наконецъ значеніе и самаго этого освобожденія, въ смыслѣ правъ крестьянской личности? Само собою разумѣется, что уже самое обезземеленіе отвращало возможность дѣйствительной независимости крестьянъ. Но и самыя положенія 1819 года, и дополнившая ихъ впослѣдствіи юридическая и административная практика оставляли помѣщику, въ жизни повседневной, почти полный произволъ. Патримоніальная юстиція уничтожена не была; помѣщичья контора сохранила даже право тѣлеснаго наказанія крестьянъ. Постановленія призрачнаго мірского скода не имѣли силы безъ утвержденія помѣщичьей власти; паспорты крестьянамъ выдавались помѣщичьею же конторою. Если присоединить къ этому предоставленное помѣщикамъ право увольнять отъ рекрутскаго набора извѣстный процентъ крестьянъ безусловно, а изъ остальныхъ любого посредствомъ передачи ему усадьбы, то окажется, что крестьянинъ, по прежнему, совершенно зависѣлъ отъ помѣщика. Не забудемъ, что всѣ отношенія крестьянскаго общества къ администраціи и администраціи къ крестьянскимъ обществамъ происходили чрезъ посредство помѣщичьей конторы.

Стóило ли покупать такое «освобожденіе» потерею права на землю? Конечно — нѣтъ, и никакая аргументація, никакія нареканія нѣмецкой печати на какія бы то ни было мѣры администраціи въ балтійскомъ краѣ или на какія бы то ни было выходки русскихъ газетъ —

не могутъ изгладить слѣдующаго неопровержимаго факта: освобожденіе 1819 года, какъ оно обусловилось тогдашними положеніями и истолковалось практикой, обнаруживаетъ только чистую помѣщичью спекуляцію; плодомъ этой спекуляціи явилось невыносимое положеніе крестьянъ, заставившее ихъ обращаться къ путямъ чрезвычайнымъ для выхода изъ этого положенія. Исторія крестьянскаго дѣла въ балтійскомъ краѣ, какъ и вся исторія отношеній нѣмецкихъ колонистовъ къ туземному населенію есть не что иное, какъ рядъ насилій и хитростей, направленныхъ къ эсплуатаціи.

Мы не касаемся вопроса о германизаціи или руссификаціи латышей и эстовъ. Вопросъ этотъ, который нѣмцы ставятъ на первомъ планѣ, только ведетъ къ пререканіямъ и спорамъ, въ которыхъ, если хотите, правы обѣ стороны, потому что по этому вопросу ничего доказать нельзя, а рѣшить его можетъ только время. Народъ самъ обратится къ той нравственной силѣ, которая успѣетъ пріобрѣсть его сочувствіе, и вопросъ о національности рѣшится сообразно тому, кто поведетъ эстовъ и латышей впередъ, кто выведетъ ихъ изъ бѣдственнаго положенія, а не сообразно тому, на какомъ языкѣ будутъ издаваться губернскія вѣдомости. Мы не касаемся этого вопроса еще и потому, что желаемъ избѣжать всякаго произвольнаго положенія, а тѣмъ болѣе оскорбительной выходки противъ какой бы то ни было національности, или низкаго заподозриванія въ измѣнѣ или противозаконныхъ стремленіяхъ— какія, къ сожалѣнію, нерѣдко бросаются въ этихъ спорахъ и притомъ бросаются обѣими сторонами.

Все это только затемняетъ главное дѣло. Вопросъ стоитъ выше личностей и корпорацій, не говоря уже о томъ, что всякое дѣло между порядочными людьми стоитъ выше низостей. Вопросъ въ томъ, что положеніе большинства балтійскаго населенія бѣдственно, что бѣдственность его въ значительной степени обусловлена именно существующими порядками, и что эти-то порядки, которые характеризуются однимъ словомъ: «обезземеленіе», необходимо отмѣнить. Пусть нѣмецкіе публицисты доказываютъ сколько угодно, что Остзейскій край принадлежитъ нѣмецкой культурѣ; мы искренно преклоняемся передъ нѣмецкою культурою и передъ всѣмъ тѣмъ, въ чемъ дѣйствительно отражается *культура*. Но странно было бы все то, что ни сдѣлали, ни учредили нѣмцы гдѣ бы то ни было, относить къ нѣмецкой культурѣ. Ни биронскихъ порядковъ у насъ въ Россіи, ни мекленбургскихъ порядковъ, ни крестьянскихъ порядковъ въ Остзейскомъ краѣ мы относить къ ней не можемъ, не можемъ потому именно, что уважаемъ и нѣмецкую культуру и прежде всего — здравый смыслъ.

Это было бы подражать тѣмъ нѣмецкимъ писателямъ, которые, разбирая балтійскій вопросъ, постоянно распространяются о жестокости

Ивана Грознаго; какъ будто несомнѣнною жестокостью Грознаго можно доказать невозможность надѣленія балтійскихъ крестьянъ землею.

Нынѣшнее неудержимое стремленіе эстовъ къ переселенію доказываетъ, что балтійскій народъ поставленъ въ необходимость искать себѣ исхода изъ нынѣшняго положенія и будетъ искать его тѣмъ или инымъ чрезвычайнымъ путемъ. Такъ или иначе, это обстоятельство предполагаетъ пожертвованія со стороны Россіи въ пользу остзейскихъ землевладѣльцевъ. Надѣленіе балтійскихъ крестьянъ землею внутри имперіи, подавленіе русскими солдатами возможныхъ смутъ среди искони обижаемаго народа, охраненіе ими привилегій и нѣмецкихъ помѣщиковъ, которые ими пользуются — всѣ эти чрезвычайныя мѣры, во-первыхъ, сами по себѣ ненормальны и только палліятивны по значенію. Во-вторыхъ, онѣ сопряжены съ дѣйствительною жертвою со стороны Россіи, съ пожертвованіями и землями, и людьми и — справедливостью.

На какомъ основаніи Остзейскія губерніи могутъ ожидать отъ Россіи этой жертвы, если онѣ — какъ намъ доказываютъ — собственность нѣмецкой расы, нѣмецкое владѣніе на вѣки, не имѣющее ничего общаго съ русскимъ народомъ?

Вотъ почему единственный исходъ, сообразный и съ справедливостью, и съ раціональнымъ, то-есть кореннымъ воспособленіемъ большинству балтійскаго населенія, и съ общими законами, дѣйствующими нынѣ по всѣмъ окраинамъ имперіи, независимо отъ всякихъ привилегій, которыя всегда подлежатъ отмѣнѣ, насколько онѣ даны въ ущербъ третьяго лица, единственный и неизбѣжный исходъ, говоримъ мы, есть — примѣненіе къ Остзейскому краю положенія 19 февраля 1861 года, въ его общемъ, благодѣтельномъ принципѣ.

Разбирая отчетъ г. оберъ-прокурора св. синода, то-есть тѣ извлеченія изъ отчета, которыя были опубликованы, мы съ удовольствіемъ останавливались на мысли о примѣненіи къ духовной администраціи начала выборнаго, къ которому самый отчетъ высказывалъ сочувствіе. Недавно коснувшись общаго положенія нашего духовенства, мы указали между прочимъ на ту темную сторону его быта, которая представляется смѣшеніемъ въ духовной администраціи всѣхъ функцій власти, то-есть полнаго подчиненія духовнаго лица непосредственному его начальнику, который, говорили мы, для подчиненныхъ своихъ не только высшее должностное лицо, но и наставникъ, и судья. Совершенная изолированность духовной среды, говорили мы еще, даетъ поводъ допускать мысль о возможности злоупотребленій, прикрываемыхъ безгласностью дѣлопроизводства и полнымъ произволомъ начальниковъ надъ подчиненными.

И эти истины не новы. Но чѣмъ болѣе истина, не осуществленная еще въ законодательствѣ или общественномъ устройствѣ, вообще уяс-

жилась и утвердилась въ сознаніи общества, тѣмъ чаще и неотвязчивѣе должна она являться на свѣтъ, формулируясь въ слово общественной потребности.

Нынѣшній съѣздъ духовенства петербургской епархіи самымъ убѣдительнымъ образомъ обнаружилъ, что общая мысль о невыгодности и несовременности дальнѣйшаго лишенія духовенства тѣхъ живительныхъ началъ самоуправленія и гласности, которыя постепенно входятъ въ бытъ всего общества, какъ нельзя лучше сознается самимъ духовенствомъ. Нынѣшній съѣздъ представилъ явленіе новое и въ высшей степени сочувственное. Члены его выступили съ обдуманнымъ, зрѣлымъ, строго законнымъ и очень рѣшительнымъ словомъ въ защиту необходимости проведенія въ бытъ духовенства началъ выборнаго управленія и общественнаго контроля. Рѣчи оо. Никольскаго и Морошкина, если на нихъ смотрѣть безотносительно, не представляютъ ничего необыкновеннаго; это просто дѣльныя и убѣдительныя заявленія двухъ членовъ сословія о нуждахъ этого сословія и о необходимости устраненія нѣкоторыхъ безпорядковъ.

Но такъ глуха, такъ непроходимо безгласна, безотвѣтна была та среда, въ которой раздались эти голоса, такъ опутана она издревле всѣми тѣми узами, которыя устраняютъ возможность всякаго независимаго шага, всякой ссылки на несомнѣнную возможность злоупотребленій, — что въ рѣчахъ этихъ почтенныхъ членовъ съѣзда можно видѣть настоящій гражданскій подвигъ. Онѣ представляютъ драгоцѣнное гласное свидѣтельство о томъ положеніи дѣлъ, которое и прежде было всѣмъ извѣстно; а неограниченное сочувствіе, какимъ слова эти были встрѣчены всѣмъ собраніемъ, доказываетъ, что всѣ тѣ порядки, которые оо. Никольскій и Морошкинъ иллюстрировали примѣрами, давно тяготѣли на душѣ каждаго изъ присутствовавшихъ, и быть можетъ не одинъ разъ и не одного изъ нихъ приводили въ горькое раздумье, ломали его энергію, его желаніе служить обществу по чистой совѣсти и по мѣрѣ силъ.

Это взиманіе трехрублеваго налога съ лицъ духовнаго званія, въ числѣ которыхъ много недостаточныхъ, въ то время, когда домъ, который могъ бы приносить тысячъ двадцать, отдается внаймы за шесть тысячъ; это преобладаніе секретаря въ дѣлахъ, идущихъ на усмотрѣніе высшей власти; это произвольное распоряженіе столичныхъ протопоповъ церковнымъ имуществомъ; эта невозможность какой бы то ни было аппелляціи въ случаѣ нежеланія содѣйствовать неправильнымъ поступкамъ прямого начальника; эти 700-рублевые обѣды на церковныя суммы, когда съ бѣднаго сельскаго священника взимаютъ столько налоговъ, то прямымъ, то косвеннымъ путемъ, въ видѣ обязательныхъ подписокъ, — какая яркая и доказательная картина невозможности поддерживать далѣе старую систему. «Что мо-

жетъ сдѣлать священникъ своимъ протестомъ противъ своего настоятеля, когда онъ встрѣчаетъ послѣдняго на всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ», сказалъ о. Морошкинъ; «настоятель есть и доносчикъ на священника, въ качествѣ благочиннаго, и слѣдователь, какъ членъ консисторіи, назначающей слѣдователей надъ протестомъ, и судья его, тоже въ качествѣ члена консисторіи. Да даже, еслибъ настоятель не былъ членомъ консисторіи и благочиннымъ, то и тогда протестъ священника встрѣтилъ бы неблагосклонный пріемъ, какъ у благочиннаго, который, по большей части, самъ настоятель церкви и повиненъ въ тѣхъ же грѣхахъ, такъ и въ консисторіи, гдѣ сидятъ, по большей части, или настоятели, или благочинные, или близко стоящіе къ этимъ должностямъ, и гдѣ всячески отстаивается принципъ настоятельскій, въ видахъ поддержанія *порядка* и *субординаціи* въ причтѣ».

Да, таковъ дѣйствительно преобладающій въ духовномъ управленіи принципъ: порядокъ и субординація и безапелляціонность прежде всего; затѣмъ правило — «не выносить сора изъ избы». Естественно, что при такихъ правилахъ изъ избы можно вынести *все*, лишь бы не выносить изъ нея соръ. И вотъ, оказывается, что бывали случаи когда богатѣйшія приходскія церкви не имѣли средствъ купить дровъ, для отопленія!

Спрашивается теперь, не будетъ ли сочтено иными членами духовнаго сословія и настоящее открытое заявленіе о нуждахъ духовенства, за непозволительное вынесеніе сора изъ избы, которое можетъ пошатнуть въ обществѣ уваженіе къ духовному сану, а затѣмъ къ церкви и такъ далѣе — вплоть до полнаго торжества «безвѣрія и разврата», которымъ обыкновенно пугаютъ приверженцы потемокъ. Но такія лица изъ духовенства, еслибъ они нашлись, разсуждая подобнымъ образомъ, показали бы, что они совершенно не знаютъ или не хотятъ знать того мнѣнія о хозяйственныхъ порядкахъ нѣкоторыхъ частей церковнаго управленія, которое искони установилось у насъ во всемъ народѣ. Факты, указанные оо. Никольскимъ и Морошкинымъ, ничего не прибавляютъ къ такому твердо установившемуся въ народѣ убѣжденію, убѣжденію, которое притомъ подтверждается личнымъ опытомъ каждаго, кому только приходилось имѣть дѣло съ низшею и второстепенною духовною администраціею. А кому же не приходилось имѣть съ нею дѣло? Возьмемъ простой примѣръ. Смѣло можно сказать, что нѣтъ въ Россіи ни одного человѣка знающаго, чтó такое метрическое свидѣтельство и что свидѣтельства эти утверждаются въ консисторіяхъ, который бы не былъ убѣжденъ — какъ въ томъ, что дважды два четыре — въ томъ фактѣ, что удостовѣренія метрическаго свидѣтельства, то-есть самой простой административной операціи, требующей получаса времени — нельзя добиться ранѣе

какъ *черезъ годъ* послѣ подачи о томъ прошенія, если ограничиться подачею только прошенія.

Насколько же могутъ заявленія, подобныя тѣмъ, о которыхъ мы говоримъ, уронить чей бы то ни было авторитетъ? Объ этомъ нельзя и говорить серьёзно, или лучше сказать — это можно утверждать только не искренно, это могутъ утверждать тѣ, кому не столько дорого истинное положеніе дѣла передъ общественнымъ мнѣніемъ, сколько оставленіе самаго дѣла въ его исконномъ положеніи.

Предстоитъ ли надобность доказывать, что такъ какъ безобразіе нынѣшнихъ порядковъ бросается въ глаза на каждомъ шагу, и возможность злоупотребленій не только предполагается общественнымъ мнѣніемъ, въ видѣ какой-нибудь смѣлой, пожалуй, вольнодумной ипотезы, но положительно сознается всѣмъ обществомъ на безпрестанномъ опытѣ, то открытое указаніе на эти злоупотребленія со стороны людей изъ самого духовенства можетъ принесть только пользу этому сословію? Развѣ неизвѣстно, что нынѣ народъ относитъ темныя стороны второстепеннаго и низшаго духовнаго управленія прямо къ самому сословію духовенства, объясняя эти темныя стороны характеромъ, даже наслѣдственными свойствами сословія? И когда среди его встаютъ благонамѣренные люди и говорятъ: вина въ этихъ злоупотребленіяхъ должна падать на систему управленія; при такой системѣ, каковы бы ни были люди, лучшихъ порядковъ и быть не можетъ; гдѣ царствуютъ произволъ, безконтрольность, молчаніе — тамъ нѣтъ простора для добрыхъ намѣреній, тамъ должны глохнуть чистыя побужденія, — когда такъ говорятъ люди изъ самого духовенства, разумно ли было бы отвергать это и видѣть въ ихъ указаніяхъ на злоупотребленія посягательство на характеръ духовенства? Утверждать, что не существующая система виновата въ злоупотребленіяхъ, которыхъ скрыть нельзя, не значило-ли бы утверждать, что эти темныя стороны обусловлены именно самимъ характеромъ духовенства, тѣми наслѣдственными его свойствами, о которыхъ въ народѣ ходятъ поговорки?

Дѣло слишкомъ ясно и распространяться объ этой сторонѣ его, то-есть о томъ, какъ должны быть приняты заявленія членовъ петербургскаго съѣзда духовенствомъ вообще и духовнымъ начальствомъ въ особенности, не стоило бы, еслибы мы не имѣли въ виду уже готовыхъ возраженій въ этомъ смыслѣ, заявленныхъ въ печати, однимъ изъ членовъ того же съѣзда, именно священникомъ Образцовымъ. Онъ выразилъ опасеніе, чтобы «эти ораторы» (оо. Никольскій и Морошкинъ) своими «не безъ жолчи высказанными рѣчами не оказали духовенству медвѣжьей услуги»; «чтобы пріемомъ своимъ не сдѣлали непріятнымъ начальству то, что оно и само, безъ сомнѣнія, считаетъ прекраснымъ (т. е. выборное начало), а мы между тѣмъ ищемъ этого

чрезъ укоръ начальству.» Вотъ въ виду такихъ-то толкованій, мы и считаемъ обязанностью свѣтской печати разъяснять самому духовенству его положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ. «Медвѣжьею» услугою могутъ быть никакъ не указанія на систему, какъ виновницу зла, потому что систему легко измѣнить; «медвѣжьею» услугою скорѣе можно бы назвать именно тотъ пріемъ, который состоялъ бы въ оправданіи существующей системы, потому что тогда оказывающіеся недостатки могли бы быть объясняемы только самымъ характеромъ духовенства и относимы къ нравственной винѣ его самого.

О. Образцовъ, въ другомъ мѣстѣ, заявляя, что онъ самъ «весь въ пользу выборнаго начала и желаетъ его, быть можетъ больше, чѣмъ тѣ ораторы, которые потому только и возвышаютъ голосъ о немъ, что видятъ злоупотребленія при теперешнемъ порядкѣ выборовъ (т. е. не выборовъ, а просто назначеній) на различныя должности въ духовенствѣ». «Чтобы видѣть осуществленіе этого начала на дѣлѣ въ нашемъ духовенствѣ», говоритъ еще о. Образцовъ, «для этого рѣшительно нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ громогласнымъ рѣчамъ о какихъ-то (!) злоупотребленіяхъ со стороны лицъ, поставленныхъ на тѣ или другія должности епархіальнымъ начальствомъ и только выходя отъ этихъ злоупотребленій требовать отмѣны стараго начала, какъ сдѣлали это оо. Никольскій и Морошкинъ, которые тѣмъ самымъ только ограничили важность (!) той мысли, которую они такъ энергично проводятъ. А что̀ если и при выборномъ началѣ останутся тѣ-же злоупотребленія? Ужели выборное начало тогда нужно будетъ признать не лучшимъ стараго начала? Уже ли мы должны будемъ разочароваться въ его важности, если оно не приведетъ къ тѣмъ результатамъ, для достиженія которыхъ мы подняли о немъ рѣчь? Нѣтъ, какъ дѣйствительно лучшее по дознанному опыту, оно будетъ всегда хорошо, а слѣдовательно и искать его нужно, основываясь на его внутреннемъ достоинствѣ, а не на злоупотребленіяхъ, которыя, можетъ статься, вовсе не отъ того и происходили, что не было въ обычаѣ выборное начало». Далѣе, о. Образцовъ оговаривается даже, что злоупотребленія, о которыхъ шла рѣчь, требуютъ еще доказательства.

Спрашивается, кто тутъ оказываетъ духовенству «медвѣжью» услугу? Если злоупотребленія происходятъ не отъ системы, то отчего же они происходятъ и къ чьей винѣ относятся? Если и по примѣненіи къ духовенству выборнаго начала, то-есть послѣ предоставленія самому духовенству назначать на должности лучшихъ людей изъ своей среды, оказались бы прежнія злоупотребленія — возможность чего о. Образцовъ, повидимому, допускаетъ — то не значило ли бы это, что духовное сословіе просто нравственно-несостоятельно, что поручить должность лучшимъ людямъ оно не умѣетъ или не хочетъ? Если люди будутъ тѣ же, и злоупотребленія могутъ быть тѣ же. «Вну-

треннее достоинство» выборнаго начала въ томъ и состоитъ, что на должность попадутъ не всѣ тѣ лица, которыя нынѣ «поставлены епархіальнымъ начальствомъ». Желательно бы знать, какое же еще внутреннее достоинство можетъ имѣть выборное начало, кромѣ того, что люди будутъ иные, и злоупотребленія прекратятся, и надо имѣть слишкомъ невыгодное мнѣніе о всемъ составѣ духовенства, чтобы думать иначе.

Еще любопытнѣе было бы знать, почему же выборное начало будетъ лучше стараго, если бы при немъ злоупотребленія не прекратились и почему же «разочаровываться въ его важности», если бы оно «не привело къ тѣмъ результатамъ, для достиженія которыхъ поднята о немъ рѣчь»?

Въ словахъ о. Образцова много такого, чего мы разбирать не станемъ; «желчи и укора начальству», которыя онъ примѣтилъ въ откровенномъ заявленіи о злоупотребленіяхъ, обусловленныхъ безобразною системою, уничтожающею и всѣ благія предначертанія начальства — мы, люди свѣтскіе, въ этихъ рѣчахъ не видимъ. По этой логикѣ, губернскаго прокурора слѣдовало бы признавать оффиціальнымъ врагомъ правительства, и въ апелляціи прокурора суда на неправильное судебное рѣшеніе — видѣть посягательство на авторитетъ суда.

Напомнимъ только, что безъ указанія на злоупотребленія, истекающія изъ старой системы, невозможно было обойтись въ доказательствѣ необходимости ея замѣны системою, которая основана на иномъ принципѣ. Съѣздъ епархіальнаго духовенства не есть митингъ дилеттантовъ, которые постановляютъ общія рѣшенія, безъ фактическаго повода, и провозглашаютъ принципы «по внутреннему ихъ достоинству», не выводя необходимости ихъ примѣненія изъ дѣловой практики, изъ непосредственныхъ, дѣйствительныхъ случаевъ, касающихся дѣлъ опредѣленнаго управленія. Съѣздъ епархіальнаго духовенства занимается не выработкою и провозглашеніемъ общихъ принциповъ, и всѣ разсужденія его, имѣя практическій, дѣловой характеръ, должны основываться на томъ наличномъ матеріалѣ, который представляется дѣлами его округа.

Въ хронику крупныхъ фактовъ прошлаго мѣсяца мы должны занесть еще одну новость, важную для духовенства, именно окончательное утвержденіе новаго устава православныхъ духовныхъ академій. Въ свое время мы говорили о проектѣ этого устава. Въ томъ видѣ, какъ онъ подвергся теперь утвержденію, изъ учебной программы, опредѣляемой проектомъ, исключены нѣкоторые предметы, не входящіе въ кругъ спеціальныхъ познаній, необходимыхъ богословамъ и проповѣдникамъ. Разбирая прежде проектъ устава, мы обратили вниманіе на оправдывавшуюся и въ этомъ случаѣ склонность нашихъ учебныхъ про-

граммъ къ невозможной и непрактичной всеобъемлемости. Исключеніе изъ программы преподаванія въ академіяхъ предметовъ не-спеціальныхъ, имѣетъ значеніе не только по отношенію къ удобству преподованія въ нихъ самихъ. Духовныя академіи, по уставу, имѣютъ двѣ цѣли: доставлять высшее богословское образованіе и приготовлять преподавателей для духовно-учебныхъ заведеній. Вотъ, въ виду этой-то послѣдней цѣли, въ учебную программу академій и были сперва включены нѣкоторые предметы общаго образованія и въ этомъ-то именно смыслѣ и слѣдовало опровергать необходимость такого включенія; такъ какъ ясно, что не предстоитъ необходимости, чтобы въ семинаріяхъ даже математика преподавалась непремѣнно монахами или лицами, получившими богословское образованіе. Это исходило изъ принципа корпоративной замкнутости, и пріятно видѣть, что мысль эта въ настоящемъ случаѣ не прошла.

Новымъ уставомъ, (который будетъ введенъ въ петербургской и кіевской академіи), эти высшія духовныя училища получаютъ устройство, сходное съ устройствомъ университетовъ: раздѣленіе на факультеты, совѣтъ, ректоръ изъ профессоровъ, уравненіе академическихъ профессоровъ съ университетскими въ содержаніи и т. п. Все это можно признать практичнымъ, потому что даже нашъ университетскій уставъ, несмотря на всѣ его несовершенства, для духовныхъ академій составляетъ важный прогрессъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что примѣненію выборнаго начала въ духовномъ управленіи на этотъ разъ не вполнѣ посчастливилось: ректоры академій не будутъ избираемы совѣтами, а назначаемы и притомъ непосредственно самимъ синодомъ. Почему совѣтъ духовной академіи не будетъ имѣть права избирать ректора, какъ избираютъ своихъ ректоровъ совѣты семинарій — объяснить не легко. Правда, оговорено, что синодъ будетъ избирать ректоровъ академій изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своими достоинствами и имѣющихъ степень доктора богословія. Но вѣдь достаточно было ограничить этими условіями выборъ ректоровъ и затѣмъ предоставить избраніе ихъ совѣтамъ, которые будутъ избирать инспекторовъ. Здѣсь уставъ, очевидно, сдѣлалъ уступку принципу бюрократической субординаціи, бюрократической, а не истинной, такъ какъ можно ли сказать вообще, чтобы среди ученаго, да и всякаго сословія, начальникъ, облеченный авторитетомъ общественнаго избранія, имѣлъ менѣе нравственной, то-есть дѣйствительной силы и значенія, чѣмъ начальникъ, поставленный хотя бы высшимъ административнымъ мѣстомъ?

Для снабженія второстепенныхъ духовныхъ училищъ наставниками, въ академіяхъ полагаются казеннокоштные студенты, съ обязательною службою потомъ по духовно-учебной части по полутора года за годъ слушанія ими курса въ академіи. Не пора ли оставить систему казеннокоштнаго образованія съ обязательною службою? Не вѣрнѣе ли до-

стигалась бы цѣль посредствомъ увеличенія учительскихъ окладовъ въ семинаріяхъ, если и нынѣшніе оклады недостаточны для привлеченія способныхъ, людей? Одно изъ двухъ: или магистръ будетъ состоять при семинаріи добровольно, тогда нѣтъ причины обязывать его срокомъ; или онъ будетъ учить потому только, что прикрѣпленъ къ учебному вѣдомству, и будетъ служить шесть лѣтъ только для Рахили, которая въ настоящемъ случаѣ представляется выгоднымъ приходомъ! Мало можно ожидать пользы для учебнаго дѣла въ послѣднемъ случаѣ. Вообще же говоря, съ филологическимъ институтомъ и духовными академіями, едва ли у насъ государство ужъ не слишкомъ много будетъ приплачивать на безвозмездное развитіе элоквенціи, въ то самое время, когда мы жалуемся, что на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ незамѣтно даже русскаго просторѣчія.

Включеніе оговорки относительно безплатной перевозки почты въ концессію либавской желѣзной дороги, повторилось въ обнародованныхъ за прошлый мѣсяцъ проектахъ новыхъ концессій. Сверхъ того, обнародовано новое постановленіе, которое должно придать болѣе единства перевозкѣ почты по желѣзнымъ дорогамъ. Управленіе этою перевозкою сосредоточено въ почтовомъ департаментѣ, а линіи дорогъ будутъ раздѣлены на участки, изъ которыхъ каждый, завися непосредственно отъ департамента, будетъ распоряжаться отправленіемъ почты по желѣзной дорогѣ своего участка. По этому поводу учреждается новый штатъ почтовыхъ чиновниковъ, ихъ помощниковъ, разъѣздныхъ и такъ далѣе. Надо надѣяться, что эта мѣра будетъ содѣйствовать болѣе исправному достиженію и періодическихъ изданій въ будущемъ году. Новый штатъ сопряженъ съ новымъ расходомъ въ 17 тысячъ рублей и нѣтъ повода сомнѣваться, что этотъ новый расходъ вознаградится успѣхомъ самаго дѣла и что въ послѣдующіе года мы не увидимъ въ почтовомъ управленіи несовсѣмъ нормальнаго факта одновременнаго увеличенія средствъ самаго управленія и возложенія имъ части работы по почтовой пересылкѣ на постороннихъ лицъ, не говоря уже о возвышеніи платы за пересылку журналовъ, которая если въ нынѣшнемъ году и объясняется недоразумѣніемъ, то въ будущемъ году едва-ли достаточно будетъ оправдываться тѣмъ же основаніемъ.

Но относительно самаго сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ остается еще сдѣлать важное соглашеніе, именно соглашеніе о прямомъ сообщеніи по разнымъ линіямъ. По слуху, предполагается собраніе уполномоченныхъ отъ желѣзно-дорожныхъ обществъ, съ цѣлью установить соглашеніе по этому предмету. Перегрузка товаровъ, часто съ огромною потерею времени, до сихъ поръ положительно не дозволяетъ промышленникамъ разсчитывать на такой маршрутъ товаровъ, который включаетъ линіи разныхъ компаній. Объ удешевленіи товарнаго дви-

женія при избѣжаніи такой перегрузки нечего и говорить. Остается пожелать, чтобы проектъ этотъ скорѣе осуществился и чтобы уполномоченные различныхъ обществъ имѣли въ виду при соглашеніи не кратковременныя, исключительныя выгоды, а конечный результатъ, который будетъ заключаться въ усиленіи товарнаго движенія по всѣмъ линіямъ вообще, вслѣдствіе такой мѣры.

Публикація нормальныхъ концессій въ видѣ кондицій для конкурса продолжается. Въ числѣ вновь опубликованныхъ концессій упомянемъ одну, по которой никакой гарантіи правительствомъ дохода не полагается, именно о концессіи на скопинскую дорогу. Любопытно будетъ видѣть, достанется ли эта концессія директору скопинскаго банка, и присоединится ли къ одному смѣлому предпріятію другое смѣлое предпріятіе.

Въ настоящее время, въ ходѣ желѣзно-дорожнаго дѣла у насъ мы видимъ только факты самаго благопріятнаго свойства: конкурренція на концессіи большая, приливъ иностранныхъ капиталовъ продолжается, цѣны на желѣзно-дорожныя бумаги, на нашей биржѣ, благодаря необыкновенно развившейся спекуляціи, держатся высоко, причемъ доказательствомъ спекулятивнаго элемента въ ихъ биржевой цѣнности служитъ именно то обстоятельство, что особенно хорошо стоятъ тѣ бумаги, которыхъ выпущено менѣе. Все это — явленіе отраднаго свойства и на горизонтѣ желѣзно-дорожнаго дѣла не показалось еще ни облачка. Но среди всего этого благополучія не надо упускать изъ виду, что важнѣе прилива иностранныхъ капиталовъ и цѣнности бумагъ — качество самой постройки желѣзныхъ дорогъ. То — явленія временныя, золотой дождь можетъ высохнуть также скоро, какъ быстро онъ выпалъ; но каково будетъ бѣдствіе, если современемъ наши желѣзныя дороги, при системѣ раздѣленія постройки ихъ и окончательнаго владѣнія ими окажутся построенными наскоро, построенными плохо? Уже доходятъ порой слухи, что «американская» система постройки дорогъ успѣла акклиматизироваться у насъ; что при постройкѣ ихъ первую и важнѣйшую роль играетъ *срокъ*; что строителями даже назначаются огромныя преміи за окончаніе работъ къ извѣстному сроку во что̀ бы то ни стало. Естественно, что при такихъ преміяхъ всѣ строители, то-есть и младшіе и старшіе, обязанные наблюдать за младшими, заинтересованы въ окончаніи *всей* линіи; не будь работы кончены въ одномъ мѣстѣ, потому-ли что повѣрка показала, что онѣ были произведены или потому, что представились непредвидѣнныя трудности (а то и другое непремѣнно должно быть въ частныхъ случахъ) — и всѣ лишаются обѣщанной преміи. При такой системѣ спѣшность, даже чрезмѣрная, не обращающая вниманія ни на что̀, является неизбѣжною и страшно подумать о результатахъ, которые она можетъ оказать современемъ.

Поэтому, общественное мнѣніе вправѣ ожидать, что будутъ употреблены всѣ средства самой строгой повѣрки работъ со стороны правительственной власти, которая не должна принимать ни въ какое оправданіе или объясненіе неточности соблюденія техническихъ правилъ, спѣшность постройки, возложенную предпринимателями на строителей, и имѣть въ виду, что одобреніемъ произведенныхъ работъ она принимаетъ всю отвѣтственность за будущее на себя. Вполнѣ довѣряя энергіи главнаго начальника строительнаго вѣдомства, мы считаемъ однако обязанностью печати постоянно напоминать объ этомъ истинно-великомъ національномъ интересѣ. Первая акціонерная горячка у насъ привела къ печальнымъ послѣдствіямъ въ самомъ началѣ. Но если вторая акціонерная и строительская горячка приведетъ къ печальнымъ результатамъ, то это выразится рядомъ не однѣхъ экономическихъ катастрофъ.

Преніе въ англійской палатѣ общинъ и рѣчь главы британскаго правительства объ отношеніяхъ между Англіею и Россіею по дѣламъ Средней Азіи показываютъ, что хотя опасенія относительно нашихъ успѣховъ на Востокѣ еще далеко не исчезли въ англійскомъ обществѣ, но нынѣшнее правительство не раздѣляетъ ихъ и будетъ слѣдовать въ Сѣверной Индіи той-же политикѣ, какой держался прежній генералъ-губернаторъ. Рѣчь Гладстона, и вызванная ею статья въ нашей французской газетѣ заставляютъ думать, что переговоры, происходившіе по этому предмету, ограничились однимъ обмѣномъ мнѣній и притомъ вполнѣ благопріятнаго свойства.

Мы желали бы имѣть возможность занесть въ хронику столь же благопріятное окончаніе тѣхъ внутреннихъ неустройствъ, которыя обнаружились въ тылу нашей позиціи въ Средней Азіи, именно въ степяхъ зауральскихъ. Къ сожалѣнію, неустройства эти еще не кончились и стѣсняютъ торговлю. Въ виду такого опыта, не слѣдуетъ ли подумать о возвращеніи въ организаціи степного управленія къ прежнимъ порядкамъ, существовавшимъ до введенія новаго положенія и которые имѣли то преимущество, что они все-таки обусловливали какой-нибудь порядокъ? Недавно, въ одномъ еженедѣльномъ изданіи выставлены были слѣдующіе краснорѣчивые факты: по новому положенію киргизы платятъ податей на 5 р. 50 к. съ семьи болѣе противъ прежняго; по новому положенію въ одной области вмѣсто 8—107 человѣкъ «начальниковъ», то-есть русскихъ должностныхъ лицъ. Эти факты говорятъ сами за себя.

Сверхъ того, намъ уже случилось обратить вниманіе, въ одной изъ хроникъ, на неудобство поручать введеніе новаго положенія среди киргизовъ офицерамъ уральскаго казачьяго войска, которыхъ киргизы считаютъ издревле своими врагами. На это обстоятельство указываетъ и та интересная статья, о которой мы упомянули.

Въ заключеніе не можемъ не занести на страницы нашей лѣтописи одну законодательную мѣру послѣдняго времени, по поводу которой, когда она еще обсуждалась въ высшихъ сферахъ и существовала лишь въ видѣ предположенія, слышалось въ обществѣ не мало толковъ и опасеній и которую, когда она, во второй половинѣ минувшаго іюня мѣсяца, была распубликована, какъ положительный законъ, всѣ сочувствующіе новымъ судебнымъ установленіямъ встрѣтили съ тѣми мыслями, съ которыми встрѣчается всякій совершившійся и потому неотвратимый уже фактъ. Мы говоримъ: объ освобожденіи нѣкоторыхъ лицъ, вызываемыхъ въ качествѣ свидѣтелей, отъ личной явки къ слѣдствію и суду. Новый законъ, въ видѣ дополненій къ различнымъ статьямъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., освобождаетъ отъ личной явки, въ качествѣ свидѣтелей, къ слѣдствію и суду нѣкоторыхъ, т. е. въ дѣйствительности всѣхъ, занимающихъ высшія ступени служебной лѣстницы, въ губерніи же всѣхъ начальствующихъ лицъ, а именно: особъ, имѣющихъ чины первыхъ двухъ классовъ: членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, товарищей ихъ, статсъ-секретарей, командующихъ войсками военныхъ округовъ, генералъ-адъютантовъ, а также, въ предѣлахъ подвѣдомственной имъ мѣстности: начальниковъ дивизій и равныхъ имъ по должности военныхъ и морскихъ чиновъ, архіереевъ, губернаторовъ, градоначальниковъ и, въ столицахъ, оберъ-полицій-мейстеровъ, равно исправляющихъ обязанности вышеозначенныхъ лицъ. Привилегія, установляемая новымъ закономъ для этихъ лицъ, заключается въ томъ, что въ случаѣ вызова ихъ въ качествѣ свидѣтелей, по уголовнымъ дѣламъ, къ мировому судьѣ, судебному слѣдователю или въ судъ, къ судебному слѣдствію, они, въ теченіи трехъ дней со времени полученія повѣстки, могутъ просить о допросѣ ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, т. е. на дому. По судебнымъ же уставамъ свидѣтели допрашиваются въ мѣстѣ ихъ жительства только въ случаѣ болѣзни или такихъ законныхъ причинъ, которыя дѣйствительно препятствуютъ имъ лично явиться. Независимо отъ этого какъ мировой судья, такъ и судебный слѣдователь не вызываютъ къ себѣ свидѣтелей, а сами обязаны отправиться къ нимъ для снятія показаній, когда требуется допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ или околоткѣ, или вообще, когда слѣдователь признаетъ болѣе удобнымъ спросъ свидѣтелей на дому (ст. 71, 433 и 434 уст. уг. суд.). Точно также только болѣзнь, дальная отлучка или другія законныя причины освобождаютъ, по уставу, свидѣтелей отъ личной явки къ судебному слѣдствію въ окружной судъ. Привилегированныя же по новому закону лица, освобождаясь отъ личной явки въ судъ, могутъ просить о томъ, чтобы членъ суда отправился къ нимъ на домъ и снялъ съ нихъ допросъ, который послѣ на судѣ и можетъ быть про-

читанъ, наравнѣ съ показаніями больныхъ или находящихся въ дальней отлучкѣ лицъ. Точно также и по гражданскимъ дѣламъ мировой судья или членъ окружнаго суда, для снятія свидѣтельскихъ показаній съ привилегированныхъ лицъ, долженъ будетъ отправляться къ нимъ, подобно тому, какъ это постановлено уставомъ относительно больныхъ, на домъ, въ сопровожденіи, конечно, тяжущихся, ихъ повѣренныхъ и тѣхъ постороннихъ, приглашенныхъ каждою стороною, лицъ, о которыхъ упоминаетъ уставъ гражд. суд. (ст. 390), но молчитъ новый законъ. Послѣдній, впрочемъ, какъ всякая привилегія, по правиламъ юридической интерпретаціи, долженъ быть толкуемъ и въ этомъ отношеніи въ ограничительномъ смыслѣ, т. е. изъ устава остается все то въ силѣ, что́ именно не отмѣнено, а въ данномъ случаѣ не дополнено новымъ закономъ. Число лицъ, отправляющихся такимъ образомъ вмѣстѣ съ членомъ суда, къ свидѣтелю на домъ, можетъ быть довольно порядочное.

Нужно замѣтить, что новый законъ, болѣе важный по принципу, который въ немъ нашелъ себѣ выраженіе, чѣмъ по кругу практическаго своего дѣйствія, не есть въ сущности новый. Старый, дѣйствовавшій до судебной реформы, XV т. св. зак., трактуя о вызовѣ свидѣтелей къ предварительному слѣдствію и упоминая объ общегражданской обязанности являться лично для свидѣтельства, допускаетъ изъ правила, по которому свидѣтели должны быть вытребованы для допроса въ мѣсто, гдѣ производится слѣдствіе, прежде всего то изъятіе, что знатные люди и лица женскаго пола дворянскаго состоянія могутъ быть допрашиваемы на дому чрезъ отряженныхъ къ нимъ чиновниковъ (ст. 1091). Такимъ образомъ, опустивъ лицъ женскаго пола дворянскаго состоянія, новый законъ заключаетъ въ себѣ лишь реставрацію стараго начала, въ нѣсколько болѣе подробномъ изложеніи. Обширнаго круга примѣненія реставрированное начало не можетъ имѣть потому, что оно касается вершинъ административнаго и вообще служебнаго, а въ столицахъ и полицейскаго міра, суды же обыкновенно имѣютъ дѣло съ большинствомъ, которое принадлежитъ къ болѣе скромнымъ общественнымъ сферамъ. Во всякомъ случаѣ эта реставрація имѣетъ для уголовнаго суда болѣе серьезное значеніе, чѣмъ для гражданскаго, потому что въ послѣднемъ доказательство посредствомъ свидѣтелей, именно въ общихъ судебныхъ мѣстахъ,—представляется рѣдкимъ исключеніемъ. Но въ уголовномъ судѣ въ девяносто-девяти случаяхъ изо ста все основано на показаніяхъ свидѣтелей. При этомъ наукою права и законодательствомъ всѣхъ европейскихъ народовъ признано, что составить себѣ сколько-нибудь точное убѣжденіе о доказательной силѣ извѣстнаго показанія можно только тогда, когда самъ свидѣтель лично даетъ показаніе предъ судомъ, когда стороны, обвинитель и защитникъ, судьи и присяжные предлагаютъ ему, или

по крайней мѣрѣ имѣютъ право предлагать вопросы на самомъ судѣ, и когда по отвѣтамъ и по цѣлому впечатлѣнію, производимому личностію свидѣтеля, можно судить о степени достовѣрности его показаній, т. е. что свидѣтель не только желаетъ и имѣетъ доброе намѣреніе показать правду, но что онъ въ состояніи показать ее, потому что находился въ такихъ условіяхъ или отношеніяхъ съ лицами судебной драмы, что онъ можетъ знать то, о чемъ показываетъ. Поэтому всѣ европейскія законодательства признаютъ обязанность личной явки въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля, общегражданскою, которая никого унижать не можетъ, какъ бы высоко званіе его ни было. Въ аристократической Англіи герцогъ кембриджскій не считалъ для себя оскорбленіемъ, когда по дѣлу о злоупотребленіяхъ при продажѣ офицерскихъ чиновъ въ арміи, былъ вызванъ и явился въ судъ въ качествѣ свидѣтеля. А по другому дѣлу, по которому подсудимый обвинялся въ богохуленіи и въ доказательство того, что мнѣнія объ одних и тѣхъ же теологическихъ вопросахъ весьма различны въ различныхъ вѣроисповѣданіяхъ, сослался на епископа кантерберійскаго и на другихъ духовныхъ особъ,—они, несмотря на высокое ихъ общественное положеніе, по просьбѣ защитника, были вызваны и явились въ судъ въ качествѣ свидѣтелей. Въ примѣръ того, что никто въ Англіи не вправѣ отказываться отъ обязанности свидѣтельствовать въ судѣ, ставится англійскими юристами слѣдующій школьный вопросъ, отзывающійся анекдотомъ, но имѣющій свой практическій смыслъ: что еслибы принцъ валлійскій ѣхалъ вмѣстѣ съ первыми лицами королевства въ одной коляскѣ и очутились бы они на какомъ-нибудь перекресткѣ именно въ ту минуту, какъ тамъ поднялся споръ у трубочиста съ яблочной торговкой изъ-за пенни, то въ правѣ ли бы они были, если бы на нихъ спорящіе сослались, отказаться отъ свидѣтельства? Только лицо короля или королевы изъято отъ этой всеобщей обязанности лично свидѣтельствовать на судѣ. Конечно во всемъ, что касается уваженія къ закону и къ требованіямъ правосудія, Англія далеко оставила за собою другія государства. Но и законодательства другихъ странъ крайне туги въ допущеніи изъятій въ этомъ отношеніи, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ та мысль, что какъ бы возвышенно ни было общественное положеніе лица, достоинство его нисколько не можетъ пострадать отъ того, что оно исполнитъ требованіе закона точно также, какъ и простые граждане, и что стóитъ только распространить привилегію, освобождающую отъ личной явки въ судъ на какъ можно большее число лицъ, и публичный гласный судъ мало чѣмъ будетъ отличаться отъ стараго келейнаго и письмоводствомъ занятого суда, не причинявшаго никакого безпокойства высокопоставленнымъ лицамъ, но плодовъ котораго всѣ европейскія государства вкусили и еще помнятъ.

Можетъ быть, эта самая мысль была причиною, что новый нашъ законъ только факультативно освобождаетъ привилегированныхъ лицъ отъ личной явки въ качествѣ свидѣтелей къ слѣдствію и суду, предоставляя личному усмотрѣнію этихъ лицъ явиться или не явиться. И мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что собственный нравственный интересъ этихъ лицъ, интересы службы и ихъ вѣдомства столько же, сколько и интересы правосудія, будутъ часто служить для нихъ весьма сильнымъ побужденіемъ явиться, въ томъ или другомъ случаѣ, лично на судъ въ качествѣ свидѣтелей. Положимъ, повторилось бы, чего Боже упаси, такое расхищеніе казенныхъ суммъ, какое связано съ именемъ бывшаго директора одной изъ канцелярій св. синода, т. с. Гаевскаго, или расхищеніе казеннаго имущества, какое связано съ именемъ Вердеревскаго. Очевидно, что преступленіе въ такихъ сферахъ могло бы побудить лицъ, принадлежащихъ къ начальству подсудимаго, въ интересахъ полнаго раскрытія истины, явиться вслѣдствіе полученной изъ суда повѣстки лично, хотя бы иное изъ этихъ лицъ, по положенію своему, формально и могло сослаться на новый законъ.

Мы не считаемъ себя въ правѣ подвергать разбору всѣ возможные мотивы новаго закона, но что вопросъ здѣсь былъ весьма спорнаго свойства, видно изъ самаго текста закона, какъ онъ обнародованъ, именно изъ того, что въ государственномъ совѣтѣ послѣдовали по этому предмету разныя мнѣнія, произошло разногласіе. Не имѣемъ мы также достаточно данныхъ, чтобъ судить о томъ, какіе именно случаи вызововъ къ слѣдствію и суду были ближайшею побудительною причиною для законодательства къ дополненію судебныхъ уставовъ въ этомъ направленіи. Сколько извѣстно, въ Петербургѣ было лишь нѣсколько вызововъ со стороны судебныхъ слѣдователей г. оберъ-полиціймейстеру,—вызововъ, по которымъ требовались объясненія отъ слѣдователей. Кромѣ того извѣстно, что однажды по одному уголовному дѣлу, возбужденному въ Москвѣ, одинъ изъ петербургскихъ судебныхъ слѣдователей, по порученію московскаго, долженъ былъ допросить подъ присягою покойнаго князя Меньшикова. Само собою разумѣется, что въ этихъ и еще въ нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ судъ, когда до него доходили жалобы вызываемыхъ лицъ, именно когда эти жалобы не останавливались гдѣ-нибудь въ болѣе высокихъ сферахъ, дѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы требованіе закона, если оно въ данномъ случаѣ дѣйствительно представлялось, было исполнено съ крайней предупредительностью и съ наименьшимъ безпокойствомъ для лицъ, которыхъ необходимо было допросить въ качествѣ свидѣтелей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) августа 1869.

ГРАФЪ БИСМАРКЪ И ВОПРОСЪ ОБЪ ЕДИНСТВѢ ГЕРМАНІИ.

Историческій очеркъ развитія идеи нѣмецкаго единства. — Антагонизмъ между Пруссіею и Австріею. — Фридрихъ II и гегемонія Пруссіи. — Вторженіе Наполеона и война за освобожденіе. — Фридрихъ-Вильгельмъ III и священный союзъ. — Національное движеніе 1848 г. и франкфуртскій парламентъ. — Попытки Фридриха-Вильгельма IV. — Торжество Австріи. — Прусская политика съ 1859 года. — Графъ Бисмаркъ, его жизнь и дѣятельность.

Грозныя тучи, которыя нѣкогда заволокли весь политическій горизонтъ западной Европы послѣ народнаго движенія 1848 г., въ наше время очевидно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разсѣяваются, и теперь уже не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія, что несчастная, черная полоса реакціи должна уступить свое мѣсто свѣтлой полосѣ истиннаго либерализма. Мы не станемъ розыскивать, когда именно, въ какой моментъ началось это общественное пробужденіе Европы, не станемъ говорить, откуда оно пошло и гдѣ встрѣчало себѣ наибольшее сопротивленіе, — все это фактъ, который бросается въ глаза, когда смотришь на совершающіяся нынѣ кругомъ событія. Сильное, порывистое стремленіе къ свободѣ, сказавшееся съ такимъ могуществомъ во Франціи, что вторая имперія, основанная на личномъ правленіи или, что̀ тоже, на произволѣ, ищетъ себѣ спасенія въ парламентаризмѣ и вынуждается бросить якорь на томъ именно, мѣстѣ, съ котораго она желала столкнуть Францію, едва ли остановится и удовлетворится либеральными мѣрами и уступками, дѣлаемыми правительствомъ, но которыя для націи, вспомнившей свое великое прошедшее, останутся только полумѣрами и уступками. Спокойное, но рѣшительное движеніе Англіи впередъ по пути самыхъ радикальныхъ реформъ не менѣе убѣдительно доказываетъ, что и тамъ общество вышло изъ того полузабытья, до котораго оно доведено было продолжительнымъ укачиваніемъ псевдо-либеральнаго Пальмерстона. Даже Испанія сбросила наконецъ съ себя

грубое господство деспотическихъ Бурбоновъ и не останавливается ни предъ какими затрудненіями — наслѣдіемъ прежняго порядка, чтобы установить у себя широкую и прочную свободу. Нужно ли говорить объ Австріи, этомъ ядрѣ старой реакціи, которая цѣлымъ рядомъ немыслимыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ реформъ и самыхъ энергическихъ мѣръ, старается залечить свои тяжелыя раны, нанесенныя ей абсолютизмомъ Габсбурговъ. Все это факты, не видѣть которыхъ могутъ только слѣпые, все это событія, которыя громко свидѣтельствуютъ объ одномъ, что послѣдній часъ реакціи 1848 года пробилъ, что мрачная полоса миновалась, что на Западѣ прошла пора произвола отдѣльныхъ личностей и наступила пора разумнаго господства самихъ народовъ. Возможно-ли, чтобы при такомъ общемъ положеніи Европы, когда все пробудилось, все ожило, одна Пруссія отстала отъ общаго хода и терпѣливо выносила ту систему милитаризма, которая воспользовалась громкими событіями 1866 года и незаконно приписала себѣ весь ихъ блескъ и всю ихъ выгоду? Возможно-ли, чтобы Пруссія, въ которой образованность стоитъ такъ высоко, не произнесла наконецъ своего veto надъ рѣшеніями, постановленіями, приговорами абсолютной власти, какимъ бы ореоломъ славы она ни съумѣла покрыть себя. Если бы это было такъ, то нужно было бы усомниться въ могуществѣ цивилизаціи, силѣ знанія, образованности, нужно было бы отчаяться въ пользѣ распространенія среди народа самыхъ гуманныхъ идей. Всѣ эти идеи, все это образованіе, знаніе, вся цивилизація, все это было бы пустою затѣею, ненужною забавою, если бы они не вели самымъ неуклоннымъ путемъ къ тому, чтобы народъ умѣлъ сознавать и умѣлъ пользоваться своими неотъемлемыми правами. Безъ этого умѣнія пользоваться своими правами нѣтъ политической свободы, а безъ политической свободы нѣтъ, строго говоря, и народа въ полномъ значеніи этого слова. Конечно, мы не станемъ дѣлать такого грустнаго предположенія относительно Пруссіи. Общество, народъ могли быть увлечены военною славою, тѣмъ болѣе что въ этой славѣ они увидѣли наконецъ осуществленіе «великой идеи», идеи нѣмецкаго единства, но увлеченіе это не могло быть продолжительно; скоро народъ долженъ былъ понять, что милитаризмъ, правительственный произволъ могли быть допущены только какъ средства, и то какъ дурныя средства, для приближенія къ цѣли, но что средства не должны быть обращены въ самую цѣль, и что даже, если средства эти укореняются въ странѣ, то они въ концѣ концовъ обратятся противъ желанной цѣли, такъ какъ система милитаризма и произволъ вовсе не созданы для того, чтобы укрѣплять подъ собою единство народовъ.

Два-три года нужно было для того, чтобы эта истина, какъ ни проста она, проникла въ общественное сознаніе, чтобы прошелъ жаръ

увлеченія, и чтобы въ обществѣ почувствовалась наконецъ реакція противъ всемогущества побѣдителей при Садовой. Теперь только кажется наступаетъ пора народнаго отрезвленія, и политическій смыслъ націи подсказываетъ ей, что пора положить предѣлъ полновластію правительства и его гордаго министра, что пора снова взять свою часть въ дѣлѣ правленія. Увлеченіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ видѣли только одно: пройденный путь и достигнутые результаты, пока всѣ ждали и надѣялись, что власть, въ пользу которой нація отказалась отъ своихъ политическихъ правъ, также легко съумѣетъ закончить дѣло нѣмецкаго единства, какъ легко, казалось, она сдѣлала къ нему значительный шагъ впередъ. Вмѣсто оправданія своихъ ожиданій, что́ же на самомъ дѣлѣ увидѣла нація? Идея нѣмецкаго единства съ 1866 года не только не сдѣлала рѣшительнаго шага впередъ, но скорѣе даже можно сказать, что она почувствовала себя какъ то болѣе робкою и нѣсколько попятилась назадъ. Строго говоря, иначе оно и быть не могло. Путь, которымъ прусская политика желала осуществить дорогую для нѣмцевъ мечту германскаго единства, путь, которымъ она, правда, и достигла значительныхъ результатовъ, былъ тѣмъ не менѣе путемъ ложнымъ, опаснымъ, способнымъ довести до весьма важныхъ затрудненій, которыя съ каждымъ днемъ должны увеличиваться. Единственное средство для дѣйствительнаго торжества прусской политики, единственное средство, чтобы закрѣпить за собою выгоды войны 1866 года и заставить позабыть рядъ насилій, захватовъ, деспотическихъ мѣръ, было — вооружиться тотчасъ послѣ окончанія военной кампаніи самою широкою свободою, и только ею подчинить себѣ присоединенныя земли и заставить позабыть ихъ о старыхъ порядкахъ. Только водвореніе истиннаго, свободнаго и представительнаго правленія въ сѣверо-германской федераціи могло заставить южную Германію пожелать скорѣйшаго соединенія съ сѣверомъ. Такова ли на самомъ дѣлѣ была политика правительства и графа Бисмарка? Вовсе нѣтъ. Прежде всего политика ихъ, вмѣсто того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ слова германскою, была чисто прусскою, и въ то время, когда нація, отправляясь проливать свою кровь, въ самомъ дѣлѣ думала о германскомъ единствѣ, прусскіе политики думали только объ увеличеніи Пруссіи. Интересы династическіе торжествовали надъ интересами народными, и потому торжество это не могло быть прочно. Политика, имѣвшая во главѣ деспотическое правительство и не менѣе деспотическаго по своему характеру Бисмарка должна была въ концѣ концовъ вызвать раздраженіе, сопротивленіе и, главное, недовѣріе. Очарованіе, распространенное Бисмаркомъ, могло продолжаться только подъ однимъ условіемъ, — идти впередъ и впередъ по пути германскаго единства, ради котораго нѣмцы съ охотою жертвуютъ своею политическою свободою. Но лишь

только онъ вынужденъ былъ остановиться въ расширеніи Пруссіи, которое въ своемъ конечномъ результатѣ обратится все-таки на пользу этого единства, остановиться подъ угрозою внѣшнихъ столкновеній и можетъ быть гибельной для его цѣли войны, тогда тотчасъ всѣ эти чувства раздраженія и недовольства должны были выйти наружу.

Не говоря уже о присоединенныхъ провинціяхъ, гдѣ недовольство и раздраженіе должно сильно безпокоить прусское правительство, недовѣріе закралось въ сердца даже горячихъ сторонниковъ полновластнаго министра, и это недовѣріе выразилось въ послѣднюю сессію федеральнаго парламента по поводу преній о новыхъ налогахъ. Отказъ въ требуемыхъ средствахъ тѣмъ болѣе долженъ былъ удивить графа Бисмарка, что это было первое пораженіе со времени его тріумфальнаго шествія въ Берлинъ, послѣ кампаніи 1866 года. Его лучезарная звѣзда какъ бы внезапно померкла въ то самое время, когда тусклая звѣзда цѣлаго народа одинаково внезапно получила новый блескъ. Недовольство, обнаружившееся въ парламентѣ, можетъ быть должно служить ручательствомъ, что народъ снова обратится къ своимъ правамъ и лишитъ прусское правительство возможности дѣйствовать произвольно; это, безъ сомнѣнія, было бы выгодно не только для одной Пруссіи, но и для дѣла германскаго единства, которому если и суждено осуществиться, то неиначе какъ посредствомъ свободы и мирнаго развитія этой идеи. Идея эта, давно коренящаяся въ народѣ, до сихъ поръ была употреблена только какъ орудіе для возвышенія прусскаго могущества и для выгодъ Гогенцолернской династіи, выгоды же нѣмецкой націи оставались на заднемъ планѣ. Должна была наступить пора, когда подобное злоупотребленіе «великой идеи» должно было обнаружиться, выясниться въ общественномъ сознаніи и тогда, вмѣсто увлеченія и преклоненія передъ узкою политикою прусскаго министра, наступитъ недовѣріе и боязнь слѣпо слѣдовать по проложенному имъ пути. Наступила ли эта минута для Пруссіи или нѣтъ, мы не беремся утверждать; покамѣстъ очевидно только одно, что въ общественномъ мнѣніи происходитъ поворотъ, и поворотъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгоденъ для прусскаго правительства, которое до сихъ поръ источникъ всей власти видитъ въ «божественномъ» правѣ. Первое пораженіе въ федеральномъ парламентѣ должно было произвести тѣмъ бо́льшее впечатлѣніе, что старая борьба между парламентомъ и правительствомъ была давно забыта, и то всеобщее колѣнопреклоненіе, которое было результатомъ Садовы, дало увѣренность побѣдителямъ, что внутри страны они никогда болѣе не встрѣтятъ сопротивленія. Быть можетъ, и безъ сомнѣнія многое говоритъ за такое предположеніе, что именно вслѣдствіе этого пораженія графъ Бисмаркъ рѣшился удалиться отъ дѣлъ, отказаться отъ званія министра-президента прусскаго кабинета и со-

хранить за собою одно только званіе федеральнаго канцлера. Конечно, только сильный политическій круговоротъ, въ которомъ находилась въ послѣднее время Европа, можетъ объяснить, что на это удаленіе полновластнаго прусскаго министра не было обращено достаточно вниманія, что удаленіе это совершилось какъ то глухо, въ тиши. Удаленіе графа Бисмарка, хотя можетъ быть и кратковременное съ политической сцены, рѣшимость оставить прусское министерство, составляетъ какъ бы новый фазисъ въ его карьерѣ, и во всякомъ случаѣ минута эта какъ нельзя болѣе удобна, чтобы заняться этою интересною личностью, прослѣдить жизнь и дѣятельность этого государственнаго человѣка, который, какъ бы разно ни судили его, займетъ крупное мѣсто въ исторіи Германіи. Болѣе близкое знакомство съ этою оригинальною фигурою представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что, знакомясь съ нимъ, мы неизбѣжно, хотя и въ крупныхъ чертахъ, знакомимся съ исторіею борьбы за гегемонію въ Германіи между Пруссіею и Австріею и рядомъ съ этимъ съ исторіею идеи германскаго единства. Но чтобы хорошо понять дѣятельность этого человѣка, чтобы опредѣлить насколько велика его собственная иниціатива въ дѣлѣ возвеличенія Пруссіи на счетъ Австріи и въ дѣлѣ нѣмецкаго единства, знамя котораго онъ не разъ подымалъ высоко въ своихъ рѣчахъ, объясняя этою дорогою для нѣмцевъ идеею свои дѣйствія и поступки, нужно посмотрѣть, въ какомъ положеніи находились Австрія и Пруссія и на чемъ остановилась, на какомъ осязательномъ фактѣ, идея нѣмецкаго единства до появленія Бисмарка на историческую сцену.

Событія, которыхъ весь міръ былъ свидѣтелемъ три года назадъ, событія, которыя измѣнили взаимныя положенія европейскихъ державъ, коренятся довольно глубоко въ исторіи Германіи, и ихъ никогда не понять безъ того, чтобы не обернуться назадъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ на сто или восемьдесятъ. Безъ сомнѣнія, какъ бы ни былъ развитъ политическій смыслъ у одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ историковъ, Гейнриха Зибеля, тѣмъ не менѣе онъ никогда бы не могъ такъ вѣрно пророчествовать въ 61 году то, что случилось только въ 66 г., еслибы прошедшее не руководило его въ созерцаніи будущаго. «Также вѣрно, писалъ Зибель въ ту пору, какъ-то, что рѣки текутъ къ морю, въ Германіи образуется, рядомъ съ Австріею, болѣе или менѣе узкая федерація подъ управленіемъ Пруссіи. Чтобы достигнуть этого, прибѣгнуть ко всевозможнымъ средствамъ, къ убѣжденію, къ дипломатіи и даже, въ случаѣ сопротивленія, къ войнѣ». Нельзя было предсказывать болѣе удачно, событія подтвердили слова историка букву въ букву. Такое предсказаніе основывалось на двухъ фактахъ, которые проходятъ черезъ конецъ XVIII ст. и чрезъ все XIX ст. Одинъ изъ этихъ фактовъ, это страсть къ единству, порывистое увлеченіе этою идеею, которая

ясно выразилась, правда, только въ началѣ нашего столѣтія, когда война противъ Наполеона, знаменитая Befreiungskrieg пробудила нѣмецкій народъ къ новой жизни, къ новымъ понятіямъ. Другой фактъ— это вѣковая борьба между Австріею и Пруссіею, которая получила совершенно ясный смыслъ только при Фридрихѣ II, чертившемъ программу своей политики, программу увеличенія Пруссіи очень близкую съ тою, которую выполнилъ графъ Бисмаркъ.

Фридрихъ II нисколько не скрывалъ своего желанія расширить прусское государство, унизить Австрію, безъ того однако, чтобы идея національнаго единства коренилась въ его головѣ. Онъ боролся, воевалъ ради своихъ династическихъ интересовъ, а объ интересахъ нѣмецкаго народа онъ собственно мало и думалъ, отчасти по той причинѣ, что онъ не любилъ нѣмецкаго языка, не возлагалъ очень блестящихъ надеждъ на своихъ соотечественниковъ и питалъ только обожаніе къ французской націи, несмотря на то, что съ французскимъ правительствомъ онъ также не очень стѣснялся. Ему нужно было расширить наслѣдіе своихъ отцовъ, ему хотѣлось имѣть преобладающее вліяніе въ Германіи, однимъ словомъ ему нужно было, какъ понадобилось это и графу Бисмарку, перенести центръ тяготѣнія всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ изъ Вѣны въ Берлинъ. Въ виду этой «необходимости», онъ велъ съ Австріею четыре ожесточенныя войны, результатомъ которыхъ было значительное округленіе владѣній Фридриха II. Антагонизмъ между двумя государствами, или можетъ быть вѣрнѣе, между двумя дворами, росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ интригахъ, которыя связываются съ раздѣломъ Польши, вражда достигла самыхъ крайнихъ размѣровъ. Въ началѣ семилѣтней войны одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей Фридриха II, генералъ Винтерфельдъ давалъ прямой совѣтъ: «завоевать всю Германію и дать ей силу отпора противъ чужестранцевъ, соединивъ ее въ одно государство». О стремленіяхъ націи тогда разумѣется не было и помину, до нея никому не было дѣла, ее никто и не думалъ спрашивать, чего она хочетъ или не хочетъ. Если форма обращенія графа Бисмарка съ народнымъ мнѣніемъ нѣсколько и разнится отъ формы обращенія въ XVIII столѣтіи въ Пруссіи, то традиціи все-таки такъ сильны, что часто полновластному министру удавалось забывать, что Германія XIX ст. нѣсколько другая, чѣмъ Германія XVIII ст. При этомъ конечно самое грустное то, что эта забывчивость не только сходила ему съ рукъ, но увѣнчивалась успѣхомъ. Сходство, впрочемъ, между Фридрихомъ II и его совѣтниками и Вильгельмомъ и его министромъ заключается не только въ нѣсколько презрительномъ отношеніи къ народу, но и въ самомъ планѣ дѣйствій. Такъ, генералъ Винтерфельдъ не только объявлялъ во всеуслышаніе, что въ теченіи менѣе чѣмъ двухъ лѣтъ все старое устройство будетъ разрушено и на

тронѣ нѣмецкихъ цезарей возсядетъ Фридрихъ II, но также и то, какъ должна быть ведена война. Проникнуть въ Венгрію, сдѣлать воззваніе къ недовольнымъ, этотъ планъ Бисмарка во время кампаніи 66 года, когда велись переговоры съ венгерскими генералами Клапкой и Кошутомъ, все это цѣликомъ заимствовано у совѣтника Фридриха II. Какъ король Вильгельмъ I предлагалъ нѣмецкимъ князьямъ устроить плотную конфедерацію, подъ верховнымъ господствомъ прусскаго величества, такъ точно и Фридрихъ II желалъ ввести подобное федеративное начало, разумѣется съ одною цѣлію усиленія прусскаго могущества. «Нужно заставить понять этихъ людей (онъ говоритъ про нѣмецкихъ князей), что они могутъ разсчитывать на нашу помощь, а что ихъ собственный интересъ дѣлаетъ такое учрежденіе необходимымъ; во всякомъ случаѣ не нужно сидѣть сложа руки. Никогда «эти люди» не сдѣлаютъ ничего по своей собственной инціативѣ. Куйте желѣзо пока горячо и какъ можно скорѣе». Преимущество Фридриха II передъ нынѣшнимъ правительствомъ заключается только въ томъ, что онъ, какъ человѣкъ развитой, менѣе вѣровалъ въ божественное происхожденіе своей власти, менѣе толковалъ о нёмъ, и потому презрительное обращеніе съ владѣтельными князьями было въ немъ несравненно естественнѣе чѣмъ у настоящаго правительства. Какъ теперь германское единство встрѣчаетъ себѣ сопротивленіе въ европейской дипломатіи, такъ точно и тогда проектируемая Фридрихомъ федерація встрѣтила отпоръ въ иностранныхъ державахъ, и Франція тогда, какъ и теперь, главнымъ образомъ не допускала осуществиться желанію Фридриха II. «Французскій дворъ, писалъ парижскій посланникъ баронъ Гольцъ (нынѣ посланникомъ былъ графъ Гольцъ), въ мартѣ 1785 г., французскій дворъ вовсе не отнесется сочувственно къ такой ассоціаціи, предпочитая удерживать князей южной Германіи въ своей исключительной зависимости». Безъ сомнѣнія, графъ Бисмаркъ не съумѣлъ бы отвѣтить лучше на такое заявленіе, чѣмъ отвѣтилъ Фридрихъ II, говоря: «одобритъ Франція или не одобритъ союзъ между нѣмецкими князьями, въ сущности намъ это рѣшительно все равно. Идея эта хороша сама по себѣ, и это главное, на что нужно обращать вниманіе. Мнѣ кажется, что мы не должны быть слугами ни французовъ, ни австрійцевъ, ни русскихъ». Лѣтомъ 1785 года союзъ между нѣмецкими князьями и Фридрихомъ II былъ заключенъ, нѣкоторые изъ нихъ прямо вошли въ эту федерацію, съ другими онъ заключилъ, какъ сдѣлано было въ 1866 году, военныя конвенціи, въ силу которыхъ войска этихъ владѣтельныхъ князей на случай войны поступали подъ начальство прусскаго короля, т. е. присоединялись къ его арміи и содержались на его счетъ. Но какъ этотъ союзъ, эта федерація была только федераціею князей безъ участія и безъ воли народа, то поэтому она и не могла быть прочна. Сила ны-

нѣшней федераціи только и заключается въ томъ, что это новое политическое устройство отвѣчаетъ стремленіямъ народа и какъ бы осуществляетъ его мечту, его идею; и если бы для нынѣшней федераціи наступилъ когда-нибудь опасный кризисъ, то только благодаря тому, что въ эту федерацію были введены нѣкоторыя части нѣмецкаго народа, помимо ихъ воли, помимо ихъ желанія, введены были путемъ завоеваній и насилій. Въ 1785 г., дѣло было совершенно иначе; тогда, собственно говоря, не было и сопротивленія народа, потому что не было и народа, т. е. у него не было ни своей воли, ни своихъ правъ, ни своихъ требованій и стремленій, народъ былъ только послушнымъ орудіемъ. Понятное дѣло, что федерація Фридриха II, лишенная живого духа, который можетъ быть только когда политическое устройство отвѣчаетъ народнымъ стремленіямъ, не закрѣпленная, какъ теперь, сильною идеею германскаго единства, должна была рушиться какъ только исчезъ человѣкъ, личною волею котораго она была установлена. Въ союзѣ 1785 г. не было своей собственной внутренней силы и потому она пала, какъ только смерть унесла съ исторической сцены Фридриха II, что̀ случилось на слѣдующій годъ существованія этого союза.

Наслѣдники Фридриха II не могли, не имѣли силы продолжать дѣло его рукъ. Одна бездарность слѣдовала за другою, и по выраженію одного изъ біографовъ Бисмарка, Бамбергера, со времени смерти Фридриха II только и видно было, какъ «слабые умы смѣняются узкими умами». Всѣ они дѣлаются какими-то ярыми представителями абсолютизма, признавая для себя только одни законы, конечно не писанные, божественнаго права. У преемниковъ Фридриха II не только не было воли, рѣшимости, способности продолжать его дѣло, но не было даже желанія; они всего боялись и вмѣстѣ хотѣли, чтобы всѣ боялись ихъ. Въ трудную минуту для нѣмецкаго народа, когда началась война съ Франціею, на прусскомъ престолѣ сидѣлъ человѣкъ, лишенный всякаго характера, всякой способности, Фридрихъ-Вильгельмъ III, который при другихъ свойствахъ легко могъ бы выполнить программу Фридриха II. Вмѣсто того, онъ съумѣлъ только самымъ неблагодарнымъ образомъ поступить съ нѣмецкимъ народомъ, который, въ награду за пролитую имъ кровь для избавленія отечества отъ иностраннаго ига, получилъ въ награду самый возмутительный деспотизмъ и рядъ дикихъ преслѣдованій, направленныхъ противъ тѣхъ свѣжихъ общественныхъ элементовъ, которые болѣе другихъ содѣйствовали освобожденію народа. Впрочемъ, какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и тутъ вторженіе Наполеона, цѣлыя рѣки пролитой крови, отчаянная борьба, окончившаяся въ результатѣ священнымъ союзомъ, который не былъ особеннымъ счастьемъ для нѣмецкой націи, все это имѣло свою хорошую, даже благодѣтельную сторону, какъ ни странно это на первый взглядъ.

Несмотря на то, что въ концѣ XVIII столѣтія наступилъ въ Германіи какъ бы золотой вѣкъ литературы, несмотря на то, что имена Лессинга, Гете и Шиллера, какъ крупныя свѣтила озарили своимъ свѣтомъ всю Германію, и своими общими для всѣхъ нѣмцевъ произведеніями положили первый камень, и самый прочный, нѣмецкаго единства, хотя они и не были поэтами національными, а гораздо скорѣе представителями общихъ гуманныхъ началъ, несмотря на этотъ литературный блескъ Германіи конца XVIII столѣтія, народъ все-таки еще былъ погруженъ въ тупое оцѣпенѣніе, въ которомъ его держала деспотическая власть стараго порядка, всюду почти потрясеннаго французскою революціею. Ненависть къ игу Наполеона и оскорбленіе и униженіе, причиненныя его побѣдами вывели нѣмецкій народъ изъ его оцѣпенѣнія и пробудили въ немъ чувство собственнаго достоинства. Сражаться противъ Наполеона можно было только тѣми орудіями, которыя онъ самъ употреблялъ — что было понято замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ того времени Штейномъ, который тогда уже провозгласилъ необходимость создать нѣмецкое отечество, т. е. осуществить идею германскаго единства, которая только-что пустила тогда свое зерно. Штейнъ вооружается орудіемъ революціи и освобождаетъ народъ. Устроенный тогда «Tugendbund» соединяетъ нѣмцевъ изъ всей Германіи, возбуждаетъ въ нихъ ненависть къ чужеземному господству, возбуждаетъ ихъ патріотизмъ и воспламеняетъ ихъ для защиты общаго отечества. Тогда тѣ самые принципы, которые провозглашены были французскою революціею, идеи свободы и равенства, вдохнувшія душу въ безжизненное тѣло Германіи, обращаются противъ Франціи, и народъ, вдохновляемый пѣснями Кернера, этими нѣмецкими марсельезами, идетъ отражать несмѣтныя полчища Наполеона. Вторженіе этого воителя было благодѣтельно для Германіи, потому что оно пробудило къ жизни находившійся въ летаргическомъ состояніи народъ; эта минута зарождаетъ идею нѣмецкаго единства, которая, въ сущности, неповинна въ томъ, что породила столько злоупотребленій. Идея эта, явившаяся какъ результатъ войны за освобожденіе, въ своемъ основаніи либеральна и рано или поздно должна будетъ освободить Германію отъ притязаній Гогенцолерновъ, какъ уже освободила отъ деспотизма Габсбурговъ, принудивъ ихъ вступить на путь свободныхъ правительствъ.

Въ то время, когда нѣмецкій народъ дрался за свое освобожденіе, въ то время, когда общая опасность пробудила въ немъ первое чувство патріотизма и сознаніе своего единства, нѣмецкіе князья, съ прусскимъ королемъ во главѣ, преклонялись передъ Наполеономъ и изъ его рукъ принимали повышенія въ чинахъ: одинъ изъ ландграфа дѣлался герцогомъ, другой изъ герцога великимъ герцогомъ, третій наконецъ проползалъ въ короли. Таковы были интересы этихъ прави-

телей народовъ. Если при этомъ общемъ повышеніи въ чинѣ одинъ прусскій король остался при своемъ, и не былъ произведенъ въ германскіе императоры, то вовсе не потому, чтобы Наполеонъ не желалъ даровать ему этого титула или чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ III не хотѣлъ его принять. Совсѣмъ нѣтъ; если король Фридрихъ-Вильгельмъ не сдѣлался императоромъ, то только потому, что его слабая натура не посмѣла рѣшиться даже на этотъ шагъ; голова его была слишкомъ закружена всякими династическими и другими подобными началами, чтобы отважиться на какую-нибудь энергическую мѣру, хотя для того, чтобы стать во главѣ Германіи съ дозволенія, даже по приглашенію Наполеона, и не требовалось особенной энергіи. Безъ всякаго сомнѣнія, обладай Фридрихъ-Вильгельмъ III энергическою волею, будь у него сколько-нибудь развитъ духъ иниціативы, тогда бы, при томъ настроеніи нѣмецкаго народа, при томъ пробужденномъ и сильно сказавшемся тогда чувствѣ единства, чувствѣ, котораго такъ не доставало еще недавно Фридриху II, и ему не было бы ничего легче какъ совершить, и совершить безъ насилія, то, что было сдѣлано три года назадъ королемъ Вильгельмомъ и графомъ Бисмаркомъ, и можетъ быть даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ 1804 году, Наполеонъ, желая провозгласить во Франціи наслѣдственную имперію, сообщилъ о своихъ намѣреніяхъ Фридриху-Вильгельму, предлагая ему послѣдовать его примѣру и возложить на себя императорскую корону. Фридрихъ-Вильгельмъ, выражая первому консулу свое живѣйшее сочувствіе и уговаривая его не откладывать своего намѣренія, выражался вмѣстѣ съ тѣмъ относительно себя, что онъ доволенъ своею судьбою, и желалъ только сохранить то положеніе, въ которое Провидѣніе поставило его царственный домъ. Трусость и опасеніе стать въ какое бы то ни было отношеніе, даже косвенное, съ революціонными началами, заставило его отклонить предложенія Наполеона какъ теперь, такъ и позже, въ 1806 году, когда провозглашена была рейнская конфедерація, и когда Фридриху-Вильгельму III снова предлагали встать во главѣ федераціи и облечься въ императорскую мантію, однимъ словомъ, предлагали то, къ чему такъ стремился рѣшительный Фридрихъ II. «Король, отвѣчалъ прусскій министръ на сообщеніе Талейрана, въ восторгѣ; онъ смотритъ на себя не только какъ на союзника Франціи, но какъ на личнаго друга императора Наполеона», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще разъ отказывался отъ предложенія стать во главѣ Германіи. Во всемъ этомъ поведеніи видна какая-то робость, униженіе передъ Наполеономъ и вмѣстѣ ненависть къ нему, которая привела къ войнѣ между Франціею и Пруссіею, въ которой Пруссія потерпѣла страшное пораженіе. Въ какое отчаяніе ни повергла битва при Іенѣ нѣмецкую націю, но она не только не могла задушить того патріотическаго чувства, которое про-

будилось въ Германіи, и сдѣлала его какъ бы еще болѣе закаленнымъ. Чувство это никогда не должно было больше умереть, съ теченіемъ времени оно получило только бо́льшую зрѣлость и выдержанность.

Это патріотическое чувство, вызванное вторженіемъ Наполеона, эта идея нѣмецкаго единства, зародившаяся во время борьбы съ нашествіемъ французовъ, не только сама по себѣ не имѣетъ ничего антипатичнаго, но, напротивъ того, какъ всякое дѣйствительное требованіе націи, сохраняетъ право на самое широкое сочувствіе. Но идея нѣмецкаго единства, такъ какъ она понимается цѣлою націею, или по крайней мѣрѣ ея лучшими представителями, есть вовсе не то, что́ подъ этимъ понимаютъ прусскіе монархи и ихъ министры. Одни видятъ въ ней такой союзъ нѣмецкаго народа, въ основаніи котораго лежала бы самая полная свобода; другіе не хотятъ признавать въ ней ничего другого, какъ стремленіе создать большую военную державу, которая была бы страшилищемъ цѣлой Европы. Поэтому не трудно понять, что если идея, такъ какъ она понимается истинными нѣмецкими патріотами, заслуживаетъ полнаго сочувствія, то второй видъ ея долженъ естественно отталкивать отъ себя и возбуждать чувство глубокой антипатіи. Что это различіе въ пониманіи идеи нѣмецкаго единства не есть вымышленное, въ этомъ ручается исторія цѣлаго протекшаго столѣтія. Каждый разъ, что стремленіе осуществить эту идею шло изъ самой націи, каждый разъ это стремленіе находило себѣ ярое сопротивленіе и вражду, выходившую отъ самихъ же нѣмецкихъ правительствъ. Оно и естественно. Когда сама нація желала осуществить эту идею, то она видѣла въ ея осуществленіи задатокъ такого прочнаго политическаго устройства народа, которое съ успѣхомъ могло бы отразить не только внѣшнее нападеніе непріятеля, но и другое нападеніе, болѣе опасное, потому что оно пускаетъ болѣе глубокіе корни и превращается какъ бы въ нормальное состояніе, нападеніе деспотической власти. Осуществить идею нѣмецкаго единства для истинно либеральной партіи въ Германіи значило дать Германіи такое федеративное устройство, которое въ основаніи своемъ имѣло бы прочную и широкую политическую свободу, и стремленіе освободить себя отъ всѣхъ мелкихъ тирановъ вовсе не было направлено на то, чтобы замѣнить нѣсколькихъ мелкихъ деспотовъ однимъ крупнымъ. Если послѣднія событія въ Германіи, паденіе ницъ значительной части населенія передъ гордыми побѣдителями, которые руководились въ своихъ дѣйствіяхъ произволомъ, какъ бы опровергаетъ это положеніе, то опроверженіе это кажущееся. Фактъ безъ сомнѣнія остается фактомъ и его нельзя оспоривать, но фактъ только тогда получаетъ смыслъ, когда ясна становится его причина. Если значительная часть нѣмцевъ преклонилась передъ

успѣхомъ короля и его министра, то отчасти оттого, что одни, въ нетерпѣніи видѣть скорѣйшее осуществленіе дорогой идеи, повѣрили увѣреніямъ прусскаго правительства, что дѣло идетъ вовсе не о династическихъ интересахъ, а объ общемъ благѣ Германіи, отчасти оттого, что другіе, думая, что съ однимъ легче справиться чѣмъ со многими, надѣялись, и съ большимъ основаніемъ, скоро отнять у прусскаго короля ту власть, которую онъ самъ отнялъ у другихъ нѣмецкихъ владѣтелей. Правительство и народъ стали въ противорѣчіе: одно думало воспользоваться идеею національнаго единства, ради своихъ династическихъ интересовъ, въ то время, какъ народъ думалъ воспользоваться династическими интересами Гогенцоллерновъ для осуществленія идеи нѣмецкаго единства. Фактъ же остается тотъ, что самое осуществленіе этой идеи неизбѣжно идетъ въ разрѣзъ съ узкими династическими интересами, и это какъ нельзя лучше всегда понималось всѣми нѣмецкими правительствами.

Какъ ни недальновиденъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ III, но и онъ понялъ, что движеніе, вызванное этою идеею, и воодушевившее нѣмцевъ въ славной войнѣ за освобожденіе, могло обратиться противъ него, и потому, бросившись въ священный союзъ, старался рѣшительной реакціею задушить пробудившееся въ народѣ, благодаря вторженію Наполеона, живое чувство національнаго единства. Но 1813 годъ какъ бы освятилъ это чувство, укрѣпилъ его въ народѣ и съ тѣхъ поръ оно продолжаетъ рости. Напрасно душила его реакція, напрасно Меттернихъ боролся съ нимъ, нѣмецкая молодежь, какъ священный огонь, продолжала хранить его въ своихъ сердцахъ. Оно сказывалось съ новою силою при каждомъ удобномъ случаѣ. Вступленіе на престолъ сына Фридриха-Вильгельма III—Фридриха-Вильгельма IV, снова пробудило старыя надежды, и сильное движеніе распространилось по Германіи. Чувство національнаго единства, потребность свободы громко выразились на франкфуртскомъ парламентѣ 1848 г., который предложилъ Фридриху-Вильгельму IV, разгуливавшему тогда съ трехцвѣтнымъ знаменемъ по улицамъ Берлина, императорскую корону. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, хотя обѣщалъ быть «нѣмецкимъ королемъ», но не рѣшался открыто принять императорскую корону, опасаясь и не довѣряя народному движенію. Не смѣя прямо противиться народнымъ требованіямъ, онъ оставлялъ народъ привѣтствовать себя какъ императора Германіи, но лишь только реакція взяла верхъ надъ революціею, лишь только она была подавлена, какъ, испуганный жаромъ революціи, онъ отбрасываетъ императорскую корону изъ боязни войны съ Австріею, и еще болѣе конечно оттого, что онъ чувствовалъ непрочность вѣнка, возлагаемаго на голову свободнымъ народнымъ движеніемъ.

Но отказываясь отъ короны, предложенной ему національнымъ со—

франіемъ во Франкфуртѣ, онъ не отказывался все-таки удовлетворить до нѣкоторой степени чувству единства, отнимая у него только всякій революціонный характеръ. Онъ рѣшился привести въ исполненіе мысль умѣренныхъ депутатовъ франкфуртскаго парламента, которые желали, чтобы Пруссія подчинила своему вліянію маленькія нѣмецкія государства, поставила ихъ въ вассальное къ себѣ отношеніе, считая подобное устройство уже за значительный шагъ къ осуществленію идеи германскаго единства. На франкфуртскомъ парламентѣ происходила борьба между тремя партіями, изъ которыхъ одна, именно партія Grossdeutsch, желала, чтобы всѣ нѣмецкія земли, не исключая и австрійскихъ владѣній, составили одно большое государство съ императоромъ во главѣ, другая партія, Kleindeutsch, стремилась доставить гегемонію Пруссіи, къ которой должны были пристать плотно всѣ нѣмецкія земли, за исключеніемъ Австріи, что̀ прямо противорѣчило широкой идеѣ единства всѣхъ нѣмцевъ, и наконецъ третья партія, тоже многочисленная, партія антимонархистовъ, во главѣ которой стояли Гекеръ и Струве. Партія эта домогалась федеративнаго устройства на подобіе Сѣверо-американскихъ Штатовъ, т. е. уничтоженія наслѣдственной монархіи и замѣщенія ея свободно избираемымъ парламентомъ съ временнымъ президентомъ. Если эта послѣдняя партія была глубоко антипатична королю Фридриху-Вильгельму IV, что̀ впрочемъ и не требуетъ объясненій, то программа первой партіи, т. е. Grossdeutsch, тоже не могла ему улыбаться, такъ какъ вліяніе Австріи никогда бы не допустило Пруссіи до преобладающей роли, къ которой она стремится уже такъ давно. Программа партіи Kleindeutsch болѣе всего подходила ему, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ бы ее осуществить, если бы не устрашился войны съ Австріею и еще болѣе помощи революціи, которая наводила на него ужасъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV пытался осуществить эту программу при помощи своего талантливаго министра, генерала Радовица мирными средствами, т. е. не принимая помощи революціи и одинаково избѣгая ссоры съ Австріею. Съ этою цѣлію онъ созвалъ парламентъ въ Эрфуртѣ въ 1849 г., парламентъ, на которомъ должно было начаться осуществленіе программы партіи Kleindeutsch, но Австрія, которая только что вышла побѣдительницею, при чужой помощи, изъ своей борьбы съ Венгріею и Италіею, борьбы славной для побѣжденныхъ, быстро повернула дѣло, разрушила планы Фридриха-Вильгельма, оторвала отъ союза съ Пруссіею Саксонію и Ганноверъ, успокоила испуганныхъ маленькихъ нѣмецкихъ князей и такимъ образомъ принудила какъ можно поскорѣе распустить созванный въ Эрфуртѣ парламентъ. Это было полное фіаско для Фридриха-Вильгельма IV, но впереди его ждали еще болѣе черные дни, какъ бы въ

наказаніе за то, что онъ измѣнилъ своимъ обѣщаніямъ, обманулъ народное движеніе.

Во главѣ австрійскихъ дѣлъ стоялъ человѣкъ, какъ нельзя болѣе рѣшительный, за отсутствіемъ другихъ политическихъ добродѣтелей, обладавшій однимъ достоинствомъ — откровенностью въ своей реакціонной политикѣ, именно князь Шварценбергъ, который открыто высказалъ свою програму относительно Пруссіи. «Чтобы уничтожить Пруссію—произнесъ онъ—нужно ее унизить», и эти слова съ необыкновенною энергіею онъ началъ приводить въ исполненіе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, чтобы удержать за собою теперь его единственную надежду — либеральную партію, поддерживалъ возставшихъ въ Гольштиніи, желавшихъ оторвать Шлезвигъ отъ Даніи, и возставшихъ въ Гессенѣ, которые прогнали своего электора и его ненавистнаго министра Гассенпфлуга. Австрія немедленно приняла сторону владѣтельныхъ князей и потребовала вездѣ возстановленія «порядка». Князь Шварценбергъ, желавшій прежде всего униженія Пруссіи, обратился къ Фридриху-Вильгельму IV съ надменнымъ требованіемъ вывести войска изъ Гольштиніи и Гессена. Фридрихъ-Вильгельмъ, оставленный всѣми нѣмецкими князьями, находился въ крайней нерѣшительности, и только уступая совѣтамъ Радовица, онъ неохотно далъ свое согласіе на сопротивленіе. Все было готово къ войнѣ, аванпосты обмѣнялись уже нѣсколькими ружейными выстрѣлами, но въ самую послѣднюю минуту Фридрихъ-Вильгельмъ испугался борьбы и уступилъ. Шварценбергъ торжествовалъ, и новый министръ Фридриха-Вильгельма, смѣнившій Радовица, баронъ Мантейфель, отправился въ Ольмюцъ, гдѣ было подписано торжественное подчиненіе короля прусскаго волѣ императора австрійскаго. Для того, чтобы еще болѣе унизить Пруссію, Шварценбергъ обнародовалъ родъ манифеста, въ которомъ презрительно говорилъ о попыткахъ Фридриха-Вильгельма установить новый порядокъ вещей и съ достоинствомъ возвѣщалъ, что «порядокъ» возстановленъ въ Германіи, или иными словами: старый, обезсиленный германскій сеймъ снова открытъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Вся борьба, значитъ, не привела ровно ни къ чему, положеніе дѣлъ въ Германіи осталось въ томъ положеніи, которое создано было въ 1815 году волею священнаго союза. Актъ подчиненія и повиновенія, подписанный въ Ольмюцѣ, былъ глубокимъ оскорбленіемъ для наслѣдниковъ Фридриха II и для его военной монархіи, которая съ того времени не переставала жаждать мщенія. Австрія торжествовала, она не видѣла уже предѣловъ своего всемогущества, реакція съ бо́льшею чѣмъ когда-нибудь силою могла, казалось, безнаказанно въ ней владычествовать. Торжество реакціонной Австріи не должно быть долговременно. Человѣкъ, который долженъ былъ отомстить ей и унизить старую Австрію, выступилъ уже на историческую сцену, хотя и трудно было по

его первымъ политическимъ шагамъ предугадать въ немъ будущаго закоренѣлаго врага Австріи, врага, который долженъ былъ затмить мрачное униженіе Ольмюца блестящимъ торжествомъ Садовой. Обратимся же теперь къ графу Бисмарку, прослѣдимъ его дѣятельность и взглянемъ, какимъ путемъ повелъ впередъ дѣло германскаго единства этотъ человѣкъ, одаренный замѣчательно сильною волею.

Графъ Отто Бисмаркъ-Шенгаузенъ родился 1 апрѣля 1815 года, въ помѣстьи Шенгаузенъ. Родъ его принадлежитъ къ одному изъ самыхъ старинныхъ нѣмецкихъ родовъ, которымъ можетъ гордиться теперь Бранденбургія — это сердце прусскаго государства. Нѣсколько вѣковъ уже какъ родъ Бисмарковъ отличается въ военной службѣ, которая всегда находится въ особенномъ почетѣ вездѣ, гдѣ господствуетъ система милитаризма, гдѣ правительство держится не столько любовію народа, сколько штыками своей арміи. Въ Пруссіи военная служба до сихъ поръ еще пользуется особенными преимуществами, военные составляютъ какъ бы особую касту, высоко стоящую надъ всѣми остальными смертными; да и какъ могло бы быть иначе, когда даже такой свободный мыслитель и философъ, какъ Фридрихъ II, этотъ идеалъ всѣхъ прусскихъ королей, и тотъ декретировалъ, что простому лейтенанту арміи всегда должно быть оказываемо преимущество даже передъ королевскими совѣтниками, если только они не служили въ военной службѣ. Военная служба, слѣдовательно, составляетъ какъ бы наслѣдіе прусскаго дворянства, партіи феодаловъ или, какъ называется въ Германіи, юнкерской партіи. Какимъ-то счастливымъ случаемъ молодой Бисмаркъ миновалъ исключительно военной карьеры, и несмотря на то, что отецъ его служилъ въ кавалеріи и былъ шефомъ эскадрона, сына своего онъ предназначилъ для администраціи. Въ виду этого Бисмаркъ сталъ изучать право, административныя науки и успѣлъ перебывать въ нѣсколькихъ университетахъ, главнымъ образомъ въ берлинскомъ и геттингенскомъ. Въ университетахъ, рядомъ съ правомъ, которое онъ изучалъ, онъ изучалъ еще и другую любимую науку нѣмецкихъ студентовъ: пить пиво въ геркулесовскихъ размѣрахъ и драться на дуэли. Бисмаркъ всегда жадно искалъ случая подраться, пріобрѣлъ себѣ славу извѣстнаго дуэлиста, и разсказываютъ, что въ парламентѣ многіе изъ его враговъ до 66 г. носили на себѣ слѣды Бисмарковской ловкости. Его высокій ростъ, сильное тѣлосложеніе, постоянно воинственный нравъ какъ бы предопредѣляли его къ военной службѣ, и судя по тому, что до сихъ поръ онъ съ любовію носитъ военный мундиръ, служба эта была бы въ его вкусѣ. Несмотря на свое университетское образованіе, онъ съ жаромъ схватился за понятія и воззрѣнія своихъ праотцевъ, за ихъ политическую религію и скоро сдѣлался самымъ чистокровнымъ типомъ нѣмецкаго «юнкера». Стремительно бросившись въ ряды феодальной партіи, которая для со-

храненія своихъ привилегій твердо поддерживала начало абсолютной королевской власти, Бисмаркъ, какъ только ему представился случай, старался выдвинуть себя впередъ, дѣлаясь необузданнымъ защитникомъ самыхъ ретроградныхъ идей и ведя ярую аттаку противъ идей новаго времени, противъ политическаго равенства и конституціонной свободы. Случай представился ему скоро. На созванномъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, въ 1847 г., собраніи представителей страны, Бисмаркъ явился представителемъ дворянства своего округа, и тутъ на этомъ собраніи въ первый разъ публично заявилъ себя, какъ самый отъявленный реакціонеръ. Онъ объявилъ, что жертвы, которыя принесъ народъ въ 1813 году для отраженія Наполеона, для своего освобожденія и для спасенія трона, не дали ему никакого права требовать себѣ конституціи, что прусскіе короли царствовали не по волѣ народа, а по волѣ Бога, и потому все, что они даруютъ, должно быть принимаемо какъ необыкновенная милость. Такіе біографы-панегиристы графа Бисмарка, какъ George Hesekiel [1]), восторгаются этимъ періодомъ его дѣятельности, хотя періодъ этотъ доказываетъ, по нашему, только одно: бѣдность политическаго развитія Бисмарка въ ту эпоху и совершенное непониманіе ни интересовъ, ни требованій времени. Впрочемъ, не всѣ біографы Бисмарка до такой степени слѣпы къ своему герою и для нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ періодъ его жизни представляется какъ нельзя болѣе грустнымъ; такъ, напр., Бамбергеръ въ своей книгѣ «Monsieur de Bismark» совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу его воззрѣній того времени, что «невозможно избѣгнуть, чтобы Бисмаркъ 1847 года не вставалъ иногда между Бисмаркомъ нашихъ дней и тѣми, довѣріе которыхъ было бы для него такъ дорого». По поводу этого можно только замѣтить, что если Бисмаркъ и измѣнился въ своихъ мнѣніяхъ, что не можетъ быть подвержено сомнѣнію, то тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ въ его нынѣшнихъ словахъ и поступкахъ рѣзко звучитъ реакціонная нота 1847 г. Во время національнаго движенія 1848 г., Бисмаркъ былъ совершенно устраненъ отъ общественной дѣятельности, не будучи избранъ ни въ берлинскій, ни въ франкфуртскій парламенты. Удалившись къ себѣ въ помѣстье, онъ въ уединеніи проклиналъ революцію и негодовалъ на униженіе короля во время мартовскихъ дней и на появленіе трехцвѣтнаго знамени. «Единственное средство, чтобы избавиться отъ этого движенія—говаривалъ Бисмаркъ съ пѣною на губахъ—это сжечь всѣ города, эти гнѣзда революціи». Слова эти хорошо рисуютъ его рѣшительный характеръ съ одной стороны, и съ другой мрачность идей и тенденцій феодальной, аристократической партіи. Откуда бы ни выходила либеральная реформа, Бисмаркъ немедленно съ яростью набрасывался на нее. Когда Фридрихъ-

---

[1]) Das Buch vom Grafen Bismark. 1869 г.

Вильгельмъ IV, вынужденный обстоятельствами, далъ конституцію, Бисмаркъ былъ избранъ, въ 49 году, сначала въ прусскую палату, а потомъ и въ неудачный эрфуртскій парламентъ. Бисмаркъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ этимъ уступкамъ, и со всею свойственною ему силою нападалъ на стремленія сблизить короля съ народною партіею. «Это трехцвѣтное знамя—говорилъ онъ, обращаясь къ министрамъ—которымъ вы украшаете наши скамьи, никогда не будетъ моимъ, потому-что это знамя возмущенія и баррикадъ». Какъ ни затемнена была его голова всевозможными допотопными мнѣніями и воззрѣніями въ видѣ тѣхъ, которыя мы привели для примѣра, Бисмаркъ все таки понималъ, что для успѣшной борьбы съ либеральнымъ движеніемъ нужно заимствовать у враговъ ихъ оружіе, и въ самомъ дѣлѣ, Бисмаркъ, какъ разсказываетъ его льстивый біографъ Hesekiel, заводитъ газеты, содѣйствуетъ основанію реакціонныхъ обществъ, Verein'овъ, которыхъ въ то время было такое множество въ Германіи. Не было такого національнаго стремленія, котораго Бисмаркъ не заявлялъ бы себя заклятымъ врагомъ, и при этомъ самое любопытное то, что онъ болѣе всего нападалъ на тѣ именно мѣры, которыя пятнадцать лѣтъ спустя онъ самъ сталъ приводить въ исполненіе съ такою грубою безцеремонностью. Въ то время онъ защищалъ права Даніи и осуждалъ войну въ Шлезвигѣ; въ то время онъ скорбѣлъ, что прусское правительство поддерживаетъ народъ въ Гессенѣ противъ электора и тѣмъ нарушаетъ святость монархическаго принципа; въ то время онъ требовалъ полнаго соглашенія съ Австріею, чтобы вмѣстѣ съ нею вырвать всѣ революціонные корни; въ то время наконецъ, когда всѣ до глубины души были оскорблены униженіемъ, нанесеннымъ въ Ольмюцѣ Шварценбергомъ, Бисмаркъ какъ нельзя болѣе одобрялъ рѣшимость прусскаго короля уступить Австріи. «Я не понимаю,—говорилъ онъ тогда,—что у Австріи оспариваютъ право именоваться нѣмецкою державою. Развѣ она не наслѣдница старой германской имперіи и развѣ во многихъ случаяхъ она не поддерживала славу нѣмецкаго оружія?» Фанатизмъ его ультра-монархическихъ мнѣній и непримиримая ненависть ко всему, что̀ отзывалось либерализмомъ, понравились королю и сдѣлали изъ него приближенное къ трону лицо. Король полюбилъ этого молодого еще человѣка, который въ своихъ ретроградныхъ мнѣніяхъ шелъ дальше любого отжившаго уже старика и, разумѣется, не замедлилъ вознаградить его за подобную преданность. Въ то время, когда реакція начала уже размахивать своими расправленными крыльями, люди, подобные Бисмарку, могли считаться драгоцѣнною находкою, и мѣсто, которое нашелъ ему король, было какъ нельзя болѣе по немъ. Въ 1851 году онъ былъ отправленъ первымъ секретаремъ посольства во Франкфуртъ, гдѣ роль представителя Пруссіи при германскомъ сеймѣ, возстановленномъ Австріею, считалась крайне затруднительною и требо-

вала большой дипломатической тонкости. Бисмарку, какъ поклоннику и безпрекословному почитателю Австріи, роль эта была, впрочемъ, легче, чѣмъ кому бы то ни было другому. Разсказываютъ, что король былъ очень удивленъ поспѣшностью, съ которою принялъ Бисмаркъ предложеніе ѣхать во Франкфуртъ, и не удержался, чтобы не указать ему на всю трудность положенія. «Ваше величество, съ самоувѣренностью, которая характеризуетъ его, можетъ испытать меня, отвѣчалъ Бисмаркъ, если дѣло не пойдетъ, то я могу быть черезъ шесть мѣсяцевъ, или даже еще раньше, отозванъ». Дѣло въ самомъ дѣлѣ должно было пойти на ладъ, потому что Австрія не могла даже желать болѣе угоднаго ей представителя, чѣмъ Бисмаркъ, который такимъ образомъ выражалъ свое profession de foi: «я держусь убѣжденій среднихъ вѣковъ, убѣжденій тьмы, какъ ихъ называютъ, и всѣ предразсудки я всосалъ вмѣстѣ съ молокомъ матери». Какъ такому человѣку было не распинаться за реакціонную въ то время Австрію, какъ было не хвататься ему за нее, какъ за якорь спасенія. Вскорѣ по пріѣздѣ во Франкфуртъ онъ былъ, изъ перваго секретаря, сдѣланъ посланникомъ, должность, которую онъ занималъ впродолженіи восьми лѣтъ, т. е. до 1859 г. По пріѣздѣ во Франкфуртъ онъ немедленно сдѣлалъ визитъ недалеко оттуда жившему Меттерниху, политикѣ котораго онъ долженъ былъ нанести скоро такой тяжелый ударъ.

Пріѣхавъ во Франкфуртъ съ самымъ полнымъ, безграничнымъ уваженіемъ къ Австріи и съ ненавистью къ національному движенію, онъ уѣхалъ оттуда съ злобою и ненавистью къ Австріи и съ рѣшимостью по крайней мѣрѣ воспользоваться стремленіемъ къ единству для достиженія своей цѣли: возвеличенію Пруссіи въ ущербъ Австріи. Какимъ образомъ совершился этотъ переворотъ въ приверженцѣ убѣжденій «среднихъ вѣковъ»—вотъ самый интересный вопросъ, который, къ сожалѣнію, мы не находимъ разъясненнымъ ни у одного изъ его біографовъ. Если невозможно объяснить перемѣну совершившуюся въ графѣ Бисмаркѣ одними дурными отношеніями, которыя очень скоро установились между имъ и австрійскимъ представителемъ Рехбергомъ, то тѣмъ не менѣе, въ связи съ жаждою дѣятельности, съ желаніемъ дѣйствовать, играть роль и имѣть вліяніе на дѣла, нельзя упускать изъ виду при объясненіи перемѣны образа мыслей прусскаго представителя на сеймѣ и этихъ дурныхъ отношеній. Бисмаркъ, по своему характеру, не такой человѣкъ, который позволилъ бы кому-нибудь наступить ему на ногу, и потому рѣзкій, самоувѣренный и нѣсколько презрительный тонъ, съ которымъ обращался со всѣми австрійскій представитель, долженъ былъ сильно подѣйствовать на Бисмарка. Разсказываютъ, что однажды представитель Австріи принялъ его крайне безцеремонно, съ сигарою во рту и не прося его даже сѣсть; Бисмаркъ вытащилъ свой портъ-сигаръ, и со словами: позвольте

огня, закурилъ сигару и усѣлся на кресло. Конечно, такія мелкія причины не могли еще произвести переворота въ умѣ Бисмарка, но трудно не допустить, чтобы именно эти мелкія причины не помогли ему раскрыть глаза на ту жалкую роль, которую игралъ сеймъ подъ предсѣдательствомъ Австріи. Ему, какъ прусаку, должно было показаться обидно то зависимое положеніе, въ которое поставлена была Пруссія, его должна была возмутить теперь, когда онъ представлялъ собою Пруссію, фраза князя Шварценберга, что Пруссію нужно унизить, ему могло въ самомъ дѣлѣ здѣсь, на мѣстѣ постоянныхъ столкновеній, сдѣлаться ясно стремленіе Австріи поставить Пруссію въ вассальное къ себѣ отношеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ убѣдиться въ желаніи мелкихъ государствъ постоянно поддерживать антагонизмъ между двумя большими нѣмецкими государствами. Всего этого конечно было бы достаточно, чтобы объяснить въ Бисмаркѣ совершившуюся перемѣну по отношеніи къ Австріи, но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что мы не имѣемъ болѣе прочныхъ свидѣтельствъ, чѣмъ догадки, анекдоты, нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ, которыя могли бы служить доказательствомъ искренности его внутренняго переворота, не говоря уже о томъ, какую убѣдительность могли бы имѣть для всѣхъ основанія, заставившія отбросить «убѣжденія тьмы», такого человѣка какъ Бисмаркъ. Какія мысли тревожили безпокойный умъ Бисмарка до 1856 года—трудно сказать, не имѣя никакихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету. Какъ скоро произошла въ Бисмаркѣ перемѣна по его пріѣздѣ во Франкфуртъ, тоже нельзя опредѣлить, понадобилось ли ему нѣсколько мѣсяцевъ, или цѣлыхъ пять лѣтъ отъ 1851 до 1856 года, чтобы отказаться отъ своихъ средневѣковыхъ убѣжденій, все это покрыто непроницаемою таинственностью. Извѣстно только, что въ 1856 г. перемѣна въ немъ уже совершилась, и мы читаемъ въ отрывкѣ одного письма, приведенномъ его угодливымъ біографомъ Гезекилемъ, по поводу герцогствъ Шлезвига и Гольштейна, противъ которыхъ онъ прежде ратовалъ, сочувственныя слова и обвиненія противъ Австріи, что она «тайно будетъ оставаться другомъ Даніи и въ своей печати набьетъ полный ротъ нѣмецкими фразами и станетъ вмѣнять Пруссіи въ вину, что ничего не дѣлается». Въ слѣдующемъ, сдѣлавшемся извѣстномъ письмѣ, писанномъ два года позже, именно въ 1858 году, онъ еще болѣе рѣшительно нападаетъ на Австрію, и выставляетъ на видъ необходимость поставить Пруссію во главѣ Германіи и средство къ этому онъ видитъ въ таможенномъ парламентѣ, который долженъ замѣнить прежній таможенный союзъ, который, по мнѣнію Бисмарка, никуда не годится. Какъ же достигнуть этого парламента: «Палаты и печать могли бы сдѣлаться, говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, могущественнымъ средствомъ для нашей внѣшней политики.... Палаты и

печать должны бы широко обсуждать систему нѣмецкихъ таможенъ, съ прусской точки зрѣнія. Тогда бы снова къ вамъ обратилось усталое вниманіе Германіи, и для Пруссіи былъ бы тотъ результатъ, что наша палата сдѣлалась бы силою въ Германіи». Такимъ образомъ Бисмаркъ приходитъ къ тому, что призываетъ на помощь тѣ силы свободы, противъ которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ велъ отчаянную борьбу. Но это письмо, если оно важно какъ свидѣтельство того, что въ Бисмаркѣ пропало почитаніе къ реакціонной Австріи и что въ головѣ его созрѣлъ планъ новой политики, то важно еще и въ томъ отношеніи, что служитъ доказательствомъ, что этотъ новый планъ не былъ широкимъ планомъ, въ которомъ мысль была бы занята благомъ цѣлой Германіи, стремленіемъ осуществить идею нѣмецкаго единства, о которомъ Бисмаркъ не упускалъ случая говорить или самъ, или заставляя говорить о немъ короля, а исключительно планомъ усиленія Пруссіи. Бисмаркъ не могъ тогда, какъ не можетъ и теперь, еще разстаться съ узкими идеями, съ узкими династическими интересами, которыя продолжаютъ играть для него главную роль. Бисмаркъ заставляетъ подчиниться благо Германіи благу Пруссіи, т. е благу ея династіи, въ то время какъ истинные государственные люди, въ родѣ Штейна, на первомъ планѣ ставили благо нѣмецкаго народа, не думая обо всемъ остальномъ. Глубина взгляда, ширина возрѣній—вотъ чего недостаетъ Бисмарку, чтобы быть замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ не можетъ отдѣлаться отъ міросозерцанія юнкерской партіи, которая до сихъ поръ слишкомъ часто сказывается въ его дѣйствіяхъ, несмотря на то, что онъ отошелъ отъ него на довольно значительное разстояніе.

Въ такомъ враждебномъ отношеніи къ Австріи и съ готовымъ планомъ возвеличенія Пруссіи застала Бисмарка итальянская война 1859 года. Съ его рѣшимостью, съ его страстью дѣйствовать быстро и не останавливаться ни передъ чѣмъ, еслибы Бисмарку была предоставлена свобода дѣйствовать, онъ бы не задумался какъ ему поступить. Вмѣсто того чтобы колебаться помочь Австріи или нѣтъ, объявить или не объявить войну Франціи, Бисмаркъ обратился бы противъ Австріи и воспользовался бы стѣснительными обстоятельствами, въ которыхъ находилась она, чтобы совершенно передѣлать всю карту Германіи. Графъ Бисмаркъ такъ открыто выражалъ свое мнѣніе, какъ должна дѣйствовать Пруссія, что испугавшееся правительство поспѣшило перевести его на другой постъ и отправило его посланникомъ въ Петербургъ, откуда онъ написалъ министру иностранныхъ дѣлъ Шлейницу письмо, въ которомъ какъ бы резюмировалъ свою будущую программу дѣйствій: «Изъ восьмилѣтняго отправленія моей должности въ Франкфуртѣ я выработалъ себѣ убѣжденіе, какъ результатъ моей опытности, что старыя союзныя учрежде-

нія представляютъ для Пруссіи тяжелыя, и въ критическое время пагубныя для ея существованія оковы, не доставляющія тѣхъ вознагражденій, которыя Австрія, при несравненно бо́льшей свободѣ дѣйствій, получаетъ отъ нихъ», и сдѣлавъ такое вступленіе, онъ переходитъ прямо къ требованію разорвать эти оковы, говоря: «случай уничтожить эти препятствія не представится снова такъ скоро, если мы не воспользуемся настоящимъ положеніемъ». Однимъ словомъ, онъ требуетъ, чтобы знамя прусской политики было поднято высоко, чтобы правительство не боялось порвать связи съ германскимъ союзомъ, что напротивъ, чѣмъ скорѣе это будетъ сдѣлано, тѣмъ выгоднѣе это будетъ для Пруссіи. «Отношенія Пруссіи къ германскому союзу, заканчиваетъ онъ свое письмо, представляютъ болѣзнь, которую нужно вылечить въ удобное время, если же нѣтъ, то рано или поздно для излеченія ея мы должны будемъ употребить огонь и желѣзо». Графъ Бисмаркъ не оставилъ свои слова мертвою буквою, не прошло и нѣсколько годовъ, какъ отъ буквы до буквы онъ выполнилъ свою программу. Программа Бисмарка въ 59 г. была слишкомъ радикальна, и потому Пруссія не рѣшилась сдѣлать того, что̀ она сдѣлала въ 1866 году, но вліяніе было важно все-таки въ томъ отношеніи, что прусское правительство удержалось отъ соблазна помочь Австріи, объявивъ войну Франціи и Италіи. Пруссія сохранила нейтралитетъ, по поводу котораго австрійскій императоръ, державшійся въ то время еще габсбургскихъ традицій, обнародовалъ манифестъ, содержавшій жестокія нападенія на прусское правительство, безсовѣстно, какъ говорилось въ этомъ манифестѣ, покинувшее своего стараго союзника.

Назначеніе Бисмарка въ Петербургъ не было для него особенно пріятно, такъ какъ оно удаляло его отъ внутренней политики Пруссіи, за которою въ послѣднее время онъ слѣдилъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ. Свиданіе короля прусскаго съ австрійскимъ императоромъ въ 1860 году въ Теплицѣ породило различные толки о сближеніи двухъ дворовъ и о новыхъ гарантіяхъ, будто бы данныхъ Пруссіею Австріи, что оставшіяся за нею итальянскія владѣнія, т. е. Венеціанская область, Итальянскій Тироль, не будутъ оторваны отъ габсбургской короны. Толки эти сильно встревожили гр. Бисмарка, и онъ высказалъ свои политическія безпокойства въ одномъ письмѣ изъ Петербурга, въ которомъ сильно жалуется на то, что его держатъ вдали отъ интимной политики прусскаго двора, что онъ ничего не знаетъ ни о намѣреніяхъ, ни о стремленіяхъ, ни о видахъ правительства. Оставаясь въ Петербургѣ, вдали отъ главнаго театра дѣйствій, Бисмаркъ, въ этомъ трудно сомнѣваться, не упускалъ случая, чтобы обезпечить за собою на будущее время нейтральное отношеніе Россіи къ могущимъ возникнуть въ будущемъ политическимъ столкнове-

ніямъ, и тѣмъ продолжалъ содѣйствовать будущему осуществленію крѣпко засѣвшей въ его головѣ программы. Нельзя не пожалѣть, что его біографы не сообщаютъ никакихъ писемъ, которыя могли бы пролить свѣтъ на дипломатическую дѣятельность Бисмарка въ Петербургѣ, такъ точно какъ не сообщаютъ ничего, что было бы для насъ особенно любопытно, изъ его наблюденій надъ русскими государственными людьми, его воззрѣній на русское высшее общество, въ которомъ онъ былъ принятъ очень хорошо, и наконецъ его взглядовъ на русскія учрежденія, съ которыми онъ, будучи одаренъ значительною любознательностью, долженъ былъ познакомиться. Всѣ письма его изъ Петербурга, которыя опубликованы, дѣтски невинны по своему содержанію, и потому кромѣ самыхъ общихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Россіи, ровно ничего нельзя узнать. Общія впечатлѣнія ограничиваются у него замѣчаніями, брошенными вскользь о красотѣ Петербурга, о поразительной оригинальности Москвы, о томъ, что «тихо закладывать и быстро ѣхать — лежитъ въ натурѣ русскаго народа» объ особенной любви русскихъ къ зеленому цвѣту и т. д. Конечно, человѣкъ, рѣшившійся выучиться и въ самомъ дѣлѣ выучившійся какъ гр. Бисмаркъ по-русски, долженъ былъ сдѣлать болѣе любопытныя наблюденія. Вообще же говоря, жизнь въ Петербургѣ ему не особенно нравилась, судя по одному письму, въ которомъ онъ говоритъ: «я испытываю какую-то тоску по родинѣ отъ моей квартиры на Англійской набережной, съ ея успокоивающимъ видомъ на покрытую льдомъ Неву», такъ что, можно смѣло предполагать, что онъ былъ очень доволенъ, когда весною 1862 года онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ. Между отправленіемъ его въ С.-Петербургъ и назначеніемъ въ Парижъ прошло все-таки почти три года, и въ это время Бисмаркъ все-таки не оставался въ полномъ бездѣйствіи. Онъ успѣлъ нѣсколько разъ съѣздить въ Германію, и въ частыхъ бесѣдахъ съ королемъ Вильгельмомъ старался увлечь его своею чисто-прусскою программою, куда впрочемъ теперь онъ началъ примѣшивать интерессы Германіи, которой онъ желалъ дать такія учрежденія, которыя покровительствовали бы ея матеріальнымъ выгодамъ. Король не сдавался, «воспитанный въ самомъ строгомъ милитаризмѣ, постоянно одолѣваемый призракомъ революціи, который выросъ передъ нимъ въ 1848 г.; онъ былъ мало склоненъ улетать въ невѣдомыя страны, куда звалъ его будущій министръ. Только послѣ долгихъ совѣщаній, онъ попросилъ Бисмарка представить ему письменную записку о всемъ, что онъ развивалъ передъ нимъ, что этотъ и сдѣлалъ въ Кенигсбергѣ во время празднествъ коронаціи, на которой Вильгельмъ постарался немедленно заявить, что онъ царствуетъ не по волѣ народа, а на основаніи божественнаго права. Склонивъ болѣе или менѣе короля къ своей программѣ, Бисмаркъ по своемъ пріѣздѣ

въ Парижъ началъ ту дипломатическую аттаку Наполеона III, которая увѣнчалась такимъ блестящимъ успѣхомъ. Бисмарку нужна была увѣренность, что въ случаѣ войны между Пруссіею и Австріею, Франція не приметъ сторону послѣдней, и, какъ подтвердили событія, онъ совершенно успѣлъ въ своемъ желаніи. Недолго оставался онъ посланникомъ въ Парижѣ: не прошло и шести мѣсяцевъ, какъ онъ былъ вызванъ въ Берлинъ, гдѣ ему и поручено было главное управленіе министерствомъ. Эта минута была самая рѣшительная въ политической дѣятельности Бисмарка: ему предоставлена была возможность осуществить свою программу, и, нужно ему отдать справедливость въ этомъ отношеніи, онъ не потерялъ ни одной минуты, чтобы начать приводить въ исполненіе предначерченный имъ планъ.

Планъ этотъ не шелъ многимъ дальше того, о чемъ мечталъ совѣтникъ Фридриха Вильгельма IV генералъ Радовицъ, т. е. увеличить Пруссію, дать ей нѣсколько иныя границы и поставить ее во главѣ Германіи. Прежнія границы Пруссіи казались какими-то неестественными и давно уже Лудвигъ Берне, говоря объ этомъ государствѣ, выразился такимъ образомъ: «Пруссія съ своими дурно скроенными и слишкомъ длинными границами, похожа на молодого человѣка, который носитъ слишкомъ широкое платье; но подождите, когда онъ выростетъ, оно ему будетъ въ пору, т. е. другими словами, Пруссіи нужно было растолстѣть, чтобы платье «на молодомъ человѣкѣ» сидѣло хорошо. Помимо этой полноты, былъ другой важный вопросъ,— это дурная организація германскаго союза, на который Бисмаркъ такъ сѣтовалъ, поживъ нѣсколько лѣтъ во Франкфуртѣ. Сеймъ, созданный священнымъ союзомъ, не внушалъ къ себѣ другого чувства, кромѣ недовѣрія и презрѣнія. Необходимость обновленія, перестройка его чувствовалась давно уже всѣми, и послѣ того, что слѣпая реакція одержала верхъ надъ усиліями и стремленіями нѣмецкихъ патріотовъ, которые въ 48 году были на единственной вѣрной дорогѣ, чтобы дать Германіи прочное, основанное на свободѣ устройство, теперь сами герцоги, князья и другія властелины Германіи стали думать, какую бы лучшую организацію дать этому несчастному сейму. Въ 1860 г. герцогъ Саксенъ-Мейнингенъ предложилъ систему извѣстную подъ именемъ Trias-Idee, въ которой конфедерація, для бо́льшаго единства и силы, имѣла бы только трехъ представителей — директоровъ, одного назначеннаго Пруссіею, одного Австріею, и одного мелкими нѣмецкими государствами. Въ 1861 г., герцогъ Саксенъ-Кобургскій предложилъ, возвращаясь къ 48 году, здравую идею прямого представительства всего нѣмецкаго народа, но идею эту, какъ и слѣдовало ожидать, какъ идею демократическую и революціонную, всѣ владѣтельные особы отвергли съ негодованіемъ. Наконецъ, австрійскій императоръ, чтобы не отстать отъ другихъ, предложилъ и свою систему, и для осущест-

вленія ея собралъ во Франкфуртѣ конгрессъ князей, но вслѣдствіе упорной оппозиціи Пруссіи, и систему австрійскаго императора для новой организаціи союза постигла та же участь, какъ и другія системы. Дѣла оставались въ прежнемъ положеніи, т. е. въ самомъ худшемъ, пока наконецъ не явился Бисмаркъ съ своею чисто-прусскою системою, которой онъ, до поры до времени, и доставилъ полное торжество. Онъ поставилъ передъ собою двѣ задачи: расширить границы Пруссіи и разрушить прежнюю организацію германскаго союза, двѣ цѣли, къ которымъ онъ и пошелъ, не разбирая, не задумываясь о средствахъ. Ему въ дѣйствительности чужды были двѣ идеи, занимавшія умы Германіи: идея свободы и идея единства, ему чужды были споры о томъ, какимъ образомъ осуществить ту и другую, добиться ли свободы посредствомъ единства, или какъ говорилось у нѣмцевъ durch Einheit zur Freiheit, или имъ добиться единства посредствомъ свободы, что̀ выражалось словами durch Freiheit zur Einheit; онъ собственно не признавалъ ни того, ни другого стремленія, и если махалъ знаменемъ единства, то исключительно съ тою цѣлію, чтобы пробудить нѣмецкій патріотизмъ и воспользоваться имъ для увеличенія Пруссіи и ея могущества. Что же касается до идеи свободы, то онъ очень безцеремонно, почти при первомъ своемъ появленіи въ прусскій парламентъ въ качествѣ министра, выразился такимъ образомъ: «для Германіи нуженъ не либерализмъ Пруссіи, нужна ея сила. Она должна ее увеличить, чтобы воспользоваться выгодною минутою, которую уже разъ упустили. Наши границы не таковы, каковы должны они быть у хорошо устроеннаго государства. Во всякомъ случаѣ помните только одно: великіе вопросы разрѣшены будутъ не вашими рѣчами и не вашими рѣшеніями — это была ошибка 1848 и 1849 годовъ—они разрѣшены будутъ желѣзомъ и кровью». Рѣзкое, надменное обращеніе, обращеніе гораздо скорѣе солдата и деспота, чѣмъ конституціоннаго министра, съ перваго раза возстановили противъ Бисмарка не только прусскую палату, но и все общественное мнѣніе. Ничто не можетъ быть болѣе жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возмутительно, какъ поведеніе Бисмарка по отношенію къ народному представительству. Едва-ли когда-нибудь было видано, разумѣется, въ странѣ цивилизованной, такое грубое безстыдство, такой отвратительный цинизмъ, такое страшное презрѣніе къ народнымъ правамъ, какое выказалъ графъ Бисмаркъ въ своей парламентской дѣятельности. Тутъ вполнѣ сказалась вся деспотическая натура Бисмарка, его ненависть къ свободнымъ учрежденіямъ, его страсть къ произволу, однимъ словомъ всѣ тѣ свойства, которыя не могутъ быть выкуплены никакимъ успѣхомъ, никакими побѣдами, потому что они наносятъ народу величайшій ударъ, величайшее зло, деморализируя, развращая его, уничтожая въ немъ краеугольный камень нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія — понятіе или вѣрнѣе чувство права. Прусская палата депу-

татовъ, нужно отдать ей справедливость, вела себя въ то время съ большимъ достоинствомъ, она упорно боролась съ правительствомъ, и уступала только тогда, когда сила ломала ее. Три съ половиною года продолжалась эта лютая вражда между Бисмаркомъ и палатой, которую поддерживалъ народъ, посылая въ палату, каждый разъ, что правительство ее распускало, тѣхъ же самыхъ депутатовъ. Распустить палату, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сбирать налоги безъ того, чтобы они были утверждены народными представителями, все это сдѣлалось обычнымъ дѣломъ для прусскаго правительства. Яблокомъ раздора между правительствомъ и палатой служилъ постоянно новый военный законъ, который долженъ былъ дать совершенно иную организацію прусскому войску. Два раза подъ-рядъ палата была распущена самымъ безцеремоннымъ образомъ, въ третій разъ ей просто объявили, что обойдутся безъ ея согласія для утвержденія бюджета. Конституція такъ цинично была нарушаема, что можно смѣло было сказать, что конституціи вовсе не существовало, а было только личное, произвольное правленіе короля Вильгельма и гр. Бисмарка. Нельзя перечислить тѣхъ оскорбительныхъ выходокъ, которыя позволялъ себѣ Бисмаркъ, по отношенію къ палатѣ; ему ничего не стоило бросить въ лицо всей палатѣ такую фразу: «когда мы будемъ того мнѣнія, что нужно начать войну, мы начнемъ съ вашимъ или безъ вашего согласія». Конечно, подобное обращеніе съ представителями страны, такое презрительное отношеніе къ народной волѣ возмущаетъ только въ конституціонномъ правленіи, но въ томъ-то и состоитъ преимущество какой бы то ни было конституціи, что подобное обращеніе съ мнѣніемъ страны является въ конституціонныхъ странахъ какъ нарушеніе права, какъ результатъ случайнаго перевѣса грубой матеріальной силы, и потому такое презрѣніе къ общественному мнѣнію не можетъ быть само разсматриваемо, какъ право. Потому въ Пруссіи система Бисмарка вызвала общественное негодованіе, которое захватило даже самыя высшія сферы. На публичномъ собраніи въ Данцигѣ, на которомъ присутствовалъ наслѣдный принцъ прусскій, онъ громко объявилъ, что новые стѣснительные законы противъ печати были изданы безъ его вѣдома и что онъ не одобряетъ ихъ. Принцъ прусскій въ своемъ либерализмѣ дошелъ до того, что написалъ письмо отцу, королю, въ которомъ рѣзко протестовалъ противъ порядка, подвергающаго опасности его права на корону. Результатъ этого письма былъ тотъ, что наслѣдникъ престола нашелъ себя вынужденнымъ отдалиться отъ двора. Самый грубый деспотизмъ торжествовалъ на всѣхъ пунктахъ, душею его былъ гр. Бисмаркъ. Таковъ былъ характеръ дѣятельности Бисмарка во внутренней политикѣ; еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ онъ во всѣхъ внѣшнихъ столкновеніяхъ, направленныхъ къ тому, чтобы разорвать связь съ преж-

нимъ германскимъ союзомъ и довести до войны натянутыя отношенія, существовавшія между Пруссіею и Австріею.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ со вступленія Бисмарка въ министерство, какъ онъ вошелъ въ объясненія съ австрійскимъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ, съ графомъ Кароли, выражая ему, что отношенія между двумя державами не могутъ оставаться въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, что они должны улучшиться или ухудшиться, и что Пруссія одинаково готова, какъ на одинъ исходъ, такъ и на другой. Идя прямо къ своей цѣли, къ разрыву съ Австріей, Бисмаркъ высказалъ графу Кароли, что онъ не потерпитъ того, чтобы Австрія возбуждала всѣ маленькія государства Германіи противъ Пруссіи; что если вѣнскій кабинетъ утѣшаетъ себя надеждою, что Пруссія въ войнѣ Австріи съ какою-нибудь другою державою всегда будетъ стоять на сторонѣ первой, то онъ жестоко ошибается, и что если Австрія не намѣрена жить въ самой полной дружбѣ съ Пруссіею, то нѣтъ ничего болѣе вѣроятнаго какъ союзъ Пруссіи съ враждебною Австріи державою, въ случаѣ подобномъ войнѣ Австріи и Италіи въ 1859 году. Слова Бисмарка были такъ ясны, что трудно ихъ было не понять. Австрійское правительство доказало, что оно уразумѣло какъ нельзя лучше, чего добивался Бисмаркъ, когда жаловалось, что Пруссія требуетъ отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ своего положенія въ Германіи, чтобы она подчинилась первенству Пруссіи въ нѣмецкихъ дѣлахъ, чтобы она перенесла, наконецъ, центръ тяготѣнія имперіи изъ Вѣны въ Пестъ. Подобныя объясненія, какъ тѣ, которыя происходили между Бисмаркомъ и представителемъ Австріи, не могли, разумѣется, содѣйствовать улучшенію отношеній между двумя дворами. Отношенія эти съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, и весьма вѣроятно, что еще въ 1863 году разыгрались бы событія 66 года, если бы смерть датскаго короля Фридриха VII не открыла снова шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, который долженъ былъ на нѣкоторое, очень короткое время примирить двухъ заклятыхъ враговъ, чтобы потомъ съ новою силою возстановить ихъ другъ противъ друга.

Бисмаркъ какъ нельзя болѣе ловко воспользовался вопросомъ объ этихъ герцогствахъ, чтобы порвать отношенія съ сеймомъ и вмѣстѣ увеличить владѣнія Пруссіи. Сеймъ желалъ присоединить эти герцогства къ союзу, поддерживалъ права на нихъ герцога Аугустенбургскаго, который бы только увеличилъ собою число маленькихъ нѣмецкихъ князей. Пруссія желала совершенно противнаго, она не только не хотѣла усилить сейма, но жаждала его разрушенія и вмѣстѣ съ этимъ присоединенія герцогствъ къ своимъ владѣніямъ. Австрія колебалась и не знала, на что ей рѣшиться, поддерживать ли лондонскій трактатъ 1852 г., въ силу котораго король датскій признавался наслѣдникомъ этихъ герцогствъ, или встать во главѣ нѣмецкаго движенія во имя независимости гер-

цогствъ. Сеймъ приказалъ занять союзными войсками герцогство Гольштейнъ, Бисмаркъ немедленно занялъ прусскими войсками Шлезвигъ; Австрія, чтобы не остаться въ сторонѣ отъ движенія, пошла вслѣдъ за Пруссіею и заняла Шлезвигъ одинаково своими войсками. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе безтактное, чѣмъ поведеніе вѣнскаго кабинета, когда онъ бросился въ разставленныя Бисмаркомъ сѣти, рѣшившись идти противъ сейма, который составлялъ силу Австріи въ Германіи. Австрія не только пошла на приглашеніе Бисмарка соединиться съ Пруссіею, чтобы отстранить вмѣшательство сейма въ дѣла герцогствъ и дѣйствовать вдвоемъ, какъ подобаетъ большимъ нѣмецкимъ державамъ, но еще потребовала отъ сейма, чтобы онъ приказалъ принцу-претенденту выѣхать изъ герцогствъ. Сеймъ отказался: результатъ хорошо извѣстенъ. Сеймъ нравственно былъ уничтоженъ. Пруссія въ соединеніи съ Австріею разбили окончательно слабую Данію, но эта побѣда должна была дорого стоить Австріи. Она скоро почувствовала по тону, съ которымъ сталъ говорить Бисмаркъ, свою крупную ошибку, и стала стараться опять сойтись съ сеймомъ, который продолжалъ поддерживать герцога Аугустенбургскаго. Бисмаркъ дѣлалъ всевозможныя сопротивленія. Отношенія между прусскимъ и вѣнскимъ кабинетами сдѣлались, благодаря временной дружбѣ и общему дѣйствію въ герцогствахъ, еще болѣе натянутыми, такъ что на нѣсколько мѣсяцевъ пришлось остановить всякіе переговоры. Лѣтомъ 1865 г. Бисмаркъ уже не скрывалъ необходимости войны между Пруссіею и Австріею, и выражалъ открыто желаніе, чтобы дѣло дошло до драки какъ можно скорѣе. Назначеніе Пруссіи—говорилъ онъ—было взять въ свои руки судьбы Германіи. Съ этой минуты до лѣта 66 года, когда вспыхнула знаменитая война, время проходило въ постоянныхъ дипломатическихъ столкновеніяхъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлались все рѣзче и язвительнѣе. Наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, Австрія рѣшила собрать представителей герцогствъ, чтобы они сами рѣшили свою судьбу, и предоставили сейму, какъ высшей инстанціи, произнести послѣднее слово. Позднее раскаяніе Австріи не привело ни къ чему.

Дѣло это происходило 1-го іюля 1866 года. Пруссія объявила рѣшеніе сейма поставить на военную ногу три корпуса арміи, рѣшеніе, принятое какъ демонстрація противъ Пруссіи, противившейся постановленіямъ сейма, за актъ нарушающій федеральный союзъ, и потому отнынѣ признала его уничтоженнымъ. Давно желанная минута рѣшить вопросъ о гегемоніи между Австріею и Пруссіею, вопросъ объ увеличеніи Пруссіи и уничтоженіи стараго германскаго союза, при помощи огня и желѣза, наступила. Бисмаркъ, давно приготовлясь къ ней, не упустилъ случая, чтобы воспользоваться имъ для осуществленія своей прусской программы. За два мѣсяца до объявленія войны былъ заключенъ союзъ между Пруссіею и Италіею, союзъ, который

имѣлъ результатомъ своимъ самое полное пораженіе старой Австріи и реакціонной политики Габсбурговъ. Битва при Садовой заканчиваетъ собою цѣлый длинный періодъ исторіи Германіи, она отмѣтила собою новый фазисъ въ осуществленіи идеи нѣмецкаго единства.

Трудно представить себѣ болѣе грустную, болѣе жалкую картину, какъ ту, которая представляла собою Пруссія на другой день послѣ Садовой. Никогда еще превращеніе не было такъ быстро, никогда еще декораціи не мѣнялись съ такою поспѣшностью. Народъ, который смотрѣлъ съ ненавистью на господство абсолютизма и тупого милитаризма, и видѣлъ въ Бисмаркѣ деспота, презирающаго всякое народное право, всякую свободу, такъ какъ никого не обманывали его фразы о благѣ Германіи, теперь опьянѣлъ отъ успѣха, обезумѣлъ отъ военныхъ побѣдъ. Бисмаркъ, думали, отомстилъ за неудачу въ Ольмюцѣ, хотя онъ ей когда-то апплодировалъ, и 1866-ый годъ поставилъ министра на апогею его славы, дальше было идти некуда, а такъ какъ ничто въ мірѣ не останавливается, то съ этой минуты должно было начаться его постепенное пониженіе. Напрасно сталъ бы увѣрять себя гр. Бисмаркъ, что совершенное имъ дѣло прочно. Нѣтъ, оно не прочно, потому что оно не отвѣчаетъ истиннымъ требованіямъ нѣмецкаго народа, который стремится осуществить идею германскаго, а не прусскаго единства и еще потому, что въ основаніе его не положена свобода, которая одна только и дѣлаетъ зданіе прочнымъ и непоколебимымъ. Если народъ ликовалъ побѣду, если онъ ненависть смѣнилъ на любовь къ тому человѣку, который былъ главнымъ двигателемъ событій 1866 г., то онъ можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что въ этихъ событіяхъ онъ все-таки видѣлъ шагъ впередъ на пути къ единству Германіи, хотя за этотъ шагъ онъ и заплатилъ слишкомъ дорогою цѣною, прощая тѣмъ, которые въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ попирали его права. То, что въ этомъ случаѣ можетъ служить утѣшеніемъ народу, тѣмъ самымъ можетъ утѣшаться и графъ Бисмаркъ: работа его рукъ, сдѣланная въ узкихъ интересахъ, въ концѣ концовъ обратится на пользу Германіи, если только польза Германіи—польза народа сдѣлается ему когда-нибудь дорога. Исторія, произнося надъ Бисмаркомъ свой приговоръ, скажетъ, что этотъ человѣкъ, обладавшій сильною, энергическою волею, содѣйствовалъ осуществленію идеи нѣмецкаго единства, но вмѣстѣ съ тѣмъ она осудитъ его за избранный имъ путь, такъ какъ ничто не можетъ быть пагубнѣе, какъ втоптать въ грязь народныя права, покуситься на свободу народа — упрекъ, отъ котораго никогда ни будетъ освобожденъ никакой государственный человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни оправдывалъ этого покушенія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ІЮЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія И. С. Никитина, съ его портретомъ, видомъ надгробнаго памятника, fac-simile и біографіей, составлен. *М. Ѳ. Де-Пуле* 2. т. Изданіе А. Р. Михайлова. Воронежъ, 1869.

Въ 1860 г. одинъ изъ рецензентовъ, разбирая второе изданіе стихотвореній Никитина, сказалъ: «г. Никитинъ, вѣроятно, думалъ, что если *господа* такъ пишутъ, то почему и мнѣ не писать». Взглядъ на Никитина, какъ на поэта-дворника, поэта-мѣщанина, какъ на подражателя и, пожалуй, продолжателя Кольцова, до сихъ поръ господствуетъ если не въ литературѣ, то въ публикѣ. На самомъ дѣлѣ, Никитинъ по развитію стоялъ нисколько не ниже многихъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ, на которыхъ никто не смотритъ, какъ на поэтовъ-мѣщанъ и поэтовъ-дворниковъ. «Никитинъ почти не выѣзжалъ изъ заставы Воронежа; мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по одной профессіи; его воспитала не «сермяжная Русь», о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его дворъ извощикамъ, не степи, которыхъ онъ никогда не видалъ, а литература сороковыхъ годовъ». Такъ говоритъ о немъ г. Де-Пуле, прекрасно написавшій его біографію. «Конечно, прибавляетъ онъ, литераторъ-дворникъ далеко не то (?), что литераторъ-дворянинъ, литераторъ-москвичъ или петербуржецъ: до нѣкоторой степени ему присуще было то, что въ немъ предполагалось, но только до нѣкоторой. Непосредственнаго, напримѣръ, даже Кольцовскаго, отношенія къ окружающей его жизни у Никитина не было и быть не могло... Онъ, какъ питомецъ литературы 40-хъ годовъ, конечно, не доучившійся, стремился къ направленію, къ практической пользѣ въ поэзіи, и это стремленіе увеличивалось по мѣрѣ его развитія». Мы думаемъ, напротивъ, что между литераторомъ-дворникомъ, какимъ былъ Никитинъ, и литераторомъ-дворяниномъ, какихъ много, никакого существеннаго различія не было, даже въ предметахъ вдохновенія. Никому не приходитъ въ голову называть г. Некрасова поэтомъ-крестьяниномъ на томъ основаніи, что предметъ его вдохновенія по преимуществу міръ крестьянскій; конечно, г. Некрасову представлялось болѣе широкое поле для вдохновенія, такъ какъ онъ вращался въ болѣе широкомъ кругу; но и для Никитина настало это время, когда онъ вышелъ изъ узкаго міра дворнической жизни и вступилъ въ кругъ людей развитыхъ и просвѣщенныхъ; съ этого собственно времени стихотворенія Никитина и пріобрѣтаютъ значеніе: все, что онъ написалъ прежде—носитъ на себѣ отпечатокъ подражательности то Кольцову, то другимъ поэтамъ, и почти ничтожно

по внутреннему своему содержанію. Такимъ образомъ о Никитинѣ, какъ о поэтѣ-дворникѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Иванъ Савичъ Никитинъ родился въ Воронежѣ 21 сент. 1824 г.; отецъ его, по происхожденію изъ духовнаго званія, выписался въ воронежскіе мѣщане и, устроивъ свой восковой заводъ, велъ большую торговлю восковыми свѣчами; торговые обороты его простирались не менѣе, какъ на сто тысячъ р. ас. въ годъ; будучи человѣкомъ умнымъ и относительно образованнымъ, Никитинъ хотѣлъ вывести своего единственнаго сына въ люди и предназначалъ его въ университетъ. Съ этой цѣлью онъ отдалъ его въ духовное училище, по окончаніи курса въ которомъ, мальчикъ перешелъ въ семинарію и кончилъ философскій курсъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Между тѣмъ дѣла его отца стали разстроиваться замѣтно вслѣдствіе того, что торговля восковыми свѣчами изъ свободной мало-по-малу стала принимать характеръ монополіи; Никитинъ-отецъ не выдержалъ неудачи и сталъ прибѣгать къ обычному несчастному утѣшенію русскаго человѣка — къ чаркѣ, при чемъ обнаруживалъ крайнее самодурство; эта перемѣна въ мужѣ отразилась и на женѣ его: тихая, любящая женщина не вынесла капризовъ и безобразій своего мужа и тоже начала пить. Она страдала этимъ недугомъ три года, до самой своей смерти, которая сильно подѣйствовала на мужа. Съ отчаянія онъ сталъ пить еще сильнѣе и совершенно разорился. Среди такой обстановки началось отрочество И. С. Никитина; изъ матеріальнаго довольства онъ вдругъ попалъ въ бѣдность, почти въ нищенство; отъ книгъ и мечтаній объ университетѣ—въ среду кулаковъ, къ заработку насущнаго хлѣба продажею на базарѣ разной мелочи, причемъ ничтожный барышъ добывался средствами, передъ которыми должна была возмущаться чуткая натура молодого человѣка пока не притерпѣлась. Отецъ его продолжалъ пить и почти ежедневно повторялись такія сцены: пьяный человѣкъ начиналъ кричать на весь домъ: «Иванъ Савичъ! Подлецъ... А кто далъ тебѣ образованіе и вывелъ въ люди? А? не чувствуешь! Не почитаешь отца! Не кормишь его хлѣбомъ! Вонъ изъ моего дома!..» И въ молодого человѣка летѣли огурцы, хлѣбъ, солонка, рюмка, стаканы. Онъ терялся и падалъ духомъ. Блѣдный, изможденный, съ усталостью и страданіемъ во взорѣ, одѣтый почти въ рубище, обутый въ дырявые сапоги, загнанный, часто голодный, сидѣлъ онъ упыремъ дома, или лежалъ на сѣновалѣ съ книгою въ рукахъ, или бродилъ по городу и его окрестностямъ безъ всякаго дѣла. Онъ пробовалъ наняться въ прикащики, но его не брали, предполагая, что онъ наслѣдовалъ отъ отца несчастную болѣзнь.

Такое состояніе продолжалось довольно долго, пока Никитинъ не собрался съ духомъ и не рѣшился порвать съ своимъ прошлымъ: онъ сталъ дворникомъ, обратившись въ хозяина и работника: во всякое время дня и ночи онъ встрѣчалъ и провожалъ извощиковъ, выдавалъ имъ сѣно и овесъ, прислуживалъ имъ при ихъ трапезѣ, часто даже самъ стряпалъ для нихъ и бѣгалъ въ кабакъ за водкой. Эта трудовая жизнь вознаградилась вскорѣ нѣкоторымъ довольствомъ, но семейныя бури не только не утихали, а увеличивались съ каждымъ днемъ. «Между отцемъ и сыномъ, говоритъ г. Де-Пуле, образовались странныя, прискорбныя отношенія, продолжавшіяся до смерти послѣдняго. Оба другъ друга любили и оба другъ друга, каждый по своему, мучали. Когда Савва Евтѣевичъ былъ въ трезвомъ состояніи, трудно было найти отца, который бы такъ кротко и любовно относился къ сыну; но за то надобно было поискать сына, который бы за подобное обращеніе отвѣчалъ такой суровостью и даже дерзостью. Когда старикъ бывалъ пьянъ и буйствовалъ, можно было удивляться кротости сына, ухаживающаго за нимъ, какъ за ребенкомъ, безъ всякой горечи и досады. На замѣчанія друзей своихъ о неровности обращенія съ отцемъ, Никитинъ обыкновенно отвѣчалъ: «Чтожъ дѣлать! Иначе я не могу!» На совѣты—оставить отца, обезпечить его всѣмъ нужнымъ, переѣхать на особую квартиру, или же совсѣмъ выѣхать изъ города, онъ отвѣчалъ тѣмъ же *не могу*, прибавляя: «безъ меня онъ совсѣмъ пропадетъ». Не разъ покойный поэтъ говаривалъ: «Я въ состояніи убить того, кто рѣшился бы обидѣть старика въ моихъ глазахъ; но когда онъ отрезвляется и смотритъ здравомыслящимъ человѣкомъ, вся желчь приливаетъ къ моему сердцу, и я не въ силахъ простить ему моихъ страданій».

Среди этой тяжкой жизни, погруженный въ мелкія заботы; отравленный пьянствомъ отца,

Никитинъ не забывалъ, однако, книгъ своихъ, и въ свободныя минуты перечитывалъ Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Гоголя. Стихи началъ онъ писать еще въ семинаріи, писалъ ихъ легко и много, писалъ и рвалъ. Лучшія, по его мнѣнію, онъ посылалъ въ журналы, но ихъ не печатали. Наконецъ, въ 1853 г. два его стихотворенія напечатаны были въ «Воронежскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» и обратили на себя вниманіе, какъ нѣкоторыхъ столичныхъ литераторовъ, такъ и образованныхъ людей въ Воронежѣ. Никитина отыскали на его постояломъ дворѣ и ввели въ кружокъ образованныхъ людей Воронежа. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнеслись къ нему: Н. И. Второвъ, впослѣдствіи вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, М. Ѳ. Де-Пуле, учитель русской словесности въ корпусѣ, И. А. Придорогинъ, образованный воронежскій купецъ, и нѣкоторые другіе. Изданы были его стихотворенія, къ которымъ критика отнеслась снисходительно; говоря откровенно, въ этомъ первомъ изданіи стихотвореній не было ничего ни замѣчательнаго, ни оригинальнаго, кромѣ довольно звучнаго стиха и нѣсколькихъ картинокъ природы, гдѣ пробивалось нѣкоторое поэтическое чувство. Дворникъ по ремеслу, Никитинъ являлся въ своихъ стихахъ обыкновеннымъ, образованнымъ стихотворцемъ, перепѣвавшимъ темы извѣстныхъ нашихъ поэтовъ, не внося въ нихъ почти ничего своего, и даже подчинявшимся той патріотически-барабанной трескотнѣ, которая, напримѣръ, слышалась въ эпоху крымской войны даже у такого недюжиннаго поэта, какъ г. Майковъ.

Долго пригнетенная силою неблагопріятныхъ обстоятельствъ, опустившаяся, но даровитая натура Никитина быстро поднялась среди новой обстановки, среди симпатій того кружка, въ который онъ попалъ; не бросая дворничества, онъ отдыхалъ въ этой новой жизни, развивался чтеніемъ, котораго теперь было въ волю, бесѣдами, гдѣ слышалась живая, просвѣщенная рѣчь и изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Новые друзья указали ему на его среду, гдѣ могъ онъ найти почти непочатый источникъ для вдохновенія. Никитинъ написалъ большую поэму «Кулакъ», которая имѣла значительный успѣхъ и поправила его матеріальныя средства. Между этой поэмой и прежними его стихотвореніями лежитъ почти цѣлая бездна. Тутъ и стихъ ярче, и взглядъ на жизнь шире, и характеръ главнаго дѣйствующаго лица, мѣщанина, весь свой вѣкъ пробивающагося плутнями, нарисованъ крупными чертами; растянутость, прозаичность и ненужность нѣкоторыхъ сценъ ослабляютъ общее впечатлѣніе, но частности поэмы, вѣрно схваченныя бытовыя картины, переданныя иногда сжатымъ, сильнымъ языкомъ, и одушевляющая поэму гуманная мысль мирятъ читателя съ ея недостатками. Заключительные стихи поэмы, съ которыми авторъ обращается къ герою, прекрасны:

Ты сгибъ, но велика-ль утрата?
Васъ много. Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли наконецъ пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра,
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка
И воцарится честный трудъ,
Когда увидимъ человѣка—
Добра божественный сосудъ?..

Къ этой мысли онъ часто возвращался и въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, не какъ безплодный, сантиментальный мечтатель, а какъ человѣкъ жизни, выработавшій себѣ реальные идеалы. Г. Де-Пуле говоритъ справедливо, что «въ Никитинѣ, въ грубой формѣ дворника, въ несовсѣмъ изящномъ образѣ купца, было содержаніе полное, былъ человѣкъ съ цѣльнымъ нравственнымъ обликомъ, человѣкъ глубоко реальный, въ одно и тоже время думающій и о барышѣ, и о возвышенныхъ идеалахъ». Но именно этого сочетанія и не понимали нѣкоторые друзья его, идеалисты сороковыхъ годовъ: когда Никитинъ открылъ книжный магазинъ въ Воронежѣ и предался этому дѣлу со всей энергіей своей натуры и съ глубокимъ практическимъ смысломъ, ни въ чемъ, однако, не измѣняя либерализму, друзья его подняли вопль: «Никитинъ погибъ», «Никитинъ сталъ кулакомъ». Они, эти прекраснодушные идеалисты, воспитавшіе Никитина лучшимъ млекомъ своихъ стремленій, ожидали, что Никитинъ посмотритъ на книжный мага-

зинъ, какъ на пропаганду, какъ на средство влiять на толпу и просвѣщать ее, навязывать ей, такъ сказать, въ своемъ родѣ лучшее мнѣнiе. Какъ человѣкъ практическiй, Никитинъ понималъ, что книжное предпрiятiе тогда только дастъ плоды, когда оно ведется разумно, ровно, безъ лишнихъ претензiй, безъ навязыванья и зазыванья, когда оно имѣетъ въ виду не удовлетворенiе тенденцiозныхъ стремленiй его хозяина или его друзей, а удовлетворенiе разнокалиберной массы публики; задача такого торговца не быть ниже этой толпы, но и не бить ей въ лицо своимъ превосходствомъ и наставничествомъ. Такого совершеннаго, почти идеальнаго книжнаго торговца, какимъ былъ Никитинъ, какимъ онъ сдѣлался въ теченiи какихъ-нибудь трехъ лѣтъ, мы[1]) не знаемъ среди современныхъ книжныхъ торговцевъ, конечно, столичныхъ отнюдь не исключая. Онъ умѣлъ удовлетворить всѣмъ, самымъ разнообразнымъ желанiямъ, и въ тоже время умѣлъ поставить свой магазинъ такъ, что онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ клуба, куда сходились для бесѣды, для полученiя газетныхъ извѣстiй, даже люди высокопоставленные, напр., мѣстный губернаторъ. Еслибъ Никитинъ пожилъ дольше, онъ нажилъ бы себѣ и состоянiе, и прiобрѣлъ бы своимъ магазиномъ именно то влiянiе, о которомъ мечтали друзья его, идеалисты сороковыхъ годовъ, преисполненные высокихъ стремленiй, но неумѣлые, жалкiе практики, изъ рукъ которыхъ не только валилось всякое дѣло, но всякое дѣло въ рукахъ ихъ портилось. Бѣдные, они удивились бы этому чуду, но не поняли бы его.

Мы не даромъ распространились о книгопродавческой дѣятельности Никитина: онъ былъ вѣренъ себѣ и въ жизни, и въ произведенiяхъ. Идеаломъ его были—трудъ, энергiя, *дѣло*. Вступивъ на самостоятельную дорогу, обезпеченный своимъ магазиномъ, онъ только тутъ началъ писать самостоятельно, не подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ друзей, которые сбивали его на пошлый сентиментализмъ, благодаря которымъ онъ испортилъ своего «Кулака», внеся въ него эту приторность въ образѣ молодой дѣвушки, которая въ первоначальной редакцiи поэмы (въ настоящемъ изданiи поэма напечатана въ обоихъ редакцiяхъ) гораздо естественнѣе и лучше. Будучи не человѣкомъ разговоровъ, а дѣла, онъ и въ стихахъ своихъ проповѣдовалъ тоже: ему подсказывалъ это глубокiй инстинктъ его крѣпкой русской природы. Кромѣ «Кулака», есть у него другая поэма «Тарасъ», довольно слабая и плохо выдержанная въ цѣломъ, но по мысли и частностямъ заслуживающая вниманiя. Тарасъ этотъ—крестьянинъ, натура даровитая, не удовлетворяющаяся окружающей его бѣдной и жалкой обстановкой; стремленiя его находятся на степени инстинктовъ, но они такъ сильны, что онъ покидаетъ домъ и идетъ искать счастья, лучшей доли; онъ нанимается въ косцы въ степяхъ, потомъ въ бурлаки; его сильная натура все ломитъ передъ собою, не знаетъ устали и полна широкой отваги; Никитинъ не совладалъ съ своей задачей и поторопился утопить героя, но задумана была поэма, какъ намъ извѣстно, въ широкихъ размѣрахъ: Тарасъ долженъ былъ пробиться сквозь тьму препятствiй, побывать во всѣхъ углахъ Руси, падать и подниматься и выдти все-таки изъ борьбы побѣдителемъ! Никитинъ хотѣлъ сдѣлать его олицетвcovenренiемъ энергiи, большую долю которой онъ и самъ имѣлъ и въ правѣ былъ сказать въ своемъ «Кулакѣ»:

> Какъ узникъ, рвался я на волю...
> Упрямо цѣпи разбивалъ!
> Я свѣта, воздуха желалъ!
> Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
> Ни силъ, ни жизни молодой
> Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой.

«Упрямо разбивать цѣпи», «не жалѣть ни силъ, ни жизни въ борьбѣ съ судьбой»—такiе идеалы съ самой симпатичной стороны рисуютъ намъ характеръ поэта. Его поражалъ разладъ между словомъ и дѣломъ, между мыслiю и ея осуществленiемъ, и, самъ закаленный въ борьбѣ съ жизнью, онъ проклиналъ и «праздное слово» и «мертвую лѣнь» и безцѣльную тоску:

> Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
> Листья зашепчутъ — онъ нѣмъ!
> Слава, кто истинѣ служитъ,
> Истинѣ жертвуетъ всѣмъ.

Въ стихотворенiи «Разговоры», эта мысль выражена ярче и полнѣе:

> Гдѣ-жъ вы, слуги добра?
> Выходите впередъ...

[1]) Пишущiй эти строки хорошо зналъ Никитина.

Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ.
Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь претворить,
Надо плотью облечь.
Какъ повѣрить словамъ —
По часамъ мы растемъ!
Закричатъ: «помоги»! —
Черезъ пропасть шагнемъ!
Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ,
Глубока, глубока!..
А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать, —
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:
Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ;
А слова.... на словахъ
Соколиный полетъ!..

Думы объ этомъ разладѣ вырывали иногда у него глубоко прочувствованныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дышащія какимъ-то безсильнымъ отчаяніемъ строки:

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель
И сжетъ лицо огнемъ стыда.
Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ я не спалъ ночь —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.
Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ,
Я закрывалъ лицо руками —
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.
Я слышалъ злу рукоплесканья
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!
Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка.
Тропой пробитою я шелъ;
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Но онъ не останавливался долго на отчаяніи, такъ какъ чувство это—чувство слабыхъ, не вполнѣ окрѣпшихъ натуръ или такихъ, которыя потеряли всякую вѣру въ жизнь. Человѣкъ по преимуществу реальный, Никитинъ не могъ не видѣть новой, молодой жизни и къ ней обращался съ привѣтомъ, въ которомъ, однакожъ, продолжали звучать скорбныя ноты:

Неужто, молодое племя,
Въ тебѣ воскреснетъ наше время,
Развратъ души, развратъ ума,
Все это зло, вся эта тьма?
Намъ нѣтъ изъ пропасти исхода...
Влачась и въ прахѣ, и въ пыли,
О, еслибъ мы сказать могли:
«Вамъ, дѣти, счастье и свобода,
Широкій путь, разумный трудъ!...»
Увы! невѣдомъ божій судъ.

Въ стихотвореніи къ поэту-обличителю онъ опять обращается къ молодежи:

Не легка твоя будетъ дорога,
Но иди, — не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.

Какой цѣльный долженъ быть характеръ, чтобъ не утратить вѣры во всемогущую энергію, когда жизнь изломала, измучила и погубила Никитина, когда радостные дни были у него на счету, а горемъ исполнены были длинные годы. Измученный этимъ горемъ, измученный болѣзнями, которыя нѣсколько лѣтъ передъ смертью почти не покидали его, онъ только-что началъ-было дышать свободно, только что начала ему улыбаться жизнь и любовь дѣвушки манила его къ себѣ, наполняя его истерзанное сердце своимъ всеисцѣляющимъ ароматомъ, какъ чахотка свела его въ могилу. Но и умеръ онъ какъ боецъ. Дѣвушка, любившая его и имъ любимая, вызывалась ходить за нимъ во время болѣзни — онъ отказался. Послѣдніе дни страдальца были ужасны, но онъ не потерялся. Болѣзнь сдѣлала его раздражительнымъ; отецъ нѣсколько дней не пилъ и жаловался г. Де-Пуле, что сынъ не бережетъ себя, постоянно волнуется. «Я чувствовалъ, говоритъ г. Де-Пуле, потребность сказать хоть что-нибудь—и сказалъ фразу о необходимости спокойствія для больного».

«Никитинъ быстро приподнялся съ дивана и сталъ на ноги, шатаясь и едва держась руками за столъ. Онъ былъ страшенъ, какъ поднявшійся изъ гроба мертвецъ. «Спокойствіе!... воскликнулъ умирающій. — Теперь поздно говорить о спокой-

ствія!... Я себя убиваю?!... Нѣтъ,—вотъ мой убійца!...» Горящіе глаза его обратились къ ошеломленному и уничтоженному отцу. Умирающій опустился на диванъ, застоналъ и оборотился къ стѣнѣ, погрузившись снова въ забытье. Старикъ запилъ.

«Смерть прекратила страданія Никитина 16 октября (1861 г.) въ половинѣ пятаго часа пополудни. Съ самаго ранняго утра, неотрезвившійся старикъ не выходилъ изъ комнаты умирающаго сына. Онъ стоялъ у его смертнаго одра и взывалъ сиплымъ голосомъ: «кому отказываешь магазинъ? гдѣ ключи? подай сюда духовную!» Эти слова, не произносимыя, а выкликаемыя, повторялись на всѣ лады: Иванъ Савичъ! подай ключи... Иванъ Савичъ! гдѣ деньги и т. д. Произносились и слова, угрожающія проклятіемъ!... Умирающій судорожно вздрагивалъ и умолялъ глазами сестру отвести старика въ другую комнату. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены въ три часа пополудни. Кое-какъ я угомонилъ старика, сказавъ, что духовная у меня, что содержаніе ея онъ скоро узнаетъ, что деньги всѣ цѣлы. Я не имѣлъ духу присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго страдальца. Я былъ уничтоженъ картиною такой смерти. «Баба, баба!» еще былъ въ силахъ сказать мнѣ Никитинъ. Это были послѣднія его слова. Все было уже кончено, когда черезъ часъ я возвратился съ сестрой въ этотъ домъ смерти и ужасовъ».

Мы болѣе говоримъ о жизни и характерѣ Никитина, чѣмъ о его произведеніяхъ, потому что вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Де-Пуле, что «лучшая поэма, созданная имъ — его жизнь, лучшій типъ — онъ самъ». Не обладая большимъ поэтическимъ талантомъ, онъ не зарылъ въ землю тотъ, который имѣлъ, оставивъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, главное достоинство которыхъ—трезвость мысли, отсутствіе фальшивой сантиментальности при глубокомъ чувствѣ и опредѣленность образовъ. Міръ его произведеній не великъ, за то исчерпанъ вполнѣ сознательно и добросовѣстно. Онъ «служилъ» литературѣ, смотрѣлъ на нее какъ на великую, чистую силу, быть работникомъ, которой считалъ онъ за великое благо и утѣшеніе. «Не знаю, быть можетъ я только пономарь въ поэзіи, — да и куда въ самомъ дѣлѣ намъ въ жрецы лѣзть — говаривалъ онъ, съ своею обычною, непритворною скромностью, но и пономарь что-нибудь значитъ, когда съ толкомъ и смысломъ дѣлаетъ дѣло». Кромѣ стихотвореній, онъ оставилъ большую повѣсть «Записки семинариста», написанную прекраснымъ языкомъ и хорошо рисующую семинарскій бытъ. Въ этой повѣсти есть небольшое, но прекрасное стихотвореніе, могущее служить эпитафіей на могилѣ Никитина:

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...
Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!... О жизни покончен разсчетъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Что касается самого изданія «Сочиненій Никитина», то оно довольно неудовлетворительно. Дѣло въ томъ, что издатель ихъ, г. Михайловъ, какъ видно, человѣкъ, зараженный сантиментальнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ: ему казалось, что если Никитинъ родился въ Воронежѣ, то и стихотворенія его должны быть изданы въ Воронежѣ же. Намъ извѣстно, что нѣкоторыя лица, вполнѣ компетентныя въ издательскомъ дѣлѣ, предлагали г. Михайлову наблюдать за изданіемъ въ какой-нибудь изъ столицъ, гдѣ сочиненія Никитина можно было бы издать безъ цензуры совершенно безопасно; г. Михайловъ, которому, умирая, Никитинъ поручилъ изданіе своихъ сочиненій съ тѣмъ, чтобъ вырученныя деньги употреблены были съ благотворительною цѣлью — не на колокола только — не согласился: онъ предпочелъ издать Никитина съ пропусками, съ искаженіями, за то въ Воронежѣ: для провинцій, какъ извѣстно, не наступило еще безцензурное время. Вслѣдствіе этого явились пропуски цѣлыхъ стихотвореній, какъ напр. «Опять знакомыя видѣнья» (напечатано въ «Русской Бесѣдѣ», 1858, кн. IV, стр. 3—4) отдѣльныхъ строфъ и стиховъ, нѣсколькихъ мѣстъ въ «Запискахъ семинариста». Такимъ образомъ, г. Михайловъ оказалъ плохую услугу

Никитину, котораго онъ принесъ въ жертву своей сантиментальности и воронежскому патріотизму.

Стихотворенія Н. Пушкарева. Спб. 1689.

Вотъ поэтъ съ великими претензіями, которому, однакожъ, рецензентъ долженъ быть благодаренъ за то, что самъ онъ прямо ставитъ вопросъ о своемъ значеніи на россійскомъ Парнасѣ. Подобно Лермонтову, который говоритъ: «Нѣтъ, я не Байронъ», г. Пушкаревъ говоритъ: «Нѣтъ, я не Ювеналъ». Еще бы! «Нѣтъ, я не геній міровой» — въ этомъ также не позволительно сомнѣваться, «но съ Ювеналомъ мы дѣти матери родной» — очень близкіе родственники, значитъ:

И съ той же цѣлью благородной
Карали мы, и я, и онъ,
Я — несвободный, онъ свободный,
Онъ — Римъ, я — русскій Вавилонъ.

Чтожъ россійскій Ювеналъ замѣтилъ въ русскомъ Вавилонѣ, подъ которымъ, конечно, должно разумѣть Петербургъ; на что онъ обращаетъ «свой озлобленный ѣдкій умъ», свой «правдивый языкъ», на кого «грозно налетаетъ» онъ съ «сатирой забрызганной кровью?» (Это все самъ г. Пушкаревъ такимъ образомъ атестуетъ свои способности). Увы, при повѣркѣ этихъ достохвальныхъ качествъ на самыхъ стихотвореніяхъ, оказывается, что новаго сатирика даже шутя близкимъ родственникомъ Ювенала назвать нельзя. Предметы его сатиры: «вопіющая грязь», «мерзость», «зло», «мусоръ безумій вѣковыхъ», «развратъ», «фаты и сплетницы модныя», «красивыя барышни», «ловкіе кавалеры», танцы и коньки. Что такое разумѣетъ онъ подъ «зломъ», подъ «мусоромъ безумій вѣковыхъ» — остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Еслибъ Ювеналъ наполнялъ свои сатиры не яркими картинами нравовъ, не строгоопредѣленными образами, а словами въ родѣ тѣхъ, которыя употребляетъ г. Пушкаревъ — имя его осталось бы неизвѣстно даже его современникамъ. Что касается «красивыхъ барышень» и «франтиковъ пошло-безцвѣтныхъ», то они возбуждаютъ негодованіе сатирика преимущественно тѣмъ, что, во-первыхъ, танцуютъ, или, какъ онъ выразился, «прыгаютъ, какъ козлы», и во вторыхъ тѣмъ, что катаются наونькахъ. Онъ негодуетъ, что эти люди «изучили художество поражать насъ умомъ своихъ ногъ», что «имъ кажется, что мозгъ не въ головахъ, а гдѣ-то тамъ въ носкахъ красивыхъ». Чтожъ, можно и на это негодовать, но тогда представляется вопросъ: зачѣмъ повѣрять міру подобное негодованіе, вызывающее только сострадательную улыбку? «Ѣдкій умъ» и «забрызганная кровью сатира» г. Пушкарева посвящаютъ также не мало строкъ спеціально женщинѣ: сатирикъ поражаетъ ее за то, что она «наблюдаетъ за дойкой коровъ», «готовитъ молочные скопы», «печенья», «пріучается солить огурцы», занимается «кухней, дѣвичьей, дѣтскою и спальней». Опять предметы достойные сатиры. Чего жъ хочетъ отъ женщины г. Пушкаревъ? Онъ, по обыкновенію, и самъ не знаетъ чего, и, обращаясь къ женщинѣ, совѣтуетъ ей идти за «честныхъ принциповъ бойцами», за «новыми людьми, рыцарями сѣчъ»; но что это за честные принципы, что это за рыцари сѣчъ — неизвѣстно. Для многихъ весьма передовыхъ людей идеаломъ женщины является американка, и, однако, она занимается и кухней, и дѣтской, и спальней, и даже на счетъ коровъ и молочныхъ скоповъ великая мастерица. Пробуетъ г. Пушкаревъ спуститься въ глубь исторіи и тамъ поискать сочувственныхъ идеаловъ. «Исторія земли родной», по его словамъ, «была его любимой книгой». Однако, исторіи-то онъ и не знаетъ, къ сожалѣнію, увѣряя насъ, напр., что «царь Иванъ» употреблялъ «крушительный таранъ» и «громилъ псковскіе палисады», и «упали стѣны псковичей, недвижною грудою камней легли ихъ каменные своды». Мы совѣтуемъ г. Пушкареву прочитать превосходное, дышащее глубокимъ чувствомъ, описаніе конца псковской воли, оставленное неизвѣстнымъ лѣтописцемъ. Это одно изъ превосходныхъ, единственныхъ мѣстъ русскихъ лѣтописей. А пока сообщимъ г. Пушкареву, что Псковъ присоединенъ къ московскому государству при Василіѣ Ивановичѣ, причемъ не было употреблено «крушительнаго тарана», понадобившагося «ѣдкому уму» новаго сатирика, для рифмы къ Ивану.

Впрочемъ, мы должны сказать, что г. Пушкаревъ все-таки стихотворецъ изрядный: у него встрѣчаются игривые, легкіе стихи, такъ что, при стараніи, онъ можетъ дойти до степеней извѣстныхъ, и случится это тѣмъ скорѣе, чѣмъ поспѣшнѣе сброситъ онъ съ себя

мрачный кафтанъ сатирика, взятый имъ на прокатъ у гг. Некрасова и Барбье, и болѣе трезво и опредѣленно отнесется къ окружающей его жизни. Въ настоящее же время у г. Пушкарева столько незрѣлаго, ребячески-фальшиваго и напускного, что такъ и видишь передъ собою пятнадцатилѣтняго юношу, который старается всѣхъ увѣрить, что ему за сорокъ.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. Выпускъ первый (отъ начала раскола до царствованія императора Николая I). Э. О. профессора с.-петербургской духовной академіи *И. Нильскаго.* Спб. 1869.

Сочиненіе это представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ излагается ученіе раскольниковъ о гражданскомъ бракѣ въ томъ видѣ, какъ оно ими выработано со стороны догматической и какъ осуществлено въ жизни. Извѣстно, что расколъ въ самомъ своемъ началѣ раздѣлился на двѣ группы — поповцевъ, признававшихъ бѣглое священство и безпоповцевъ, оставшихся вовсе безъ священства. Предметъ сочиненія г. Нильскаго составляютъ собственно безпоповцы, такъ какъ у поповцевъ семейная жизнь осталась въ томъ же видѣ, какъ была до Никона. Послѣдніе, какъ скоро увидѣли, что рискуютъ остаться безъ священства и, слѣдовательно, безъ таинствъ, немедленно пошли на сдѣлку съ православною церковью, которую считали еретическою. Безпоповцы поступили послѣдовательнѣе: не желая принимать ничего отъ еретической церкви, они остались вовсе безъ священства и при тѣхъ только таинствахъ, которыя, по примѣру древней христіанской церкви, могли, вслучаѣ нужды, совершаться и лицами непосвященными, именно при таинствѣ крещенія и исповѣди. Другія таинства, исключая брака, прямо не касались соціальныхъ отношеній; но вопросъ о бракѣ немедленно выступилъ впередъ, какъ скоро перемерли священники до-никоновскаго рукоположенія. Какъ же порѣшили съ этимъ существеннымъ вопросомъ безпоповцы? Они пришли къ требованію всеобщаго дѣвства на томъ основаніи, что нѣтъ болѣе законныхъ совершителей брака, и въ первое время дѣвство дѣйствительно соблюдалось въ скитахъ такъ строго, что женщины отдѣлялись отъ мужчинъ даже во время молитвенныхъ собраній. Самыя внѣшнія обстоятельства способствовали безпоповцамъ соблюдать цѣломудріе: они ожидали второго пришествія Христа, для чего надо было хранить себя въ чистотѣ; ихъ преслѣдовали, особенно въ силу указа Софіи Алексѣевны, въ 1684 г., когда они должны были скрываться въ лѣсахъ, не имѣть пристанища и ежеминутно ждать смерти. Многія тысячи народа погибли тогда жертвою собственнаго фанатизма и преслѣдованій власти. Не желая попасть въ руки власти, раскольники сожигали себя въ овинахъ, въ избахъ, часто связываясь веревками по-двое и по-трое «въ снопы», морили себя голодомъ, топились въ водѣ, рѣзались, бросались «въ разженную въ домѣ своемъ пещь, и кто какъ можаше, для сохраненія древняго благочестія, самоубійственно вездѣ и всюду умираху». Г. Нильскій указываетъ еще на одну причину, которая должна была привести къ безбрачію людей, рѣшившихся дорого отстаивать противъ власти свои убѣжденія: на Руси всѣ общества, когда либо составлявшіяся для преслѣдованія какой либо трудной и опасной цѣли, первымъ условіемъ для своихъ членовъ поставляли безженство.

При Петрѣ раскольники отдохнули; уже въ 1702 г. онъ объявилъ, что «по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей», и обѣщалъ «крѣпко смотрѣть, чтобъ никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ». Такимъ образомъ раскольники могли существовать открыто, обязанные впослѣдствіи вносить только двойной окладъ; большинство бросило укрывательство по лѣсамъ, устроилось въ осѣдлую жизнь въ городахъ и селеніяхъ или основало скиты; только особенно фанатичные не хотѣли мириться съ преобразователемъ и за бритье бородъ, за несоблюденіе постовъ, за вѣру въ «поганыхъ нѣмцевъ» и проч., провозгласили его антихристомъ и наполняли собою застѣнки преображенскаго приказа, будучи обвинены въ оскорбленіи величества. Хотя послѣ дѣла царевича Алексѣя Петровича, Петръ причислилъ раскольничьи дѣла къ «злодѣйственнымъ», но въ существѣ, кто не возставалъ прямо про-

тивъ власти, могъ жить спокойно. Раскольничьи общины стали процвѣтать, въ скитахъ явилось изобиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ пошатнулись нравы даже въ такой знаменитой обители, какъ Выговская. Вопросъ о бракѣ снова сталъ тревожить защитниковъ дѣвства, и въ то время, какъ одни предлагали искать священства, для совершенія таинствъ, на христіанскомъ Востокѣ, другіе, путемъ размышленія и чтенія книгъ, стали проповѣдовать возможность и необходимость брака даже въ настоящихъ условіяхъ безпоповщины. Замѣчательнымъ проповѣдникомъ и писателемъ въ этомъ смыслѣ явился стародубскій крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ. Уже 19-ти лѣтъ онъ былъ готовъ на борьбу противъ «тьмы и суевѣрія, невѣжества и глупости» безпоповцевъ. Онъ не ограничился чтеніемъ и размышленіемъ, но посѣтилъ самыя значительныя безпоповскія общины: былъ въ Поморьѣ, въ Москвѣ, въ Польшѣ и сондировалъ вездѣ ту почву, на которой ему приходилось бросить сѣмена семейной жизни. Въ нѣкоторыхъ общинахъ свободное сожитіе дошло до явнаго разврата; проповѣдники безбрачія, удовлетворяя свои страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ желая показаться строгими дѣвственниками въ глазахъ общины, или умерщвляли дѣтей или по крайней мѣрѣ не признавали ихъ своими, такъ что дѣти жили въ общинѣ въ качествѣ сиротъ, безъ заботъ отца и ласкъ матери. Алексѣевъ яркими красками рисуетъ состояніе раскольническихъ общинъ, проживавшихъ въ мнимомъ дѣвствѣ, и излагаетъ новую теорію брака. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная церковь, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ церкви, что бракъ установленъ самимъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей, и такъ какъ основаніемъ его служитъ благословеніе, преподанное Богомъ Адаму и Евѣ, а чрезъ нихъ и всѣмъ ихъ потомкамъ, то для заключенія брака требуется только взаимная любовь брачущихся и согласіе ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженіе словами передъ свидѣтелями, и согласіе родителей; послѣднее необходимо для того, чтобъ выразить въ немъ законную родительскую власть надъ дѣтьми и чтобъ не допустить въ бракѣ какихъ либо злоупотребленій, напр. близкаго родства. Церковное же вѣнчаніе, по словамъ Алексѣева, никакого другого значенія не имѣетъ и имѣть не можетъ, какъ только «общенароднаго христіанскаго обычая», существовавшаго и до христіанства у разныхъ народовъ, только въ другихъ формахъ. Вѣнчающій священникъ играетъ только роль свидѣтеля; изъ самой церковной практики, изъ того, напр., что церковь принимала безъ повторенія языческіе, іудейскіе и еретическіе браки, Алексѣевъ вывелъ заключеніе, что церковное вѣнчаніе, по суду самой церкви, не существенно необходимо для брака и что бракъ и безъ него можетъ быть законенъ; но Алексѣевъ все-таки не допускалъ брака безъ вѣнчанія въ церкви такъ какъ, по его мнѣнію, бракъ обусловливался тремя согласіями: согласіемъ жениха и невѣсты, родителей и согласіемъ общенароднымъ, и это послѣднее согласіе лучше всего можетъ быть выражено священнодѣйствіемъ; но такъ какъ священнодѣйствіемъ не дается никакой благодати, такъ какъ оно есть только обычай, то естественно, что оно можетъ совершаться и въ православной, т. е. еретической церкви. Ученіе это вызвало бурю въ расколѣ: какъ на всякаго новатора, на него посыпались насмѣшки, брань, клевета, проклятія, а такъ какъ онъ былъ еще очень молодъ, то противники обзывали его «дерзкимъ мальчишкой»—всѣ эти пріемы, какъ извѣстно, употребляются не въ одной раскольничей литературѣ. Алексѣевъ отвѣчалъ своимъ противникамъ съ прежнею смѣлою логикою и между прочимъ замѣчалъ, что «не всякое и всякаго старика дѣло согласно съ волею божіею». Въ то время какъ полемика шла, ученіе Алексѣева принималось нѣкоторыми раскольниками и въ 1757 г. вокругъ него сгруппировалось уже цѣлое общество людей, которыхъ противники его называли «новоженами». Однако, новожены были поставлены въ затруднительное положеніе: вскорѣ послѣ учрежденія синода, церковная власть издала по вопросу о бракахъ раскольниковъ постановленія, по которымъ раскольники могли вѣнчаться въ церкви православной не иначе, какъ принявъ предварительно «православіе, обязавшись, присягою и сказками, что имъ впредь расколу не держать, но быть въ содержаніи правовѣрія твердымъ и съ раскольниками никакого согласія не имѣть»; этотъ указъ существовалъ въ качествѣ

дѣйствующаго закона до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда дозволено было православнымъ священникамъ вѣнчать раскольниковъ, не обязывая ихъ обращаться къ церкви православной. Такимъ образомъ, предстояло какъ-нибудь обойти дѣйствующія постановленія, и они обходились довольно легко, благодаря отчасти невѣжеству православныхъ священниковъ, которые не знали о существованіи вышеупомянутаго закона, отчасти подкупу, которымъ раскольники вообще многое для себя сдѣлали. «Бракоборцы», то-есть дѣвственники, въ своемъ гнѣвѣ на Алексѣева и новоженовъ дошли до того, что признали браки, освящавшіеся въ православныхъ церквахъ, не только блудомъ, но даже хуже блуда, и стали проповѣдывать, что лучше хотя четырехъ или пять женъ или десять, невѣнчанныя въ бракъ имѣть и съ ними блудиться, нежели едину бракомъ сопряженную». Мало этого: они отлучали новоженовъ отъ своего общества, запрещали помогать роженицамъ и проч. Все это относится къ безпоповцамъ ѳедосѣевцамъ; другіе безпоповцы, какъ напр. поморцы, относились къ брачущимся снисходительнѣе, а среди выговцевъ явились учители, которыя пошли дальше Алексѣева, то-есть стали проповѣдывать, что бракъ можетъ быть законно совершенъ и безъ священническаго вѣнчанія. Это ученіе также нашло себѣ послѣдователей, но было невзгодою для женщинъ, потому что подобные браки не признаваемые ни церковью, ни гражданскою властью, не заключали въ себѣ никакой «крѣпости» и вмѣстѣ зависѣли отъ произвола мужа, который могъ оставить свою «гражданскую» жену во всякое время вмѣстѣ съ дѣтьми на произволъ судьбы. Вслѣдствіе этого безпоповцы, жившіе въ Польшѣ, стали обращаться къ ксендзамъ и за деньги покупали у нихъ фальшивыя свидѣтельства о мнимомъ вѣнчаніи ихъ браковъ въ костелахъ.

Царствованіе Петра III и Екатерины дало раскольникамъ новыя льготы: Екатерина издала нѣсколько указовъ, которыми позволялось всѣмъ бѣжавшимъ изъ Россіи раскольникамъ возвратиться на родину, не платить шесть лѣтъ податей, избирать какой угодно образъ жизни, занимать общественныя должности и даже повелѣла-было не употреблять ни на бумагѣ, ни въ «словесномъ разговорѣ» наименованіе «раскольникъ».

Благодаря этимъ мѣрамъ, въ Москвѣ устроены были значительныя общины — поповцами «Рогожское кладбище», безпоповцами-ѳедосѣевцами—«Преображенское кладбище», и поморцами — «Покровская часовня» и проч. Такъ какъ во главѣ этихъ общинъ стали люди умные, богатые и вліятельные, то съ этого времени и рѣшеніе разныхъ вопросовъ, соціальныхъ и религіозныхъ, стало зависѣть отъ Москвы. Въ вопросѣ о бракѣ «Покровская часовня» стала на сторонѣ ученія, выработаннаго такими людьми, какъ Алексѣевъ; представитель Преображенскаго кладбища, всемогущій Ковылинъ, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ сановниками и дѣлавшій что хотѣлъ, сталъ на сторонѣ дѣвственниковъ. Ему принадлежитъ знаменитое изреченіе: «не согрѣшивши, не покаешься; не покаявшись, не спасешься. Въ раю много будетъ грѣшниковъ, только тамъ не будетъ ни одного еретика. Нынѣ брака нѣтъ, и брачущіеся въ никоніанскихъ храмахъ—прелюбодѣи, еретики». Преображенское кладбище сдѣлалось пріютомъ разврата, самъ Ковылинъ жилъ настоящимъ султаномъ съ гаремомъ: «многажды случалось братъ съ сестрою, кумъ съ кумою, многажды при молитвенныхъ домахъ, во время службы великихъ праздниковъ, не точію прихожане только, но и сами тіи служащіе ту скверводѣяніе творили». На сборищахъ поморцевъ и ѳедосѣевцевъ у Ковылина для разсужденій о бракѣ, приверженцы послѣдняго позволяли себѣ такого рода изреченія, не вызывавшія со стороны Ковылина никакого замѣчанія: «лучше нынѣ имѣть сто блудницъ, нежели брачитися»; «лучше со ста животными смѣситися, нежели законнымъ бракомъ одну жену имѣти». Поморцы должны были вести полемику съ бракоборцами чрезвычайно осторожно, такъ какъ оскорблять такого человѣка, какъ Ковылинъ, было большимъ рискомъ. Благодаря этому обстоятельству, полемика приняла довольно спокойный богословско-соціальный характеръ. Представитель Покровской часовни и ея основатель, Василій Емельяновъ явился достойнымъ продолжателемъ Алексѣева: онъ требовалъ для законнаго брака: согласіе жениха и невѣсты, родительское благословеніе, обрученіе, свидѣтелей и законныя лѣта вступающихъ въ бракъ. Что касается вѣнчанія, то оно, какъ «токмо благолѣпное украшеніе, случайно устроенное», по его мнѣнію, можетъ быть совершено и «мужами не-

рукоположенными», что̀ и подтверждалось примѣрами изъ древней церкви. Въ этомъ смыслѣ гражданскій бракъ разработывался и далѣе. Среди безпоповцевъ являлось все болѣе и болѣе приверженцевъ семейной жизни—одни заключали браки въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, очищая себя потомъ эпитиміями, другіе заключали гражданскіе союзы, принимая благословеніе въ Покровской часовнѣ. Нравы, разумѣется значительно выигрывали въ томъ и другомъ случаѣ. Чтобъ уничтожить развратъ и дѣтоубійство, допускаемое какъ принципъ, правительству, въ интересахъ котораго, конечно, было соблюденіе нравственности подданныхъ, стоило бы только издать постановленіе, признающее за гражданскими союзами безпоповцевъ всѣ имущественныя и другія послѣдствія обыкновеннаго брачнаго союза. Такое постановленіе было бы тѣмъ логичнѣе, что безпоповцы «фарисейски», такъ сказать, относились къ церковному вѣнчанію, которое не мѣшало многимъ изъ нихъ расторгать бракъ и становиться снова бракоборцами, между тѣмъ какъ, по словамъ г. Нильскаго, «у покровцевъ больше уважался бракъ и рѣже случались самовольныя расторженія брачныхъ союзовъ», то-есть такихъ, которые носили на себѣ гражданскій характеръ. Для «прочности» такого брака покровцы старались растолковать въ свою пользу мнѣніе государственнаго совѣта (1819 г.) по дѣлу поручика Шелковникова о разводѣ его съ женою его: «для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановлялось правиломъ, чтобъ никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условія жить имъ въ разлученіи, или какое-либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза». Постановленіе это было утверждено «съ таковымъ дополненіемъ, чтобъ оно распространено было на всѣ христіанскія исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ оный принимается *за гражданскій актъ*». Къ сожалѣнію, расколъ не признается отдѣльнымъ исповѣданіемъ, и то, что̀ должно бы гарантироваться закономъ, гарантировалось подкупомъ...

Нечего говорить, конечно, что нашъ авторъ смотритъ на гражданскій бракъ не только раскольниковъ, но и вообще, довольно непріязненно. По его мнѣнію, это—дѣло «ревнителей женской эманципаціи» и «гражданская жена», есть, «строго говоря», таже «любовница». Къ сожалѣнію для г. Нильскаго, гражданскій бракъ признается законодательствами просвѣщенныхъ европейскихъ странъ, и никто намъ не возьмется предсказать, что наше прогрессирующее законодательство никогда не признаѣтъ его. Лучшіе представители безпоповщины совершенно удовлетворительно разработали этотъ вопросъ съ догматической его стороны и въ этомъ отношеніи предупредили многихъ европейцевъ. Становясь на сторону бракоборцевъ въ понятіи о бракѣ, г. Нильскій беретъ сторону новоженовъ, когда дѣло идетъ о «послѣдствіяхъ», т. е. когда приходится выбирать между развратомъ и семейною жизнію, на какихъ бы началахъ она ни устроилась. Конечно, отъ мало-мальски просвѣщеннаго писателя и нельзя ожидать другого взгляда, потому что иначе пришлось бы согласиться съ циническими положеніями Ковылина; но какъ ни ничтожна эта уступка, она логически ведетъ къ необходимости законныхъ гарантій, какъ для церковнаго, такъ и для гражданскаго брака, если только мы хотимъ откровенно и честно относиться къ фактамъ и не мириться на томъ, что̀ называется фарисействомъ или благовиднымъ обманомъ самихъ себя. Признавая полноправность русскихъ подданныхъ католиковъ и протестантовъ, выказывая себя либеральными къ еврейству, мы съ какимъ-то упорствомъ продолжаемъ считать расколъ во многихъ отношеніяхъ внѣ закона: онъ у насъ считается уклоненіемъ отъ православія и заблужденіемъ; но, по понятіямъ нашихъ многихъ писателей, въ особенности духовныхъ, католичество есть также уклоненіе отъ православія, отъ греческой церкви со временъ Фотія, и, однако, русскіе подданные-католики пользуются покровительствомъ законовъ; лютеранство еще больше уклоненіе отъ православія, потому что, вышедши изъ католичества, оно, конечно, ни малѣйше не приблизилось къ православію. Г. Нильскій говоритъ, что общія начала нашего законодательства относительно раскольниковъ, до царствованія императора Николая I, по тогдашней терминологіи, выражались словами «смотрѣніе» на расколъ и всѣ его дѣй-

ствія «сквозь пальцы», безъ «явнаго вида покровительства». Кто-жъ отъ этого выигрывалъ! Въ сущности никто, потому что обѣ стороны находились другъ къ другу въ фальшивомъ положеніи, не то тайныхъ друзей, не то явныхъ враговъ, при чемъ произволъ со стороны сильныхъ всегда игралъ первенствующую роль.

Мы должны отдать справедливость г. Нильскому за ясное, живое и занимательное изложеніе избраннаго имъ предмета, при чемъ онъ старался относиться объективно къ той и другой сторонѣ, насколько, конечно, было это возможно. Сочиненіе его, вслѣдствіе того, много выигрываетъ и для массы публики, и мы желаемъ поскорѣе встрѣтить въ печати второй выпускъ.

Современныя лѣтописи раскола. Выпускъ первый. Бѣлокриницкій соборъ 1868 г. и относящіеся къ нему акты и письма. Издалъ Н. Субботинъ. Москва, 1869.

Поповщина — синонимъ буквоѣдства и застоя—какъ остановилась она на имени *Ісусъ*, на восьмиконечномъ крестѣ, на сугубомъ аллилуіѣ и проч., такъ и застыла на нихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ застой поколебало такъназываемое «Окружное посланіе», которое старались изъять изъ поповщинскаго толка очевидныя нелѣпости, бывшія предметомъ жаркихъ споровъ въ теченіи двухъсотъ лѣтъ. Въ немъ излагалось, что грекороссійская церковь вѣруетъ въ того же единаго Бога, какъ и поповщина, что хотя правильнѣе писать имя Христа *Ісусъ*, но оно писалось также и до Никона *Іисусъ* и что не слѣдуетъ Іисуса хулить и именовать «инымъ Богомъ и антихристомъ»; что не слѣдуетъ также хулить и четырехконечный крестъ, и вообще всякое крестохуленіе и кресторугательство отвергается и уничтожается, и проч. Это «Окружное посланіе» сдѣлалось предметомъ раздора въ поповщинѣ: одни, болѣе благоразумные, приняли его, какъ основанное на словахъ св. писанія, другіе, болѣе невѣжественные и фанатичные отвергли его и признали, что «христіанамъ читать оное и слушать не подобаетъ». Раздоръ этотъ, грозящій раздѣлить поповщину на два лагеря — окружниковъ и противоокружниковъ, старались утушить на нѣсколькихъ соборахъ въ Москвѣ и на соборѣ въ Бѣлой-Криницѣ въ 1868 г., куда сбирались депутаты отъ всего старообрядчества. Говоря откровенно, соборы эти представляютъ скорѣй интересъ юмористическій, чѣмъ всякій другой. Противоокружники, напр., провозглашаютъ, что церковь великороссійская подъ именемъ Іисуса вѣруетъ въ сына сатаны и сей Іисусъ есть не единосущный Отцу, но инъ Богъ, антихристъ; другіе видоизмѣняютъ это мнѣніе такимъ образомъ, что *Іисусъ*, въ котораго вѣруетъ всероссійская церковь, родился восемь лѣтъ спустя послѣ *Ісуса*, Христа Спасителя, и матерь его была освящена къ его зачатію также нашествіемъ св. Духа чрезъ слово архангела Гавріила, но этотъ Іисусъ былъ противникъ Христовъ, антихристъ, и былъ распятъ на крестѣ двусоставномъ, который поэтому и почитается грекороссійскою церковью. Невѣжественные безпоповцы утверждаютъ, что на всѣхъ языкахъ надо писать и говорить Ісусъ, ибо это имя было дано Христу при его рожденіи, именно на русско-славянскомъ языкѣ. Бѣлокриницкій соборъ привелъ только къ шуму и крикамъ и потомъ къ ожесточенной письменной полемикѣ. Очевидецъ соборныхъ дѣяній разсказываетъ: «Одни кричатъ: *Іисуса* приняли! другіе кричатъ: одного Бога съ великороссійскою церковью имѣютъ. А Ѳома Меркуловъ, стоявшій въ сторонѣ, видитъ, что одинъ боташанскій раздорникъ стоитъ молча—толкнулъ его, да и говоритъ: чего ты молчишь? поди въ кучу, кричи что-нибудь! Бывшіе по близости покатились со смѣху».

Г. Субботинъ, извѣстный очень хорошею монографіей о Никонѣ и многими статьями о современномъ движеніи въ расколѣ, предпринялъ изданіе отдѣльныхъ статей о происходящихъ въ расколѣ событіяхъ, и, въ видѣ приложенія къ нимъ, печатаетъ самые матеріалы, по которымъ онѣ составлены. «Собраніе такого рода статей и особенно старообрядческихъ документовъ, не многимъ доступныхъ, говоритъ онъ, можетъ имѣть интересъ не только для современныхъ писателей, но по всей вѣроятности будетъ не безслѣдно, именно какъ лѣтопись, и для будущаго историка той замѣчательной эпохи, какую переживаетъ теперь расколъ». Всякій раздѣлитъ это мнѣніе почтеннаго издателя.

Джонъ Стюартъ Милль. Утилитаріанизмъ. О свободѣ. Переводъ съ англійскаго *А. Н. Невѣдомскаго.* Спб. 1866 — 1869.

Въ одномъ мѣстѣ своего изслѣдованія о свободѣ, Милль говоритъ: «какъ скоро люди

достигаютъ такого состоянія, что становятся способны развиваться черезъ свободу — а такого состоянія давно уже достигли всѣ народы, которыхъ можетъ касаться наше изслѣдованіе» и т. д. Разумѣлъ ли великій англійскій мыслитель при этомъ и насъ — мы не знаемъ, но вотъ чтò мы должны замѣтить: русскій переводъ двухъ его изслѣдованій, объ утилитаризмѣ и о свободѣ, былъ напечатанъ въ 1866 году и не дозволенъ къ выпуску Можемъ ли мы, на этомъ основаніи, утверждать, что въ 1866 г. мы не принадлежали еще къ народамъ, которые способны развиваться черезъ свободу? Во всякомъ случаѣ, два года тому назадъ насъ еще считали неспособными и ждали того момента, когда мы сдѣлаемся способны. Прошло немного болѣе двухъ лѣтъ, и сочиненіе Милля, съ нѣкоторыми пропусками, освобождается изъ-подъ ареста и дѣлается достояніемъ читающей русской публики Можемъ ли мы заключить изъ этого, что въ теченіи двухъ лѣтъ мы, наконецъ, достигли той степени цивилизаціи, при которой получили способность развиваться черезъ свободу? Надо полагать, что можемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы можемъ поздравить себя, что ростемъ такъ чрезвычайно быстро.

Милль считаетъ себя первымъ, который ввелъ въ употребленіе слово «утилитаріанизмъ» или «утилитаризмъ». Въ понятіи массы читателей это слово легко мѣшается съ матеріализмомъ, такъ какъ масса болѣе склонна судить поверхностно, чѣмъ углубляться въ предметъ. Чтó это въ самомъ дѣлѣ за ученіе, которое признаетъ мѣриломъ добра и зла—пользу? Не есть ли это самый грубый эгоизмъ, приводящій всѣ требованія жизни къ удовлетворенію того, чтó человѣкъ можетъ считать пользой. Все дѣло, однако, заключается въ томъ, чтó должно разумѣть подъ именемъ пользы? Утилитаристы считаютъ свое ученіе теоріей счастья. Все, чтó человѣкъ желаетъ, желательно ему потому, что или желаемое само заключаетъ въ себѣ конечную цѣль, или служитъ средствомъ для достиженія конечной цѣли, а эта конечная цѣль есть существованіе, наивозможно богатое наслажденіями, какъ количественно, такъ и качественно. Цѣль эта кладется утилитаризмомъ какъ основный принципъ нравственности, которая можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: такія правила для руководства человѣку въ его поступкахъ, чрезъ соблюденіе которыхъ доставляется всему человѣчеству существованіе наивозможно свободное отъ страданій и наивозможно богатое наслажденіями, — и притомъ не только человѣчеству, но, насколько это допускаетъ природа вещей, и всякой твари, которая только имѣетъ чувство. Истинный духъ утилитарной доктрины заключается въ ученіи Іисуса Христа: дѣлай другому, что желаешь, чтобы тебѣ самому дѣлали; люби ближняго, какъ самого себя. «Какъ средство приблизиться сколько возможно къ этому идеалу, говоритъ Милль, — утилитаріанскій принципъ требуетъ во-первыхъ, чтобъ въ обществѣ существовали такіе законы и такія учрежденія, которыя бы приводили въ наивозможно большую гармонію индивидуальное счастіе, или, какъ это обыкновенно говорится, индивидуальные интересы, съ общими интересами для всѣхъ, — и во-вторыхъ, чтобы воспитаніе и общественное мнѣніе, которыя имѣютъ столь громадное вліяніе на образованіе человѣческихъ характеровъ, напечатлѣвали въ умѣ каждаго индивидуума, что его точное счастіе неразрывно связано со счастіемъ всѣхъ, и возможно для него только при томъ условіи, если онъ въ своихъ поступкахъ будетъ руководствоваться такими правилами, которыя имѣютъ цѣлью достиженія общаго счастія. Однимъ словомъ, утилитаріанскій принципъ требуетъ, чтобъ каждый индивидуумъ былъ доведенъ до сознанія, что его собственное счастье для него невозможно, если его поступки будутъ противорѣчить общему счастію, — онъ требуетъ, чтобъ стремленіе къ общему счастію сдѣлалось обычнымъ мотивомъ поступковъ каждаго индивидуума, и чтобъ этотъ мотивъ имѣлъ широкое и преобладающее значеніе въ человѣческой жизни».

Издатель поступилъ совершенно раціонально, соединивъ въ одной книгѣ два, отдѣльно изданныя въ Англіи сочиненія Милля: они имѣютъ между собою глубокую внутреннюю связь. Если принципъ утилитаризма требуетъ общаго счастія, то счастіе достижимо наивозможно широкимъ развитіемъ человѣчества, а это развитіе немыслимо безъ свободы. Являясь горячимъ противникомъ тираніи, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, въ видѣ ли одного деспота, въ видѣ ли тираніи самодержавія

народа и общественнаго мнѣнія, Милль строитъ принципъ свободы на основаніяхъ самыхъ широкихъ. «Не свободно то общество, говоритъ онъ, какая бы ни была его форма правленія, въ которомъ индивидуумъ не имѣетъ свободы мысли и слова, свободы жить, какъ хочетъ, свободы ассоціаціи,—и только то общество свободно, въ которомъ всѣ эти виды индивидуальной свободы существуютъ абсолютно и безразлично одинаково для всѣхъ его членовъ. Только такая свобода и заслуживаетъ названія свободы, когда мы можемъ совершенно свободно стремиться къ достиженію того, что считаемъ для себя благомъ, и стремиться тѣми путями, какіе признаемъ за лучшіе, — съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобъ наши дѣйствія не лишали другихъ людей ихъ блага, или не препятствовали бы другимъ людямъ въ ихъ стремленіяхъ къ его достиженію.... Предоставляя каждому жить такъ, какъ онъ признаетъ за лучшее, человѣчество вообще гораздо болѣе выигрываетъ, чѣмъ принуждая каждаго жить такъ, какъ признаютъ за лучшее другіе». Онъ требуетъ безусловной свободы мнѣній, свободы совѣсти, свободы сходокъ и проч. «Я отрицаю, говоритъ онъ, чтобы самъ народъ имѣлъ право какимъ бы то ни было образомъ стѣснять свободу выраженія мнѣній, чрезъ посредство ли правительства, или какъ нибудь иначе; я утверждаю, что такого права вовсе не существуетъ, — что его одинаково не имѣютъ никакія правительства, ни самыя лучшія, ни самыя худшія, какія бы то ни было. Когда это мнимое право примѣняется на дѣлѣ вслѣдствіе требованія общественнаго мнѣнія, то это не только не менѣе вредно, но даже еще болѣе вредно, чѣмъ когда оно примѣняется вопреки общественному мнѣнію. Если бы весь родъ человѣческій за исключеніемъ только одного индивидуума былъ извѣстнаго мнѣнія, а этотъ индивидуумъ былъ мнѣнія противнаго, то и тогда все человѣчество имѣло бы не болѣе права заставить молчать этого индивидуума, чѣмъ какое бы имѣлъ и самъ индивидуумъ заставить молчать все человѣчество, еслибъ имѣлъ на то возможность... Особенное качество дѣйствій, нарушающихъ свободу слова, состоитъ въ томъ, что они во всякомъ случаѣ составляютъ воровство по отношенію ко всему человѣчеству, какъ къ будущимъ, такъ и къ настоящимъ поколѣніямъ, какъ по отношенію къ тѣмъ, кто усвоилъ бы себѣ преслѣдуемое мнѣніе, такъ и по отношенію къ тѣмъ, кто бы его отвергъ. Если мнѣніе правильно, то запрещать выражать его значитъ запрещать людямъ знать истину и препятствовать имъ выдти изъ заблужденія; если же мнѣніе неправильно, то препятствовать свободному его выраженію значитъ препятствовать достиженію людьми не меньшаго блага, чѣмъ въ первомъ случаѣ, а именно: болѣе яснаго уразумѣнія истины и болѣе глубокаго въ ней убѣжденія, какъ это обыкновенно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ всякое столкновеніе истины съ заблужденіемъ».

Развивъ съ обычной своей логикой всѣ эти намѣренія въ теоріи, Милль посвящаетъ послѣднюю главу своего сочиненія примѣненіямъ теоріи къ практикѣ, преслѣдуя и тутъ полную индивидуальную свободу, насколько она не мѣшаетъ свободѣ другихъ. Говоря о правительственномъ вмѣшательствѣ, Милль не допускаетъ его даже и въ такія дѣла, которыя правительственные чиновники могутъ сдѣлать успѣшнѣе, чѣмъ частныя лица, не допускаетъ потому, что предоставленіе такихъ дѣлъ частной дѣятельности служитъ могущественнымъ средствомъ къ умственному воспитанію индивидуума, къ упражненію ихъ способности сужденія, и ближайшему знакомству ихъ съ предметами, которые ихъ касаются. Это выводитъ личность изъ узкаго круга его семейныхъ и эгоистическихъ стремленій и вводитъ въ сферу общихъ интересовъ, направляетъ его дѣятельность къ такимъ цѣлямъ, которыя соединяютъ, а не разъединяютъ людей. Правительственная дѣятельность всегда и во всемъ и повсюду имѣетъ наклонность къ однообразію, — дѣятельность индивидуальная посредствомъ свободныхъ ассоціацій всегда отличается наклонностію къ безконечному разнообразію. Все, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи государство полезнаго — это быть, такъ сказать, центральнымъ складочнымъ мѣстомъ, откуда бы всѣ могли почерпать то, что уже извѣдано опытомъ другихъ людей. Обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобъ не только не препятствовать своимъ гражданамъ производить новые опыты, но и заботиться о томъ; чтобы каждый, желающій произвести новый опытъ, могъ воспользоваться всѣми по этому предмету опытами другихъ

людей. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, правительства склонны развивать свое вмѣшательство, доводить его до крайнихъ предѣловъ, причемъ увеличивается число людей, возлагающихъ на правительство свои надежды и опасенія, теряющихъ личную энергію, а дѣятельные, честолюбивые члены общества обращаются въ простыхъ слугъ правительства; отсюда рождается бюрократія и начинаетъ опекать общество, которое становится неспособнымъ, по недостатку практическаго опыта, обсуждать или сдерживать бюрократическую дѣятельность; мало этого: сами правители подпадаютъ подъ опеку бюрократіи: «Конечно, замѣчаетъ Милль, правитель можетъ сослать въ ссылку любого изъ членовъ бюрократіи, но онъ не можетъ управлять безъ нея и противно ея интересамъ;» даже и въ такомъ случаѣ, когда правитель воодушевленъ реформаторскими замыслами, бюрократія можетъ поставить ему серьезныя препоны однимъ своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу. «Политическая организація бюрократическихъ странъ представляетъ намъ сосредоточеніе всего опыта, всей практической способности народа въ одну дисциплинированную корпорацію для управленія остальною его частью,—и чѣмъ совершеннѣе эта организація, чѣмъ болѣе привлекаетъ она къ себѣ способныхъ людей изъ всѣхъ слоевъ общества, тѣмъ успѣшнѣе воспитываетъ она людей для своихъ цѣлей, тѣмъ полнѣе общее порабощеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и порабощеніе ею самихъ членовъ бюрократіи. Въ такихъ странахъ правители настолько же рабы бюрократической организаціи и дисциплины, насколько управляемые — рабы правителей».

Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ, идеи о свободѣ у Милля даютъ возможность каждому усвоить себѣ здравый, широкій взглядъ на задачи общественной и политической жизни, при руководствѣ которыми и можетъ быть только плодотворна дѣятельность, имѣющая въ виду общіе интересы. Переводъ книги весьма удовлетворительный; пропусковъ противъ оригинала довольно много, но читатель можетъ судить по приведенному нами, что въ переводѣ осталось еще много поучительнаго.

Движеніе законодательства въ Россіи. Отдѣлы I, II, III и IV. *Д. с. с. Григорій Бланкъ.* Спб. 1869.

Представьте себѣ, что вы созерцаете величественный готическій соборъ, гдѣ все поражаетъ васъ гармоніей и стройностью и гдѣ стрѣльчатыя башни уносятся въ облака; представьте себѣ также, что рядомъ съ этимъ созданіемъ геніальнаго ума вы видите груду необтесанныхъ камней, изъ которыхъ первобытный человѣкъ строитъ себѣ логовище. Представивъ себѣ это, вы наглядно поймете разницу, какъ въ задачахъ, такъ и въ исполненіи, между сочиненіемъ Милля и россійскаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорія Бланка. Кто слѣдилъ за нашею журналистикою настоящаго царствованія, тому извѣстно имя д. с. с. Григорія Бланка, его идеалы и понятія. Онъ принадлежитъ къ той русской оппозиціи консерваторовъ, за которой слѣдовало бы усвоить наименованіе «пугачевщины», производя это слово не отъ Пугачева, а отъ глагола «пугать». Какъ только правительство вступило на путь реформъ, они подняли свои робкіе голоса, зашептали и запѣли фистулой, прячась мгновенно, какъ улитки въ раковину, когда «по справкамъ» оказывалось, что «лучше помолчать»; когда эпоха молчанія проходила, они снова шептали и ворчали, и метали они слова угрозы, которыя мѣшались со словами самой.... преданной лести, пророчили они бѣдствія, предостерегали, униженно предостерегали, рабски предостерегали, и опять уходили въ свою раковину. Лесть и угроза тому же самому предмету, казалось бы, понятія несовмѣстимыя, но это-то и служитъ отличительнымъ признакомъ консервативной «пугачевщины», что она обыкновенно начинаетъ съ самыхъ льстивыхъ заявленій своей преданности, въ которой, однако, никто не нуждается, и между строками старается дать замѣтить о своей независимости и даже о своей оппозиціи, которой никто не страшится. Она, эта пугачевщина, обыкновенно говоритъ о своей «пламенной» любви къ отечеству и приглашаетъ правительство соединиться съ нею тѣснѣе и тѣснѣе, ибо она состоитъ изъ «истинныхъ, неподкупныхъ сыновъ отечества, которые помнятъ данную отечеству и монарху присягу, повелѣвающую вѣрноподданнымъ предупреждать и всѣми силами искоренять зло,

не щадя живота своего». Все это говорится для красоты слога, отличающагося дубоватостью, галлицизмами и германизмами, все и въ особенности то, что касается «живота», ибо все дѣло именно въ этомъ животѣ и заключается, который пугачевщина бережетъ больше всего Она желаетъ себѣ устроить мягкое логовище, откуда бы безопасно можно рычать на всѣхъ прохожихъ и даже заставлять ихъ снимать передъ собою шапки, низко кланяться и признавать ея авторитетъ. Все, что мѣшаетъ ей, она старается заподозрить въ самыхъ дурныхъ замыслахъ: у нея, этой отживающей, жующей всякую жвачку, соціализма, прудуновизма и проч., пугачевщины, нѣтъ ни доблести, ни силы для того, чтобы самой что-нибудь сдѣлать для себя собственными силами, и она умоляетъ, кланяется, проситъ, чтобы ее оградили и наградили, если не желаютъ лишиться «истинныхъ, неподкупныхъ сыновъ отечества». Слѣдуетъ ли ограждать и награждать тѣхъ, которые стараются устроить благополучіе своей кучки на счетъ бѣдствій милліоновъ, и которые даже благотворительность заподозрѣваютъ въ революціонной пропагандѣ? Мы прошли бы даже молчаніемъ это новое твореніе г. Бланка, если бы онъ не заманивалъ заглавіемъ читателей. Впрочемъ, имя автора предупреждаетъ опытныхъ, что все, что ни пишется людьми подобнаго настроенія, все это пишется вовсе не для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ говорить объ избранномъ ими предметѣ: имъ хочется имѣть лишній случай сказать свое любимое caeterum censeo и т. д.

А. С-нъ.

М. Стасюлевичъ.

ӡіе при изученіи исторіи русской словесности. *К. Тимоѳеева*. Спб. 1869.

Пособіе», какъ то принято, кажется, въ нынѣ ствующей программѣ преподаванія, ограничи- я отрывочными фактическими свѣдѣніями о ніяхъ и литературныхъ произведеніяхъ, безъ аго объясненія разницы между различными одами русской исторіи и народнаго развитія. исторической связи авторъ заботится такъ , что о «второмъ» періодѣ (съ татарскаго ествія до Петра) онъ нашелся сказать только странички. Сказавши по нѣскольку словъ о писи Нестора, завѣщаніи Владиміра Моно- а, Словѣ о Полку Игоревѣ, народныхъ сказ- ъ и пѣсняхъ, авторъ, послѣ этихъ двухъ стра- екъ о второмъ періодѣ, переходитъ прямо къ оносову, Державину, фонъ-Визину, Дмитріеву . п., такъ что юный читатель совершенно въ тояніи будетъ заключать, что Несторъ былъ ойже писатель, какъ Державинъ, а авторъ Сло- о Полку Игоревѣ, какъ Дмитріевъ, съ тѣмъ ько различіемъ, что у одного было больше или ьше «стихотворнаго таланта» и «церковно- вянскихъ» оборотовъ, чѣмъ у другого, и т. п. рактеристики новыхъ писателей, составленныя этомъ «Пособіи» по извѣстному рецепту восхва- тельныхъ и порицательныхъ эпитетовъ, не осо- нно мѣтки и изобразительны, а нерѣдко при- маютъ довольно странные обороты, наприм. Штольцъ и Ольга (въ романѣ Гончарова)—нор- альные люди: по образцу ихъ можно смѣло сла- ть свою жизнь. Въ стихотвореніи *Маша* (Нек- асова) высказана весьма поучительная мысль (!) томъ, какъ часто страсть къ нарядамъ и мо- овство женщинъ доводитъ ихъ мужей до преж- евременной смерти отъ чрезмѣрныхъ трудовъ ля добытія денегъ на прихоти жены», и т. п. Если судить по учебнику г. Тимоѳеева о по- женіи самаго преподаванія исторіи русской ловесности, которому учебникъ хочетъ служить, то положеніе, вѣроятно, очень незавидно.

Современные французскіе писатели. Выпускъ второй. Спб. 1869.

Въ новомъ выпускѣ издатель продолжаетъ пре- слѣдовать прежнюю цѣль, а именно знакомить рус- скую публику съ тѣми современными писателями Франціи, которые, борясь съ общественными не- достатками и пороками, ярко рисуютъ ихъ кар- тину предъ глазами современниковъ, вызывая въ нихъ чувство неудовольствія къ дурнымъ нача- ламъ общественной и политической жизни. Въ ны- нѣшнемъ выпускѣ, въ такомъ же добросовѣстномъ и талантливомъ переворѣ, какъ и прежде, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, имя Мориса Жоли, ав- тора столь извѣстныхъ «Разговоровъ въ аду Мак- кіавеля съ Монтескье». Помѣщенная статья изъ Пессара имѣетъ близкое отношеніе къ тому, что такъ недавно волновало Францію: въ ней мы на- ходимъ живое изображеніе провинціальной фран- цузской бюрократіи и правительственныхъ мане- вровъ при выборѣ оффиціальныхъ кандидатовъ. Вообще, русскій сборникъ, въ формѣ пріятнаго и разнообразнаго чтенія даетъ намъ наглядное по- нятіе о вопросахъ внутренней жизни, волнующихъ современную Францію.

Учебникъ всеобщей исторіи, въ трехъ концентрическихъ курсахъ. Сост. *Н. Овсянниковъ*. Курсъ первый. Второе изданіе. Спб 1869.

Мы имѣли уже случай познакомить нашихъ читателей съ достоинствами новой системы этого учебника, еще при первомъ его изданіи. Авторъ выводитъ свою систему изъ правильнаго убѣжде- нія, что въ преподаваніи приходится имѣть дѣло не столько съ наукой, сколько съ ученикомъ, а по- тому раздѣленіе курсовъ исторіи должно быть при- способлено къ различію возраста учащихся. Онъ дѣлитъ преподаваніе исторіи не по періодамъ, а по кругамъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ всѣ періоды, но каждый долженъ имѣть свой объемъ и свою форму, сообразно возрасту обучаю- щагося. Въ новомъ изданіи авторъ принялъ въ со- ображеніе сдѣланныя ему замѣчанія и значительно исправилъ свой трудъ, заслуживающій во всякомъ случаѣ вниманія нашихъ педагоговъ.

Сводъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената и разъясненныя ими законоположенія. Изд. Я. И. Утина. Часть I, 816 стр. Часть II, 236 стр. Цѣна за двѣ части 2 р. 75 к.

Лучшимъ доказательствомъ того, что этотъ сборникъ дѣйствительно отвѣчаетъ потребностямъ нашего судебнаго міра, служитъ выходъ ея *вторымъ изданіемъ* въ такое непродолжительное вре- мя. Менѣе чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ все первое изданіе было распродано. Новое дополнено какъ тѣми кассаціонными рѣшеніями 1867 года, кото- рыя не вошли въ первое изданіе, такъ и въ осо- бенности рѣшеніями 1868 года. Издатель не безъ основанія полагаетъ, что его «Сводъ» можетъ вполнѣ замѣнить тѣ оффиціальные сборники рѣ- шеній сената за 1866 и 1867 года, которыхъ уже нѣтъ въ продажѣ. Мы увѣрены, что «Сводъ» этотъ, не смотря на нѣкоторые недостатки, со- знаваемые самимъ издателемъ въ предисловіи ко второму изданію — недостатки почти неизбѣжные въ подобномъ трудѣ — останется еще на долго настольною книгою нашихъ юристовъ-практиковъ именно потому, что гораздо удобнѣе и скорѣе отыскать какое нибудь рѣшеніе сената подъ со- отвѣтствующею статьею судебнаго устава, чѣмъ рыться въ массѣ однородныхъ рѣшеній оффиці- альныхъ сборниковъ за нѣсколько лѣтъ.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ
НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ."

1. Подписка принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — 14 руб.; — 2) *съ ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ,* и *въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москву, по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.,* желающіе получить журналъ съ доставкою, ращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Реда ціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письмен а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получа безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выда

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ,* для полученія журнала на домъ, обращают съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей желаю щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ,* исключительно въ Реда цію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчеств фамиліи и *того почтоваго мѣста,* съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то в въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать жур налъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично,* или чрез своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ

Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, как и иногородные; 2) *лично,* или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жалобу прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно снеситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца въ порядкѣ трактовъ.

8. Городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ; иностраннымъ — въ бандероляхъ.

9. Перемѣна адреса сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адреса необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.

☞ Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи его Почтамту. ☜